

The image features two crossed swords with silver blades and dark, textured hilts. The swords are set against a background of aged, yellowish parchment with a prominent vertical crack down the center. The text is overlaid on this scene.

Сергей Дрыков

**Нейтрально
враждебный**

**Конец вторая
враг врагов**

Мечты Стасика о простом попаданческом счастье пошли прахом. Весь мир ополчился на него. И для королевства добра и для империи зла он отныне враг номер один. Вдобавок что-то темное и страшное идет по его душе, и оно все ближе с каждой минутой. Бежать некуда. Остается одно — дать бой правильному миру и отстоять свое право на жизнь.

Пролог 1

Был ясный полдень, когда Элария, верховная волшебница Ангдэзии, вошла в широкие двери королевского дворца. Здесь, в резиденции правителя, как и во всей столице, не ощущалось и намека на ведущуюся испокон веков войну с темной империей. К этой войне давно привыкли. Притом настолько, что почти перестали обращать на нее внимание. Безразличие усугублялось еще и тем, что война велась где-то далеко от столицы, на восточных рубежах королевства. Мелкие стычки и крупные битвы происходили на нейтральной полосе, что протянулась от моря до моря через весь континент, разделив его надвое. Там, далеко на востоке, лилась кровь, ломались мечи, земная твердь и небесная ширь сотрясались от боевых заклинаний. Но эхо этих грозных событий едва докатывалось до столицы. А с учетом того, что уже долгое время основными поставщиками военной силы стали иные миры, откуда пачками выдергивались новобранцы, столичные жители вспоминали о войне в последнюю очередь, предпочитая волноваться о текущих ценах на зерно и о качестве пива в городских тавернах. Ну а если разговор каким-то чудом и касался войны, то всегда вскользь и не всерьез. Никто не рассматривал возможность скорой победы или поражения, все воспринимали вялотекущий конфликт как нечто обыденное, что было прежде и будет всегда. Как некую часть данности, которая просто есть, словно небо над головой или земля под ногами.

Император Дакрос Безжалостный, владыка темной империи Кранг-дан, давно сделался объектом шуточек и анекдотов. Он не просто не внушал столичным бездельникам положенного ужаса, его и всерьез-то не воспринимали. Дакрос восседал на своем черном троне где-то там, далеко на востоке, и никак не влиял ни на политику ценообразования, ни на качество спиртного. Он давно превратился в детскую страшилку, хотя и дети больше зевали, слушая рассказы о нем, чем действительно пугались при упоминании имени темного властелина.

Даже доходящие с пограничья тревожные новости не могли пошатнуть этого безразличия. В столице плевать хотели на то, что злодейские войска разорили тот или иной приграничный город, сожгли пару-тройку деревень, предварительно вырезав население оных под корень, или угнали пленных в рабство. Все эти ужасы словно бы происходило в другом мире, недостижимо далеко от столицы. Война с темной империей велась давно, и будет вестись еще долго — так полагали люди. Она не закончится ни сегодня, ни завтра, ни вообще при их жизни. А поскольку войска империи не проникали вглубь королевства, волноваться было не о чем. Живи себе спокойно, будто ничего не происходит. Пусть себе призванные извне герои дерутся на нейтральной полосе и поливают ее сухую мертвую почву своей молодой кровью. Это происходило где-то далеко и слабо касалось реалий жизни столичных граждан.

Та же легкомысленная беззаботность царил и в королевской резиденции. Если не считать дежурной стражи — закованных в сверкающие парадные латы воинов, застывших

тут и там безмолвными и неподвижными статуями, ничто не напоминало о войне. Придворные господа и дамы празднично разгуливали в пышных дорогих нарядах, убивая время предсказыванием сплетен пикантного характера. Все эти графы и маркизы твердо знали, что никого из них не пошлют на передовую, в самое пекло войны. Ни им, ни их детям нечего было опасаться того, что они внезапно окажутся на поле боя, перед несметным воинством черной империи. Им не грозило ощутить своими кишками остроту вражеских пик и мечей. У этих людей все было очень хорошо. Так же хорошо все будет у их детей, и у внуков. Кто-то, конечно, умирал на нейтральной полосе, но только не они. Там гибли пришельцы из иных миров, соблазненные щедрой наградой и обещанием славы. Но лишь немногие из них обрели и то и другое. Большая же часть так называемых добровольцев находила в чужом мире лишь свою гибель. Гибель, зачастую, бесславную и безвестную — в их честь не воздвигались монументы, их именами не нарекались улицы и площади, а барды не воспевали их подвиги в тавернах. Случались редкие исключения, но в основной своей массе призванные герои были обычным расходным материалом, и получали соответствующее отношение. Если кто и помнил о них погибших, так это боевые товарищи. Да и те постепенно забывали павших соратников — новые смерти вымарывали из памяти старые.

Благородные дамы и господа провожали Эларию взглядами, полными жадного любопытства, словно выискивая тему для грядущих сплетен. Верховная волшебница даже не удостоила их приветствия. Потому что в отличие от них, она отнюдь не была уверена в безопасности столицы и бесконечном характере текущей войны. В самое ближайшее время ситуация могла измениться. Возникла новая сила, которой не было прежде. И сила эта явно не собиралась играть по правилам, подключившись к затянувшемуся на века вялому военному противостоянию. Эта новая грозная сила хотела всего и сразу. Элария мало знала о ней, но того, что поведали ей Лаура и Ильнур — верховная волшебница и верховный паладин приграничного Форинга, внушало нешуточную тревогу. Пока королевство добра и империя зла бодались в своем перманентном конфликте, на нейтральной полосе, среди выжженной войной земли и жутких монстров, выросло новое зло. И у этого зла было имя. Странное, обескураживающее, и, в то же время, внушающее смутную тревогу. Имя его было — Свиностаc.

Немного удалось узнать Эларии об этом таинственном Свиностаcе. Ей пришлось довольствоваться скудной информацией из чужих уст. А Ильнур и Лаура и сами ни в чем не были уверены до конца. Они сообщили верховной волшебнице Ангдэзии, что Свиностаc явился из иного мира. Он был призван в числе прочих добровольцев, которыми королевство издавна пополняло ряды своей армии. И поначалу Свиностаc никак не проявлял своей инфернальной сути. Из всех сил он пытался казаться тихим, мирным и беспомощным юнцом, и его спектакль удался на славу. Каким-то образом он даже сумел обмануть распределяющий куб, который не выявил в Свиностаcе никаких выдающихся или хотя бы средненьких способностей. Что, конечно же, было неправдой, ибо ни Ильнур, ни Лаура не сомневались в том, что этот Свиностаc как минимум черный маг. Так же он неплохо владел мечом, раз сумел победить в бою молодого, но талантливого, паладина Николая, который бросил вызов этому исчадию зла и едва не поплатился жизнью за свой отважный поступок.

Но Свиностаc недолго скрывал свою истинную черную суть. Не успев пробыть в этом мире и двух месяцев, он уже наладил дружеский контакт с широко известным злодеем и душегубом лордом Мортусом, одним из самых кровожадных слуг Дакроса Безжалостного. Вместе эта парочка висельников разработала и осуществила жестокий и коварный план.

Происками Свиноста и его черной магии стены Форинга рухнули, и в город ворвались головорезы Мортуса. Немало добрых людей рассталось с жизнями в тот черный день. Город был разорен и разграблен, и лишь немногим его защитникам удалось спастись.

Но это злодеяние стало для Свиноста всего лишь разминкой. Он не собирался пополнять число рабов Дакроса Безжалостного. Кошмарный пришелец из иного мира сам возжелал стать темным властелином и обрести великое могущество, способное даровать ему возможность творить черные дела повсюду, где захочется. И он бодро принялся за осуществление этого жуткого замысла.

Способ, которым Свиноста решил добиться своей зловещей цели, потряс своей дерзостью и жутью даже Эларию, а уж она-то привыкла ждать от темных сил всего, чего угодно. Но Свиноста сумел удивить верховную волшебницу. Каким-то образом узнав о том, что в старой крепости, стоящей посреди нейтральной полосы, в вечном заточении томится случайно призванный в этот мир огненный демон, он пожелал освободить его и подчинить себе. Коварными уловками он заманил в крепость героев добра и воинов зла, и стравил их между собой, вынудив тех пустить в ход боевую магию. Чары, сдерживающие монстра взаперти, не выдержали, и рухнули. И древний ужас, века томящийся во мраке, обрел свободу.

Несколько из тех, кто отбыл из Форинга в старую крепость, удалось вернуться обратно. Их рассказы ужасали. Демон явился в самый разгар битвы, и обрушил на них свой дьявольский гнев. Его не брали ни клинки, ни чары, и ничто не могло спасти от его первобытной ярости. Могущественные паладины и бесстрашные черные рыцари бездыханными падали к его ногам, не в силах оказать никакого сопротивления. Демон призвал пламень из земных недр, и люди горели в нем заживо, превращаясь в обугленные головешки. А за всем этим огненным безумием стоял ужасный Свиноста, подчинивший демона своей извращенной воле. Он убил многих в ту роковую ночь, а остальным пришлось спасаться бегством. Но было ясно, что это только начало. Элария не сомневалась в том, что Свиноста не собирается спокойно сидеть в своей крепости. Его планы имели страшный и глобальный характер. Как всякий темный властелин, он жаждал поработить весь мир, подчинить себе каждый его уголок, поставить на колени каждое живое существо. А тех, кто откажется покориться ему, он просто уничтожит. При этом Эларию несколько не успокаивал тот факт, что в арсенале Свиноста находился всего только один демон, который, при всем своем могуществе, едва ли сумеет выстоять против мощи Ангдэзии или империи Кранг-дан. Огненный демон был лишь предвестником грядущего ужаса. Ибо в этом мире обитало немало мерзких и злобных тварей, готовых охотно примкнуть к новому предводителю. Вынужденные таиться во тьме пещер и развалин, загнанные туда мечами и магией отважных героев добра, они с радостью встанут под знамена Свиноста, чтобы сплоченным коллективом сеять повсюду смерть и ужас. Все эти гнусные недобитые монстры, все отбросы и изгнанники, отторгнутые и добром, и даже злом, только и ждут своего часа, чтобы жестоко поквитаться с человечеством.

В общем, интуиция подсказывала Эларии, что беззаботная жизнь королевства очень скоро закончится. Если, конечно, они не поторопятся предпринять превентивные шаги, и не пресекут разрастание этой новой угрозы.

Ближе к тронному залу празднующихся придворных стало меньше, а стражи больше. Рыцари безмолвно провожали глазами верховную волшебницу, которая непривычно быстрым шагом проследовала сквозь длинные коридоры резиденции. Наконец, перед ней

распахнулись последние двери, и она вошла в тронный зал.

В первое мгновение огромное помещение показалось ей пустым. На высоком, стоящем на возвышении, троне никого не было. Огромные окна были задернуты тяжелыми багряными шторами, создавшими внутри кроваво-красный полумрак.

Наконец глаза Эларии отыскивали две человеческие фигурки, застывшие возле окна. Люди о чем-то негромко беседовали. Узнать обоих было несложно. Одним из них был король Ангдэзии, другим глава ордена паладинов. Элария заспешила к ним через огромный, пышно украшенный золотом, зал.

Король Исдэрет первым заметил ее приближение и глазами подал знак верховному паладину. Тот замолчал и тоже повернулся навстречу Эларии.

— Ваше величество, — произнесла та, склонив голову в положенном церемониалом поклоне.

— Давай без этих формальностей, — проворчал Исдэрет. — Беседа неофициальная, так что не будем тратить время на ритуальные ужимки. Тебе удалось что-нибудь выяснить об этом существе?

Элария испустила горестный вздох. Увы, но ее надежда вытянуть из старого учителя больше сведений об огненном демоне не оправдалась. Старик совсем сдал, и с каждым днем все больше превращался в погрязшую в маразме развалину. Доригер даже не смог узнать свою ученицу, когда та навестила его. Просто неподвижно сидел в своем кресте и таращился в пустоту лишенными разума глазами.

— Боюсь, если магистру Доригеру и было что-то известно, то время упущено, — с горечью призналась Элария. — Мне больно говорить об этом, но он не в своем уме. И это едва ли обратимо.

— Отлично! — выпалил Исдэрет. — Нет, я просто поверить в это не могу. Как можно было держать в тайне такое? И о чем еще умолчала ваша чародейская братия? Каких еще сюрпризов нам ждать? Или вы не собираетесь рассказывать об этом до тех пор, пока демоны, которых вы сотни лет назад притащили в наш мир, пачками не полезут из своих темниц?

— Ваше величество, клянусь вам, если бы мне было что-то известно, я бы с радостью рассказала вам об этом, — заверила его Элария. — Меня и саму возмутил факт сокрытия этого инцидента. Я...

Но король отмахнулся от нее, давая понять, что эти оправдания ему неинтересны, да и толку от них мало.

Элария покорно замолчала, с виноватым видом поглядывая на монарха. Тот был средних лет мужчиной, едва перешагнувшим сорокалетний рубеж. В молодости он провел немало времени на восточных рубежах королевства, и лично участвовал в боях с монстрами нейтральной полосы и силами темной империи. В отличие от своего отца, который считал войну со злодейской державой обычной формальностью, Исдэрет, по крайней мере, в первые годы после восшествия на престол, на полном серьезе намеревался положить конец этому противостоянию, притом самым радикальным путем. Разрабатывались планы широкомасштабного наступления на Кранг-дан, должного сокрушить империю зла, но после долгих и тщательных подсчетов выяснилась неприятная истина — силы обеих держав были примерно равны. Ни королевство добра, ни империя зла не обладали достаточным потенциалом, чтобы нанести по противнику единый сокрушительный удар, для чего требовалось значительное превосходство в военной силе. А достичь его не было никакой

возможности, и даже концентрация всех резервов королевства не обеспечила бы необходимого преимущества. Так что планы Исдэрета по разгрому темной империи так и остались планами, а со временем он, казалось, и вовсе забыл о них.

— Ну, хорошо, об этом конкретном существе нам ничего не известно, — стараясь сдерживать раздражение, произнес король. — Но у нас же должна быть хоть какая-то информация о демонах, или что оно такое?

Вопрос был адресован Эларии. Та ответила:

— Демоны, ваше величество, демонам рознь: среди их числа встречаются как могущественные и грозные создания, так и те, кого вовсе не стоит опасаться. Демона можно подчинить себе, заставив повиноваться своей воле, но для этого необходимо знать наверняка, с кем конкретно ты имеешь дело. Что касается именно этого демона, то информации, увы, слишком мало. Известно лишь, что это демон огненного типа. Но кто он такой и каковы границы его могущества, нам неведомо. Все-таки это существо из иного мира, притом единственное в своем роде, призванное сюда.

В этот момент в беседу вмешался верховный паладин Рогзар. Это был крепкий мужчина лет пятидесяти, который меньше всего напоминал воина в своем роскошном придворном наряде. Округлое брюшко и почти оформившийся второй подбородок указывали на тихую и сытую жизнь, далекую от невзгод военной службы. Однако это все еще был тот самый Рогзар, прозванный в молодости Стальным Плачем. Не стоило обманываться внешним видом главы рыцарского ордена. Элария отлично знала, что на тренировках старик без труда побеждает молодых паладинов и до сих пор остается одним из лучших мечников королевства.

— С вашего позволения, король, — произнес Рогзар своим глухим грозным басом, — но кое-что мы все же можем предположить. Едва ли мощь этого демона носит безграничный характер. Будь оно так, мы бы уже ощутили ее на себе. Если до сих пор он не обрушился ни на Ангдэзию, ни на Кранг-дан, вместо чего сидит на нейтральной полосе и выжидает, он не ощущает своего неоспоримого превосходства над нами.

— Я не согласна, — поспешно возразила Элария. — Это ничего не доказывает. Демон может бездействовать по массе причин. К тому же, как мы знаем, он не отличается самостоятельностью. У него есть хозяин, который и принимает все решения.

Исдэрет, поморщившись, произнес:

— Этот Свиностаc, будь он неладен. Мне докладывают о нем совершенно невероятные вещи. Кто он такой и откуда свалился на наши головы?

— Говорят, он был призван в числе прочих добровольцев, — ответила Элария. — Мир, откуда он прибыл, прежде считался безопасным. Там никогда не водились могущественные и грозные чудовища.

— Не водились, не водились, а одно все-таки завелось, — заметил Рогзар. — И хорошо, если одно.

— Ну и как этот Свиностаc сумел подчинить себе демона? — спросил король. — Он, выходит, маг?

— Выходит, — пожала плечами Элария.

— Полагаю, демон, это лишь начало, — заметил Рогзар. — Готов поклясться, что этот Свиностаc лелеет планы по захвату нашего мира. На свете обитает немало гнусных тварей, только и ждущих возможности встать под знамена зла. Нам необходимо устранить его, пока он не нашел себе новых могущественных союзников.

Исдэрет покосился на Рогзара и спросил:

— Напекаешь на Дакроса?

— А хотя бы и на него, — пожал плечами верховный паладин. — Если эти двое споются, нам несдобровать. До сих пор война между нашими державами велась без особого результата по причине равенства сил. Но если Дакрос получит в свое распоряжение этого огненного демона, а заодно и злодея Свиноста, в его руках окажется пара крепких козырей. И побить их нам будет нечем.

Король задумчиво нахмурился, а затем медленно произнес:

— А что если этого демона заполучим мы?

Рогзар и Элария изумленно уставились на него.

— Ваше величество, — осторожно произнесла верховная волшебница, — позвольте мне заметить, что подобная затея едва ли кончится добром. Наши предки, призвавшие демона в этот мир, сочли его слишком опасным и неуправляемым, и предпочли запереть это существо на веки вечные. Нет никакой гарантии, что мы сумеем обуздать его.

— Но Свиноста же смог, — проворчал Исдэрет. — Неужели он более искусен в магии, чем даже ты?

Элария смущенно зарделась.

— Я ведь никогда не специализировалась на демонах, — пояснила она виновато. — Мои познания о них имеют общий характер.

— И что, — с вызовом спросил Исдэрет, — во всем нашем королевстве нет ни одного профильного специалиста в области демонологии?

— Осмелюсь напомнить вам, что мы говорим о существе из иного мира, — произнесла Элария. — Мы априори ничего о нем не знаем. Кроме, разве что, того, что оно опасно.

— Не столько оно, сколько его хозяин, — буркнул Рогзар. — Я думаю, у нас более чем достаточно причин для опасений. Даже в том случае, если Свиноста не споется с Дакросом.

— О чем это ты? — спросил король.

— Нейтральная полоса — гиблое место. Гиблое, но не безжизненное. Она является обиталищем множества гнусных тварей, изгнанных туда и нами, и силами темной империи. Все они спят и видят, как бы отплатить нам той же монетой. Их слабость в разрозненности. Но если найдется сила, способная объединить всю эту разношерстную погань под своим знаменем....

— Ты полагаешь, такой силой может стать Свиноста? — быстро спросил Исдэрет.

— А что ему помешает? О том, что произошло на развалинах древней крепости, вскоре узнают все. Узнают о том, что паладинов и черных рыцарей можно бить. Что можно бить светлых магов и темных колдунов. И бить успешно. Все эти твари облизываются, глядя на наши цветущие земли. Если найдется тот, кто поведет их за собой, они охотно примкнут к нему. Не думаю, что Свиноста составит большого труда собрать армию.

— Да ну, брось, — отмахнулся король. — Какая еще армия! Скажешь тоже. На нейтральной полосе обитает всякий сброд: разбойники, гоблины, звери....

— Ваше величество, — тихо перебила его Элария. — Боюсь, вы ошибаетесь. К сожалению, мы понятия не имеем, что скрывает в себе нейтральная полоса. И какие еще ужасы могут пробудиться от векового сна, когда над выжженной землей прозвучит зов Свиноста.

— То есть, где-то там по забытым темницам могут сидеть и другие демоны? — сердито сопя, спросил Исдэрет.

Элария пожалала плечами, давая понять, что она ничего не исключает.

— Ну, если вопрос стоит подобным образом, то иного выхода, кроме скорейшей ликвидации Свиностаса, я не вижу, — признался король. — А заодно следует разобраться и с его демоном.

— Ваш величество, вы совершенно правы, — поддержал его Рогзар. — У нас нет иного выбора, кроме как нанести упреждающий удар. Притом сделать это необходимо как можно скорее. Прежде чем нас опередят.

— Опередят? — переспросил король. — Ты имеешь в виду Дакроса?

— Именно его. У меня нет никаких сомнений в том, что Дакрос попытается захватить и Свиностаса и его демона. И не пожалует на это никаких сил. Император достаточно безумен, чтобы утвердиться в желании подчинить себе эту злодейскую парочку. Не думаю, что его ждет успех. Свиностас не склонится перед ним. Но нам от этого легче не будет. Свиностас хитер. Он может временно объединиться с Дакросом и тогда их совокупная мощь не оставит нам ни единого шанса. Ангдэзия неминуемо падет под их ударом. Дабы этого не случилось, мы должны сделать свой шаг первыми. Уничтожим Свиностаса и его демона. Другого выхода нет.

— Я выжужена согласиться с Рогзаром, — произнесла Элария. — Пока Свиностас жив, над нами всеми довлеет страшная опасность. Даже его демон опасен меньше, чем он сам.

Исдэрет задумчиво нахмурился и произнес:

— Ну, хорошо. Я и сам вижу, что нам не будет покоя, пока мы не уничтожим эту злобную тварь. Раз мы не знаем силы Свиностаса и его подельников, то лучше переборщить, чем недожать. Ударим всем, что есть. Уже много лет королевское войско Ангдэзии не ступало на землю нейтральной полосы. Но теперь необходимость вынуждает нас к решительным действиям. Мы обрушим на Свиностаса всю нашу мощь и сокрушим его. Зря он бросил вызов Ангдэзии. Скоро этот нечестивец узнает, насколько неумолимо безжалостным может быть добро. И насколько беспощадным.

Пролог 2

Зеленое пламя, внезапно вспыхнувшее над оплетенными паутиной коваными светильниками, озарило зловещим светом каменные стены древней усыпальницы. Многие века нога живого человека не ступала под эти своды. А от народа, что некогда воздвиг подземный некрополь, не осталось ни следов, ни имен. Их города рухнули и обратились в прах, их кости давно истлели в земле. Дела их, великие и малые, истерлись из памяти и забылись.

Но время, побеждающее любую жизнь, не властно над тем, что мертво. Огромный подземный некрополь не почивал в безмолвии и неподвижности. В темном жутком мраке слышался скрежет старых костей и грохот каменных плит. В длинных широких коридорах звучали шаркающие шаги. То мертвые, не ведающие покоя, брели сквозь тьму усыпальницы наверх, к свету и жизни. Мало осталось в них прежнего. Ни разума, ни памяти не сумели они пронести за могильную черту. Но некая могущественная сила не давала их костям спокойно гнить в каменных гробах. Они восставали из своих саркофагов, и безмолвно брели наружу.

Об огромном подземном некрополе, настоящем городе мертвецов, люди с поверхности давно уже забыли. Народ, возведший его, канул в забвение, а те, что пришли позже, опасались лазать по подземельям, поскольку подобные попытки зачастую кончались плачевно. Они выстроили над некрополем свое кладбище, и тоже стали хоронить там

усопших. Затем настал и их черед исчезнуть с лица земли, оставив после себя только старые могилы.

Ныне это место оказалось на территории нейтральной полосы, разделившей два враждующих государства. Но мертвым не было дела до распрей живых людей. И если бы те были заняты только взаимным уничтожением, и не тревожили покоя мертвецов, то и пусть бы себе воевали хоть до посинения. Но нет, пришельцы из мира живых завели себе дурную привычку навещать кладбище, расположенное над некрополем, и заниматься там откровенными безобразиями. Они приходили группами, с оружием и магией, и вели себя на кладбище совершенно свинским манером. У них завелась дурная привычка шарить в чужих гробах, вдребезги разносить мирно бродящих скелетов и набивать мешки их костями, и вообще утаскивать все, что приглянется. Чаще всего эти вандалы орудовали на поверхности, но некоторые, самые наглые и отчаянные, отваживались спускаться в самый большой и древний склеп, в котором располагался вход в некрополь. Не все из этих храбрецов успешно возвращались на поверхность, многие навеки оставались под землей, улучшая своими останками местную демографию. Но кое-кому все же удавалось спуститься вниз, пограбить там, и унести ноги. И добытые ими сокровища, как драгоценности, так и древнее могущественное оружие, лишь разжигали интерес к некрополю со стороны искателей приключений и легкой наживы.

И вот однажды собрались отважные герои, и решили разграбить некрополь сверху донизу. Отряд их был велик, отлично вооружен и подготовлен. Были в их числе и могучие воины, и искусные маги, и целители, способные одним словом заживить даже смертельные раны. Соблазненные несметными богатствами древнего захоронения, вошли они на могильник, порубили всю нежить, что мирно бродила на поверхности, и спустились во тьму некрополя.

Упиваясь собственной мощью, и не ведая ни страха, ни уважения к покойным, принялись они шарить по катакомбам, вскрывать гробы и сундуки, ломать стены, рушить статуи, и набивать трофеями свои бездонные мешки. Все глубже спускались они, разоряя зал за залом, и по мере спуска их добыча становилась все богаче. Тут-то поняли они, что все самое ценное и дорогое хранится внизу, на самом нижнем уровне некрополя. И устремились туда по каменным лестницам, сокрушая на своем пути добропорядочную нежить.

Они были близки к цели. Все указывало на то, что главный зал с самыми немислимыми сокровищами вот-вот предстанет перед ними. Самый нижний уровень катакомб выглядел невероятно древним, но даже спустя многие века он сохранил остатки роскоши и богатого убранства. Вдоль стен высились статуи из чистого золота, драгоценные камни, огромные, как яблоки, груды лежали вдоль стен среди россыпи самых разных монет. Доспехи, выкованные из несокрушимых сплавов, ценой в целое состояние, валялись как мусор. Мечи, достойные лучших паладинов королевства, бесхозно пылились на каменном полу.

Но герои продолжали идти вперед, не обращая внимания на несметные сокровища. Потому что там, впереди, их ждало нечто большее. Что именно — они и сами не знали. Не чуяли, что мало им не покажется.

Так оно и случилось. Когда до заветной цели оставалось два шага, навстречу им выступило нечто, с головы до ног закутанное в белый саван. Герои не испугались и схватились за оружие, готовые сокрушить это последнее препятствие на пути к невероятным сокровищам. Но тут прозвучал жуткий голос, глухой и страшный, словно доносящийся из прикопанной могилы, и все факелы разом погасли. Искатели приключений оказались в

полной темноте. Не успели они опомниться, как тьма огласилась страшными криками. Один за другим гибли герои в зловещем мраке. Ни клинки, ни магия не спасли их. И так продолжалось до тех пор, пока последний из них не пал бездыханным трупом на каменные плиты пола. А затем во тьме прозвучал сердитый женский голос:

— Ходят и ходят! В гробу полежать спокойно не дают. Совести у людей нет.

Синару уже давно бесили эти незваные гости, заведшие моду хулиганить на могильнике и даже пробираться внутрь некрополя. А эта шайка разбойников и вовсе утратила последние крохи совести — они почти достигли ее усыпальницы. Еще чуть-чуть, и залезли бы в ее гроб, начали бы шарить там руками, бесцеремонно шупая покойницу за интимные участки тела. Подобное непотребство следовало пресечь на корню. И хотя Синару мало заботили живые люди и их деяния, она не собиралась позволять им бесцеремонно грабить собственный склеп.

Этот инцидент произошел несколько лет назад, и с тех пор люди с поверхности больше не спускались вглубь некрополя, ограничиваясь шалостями в пределах могильника. Судя по всему, гибель группы героев послужила им хорошим уроком. Синара подумывала о том, чтобы навеки отвадить вандалов от своей обители. Но для этого ей пришлось бы подняться на поверхность, а делать этого не больно-то хотелось. Не потому, что она не любила солнечного света и не могла видеть вокруг себя мир, полный жизни. И то и другое Синара любила. И потому ей больно было смотреть на все вокруг, одновременно осознавая свою чуждость и противоестественность. Не было ей места в этом кишачем жизнью мире. Но и в другой, загробный мир, она уйти не могла. Вот и оставалось ей сидеть в своем склепе, проводя дни и ночи в огромном каменном гробу. Могущественные древние чары лежали на ней, и даже время не смогло разрушить их. Синара давно отчаялась превозмочь свое проклятие и смирилась с ним.

Она уже сама не помнила, сколько веков провела в темной гробнице. Годы, что дни, пролетали мимо, но для нее не менялось ничего. Зато Синара отлично помнила, как и почему была обречена на столь горькую и страшную участь.

Ее история была полна душераздирающего драматизма. Давным-давно, когда не еще было на свете ни королевства Ангдэзии, ни империи Кранг-дан, а на их месте высились башни и крепости иных держав, жила-была принцесса Синара, красавица и умница, объект страстного вожделения всех окрестных принцев. И вот, когда пришла ей пора вступить в брак, родители подыскивали ей достойную партию, одного принца — наследника могущественного рода, будущего правителя грозной державы. Этот брак имел огромную политическую значимость, и Синара, осознавая всю важность данного союза, подчинилась родительской воле, хоть и никогда не видела прежде своего будущего мужа. Меж тем в воображении своем она нарисовала прекрасного и мужественного юношу, в которого ей не составит труда влюбиться с первого взгляда. Этими фантазиями тешила она себя ровно до тех пор, пока впервые не встретилась с женихом. Разница между воображаемым образом и реальностью оказалась столь огромна, что Синара лишь ценой титанических моральных усилий не изменила своего решения вступить в этот брак.

Будущий муж был полной противоположностью нарисованного ее девичьим воображением образа. Принц был без трех дюймов карликом, притом жирным, отвратным, а его оплывшее салом лицо, круглое и вечно красное, как бок самовара, густо покрывали огромные прыщи с черными вершинами. Следом выяснилось, что принц не только имел отталкивающую внешность, но и не блистал умом. В свои семнадцать лет, когда его

сверстники уже полным ходом двигались по гражданской или военной карьерным лестницам, этот юноша обожал играть в деревянных солдатиков. Воображал он себя, при этом, великим полководцем, гением тактики и стратегии. Однако Синара, понаблюдав за игрищами жениха, пришла к выводу, что доверять этому хомяку командование армией нельзя ни под каким предлогом, поскольку, в этом случае, та будет разгромлена задолго до вступления в войну.

В общем, куда ни ткни, все было плохо. Мечты о прекрасном принце пошли прахом, надежды на скрытый под ужасной оболочкой ум тоже не оправдались. Но Синара не опустила рук. Она твердо решила довести свой подвиг до логического конца, и принести эту великую жертву ради своей семьи и своего королевства. Раз брак был столь необходим, он состоится, несмотря на непотребное качество жениха.

Чувствуя себя героиней, что жертвует молодостью и красотой ради блага отчизны, Синара решительно пошла под венец. Впереди ее ждало последнее, самое тяжкое, испытание — первая брачная ночь. И на эту ночь принцесса возлагала все свои оставшиеся надежды. Рассуждала она так: пусть будущий муж страшнее бабуина, пусть глуп, как пень, но вдруг окажется, что этот увалень является настоящим монстром в постели. Это послужило бы для нее хоть каким-то утешением.

И вот настала первая брачная ночь. Молодожены уединились в спальне, и новоявленный супруг Синары неуклюже стащил с себя штаны, предоставив на обозрение благоверной свое мужское достояние.

Тут-то принцесса и сломалась. Она выдержала отвратную внешность жениха. Кое-как перенесла его тупость. Но стоило ей бросить короткий взгляд на его крошечный прыщик, который робко выглядывал из-под нависшего брюха, как нервы ее сдали. И Синара залилась громким истерическим смехом.

Позже она уверяла, что не имела никакого злого умысла. Что хохот хлынул из нее сам собой, помимо воли. И она, разумеется, не предполагала, что ее спонтанная реакция на скудное мужское начало супруга повлечет за собой столь трагические последствия.

Осмеянный принц вначале побурел, как помидор, затем расплакался, а кончил тем, что бросился к окну и выпрыгнул из него наружу, вышибив телом и стекло, и раму. Высота была небольшая, всего-то третий этаж, но наследнику престола и тут не повезло — он насадился брюхом на острый сук росшего под окном дерева. Там, болтаясь на суку со спущенными штанами, он и встретил свой конец.

Происшествие едва не обернулось крупной бедой. Синару обвинили в убийстве единственного наследника трона, и дело уверенно шло к войне. Но после долгой и трудной дипломатической возни сторонам конфликта удалось достичь компромисса. По обоюдному решению, главной и единственной виновницей назначили Синару. Постановили считать, что она извела мужа со свету по собственному умыслу, из каких-то личных мотивов, и должна ответить за это самым страшным образом.

Возможно, несчастная вдова и смогла бы доказать свою невиновность, но стоило ей вспомнить крошечную пискую покойного мужа, как ее тотчас же разбирал неудержимый хохот. Она даже в зале суда несколько раз заливалась смехом, что было расценено однозначно — бездушная злодейка упивается радостью по поводу совершенного убийства.

Все королевство возненавидело Синару. Все, от дворян до простолюдинов, требовали подвергнуть ее самому суровому и страшному наказанию. Речь уже не шла о банальной казни. Обычное умерщвление считали недостаточно жестокой мерой.

И вот, после долгих размышлений, для Синары придумали подходящее наказание. Ее обрекли на страшную участь — быть погребенной заживо в темном подземном склепе. Но этими дело не исчерпывалось. Могущественными чарами ее плоть и душу собирались заточить в этом мире, не позволив им перенестись в загробные пределы. Таким образом, ей предстояло навечно превратиться в нежить, сохранив и разум и воспоминания.

Когда ей дали право на последнее слово, Синара начала со слезами на глазах умолять жестокосердных судей сжалиться над нею. И слова ее тронули озлобленных людей. Уже зазвучали разговоры, что в этом деле не все так однозначно, что приговор надо отменить и провести тщательное расследование. Но тут несчастная принцесса коснулась больной для себя темы. Она стала с чувством рассказывать членам суда, как сильно и нежно любила своего покойного супруга, и как жестоко страдает, лишившись его навеки. И стоило ей заговорить о трагически скончавшемся муже, как перед глазами встало видение крошечного краника, смешного и сморщенного, похожего на мизинец младенца... и из уст принцессы хлынул радостный смех, который окончательно решил дело.

Даже когда ее заживо уложили в каменный саркофаг, накрыли его сверху тяжелой крышкой и потащили в подземную гробницу, Синара не могла успокоиться и продолжала хохотать. Крошечная писька покойного супруга стояла у нее перед глазами. Маги, что проводили черный обряд превращения принцессы в нежить, обреченную вечно торчать в этом мире и не изведать смертного покоя, содрогались от ужаса, слыша задорный хохот, доносящийся из каменного гроба. И думали о том, с каким же бездушным чудовищем имеют дело, раз это исчадие зла продолжает упиваться своим преступлением даже на пороге ужасной кары. Особый же контраст создавала прекрасная внешность принцессы и ее кажущаяся всем черной душа.

С той поры минули века и века, а Синара до сих пор не могла забыть крошечное достоинство своего недолгого супруга. Стоило вспомнить его, и она начинала хохотать. Лежала в каменном гробу, и заливалась смехом, который эхом раскатывался по мрачным коридорам древней усыпальницы.

Зеленый огонь над светильниками набрал силу. Его зловещий колдовской свет рассеял тьму, выхватив из нее богатое убранство склепа. Два ряда мощных цилиндрических колонн подпирали высокий свод. Вдоль оплетенных паутиной стен выстроились мрачные статуи, у подножия которых высились горы сокровищ. Золотые монеты разных форм и размеров ненужным мусором пылились на полу. Доспехи из драгоценных сплавов, усиленные защитными чарами постоянного действия, были навалены вперемешку с оружием и прекрасными, не подверженными тлену, тканями. Среди груд сокровищ белели мелкие косточки умерших крыс и засушенные тела огромных пауков.

В центре зала, на ступенчатом возвышении, стоял огромный каменный саркофаг, покрытый высеченным в граните словами древних темных заклинаний. Его массивная крышка валялась рядом, расколота на три больших фрагмента.

Едва зеленый свет колдовского огня упал на гроб, как из его недр донеслись скрежещущие звуки. Затем над краем саркофага появилось что-то белое и шевелящееся, похожее на гигантских могильных червей. То были пальцы, одетые в белоснежную перчатку. Они обхватили край гроба, а вслед за этим наружу показалось закутанное в белый саван тело. Пыль и дохлые пауки посыпались с него. Синара зевнула, издав при этом громкий звук, эхом прокатившийся по коридорам некрополя, огляделась по сторонам и удивленно спросила:

— В чем дело?

Светильники загорались по ее воле, но в этот раз она не имела никакого отношения к их воспламенению. Здесь поработал кто-то другой. И едва ли это мог быть пришелец с поверхности — если бы кто-то вторгся в некрополь, она бы сразу узнала об этом.

Синара медленно восстала из гроба. После многих лет, проведенных без движения, ее мертвое тело плохо отзывалось на команды мертвого мозга. И, тем не менее, она не потрудилась обойти весь свой зал, и осмотреть каждый его уголок. Ей хотелось убедиться в том, что никто не пролез сюда тайком, пока она мирно покоилась в гробу.

Разумеется, никакими незваными гостями не пахло. Но кто же, в таком случае, зажег светильники?

— Эй, тут есть кто-нибудь? — громко спросила Синара.

В центре зала, у подножия ступенчатого возвышения, воздух вдруг завибрировал и начал сгущаться, принимая некую форму. Синара наблюдала за этим с любопытством, но без страха. Бояться ей было нечего. Все самое страшное с ней уже давно случилось. А когда размытая фигура обрела четкие очертания, она даже обрадовалась. Потому что в ее мрачную обитель явился посланец из мира мертвых.

Окутанный зеленым сиянием призрак предстал перед ней. Не дав ему и рта раскрыть, Синара быстро спросила:

— Что, вы все-таки решили принять меня к себе? Долго же вы собирались.

— Приветствую тебя, принцесса, — безжизненным голосом прогудел посланец.

— Да, да, привет, — торопливо бросила ему Синара. — Давай без формальностей. Я здесь и так залежалась. Что, отправляемся прямо сейчас, или у меня есть немного времени, чтобы собрать вещи? Добра-то будь здоров. Все не унесу, но кое-что надо взять непременно.

Призрак скорчил недовольную гримасу.

— Тебе ведь известно, что мы не можем впустить тебя в загробные пределы, — напомнил он. — Могущественные чары удерживают тебя в мире живых. Разрушить их непросто.

— Да вы и не пытались даже! — обиженно проворчала Синара. — Сижу тут, как дура, уже три тысячи лет, и хоть бы кто из-за этого почесался.

— Тебя ведь обрекли на эту участь за свершенное злодеяние....

— Ничего я не совершала! — воскликнула Синара. — Этот дурак сам выпрыгнул из окна. Не знаю, что на него нашло. Может, не выспался, или съел чего-то не то. Я его об этом не просила. Мне просто стало смешно, когда я увидела....

Тут Синара вспомнила достоинство бывшего супруга, и разразилась веселым смехом.

— Ты чего пришел-то? — хихикая, спросила она. — Просто так?

— Нет, не праздностью продиктовано мое появление в этом мире. Я принес тебе послание.

— Надо же. От кого?

— От владык загробного мира.

Синара так сильно удивилась, что даже перестала смеяться. Она кое-что слышала об этих владыках — загадочных и могущественных существах, повелевающих миром мертвых. И ей показалось подозрительным, что столь крупные шишки решили передать ей, обычной мертвячке, какое-то послание.

— И что они сказали? — осторожно спросила она. — Что сказали владыки?

— Владыки сочли, что твое наказание приобрело чрезмерный характер. Своей могучей

волей они готовы разрушить древние чары и позволить тебе войти в загробный мир.

— Какие хорошие и добрые владыки! — запрыгала от радости Синара. — Тогда я пошла собирать вещи.

— Не спеши, принцесса, — остановил ее призрак. — Освободить тебя из-под действия чар будет непросто. Владыки готовы напрячь силы, и сделать это, но и тебе придется оказать им встречную услугу.

— Что, опять выходить за кого-то замуж? — проворчала Синара. — Мне с этим не везет. Прошлый раз вон чего вышло. Но если очень надо, я готова. Только давайте условимся сразу — за последствия я не отвечаю.

— Нет, принцесса, речь не о замужестве, — возразил посланец. — Владыки обеспокоены. Seriously обеспокоены. Ибо происходит что-то ненормальное. Что-то неправильное и чрезвычайно опасное. Возникла одна проблема, требующая скорейшего решения. Этим-то тебе и предстоит заняться. А теперь слушай, и слушай внимательно. Ибо от этого зависит не только твоя дальнейшая судьба, но и судьбы многих иных, как живых, так и мертвых.

Часть первая. Глава 1

Форинг, форпост Ангдэзии, стоящий на самой границе нейтральной полосы, разделившей королевство добра и империю зла, все последние дни гудел, как растревоженный улей. Взволнованы и напуганы были все, от представителей знати до самых последних простолюдинов. И в дорогих особняках, и в крестьянских хибарах судачили об одном и том же — о новой угрозе, нависшей над городом. Тихим благоговейным шепотом люди произносили страшное имя, внушающее каждому невольный трепет — Свиностаc. Никому не было известно точно, кто он такой, этот Свиностаc, откуда явился и какие цели преследует. Но всяческих, ни на чем не основанных, версий ходило великое множество.

Каждый житель Форинга и его окрестностей мнил себя главным знатоком всех планов и замыслов Свиностаcа, и с жаром отстаивал собственную гипотезу. Слухов же ходил целый миллион. Что только ни выдумывали под действием гремучей смеси страха и неизвестности.

Немалую популярность приобрела версия, гласящая, что Свиностаc это незаконнорожденный сын бывшего правителя темной империи Кранг-дан, нагулянный тем на стороне совместно с то ли ведьмой, то ли вампиршей. Дескать, до поры до времени императорский бастард таился в тени, а вот теперь, набравшись сил, и найдя себе могущественных союзников, собрался потягаться за трон с самим императором Дакросом Безжалостным, своим сводным братом. Имелась и близкая к этой версия, согласно которой Свиностаc был сыном самого Дакроса, и теперь неблагодарный потомок вздумал свергнуть своего отца и занять его место на черном престоле, дабы самому властвовать над силами зла.

Не менее популярным был слухок, что Свиностаc, ни много ни мало, бастард короля Ангдэзии Исдэрета. Подобными разговорами можно было нажить себе неприятностей, поэтому их вели шепотом и в узком кругу надежных слушателей. Но уж там-то, в узком кругу, себя не сдерживали, и пускали фантазию в галоп. Уже успели сочинить историю о том, как король, будучи еще юным принцем, проезжая через какую-то деревню, соблазнился видом тыльной части тела местной крестьянки, и не устоял перед ее прелестями. Эта-то крестьянка, спустя девять положенных месяцев после королевского визита, и родила на свет мальчика. Рождение сего отпрыска сопровождалось ужасающими знаменьями: весь небосвод окрасился в кроваво-красный цвет, солнечный диск посреди полудня закрыла

черная тень, произошел мор домашней скотины, и случилось еще много всякого, о чем, по какой-то причине, не сохранилось ни воспоминаний, ни записей.

Рожденный на свет королевский сыночек был, якобы, так страшен, и так мало напоминал человеческое дитя, что его мать, едва взглянув на порожденную ею тварь, тут же начисто лишилась рассудка. Принимавшие роды старухи тоже дружно обезумели. И вообще, там вся деревня съехала с катушек. Потому так и не удалось выяснить, куда пропал новорожденный сынок короля. А пропасть-то он не пропал. Его забрали. Мрачные члены темного демонического культа взяли ребенка, и вырастили его в своем подземном храме, местоположение которого является страшной тайной. Там принц рос, матерел, набираясь силы и злобы. Сам он был не человеком, а монстром ужасным, с юных лет подсел на диету из молочных младенцев, и являл такую неслыханную жестокость, что его боялись даже члены темного культа. Этот жуткий отпрыск явился в мир, чтобы осуществить древнее пророчество....

Ну, а дальше выдумывали и древнее пророчество, тоже мрачное, жуткое и леденящее кровь.

Короче, слухов ходило много, версий еще больше, но все они сходились в одном: появление Свиностаса сулит большие беды. Если крупно повезет, дело обойдется без конца света, но и в этом случае мало не покажется. Вся эта паранойя подогревалась отсутствием сколь-либо внятных разъяснений со стороны руководства Форинга. Ни верховный паладин Ильнур, ни верховная волшебница Лаура так и не выступили перед горожанами и не объяснили им, что же происходит на самом деле. Более того, Ильнур не придумал ничего лучшего, как притащить в Форинг трех матерых злодеев, в числе которых находился известный душегуб и мастер геноцида лорд Мортус. Горожане прекрасно помнили о том, как этот самый Мортус со своими подельниками не так давно устроил в Форинге зверский погром и массовое смертоубийство. В тот раз лишь немногим посчастливилось уцелеть. И горожане совершенно справедливо жаждали возмездия. Они желали видеть голову Мортуса, насаженной на пику. Но вместо ожидаемой публичной казни, Ильнур разместил злодеев в своей резиденции, и содержал их там как дорогих гостей. Это было просто возмутительно. Жители Форинга уже несколько дней кряду устраивали стихийные митинги возле стен резиденции ордена паладинов, и требовали выдать им на растерзание Мортуса и его приятелей. Они не понимали, какого черта Ильнур нянчится с этими злодеями. И почему злодеи с комфортом проживают в его резиденции, а не сидят в темной и сырой темнице. Все это было очень странно, и все это чрезвычайно возмущало горожан.

Лаура, верховная волшебница Форинга, главной обязанностью которой, как и Ильнура, была защита города от темных сил, тоже почему-то занималась чем угодно, но только не своими непосредственными обязанностями. Красавица-чародейка проводила дни и ночи в лазарете, где под присмотром лучших целителей находился ее возлюбленный, жестоко раненый в схватке с ужасным Свиностасом. Целители продолжали держать Кольку без сознания, прилагая все силы к тому, чтобы спасти его мужское достоинство. Жестокий Свиностас постарался на славу, и едва не превратил юного паладина в евнуха. Когда Лаура впервые увидела то, во что превратилась столь любимая ею часть Колькиного тела после контакта с мечом Свиностаса, она едва не упала в обморок. Целители делали все возможное, применяли самые изощренные и сложные методы врачевания, но шанс полного восстановления был все еще крайне мал. Лаура дни и ночи проводила у постели возлюбленного, забыв о сне и о пище. Она сильно похудела за эти дни и выплакала литра

четыре слез. Но вместе с тревогой за будущее ненаглядного Коленьки в ее душе набирала силу небывалая, совершенно несвойственная ей прежде, холодная черная ненависть. Раньше Лаура ненавидела врагов просто потому, что надо, потому что они враги. Она без колебания убивала их в битвах, но охотно щадила попавших в плен противников. Ей была чужда непрерывно гложущая ненависть, ненависть всепоглощающе-сильная, буквально сводящая с ума. А вот теперь подобная ненависть расцвела в ее душе. И направлена она была не на империю Кранг-дан, не на Дакроса Безжалостного, а на одно лишь живое существо во всем мире — на Свиностаса. Это он, мерзкий выродок, едва не отнял у нее Коленьку. Это он покалечил ее возлюбленного, да так, что теперь лучшие целители королевства не спешили обнадеживать ее благоприятным прогнозом. Ее Коленька, совсем недавно здоровый и полный сил, юный, но уже успевший снискать славу паладин, лежал теперь на белых простынях, бледный и осунувшийся, и до ужаса напоминал мертвеца. Грудь его едва заметно вздымалась, пульс почти не прощупывался. Лауре то и дело казалось, что ее первая и последняя настоящая любовь в любой момент может покинуть ее. Она боялась отходить от Колькиной кровати из суеверного страха. Ей чудилось, что если она хоть на секунду ослабит свой надзор, если отлучится хотя бы на минуту, Коленька обязательно умрет. И вот она стойко несла свое дежурство, день за днем, ночь за ночью. Врачи почти силой заставляли ее принимать пищу. Иногда она соглашалась немного поесть. Но зато наотрез отказывалась от сна. Наоборот, пуская в ход свою магию, искусственно поддерживала свое бодрствование. Это, разумеется, не могло продолжаться долго. Лаура уже ощущала упадок сил, и знала, что если продолжит отказываться от сна еще какое-то время, это может выйти ей боком. Но она была готова пойти на эту жертву. Зачем ей печься о своем здоровье, если на кону стоит жизнь любимого Коленьки? Лаура не мыслила себя без него, и знала, что если возлюбленный покинет ее навеки, она, не колеблясь, последует за ним. Но не тотчас же. Прежде она отомстит. Разыщет гнусного Свиностаса, и сделает с ним такое, что не снилось в страшных снах даже самым лютым палачам темной империи.

Впрочем, она не собиралась отказываться от мести в любом случае. Противостояние с темной империей и благополучие Ангдэзии, которые прежде так волновали Лауру, отошли на двадцать пятый план. Теперь в ее жизни осталось лишь две цели: во что бы то ни стало защитить любимого Коленьку, и жестоко поквитаться с подлым Свиностасом. Все остальное отныне не имело значения. Лауре стало глубоко безразлично, чем закончится многолетняя война с империей. Сидя у кровати возлюбленного, она успела набросать в уме план их дальнейшей совместной жизни. После того, как Коленька полностью поправится (Лаура запрещала себе думать о том, что исход его болезни может быть иным), и после того, как Свиностас получит по заслугам, они оставят Форинг, оставят Ангдэзию, пошлют ко всем чертям всю эту войну, и поселятся где-нибудь на далеком тропическом острове, посреди бескрайнего океана. Там они будут счастливо жить только вдвоем, никем не тревожимые, наслаждаясь своей любовью. И там, вдали от многочисленных опасностей этого мира, никто и никогда не сумеет отнять у нее возлюбленного Коленьку.

Вскоре из столицы прибыл Агдэил, молодой, но уже успевший снискать громкую славу, целитель. Он был хорошим и давним другом Лауры, и тотчас же откликнулся на ее зов, едва та обратилась к нему за помощью. Агдэил широко прославился лет пять назад, когда его стараниями была остановлена колдовская чума, насланная магами империи на южные земли Ангдэзии. Он слыл великим искусником, и мог поставить на ноги даже смертельно больного человека. В столице он обслуживал высшие круги знати, на чем стремительно разбогател. Но

стоило Лауре воззвать к нему, он бросил все дела и тот час же явился в Форинг.

Вместе с ним прибыла его ассистентка, молоденькая девушка лет семнадцати по имени Альмина, так же весьма талантливая целительница. И не будь Лаура так глубоко поглощена своими переживаниями, она обязательно отметила бы красоту этой девицы. Так же, как ее отметили многие в Форинге, когда Агдэил со своей ассистенткой въехали в город. Мужские взгляды так и приклеивались к молоденькой красавице. Но та не обращала на них никакого внимания. Во всем ее облике присутствовало какое-то возвышенное благочестие. Всем своим видом юная дева подчеркивала, что непристойные помыслы глубоко чужды ей. Что, разумеется, еще больше разжигало интерес к ее персоне со стороны мужской части горожан.

Едва прибыв в Форинг, Агдэил тут же взял дело в свои руки. Осмотрев Кольку, и вызнав об уже примененных методах лечения, он одобрил их, но счел недостаточными.

— Скажи мне только одно — могу ли я надеяться на лучшее? — со слезами в голосе спросила у него Лаура.

Лекарь обнял ее за плечи, улыбнулся и сказал:

— Милая моя, пускай это прозвучит нескромно, но за лечение твоего возлюбленного берется лучший целитель королевства. Поэтому предоставь мне делать мое дело, а сама ступай в свои покои, и хорошенько выпишься. Ты плохо выглядишь. Еще немного, и мне придется лечить уже двух пациентов.

Лаура поначалу уперлась — она ни за что не желала оставлять своего Коленьку. Но Агдэил проявил настойчивость. Он сообщил ей, что мало радости она доставит своему любимому, если сведет себя могилу совершенно бесполезным самоистязанием.

— Ступай и выпишись! — повторил он. — Твой Николай в моих руках. С ним все будет хорошо. К тому же, я собираюсь провести ряд процедур, присутствие на которых посторонних недопустимо. Иди, Лаура. Любовь любовью, но все же не забывай и о себе.

Нехотя верховная волшебница согласилась оставить своего ненаглядного Коленьку и вздремнуть пару часиков, но никак не больше. Пошатываясь от скопившейся за несколько суток бдения усталости и сильных душевных переживаний, она кое-как добралась до своих апартаментов, рухнула, не раздеваясь, в кровать, и тут же провалилась в глубокий сон, который продлился четырнадцать часов. А пока она спала, Агдэил, как и обещал, приступил к делу. В течение четырех часов он со своей ассистенткой находился в палате больного, а когда покинул ее, на его бледном усталом лице играла торжествующая улыбка.

— Ну, вот и все, — сказал он собравшимся вокруг него целителям Форинга. — Теперь с юным паладином все будет хорошо. Полагаю, с большой долей вероятности можно ожидать полного исцеления.

Он оставил свою ассистентку приглядывать за больным, который по-прежнему оставался без сознания, а сам отправился пообедать и вздремнуть, провожаемый восхищенными взглядами местных целителей. Он не сомневался в том, что Лаура, которую он с таким трудом отослал от постели ее возлюбленного, проснется еще очень нескоро. К тому времени ее Коленька уже наверняка очнется. То-то будет радость у глупышки Лауры.

Агдэил улыбнулся. Вся эта любовная чепуха казалась ему страной и непонятной. Ему чудно было видеть Лауру в таком состоянии. Он не мог поверить, что обычная сексуальная привязанность может довести человека до состояния натурального безумия. Сам он никогда не испытывал ничего подобного. Единственной страстью Агдэила была медицина, ей он посвящал все свое время и все свои силы. Он до того был фанатом своего дела, что не замечал подле себе красавицу ассистентку, в упор игнорируя ее юные прелести. Да и та, к

слову, никогда не пыталась соблазнить своего начальника, всегда держась скромно и стараясь выглядеть максимально неприметно. Глядя на нее, можно было подумать, что она точная копия своего наставника, такой же фанатик, одержимый своим делом, и навеки отрекшийся от всех прочих радостей жизни.

Многие думали так, наблюдая за ней. И эти многие ошибались.

Глава 2

Альмина происходила из семьи целителей. Ее отец был целителем, ее дед был целителем. Ее прабабка снискала великую славу, исцелив раненого в битве короля. Так что у дочери славного рода лекарей не было иного выбора, кроме как продолжить проторенный пращурами путь.

Сколько себя помнила Альмина, она только тем и занималась, что постигала фамильное ремесло. Едва научившись читать, она тут же засела за книги. Затем начала помогать родителям в их работе. Те были серьезными и одержимыми своим делом людьми. Они полагали праздность величайшим грехом человеческого рода, а всяческие забавы расценивали как тягчайшие преступления. Разумеется, что у дочери таких родителей не было ни малейшего шанса на нормальное детство. Вся жизнь Альмины состояла из учебы, сна и приемов пищи. Притом прием пищи она частенько совмещала с учебой. Позже к этому безудержному разнообразию прибавилась работа. Альмина то сидела за пыльными томами, то помогала отцу, врачуя больных. Она почти не контактировала со своими сверстниками. Их ей доводилось наблюдать лишь издали — дети ее возраста бегали, играли и веселились где-то там, в другом, чуждом ей мире. И она, в общем-то, не больно-то рвалась в их мир.

Все изменилось в тот день, когда в отцовскую библиотеку доставили очередную партию книг. Ее родитель скупал литературу оптом, и ее доставляли в особняк в огромных деревянных ящиках. После чего Альмина разбирала доставленные книги, протирала их от пыли, и расставляла на полках в алфавитном порядке. В их доме всегда и во всем поддерживался строжайший порядок.

Альмине на тот момент исполнилось двенадцать лет. Она была излишне худым и бледным подростком, чья кожа редко контактировала с солнечными лучами. Не переставая твердить заученные формулы, чтобы те тверже отложились в ее памяти, Альмина взялась расставлять прибывшие книги по полкам. Все это были научные работы, справочники, учебники, трактаты. Альмина машинально брала следующий том, проходила по его обложке сухой тряпочкой, смахивая с книги дорожную пыль, и помещала на полку в надлежащее место.

Она благополучно расставила большую часть прибывшей литературы, когда ее рука вдруг извлекла из ящика что-то очень необычное. То есть, на первый взгляд, это была простая книга, которая ничем не выделялась на фоне своих товарок. Но Альмину смутил рисунок на обложке. Там были изображены красивый женский профиль, сердце и роза.

Альмина уставилась на книгу в своих руках, все еще не до конца понимая, что привело ее в такое смущение. Затем сообразила — научные тома никогда не украшались подобным образом. На их обложках значились название и имя автора, и более ничего. Заинтересованная необычной находкой, Альмина позволила себе страшный грех — она прервала работу, присела на кушетку возле окна, и раскрыла необычную книгу.

К ее немалому изумлению, содержанием книги оказалось некое художественное сочинение. А ведь прежде ей не доводилось читать ничего подобного. Ее отец называл

художественную литературу величайшим злом современности, и полагал, что подобные книжонки следует сжигать на площадях, желательно вместе с авторами. Судя по всему, эта книга оказалась среди закупленной литературы чисто случайно. Возможно, кто-то, не заметив этого, уронил ее в ящик к научным трудам, где она и осталась. И отец Альмины обязательно пришел бы в великую ярость, если бы вдруг выяснил, что вместе с научными трудами в его дом просочилась эта возмутительная гадость. Он бы обязательно разорвал книгу и бросил ее в огонь камина.

Именно таким и был первый порыв Альмины. Обнаружив, что в ее руки случайно угодило художественное сочинение, она приготовилась захлопнуть книгу, а после, незаметно для отца, дабы не расстраивать того лишней раз, отправить презренную писанину в огонь. Но ее случайно упавший на открытую страницу взгляд машинально зацепился за строчки текста, и побежал по ним, быстро заглатывая слова. Не успела Альмина опомниться, как осилила три абзаца. И к ужасу своему поняла, что не прочь продолжить чтение.

Она захлопнула книгу, отложила ее в сторону и вновь взялась за дело. Но расставляя по полкам тяжелые тома, она непрерывно косилась на запретное чтиво, оставленное ею на столике возле окна. Что-то новое и необычное скрывалось в ней. И это новое с неодолимой силой влекло Альмину к себе. В итоге, после безрезультатной борьбы с соблазном, девушка решила для себя, что если тайком от родителей прочтет эту книгу, то в том не будет большой трагедии. Ведь это всего лишь книга. Подумаешь. Чем она может навредить ей? Строгий отец никогда ничего не узнает, а книга, после прочтения, отправится в огонь, где ей и место.

Тайком перенеся книгу в свою комнату, Альмина надежно спрятала ее там, и до самого вечера упорно, с полной самоотдачей, занималась учебой. И только после ужина, когда за окнами давно стемнело, и Альмина осталась в своей комнате одна, она рискнула извлечь из тайника образчик запретной литературы.

Она часто читала у себя допоздна, так что горящие светильники и шелест переворачиваемых страниц вряд ли могли навести домочадцев на какие-то подозрения. Устроившись на кровати, Альмина положила перед собой книгу, открыла ее на первой странице и начала читать. Сочинение было невелико, а читала Альмина очень быстро. Она не сомневалась в том, что осилит книгу за пару вечеров, после чего благополучно сожжет ее. На этом все и кончится.

Но не тут-то было.

Вначале история не больно-то нравилась ей. Главной героиней оказалась молодая девушка, живущая под опекой строгих и властных родителей. Те не давали ей и толики свободы, заставляя все время проводить за учебой и домашними делами. Отец главной героини, вечно суровый и не терпящий пререканий мужчина, то и дело читал дочери нотации на тему важности усердия и прилежания, и категорической пагубности всякой праздности и веселья. Он непрерывно твердил, что развлечения, забавы и прочие возмутительные мерзости, не приведут ни к чему хорошему, в отличие от прилежной учебы и упорного труда. А если дочь редко и робко пыталась возражать ему, отец сурово хмурил брови и повышал голос, требуя от той немедленно выбросить из головы всю эту пагубную ерунду.

В общем, начало истории было так себе. Главная героиня показалась Альмине безвольной дурочкой, которая слепо подчиняется старшим и не имеет сил настоять на своем. Отец ее был тираном и извергом, мать почти ни в чем не уступала ему, вечно гипнотизируя

дочь проповедями о том, что для той хорошо, а что плохо, и как той следует жить.

История не захватила Альмину, поскольку ей было очень трудно ассоциировать себя с главной героиней. Ведь они почти ни в чем не были похожи. И все же она нашла в себе силы продолжить чтение. Не столько потому, что было интересно, сколько затем, чтобы наверняка убедиться в правоте своего мудрого отца, считавшего художественную литературу худшим исчадием цивилизации.

Чем дальше, тем больше жизнь главной героини напоминала крошечный ад. Несчастливая и одинокая, она целыми днями сидела над книгами, впитывая в себя не приносящие радость знания. Над ней зловещей тенью стоял суровый отец, и зорко следил за тем, чтобы дочь ни в коем случае не отдалась праздности даже на мгновение. Мать тоже не спускала с дочери глаз, и по поводу и без устраивала той разъяснительные лекции о том, как надо жить. А годы, меж тем, все шли. И вот так, незаметно, главной героине стукнуло пятнадцать.

В этот момент Альмина почти решила закончить чтение и захлопнуть книгу навсегда. Главная героиня истории начала бесить ее своей овечьей покорностью, а ее родители не вызвали ничего, кроме ненависти. И все же она нашла в себе силы дочитать историю до конца. Чтобы затем, если кто-то в ее присутствии начнет расхваливать художественную литературу, с полным правом аргументированно возразить ему.

И вот, когда, казалось, главная героиня до самого конца книги проведет в заточении, под гнетом тирании своих жестоких родителей, случился внезапный сюжетный поворот. Точнее говоря, он оказался внезапным только для Альмины, которая прежде не имела опыта прочтения подобных историй, и не знала, чего от них следует ждать.

Однажды главная героиня отправилась в книжную лавку, чтобы забрать оттуда заказанные отцом тома. Забрав заказ, она поспешила домой, но, торопясь, оступилась, упала и выпавшие из ее рук книги разлетелись по тротуару.

И вот в этот момент, когда накал трагизма происходящего достиг своего апогея, когда жизнь главной героини окончательно окрасилась в цвет беспросветного мрака, случилось чудо. Прекрасный юноша вдруг появился подле нее, помог подняться на ноги и собрать разлетевшиеся книги. А затем еще и вызвался проводить ее до дома.

С этого момента между главной героиней и этим внезапным юношей завязались тайные отношения любовного характера. Любовь, конечно, вспыхнула не сразу, она разгоралась постепенно, начавшись крошечной искоркой, и завершившись, в итоге, могучим пламенем. Влюбленным приходилось прилагать немало сил, чтобы изредка встречаться. Главная героиня под тем или иным предлогом отпрашивалась из дома, и не всегда родители позволяли ей отлучиться. Юноша же иногда пробирался в сад под ее окнами, и они подолгу беседовали там интимным шепотом.

Все эти свидания и перешептывания вылились в намерение главной героини бежать из дома вместе со своим кавалером. Они решили уехать далеко-далеко, где до них бы не сумела дотянуться карающая длань суровых родителей. Они долго и с упоением планировали свою будущую совместную жизнь, но злой рок уже расправил над ними свои черные крылья. Отец главной героини как-то раз подслушал перешептывание его дочери с каким-то парнем, что лазал к ним в сад и подолгу торчал у ее окна. Непродолжительное расследование позволило установить личность кавалера. Тот оказался выходцем из небогатой семьи разорившихся дворян. Отец главной героини подключил все свои связи, и в итоге добился того, чтобы юношу силой забрали в армию. А затем устроил дочери жестокую порку, и сообщил ей, что та никогда больше не увидит своего возлюбленного. Он отбыл на другой край света, на

далекую войну, и уже не вернется с нее живым.

В этот момент что-то надломилось в душе главной героини, и ее вечный страх перед грозным отцом сменился железной решимостью во что бы то ни стало бороться за свое счастье. Через несколько дней после этого, она убежала из дома. Немалого труда ей стоило выяснить, куда именно был отправлен ее возлюбленный. И тогда она двинулась следом. Будучи целительницей, она вскоре сумела записаться в отряд лекарей, направляющийся на войну. С ними она пересекла полмира, пережив немало приключений.

В итоге, спустя целых три года, главная героиня добралась до театра военных действий. Здесь она выяснила, что ее возлюбленный, сражаясь храбро и умело, своей доблестью заслужил офицерское звание. Ей сообщили, где она может найти его, и главная героиня поспешила навстречу своему счастью.

Но добраться до любимого она не успела. На рассвете началась большая битва, и все войска на передовой втянулись в сражение. Но главную героиню не остановило даже это. Сквозь гущу кровавого побоища добралась она до расположения того подразделения, которым командовал ее возлюбленный, и обнаружила там выжженную землю и горы трупов. Она бродила среди тел павших, вглядываясь в их лица, и страхась узнать в одном из них того юношу, что навеки похитил ее сердце. Наконец, когда она уже совсем отчаялась, до ее слуха донесся чуть слышный стон. Главная героиня подбежала к издавшему его человеку, перевернула его на спину, и узнала своего возлюбленного. Тот еще был жив, но находился в одном шаге от смерти. Мутным взглядом он посмотрел на нее, узнал, и улыбка тронула его губы. Он успел прошептать ее имя, и умер у нее на руках. А главная героиня осталась сидеть подле тела своего любимого и лить горькие слезы.

На этом история завершилась.

Но Альмина сумела дочитать ее до конца далеко не с первой попытки. Девушку душили слезы. Она откинулась на кровать, и, не сдерживаясь, отдалась рыданиям. Никогда прежде она не испытывала такой бури чувств. Ее душа буквально рвалась на части.

Эта книга, случайно попавшая к ней в руки, коренным образом изменила Альмину. Если прежде ее единственной страстью была учеба, то прочитанная история о большой, чистой и трагической любви заставила ее страшно возжелать романтики. Ей хотелось, чтобы с ней произошло то же самое, что и с героиней этой книги. Чтобы однажды и ей повстречался прекрасный юноша, и между ними тотчас же вспыхнула бы страстная любовь до гроба. Альмина даже стала нарочно отпрашиваться на прогулки под тем или иным благовидным предлогом, потому что надеялась, что в ходе одной из них встретит своего прекрасного принца.

Принц не встретился, но жажда большой и чистой любви не ослабевала в душе Альмины. Шли годы, и из худощавой девочки она превратилась в красивую девушку. Родители, задействовав свои связи, пристроили ее в ассистентки к прославленному целителю. Тот оказался точной копией ее отца — жил ради своей работы, и не интересовался ничем, кроме нее. Альмина тоже трудилась с полной самоотдачей, продолжая набираться новых знаний. Воспитанная в строгости, она одевалась просто и неброско, и никогда не пользовалась косметикой. Всем своим скромным и отрешенным видом она давала понять, что ничего, кроме работы, ее не интересует. Но это было не так. Мечта о большой и чистой любви с годами не угасла, но разгорелась еще сильнее. Альмина все ждала — ну когда, когда же она встретит его, своего возлюбленного? Почему-то она не сомневалась, что сразу поймет, что это он, едва увидев его. Ведь в прочитанных ею

романтических историях, а тех за минувшие годы она успела проглотить массу, все именно так и происходило. В них главная героиня сразу же, без труда, опознавала настоящую любовь. Ей хватало одного брошенного взгляда на своего избранника, чтобы понять — да, это тот самый. Альмина была уверена, что и с ней однажды приключится нечто подобное. Иначе ведь и быть не могло.

Но этого все не происходило и не происходило.

Не происходило, но лишь до тех пор, пока ее наставника не призвали в Форинг — небольшой город на восточной границе королевства, стоящий неподалеку от зловещей нейтральной полосы, разделяющей Ангдэзию и темную империю Кранг-дан. В этом городе им предстояло исцелить юного паладина, получившего жестокие ранения в героическом бою с каким-то монстром. Дело намечалось будничное, ее наставник, Агдэил, справлялся с подобными задачами играючи. И Альмина не ждала ничего особенного от этой поездки.

Не ждала ровно до тех пор, пока не вошла в палату к раненому паладину, и не увидела юношу, лежащего на постели без сознания. И в тот же миг поняла — это он и есть. Все было так же, как в ее любимых книгах. Едва взглянув на юного паладина, Альмина, пошатнувшись, едва не упала без чувств. К счастью, никто в этот момент не смотрел на нее, и не заметил, как сильно она побледнела. Ее наставник беседовал о чем-то с местными врачами, а она, схватившись рукой за грудь, изо всех сил пыталась отдышаться и прийти в себя. Ей не верилось, что она наконец-то дождалась своего счастья. Что теперь и ей доведется пережить все то, что переживали героини ее любимых книг.

Глава 3

После завершения сложной хирургической процедуры, в ходе которой Агдэил сумел восстановить сильно пострадавшее в бою с врагами Колькино достоинство, все покинули палату, и Альмина осталась наедине с юным паладином. Ее старший коллега, совершив очередное медицинское чудо, отправился перекусить и вздремнуть.

Местные целители не рисковали вмешиваться в дела приезжих мастеров и занялись другими своими пациентами, в которых не было недостатка. Из тех разговоров, что успела подслушать Альмина, она выяснила, что не так давно на нейтральной полосе произошла крупная битва. Немало героев полегло в ней, а немногих уцелевших, чуть живых и сильно израненных, сейчас выхаживали в лазарете Форинга.

Юный паладин тоже участвовал в той битве. Насколько поняла Альмина, этот отважный герой бесстрашно сошелся в схватке с каким-то ужасающим монстром, носящим нелепое и обескураживающее имя Свиноста. Кто таков этот Свиноста, Альмина не знала. Но сделала вывод, что речь идет о весьма зловещем и мрачном создании, раз люди, упоминая его имя, снижали голос до трусливого шепота.

Этого Свиноста боялись. Он внушал людям какой-то суеверный страх, ибо его непостижимая загадочность могла соперничать лишь с приписываемыми ему злодеяниями. Многие, даже говоря о нем, вздрагивали и пугливо озирались, будто боялись увидеть за своей спиной предмет обсуждения собственной персоной. Весьма, надо думать, страшный и опасный злодей.

Но этот юноша, что лежал перед ней на кровати, укрытый простыней до самого подбородка, не утратился зловещего Свиноста. Он отважно вступил с ним в бой, и едва не лишился жизни. И пусть он не сумел одержать победы над грозным противником, но сам факт того, что юный паладин не струсил, что ринулся в схватку с более сильным и

внушающим трепет врагом, уже говорил о многом.

В голове Альмины тут же нарисовался образ благородного героя, презревшего страх и готового отдать свою жизнь ради торжества добра и справедливости. Юная дева в кратчайший срок успела нафантазировать себе много всякого. Нимало не интересуясь реальными фактами, она составила о Кольке собственное представление, основанное примерно ни на чем. В ее воспаленном романтикой воображении Колька предстал самым воплощением благородства и доблести. Это был настоящий паладин, святой рыцарь, живущий ради других. Он храбро сражался с чудовищами, он, не жалея себя, защищал слабых и невинных. Не грезя ни славой, ни почестями, но желая лишь утвердить повсеместное торжество добра, юный паладин шел тропой истинного мужества.

И разве можно было не влюбиться в него с первого взгляда?

Присев на стул возле постели больного, Альмина надолго залюбовалась его бледным, но красивым и мужественным лицом. Примерно таким она и видела своего возлюбленного в своих многочисленных фантазиях.

С головой отдавшись романтическому настрою Альмина без труда вообразила героический путь юного паладина. Тот получился такого рода, будто прямым стек со страниц романа, посвященного размазыванию любовных соплей по пропитанным слезами страницам. В воображении Альмины Колька предстал в образе благородного страдальца, на чью нелегкую долю градом сыпались тяжкие испытания. Всю свою жизнь он терпел несправедливость жестоких людей, отважно сносил удары судьбы, но никогда, даже в самые мрачные минуты своей жизни, не отчаивался и не предавал идеалов добра и света, озарявших его путь, полный доблести и бескомпромиссного мужества.

Немало горестных страданий довелось перенести благородному герою Николаю. Он влюбился в прекрасную деву, но та отвергла его высокие чувства, и тогда доблестный паладин отправился на границу королевства, в Форинг, чтобы здесь с головой отдаться делу борьбы за свет и добро. Не жалея себя бросался он в жестокие битвы, повергая могучих недругов и не оглядываясь на полученные раны. Тропа беспримерного героизма вела его к вершине славы, в эпическое поднебесье, откуда прямая дорога в легенды. И когда однажды в грандиозном сражении этот образец доблести и мужской красоты столкнулся с ужасным монстром Свиностаем, он не дрогнул и не сбежал, как другие. Обнажив меч, он бросил дерзкий вызов ужасающему чудовищу, что одним своим именем внушало ужас в самые храбрые сердца.

И вот они сошлись в неравном бою — осененный благородной святостью паладин и исчадь самой тьмы. Их грандиозный поединок не имел аналогов по накалу эпичности. Доблестный Николай был близок к победе, но Свиностаем, окутанный темными чарами, был неуязвим. И эта тварь, выползшая на свет из самого черного и жуткого мрака, сумела нанести своему возвышенному и прекрасному в своей непорочности сопернику страшную и подлую рану. Но даже у Свиностаем, существа без совести и сострадания, не хватило духу добить своего противника. Даже он, мрачный и злобный выродок, исторгнутый самой тьмой, пасынок ужаса и двоюродный племянник кошмара, признал силу и мощь паладина Николая, и оставил того в живых.

В общем, пока Альмина посиживала у постели больного, она успела сочинить целый любовно-героический эпос. И с каждой новой фантазией распалась все большей любовью к этому великому воину, к этому титану, к этому образцу мужества, благородства и доброты.

С головой уйдя в мечтания и выдумки, Альмина не сразу заметила, что эпический

святой красавец открыл глаза и давно уже наблюдает за ней. Обнаружив это, девушка невольно ойкнула от неожиданности, и проворно вскочила со стула.

— Я сейчас позову господина Агдэила! — выпалила она суетливо.

— Не надо никого звать, — тихо сказал ей Колька.

— Но он должен вас осмотреть.

— Успеет еще. Дай, пожалуйста, попить. В горле сухо, как в пустыне.

Альмина подошла к столику и наполнила кружку прохладной чистой водой из кувшина. С ней она вернулась к лежащему на кровати паладину.

— Помоги, а, — попросил тот и виновато улыбнулся. — Руки словно свинцовые. Не могу ими пошевелить.

— Это последствия лечебных снадобий, — прошептала Альмина. — Эффект скоро пройдет.

Одной рукой она осторожно приподняла голову юноши, а второй поднесла кружку к его губам. Это невинное действие ввергло Альмину в такое возбуждение, что она только чудом не выплеснула воду в лицо молодому паладину. Ей кое-как удалось обуздать задрожавшие от волнения руки, но совладать со своим яростно стучавшим сердечком она не могла.

Колька жадно выпил всю воду, и Альмина нежно опустила его голову обратно на подушку.

— Вам лучше? — прошептала она.

— Да, спасибо, — отозвался Колька.

Вода и впрямь пошла ему на пользу. Он почувствовал, что грань между жизнью и смертью, на которой он балансировал какое-то время, осталась позади. Его спасли. Вскоре он вновь сможет встать на ноги.

Колька с любопытством взглянул на юную целительницу. Прежде он никогда не видел ее в Форинге, хотя успел облазить город вдоль и поперек, и пересчитать всех здешних красавиц. Уж такой великолепный образец он бы точно не проглядел.

— Присядь, — предложил он, покосившись на стул возле своей кровати. — Давай познакомимся.

Покрасневшая от смущения Альмина робко присела обратно на стул.

— Я вот Коля, — представился паладин. — А как тебя зовут?

Альмина, побурев еще сильнее, тихо назвала свое имя.

— Очень приятно, — улыбнулся Колька.

Даже при своем скверном самочувствии он не мог не оценить юной красоты Альмины. Та была примерно его ровесницей или самую чуточку старше. Все было при ней. Весь комплект тех достоинств, что так высоко ценил образец безгрешной добродетели и эталон святой доблести. И стройная фигурка со всем необходимым сочетанием выпуклостей и изгибов, и милая мордашка с огромными голубыми глазами. На Колькин взгляд, новая знакомая была излишне строга к себе в плане наряда. Не с ее внешними данными было облачаться в серенькое платье, больше похожее на перешитый мешок из-под картофеля. Такую красоту следовало являть напоказ, оглушать ею и повергать в зависть. Колька невольно опустил взгляд и попытался представить, как выглядят стройные ножки Альмины, ныне скрытые под ее непростительно целомудренным одеянием. Он не сомневался в том, что они восхитительны как на вид, так и на ощупь.

— Откуда ты? — спросил Колька. — Я раньше не видел тебя в Форинге.

Альмина, запинаясь, объяснила, что пребывала на границу вместе со своим наставником,

великим целителем, специально для исцеления юного героя, что в настоящий момент лежал перед ней и насквозь прожигал своим пронзительным, сводящим ее с ума, взглядом.

— Так ты здесь ради меня, — протянул Колька. — Что ж, спасибо. Надеюсь, я не оторвал тебя от более важных дел.

Альмина пошатнулась, едва не рухнув со стула в любовный нокаут. Судя по всему, она заметно недооценила святость и благородство этого юноши. Тот больше волновался не о своей жизни, а о том, не отвлек ли ее, Альмину, от каких-то там дел. Юной целительнице не верилось, что все это не сон. Что такие герои бывают в реальной жизни.

— Что вы! — выпалила она с чувством. — Ради вас я с радостью бросила бы любые дела и помчалась на другой край мира.

Только сказав это, Альмина осознала всю двусмысленность своих слов, и покраснела еще сильнее. Впрочем, она ни о чем не жалела. Слишком долго она ждала свою любовь, чтобы теперь, когда та явилась перед ней, робеть и топтаться в нерешительности.

— Спасибо, — улыбнувшись, поблагодарил ее Колька. — Очень приятно это слышать. Так как....

Он запнулся, словно собираясь задать вопрос, возможный ответ на который страшил его.

— Как, в общем, мои дела? — наконец, выговорил он и вымучено улыбнулся.

Альмина все поняла. Благородный герой получил ужасное ранение. Свиностаc (Альмина уже ненавидела эту тварь, хоть и не знала о ней почти ничего) едва не лишил юного паладина его мужского достоинства. Воистину, такое мог сотворить лишь исторгнутый злом выродок. Вполне естественно, что юноша волновался о том, сможет ли он и дальше быть мужчиной. К огромному счастью, мастер Агдэил сотворил очередное чудо. Слава великого целителя недаром гремела по всему королевству. Он сумел исправить все повреждения, нанесенные благородному паладину нечестивой рукой Свиностаcа.

— С вами все хорошо, — быстро произнесла Альмина. — Вскоре вы будете полностью здоровы. Все ваши раны исцелены.

— Все, значит, — повторил Колька, и в его голосе послышалось огромное облегчение. Еще большее облегчение он испытал в душе. Если бы не чудеса здешней медицины, он рисковал на всю жизнь остаться евнухом. Для Кольки эта участь была хуже смерти. А ведь если бы не случилось этих столичных целителей, или если бы его не успели вовремя доставить в Форинг.... Колька почувствовал, как на его лбу проступили капельки холодного пота. Да, у него были все шансы лишиться своего мужского достоинства. Возможно, что и жизни. И, главное, по чьей вине-то? Его ранил не черный рыцарь, не какой-нибудь эпический злодей вроде лорда Мортуса, а жалкий и ничтожный Стасик.

Колька до сих пор не мог в это поверить.

— Наверное, я вас утомила, — услышал он тихий голос девушки. — Пожалуй, мне лучше уйти. Вы должны отдохнуть.

Альмина начала вставать, но Колька остановил ее.

— Нет, останься, — попросил он. — Я не устал. Даже наоборот. От лежания уже спина болит. Да и скучно здесь. Просто я на секунду задумался о... своем.

Альмина с радостью опустилаcь обратно на стул. Ей и самой не хотелось уходить.

— Расскажи о себе, — вдруг предложил Колька. — Ты, может, не знаешь, но я призванный, выходец из другого мира. И кроме Форинга и его окрестностей ничего не видел. А ты, наверное, много где побывала.

Альмина уже открыла рот, чтобы ответить, но тут в коридоре загремели шаги, а затем дверь в палату распахнулась. На пороге предстал высокий широкоплечий мужчина с золотыми кудрями волос и лицом эпического героя. Взглянув на Кольку, он радостно выпалил:

— Очнулся!

— Привет, Ильнур, — улыбнувшись, произнес Колька. — Как видишь, еще живой.

Ильнур подошел к кровати и потрепал больного по плечу.

— Ну, ты как сам? — спросил верховный паладин Форинга.

Колька кивнул на Альмину и ответил:

— Врачи говорят, жить буду.

— Да это-то понятно, — отмахнулся Ильнур. — Еще бы мы дали тебе умереть. Я не с том.

Он обратился к юной целительнице, которая при его появлении вскочила со стула и прижалась спиной к стене.

— Скажите, сможет ли наш Николай стать отцом?

— Ильнур, твою мать, ты прямо сама тактичность, — проворчал Колька.

Альмина побурела так интенсивно, что ее уши едва не вспыхнули огнем.

— Паладин Николай полностью исцелен, — пропищала она, не поднимая глаз от пола. — Он... да... сможет... конечно....

— Отлично! — воскликнул Ильнур. — Наконец-то какие-то хорошие новости. Хоть Лаура успокоится. А то она все эти дни была сама не своя.

— Лаура? — повторил Колька.

Только теперь, когда Ильнур упомянул ее, Колька впервые вспомнил о своей любовнице. Кажется, та была здесь, когда лекари ненадолго приводили его в чувства. Она о чем-то его расспрашивала. Вроде бы о Свиностае.

— И где она сейчас? — спросил Колька.

— Лаура-то? Отсыпается. Она несколько суток дежурила у твоей постели. Чуть не силой пришлось укладывать ее спать.

— А, понятно, — потянул Колька. — А ты откуда и куда?

— Откуда — из резиденции ордена. Куда — на площадку призыва. Вот-вот прибудет новая партия новобранцев. Нужно восполнить потери.

Ильнур склонился над ложем больного и еще раз потрепал Кольку по плечу.

— Выздоровливай! — сказал он.

Затем обратился к Альмине:

— Вы уж позаботьтесь о нашем герое. Глаз с него не спускайте.

— Не спущу, — твердо пообещала Альмина.

Именно так она и собиралась поступить. Слишком долго она дожидалась свою любовь, чтобы теперь смотреть на что-то иное, кроме нее.

Глава 4

Оставив Кольку на попечение молоденькой целительницы, Ильнур направился к portalу. Там уже завершались приготовления к очередному призыву новобранцев, и ему предстояло произнести положенную речь перед потенциальными добровольцами.

После понесенных в битве потерь Форингу требовалось срочным образом пополнить свой контингент. Немало славных воинов и искусных магов полегли на руинах старой

крепости, угодив в ловушку, расставленную подлым Свиноста́сом. И хотя из столицы со дня на день должно было выступить большое войско, полностью полагаться на него не следовало. Войско шло сюда с конкретной целью — устранить злодея Свиноста́са. Но список опасностей, грозящих Форингу, не ограничивался одним лишь Свиноста́сом. После всех понесенных потерь город стал практически беззащитен. Он мог бы отбить не слишком яростный штурм, но если враги навалятся большим числом, и будут достаточно упорны, город не выстоит под их натиском. Срочно требовались новые силы. И единственным способом пополнить ряды воинов света был призыв добровольцев из иных миров.

На огороженной высокими стенами, служащей порталом, площади, все уже было готово. Не было, разве что, Лауры, которая обычно всегда присутствовала при данных процедурах. Но верховная волшебница несколько суток кряду просидела над телом своего возлюбленного, и только прибывшему в город целителю удалось отправить ее высыпаться. Ильну́р не собирался ее тревожить. Пусть Лаура отоспится. Процедура призыва не слишком сложна и давно отработана. Обычные чародеи справятся с ней и без верховной волшебницы.

Прибыв на место, Ильну́р приказал подчиненным приступать к делу. В этот раз, как и всегда, они собирались призвать три сотни человек. Из которых, дай бог, каждый десятый, согласится остаться. Остальные же предпочтут сбежать обратно в свои миры, подальше от жестокой войны со злом. Эти трусы наивно полагали, что здесь идет чужая, никак не касающаяся их, война. И что в своем родном мире им ничего не грозит. Глупцы! Как было не понять, что если падет Ангдэзия, то и их миры окажутся под угрозой вторжения. Интересно, как запоют эти трусливые создания, когда на них обрушится вся мощь легионов императора Дакроса Безжалостно? Или, что того хуже, по их души явится Свиноста́с — монстр в человеческом облики. Тогда-то они, конечно, быстро изменят свое мнение. Тогда-то они поймут, что эта война очень даже их касается. Но будет поздно. Зло поглотит их миры, а сами они превратятся либо в рабов, либо в мертвецов — иные виды подданных Дакросу не требовались. А Свиноста́су и подавно.

Процедура телепортации прошла буднично. И вот, только что пустой каменный загон, в мановение ока наполнился перепуганными и растерянными людьми. Стоя у двери, ведущей на балкон, Ильну́р слышал их голоса. Люди силились понять, что с ними произошло и как они попали сюда. Озвучивались все те же избитые, затертые до дыр, гипотезы — пришельцы, секретный правительственный эксперимент, террористический акт, просроченные пельмени....

Выждав немного, Ильну́р распахнул дверь и вышел на балкон.

Его появление не осталось незамеченным. Взгляды сотен очутившихся на площади людей устремились на него. Зазвучали типичные вопросы, но Ильну́р, подняв руку, призвал толпу к молчанию.

Он произнес ту же речь, что и десятки раз до этого. Сообщил пришельцам из иных миров, где они, и зачем были призваны сюда. Кратко, но емко, обрисовал ситуацию. Дескать, темная империя Кранг-дан, возглавляемая ужасным злодеем Дакросом Безжалостным, лелеет планы по захвату вселенной. И лишь королевство Ангдэзия, оплот добра и света, стоит на пути темных сил. И оно остро нуждается в героях. В тех, кто встанет плечом к плечу с величайшими защитниками добра и остановит Дакроса и его полчища.

Затем Ильну́р предложил новобранцам выбор: остаться и сражаться, или вернуться домой, забыв обо всем. Две магические двери появились в противоположных стенах площади. Левый портал возвращал всех по домам, правый вел к подвигам, славе и

приключениям. Или, что случалось чаще всего, к смерти — но об этом верховный паладин города тактично умолчал.

— Думайте, решайте, — предложил новобранцам Ильнур. — У вас есть время до вечера. Затем магия автоматически вернет всех, не успевших определиться, по домам.

Все объяснив и растолковав, он покинул балкон, предоставив потенциальным добровольцам самим принять решение о своей дальнейшей судьбе.

Все то время, пока Ильнур произносил с балкона свою речь, он непрерывно ощущал на себе чей-то чрезвычайно странный, болезненно-жадный взгляд. Новобранцы, как правило, взирали на него иначе. В их глазах он всегда читал смесь удивления и страха в разной пропорции данных компонентов. Но чтобы на него таращились как на деликатес, как на вожделенное кушанье, такое случилось впервые.

В ходе речи Ильнур украдкой пытался отыскать глазами автора этого неприятного взгляда, но не сумел выявить его среди моря задранных голов. И даже когда он покинул балкон, ему было не по себе. Этот взгляд встревожил его. Было в нем что-то неуловимо зловещее.

Ильнур невольно вспомнил Свиностака, так же призванного из иного мира. Внешне этот изверг казался безобидным ягненком, а на деле оказался хищным зверем. И вот Ильнура охватила паранойя — а не затесался ли в ряды свежей партии добровольцев еще один такой же Свиностака? Или даже хуже. Следовало внимательно изучить всех, кто согласится остаться в этом мире, и постараться выявить монстра, если таковой окажется среди их числа. Потому что двух Свиностаков их несчастный мир ну никак не переживет. Тут бы с одним совладать.

Тем временем люди на площади застыли в немом изумлении. Слова верховного паладина потрясли их. Внезапно вырванные из своей привычной жизни, и огорошенные сенсационной информацией, они изо всех сил пытались переварить ее. Пытались все, кроме одного человека.

Едва Ильнур покинул балкон, как сквозь человеческую массу в направлении правой двери начала деловито проталкиваться невысокая полная женщина. Люди невольно расступались перед ней, потрясенные диким маниакальным блеском ее широко распахнутых глаз. А тех, кто не расступался, женщина грубо отталкивала со своей дороги. Один парень, которого та едва не сбила с ног, счел необходимым сделать женщине замечание. Довольно-таки вежливо предложил той вести себя чуточку менее агрессивно. И тут же горько пожелал об этом. Визгливый крик раскатился над площадью. Выпучив глаза и разбрызгивая слюни, женщина набросилась на юнца и осыпала его однообразными, но бурными, оскорблениями. Парень в страхе попятился от нее, торопясь спрятаться за чужие спины.

Какая-то девушка попыталась унять грубиянку и ласково сказала:

— У вас шок. Постарайтесь успокоиться.

И тут же узнала о себе и своей маме много нового.

Выплеснув из себя поток визгливой ругани, полная женщина продолжила свой путь к двери. Теперь уже толпа охотно расступалась перед ней, и никто не рисковал заговорить с неадекватной особой. Женщина достигла двери, и, не колеблясь, вошла в нее. И только после этого люди на площади облегченно выдохнули.

— Она что, дверью ошиблась? — спросил кто-то. — Ведь чтобы вернуться домой, нужно было идти в другой портал.

— Может, она решила бороться с силами зла? — предположил другой, и эти слова

вызвали закономерный смех. Хамоватая особа менее всего напоминала человека, которому небезразлична судьба вселенной. Скорее уж это вселенную следовало спасать от нее и ей подобных.

Но ничего-то они не понимали. Куда им, жалким и примитивным микробам, было постичь всю глубину и сложность внутреннего мира Матрены.

День, когда мир меча и магии призвал Матрену на великую войну с силами зла, начался довольно буднично. Матрена проснулась чуть свет, разбуженная истошными трелями будильника. Едва разомкнув веки, она увидела на соседней подушке храпящий профиль своего мужа. Это зрелище подняло в душе Матрены волну жгучей ненависти. В миллионный раз она задалась вопросом — как, черт возьми, ее, всю такую уникальную, неповторимую и утонченную, угораздило связать свою судьбу с этим типом? Каким непостижимым образом она оказалась не во дворце, в компании прекрасного принца, а в тесной однокомнатной конуре на пару со все крепче и крепче пьющим сантехником? Притом сантехник этот, чем дальше, тем меньше был сантехником, и все больше только пьяницей. Неделю назад благоверного торжественно вышвырнули с очередной работы за излишнее пристрастие к спиртосодержащим жидкостям. И за прошедшие семь дней тот не совершил ни одного поползновения к тому, чтобы трудоустроиться вновь. Он либо целыми днями валялся на диване, смотря свой идиотский футбол и дебилские политические ток-шоу, либо отлучался к друзьям-собутельникам, с целью залить баки сорокоградусным топливом.

Глядя по помятой, заросший щетиной, профиль законного супруга, Матрена ощутила жгучее желание протянуть руку к прикроватной тумбочке, тихо выдвинуть ящик и нащупать в нем ножницы. Затем сжать их в кулаке, как кинжал, и всадить в горло ненавистного сожителя. С какой бы радостью наблюдала она за тем, как он хрипит и захлебывается кровью, как счастливо хохотала бы над его агонизирующим телом.

Но, вместо этого, Матрена поднялась с кровати и побрела в ванную. За ее спиной спящий муж захрапел громче и слаще. Матрену передернуло, ее опухшее со сна лицо исказила гримаса лютой злости. Как же неистово она ненавидела этот организм, который каким-то образом умудрился стать ее мужем. Она страстно мечтала о том, чтобы пьяного супруга сбила машина, или чтобы он оступился на лестнице и свернул себе шею. Или же чтобы он просто умер. Вот прямо сейчас, во сне. Она бы вышла из ванной, и обнаружила на супружеском ложе остывающий труп. Господи, как бы она хохотала в этом случае. Это был бы счастливейший день в ее жизни.

В ванной Матрена уставилась на свое отражение в зеркале, и вздрогнула. Это случалось почти каждое утро. Каждое утро Матрену шокировало собственное лицо — заплывшее жиром, опухшее, похожее на бесформенный переваренный пельмень. Куда делась та большеглазая красавица, которой она была в свои семнадцать лет? Ведь с тех пор прошло не так уж много времени. Ей сейчас всего двадцать пять. А выглядит она на все сорок. И чувствует себя на все сорок. Неужели семи жалких лет хватило, чтобы превратить красавицу в чудовище?

Хватило. Более чем хватило. И даже не семи, а всего пяти.

Да, пяти. Матрена отлично помнила тот день, два года назад, когда до нее дошло осознание того, что красота и молодость ее закончились. В тот день ее очередной кавалер по телефону (по телефон!) сообщил ей, как бы между делом, что любовь ушла, помидоры завяли, так что пока, гуд бай, и больше сюда не звони. Это был ее последний кавалер сносного качества, кого с огромной натяжкой, но все же можно было подтянуть под

определение прекрасного принца. Дальше пошли конюхи, садовники, и прочий сброд. А кончилось все сантехником.

А ведь когда-то у Матрены была совсем другая жизнь. Ее красота и молодость заставляли мужчин снопами валиться к ее стройным ножкам. Купаясь в море мужского обожания, Матрена была уверена в том, что сказка никогда не закончится. Следующие тысячу лет (примерно столько она собиралась прожить на свете) ее будут водить по дорогим ресторанам, осыпать дорогими подарками, и любить на постелях, усыпанных лепестками роз. Но она сильно ошиблась со сроками. Вся сказка закончилась за пять лет, а дальше потекла суровая быль. Внезапно выяснилось, что для поддержания красоты и привлекательности после двадцати, следует прилагать немалые усилия и во многом себя ограничивать. Но Матрена родилась на свет не для того, чтобы истязать себя диетами и приседаниями. Она любила вкусно и обильно покушать. И если по молодости ее организм как-то справлялся с поступающими в него ударными дозами калорий, то затем это стало проблемой.

Матрена сама не заметила, как начала полнеть. Вначале это не особо-то бросалось в глаза. Матрену не слишком беспокоило, что прошлогодние джинсы уже не способны принять в себя ее разросшийся зад. Но когда этот зад приобрел вид тыльной части взрослого бегемота, это внезапно стало проблемой. Кавалеры, прежде крутившиеся вокруг нее толпой, как-то в одночасье рассосались. Мужчины уже не оборачивались на улице, чтобы проводить ее взглядом. А однажды, взглянув поутру в зеркало, Матрена едва не закричала от ужаса. Там, за стеклом, она увидела какого-то незнакомого человека. Примерно минуту она стояла в ступоре, не в силах признать в этой жирной роже с огромными отвислыми щеками и крошечными заплывшими глазками собственное некогда прекрасное личико. Как? Почему? Ее сглазили? Прокляли? Куда пропала вся красота?

У Матрены был четкий план на жизнь. Вдоволь нагуляться, а затем осчастливить собою какого-нибудь олигарха, банкира или иного толстосума, после чего до конца жизни существовать за его счет, ни в чем себе не отказывая. Но когда ее милое личико превратилось в заплывшую жиром харю, вдруг стало ясно, что рассчитывать на олигарха не приходится.

Был еще шанс переломить ситуацию. Взяться за себя, согнать нажранный непомерными трапезами целлюлит, привести себя в форму. Но Матрена пошла по противоположному пути, и стала топить горе в калориях. Если прежде она просто любила поесть, то теперь пожирание сдобы и сладостей стало ее страстью. Все это не замедлило сказаться на фигуре — та все больше раздавалась вширь.

Жизнь покатила по наклонной. Вместо жены олигарха, купающейся в достатке и роскоши, Матрена вынуждена была обеспечивать себя сама. Она сменила несколько мест работы, пока не очутилась в продуктовом магазине. Затем состоялось знакомство с будущим мужем и последовавшая за этим отвратительно бюджетная свадьба, вспоминая которую Матрена всегда плакала от стыда и унижения.

И вот так она очутилась там, где находилась сейчас: в крошечной квартирке, доставшейся ей в наследство от бабки, в компании начинающего алкоголика и бездельника. Мало того, алкоголика и бездельника, который, как небезосновательно подозревала Матрена, похаживал от нее налево.

Сияясь понять, почему и по чьей вине ее столь прекрасно начавшаяся жизнь скатилась в пучину форменного ада, Матрена вскоре пришла к ожидаемому выводу: все мужики —

козлы! Да, именно так вот. Козлы, и все тут. Это они были виновны во всем. Они, козлы такие, не желали видеть ее бесспорной красоты, это они, козлы, не умели оценить все невообразимое богатство ее внутреннего мира. Она-то, разумеется, была не при чем. Подумаешь, прибавила несколько килограммов. И что с того? Целлюлит не преграда на пути настоящей любви. А мужики этого не понимали, потому что все они были сущими козлами.

Утешением ей стали бесчисленные истории о чудесном попадании таких же, как она, ленивых и потасканных баб в иные, правильные, миры. Эти бабы, как и она сама, исстрадались в этом мире. А и как им было не страдать, когда их окружали сплошь козлы? Но вот в ином, правильном мире, все обстояло иначе. Стоило главной героине попасть туда, как в нее тот час же начинали влюбляться все, кому не лень. Эльфийские принцы, благородные рыцари, могущественные чародеи — все падали к ногам богини. Они страстно добивались ее внимания, жестоко соперничали друг с другом за руку и сердце избранницы, а избранница сидела ровно на своих округлых ягодицах, хлопала глазками и наслаждалась жизнью.

Вот чего желала Матрена. Вот о чем она мечтала. Покинуть этот отвратительный мир, населенный козлами, и навеки отбыть в волшебную страну прекрасных принцев. И вот там-то она вновь будет любима всеми. И вновь красавцы будут увиваться за ней, осыпать подарками и комплиментами, топить в букетах, горланить под окнами серенады.

Подобного рода истории Матрена заглядывала пачками, благо книг на данную тематику выходило предостаточно. Сидела вечерами на кухне, взяв в руки книгу, читала о дивной судьбе такой же, как она, героини, и машинально затыкала в рот пончик за пончиком. И чем дольше читала, тем больше желала и сама очутиться в правильном мире, подальше от всех этих козлов, где в нее тут же по уши влюбится сказочный красавец.

В тот день желание покинуть неправильный козлиный мир было особенно сильным. Плотно позавтракав, Матрена побрела на работу. Муж ее, при этом, продолжал сладко спать, храпя в три дырки. Матрена только чудом сдержалась, чтобы не окатить благоверного кипятком.

Она добрела до магазина, где провела последний год, успела переодеться в розовую униформу, и уже приготовилась встать к прилавку. Но тут вспомнила, что забыла в подсобке телефон. Вернулась за ним, распахнула дверь, шагнула внутрь, и вдруг оказалась на незнакомой площади, среди незнакомых людей.

Вначале Матрена ничего не понимала, и, как и все ее собратья по несчастью, только оглядывалась по сторонам и чесала затылок. А потом на балконе появился мужчина. Рыцарь в сверкающих доспехах. Красавец, какие виделись Матрене только в сладких снах. Он заговорил, объясняя ситуацию, а Матрена стояла на месте и пожирала его взглядом. Она все поняла. С ней приключилось то же, что и с героинями ее любимых историй. Она наконец-то попала в правильный мир. А тот красавец на балконе — и есть ее прекрасный принц. Он влюбится в нее, едва увидев, потому что иначе и быть не может.

И вот, едва паладин на балконе закончил свою речь, Матрена тут же бросилась к правой двери, навстречу новой счастливой жизни. Ей не терпелось скорее очутиться в крепких объятиях этого красавца. Она уже успела забыть, каково это, когда тебя страстно обнимает такой красавец. А ее муж, все прочие козлы, оставшиеся в неправильном мире, и весь этот неправильный мир пускай катятся ко всем чертям прямо в ад. Там им всем самое место.

Лорд Мортус, владетель черного замка и потомственный злодей со стажем, застыл возле окна, осторожно, не без опаски, одним глазом глядя из-за плотной шторы наружу. Внизу, перед резиденцией ордена паладинов Форинга, бесновалась толпа черни. Уже который день лорд Мортус вынужден был созерцать это досадное зрелище, и, хуже того, слушать звучащие в его адрес оскорбления и угрозы. Возмущению лорда Мортуса не было предела. К подобному он не привык. Чтобы какая-то чернь, жалкие простолюдины, ничтожные черви, поливали его бранью и осыпали проклятиями, такого с ним прежде не случалось. Лорда Мортуса несказанно печалила царящая в Ангдэзии вольность. Вот в его владениях представители черни открывали рот только в двух случаях — чтобы поместить туда дарованную милостью лорда пищу, и чтобы издать болезненный крик в ходе справедливого наказания. Лорд Мортус считал, что простой люд надлежит держать за горло мертвой хваткой, непрерывно запугивать и тиранить, не позволяя ничтожным рабам поднять головы. То же, что он наблюдал в Форинге, потрясло его до глубины души. Какие-то крестьяне и горожане, не получив на то высочайшего дозволения начальства, по своей простолюдинской инициативе, каждый божий день собирались на площади под стенами резиденции ордена паладинов, и горланили там в свое удовольствие. И никто, ну вообще никто, не пытался пресечь этот вопиющий беспредел. Лорд Мортус не мог взять в толк, почему Ильнур до сих пор не приказал своим подчиненным жестоко разогнать всю эту толпу, учинив избиение и показательные казни зачинщиков. Ведь эта мера напрашивалась сама собой. Но, нет, простолюдины продолжали собираться и орать под окнами. Эти потерявшие страх черви требовали отдать им на растерзание находящихся в резиденции ордена злодеев, самого Мортуса, и его подручных, черного рыцаря Трокуса и ведьму Риану.

Простолюдины, вероятно, полагали, что имеют основания для подобного возмутительного поведения. Им, видите ли, жаждалось мести за учиненный Мортусом разгром Форинга, в ходе которого большая часть здешних жителей рассталась с жизнью. Они, эти презренные червяки, возомнили себя вправе вершить правосудие, самим решать, кого карать, а кого миловать. И это бесило лора Мортуса сильнее всего. Чтобы чернь, да что-то решала — абсурд! Черни только дай волю, она такого нарешает. Вот в его владениях ничего такого никогда не случалось. Чуть какой раб выказывал косвенные признаки неповиновения, как тут же его, голубчика, насаживали на кол. Одного на кол водрузишь, у всех остальных надолго пропадет охота возмущаться.

А тут что? Чернь бунтует, смуту сеет, и никакой реакции. Ни тебе массовых казней, ни репрессий, ни карательных рейдов. Бред какой-то! Разве так можно? Сегодня чернь просто под окнами орет, а завтра она, чего доброго, потребует у знати поделиться с нею властью. А там, страшно сказать, и до демократии недалеко. Не успеешь оглянуться, как эти мерзавцы уже выборы проведут.

— Одно слово — добряки! — проворчал Мортус, с ненавистью любуясь бушующей под окнами толпой. Он бы, возможно, сумел игнорировать этих ничтожных червей, если бы их крики не проникали в помещение. Мортус просил Ильнура поставить на окна магическую звукоизоляцию, но верховный паладин отказался сделать это. Нарочно отказался, садист этакий. А еще называет себя добреньким.

Отвернувшись от окна, Мортус покосился на своих соратников. Риана лежала на кровати с закрытыми глазами, и, по всем признакам, спала. Ей досталось больше всех прочих, и даже после медицинской помощи, оказанной ей целителями, ведьма все еще чувствовала себя неважно.

На другой кровати растянулся Трокус — почетный ветеран и бывший черный рыцарь. На нем все его раны зажили как на собаке. Старый вояка вновь был в своей прежней форме, хоть сейчас облачай в доспехи, сажай на коня и пускай в жаркую сечу. Как, собственно, и сам Мортус. При добряках лорд черного замка изображал из себя немощного инвалида — прихрамывал, постанывал, передвигался с трудом и постоянно корчил болезненные гримасы. Но все это был спектакль для отвода глаз. На самом деле Мортус полностью поправился. У него еще побаливало здесь и там, ныли сломанные и вновь срощенные ребра, но на всю эту мелочь можно было смело закрыть глаза. Мортус был воином, он привык к ранам и боли. Они никогда его не останавливали.

Встретившись взглядом с Трокусом, Мортус жестом подозвал его к себе. Черный рыцарь медленно поднялся с кровати и подошел к своему господину.

Мортус заговорил чуть слышно, явно не желая того, чтобы его слова достигли ушей Рианы, которая хоть и делала вид, что крепко спала, но могла в этот момент и бодрствовать.

— Старина, пора нам и честь знать, — произнес Мортус.

Глаза Трокуса сверкнули, словно он только и ждал этого предложения.

— Когда? — прошептал он.

— Думаю, сегодня, — ответил Мортус.

Трокус выразительно покосился на Риану.

— Девчонка еще слаба, — заметил он. — Будет нам обузой.

На лице Мортуса заиграла недобрая улыбка.

— А с каких пор мы обременяем себя обузами? — спросил он весело.

Трокус понимающе ухмыльнулся и произнес:

— Я все сделаю тихо. Как стемнеет, придушу ее подушкой.

После секундного колебания Мортус отрицательно мотнул головой.

— Это лишнее, — сказал он. — Просто оставим ее здесь.

— Она может этому не обрадоваться, — заметил Трокус. — Вдруг поднимет тревогу, когда мы соберемся уйти.

— А мы примем меры, — вновь ухмыльнулся Мортус. — Мы ее чуть-чуть придушим, чтобы спалось крепче.

О побеге Мортус думал с той самой минуты, как оказался в Форинге. Формально они трое не были пленниками, их содержали не в темнице, а в резиденции рыцарского ордена. Но выделенные им апартаменты постоянно охранялись. Хоть Ильнур и не запер их троицу в камеру, но верховный паладин нисколько не доверял своим мутным гостям.

С той поры, как Мортус, связавшись с императором Дакросом, доложил ему о новой угрозе, вызревшей на просторах нейтральной полосы, никаких вестей из столицы не поступало. Дакрос не пытался выйти с ним на связь, и Мортус понял, что император не намерен действовать сообща с силами добра. Вероятно, тот придумал какой-то свой, хитрый и коварный, план. Из чего следовало, что им с Трокусом незачем задерживаться в Форинге. Нужно уносить отсюда ноги и возвращаться обратно в Кранг-дан.

Последние два дня Мортус тщательно продумывал план побега. Вначале он хотел дождаться полного выздоровления Рианы, но затем отказался от этого. Ведьма могла приходить в себя еще очень долго, а каждый лишний день в Форинге мог дорого обойтись Мортусу. Когда он возвратится в империю, Дакрос обязательно устроит ему допрос с пристрастием. Император отличался невероятной подозрительностью, во всех вокруг себя видел шпионов и заговорщиков. Придется приложить немалые усилия, чтобы убедить

Дакроса в том, что его, Мортуса, не завербовали силы добра, пока он гостил у них. И каждый лишний день, проведенный в Форинге, делал эту задачу все более и более сложной.

Вечером им доставили ужин. Кормили в плену неплохо, но без души. Солдаты, доставлявшие кушанья, вместо положенного пожелания приятного аппетита предлагали троице злодеев подавиться и сдохнуть в муках.

— И вам того же, ребятки, — проворчал им вслед Трокус.

Троица злодеев в молчании перекусила. Снаружи, меж тем, темнело. На городских стенах и улицах стали загораться многочисленные фонари. Главные ворота все еще были открыты. Их должны были запереть примерно через час.

Мортус умял свою порцию кушанья, запил его морковным соком, каковым приходилось давиться по причине невыдачи пленникам положенного винного довольствия, и решил, что пора действовать.

Он незаметно для Рианы подмигнул Трокусу, и тот, поняв своего господина без слов, согласно кивнул головой. Старому вояке тоже наскучило торчать в неволе.

— Ну, что, будем ложиться, или в кости перекинемся? — спросила Риана, поворачиваясь к Мортусу.

В этот миг Трокус неслышно оказался за ее спиной. Крепкие пальцы черного рыцаря обхватили тонкую шею ведьмы, и умело надавили на нужные точки. Риана тут же подкатила глаза и начала оседать на пол. Трокус легко подхватил ее и осторожно опустил бесчувственное тело на кровать.

Через секунду Мортус и Трокус уже были у двери.

— Эй, прислуга, — издевательски-капризным тоном прокричал Мортус. — Долго мне тут с грязной посудой сожительствовать? Ну-ка живо пришли и забрали. И перину мне взбейте, сколько можно просить.

Долго ждать не пришлось. Спустя пару секунд дверь с грохотом распахнулась. На пороге возник солдат, приносивший им кушанья. За его спиной маячили два товарища. Все трое были злы и не скрывали этого.

— Перину тебе взбить, душегуб чертов? — взревел взбешенный воин добра. — Я тебе сейчас все кишки взобью! Я...

Сыплющий угрозами боец успел шагнуть в комнату, его товарищи замешкались в дверях. Солдат увидел на кровати бесчувственное тело Рианы, а в следующее мгновение стальной кулак Трокуса врезался ему в челюсть. Мортус, зверски сверкая глазами, бросился на двух других стражников. Те, растерявшись, повели себя глупо, на что и рассчитывал владетель черного замка. Вместо того чтобы заорать во все горло и поднять тревогу, они попытались остановить беглецов собственными силами. Но ребята переоценили себя. Первым же ударом Мортус вырубил одного из них. Второй успел схватиться за рукоять меча, когда Мортус с радостным смехом ударил его ногой в живот. Сдавленно хрипя, солдат рухнул на пол. Мортус, не давая ему времени опомниться, пробил повторно, уже в голову. Это попадание отправило стражника в глубокий нокаут.

Бесчувственные тела поверженных врагов злодеи, смеха ради, уложили на одну кровать с Рианой, а чтобы шутка приобрела законченный вид, стащили со всех трех стражников одежду. Сделали это, разумеется, не только с целью хохмы. Мортус и Трокус быстро облачились в трофейную форму, став похожими на солдат Ангдэзии. Рожи, правда, у обоих были до того разбойничьими, что с головой выдавали своих обладателей. Но в сгустившихся снаружи сумерках едва ли кто-то в городе станет присматриваться к лицам двух идущих по

своим делам стражникам.

Покинуть резиденцию оказалось несложно. Большая часть паладинов Форинга полегла в битве при старой крепости, а те, что уцелели, проводили вечернее время в тавернах. Стража в резиденции имелась, но немногочисленная и отрадно расслабленная. Мортус с Трокусом уложили отдохнуть восьмерых, прежде чем сумели выбраться наружу.

В городе царило вечернее оживление — публика растекалась по тавернам. Идти напрямик к главным воротам было рискованно — тамошняя стража обязательно задалась бы вопросом, какого лешего двух солдат несет наружу в такой час. Пока Мортус пытался родить какой-нибудь коварный план, Трокус, оглядевшись по сторонам, тронул своего господина за плечо.

— Смотри, — сказал он, кивком головы обозначив направление.

Внимание Трокуса привлекли три больше телеги, припаркованные возле городского склада. Две телеги уже были пусты, третья находилась в состоянии активной разгрузки. Работники выгружали и таскали на склад мешки с какими-то корнеплодами.

Мортус тут же сообразил, что к чему. Телеги наверняка прибыли снаружи, с какой-нибудь окрестной фермы. Они доставили в город свой урожай, а теперь, после разгрузки, наверняка отбудут восвояси. И это был неплохой шанс для двух беглых злодеев, желающих тайно покинуть Форинг.

Подобравшись к телегам, они выждали момент, когда грузчики, взяв мешки, скроются на складе, и тут же юркнули внутрь. Оба проворно зарылись в ворох пустых мешков, растянувшись на жестких досках тележного дна. Там они затаились и стали ждать.

Минут через десять разгрузка завершилась. Хозяева товара получили плату за доставленные овощи, после чего, остановившись возле телег, развернули бурную дискуссию о своих дальнейших намерениях. Один из них, самый, судя по голосу, молодой, убеждал товарищей задержаться в городе еще немного и посетить какое-нибудь увеселительное заведение. Парня влекла сладкая жизнь — хмельное пиво и городские девицы.

Мортус и Трокус, лежа под ворохом пустых пыльных мешков, сжались от страха. Если компания действительно решит задержаться в Форинге, это может кончиться для них очень плохо. С минуты на минуту их побег обнаружат. Объявят тревогу. Запрут городские ворота и начнут поиски. Форинг не так уж и велик, прятаться в нем слишком долго не выйдет. К тому же ни Мортус, ни Трокус не знали города и всех его укромных мест. Их схватят в два счета, а после этого разместят не в роскошных апартаментах резиденции, а в самой надежной тюремной камере за семью замками.

Но дискуссия крестьян завершилась, в итоге, в их пользу. Старшие товарищи не поддержали молодого парня, и постановили ехать домой немедленно. Вскоре телеги тронулись, и, гроыхая, покатали по брусчатке.

Никакого осмотра на воротах не было. Повозки беспрепятственно миновали их, и стали отдаляться от городских стен. Мортус видел это сквозь узкую щелку в борту телеги. Рядом конвульсивно дергался Трокус. Пыль из мешков попала ему в дыхательные пути, и теперь он обеими руками зажимал свой нос, чтобы не дать тому разразиться громким чихом.

Когда Форинг скрылся из виду, а телеги очутились на пустынной дороге, Мортус дал знак своему соратнику, и они неслышно выбрались из-под мешков.

В этот раз тоже обошлось без смертоубийства. Крестьяне отделались крепкой порцией побоев. Впрочем, их спасло то, что они не попытались оказать внезапно возникшим злодеям никакого сопротивления. Разве что неслабо перепало тому парню, который зазывал

товарищей в трактир. На нем Мортус сорвал все зло, до синевы отходив ногами любителя злочных мест.

Избитых и крепко связанных крестьян бросили на обочине. Затем выпрягли из телег четырех лошадей. Животные были так себе, отнюдь не скакуны. Обычные неповоротливые клячи, привыкшие таскать телеги и сроду не возившие на своих спинах всадников. Но выбирать не приходилось. Лорд Мортус готов был оседлать хоть ишака, лишь бы скорее покинуть земли ненавистой Ангдэзии.

В ночной тьме беглецы направились в сторону нейтральной полосы. Ехали по дороге, не таясь. Мортус не слишком опасался погони. Он сомневался в том, что Ильнур отправится вслед за ними на нейтральную полосу. У верховного паладина и без того хватало забот. Сейчас Ильнура куда больше беспокоил Свиностаc, чем вся империя Кранг-дан. Что ж, не его одного. Мортуса тоже тревожил этот загадочный и зловещий тип. Какие ужасные замыслы вынашивал обосновавшийся на нейтральной полосе Свиностаc? Что кошмарного он затевал? Собственное неведение беспокоило Мортуса. Он бы предпочел, чтобы этого Свиностаcа скорее ликвидировали. Он даже согласился бы сделать это совместно с добряками. Но не в его власти было решать, как ему поступать. Решать предстояло императору. А в том, что Дакрос решится объединиться с Ангдэзией, даже ради устранения новой, нависшей над всеми, угрозы, Мортус сомневался. Наверняка император уже придумал свой собственный план, или как раз сейчас занят его разработкой. Император вообще обожал придумывать разные хитрые планы, и сам считал себя настоящим мастером коварных интриг и подлых козней. Правда, большая часть императорских планов с треском проваливалась, но никто из подданных не осмеливался указать правителю на эту удручающую статистику.

— Что будем делать, когда вернемся? — нарушил молчание Трокус.

Мортус мрачно нахмурился. Его спутник был излишне оптимистичен. Нейтральную полосу еще нужно было пересечь, а удавалось это далеко не всем.

— Будем делать то, что прикажет император, — ответил он. — Как всегда.

— А что насчет Свиностаcа? — напомнил Трокус. — Этот гад со своим ручным демоном выкосили столько наших парней! Неужели мы не отомстим ему?

Мортус резко бросил:

— Давай для начала доедем до черного замка. И погоди думать о мести, еще неизвестно, что нас ждет дома. Ты же знаешь, как император относится к тем, кто побывал во вражеском плену. Вот объявит предателями и перебежчиками, и загремим на каторгу.

— Да нет, с нами такого не случится, — не слишком уверенно произнес Трокус. — Мы же не сдались в плен добровольно. Нас взяли ранеными. Вы-то вообще были при смерти.

— Это еще надо будет доказать, — заметил Мортус.

После чего оба замолчали, погружившись в невеселые думы. А лошади, между тем, несли их сквозь ночь в сторону нейтральной полосы.

Глава 6

Пробудившись после долгого сна, Лаура почувствовала себя не отдохнувшей, а вконец разбитой. Ощущение было такое, будто последние четырнадцать часов она не проспала в своей постели, а занималась тяжелым физическим трудом. Тело сковывала болезненная слабость, глаза едва выглядывали из-под опухших век. Так сказывались последствия ее долгого бдения над постелью раненого Коленьки.

Коленька!

Едва вспомнив о возлюбленном, Лаура тут же вскочила на ноги. Она не знала точно, как долго проспала. Подбежав к окну, она выглянула наружу. Положение дневного светила указывало на то, что сейчас ранее утро, часов, должно быть, семь или около того.

То есть, обожаемый Коленька провел без ее пристального надзора всю ночь!

Лауре стало дурно. Жуткие, ни на чем не основанные, предчувствия овладели ею. Она со страхом подумала о том, что с Коленькой могло произойти что-то страшное, пока она беззаботным образом дрыхла в своих покоях. И как она только могла оставить его одного? Почему поддалась на уговоры Агдэила и покинула своего возлюбленного? А вдруг он....

Лаура постаралась отогнать от себя эту невыносимо чудовищную мысль. Нет, этого не могло быть. Боги не могли отнять у нее едва обретенную любовь. Это было бы невероятно жестоко с их стороны. Она не заслужила такого. Разве она не стояла на страже добра столько, сколько себя помнила? Разве не думала о других больше, чем о себе? И разве после всего этого ей не положена награда?

Первым порывом Лауры было желание немедленно бежать в лазарет и проведать любимого Коленьку. Она чувствовала, что пока лично не убедится в том, что с ним все хорошо, то не сможет успокоиться. Но пробегая мимо большого зеркала, Лаура случайно бросила взгляд в его глубины, и ужаснулась. Оттуда на нее смотрела незнакомая женщина, растрепанная, дико усталая, кажущаяся настоящей дряхлой старухой.

Нет, показываться в таком виде перед возлюбленным было недопустимо.

Лаура позволила себе потратить двадцать минут на то, чтобы немного привести себя в порядок. Три пузырька с восстанавливающим зельем и гребень сотворили чудо. Морщины разгладились, кожа вновь приобрела здоровый цвет. По-хорошему следовало переодеть мягкое платье, в котором Лаура провела ночь, но она уже не могла более выносить разлуку со своим любимым. Ей казалось, что если она немедленно не увидит Коленьку, не убедится, что с ним все хорошо, то умрет на месте.

Но едва Лаура выбежал на улицу, как тут же столкнулась с посланными за нею солдатами. Те сообщили ей, что верховную волшебницу сей же час желает видеть Ильнур, ибо произошло нечто важное. Лаура даже не пыталась слушать солдат. Что могло быть важнее самочувствия ее Коленьки? Да даже если неподалеку от Форинга разверзнутся врата в мир демонов, и из него хлынут полчища чудовищ, то и в этом случае здоровье ее возлюбленного будет для нее в приоритете. Пусть погибнет весь этот мир, лишь бы Коленька был жив и продолжал любить ее.

— Передайте Ильнуру, что я подойду позже, — сказала Лаура. — Сейчас мне срочно нужно в лазарет.

Солдаты понимающе переглянулись. Отношения любовного характера, завязавшиеся между верховной волшебницей Форинга и юным паладином Николаем, давно уже не были секретом ни для кого. Один из воинов сказал:

— Госпожа, если вы беспокоитесь за Николая, то позвольте вас обрадовать — с ним все хорошо. Я слышал, он еще вчера пришел в сознание и быстро идет на поправку.

Эта новость подействовала на Лауру двойственным образом. Она одновременно и возликовала от радости, и ощутила горечь отчаяния. Тот факт, что Коленька был жив и быстро поправлялся, осчастливил ее. Но Лаура не могла простить себе того, что не находилась рядом с постелью возлюбленного в тот миг, когда он открыл глаза. Именно ее он должен был увидеть первой. Ее, и никого больше.

— Госпожа, идемте к Ильнуру, — взмолился солдат. — Он очень просил вас немедленно прибыть к нему.

— Ну, хорошо, — сдалась Лаура, очень надеясь, что все это не займет много времени. Сейчас ее не интересовало ничто, кроме самочувствия возлюбленного, и она желала убедиться лично, что с тем действительно все хорошо.

В сопровождение солдат она достигла резиденции ордена паладинов. Едва она вошла внутрь, как услышала голос Ильнура. Верховный паладин редко выходил из себя, он вообще славился непробиваемым хладнокровием. Но в этот раз кто-то очень постарался, и сумел взбесить даже его.

— Что произошло? — удивленно спросила Лаура у солдат.

— Сейчас вы все узнаете, — ответил ей один из провожатых.

Они поднялись на третий этаж, и подошли к апартаментам, где содержались трое злодеев — Мортус, Трокус и Риана. Двери в их покои были распахнуты, внутри Лаура разглядела множество солдат. Оттуда же доносился сердитый крик Ильнура.

— Хватит вешать мне на уши лапшу! — прокричал он на кого-то. — Ты что же, за дурака меня держишь?

В ответ прозвучало неразборчивое пришибленное бормотание, в котором сквозили виноватые нотки.

— Вот оно что! — вновь взорвался Ильнур. — На своем, значит, решила стоять. Ну, будь по-твоему.

Лаура заглянула в комнату. Там она обнаружила множество солдат, Ильнура и Риану. Ведьма стояла у стены, прижавшись к ней спиной, и имела вид нашкодившего ребенка. Напротив нее, уперев руки в бока, стоял Ильнур и буравил ведьму свирепым взглядом.

— Что случилось? — спросила Лаура, привлекая к себе внимание.

Ильнур, повернувшись к ней, быстро произнес:

— Мортус и Трокус сбежали прошлым вечером.

— Что? — удивилась Лаура. — Как им это удалось?

— Да уж как-то удалось.

С этими словами Ильнур вновь обрушил на Риану свирепый взгляд. Ведьма сжалась от ужаса и проскулила жалким тоненьким голосочком:

— Говорю же в который раз, я ничего об этом не знаю. Они мне ни о чем не говорили. Ты же сам видишь, что эти козлы бросили меня здесь.

— Полюбуйся-ка на эту врунью! — предложил Ильнур Лауре. — Она, похоже, считает нас всех дураками, раз надеется, что мы поверим в ее сказки.

— Клянусь, так все и было! — в отчаянии заламывая руки, простонала Риана. — Зачем бы я стала врать?

Тут уже все солдаты в комнате разразились дружным смехом. Ильнур, тоже улыбнувшись, произнес:

— В самом деле, ну зачем злодейке врать?

Улыбка сползла с его лица, взгляд сделался холоден и строг.

— В последний раз тебя предупреждаю, гадина, сейчас же говори правду! — прорычал он на Риану. — Признайся во всем, и сохрани свою жизнь.

По лицу Рианы покатались слезы. Она в отчаянии пробормотала:

— Да нечего мне больше сказать. Так все и было. Они меня бросили, а сами сбежали. А чтобы я не подняла тревогу, они меня вырубали. Погляди, синяки на шее.

Она задрала голову и попыталась предьявить доказательства своей невиновности. Но никого не интересовали ни ее шея, ни синяки на ней, оставленные пальцами Трокуса.

Покачав головой, Ильнур повернулся к Лауре.

— Что за лживое создание! — произнес он в отчаянии. — Продолжает гнуть свою ложь даже будучи припертой к стенке. Как будто не очевидно, что ее оставили здесь для того, что она шпионила за нами.

— Что? — завопила Риана. — Нет-нет-нет! Ничего такого! Это неправда! Никакая я не шпионка!

— А я не удивлена, — призналась Лаура. — Я с самого начала знала, что злодеям нельзя доверять. Император Дакрос больной на всю голову маньяк, и его подданные ничем не лучше. Он не станет сотрудничать с нами даже под угрозой уничтожения всего нашего мира. Скорее он попытается сговориться со Свиностаем. Они два сапога пара. Оба монстры, оба одержимы злом и ненавистью. И оба они заслужили мучительную смерть. Медленную, страшную смерть. О, если бы только они оказались в моих руках, я бы ввергла их в такие муки, какие им и не снились. Я бы пытала их днями и ночами, наслаждаясь их истощными воплями. Я бы...

Лаура осеклась, заметив, что все в комнате, включая Ильнура и Риану, смотрят на нее со смесью удивления и страха.

— Простите, — кротко улыбнулась Лаура, — я немного увлеклась.

Она посмотрела на Риану.

— Что ты собираешься делать с этой шпионкой? — спросила она у Ильнура.

— Да не шпионка я, хватит на меня наговаривать, — пискнула Риана.

— Пока не знаю, — вдохнув, признался Ильнур. — Для начала запрю ее в темнице, а там будет видно. Хотел бы я, чтобы она заговорила, ведь ей наверняка многое известно о планах злодеев, в частности касающихся Свиностае, но мне сейчас некогда возиться с нею — нужно тренировать новобранцев. Последний призыв оказался урожайным — Форинг пополнился сорока тремя новыми героями. Чем быстрее они смогут встать в строй, тем лучше.

Лаура задумчиво посмотрела на Риану, и на ее лице заиграла мечтательная улыбка.

— Знаешь что, — предложила она Ильнуру, — а позволь мне заняться этой злодейкой. Обещаю, я вытяну из нее все, что она так тщательно скрывает.

Ильнур с беспокойством посмотрел на Лауру. Ему решительно не нравились те перемены, которые произошли в верховной волшебнице за последнее время. В ней стала проявляться какая-то остервенелая жестокость, а когда она начинала говорить о злодеях или Свиностае, в ее глазах вспыхивал огонек кровожадного безумия.

— Да сколько можно повторять — ничего я не скрываю! — выпалила Риана. — Не верите — дайте мне зелье правды. Оно не даст мне соврать.

— Как будто мы не знаем, что у всех черных магов империи имеется искусственно созданный иммунитет к этому зелью, — устало произнес Ильнур. — Что ж, Лаура, если ты уверена, что сумеешь развязать этой лгунье язык, то сделай это.

На лице верховной волшебницы появилась пугающая улыбка маньяка. Ильнур вздрогнул, тотчас же усомнившись в правильности своего решения. Может быть, не стоило отдавать пленницу на растерзание Лауре. Та явно была не в себе. Любовь к юному паладину, так ярко вспыхнувшая в ней, сильно изменила ее, и не сказать, что в лучшую сторону.

— Эй, не отдавайте меня ей! — трусливо захныкала Риана. — Ильнур, давай ты меня

будешь допрашивать. Я тебе все-все расскажу. И покажу, если захочешь.

— Не переживай, — успокоила Лаура верховного паладина. — Я все сделаю аккуратно и гуманно.

Но ее взгляд, полный кровожадной радости, говорил обратное.

— Ну, хорошо, — принял окончательное решение Ильнур. — Поместите злодейку в темницу, в камеру для чародеев. А ты, Лаура, постарайся разговорить ее.

— Уж я разговарю! — заверила его верховная волшебница, разделявая Риану взглядом. — Она у меня все-все расскажет!

Стражники приняли Риану под руки, и надели на ее запястья кандалы из специального, подавляющего магию, сплава. Ведьма не сопротивлялась, но в ее глазах застыли страх и отчаяние.

— Ильнур, ну не надо! — слезно взмолилась она. — Я ведь ни в чем не виновата. Правда!

— Смешно слышать подобное из твоих уст, — презрительно проронил верховный паладин. — Разве ты не участвовала в захвате Форинга? Скольких невинных людей вы убили в тот день? Уже одного этого достаточно, чтобы повесить тебя. Но я не стану этого делать. Мне нужна информация, а не месть. Поэтому я советую тебе рассказать обо всем и облегчить свою участь.

— Да нечего мне рассказывать, демон вас всех задерит! — взорвалась Риана. — Вы что, глухие? Я ничего не знаю о планах императора. Ничего не знаю о Свиностае. Не знаю, что задумали Мортус с Трокусом. Что еще вы хотите от меня услышать?

— Правду, — вдохнув, ответил Ильнур. — Но, похоже, ты не скажешь ее по-хорошему.

Рыдающую Риану повели прочь из комнаты. Когда ту проводили мимо Лауры, верховная волшебница недобро улыбнулась, и проворковала:

— Увидимся в темнице, дорогуша.

Риана побледнела от страха. Жуткий кровожадный взгляд верховной волшебницы Форинга напугал ее до икоты.

— Ильнур, я передумала! — крикнула она. — Я все расскажу. Тебе. Только тебе.

— Хватит с меня вранья на сегодня, — устало произнес тот. — В темницу ее. Пускай посидит там и поразмыслит о своей дальнейшей судьбе.

— Да я уже поразмыслила! — убежала его Риана. — Хочу сотрудничать. Ильнур....

Но стражники уже выволокли ее из комнаты.

— Вот такие дела, — произнес верховный паладин, обращаясь к Лауре. — Мало нам было проблем, так теперь еще гадать, что задумали злодеи. Ты действительно считаешь, что император Дакрос попытается сговориться со Свиностаем?

— Разумеется, — уверенно произнесла Лаура. — Дакрос сговорится с кем и чем угодно, лишь бы уничтожить нас. Он сам чудовище, а потому видит в Свиностае родственную душу.

— Вот только как бы ему не пришлось об этом пожалеть, — заметил Ильнур. — Злодей Свиностае едва ли согласится на роль императорского вассала. У этого монстра свои планы на наш мир. И если Дакрос начнет заигрывать со Свиностаем, то эта игра может закончиться для него гибелью. В иной ситуации я бы даже порадовался подобной перспективе, но ведь Свиностае не успокоится на этом. Он жаждет поработить весь мир, и едва разделившись с империей, обратит свой взор на королевство добра.

— Значит, нужно разделаться с ним прежде, чем он наберется сил и отыщет себе новых союзников, — сказала Лаура. — И мы это сделаем, как только из столицы прибудет

королевское войско.

Тут она спохватилась и быстро произнесла:

— Ильнур, если я больше тебе не нужна, то я пойду. Мне сказали, Коля уже очнулся.

— Да, так и есть, — улыбнулся Ильнур. — С ним все хорошо. Твой Агдэил настоящий чудотворец. Ступай, я больше не смею тебя задерживать.

Наконец-то освободившись, Лаура поспешила в лазарет. Она в тайне надеялась, что ее возлюбленный еще спит, и она, присев возле его постели, терпеливо дождется его пробуждения. Лауре непременно хотелось, чтобы возлюбленный Коленька увидел ее первой, едва открыв глаза. Ей хотелось многое ему рассказать. В частности, поделиться своими планами на будущее. Эти планы касались переезда на уединенный остров, подальше от войны и всех опасностей этого мира. Там, на острове, они будут только вдвоем, и ничто не будет отвлекать их друг от друга. Но сначала следовало разобраться со Свиностагом. Это мерзкое существо должно было умереть. Только после этого они с Коленькой будут в безопасности.

В столь ранний час в лазарете было пусто. Пациенты еще спали, несколько целителей, дежуривших ночью, развлекали себя чаем и беседой. Лаура проскользнула по длинному коридору, и очутилась напротив двери, ведущей в палату Коленьки. Она уже протянула руку, чтобы открыть дверь, но вдруг замерла, услышав доносящиеся из палаты голоса. Один из голосов она узнала — он принадлежал Коленьке. Второй, женский голос, был ей решительно незнаком.

Ее возлюбленный уже проснулся. Более того, он был в палате не один. И компанию ему составляла какая-то женщина.

Лаура легко могла бы усилить свой слух с помощью магии и подслушать чужой разговор, но захлестнувшие ее эмоции полностью заглушили разум. Она резко распахнула дверь и застыла на пороге.

Колька лежал в постели, а подле него, на стуле, сидела какая-то юная девица смазливой наружности. При этом Колька что-то говорил ей с улыбкой, а по лицу собеседницы растекалась краска смущения.

Как только дверь распахнулась, они оба повернулись в ее сторону. Повернулись, и невольно вздрогнули, потому что сперва не поняли, кто стоит на пороге в палату. Коляке почудилось, что это какой-то зловещий призрак с искаженным гневом лицом и дико горящими злобой глазами. Альмине же почудилось, что сама смерть пришла за ней.

Впрочем, это наваждение продержалось не долее секунды. А затем Колька с облегчением понял, что в дверях стоит Лаура.

— Привет, — сказал он. — А я все думал, когда ты меня наведишь.

Лаура медленно вошла в палату. На своего возлюбленного, к которому она так рвалась, верховная волшебница даже не смотрела. Ее пристальный взгляд был сфокусирован на девице, посмевавшей составить компанию ее Коленьке. Вчера Лаура не обратила никакого внимания на помощницу Агдэила, вероятно, потому, что слишком устала от многосуточного бдения. Но вот сегодня, да еще при таких обстоятельствах, она хорошенько присмотрелась к ней. И к своему ужасу поняла, что юная целительница является настоящей красавицей.

С быстротой молнии в голове Лауры нарисовалась ужасающая картина: пока она спала в своих покоях, утомленная многосуточным бдением над телом возлюбленного, эта смазливая вертихвостка вздумала увести ее обожаемого Коленьку. Эта юная девица с невинной внешностью, на самом деле являлась подлой и коварной соблазнительницей. И эта

дрянью, эта гадина, эта мерзавка, положила глаз на ее мужчину!

Взгляд Лауры сделался настолько страшным, что Альмина невольно попятилась от верховной волшебницы. Воздух в палате зазвенел от напряжения, казалось, вот-вот загремит гром и полетят молнии. Ну, точнее не молнии, а световые копыя, потому что Лаура пришла в такое бешенство, что была готова сию же минуту уничтожить подлую соперницу. Плевать ей было на последствия. Главное испепелить эту бессовестную девчонку.

— Лаура, что с тобой? — услышала она встревоженный Колькин голос.

Лаура вздрогнула, и волна кровожадности, накрывшая ее с головой, благополучно схлынула. К верховной волшебнице возвратилось здравомыслие.

— Ты как будто не рада меня видеть, — заметил Колька. — Вошла, и смотришь куда-то мимо.

— Что ты! — воскликнула Лаура, бросаясь к постели возлюбленного. — Как ты мог такое подумать?

— Я вас, пожалуй, оставлю, — тихо сказала Альмина, и быстро выскользнула из палаты, прикрыв за собой дверь.

Тут в Лауре поднялось желание устроить своему возлюбленному сцену ревности, строго расспросить его, с какой стати он смеет ворковать с какой-то девкой, но Лаура быстро подавила этот спонтанный порыв. Нет, она не станет этого делать. Это было бы глупо и оскорбительно в отношении ее обожаемого Коленьки. Она не станет обижать его своей глупой ревностью. И эта молоденькая дуреха ей вовсе не соперница.

Но осыпая своего возлюбленного поцелуями, Лаура никак не могла выбросить из головы эту жуткую сцену — Коленька и юная вертихвостка воркуют наедине в палате. Зря, все-таки, она решилась отойти от постели любимого. Но уж теперь-то она не совершит подобной ошибки. Теперь она не оставит его ни на секунду. А если вдруг этой заезжей гадине вздумается встать на ее пути к счастью, пускай побережется. Ничто ее не спасет. Лаура готова была бороться за свою любовь любыми, даже самыми зверскими методами. Кто бы ни попытался отнять у нее едва обретенное счастье, будь то злодей Свиностаc или заезжая бесстыдница, все они горько об этом пожалеют.

Глава 7

Отправив Риану в темницу, Ильнур покинул резиденцию ордена и вышел на прилегающую к ней площадь. Здесь он принялся бродить в состоянии глубокой задумчивости, пытаясь решить, какие действия ему следует предпринять далее. Побег злодеев сильно беспокоил его, а слова Лауры о том, что император Дакрос может спеться со Свиностаcом, не шли из головы у верховного паладина. Своей главной задачей Ильнур видел защиту Форинга от любых опасностей, но теперь, когда лучшие герои пали в старой крепости, угодив в ловушку коварного Свиностаcа, а новые едва начали свое обучение, город был ужасно незащищен. Из столицы со дня на день должно было выступить королевское войско, но до его прибытия им нужно было как-то продержаться своими силами. А их может не хватить, если какой-то враг, будь то злодеи из империи Кранг-дан, или Свиностаc со своим ручным демоном, вздумают напасть на Форинг.

И вот бродил себе Ильнур по площади, бродил, а затем ощутил на себе уже знакомый ему пристальный маниакальный взгляд. Он ощущал его вчера, перед толпой призванных из иных миров добровольцев. И вот теперь снова.

Ильнур остановился и украдкой огляделся по сторонам, пытаясь установить источник

этого вгоняющего в трепет взгляда. Но это оказалось невыполнимой задачей. Людей на площади и ее окрестностях было предостаточно. Автором взгляда мог быть любой из них — торговец, ремесленник, праздный гуляка.

Верховному паладину стало не по себе. Тот, кто буравил его этим взглядом, внушал ему трепет. Было в этом взгляде что-то жуткое, в нем чувствовалась какая-то нездоровая одержимость.

Вдруг рядом с собой Ильнур услышал голос, окликнувший его, и едва не подпрыгнул на три метра от испуга. Но подкравшимся к нему человеком оказался всего лишь другой паладин, его подчиненный.

— Что с тобой, Ильнур? — с беспокойством спросил тот. — Ты чего так дергаешься? Что-то случилось?

Верховный паладин еще раз обвел затравленным взглядом всю площадь, и быстро ответил:

— Нет, все хорошо. Что ты хотел?

Паладин стал излагать ему свое дело, и Ильнур, полностью сосредоточившись на нем, перестал ощущать на своей шкуре леденящий кровь взгляд. Это продолжалось ровно до тех пор, пока он случайно не повернул голову, и не увидел нечто, заставившее его содрогнуться.

Прямо к нему через площадь направлялась женщина. Немолодая. И некрасивая. Полнота заметно старила ее. Жировые отложения грозно колыхались под мешковатой одеждой, словно волны на охваченном штормом море. При каждом шаге огромные хомячьи щеки вздрагивали, как желе.

Но Ильнура испугал не внешний вид этой женщины. После того, как он воочию пронаблюдал саму Грыжу Антрекотовну, его трудно было пронять женской страхолюдностью. Верховного паладина вверг в трепет взгляд этой незнакомки. Это и был тот самый взгляд, который он почувствовал сегодня, а до того вчера. Взгляд одержимого маньяка, нацеленный на намеченную жертву.

— Знаешь, мне надо идти, — быстро забормотал Ильнур, торопясь распрощаться с паладином.

— Да подожди ты, — попытался удержать его тот. — Я ведь не закончил.

— Давай договорим позже. Я действительно очень спешу.

Он повернулся к незнакомке, и страх объял все его существо. Та была уже в двух шагах от него. Упитанная барышня шла прямо на Ильнура, будто на таран. Верховный паладин попятился, отчаянно жалея, что безоружен. Сейчас бы ему очень пригодился его святой меч.

— Ильнур, да что с тобой? — воскликнул паладин, изумляясь странному поведению начальника.

Женщина была уже в одном шаге. Она не спускала с Ильнура взгляда немигающих глаз, и тот ощутил настоящий страх. Ему мигом вспомнились разнообразные слухи о самом мерзком и черном колдовстве, о жутких проклятиях, и о призванных из небытия тварях, преследующих своих жертв. Ему на секунду показалось, что эта женщина на самом деле не является человеком, что она нечто, призванное из тьмы и посланное злыми колдунами по его душу. Он был близок к тому, чтобы закричать от ужаса, и только тренированное годами самообладание позволило ему удержаться от пронзительного вопля.

— Ильнур! — вновь воскликнул паладин. — Да ты бледнее смерти. Скажи мне — что стряслось?

Ильнур, как парализованный, наблюдал за приближением толстухи. Нужно было

бежать, но волна накатившего ужаса лишила его воли. Неужели какая-то жуткая тварь пришла за ним из другого мира? Если так, ему не спасти свою жизнь. Хотелось бы уйти красиво, в отчаянной борьбе с монстром, но от страха верховный паладин лишился всякой воли. Он стоял и покорно ждал свою участь. И участь та была страшна.

В тот момент, когда, казалось, незнакомка просто врежется в него, та вдруг ненатурально вскрикнула, бездарным образом сделала вид, что потеряла равновесие и вот-вот упадет, и с целью предотвращения мнимого падения обеими руками вцепилась в Ильнура, тяжким грузом повиснув на верховном паладине. Тот стоял с бледным лицом, чуть живой от ужаса, и ждал неминуемого конца. Толстуха, повиснув на нем, принялась жадно лапать его руками и тереться об него своими огромными грудями. Ильнуру чудилось, что огромное чудовище обхватило его лапами и щупальцами, и утаскивает напрямик в преисподнюю.

И вдруг он услышал возмущенный голос другого паладина.

— Эй, женщина! — воскликнул тот. — Что ты себе позволяешь! Немедленно отцепись от него. Разве тебе не ведомо, кто перед тобой?

Но толстуха пропустила его слова мимо ушей. С безумной жадностью она цеплялась за Ильнура, елозя по нему своим пышным телом. Верховный паладин стоял столбом, чуть живой от ужаса. Он сильно побледнел, а его взгляд помутнел от страха.

Наконец, не выдержав, паладин вмешался в дело. Он грубо схватил женщину, и силой оттащил ее от Ильнура.

— Какого гоблина ты творишь? — заорал он на нее.

— Ой, извините, — приторно улыбаясь, забормотала женщина. — Я, кажется, оступилась. Как хорошо, что вы успели меня подхватить.

Последние слова были обращены к Ильнуру, но тот не услышал их. Сердце верховного паладина билось через раз, пот градом катился по его мертвенно-белому лицу. Он пытался вернуть себе самообладание, но не у него не получалось.

— Ничего ты не оступилась, — уличил женщину паладин. — Я видел, ты сама на него прыгнула. Иди отсюда!

Пухлое лицо толстухи исказила гримаса злости. Она уже открыла рот, чтобы окатить этого хама густым потоком брани, но, быстро глянув на Ильнура, сдержалась.

— Еще увидимся! — кокетливо пригрозила она верховному паладину, и побрела прочь, игриво виляя огромным задом.

— Ну и народец! — возмущенно качая головой, произнес паладин. — Эти пришельцы из иных миров подчас ведут себя просто возмутительно. Ильнур, ты как? Что с тобой? Ты так бледен!

Верховный паладин медленно приходил в себя. Жуткое наваждение исчезло. Толстуха оказалась обычным человеком, а вовсе не монстром, но Ильнур не был уверен в этом на сто процентов. Его трясло. Он чувствовал слабость и дрожь в коленях.

— Пожалуй, пойду к себе, — произнес он чуть слышно, провожая жирную особу взглядом. — Что-то мне нехорошо. Нужно прилечь.

Он быстро скрылся в резиденции, приказав страже устроить бдительность и ни в коем случае никого к нему не пускать. В своих покоях Ильнур влил в себя три полных кубка крепкого вина, и только после этой солидной дозы успокоительного его немного отпустило. Отпустило, но не полностью. Страшная баба с маниакальным взглядом продолжала рождать в нем страх. Что она такое? Чего от него хочет? Что пыталась сделать, повиснув на нем и

жадно хватая руками?

Ильнур решил немедленно пойти к целителям и провериться на наличие проклятий. Толстуха могла наложить на него порчу, или еще что-нибудь в том же пагубном духе. А заодно следовало попросить у лекарей какое-нибудь снадобье для успокоения разыгравшихся нервов, потому что выпитое вино не помогло должным образом.

А в это же самое время Матрена брела по Форингу, и мечтательная улыбка не сходила с ее обрюзгшего лица. С ней все происходило так же, как с героинями ее любимых историй. Покинув мир козлов, она очутилась в правильном мире прекрасных принцев. И самым прекрасным из них оказался благородный и мужественный рыцарь. Матрена ждала, что тот сам прибежит к ней с признаниями в любви, но когда этого не случилось, решила взять инициативу в свои руки. Она выяснила, что ее принца зовут Ильнур. Имя было в самый раз для принца. Не какой-нибудь Вася или Петя — такие имена годились только для козлов. А он — Ильнур! Затем, без особого удивления, Матрена узнала о том, что мужчина ее мечты является главой здешнего рыцарского ордена. Ну, этого следовало ожидать. Она и не рассчитывала ни на что меньшее. Разве она, вся такая уникальная, неповторимая и возвышенная, успевшая настрадаться от грубых и бесчувственных козлов, не заслужила лучшего? Еще как заслужила!

В том, что Ильнур уже влюблен в нее без памяти, Матрена не сомневалась. Когда она как бы случайно повисла на нем, ее избранник утратил дар речи и побледнел, как холст. Еще бы ему было не побледнеть! Ведь в этот самый миг амур из баллисты засадил в его сердце трехметровую стрелу любви до гроба.

Затем Матрена вспомнила о том, как другой паладин, тоже вполне ничего себе такой мужчина, кинулся оттаскивать ее от Ильнура. И тут она поняла — он тоже в нее влюбился, а его действия были продиктованы ревностью.

Все-таки ее любимые истории ни в чем не ввали. Стоило ей попасть в правильный мир, как все здешние красавчики дружно втрескались в нее. Теперь ее ожидало то самое, о чем она мечтала всю свою жизнь: великолепные мужчины будут добиваться ее руки, а она, капризная, колебаться с выбором, купаясь в их коллективном обожании. Под ее неотразимые чары уже попали двое — Ильнур и другой рыцарь. И это только начало. Скоро все красавцы этого мира упадут к ее ногам.

На радостях Матрена решила побаловать себя сдобой. При распределении магия волшебного куба определила ее в торговки, и в настоящий момент она должна была находиться на своем рабочем месте — в рыбной лавке. Там ей, по ее просьбе, выдали аванс на неделю вперед, так что деньги у Матрены водились. Но работать она, разумеется, не собиралась. Вот еще! За кого они ее принимают, если думают, что она будет торговать вонючей рыбой? В скором времени ее руки будут добиваться лучшие мужчины этого мира. Они осыплют ее дорогими подарками, дадут ей все, что бы она ни пожелала. Если она захочет, то сможет купить весь Форинг со всеми окрестностями. И эти дураки предлагают ей, будущей принцессе, стоять за прилавком и продавать рыбу? Да в своем ли они уме?

Завернув в небольшой трактир, Матрена на половину аванса заказала себе целую гору пирогов. Те в этом мире оказались невероятно вкусными, и будущая принцесса сама не заметила, как всухомятку усидела восемь штук.

Наяривая сдобу, Матрена отдавалась сладким мечтаниям о том, в какое море любовной романтики окунется со дня на день. Ей уже мало было одних паладинов, Матрена возжелала, чтобы за ее руку и сердце боролись и другие красавчики этого мира. Очень бы хотелось ей

заиметь в числе поклонников эльфийского принца. Загружая в топку четвертый по счету пирог, она возмечтала о том, что завтра в Форинг прибудет делегация эльфов с прекрасным принцем во главе. Она уже успела вызнать, что эльфы в этом мире водятся. Ее нисколько не смутил тот факт, что представители данного народа жили обособленно, и почти не вступали в контакт с людьми. Это они до ее появления не вступали, а вот теперь точно вступят. И завтра же, ни с того, ни с сего, прекрасный эльфийский принц явится в этот город, увидит ее и тут же влюбится по уши. Но и этого мало. Следом за ним в Форинг пожалует могущественный чародей, молодой красавец, наделенный невероятной силой. И он тоже в нее влюбится, потому что иначе и быть не может. И вот она уже вся такая принцесса, а паладин, эльф и маг, толкаясь локтями, борются за ее любовь.

Замечтавшаяся Матрена не заметила, как к столику, за которым она в ударных дозах поглощала сдобу, подошел седовласый трактирщик.

— Милейшая, у вас все хорошо? — спросил он участливо.

Матрена прекратила грезить и злобно уставилась на мужика. Тот не был ни принцем, ни эльфом, да и на красавца не тянул. И какого черта ему, спрашивается, от нее надо?

— Чего тебе? — враждебно спросила она.

— Вы уже шестой пирог доедаете. Не будет ли вам плохо?

— Что? — взвизгнула Матрена. — Да кто ты такой, чтобы мне указывать? Грязный мужлан! Да ты знаешь, кто я? Немедленно извинись, иначе я пожалуюсь на тебя своему жениху, и он сгноит тебя в темнице!

Трактирщик невольно отступил от буйной толстухи, но все же рискнул задать еще один вопрос:

— А кто же, простите, вас жених?

— Мой жених, чтобы ты, козел, знал, сам Ильнур! — выпалила Матрена.

— Ильнур? — опешил трактирщик. — Какой Ильнур? Это тот самый, верховный паладин?

— Да! — рявкнула Матрена. — А теперь живо принес мне еще пирогов за счет заведения, иначе завтра окажешься в тюрьме!

— Но позвольте, — возмутился трактирщик. — У нас так не принято. Будь ты хоть паладином, хоть королем, а за пироги положено платить.

Матрена резко поднялась из-за стола, сунула в карман остатки сдобы, и, смерив трактирщика злобным взглядом, процедила сквозь зубы:

— Ты еще пожалеешь об этом, козел! Горько пожалеешь!

После чего покинула заведение, грубо расталкивая оказавшихся на пути посетителей.

Юная дочь трактирщика, подрабатывающая в заведении отца, подошла к нему и спросила:

— Папенька, неужто эта женщина сказала правду? Она действительно невеста Ильнура?

Трактирщик пожал плечами и ответил:

— Очень уж трудно в это поверить. Я знаю Ильнура с тех пор, как он прибыл в Форинг. Он хороший человек. Верховный паладин всегда был вежлив со всеми, помогал нуждающимся и никогда не пользовался своим высоким положением в личных целях. Не могу понять, что могло побудить его связать свою судьбу с этой...

Трактирщик не нашел нужного определения буйной клиентки, а те, что просились на язык, его дочери слышать не следовало.

Наконец, он вымолвил:

— Впрочем, верно же молвят — любовь зла.

— Тут уже не зло, — возразила ему дочь. — Тут натуральная жестокость. Ильнур не заслужил такой участи.

— Ну, не нам о том судить, — заметил трактирщик. — Если верховный паладин решил связать свою жизнь с этой... Ну, вот с этой, то это его право. Нам лишь остается посочувствовать ему... Ой, то есть, я хотел сказать, пожелать ему счастья.

— Да нет, папа, — покачала головой дочь трактирщика. — В данном случае нужно именно что посочувствовать. Бедный, бедный Ильнур. И за что ему выпала столь горькая доля?

Говоря это, дочь трактирщика подумала о том, что нужно самым срочным образом рассказать всем своим подружкам сенсационную новость о грядущей свадьбе верховного паладина. А так же во всех красках описать его будущую супругу.

— Папа, можно я сегодня пораньше уйду? — спросила она отца.

— Хорошо, — согласился трактирщик. — Только не мотайся допоздна. Чтоб дома была до темноты. Времена нынче лихие, даже за городскими стенами нельзя чувствовать себя в безопасности. Темные силы подступают к Форингу.

— Ты о Свиностае, папа? — спросила дочь.

— Не произноси этого имени! — в ужасе воскликнул трактирщик. — Никогда не произноси его, иначе накличешь беду. А теперь ступай на кухню, займись работой.

Дочь его удалилась, а трактирщик еще долго стоял в задумчивости, облокотившись на стойку, и размышлял о том, какой злой рок свел Ильнура и эту страшную жирную бабу. И не замешана ли здесь черная магия, подчинившая волю верховного паладина и приворожившая его к этой жуткой обжоре?

— Надо будет обсудить все это с мужиками, — вслух помыслил трактирщик. — То-то они удивятся, когда узнают, на ком собрался жениться наш верховный паладин.

Глава 8

В течение всего дня Альмина занималась врачеванием больных, удивляя целителей Форинга своим искусством. В лазарете было много раненых, получивших тяжкие увечья в ходе недавней битвы на нейтральной полосе. Но вместо привычных колотых или резаных ран, чем всегда оборачивалось любое вооруженное столкновение, Альмине пришлось иметь дело с закрытыми переломами и серьезными повреждениями внутренних органов. Судя по характеру травм, герои угодили под воздействие некоей страшной силы, которая не резала, не рубила, не пронзала, а просто била так, что сминала доспехи, в труху дробила кости и превращала внутренности в кровавое месиво. На вопрос о том, что за сила совершила это, прочие лекари тихим благоговейным шепотом поведали ей, что все эти зверства совершил некий Свиностае, эпический злодей, обосновавшийся на нейтральной полосе. Свиностае обитал на развалинах древней крепости, и хоть в этом мире он появился недавно, уже успел обзавестись шайкой злобных и могущественных подручных. В число его подельников входил полноценный демон. Не обделенные фантазией молоденькие целительницы по секрету сообщили Альмине, что Свиностае, само воплощение похоти, призвал демона из иного мира, соблазнил и развратил его, заставив служить себе через постель. Помимо него в союзниках Свиностае числился старый алхимик, развратник и потаскун, изгнанный на нейтральную полосу за многократное совращение и растление невинных юных дев. Еще в злодейскую шайку входила группа гоблинов-извращенцев, набивших руку на похищении и вовлечении в

разврат молодых крестьянок из приграничных сел.

Молоденькие целительницы описывали творящуюся в злодейской обители вакханалию похоти и бесстыдства с таким воодушевлением и знанием дела, оперируя такими сочными и мелкими подробностями, будто сами наблюдали все это собственными глазами. Они захлеб пересказывали Альмине, как именно и в каких позах Свиностаc со своими единомышленниками растлевают невинных дев, коих они похищают отовсюду в промышленных масштабах. Старая крепость представляла в их историях обителью неистового разврата, и, судя по возбужденно блестящим глазам целительниц, можно было подумать, что и они сами не отказались бы посетить это мрачное место хотя бы с целью детального наблюдения за процессом.

Все эти сплетни Альмина слушала краем уха. Ее мысли целиком и полностью занимал юный паладин, к которому она успела проникнуться сильными чувствами. Альмина нисколько не сомневалась в том, что это и есть та самая большая и чистая любовь, о которой она читала в книжках. Она так сильно увлеклась ею, что как-то упустила из виду наличие серьезной и опасной соперницы. То есть, Альмина помнила о Лауре, но не придавала ее существованию большого значения. В ее любимых книгах герои тоже сталкивались с множеством трудностей и препятствий, встающих на их пути к большой и чистой любви. И всегда, так или иначе, преодолевали их. Вот и Альмина решила, что сопернице не удастся разлучить ее и новообращенного возлюбленного.

А вот соперница придерживалась иного мнения на этот счет. Весь день Лаура провела у Колькиной постели, воркуя со своим возлюбленным, но на душе у нее было беспокойно. Молодая вертихвостка не шла у нее из головы. Лаура прикидывала, что задумала эта приезжая дрянь, и чем дальше, тем больше приходила к выводу, что замыслы сопливой бесстыдницы коварны и носят глобальный характер. Не было сомнений в том, что она нацелилась увести у нее Коленьку.

Несколько раз за день Лаура порывалась завести с Колькой разговор об этой девице, и всякий раз, в последний миг, останавливала себя. Лаура чувствовала, что не сумеет сдержаться, и обязательно закатит перед возлюбленным бурную сцену ревности. А делать этого ей не хотелось. Лаура не стремилась выставить себя в Колькиных глазах подозрительной и неуравновешенной истеричкой. Подобный типаж, как она отлично знала, не очень-то нравился мужчинам. Лаура решила разобраться со всем самостоятельно. Для начала она постарается выяснить о своей сопернице все, что возможно, затем убедится наверняка, что та действительно пытается отбить Коленьку, а после этого побеседует с мерзавкой наедине. К тому же, ревность ревностью, но Лаура в глубине души сомневалась, что Колька променяет ее на какую-то глупую девчонку.

Весь день она провела со своим возлюбленным, радуясь тому, что тот быстро шел на поправку. Колька действительно оживал на глазах. К тому же, Агдэил заверил Лауру, что ожидает полного восстановления не только самого пациента в целом, но и той его части, что более всего пострадала от нечестивой руки Свиностаcа. Эта новость несказанно обрадовал Лауру. Она помнила их с Коленькой разговор, состоявшийся в старой крепости перед самым сражением. А разговор тот касался их предстоящей свадьбы. Обожаемый Коленька фактически сделал ей предложение. Лаура не могла дождаться того дня, когда ее возлюбленный полностью поправится, и они смогут сыграть свадьбу.

Целый день они болтали обо всем на свете, вспоминали старое, планировали новое, обсуждали всякую ерунду. Единственной темой, которую Лаура старалась обходить

стороной, был Свиностас. Ей не хотелось травмировать возлюбленного напоминанием об этом монстре. Но так уж вышло, что Колька сам вспомнил о нем.

— Он еще жив? — спросил Колька. — Мерзкий Стасик, он жив? Его не убили?

— Я поразила его заклинанием, — ответила Лаура, — и оно вполне могло его убить. Но только в том случае, если ему не оказали медицинской помощи.

— Да кто мог оказать какую-то помощь этому уроду? — фыркнул Колька, невольно сжав кулаки.

Ему до сих пор не верилось, что вечно безропотный и трусливый Стасик, который покорно терпел от него унижения в течение долгих десяти школьных лет, пырнул его обломком меча. Да куда пырнул! Если бы не чудеса здешней магии, Колька, после этого ранения, в лучшем случае остался бы евнухом, а в худшем мог вообще не выжить. И это приводило его в ярость. Если бы его ранил какой-то могущественный враг, черный рыцарь или злой колдун, Колька воспринял бы это спокойно. Геройская жизнь сопряжена с опасностями, с этим либо нужно смириться, либо подыскать себе иную, менее рискованную, профессию. Но получить мечом в пах от какого-то жалкого и ничтожного Стасика было обидно до слез. Колька всегда считал Стасика своим персональным мальчиком для битья, и был убежден в том, что он не кусается. А этот мерзавец взял, и укусил. Да так укусил, что едва не лишил Кольку всех первичных половых признаков до последнего.

— Не хочу огорчать тебя, милый, но грязный Свиностас нашел себе союзников, — сообщила Лаура. — На развалинах видели какого-то старика, и я полагаю, что он алхимик. Мы же нашли в крепости лабораторию. Еще там видели гоблинов. Ну, эти паразиты всегда охотно липнут к любому источнику зла. И, конечно же, огненный демон. Я полагаю, есть высокая вероятность того, что Свиностас жив.

— Ненадолго! — сквозь зубы процедил Колька. — Как только я встану на ноги, поеду к нему в гости. Я этого уroda....

— Тише! Тише! — взмолилась Лаура, нежно глядя ладонями Колькино тело. — Целители запретили тебе волноваться.

— Шутишь что ли? — взорвался Колька. — Этот выродок мне чуть хозяйство не отхватил, а ты предлагаешь не нервничать. Да я его за это....

— Так и будет! — заверила его Лаура. — Свиностасу не избежать жестокого возмездия. Мы вместе отомстим ему. Но не вдвоем. Увы, любимый, наших сил будет недостаточно, чтобы совладать с огненным демоном. Но не волнуйся об этом. Из столицы вскоре прибдет большое войско, а с ним сама Элария, верховная волшебница Ангдэзии. Против такой мощи никто не устроит. Свиностас обречен. Но это будет позже. А сейчас тебе нужно отдыхать, выздоравливать и набираться сил.

Ближе к вечеру появился Агдэил. Он собирался осмотреть пациента, а Лауру, несмотря на ее вялое сопротивление, вывел из палаты и предложил той отправляться домой.

— Николаю требуется покой, — сказал он. — Ночью он должен спать. Ты, кстати, тоже.

— Я могу остаться у него в палате, — стала убеждать Лаура. — Посплю сидя, в кресле.

— Нет, ступай домой. Здесь ты не останешься.

После горячего и продолжительного прощания Лаура покинула Колькину палату, а затем и лазарет. Она надеялась повстречать Альмину и перекинуться с той парой теплых слов, но юной целительницы нигде не было видно.

Только теперь, оказавшись на улице, Лаура вспомнила о том, что она целый день ничего

не ела и почувствовала нешуточный голод. Она зашла в первый попавшийся приличный трактир, где заказала себе ужин и устроилась за отдельным столом. Народу в заведении в этот час было много, и посетители, притихшие при появлении верховной волшебницы, вскоре перестали обращать на нее внимание и вернулись к прерванным разговорам. Доставили ужин, и Лаура взялась за дело. Жадно уплетая рагу, она краем уха прислушивалась к болтовне посетителей. Вначале смысл их разговора ускользал от нее — все мысли волшебницы были заняты Коленькой. Но затем, невольно прислушавшись, Лаура от удивления едва не пронесла ложку мимо рта. Потому что посетители трактира обсуждали предстоящую свадьбу верховного паладина Ильнура.

Потрясенная Лаура подняла голову и внимательно прислушалась к болтовне. Да, она не ошиблась. Народ взахлеб обсуждал грядущее бракосочетание Ильнура.

Всему этому можно было бы не придавать значения, если бы подобный разговор вели между собой какие-нибудь спившиеся забулдыги, которым спиртное давно иссушило и без того скудные мозги. Но предстоящую свадьбу обсуждали вполне уважаемые горожане, трезвые и вменяемые. И это потрясло Лауру еще больше.

Ильнура она знала давно. Тот никогда не страдал от недостатка женского внимания. О своих сексуальных приключениях Ильнур не распространялся, но Лауре точно было известно, что никакой невесты у него нет, и никогда не было. В таком небольшом городке, как Форинг, еще можно было скрыть краткосрочную интрижку, но никак не серьезные продолжительные отношения. И будь у Ильнура невеста, об этом бы давно знали все. Тем более не могла она появиться в последнее время, когда у верховного паладина было полно других забот, и ему было не до любовных приключений.

Но публика в трактире говорила о предстоящей свадьбе с железной уверенностью, как о твердо решенном деле. Прикидывали, много ли наедет гостей, и прибудет ли на церемонию глава рыцарского ордена Ангдэзии, сам легендарный Рогзар, и не стоит ли ждать иных крупных шишек из столицы.

Слушая все эти разговоры, Лаура сгорала от любопытства. Наконец, не выдержав, она подозвала к себе трактирщика и негромко расспросила его обо всем. На вопрос, какую свадьбу обсуждают посетители, трактирщик, удивленно взглянув на Лауру, ответил:

— Да как же это, госпожа, что вы этого не знаете? Ведь свадьба намечается у господина Ильнура.

Лаура сочла нужным уточнить:

— Ильнур, это который верховный паладин Форинга?

Спросила она на тот случай, если вдруг публика обсуждала какого-то другого Ильнура. Но трактирщик ответил ей, что имеется в виду именно тот самый Ильнур, который верховный паладин, а вовсе не какой-то другой.

— Я не понимаю, — в полной растерянности призналась Лаура. — Ильнур собрался жениться? Но когда это случилось? И кто невеста?

— Ну, о невесте-то мало что известно, — по секрету сообщил трактирщик. — Но говорят, что эта девушка прибыла в наш мир недавно. Она из этих, из чужаков, которых призывают извне.

Лаура растерялась еще больше. Она не могла понять, когда все это случилось, и почему Ильнур ничего не рассказал ей. Как так вышло, что ей неизвестна новость, которую взахлеб обсуждает весь город? Разве они с Ильнуром не старые друзья?

Расплатившись, она покинула трактир, и на улице задумалась о том, куда бы ей пойти.

Вначале ее охватило желание направиться в резиденцию ордена и выпытать у Ильнура все, но прежде она решила заглянуть в лазарет к Коленьке. То-то он удивится, узнав, что Ильнур собрался жениться.

Торопясь обрадовать возлюбленного сенсационным известием, Лаура заспешила к лазарету. И теперь, идя по улицам, отовсюду слышала одни и те же разговоры — о предстоящей свадьбе верховного паладина. Весь Форинг оживленно обсуждал эту новость.

В лазарете было малоллюдно. Большая часть целителей уже разошлась по домам, остался лишь небольшой коллектив, которому предстояло дежурить до утра. Лаура миновала длинный коридор, достигла палаты ненаглядного Коленьки, и уже приготовилась постучаться, как вдруг услышала через дверь доносящееся изнутри приглушенное воркование.

Опустив уже занесенную для стука руку, Лаура осторожно приложила ухо к двери, и простеньким заклиниванием усилила свой слух. Теперь она без труда слышала доносящиеся из палаты голоса. Один из них принадлежал Коленьке, а вот автором второго была какая-то девица. Какая именно — Лаура поняла без труда. Стоило ей оставить своего возлюбленного без присмотра, как подлая разлучница тут же набросилась на него.

Лаура ощутила такую ярость, что только чудом не разнесла вдребезги весь лазарет и половину города в придачу. Возмутительное поведение распутной девки перешло всякие границы. Так нагло и навязчиво клеиться к чужому мужчине — для этого надлежало утратить остатки стыда.

Лаура с трудом приглушила рвущуюся наружу ярость, и вновь приложила ухо к двери. К ее удивлению, голоса внутри смолкли. Но все же какие-то звуки она уловила.

Тихо, стараясь не выдать себя неосторожным звуком, Лаура приоткрыла дверь и осторожно заглянула в палату. Внутри царил полумрак. Шторы были задернуты, свет едва пробивался сквозь них. И все же Лаура прекрасно увидела бесстыдную девку, прижавшуюся к ее возлюбленному, и Колькины руки, обхватившие шею разлучницы.

Ее без пяти минут жених и заезжая целительница страстно целовались в интимном полумраке.

Глава 9

На протяжении всего дня Ильнур испытывал необъяснимую тревогу. Тягостное предчувствие томило его. Верховному паладину непрерывно чудилось, что нечто ужасное грядет, что какое-то неведомое, вгоняющее в трепет, зло простерло над ним свои черные крылья. Он никак не мог объяснить, чем вызвано это предчувствие. Была ли тому виной довлеющая над всем Форингом угроза со стороны Свиноста, или причина лежала в иной, более глубокой и темной, области?

Ближе к вечеру, когда дело запахло сумерками, Ильнур ощутил вползающий в его отважную душу страх. Невольно, раз за разом, его мысли возвращались к жуткой встрече на площади, состоявшейся нынешним утром. Он вспоминал ту толстую женщину, что повисла на нем, и дрожь волнами прокатывалась по телу верховного паладина. Какой-то назойливый внутренний голос непрерывно твердил ему — что-то будет! И это что-то будет чем-то страшным. Свиноста, зловецкий пришелец извне, сделал его параноиком. Теперь в каждом чужаке Ильнуру виделся новый монстр. Многие годы миры, найденные чародеями прошлого безопасными, служили источниками для пополнения рядов армии Ангдэзии. Но ныне Ильнур усомнился в верности сделанных пращурами выводов. Так ли безопасны эти миры?

А если когда-то они и являлись таковыми, прошедшие века могли изменить многое. Ничто не вечно. Ничто не стоит на месте. Еще вчера тихий и спокойный мирок сегодня легко может стать родиной ужасных чудовищ. Ужасных вдвойне тем, что не имеют они ни рогов, ни клыков, и видом мало отличны от обычных людей. Но души их черны как ночь, сердца поражены злобой. Демона видно сразу. А этих еще пойди-ка, разгляди. Одного вот проморгали. А если он не последний? Если это первая ласточка грядущего вторжения? У Ильнура начинали трястись руки, когда он представлял себе таких вот Свиностасов в количестве десятков и сотен особей. Да они камня на камне не оставят от Ангдэзии. От всего этого мира. Опустошат его, и пойдут дальше, верша свое черное дело.

Мрачные предчувствия верховного паладина начали оправдываться сразу после ужина. Трапезничал Ильнур в резиденции ордена, которую не покидал в течение всего дня. Подкрепившись кое-как, без аппетита, Ильнур собрался отправиться в свои покои и скорее лечь в постель, поскольку чувствовал вызванное волнениями утомление. Но тут дорогу ему преградили два паладина, и на их лицах Ильнур с удивлением обнаружил широкие таинственные улыбки. Паладины не были мрачными и угрюмыми истуканами, вроде черных рыцарей империи, но и такого, чтобы скалиться без причины, за ними не наблюдалось.

— В чем дело? — спросил Ильнур. — Если что-то не слишком важное, то это подождет до завтра. Я устал и хочу скорее лечь спать.

Паладины обменялись странными взглядами, их загадочные улыбки стали заметно шире. Ильнур, глядя на подчиненных, ощутил легкий приступ паники. Опять происходило что-то непостижимое.

— Ребята, выкладывайте все на чистоту! — потребовал он. — Вы же знаете, я не люблю недомолвок.

Один из паладинов захихикал, второй сказал:

— Тебе, Ильнур, нужно было не в орден вступать, а идти в разведчики. Таких скрытных типов еще поискать.

Ильнур удивленно хлопал глазами и ничего не понимал. О чем они говорят? Зачем они это говорят? И откуда завелся в его душе этот холодный мерзкий ужас? Предчувствие скорой беды нахлынуло с новой силой, и верховный паладин резко произнес:

— Если у вас есть что сказать, то выкладывайте. А если нет, то я пойду. Мне нездоровится.

— Есть, еще как есть, — заверил его один из паладинов, и хитро подмигнул. — Мы по поводу мальчишника.

Ильнур удивленно вздрогнул. Мальчишник? Какой еще мальчишник? Мальчишники обычно устраивали перед свадьбой, но насколько он знал, никто из паладинов Форинга не собирался в ближайшее время сочетаться браком. Затем он вспомнил о Кольке. Уж не он ли собрался жениться? Судя по тому, как Лаура бегала за ним, она, не раздумывая, примет его предложение, если таковое поступит. Но все же Ильнур ждал, что Колька, прежде всего, посоветуется с ним или хотя бы поставит его в известность о своих намерениях. Он же, как-никак, является его командиром и другом.

Наконец, Ильнур осторожно произнес:

— Мальчишник дело хорошее, но вам не кажется, что нужно дождаться выписки раненого?

— Это которого? — удивились паладины.

— Ну, Николая, естественно. Как же без него?

— Э, да еще неизвестно, сколько ждать, пока целители поставят его на ноги. Что мы, без него не обойдемся?

Ильнур опешил. Выходило, что речь шла не о Кольке. Не он собрался жениться, а кто-то другой. Но кто?

— Ну, так как, Ильнур, мы тогда начнем все готовить? — спросил один из паладинов. — Ты не переживай, мы все сами сделаем. У нас уже такие планы! Славно гульнем!

Странно поглядев на подчиненных, Ильнур медленно произнес:

— Хорошо. Готовьте.

— Ну и славно. А ты ступай, отдыхай. Тебе-то силы понадобятся.

Посмеиваясь, паладины удалились, а Ильнур еще долго стоял на месте в состоянии полнейшей растерянности. Этот мутный разговор напугал его еще сильнее. Какая-то свадьба, какой-то мальчишник. При этом он сам, глава ордена и руководитель Форинга, ничего об этом не знает. И еще эти странные взгляды паладинов, эти смешки....

Ильнур провел трясущейся ладонью по лицу, и вслух пробормотал:

— Скорее в постель! И спать. Чем быстрее закончится этот странный день, тем лучше.

Оказавшись в своих покоях, Ильнур задернул плотные шторы, разделся и лег в кровать. Уже потянулся, чтобы погасить свечу на прикроватном столике, но почему-то не решился сделать этого. Ему было страшно оставаться в полной темноте.

— Да что со мной такое? — вслух произнес Ильнур, удивляясь собственной мнительности.

Никогда прежде с ним не случалось ничего подобного. Как и у всякого профессионального воина, у него была хорошо развита интуиция, но никогда прежде он не тяготился столь ярким и иррациональным предчувствием беды. Решив, что причиной тому послужило переутомление, Ильнур протянул руку, погасил огонек свечи, откинулся на подушку и закрыл глаза. Все, что ему требовалось, это хорошенько выспаться. Завтра он встанет с постели бодрым, отдохнувшим, и вся эта дурь навсегда выветрится из его головы.

Именно так и думал Ильнур, погружаясь в сон. А вместе с ним вскоре погрузился в сон и весь Форинг. Припозднившиеся гуляки расползлись из трактиров по своим домам, свет погас в окнах зданий, и только слышались на темных улицах топот да тихие голоса патрулирующей город стражи.

Но сон верховного паладина не был ни спокоен, ни сладок. Едва сомкнув веки, он тотчас же провалился в липкий, леденящий душу, кошмар. Ему приснилось, что он очутился в огромном замке, древнем, темном, всеми покинутом. Бродя по пустынным, тонущим в сумраке, залам и коридорам, Ильнур пытался найти выход наружу, но не мог. И одновременно с этим гложущее чувство страха не давало ему покоя. Ильнуру чудилось, и с каждой секундой все сильнее, что в этом замке он не один. Тут было что-то еще. Что-то темное и злое, пристально следящее за ним из мрака. Ильнур чувствовал, что оно неслышно подбирается к нему, готовясь наброситься и... Он не знал, что будет дальше. Если бы неведомый монстр просто собирался съесть его, Ильнура бы это не напугало. Он много раз смотрел смерти в лицо, и давно смирился с мыслью о неизбежной конечности земного бытия. Но это чудовище, преследующее его, оно хотело чего-то иного. Не просто полакомиться его мяском, отнюдь. Ему нужен был он сам, нужен живым. И это действительно ужасало.

В какой-то момент ужас достиг своего апогея, и Ильнур, не выдержав, поддался панике.

Слома голову он бросился бежать по коридорам и залам древнего замка, слыша за своей спиной нарастающий топот чьих-то ног. Преследователь настигал его. Ильнур несся так быстро, как только мог, но этого было недостаточно. И в тот момент, когда чьи-то руки тяжело легли на его плечи, Ильнур пронзительно завопил, и вырвался из объятий кошмара.

Он лежал на мокрой от пота постели, тяжело дышал и таращил во тьму круглые от ужаса глаза. Ему потребовалась долгая минута, чтобы осознать — это был сон, не более того. На самом деле, он не заперт в древнем замке, а лежит в своих покоях, в резиденции рыцарского ордена. И никаких монстров тут нет. Им просто неоткуда взяться. Ведь это Форинг — обитель святых воителей и светлых магов.

Ильнуру почти удалось успокоить себя, когда вдруг он услышал в окружающей его тьме какой-то звук. И этот звук отнюдь не был отголоском ужасающего сна. Он прозвучал наяву. Где-то рядом. Внутри его покоев.

В другой ситуации Ильнур не обратил бы на этот шорох никакого внимания. Его автором вполне могла быть проникшая в опочивальню мышка. В резиденции ордена обитало немало котов, которые без устали боролись с грызунами, но даже их усилий не хватало, чтобы полностью истребить всех вредителей. Но сейчас, находясь в накрученном состоянии, Ильнур испытал новый приступ ужаса. Что это там шуршит? Что? Неужели чудовище из его сна сумело проникнуть в реальный мир?

В этот момент шорох повторился. Ильнур задохнулся от ужаса. Нет, ему не показалось. И едва ли это мышка.

Вскоре стало ясно, что мелкий грызун тут не при чем. Где-то рядом с кроватью громко застонал паркет, ощутив на себе тяжесть чьей-то ноги. Это точно не могла быть мышка, если только мышки не вырастали до размеров бегемота.

Ильнур понял, что ему придется взглянуть в лицо своему страху, хочет он того, или нет. Не может же он, верховный паладин Форинга, спастись перед неведомым злом и покорно сдаться ему на милость.

Он поднял дрожащую руку, поднес ее к свече на столике, и простеньким заклинанием заставил фитиль вспыхнуть вновь.

Крошечный огонек резко рассеял тьму. Ильнур повернул голову, все еще надеясь, что автором звуков окажется мышка, и не сумел сдержать крика ужаса. Волосы его встали дыбом, кое-где на них стремительно проступила седина. Глаза верховного паладина полезли на лоб, зубы громко загрохотали.

Посреди его покоев, прямо перед кроватью, стояло, вперив в Ильнура взгляд кошмарных глаз, ужасное чудовище. В первое мгновение Ильнуру показалось, что само зло приняло телесную форму и пришло за ним среди ночи. Пришло, чтобы забрать его с собой, в царство тьмы и ужаса.

Чудовище ввергало в трепет своим отвратительным и жутким видом. Болезненно-бледная кожа вспучивалась бесформенными буграми, будто его неравномерно распирало изнутри внутреннее давление. Огромные дряблые груди свисали до середины округлого, покрытого мерзкими складками, брюха. Невероятно толстый зад покоился на массивных, как у тролля, лапах, а под заплывшим жиром лицом нависали один над другим три мощных подбородка. Над головой чудовища высились огромные, закрученные спиралью рога, а за спиной темнели сложенные кожистые крылья. Ильнур видел когти и клыки, и еще много того, чего не было на самом деле. Страх затуманил ему и разум, и взор, смешав воедино реальность и дорисованные воображением детали.

Крик Ильнура оборвался — несчастный паладин онемел от ужаса. Он был настолько потрясен кошмарным и отвратительным видом монстра, что полностью забыл о своем оружии — святом мече. Тот покоился в сундуке, вместе с доспехами. Достаточно было соскочить с кровати, распахнуть крышку и обнажить его. Но ужас, вселенный в Ильнура возникшим в его покоях монстром, буквально лишил его разума. Он не помышлял о сопротивлении, ибо сама мысль об этом казалась абсурдной. Можно сражаться с драконом, с черным магом, даже с демоном. Но нечего и думать о том, чтобы силой оружия дать отпор самому воплощению тьмы и ужаса.

Затем, когда первый приступ страха прошел, Ильнур вдруг понял, что узнает это существо. Он уже видел его прежде. Вчера утром, на площади. Это оно повисло на нем. Не было у него ни рогов, ни крыльев, и вообще оно имело вид обычного человека. Но легче от этого не стало. Ильнур знал, с чем он столкнулся. За ним явилась тьма.

Выставив перед собой простертые навстречу монстру ладони, Ильнур дрожащим голосом выкрикнул заклинание, изгоняющее порождений мрака. Он воззвал к великому свету, и повелел возникшему в его комнате чудовищу убираться обратно во тьму, откуда оно явилось. Но это не сработало. Ладони верховного паладина полыхнули ярким светом, но этот свет никак не навредил существу.

Ильнура обьял дикий ужас. Если даже первородный свет не может изгнать эту тварь, то сколь же она сильна! Нет, он не ошибся, само зло, сама тьма явилась к нему, облекшись в человеческую плоть.

Кошмарное существо шагнуло к его постели. Ильнур завопил и натянул одеяло до глаз.

— Не подходи! — заплакал он. — Не надо!

Физиономия монстра странно исказилась. Ильнур с содроганием понял, что оно улыбается. И улыбка его была хуже драконьего оскала.

— Ты же сам хотел, чтобы я пришла, — произнесло существо.

Ильнур быстро замотал головой.

— Ничего я такого не хотел! — выпалил он. — Ты ошиблась. Адресом.

Существо попыталось влезть к нему на кровать. Ильнур с воплем скатился на пол по другую сторону ложа.

— Иди же ко мне, не сдерживайся! — поманило его чудовище.

— Не хочу! — со слезами на глазах выпалил Ильнур.

— Я помню, с какой страстью и вожделением ты смотрел на меня вчера, — заявило существо.

— Это был не я! — закричал Ильнур. — Это ошибка. Меня подставили.

Тут нервы его сдали, и он закричал, срывая голос:

— Спасите! Помогите! Люди!

— Ты это брось! — строго сказала существо. — Будешь так себя вести, я себе кого получше найду. У меня богатый выбор. Ко мне эльфийский принц сватался. Ну, то есть еще не сватался, но это вопрос решенный.

— Совет да любовь! — искренне пожелал чуть живой от ужаса Ильнур.

— Есть еще двое — вампир и оборотень. До сих пор не могу определиться, кого же из них выбрать.

— Забирай обоих и проваливай! — завопил верховный паладин.

— Но я и тебе решила дать шанс, — зверски скалясь, сообщило ему страшилище. — Ну же, иди ко мне. Осыпь мое тело поцелуями. Вознеси меня на небо страстными ласками.

— Не подходи, или я в окно выпрыгну! — заливаясь слезами, вопил Ильнур. Монстр наступал, зажимая его в угол. Бежать оттуда было некуда.

Вгоняющее в трепет существо надвигалось на него всей своей неумолимой громадой. Ильнур вжался в угол и горько плакал, стараясь не смотреть на кошмарное тело обнаженного чудовища. Напрасно же он думал, что повидал на своем геройском веку все возможные ужасы. Ни в одном, даже самом темном, древнем и зловещем подземелье ему не встречалось ничего столь же мерзкого и ужасающего. Опять ему стали чудиться рога, клыки, хвосты и прочая демоническая атрибутика. Ильнур понял, что он сходит с ума.

— Возьми! Возьми меня! — с придыханием требовало существо, распахнув объятия.

Ильнур пронзительно завизжал, жалея о том, что ему нечем перерезать себе горло. Ради того, чтобы этот кошмар наяву прекратился, он был готов даже умереть.

Но в самый последний момент, когда монстр уже готовился заключить его в свои смертоносные объятия, дверь спальни с грохотом распахнулась. На пороге возникла стража с обнаженным оружием. Привлеченные жуткими криками верховного паладина, они решили, что к тому в покои пробрались подосланные врагами убийцы.

Вбежав в спальню, стражники стали свидетелями удивительной картины. Верховный паладин, жалкий, заплаканный, бледный и заметно поседевший, трусливо жался в угол. А на него, расставив руки, наступала какая-то незнакомая и полностью обнаженная упитанная особа.

— Извините, — смущенно произнес один из солдат. — Мы просто подумали... Мы не хотели вам мешать. Пожалуйста, продолжайте.

— Нет! — завопил Ильнур. — Назад! Спасите меня от... этого!

Он трясущейся рукой указал на голую женщину. Стражники удивленно переглянулись, но приказ есть приказ. Они подбежали к незнакомке и схватили ее за руки.

— Отпустите меня, козлы! — завизжала Матрена. — Он меня сам сюда обманом заманил, и надругался надо мною. Я беременна!

Стражники опешили. Все они знали Ильнура как честного и благородного человека, не способного ни на какую подлость или низость. Поверить в то, что верховный паладин заманил в свои покои эту особу, да еще и надругался над ней, было просто невозможно. Да и зачем бы Ильнуру сдалась эта страхолюдина, если большая часть женского населения Форинга сохла по нему?

— Обесчестил — пускай женится! — визгливо орала Матрена, дергаясь в руках стражников. — Я в суд подам! Я скажу, что он меня изнасиловал! Или пусть женится, или его на семь лет посадят!

Ильнур медленно приходил в себя. Пелена ужаса спала с его глаз, и теперь он видел, что перед ним вовсе не монстр, а просто какая-то толстая женщина неопределенного возраста. Ну, по крайней мере, теперь она выглядела как женщина.

— Господин, так что нам с ней делать? — спросил стражник.

Ильнур медленно выпрямился, стараясь унять дрожь в коленках.

— В темницу ее! — скомандовал он. — Пусть сидит там до следующего призыва добровольцев. Когда маги откроют портал, пускай вышвырнут ее обратно, туда, откуда вытащили.

— Что? — завизжала Матрена, сообразившая, что ее собираются отослать обратно в мир козлов. — Нет! Я не хочу! Где мой эльфийский принц? Где красавец-чародей? Где вампир с оборотнем? Отпустите меня, козлы! Вы что, не видите, какая я неповторимая,

уникальная и желанная? Ну-ка живо все в меня влюбляйтесь!

Стражники уже тащили ее вон из покоев верховного паладина. Чтобы не пугать людей видом обнаженных телес этой особы, один из стражников набросил на ее плечи свой плащ.

Женщину вывели из резиденции и потащили в темницу. Сквозь приоткрытое окно Ильнур слышал ее визгливые вопли, доносящиеся снаружи. Толстуха требовала принцев, вампиров и всеобщего поклонения, а волокущих ее в темницу солдат раз за разом обзывала козлами.

Ильнур без сил опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Его трясло. Верховный паладин никак не мог прийти в себя. Это, вне всяких сомнений, было самым страшным приключением в его жизни. Даже когда в одной из древних гробниц, куда он по молодости влез в поисках эпического артефакта, едва не пробудился древний бог зла, то и этот эпизод не был столь ужасающим.

— Боги светлые, что же это такое! — простонал Ильнур в полном отчаянии. — Сначала Свиностас со своим ручным демоном, теперь еще и это чудовище... За что мне все это?

Он даже не пытался понять, как это существо оказалось в его покоях. И так было ясно — происками черной магии. Однако если бы верховный паладин потрудились провести расследование, то выяснил бы, что никакая магия тут не замешана. Слуги тайком провели к нему его мнимую невесту. Им показалось, что этот сюрприз потрясет верховного паладина. И они не ошиблись.

Весь остаток ночи Ильнур провел при горящих свечах. Каждые двадцать минут он вставал с постели и проверял, хорошо ли заперта входная дверь. На всякий случай он положил рядом с собой свой меч. Но и это не помогло ему успокоиться. После пережитого кошмара верховного паладина Форинга трясло до самого рассвета.

Глава 10

Никогда прежде Риана ни на кого не злилась так сильно, как на своих так называемых соратников. То есть, она, разумеется, всегда знала, что находится среди злодеев, но все же верила, что и среди темных сил присутствует некая солидарность, сплоченность и взаимовыручка. Но на деле выяснилось, что это не так. Мортус и Трокус, не задумываясь, бросили ее на растерзание добрякам, а сами подло сбежали. Они поняли, что Риана не сможет составить им компанию по той причине, что ведьма еще не успела полностью восстановиться после полученных в битве ранений. И они просто бросили ее как ненужный балласт. Как сломанную вещь, которая отслужила свое, вышла из строя, и потеряла всякую ценность. Вот какова была злодейская солидарность на самом деле. А ведь Риана верно служила лорду Мортусу, ни разу не пыталась предать его, а если и запятнала себя злоупотреблениями, то ни в коем случае не более прочих. И в благодарность за верную службу ее просто бросили, как мусор. Хотя прекрасно знали, что добряки отыграются именно на ней, и именно она понесет наказание за побег Мортуса и Трокуса.

— Вот же козлы! — в сердцах выплюнула Риана.

Новые апартаменты значительно уступали прежним по уровню комфорта. Риану поместили в темницу, в специальную камеру для чародеев. Здешние решетки были выкованы из особого сплава, подавляющего магические способности. Риана могла сколько угодно пыжиться и тужиться, но до тех пор, пока она находилась в этой камере, ни одно ее заклинание не сработало бы. Что она уже успела проверить лично, потратив примерно два часа на безрезультатные попытки обрести свободу при помощи своего колдовства.

Стало ясно, что из этой темницы ей не сбежать. Оставалось покориться судьбе и смиренно ждать своей участи. А та вырисовывалась очень невеселой. Что Ильнур, что Лаура считали ее шпионкой, которую сбежавшие злодеи нарочно оставили в Форинге. Даже если добряки и не надумают казнить ее, чего тоже нельзя было исключать полностью, рассчитывать на амнистию не приходилось. Наиболее вероятным Риане представлялся тот исход, при котором ее просто оставят в темнице на неопределенно долгий срок. Возможно, что и навсегда. И подобная перспектива пугала ее ничуть не меньше, чем смертная казнь.

Камера, в которую поместили ведьму, была крошечная, темная и грязная. Здесь либо давно не проводили генеральную уборку, либо нарочно поддерживали качественный свинарник, дабы жизнь не казалась узникам медом. Единственным источником света в узилище было крошечное окошко под самым потолком, забранное толстыми прутьями все из того же подавляющего магию сплава. Дизайн интерьера отличался образцовым минимализмом — деревянные нары с брошенным на них засаленным матрацем, да небольшая дырка в полу, куда полагалось справлять естественные нужды. Сюда же можно было отнести не лишнюю художественной ценности плесень, покрывающую грубые каменные стены живописной россыпью бледно-зеленых пятен. Картину дополнял запах. В камере пахло старым протухшим болотом. Сидя в полумраке на грязном матраце Риана ожидала, что с минуты на минуту услышит гудение гнуса и громкое кваканье лягушек.

Какое-то время она яростно проклинала Мортуса и Трокуса, бросивших ее на произвол судьбы. Затем, устав, растянулась на лежанке, заложила руки за голову и отдалась хандре. Риана не питала иллюзий, и не рассчитывала на то, что злодеи явятся выручать ее. Не те это были люди, чтобы ожидать от них чего-то хорошего. Впрочем, связавшись с ними, она знала, на что идет. И ведь не от хорошей жизни она приняла решение поступить на службу к императору Дакросу Безжалостному. В этот мир ее призвали силы добра, и ей предстояло стать одной из героинь, стоящих на страже всего хорошего, светлого и милого.

В свое время Риана рассказала Стасику свою историю. Историю о несчастной девушке, мечтавшей стать волшебницей, а вместо этого угодившей официанткой в трактир. И пришлось ей, бедняжке, трудиться в поте лица, непрерывно подвергаясь грязным домогательствам со стороны грубых и похотливых мужланов. Потому она и вынуждена была бежать в темную империю Кранг-дан, где злодеи дали ей второй шанс.

Примечательным в этой истории было то, что она не имела ничего общего с действительностью. Всю эту слезную былинку Риана выдумала лишь для того, чтобы расположить к себе Стасика и уговорить его выполнить ее задание. На самом же деле дорожка, приведшая Риану в империю зла, была несколько иной.

Хорошей, доброй и милой Риана не была никогда. С ней наплакались и в ее родном мире, где она слыла злобной, завистливой и лживой девчонкой. Своим гадким поведением Риана успешно отвратила от себя всех одноклассников и отпугнула всех возможных друзей. И даже родители, которым вроде как полагалось любить свое дитя, и те каждый Новый год загадывали деду Морозу одно единственное желание — чтобы бородатый чудотворец забрал, наконец, их невыносимую дочь, и увез ее куда-нибудь очень далеко, откуда она точно никогда не сумеет вернуться.

Просьбы и мольбы не прошли даром. В один прекрасный день Риана исчезла. Куда она делась, того никто не знал. Пропавшую девушку не удалось найти. Но никто не опечалился из-за этого. Все только выдохнули с облегчением, радуясь тому, что эта малолетняя дрянь, успевшая достать всех и каждого, наконец-то сгинула, и хорошо бы с концами.

Что же такого особо гадкого делала Риана, и чем вызвала к себе такую единодушную ненависть? Да, в общем-то, ничего особенного. Она не подстерегала одиноких путников на темных улицах, не отбирала у первоклашек деньги, и даже не хулиганила на уроках, мешая педагогам в их работе. Гадости, творимые ею, носили менее демонстративный и осознанный характер. В сущности, они были продиктованы вовсе не злым умыслом, а делались скорее по безотчетному велению души. Вот, например, была у Рианы одноклассница, красавица и умница, любимая и детьми и учителями. И не сказать, чтобы Риана ей сильно завидовала. Ее даже не особо задевало, что за одноклассницей бегали все мальчишки, и что на фоне этой куклы она, Риана, смотрелась блекло и неинтересно. Никакой неприязни Риана к той девочке не питала, зла ей не желала, и вовсе не стремилась испортить ей жизнь.

Но мир тесен. Так уж вышло, что в руки Рианы попала одна компрометирующая видеозапись, на каковой школьная любимица представала не в лучшем свете. Дело было на какой-то вечеринке, в ход пошел проверенный веками трюк с подмешиванием крепкого алкоголя в напитки девчонкам. Школьная принцесса, сама того не желая, нализалась до поросычьего визга, что вылилось в череду довольно мерзких событий. Разумеется, нашелся тот, кто потрудился зафиксировать все это на камеру телефона. В широкий доступ запись не пошла, ценитель, вероятно, решил приберечь ее для личного пользования, дабы в часы досуга любоваться тем, как упившаяся до невменяемости школьница барахтается на полу в луже собственной рвоты.

Вот эта-то запись и попала случайным образом в руки Рианы. И та, не желая зла, а просто по велению души, ненавязчиво распространила ее по всей школе.

Дело кончилось тем, что героиня видеозаписи, в одночасье ставшей блокбастером и собравшей тысячи просмотров, вынуждена была перевестись в другую школу. Тут бы и истории конец, но так уж сложилось, что в той же школе училась одна дальняя знакомая Рианы. Не подруга — подруг у нее никогда не было. Так, знакомая. Они время от времени пересекались и кое-как поддерживали общение. И вот в ходе одного такого пересечения, Риана, не замышляя худого, а лишь по зову сердца, продемонстрировала знакомой ту самую запись. Ну а дальше история повторилась, и кончилась тем, что несчастная затравленная девочка вынуждена была вместе с семьей переехать в другой город.

Или вот еще был примечательный случай. В школу, где училась Риана, пришла работать молодая учительница математики. И сразу же у нее завелся любимчик — одноклассник Рианы. На самом деле, парнишка был настоящий талант, а математика являлась его страстью. Педагог, разглядев дарование, по личной инициативе взялся заниматься с учеником сверхурочно. Они часто оставались после занятий вдвоем, и там совместно грызли гранит науки. Никому до этого не было дела. Не было и Риане. Способностям одноклассника она нисколько не завидовала, никакой неприязни к молодой учительнице не питала. И вот так, не замышляя ничего дурного, а лишь поддавшись неосознанному импульсу, как-то взяла и ляпнула — да они там шашни крутят, а не цифры в столбик складывают.

Удивительно, но одной фразы, прозвучавшей из уст не самой умной школьницы, оказалось достаточно, чтобы раздуть самый крупный скандал за всю историю школы. На ровном месте, без единого доказательства, все, от директора школы до последнего первоклашки, уверились в том, что в стенах учебного заведения бурным цветом расцвел разврат. Все, и ученики, и их родители, взахлеб пересказывали друг другу историю о том, как похотливая математичка соблазнила своего ученика, и чем они занимались в кабинете, оставаясь наедине после уроков. Смаковались высосанные из пальца подробности, активно

муссировался слух о том, что там уже все дошло до беременности, и что парочка сговорилась тайно бежать в неизвестном направлении, куда-нибудь в тайгу или иные дебри, где никто не сможет помешать им продолжать их преступные отношения.

Кончилось все это ожидаемо. Преподавательница была вынуждена уволиться и срочно перебраться в другой город, та же судьба постигла и талантливую парнишку. На того весь этот скандал подействовал совершенно разрушительным образом — он замкнулся в себе, потерял интерес к учебе, быстро скатился на двойки и вскоре превратился в кормушку для психолога.

Дело это едва не обернулось уголовным следствием в отношении похотливой совратительницы малолетнего, но историю кое-как удалось замять и избежать суда. Происшествие долго и страстно обсасывалось в пределах школы, а когда острота его схлынула и люди, протрезвев, взглянули на все здраво, то вдруг выяснилось, что начало всему этому балагану положила Риана и ее вскользь брошенная фраза.

Подобных мерзостей на совести Рианы было множество. Она совершала их легко и непринужденно, ничуть не заботясь о последствиях. Любой убежденный злодей мог бы позавидовать тому количеству сломанных судеб, которое скопилось на счету Рианы. А потому, когда в один прекрасный день Риана пропала без вести, реакцией на это событие стала тихая, но долгожданная, радость.

Оказавшись в числе тех, кто был призван королевством добра для борьбы с темными силами, Риана не удивилась и не растерялась. Ей давно уже хотелось сменить обстановку, к тому же что дома, что в школе, на нее смотрели, как на прокаженную, и это самую малость напрягало. В новом мире можно было начать все сначала, с чистого листа. В ходе процедуры распределения в Риане обнаружились способности к магии, и ее, вместе с другими новичками, отправили в тренировочный лагерь для прохождения краткого курса боевого чародея.

Но хоть мир теперь и был другим, Риана осталась прежней. Она училась наравне со всеми, демонстрируя средние показатели успеваемости. Риана никому не завидовала и ни на кого не злилась. Что преподаватели, что сокурсники относились к ней хорошо. Но эта идиллия продлилась недолго.

Лагерь, в котором она оказалась, предназначался только для девочек. Был и лагерь для мальчиков — он располагался в двух милях южнее. Преподаватели вели отдельное обучение, поскольку желали, чтобы их подопечные уделяли время учебе, а не любовным шашням. Но против природы не попрешь. И вот одна девушка повадилась бегать на свидания к парню из мужского лагеря. Встречались они тайно, по ночам, принимая все возможные меры предосторожности, чтобы не попасться педагогам. Они бы и не попались, но в один прекрасный день их связь перестала быть тайной. И случилось это стараниями Рианы.

Все вышло как всегда — ненавязчиво, без злого умысла. Просто как-то само собой получилось. Нарушительница и ее ухажер были отчислены с курсов и лишились возможности стать героями. А прочие сокурсницы стали смотреть на Риану как на ищады зла. Та не придавала этому значения — до выпуска оставалось всего ничего. А дальше начнется геройская жизнь, полная приключений и богатых заработков.

Но возвратившись в Форинг, Риана, вместо геройской практики, получила нечто неожиданное. Никто не хотел брать ее в группу. Даже жалкие и слабые новички, которым кровь из носу требовался в команду хоть какой-то маг, и те воротили от нее нос. Слава о ее подлом поступке разнеслась быстро. В итоге, у нее закончились выданные после обучения

подъемные, а она так и не нашла себе группу. Чтобы не голодать, Риана попыталась наняться работницей на ферму, но ее не взяли и туда. Никто не хотел иметь с ней дело, весь Форинг отвернулся от нее. А заниматься геройской деятельностью в одиночку было невозможно — для начинающего мага это было смерти подобно.

Так она проторчала в Форинге какое-то время, кормясь жалкими подачками сердобольных людей, а затем просто пропала. Никто не знал, куда она исчезла. Никто и не пытался этого выяснить. Все сочли, что это только к лучшему, и вздохнули с облегчением.

А Риана отправилась через нейтральную полосу, напрямик в империю Кранг-дан. Оставаться в Ангдэзии ей было незачем — там она рисковала протянуть ноги от голода. В Форинге ее невзлюбили, не желали иметь с ней дела. Риане было обидно, что с ней поступили подобным образом. Она считала себя невинно пострадавшей, жертвой какого-то сговора. Эти бесчувственные люди, проникнутые к ней ненавистью, не оставили ей выбора. И она пошла искать счастья по другую сторону нейтральной полосы.

Так она и попала в стан злодеев. В империи ощущался дефицит толковых магов, и ее тепло приняли, пообещав интересную работу, щедрое жалование и дружный коллектив. Риана быстро прижилась у злодеев. Ее характер не изменился, она и здесь продолжала делать бессмысленные гадости, но в империи зла подобное поведение не считалось выходящим за рамки допустимой нормы. Более того, успешно оклеветав пару своих сокурсниц, Риана оказалась на хорошем счету у директора колдовской академии — вредной, злой и мстительной старухи, которая разглядела в девушке родственную душу. Старая карга помогла Риане с распределением — та отправилась на службу к лорду Мортусу, который владел приграничными землями империи. Там, на передовой, были самые благоприятные условия для карьерного роста. Риана воспользовалась ими, и вскоре возглавила всю колдовскую братию черного замка.

Ее жизнь в черной империи складывалась благополучно. Она быстро обзавелась средствами и полезными знакомствами, в том числе среди придворных колдунов. Лорд Мортус хорошо относился к ней. Риана уже строила глобальные планы на тему переезда в столицу и отыскания какой-нибудь хлебной и непыльной должности при дворе императора. Операция по разгрому Форинга, в организации которой она принимала самое активное участие, прославила ее имя. Сам император прислал ей благодарственное письмо, в котором хвалил молодую ведьму за верное служение злу и желал ей всяческих успехов в будущем. Затем наметилось крупное наступление на Ангдэзию, и Риана почувствовала, что эта военная операция может стать ее карьерным трамплином — достаточно отличиться, обратить на себя внимание высочайшего руководства, и можно смело рассчитывать на высокую должность в столице.

Но все ее надежды с треском рухнули. Масштабное наступление, которое империя тайно готовила несколько месяцев, сорвалось. И виной тому послужила новая сила, возникшая внезапно, а затем шумно и мощно заявившая о себе. Зловещий и таинственный Свиностас переиграл всех.

Для Рианы все это кончилось хуже некуда. Вместо карьерного роста она получила одиночную камеру. Ее соратники бросили ее в плену и сбежали. И не стоило рассчитывать, что империя Кранг-дан не забудет ее и попытается выволить. В империи на словах любили заявлять, что они не бросают своих, а деле только тем и занимались.

Риана не знала, на кого ей больше злиться. Вроде как во всех ее бедах был виновен Свиностас. Но Свиностас был врагом, а от врагов глупо ожидать чего-то, кроме гадостей. С

другой стороны, ее соратники, Мортус и Трокус, бросили ее на произвол судьбы, а вот это уже было действительно обидно. Риана не ждала от них такого.

Ближе к полуночи Риане удалось заснуть. Сделать это на жестокой лежанке оказалось непросто, Риана давно отвыкла от подобных условий проживания. А потому сон, скверный и не крепкий, без труда оборвался, едва она услышала где-то вверху грохот отпираемых засовов.

Риана открыла глаза и подняла голову. Посмотрев в крошечное оконце, она увидела между прутьями решетки тусклые крапинки звезд. Была глубокая ночь. И кого в этот час принесло в темницу?

Шальная и радостная мысль вспыхнула в голове ведьмы — это за ней! Соратники не бросили ее, они вернулись, они освободят ее и заберут с собой в Кранг-дан.

Но эта радость была недолгой. Вскоре стало ясно, что в темницу пожаловали стражники, которые привели с собой нового постояльца. Постояльцем этим была женщина, от чьего визгливого крика содрогнулись замшелые стены мрачного узилища.

— Отпустите меня, козлы! — визжала та истошно. — Грязные мужланы! Да вы знаете, кто я? Я на вас эльфийскому принцу пожалуюсь!

Риана поднялась с лежанки, тихонько подобралась к двери и выглянула в коридор сквозь зарешеченное оконце. Она увидела мечущийся по стенам свет факелов, затем разглядела людей. Один стражник шел впереди, освещая путь, двое других вели под руки какую-то толстую бабу. Из одежды на бабе был только наброшенный на плечи солдатский плащ. Пленница отчаянно вырывалась, окатывая солдат плевками и потоками однообразных оскорблений.

— За мной скоро приедут вампир с оборотнем! — визжала она. — А с ними эльфийский принц и маг! Я от Ильнура беременна! Я...

— Да заткнись уже, наконец! — не выдержал один из стражников, и отвесил горластой особе подзатыльник.

Но это ничуть не уняло пленницу. Та завопила еще громче.

— Насилуют! Бесчестят! — визжала она, и ее визг эхом раскатывался по всей темнице. Риана невольно заткнула уши пальцами, дабы побереечь барабанные перепонки.

Лязгнули дверные петли. Солдаты, ухнув, зашвырнули бабу в камеру, и захлопнули за ней дверь. Риана услышала, как с грохотом задвинулся засов и со щелчком повернулся ключ в замке.

— Доброй ночи, — пожелал ей один из стражников, после чего солдаты удалились.

Какое-то время доставленная в темницу особа долбила кулаками в дверь своей камеры и визгливо орала всякий вздор. Затем она, похоже, выбилась из сил, затихла и перешла на обиженный скулеж. Чаще всего до слуха Рианы долетало упоминание каких-то козлов.

Когда новая узница немного успокоилась и затихла, Риана громким голосом спросила:

— Эй, подруга, за что тебя закрыли?

На мгновение воцарилось молчание, затем в темноте прозвучал испуганный голос толстухи:

— Кто это? Кто здесь?

— Не бойся, — успокоила ее Риана. — Я такая же узница, как и ты.

Спать не хотелось, и Риана решила убить время за дружеской беседой, ведь ничто так не сближает людей, как совместное заключение в темнице. Но потенциальная собеседница повела себя враждебно. И в ответ на слова Рианы она визгливо выпалила:

— Ты не как я! Я богиня, а ты никто. За мной скоро придет эльфийский принц, вампир, оборотень, маг-красавчик и рыцарь на белом коне.

— Чего? — удивленно произнесла Риана. — Кто придет?

Но толстуха опять закатила истерику, стала через слово поминать каких-то козлов, мощно и безжалостно прошлась по какому-то сантехнику, а затем вновь начала бредить вампирами и эльфами.

— Дура какая-то, — сделала вывод Риана, отошла от двери и вновь улеглась на нары.

Глава 11

В квартире царил полнейший разгром. Большая кровать была опрокинута, все шкафы и тумбы лежали на полу грудой раздробленной вдребезги древесины. Огромное зеркало превратилось в россыпь крошечных острых осколков, в каждом из которых отражался вливающийся сквозь распахнутое окно звездный свет. Некогда висевший на стене дешевый пейзаж, изображавший пасторальную сельскую идиллию, был изорван в клочья, а деревянная рама его превратилась в мелко наломанный хворост.

С кухни каждые тридцать секунд доносился грохот и звон. Если бы какой-нибудь храбрый и любопытный наблюдатель осмелился заглянуть туда, он бы обнаружил внутри странную картину. Посреди заваленного осколками битой посуды помещения стояла растрепанная и заплаканная молодая женщина. Рядом с ней на столе высилась стопка дорогих тарелок. Женщина брала по одной тарелке, какое-то время глядела на нее с лютой ненавистью, а затем резким движением швыряла ее в стену. Тарелка с грохотом разбивалась об нее, разлетаясь по всей кухне каскадом осколков. От этих осколков досталось и самой метательнице. На ее правой щеке красовался длинный кровоточающий порез. Еще пара порезов украшала ее ладони. Но женщина не обращала на это внимания. Она продолжала методично уничтожать посуду.

Грохот, исходящий среди ночи из квартиры, не укрылся от внимания соседей. Те, разумеется, пришли узнать, в чем дело, а заодно посоветовать жильцам прекратить безобразия и дать людям спокойно спать. Но когда в ответ на довольно продолжительный стук в дверь им открыла хозяйка жилплощади, все слова возмущения тут же застряли в глотке у соседей. Трусливо извиняясь, они поспешили ретироваться, и теперь надеялись на то, что после посуды не настанет и их черед разбиваться об стену.

У них были причины опасаться за свою жизнь. Потому что открывшая им дверь Лаура была так страшна, что многим стало дурно. Жители Форинга любили верховную волшебницу, та слыла доброй и отзывчивой особой, всегда приходящей на помощь и никогда не отказывающей людям в беде. Никто никогда не видел ее гневной, злобной, да даже просто угрюмой. Лаура всегда была весела и жизнерадостна, легко заражая своим настроением окружающих.

Но то существо, что открыло дверь соседям, лишь очень отдаленно напоминало прежнюю Лауру. Перед испуганными людьми предстал какой-то жуткий монстр, в чьих мокрых от слез глазах полыхал огонь невиданной ярости. Многим почудилось, что это вовсе не Лаура, что ее место заняла какая-то злая ведьма, или, того хуже, некий ужасный монстр.

— Что вам надо? — строгим голосом спросила Лаура, обводя соседей взглядом.

Те, попятившись, поспешили заверить ее, что просто ошиблись адресом.

После этого волшебница с грохотом захлопнула перед ними дверь, а спустя какое-то время из ее квартиры вновь зазвучал звон бьющихся об стену тарелок.

О, на эти тарелки Лаура имела солидный зуб. Эти чертовы тарелки из дорогого фарфора, с высокохудожественной росписью — столичная работа, мать ее — она лично купила у торговца за кругленькую сумму. Даже с учетом сделанной специально для нее порядочной скидки, трата вышла ощутимая. Верховная волшебница Форинга не была бедна, но такие покупки были существенны даже для ее бюджета.

Для кого же она купила эти тарелки? Неужели для себя? О, отнюдь. Лаура не имела болезненной склонности к роскоши, и могла с равным успехом питаться как с очень дорогой, так и с простой деревянной посуды. Тарелки были куплены для ее возлюбленного, для ненаглядного Коленьки. Точнее для них обоих, чтобы вкушать с них разные кушанья в совместном любовном гнездышке.

Лаура медленно взяла из стопки очередную тарелку, повертела ее в руке, затем, прищурившись, ловко запустила ту в стену. Тарелка, вращаясь, пересекла кухню, и с грохотом разлетелась вдребезги. Осколки брызнули на пол, полетели на стол и в жестяную раковину. Лаура зверски ухмыльнулась.

Покупкой одних тарелок все не ограничилось. Дело в том, что все достижения Лауры в области магии возникли не на пустом месте. С раннего детства она только и делала, что училась. И это обучение занимало все ее время. Ни на что иное его просто не оставалось. Поэтому заклинание светового копья Лаура освоила в четырнадцать лет, тогда как многим чародеям на это не хватало и жизни. Левитацию осилила в пятнадцать. А в двадцать три стала верховной волшебницей Форинга. Но чего она не умела совершенно, так это готовить. Не потому, что боги не дали ей этого таланта, а просто из-за отсутствия свободного времени. Пару раз в жизни ей доводилось готовить яичницу, а все остальное время пищу для нее приготавливали другие.

Но Лаура решила, что должна порадовать возлюбленного кулинарными шедеврами собственного производства. Втайне ото всех она упростила лучшую кухарку Форинга преподавать ей несколько уроков. И стала учиться готовить. Не для себя — ей это было не нужно, да и не больно-то интересно. Все ради Коленьки.

Лаура воображала себе, как приготовит для возлюбленного прекрасное кушанье, и они вместе съедят его с этих дорогих тарелок высокохудожественной, черт бы ее побрал, росписи. И тогда Коленька полюбит ее еще больше.

Следующая тарелка оказалась в руке Лауры. Та, прищурившись, наметила точку на стене, и запустила керамический диск в полет. Тот со свистом пересек кухню и угодил точно в цель. Грохнуло. Осколки брызнули во все стороны, а Лаура вновь злобно ухмыльнулась.

Но методичное битье посуды приносило ей мало утешения. Вовсе не безобидные тарелки хотелось ей расколотить об стену, а кое-кого другого.

Увидев прошлым вечером, как ее Коленька самым возмутительным образом целовался с молоденькой целительницей, Лаура едва не лишилась рассудка. Одним богам было ведомо, какого труда ей стоило сдержаться в тот миг, и просто уйти. А ведь желала она иного. Она хотела распахнуть дверь, и устроить этим голубкам веселую жизнь. Так бы она и поступила, если бы не одно обстоятельство. Только оно удержало Лауру от активных действий. И заключалось оно в том, что Лаура вдруг отчетливо осознала — если сейчас она даст себе волю, если сорвется и спустит с тормозов свой гнев, все это кончится большой бедой. Она не сможет себя контролировать, и совершит что-нибудь страшное. Убийство. Она обязательно убила бы эту сопливую совратительницу, и, возможно, не только ее одну. В тот момент ей хотелось прикончить заодно с разлучницей и ненаглядного Коленьку, который вот так

запросто навалил кучу на всю ее любовь и принялся обжиматься с первой встречной девкой. Да что там, ей на полном серьезе хотелось разнести вдребезги весь Форинг, буквально сравнять этот город с землей. И ей бы вполне хватило на это сил.

Вот что остановило Лауру. Она побоялась сорваться, и наделать страшных дел, с послевкусием которых ей затем пришлось бы жить до конца дней. А она вовсе не была чудовищем. Сколько она себя помнила, ей всегда хотелось служить делу добра, помогать людям и защищать их от зла. Но в тот миг, когда она застучала своего Коленьку, целующимся с этой дрянной малолеткой, в ней что-то надломилось. И вот теперь, запуская в стену тарелки, Лаура чувствовала, что этот надлом необратим, и уже никогда не срастется вновь.

Методичное истребление посуды не приносило ей желанного успокоения. Лаура тщетно пыталась унять бушующий в ее душе гнев, но тот с каждой секундой разгорался все сильнее. Она все силилась понять, как и почему это произошло — и не находила ответа. Почему ее Коленька, которого она так страстно любила, и который, как ей казалось, любил ее с не меньшей страстью, вдруг начал целоваться с другой? Самое простое и очевидное объяснение Лаура решительно отвергала. Ну не могло же оказаться так, что ее обожаемый Коленька просто попользовался ею, а когда насытился одним блюдом, тотчас же переключился на другое. Нет, этого быть не могло. Просто не могло, и все.

Но все иные объяснения выглядели либо неубедительно, либо были слишком очевидно притянуты за уши. Лаура попыталась убедить себя в том, что подлая разлучница опоила Коленьку каким-то приворотным зельем. Она же целительница, она точно могла приготовить подобный напиток. Но это было слишком неправдоподобно. Сколь бы подлой и бесстыдной ни была эта девка, она же, в конце концов, не сумасшедшая. Применив против паладина зелье, изменяющее его разум, она рисковала угодить в темницу, причем очень надолго. Это было тяжкое преступление, притом преступление, которое очень трудно скрыть. Любой целитель или алхимик способен выявить в крови пациента остаточные признаки приворотного зелья. Нет, вряд ли дело в этом. Коварная разлучница не стала бы так рисковать.

Но что же тогда? Как все это объяснить? Может быть, Коленька еще не оправился от своих ран, и просто не понимает, что делает?

Нет, это тоже было чушью. Лаура провела у постели возлюбленного весь прошлый день, и могла поклясться, что тот находился в здравом уме и не демонстрировал никаких признаков помрачения.

Но тогда выходит, что он сделал это осмысленно. Но зачем? Как он мог предпочесть красавице-волшебнице какую-то сопливую девчонку, которую знал всего пару дней?

Еще одна тарелка разбилась об стену. Лаура покосилась на стопку ожидающей своей участи посуды, и вдруг горько разрыдалась. Она не могла поверить, что едва озарившее ее жизнь счастье закончилось так стремительно и так кошмарно. И какой же несусветной глупостью казались ей теперь все ее мечтания об их с Коленькой совместной жизни на далеком острове, вдали от всех опасностей и ужасов этого мира.

Лаура покинула разгромленную, засыпанную осколками посуды, кухню, вернулась в спальню и уселась прямо на пол. Больше сидеть было не на чем — прежде чем взяться за тарелки она качественно разнесла вдребезги всю мебель.

Она попыталась успокоиться и думать трезво. Прежде, чем делать какие-то скоропалительные выводы, ей следовало выяснить все наверняка. Быть может, тот поцелуй

вообще ничего не значил. Коленька мог поддаться спонтанному порыву, а затем, опомнившись, пожалеть об этом.

Чтобы прояснить ситуацию следовало поговорить с возлюбленным напрямую. Это будет лучше всего. Но Лаура почему-то страшно боялась предстоящего разговора.

До самого утра она просидела на полу, ворочая в голове разные мысли, и к рассвету не столько успокоилась, сколько истощила себя и уже не имела сил на злость. Новый день едва начался, Форинг за ее окнами медленно пробуждался, постепенно наполняясь гулом голосов. В лазарете все еще спали, но Лаура больше не могла ждать. Она хотела выяснить все прямо сейчас. Поднявшись на ноги, она покинула разгромленную квартиру.

Как она и ожидала, лазарет был тих и пустынен. Больные спали в своих палатах, ночная дежурная смена целителей домучивала остаток своей вахты с помощью травяного чая и вялой беседы. Никем не замеченная Лаура проскользнула по длинному коридору, и украдкой приоткрыла дверь в палату Коленьки. Ей понадобилось время, чтобы глаза привыкли к полумраку, а затем волшебница с изумлением поняла, что кровать возлюбленного пуста. Коленьки не было в палате. Он исчез.

Объятая настоящим ужасом, Лаура бросилась к дежурным целителям. Ей вдруг подумалось страшное — что с ее Коленькой случилась какая-то беда. Или его состояние резко ухудшилось, в связи с чем его перевели в другую палату, или...

Но целители быстро успокоили Лауру. С Коленькой не случилось ничего плохого. Наоборот, юный паладин стремительно шел на поправку. Он чувствовал себя уже настолько хорошо, что сегодня утром вышел погулять в крошечный садик, разбитый во дворе лазарета.

— Да вы не волнуйтесь, он там не один, — заверил Лауру целитель. — За ним присматривает Альмина, ассистентка мастера Агдэила.

Страх за Коленьку сменился бешенством. Вот оно что! Он, выходит, там не один. С ним эта подлая дрянь Альмина!

Лаура решительно направилась в сад. Она намеревалась серьезно поговорить с Коленькой и прояснить ситуацию.

Садик при лазарете был крошечным, и состоял из семи яблоневых деревьев, да нескольких кустарников, посаженных вдоль выложенной плитняком дорожки. В центре садика располагалась небольшая площадка с двумя скамейками, уютно примостившимися под сенью яблоневых крон. И вот на одной из этих скамеек Лаура и разглядела своего возлюбленного. Тот не скучал в одиночестве. К его плечу тесно прижималась бесстыдная девка, а Коленька обнимал ее рукой за талию. За самый низ талии. Фактически, уже даже и не за талию.

Лаура подошла к воркующим в уединении голубкам и громко кашлянула, привлекая к себе внимание. Альмина тут же резко обернулась, вскочила на ноги и суетливо засобиралась уходить.

— Увидимся позже, — бросила она Кольке, и быстро прошмыгнула мимо Лауры, низко наклонив раскрасневшееся от румянца лицо.

Лаура проводила ее тяжелым взглядом и повернулась к возлюбленному. Тот не без труда поднялся на ноги, опираясь на костыли, и улыбнулся.

— Привет, — произнес он беззаботно, с таким невинным видом, будто вообще ничего не случилось.

Его возмутительное поведение взбесило Лауру еще больше. Как будто этот тип считал нормальным обжиматься с какой-то девкой на глазах свой без пяти минут невесты.

— Коля, что происходит? — строгим голосом спросила Лаура.

На Колькином лице отразилось удивление.

— Происходит? — переспросил он, всем своим видом демонстрируя непонимание. — О чем ты?

Лаура не поверила своим ушам. На какое-то мгновение ей показалось, что возлюбленный просто издевается над ней. Ну не мог же он, в самом деле, не понимать, сколь неправильным и обидным для нее было его поведение.

Она с трудом подавила закипевший в ней с новой силой гнев. Немалого труда стоило ей не сорваться и не высказать Коленке все, что она о нем думала.

— Прекрати дурачиться! — потребовала она строго. — Я видела, как ты целовался с этой дрянью.

— Ее зовут Альмина, — сообщил Колька спокойным голосом. Будучи уличенным в измене он даже бровью не повел. Это потрясло и разозлило Лауру еще больше.

— Мне плевать, как ее зовут! — резко бросила она. — Я просто хочу знать, зачем ты это делаешь. Разве я чем-то тебя обидела? Если так, то скажи прямо.

— Обидела? — удивился Колька. — Нет, ничем ты меня не обидела. Лаура, да что с тобой?

Волшебница отступила на шаг, глядя на возлюбленного с изумлением и даже страхом.

— Ты ведь целовался с этой своей Альминой, — повторила Лаура тихо. — И сегодня вы с ней сидели в обнимку. Это ведь ненормально.

— А что здесь ненормального? — пожал плечами Колька.

Лаура вконец растерялась. Она не понимала, с чем столкнулась. Ну не мог же Коленка, тот самый, в которого она влюбилась без памяти, оказаться таким наглецом и негодяем. Или же он все-таки околдован какой-то черной магией? Но подобные чары всегда оставляли следы, а Лаура, стоя в двух шагах от Кольки, не чувствовала в нем никаких признаков колдовского воздействия.

Она вновь заговорила, на этот раз стараясь выдерживать спокойный тон, хоть это и стоило ей немало труда:

— Коля, мы же вместе. Как ты можешь целоваться с другой? Это....

— А, вон ты о чем, — перебил ее Колька, и смущенно почесал затылок пятерней. — Слушай, Лаура....

Он запнулся, явно подбирая слова. Лаура со страхом ожидала продолжения. Она чувствовала, что сейчас прозвучит что-то очень нехорошее, и внутренне сжалась от ужаса.

— Наверное, дело все в том, что мы с тобой происходим из разных миров, — начал издали Колька. — И в моем мире все это обстоит проще. В общем, все было классно, мне было с тобой хорошо, но нужно двигаться дальше.

— Двигаться дальше? — повторила побледневшая Лаура.

— Ну, не то, чтобы дальше. Просто, жизнь меняется. Сегодня тебе нравится одно, завтра другое. Мы с тобой неплохо провели время, но давай не будем все усложнять. Мы же взрослые люди, верно?

— Верно, — тупо повторила Лаура.

— Поэтому давай просто останемся добрыми друзьями, — улыбнувшись, предложил Колька.

Верховная волшебница Форинга всегда отличалась отменой сообразительностью, иначе никогда не достигла бы таких высот в изучении магии. Но сейчас разум отказал ей. Она

никак не могла понять, о чем говорит ей ее возлюбленный.

— Что значит — останемся добрыми друзьями? — тихо произнесла она. — О чем это все?

— Ну, как это — о чем? — пожал плечами Колька. — Как еще понятнее-то сказать?

Лаура осторожно спросила:

— Ты что, бросаешь меня?

— Да почему сразу бросаю? — возмутился Колька. — Вот не надо выставлять меня каким-то злодеем. Мы здорово провели время вместе, мне все понравилось, но не надо раздувать из этого невесть что.

— Ты ведь сделал мне предложение, — пробормотала потрясенная Лаура.

— Когда? — испугался Колька. — Нет, такого не было. Не придумывай!

— Там, на развалинах старой крепости, перед самой битвой.

— Это было не предложение, — терпеливо объяснил Колька. — Это я просто пошутил.

Его физиономия недовольно сморщилась, будто весь этот разговор окончательно перестал доставлять ему удовольствие, и он желал как можно скорее завершить его.

— Лаура, послушай, мы же не дети, — умоляюще произнес он. — Не нужно всего этого. Я еще молод, мне рано жениться. Я хочу попробовать того, этого... Нет, я не хочу сказать, что между нами все кончено раз и навсегда. Может быть, когда-нибудь мы попробуем снова....

Не дослушав его, Лаура повернулась к Кольке спиной, и на негнущихся ногах покинула садик при лазарете. Ей стоило нечеловеческих усилий не разрыдаться по пути домой, и только когда за ней захлопнулась дверь, волшебница тяжело пустилась на пол и дала волю душившим ее слезам.

Глава 12

Весь этот день был каким-то странным. Началось с того, что какие-то болваны, шутки ради, распустили по Форингу слух, что будто бы на город с большим войском, состоящим сплошь из чудовищ, идет сам Свиноста. Поскольку горожане и без того были на взводе, а тема Свиноста не сходила с их уст, слух это произвел сильнейшее впечатление на обывателей. Многие, впрочем, не утратили здравомыслия, и усомнились в его правдивости, но нашлись и те, кто повелся на утку и ударился в настоящую панику.

В полдень к резиденции ордена паладинов пожаловала делегация встревоженных горожан, общим числом голов в пятьдесят. Люди были напуганы, с жаром мусолили тему скорого конца света, и требовали позвать к себе Ильнура, чтобы тот либо подтвердил, либо опроверг гуляющие по городу страшные слухи.

Подобного рода массовые психозы случались в Форинге нередко — сказывалась близость к границе, откуда в любой момент могли пожаловать враги. И Ильнур давно овладел искусством справляться с ними. Верховный паладин выходил к встревоженным людям, всем своим видом демонстрируя полное спокойствие. Он говорил с ними громким уверенным голосом, терпеливо объясняя толпе, что боялся нечего, и что он лично ручается за это. Его невозмутимый вид и тон оказывали волшебное действие на взвинченную толпу. После десятиминутной беседы напуганные люди, только что балансировавшие на грани паники, полностью успокаивались и с улыбками расходились по домам.

Но в этот день все было иначе. Вопреки обыкновению, Ильнур не вышел к встревоженной толпе. Вместо него к людям обратился один из паладинов, сообщил, что

Ильнур не здоров, и не может пообщаться с ними, а затем предложил горожанам не толпиться без нужды возле резиденции ордена.

Известие о болезни Ильнура еще больше встревожило публику. Верховный паладин был их главным защитником, величайшим воином Форинга. Но если он слег, или даже при смерти (поддавшись панике, люди навывдумывали себе всяких ужасов) то кто даст отпор Свиностасу и его орде?

Ничего не добившись у резиденции ордена, напуганные горожане устремились к обители чародеев. Они желали видеть Лауру, верховную волшебницу Форинга. Она стояла на страже города наравне с Ильнуром, и если уж верховный паладин занемог, то, может быть, она сумеет прояснить ситуацию.

Но Лауры в обители не оказалось, а вышедший к толпе чародей сообщил людям, что сам не видел верховную волшебницу со вчерашнего дня. Он предположил, что та находится в лазарете, у постели своего возлюбленного, паладина Николая.

Толпа направилась в лазарет. Целители не пустили зевак внутрь лечебного учреждения, однако признались, что Лауры здесь нет, а где она сейчас, того они не знают.

Наконец, граждане выяснили, что последнее время верховная волшебница проживала на квартире вместе с паладином Николаем. Их сожитительство осуществлялось тайно, о чем естественно знало полгорода.

Отправились на квартиру. Посланная делегация долго стучалась в запертую дверь, но никто не отпер им и не отозвался изнутри. По всему выходило, что и в квартире Лауры нет.

Все эти таинственные исчезновения и загадочные заболевания первых лиц города лишь усилили панические настроения толпы. Открыто стали звучать пророчества о том, что гибель не за горами. Потом какой-то перебравший браги дурак выбежал из подворотни, и стал кричать, что в пяти милях от Форинга видели черных рыцарей. Какой-то грязный оборванец с огромной вшивой бородой залез на пустую винную бочку и стал мрачно пророчествовать о скором приходе темных времен, о хладе великом, об ужасе невыносимом, и о монстрах, что призваны были в этот мир черным властелином Свиностасом. У пророка был шанс — он сумел собрать вокруг себя немалую толпу, которая внимала ему в благоговейном молчании, ловя каждое слово полоумного оратора. Но в самый кульминационный момент кто-то случайно толкнул бочку, та зашаталась, и бородатый горлопан, упав с нее на брусчатку, лишился половины гнилых зубов и откусил себе треть болтливого языка.

В городе назревали волнения, звучали призывы грабить награбленное, да и вообще, раз грядут последние времена, и светопредставление не за горами, стоит ли оглядываться на такую мелочь, как положения закона? Все это безобразие следовало пресечь быстро и решительно. Но отдать подобный приказ было некому. Лауру никто не мог найти — со вчерашнего дня ее не видели и не знали, куда пропала верховная волшебница. Ильнур был у себя, в своих покоях, но наружу из них не выходил, и к себе никого не пускал. Он позволил войти к себе только целителю. Тот пробыл внутри полчаса, а когда вышел наружу, скорбным было лицо его. На все вопросы паладинов о самочувствии Ильнура, целитель лишь безрадостно качал головой. Рыцарей объял ужас. Они поняли — надежды нет. Их отважный командир, величайший из воинов Форинга, обречен.

Тут они, конечно, поспешили с выводами. Ильнур не был при смерти, даже близко не подошел к этому печальному состоянию. Физически он был полностью здоров. Но вот психика его, перенесшая минувшей ночью страшный удар, заметно пошатнулась.

Ильнуром овладел панический страх. Запершись в своей комнате, сидел он в самом дальнем и темном от двери углу, и никак не мог вернуть себе привычное самообладание. Ему все чудилось, что вот сейчас в его покои вновь ворвется чудовищная баба и начнет домогаться его. Стоило закрыть глаза, как он видел перед собой этого жуткого монстра — жир и ужас, складки, пот блестит на толстых ляжках. Все такое дряблое, обвисшее, колыхающееся при ходьбе, как студень.

И тут же, едва это видение посещало его, Ильнура начинало трясти с новой силой.

Этой ночью он лицом к лицу столкнулся с настоящим ужасом. Никогда доселе Ильнуру не доводилось переживать такой страх. И страх этот не желал выпускать его из своих ледяных когтей. Ильнур чувствовал, что не забудет жуткой бабы до самой своей смерти. Это невыносимое видение отныне станет преследовать его повсюду, являться ему в кошмарных снах, мерещиться наяву. Он обречен на вечные страдания.

Но его не так сильно волновали видения, как само существо, породившее их. Страшная толстуха все еще была в Форинге. Пусть она и сидела под замком в темнице, но у Ильнура не было железной уверенности в том, что каменные стены и прочные засовы сумет удержать в неволе этот девятипудовый ужас. Следовало как можно скорее отправить страшную бабу обратно, в ее мир. До тех пор Ильнур не мог чувствовать себя в безопасности. Потому что в любой момент могла распахнуться входная дверь, и в его покои ввалилась бы эта кошмарная женщина. Голая. Мерзкая. И опять начала бы домогаться его, неся весь этот непостижимый бред про эльфийского принца, вампира и оборотня. Ильнур прекрасно отдавал себе отчет в том, что не переживет повторного столкновения со страхолюдиной. Если оно придет за ним снова, участь его будет предрешена.

Лауре тоже не было дела до городских волнений. Она прекрасно слышала, как кто-то долго и настойчиво стучался в дверь квартиры, слышала доносящиеся снаружи голоса. Но она и не подумала открыть или отозваться. Все это было ей глубоко безразлично. И даже если бы в этот миг на Форинг напала злодейская сборная в составе императора Дакроса и властелина Свиноста, она и тогда не пошевелила бы пальцем, чтобы что-нибудь предпринять.

Вновь и вновь Лаура пыталась переварить случившееся. Но оно никак не желало укладываться в ее голове. Главный вопрос, который терзал ее, это — почему? Почему это произошло? Почему ее Коленька, который казался ей настоящим ангелом, идеальным мужчиной из сказки, вдруг превратился в конченого мерзавца? Как он мог так поступить с ней? И почему?

До этого дня, ослепленная своими чувствами, Лаура была уверена во взаимном характере их с Коленькой любви. Ей и в голову бы не пришло, что заносчивый сопляк просто пользуется ею, одновременно присматривая себе вариант получше. Она и сейчас не могла поверить в это. Такого просто не могло быть.

Но это было так. Коленьку никто не околдовывал и не опаивал зельем — Лаура прекрасно это знала. Просто до сего дня она видела в нем только то, что хотела видеть. Он представлялся ей идеалом, мужчиной ее мечты, с которым она планировала провести всю оставшуюся жизнь. На том самом острове, вдали от всех опасностей этого мира.

Слез уже не осталось, поэтому Лаура просто сидела на полу, в полумраке квартиры, и не знала, что ей делать дальше. Медленно, неохотно и со скрипом до нее начала доходить суть всего произошедшего. А было вот как: она, как дура, влюбилась в какого-то подонка, который вдоволь наигрался с нею, а теперь подыскал себе новую куклу для сексуальных

утех. А ее выбросил как мусор.

В какой-то момент невыносимая горечь начала сменяться холодной злой ненавистью. Лаура вдруг осознала, что она сидит в полумраке и с безумной улыбкой маньяка планирует жестокую месть Коленьке и его новой пассии. Еще недавно это ужаснуло бы ее. Но не теперь. Отныне все потеряло смысл. Лаура больше не хотела ни защищать Форинг, ни служить королевству добра. Ее больше не заботила собственная карьера. Через пару лет талантливую чародейку ждал перевод в столицу, к большим деньгам и царской роскоши, но плевать теперь хотела Лаура на это все. Она пережила самое прекрасное и счастливое время в своей жизни, когда встретила и полюбила Коленьку, и знала наперед, что ничего лучшего будущее уже не сможет ей предложить. А тот факт, что ее возлюбленный оказался таким невыносимым гадом, буквально приводил ее в исступление.

— Сейчас пойду и убью обоих! — с безумной улыбкой пробормотала Лаура.

О, она легко могла бы сделать это. Кто бы сумел остановить ее, сильнейшую волшебницу Форинга? Захоти она этого, и половина города обратилась бы в руины, а половина жителей в мертвецов, прежде чем паладины сумели бы дать ей отпор. Если бы вообще сумели. С ней мог потягаться разве что Ильнур, но и у него было мало шансов в поединке с верховной волшебницей.

Мысль о жестокой и страшной мести захватила Лауру. Перед ее глазами стали разворачиваться неожиданно приятные картины повсеместного опустошения, разорения и ужаса. Разрушенные здания, пылающие дворцы, улицы, заваленные окровавленными трупами горожан — все это вдруг показалось ей крайне заманчивым. Она будет убивать всех, мужчин, женщин, детей и стариков, даже домашнюю живность. Все они сгорят в огне ее ярости. А вот сладкую парочку она прибережет на десерт. Ненавистный Коленька и его шлюшка умрут последними. И нелегка будет их смерть. Лаура специализировалась на светлой магии, но это вовсе не значило, что ей были неведомы темные и жуткие чары. Она знала отвратительные и тошнотворные проклятия, от одних описаний которых кровь стыла в жилах. В ее силах было заставить изменщика и разлучницу испытать невыносимые, чудовищные страдания. Она была в силах продлить их мучения на дни, недели, месяцы. Терзать их днями и ночами, наслаждаясь их истошными криками и мольбами о пощаде. О, они станут ее умолять. Они будут просить вначале о пощаде, а затем о быстрой смерти. Но им не дождаться от нее снисхождения.

Вдруг Лаура словно очнулась и испугалась собственных мыслей. Ее почти затянул в себя омут кровожадного безумия. Слишком охотно она откликнулась на его зов. А ведь так недолго превратиться в настоящее чудовище.

Она стала убеждать себя в том, что нужно успокоиться, взять себя в руки, пережить это удар судьбы и идти дальше, но это не срабатывало. Идти дальше? Идти куда? Продолжать верно служить делу добра? Но Лаура больше не хотела этого. Она не желала оставаться в Форинге, и вообще в Англэзии. Плевать ей на эту войну, на добро и вообще на всех. Если она сама не может быть счастлива, с какой стати ей напрягаться и рисковать ради счастья других людей? Это и глупо, и нечестно.

— Уйду, — решила она вслух. — Куда-нибудь.

Вновь она подумала о тропическом острове. Не поселиться ли ей там? Теперь уже одной. Но остров не выглядел слишком заманчивым. Сидя в одиночестве на клочке суши, омываемой бескрайним океаном, и непрерывно гоня в голове одни и те же невеселые мысли, она точно вскоре сойдет с ума. Ненависть, огонь которой разгорелся в ее душе,

сожжет ее изнутри дотла. Этой ненависти следовало дать выход.

В мире было немало земель, его населяло немало народов. Но те, что сторонились войны, не будут рады ее появлению. Они решат, что волшебница из Англэзии может накликасть на них беду. Кранг-дан? Пусть Лаура и охладела к королевству добра, но не настолько, чтобы примкнуть к его прямому противнику. К тому же злодеи никогда не вызывали у нее симпатии. На самом деле, в данный момент она очень бы хотела, чтобы некая сила сровняла с землей и королевство добра и империю зла.

И вдруг она вспомнила о том, что на свете есть такая сила. Вновь полубезумная улыбка расцвела на лице Лауры, а в глазах загорелся недобрый огонек.

Она, наконец, решила, что будет делать дальше.

Глава 13

— Ильнур? Ильнур, мы входим. Ты чем там занят? Ты одет?

Голос, доносящийся из-за двери, разбудил верховного паладина. Он вскинул голову и быстро, с чувством глубочайшего ужаса и ожидания неминуемой беды, обвел взглядом свои покои. На какое-то короткое и жуткое мгновение ему показалось, что он не один в комнате. Что здесь есть еще кто-то. Или что-то. Что-то страшное, жирное и похотливое. Но нет, боги миловали его. Он был один.

— Ильнур? — вновь прозвучал из-за двери знакомый голос одного из паладинов. — Так мы входим, да?

Минувшая ночь выдалась тяжелой для Ильнура. До самого утра его терзали чудовищные, леденящие кровь, кошмары. Стоило сомкнуть веки и погрузиться в дрему, как тут же чувство безотчетного страха оплетало его холодными щупальцами. Он оказывался в густой темноте, в неизвестном и страшном месте. И он был там не один. Что-то подбиралось к нему, что-то потное и пышное, состоящее из жировых складок и непрошибаемой тупости. Оно желало добраться до него, обладать им, взять его и пленить навеки, ввергнув в пучину адских мук. Раз за разом верховный паладин просыпался с истошным криком, метался на мокрых от пота простынях, рвал на голове волосы и горько плакал. Мужество, всегда бывшее его отличительной чертой, оставило его. Пережитая встреча с жуткой бабой подорвала его психическое здоровье.

— Ильнур, ты как знаешь, а мы входим, — вновь раздалось из-за двери, а затем та приоткрылась, и в комнату просунулась голова одного из паладинов. Увидев, что его командир уже бодрствует, он распахнул дверь шире и вошел внутрь. За ним следом вошли еще два паладина. За их спинами Ильнур разглядел горничных и их горящие любопытством глаза.

— Который час? — спросил Ильнур, натянув одеяло до подбородка и со страхом поглядывая на гостей.

— Час-то ранний, — ответил один из паладинов. — Едва петухи смолкли. Да не о том речь. Ильнур, у нас беда.

Верховному паладину стало дурно. Кошмарные предчувствия охватили его. Неужели сбылось самое страшное? Неужели страх божий, который не так давно коварно проник в его покои и совершил акт сексуального домогательства, вырвался на свободу?

— Что случилось? — тихо, едва сдерживая слезы, спросил Ильнур.

Паладины переглянулись. Один из них заговорил:

— Мы пока сами не разобрались. Тебе бы стоит пойти и посмотреть на все самому.

— Да на что посмотреть-то? — вскричал Ильнур, которого весь этот загадочный тон едва не довел до седых волос.

— Ночью произошел побег из темницы.

В этот раз верховный паладин не сумел сдержать крика ужаса. Он так и знал! Ведь именно в темницу он приказал заключить страшную бабу, и держать ее там до тех пор, пока чародеи не отправят ее обратно в родной мир. А теперь она сбежала. Она на свободе! Она придет за ним! Ее не остановить!

Жалко скуля, Ильнур с головой скрылся под одеялом. Он мечтал умереть, лишь бы не видеть больше этого жуткого существа. До встречи с ним он даже не подозревал, что женщины могут быть такими страшными.

— Ильнур, Риана сбежала, — прозвучало над его головой.

Верховный паладин резко отбросил одеяло и удивленно уставился на гостей. Его так увлекли собственные переживания, что он успел забыть обо всем остальном.

— Риана? — повторил Ильнур. — Сбежала? Но как? Ее же поместили в специальную камеру для волшебников. Только не говорите, что по ошибке сунули ее в обычную камеру!

— Ошибки не было, — заверил его один из паладинов.

— Тогда как она могла сбежать? Это невозможно. Из этой камеры не смогла бы вырваться даже Элария, пусть она хоть трижды верховная волшебница Ангдэзии.

— Риана тоже не смогла, — прозвучало в ответ. — Ей помогли.

— Помогли? Но кто?

— Мы пока и сами не знаем.

Но Ильнур прекрасно видел по лицам подчиненных, что все они знают, только почему-то не хотят говорить. Неужели в деле была замешана страшная баба, и потому паладины не хотят шокировать его, сообщая об этом.

— Так, ребята, — строгим тоном произнес Ильнур, — выкладывайте-ка все на чистоту. Что там произошло? Кто помог Риане сбежать?

— Ильнур, мы пока не можем утверждать это наверняка, — принялся мямлить один из паладинов. — У нас только свидетельские показания тюремной стражи. А ты знаешь тамошних стражников. Им с пьяных глаз чего только ни померещится.

— Кто? — повторил Ильнур. — Просто скажите мне, кто это сделал?

— Стражники клянутся, что это была госпожа Лаура.

Ильнур дикими глазами уставился на паладинов. Ему показалось, что или он ослышался, или подчиненный ляпнул что-то не то.

— Повтори! — потребовал он.

— Это была Лаура, — произнес паладин. — Во всяком случае, так уверяют стражники. Мы допросили их только что. Эти болваны сейчас в лазарете. Надо признать, им крепко досталось.

Ильнур схватился за голову.

— Как? — простонал он. — Как это возможно? Почему? Лаура... Нет! Я не верю! Это все или чья-то ложь, или происки черной магии.

Он вновь обратился к подчиненным:

— Вы пытались найти Лауру?

— Ее начали искать, как только стражи темницы дали показания. Пока что поиски ни к чему не привели.

Ильнур проворно поднялся с кровати и стал быстро одеваться, собирая с пола

разбросанную одежду. Доставленная новость так потрясла его, что он забыл обо всех своих страхах. Он не мог и мысли допустить, что Лаура действительно совершила предательство, освободила злодейку и сбежала вместе с ней. Верховная волшебница не могла этого сделать. Кто угодно, но только не она. Ильнур давно знал Лауру, и знал ее хорошо. Волшебница была всем сердцем предана делу добра, и никогда бы не выступила против него.

— Я хочу сам допросить стражников, — сообщил он, натягивая сапоги. — Вы сказали, они в лазарете. Сильно пострадали? Говорить смогут?

— Смогут.

— Хорошо. И немедленно отправьте всех людей на поиски Лауры. Пусть перевернут весь город, войдут в каждый дом и в каждую квартиру. Нужно найти верховную волшебницу. Паладины вновь переглянулись, и один из них осторожно произнес:

— Это не все новости.

Ильнур застыл на месте с наполовину натянутым на ногу сапогом, и медленно повернул к подчиненным побледневшее лицо.

— Что еще? — прорычал он.

— Возможно, это не так важно, на фоне прочего-то, — заюлил паладин.

— Да говори ты!

— Из темницы этой ночью сбежал еще один узник. Точнее — узница. Та жирная баба, которую вы приказали запереть, а потом отправить обратно в ее мир. Она....

Паладин запнулся, в ужасе уставившись на Ильнура. У того дружно встала дыбом вся золотистая шевелюра.

— Оно в городе? — осторожно спросил Ильнур. — Кто-нибудь видел это существо в Форинге?

— Нет. Но мы ее особо и не искали. Сейчас все силы брошены на розыск Рианы и Лауры.

— Ищите толстуху! — выпалил Ильнур. — Ищите ее! Как найдете, сразу же отправьте обратно в ее мир. Тотчас же. Не мешкая. Если она окажет сопротивление, убейте на месте. Я разрешаю.

Страх перед монстром был велик, но дела вынудили Ильнура покинуть свои покои. В сопровождении паладинов он отправился в темницу и лично провел осмотр места происшествия. Но с уликами там было небогато. Не было ни следов борьбы, ни последствий применения заклинаний. В комнате стражи, где поутру нашли двух покалеченных дежурных, тоже обошлось без разрушений. Разве что одна из трех бутылок, которыми тюремщики планировали скрасить свое ночное бдение, упала со стола и разбилась об пол, образовав на нем темную винную лужу. Винцо, надо думать, было крепким — надышавшись его парами, Ильнур сам слегка опьянел.

Все камеры были открыты ключами, которыми злоумышленник завладел в комнате охраны. На тот момент в темнице находилось четверо узников — Риана, жуткая баба, и двое воришек. Последних уже отловили — тем не хватило ума даже покинуть город.

Затем Ильнур отправился в лазарет и подробно расспросил стражников о ночном происшествии. Тем досталось не так сильно, как могло бы. Ребята отделались несколькими переломами да кучей пышных синяков. Оба в один голос божились, что среди ночи, когда они бдительно и безупречно трезво несли вахту, дверь в их каморку внезапно распахнулась, и на пороге предстала госпожа Лаура. Верховная волшебница Форинга выглядела странно — она была растрепанной, взъерошенной и подозрительно злой, а на губах ее играла безумная

улыбка.

— У вас же там сигнальный колокол, — напомнил Ильнур. — Почему вы не подняли тревогу?

Один из стражей ответил:

— Так ведь это же госпожа Лаура. Зачем тревогу-то поднимать? Мы решили, что она хочет допросить пленницу. Ну, ту, злодейку.

Ночное появление Лауры удивило стражников, но им и в голову не могло прийти, что верховная волшебница Форинга явилась в темницу с недобрыми намерениями. Поэтому они сами отдали ей ключи от всех камер, после чего получили заслуженную награду — Лаура с помощью магии подняла их в воздух, и крепко приложила об стену. Больше они ничего не помнили, поскольку от удара потеряли сознание, а очнулись уже под утро, когда в темницу пришла дневная смена и обнаружила их на полу.

Допрос продолжался долго. Ильнур всеми силами пытался подловить стражников на лжи, но у него ничего не вышло. Разве что их слова о том, будто бы Лаура, совершив свое злодеяние, подбросила им в камеру три бутылки крепкого вина, не выдерживали никакой критики. В остальном же оба явно говорили правду. Но поверить в это Ильнур просто не мог.

Уже покидая лазарет, он столкнулся с Колькой. Юный паладин уверенно шел на поправку.

— Пришел проведать раненого товарища? — спросил Колька. — В больницу положено являться с гостинцами. На мандарины не рассчитываю, а вот бутылочку пивка я бы с удовольствием приголубил в обход врачебных рекомендаций.

— Невкусные я гостинцы принес, — мрачно проронил Ильнур, после чего быстро пересказал Кольке все последние известия. Тот, выслушав Ильнура, потрясенно покачал головой.

— Нет, Лаура не могла этого сделать, — заявил он уверенно. — Это же Лаура. Чтобы она, да оказалась предательницей... Чушь!

— Слушай, вы же с ней вроде как близки, — понизив голос, произнес Ильнур. — Ты в последнее время ничего такого за ней не замечал?

— Какого — такого?

— Ну, чего-то необычного. Знаешь, нетипичное поведение всегда бросается в глаза. Или, может быть, какие-то ее слова показались тебе странными?

Колька на секунду замялся, словно собираясь о чем-то рассказать, но затем отрицательно мотнул головой.

— Нет, ничего такого не было, — заверил он Ильнура. — Лаура вела себя как обычно, ничего странного не делала и не говорила.

— А между вами ничего не происходило? — спросил верховный паладин. — Ну, может, вы с ней поссорились, или еще что-то?

— Да нет, у нас с Лаурой были прекрасные отношения, — пожал плечами Колька.

Ильнур тяжело выдохнул и провел ладонью по лицу.

— Не понимаю! — произнес он. — Просто не понимаю. Зачем она это сделала?

— А ты уверен, что она? Вдруг ее подставили?

— Я сам только на это и уповаю, — признался Ильнур. — Потому как если Лаура окажется предательницей, это будет страшным ударом для всего нашего королевства. Если такие люди, как она, предают идеалы добра, то грош цена этим идеалам — вот что

подумают простые люди. А ведь враг не дремлет. Его лазутчики непрерывно проникают на наши земли и смущают умы черной пропагандой. Теперь к их рассказам о том, что в империи зла простому люду живется лучше и вольготнее, добавится веский аргумент — дескать, вон, глядите, даже верховная волшебница Форинга сбежала к императору Дакросу. А она-то ведь не дура. Она в плохое место не побежит.

Ильнур, замолчав, покачал головой.

— Плохо, все плохо, — произнес он сокрушенно. — Скорее бы, в самом деле, в Форинг прибыло королевское войско и госпожа Элария. Пусть бы она разбиралась со всем этим. У меня, потому что, уже голова идет кругом.

Тут Ильнур резко вскинул голову, уставился на Кольку и выдохнул:

— А не замешан ли во всем этом Свиностас?

Колька поморщился.

— Ильнур, брат, забей ты на этого Свиностаса. Он тут вообще не при чем.

— Как я могу на него забить? — воскликнул верховный паладин. — Этот гад сидит на нейтральной полосе со своим ручным демоном и еще бог знает с какими тварями, и явно замышляет великие злодеяния. Ох, скорее бы нам разделаться с ним. Хоть одной бедою станет меньше.

— Свиностас мой, — поспешил сообщить Колька. — Я сам его убью.

— Тебе еще надо поправиться, — напомнил Ильнур, — прежде чем вновь вступать в битву.

— Ради мести Свиностасу я даже на костылях в атаку побегу, — заверил его Колька. — Ну, что ты думаешь делать дальше?

Верховный паладин пожал плечами. Он и сам не знал, что ему теперь делать.

— Попытаюсь найти Лауру, — ответил он. — Если не получится, то... Ох, не знаю. И что я скажу госпоже Эларии, когда та прибудет в Форинг?

Они помолчали. Затем Ильнур хлопнул Кольку по плечу, пожелал тому скорейшего выздоровления и покинул лазарет.

Он как раз шел мимо городских ворот в сопровождении своих паладинов, когда в город влетел всадник на взмыленном коне. Ильнур с первого взгляда узнал королевского гонца.

Тот привез известие, которого Ильнур давно дожидался. Десятичное войско выступило из столицы. Его вел лично верховный паладин Ангдэзии, глава всего рыцарского ордена. С ними выехала госпожа Элария со своей свитой.

— Ну, что же, теперь дни Свиностаса сочтены, — заметил Ильнур, дочитав послание.

Но его куда больше беспокоило предательство Лауры. Ильнур все пытался найти хоть одно разумное объяснение поступку чародейки, но ничего не приходило ему в голову. Оставалось уповать на то, что прибыв в Форинг, Элария разберется во всем сама, и сумеет пролить свет истины на все эти непостижимые и мрачные события.

Глава 14

— Почему бы нам просто не перенестись туда? Ты ведь уже бывала в той крепости, и сможешь открыть туда портал. Я бы и сама смогла, но здоровье не позволяет.

Риана остановилась, привалилась плечом к дереву и попыталась отдышаться. Пот катил с нее градом, она шла тяжело, быстро уставая. Магия и лечебные эликсиры спасли ее жизнь после страшных ранений, но до полного восстановления было еще очень далеко. В ее нынешнем состоянии пешая прогулка на большую дистанцию являлась тяжким испытанием.

Лаура повернулась к ней и окинула ведьму суровым взглядом.

— Я ведь уже объяснила тебе все два раза, — напомнила она. — Хочешь выслушать это и в третий? Изволь, дорогуша, мне не трудно. Да, я могу перенести нас в крепость Свиностаса. Но какой прием нас ожидает там в этом случае? Они могут решить, что это нападение. На службе у Свиностаса состоит ручной демон, с которым ни мне, ни уж тем более тебе, не совладать. Поэтому мы пойдем туда пешком. Еще есть вопросы?

Риана обхватила руками древесный ствол, стараясь не упасть от усталости.

— Масса, на самом деле, — ответила она. — Меня особо интересуют твои мотивы. С чего это верховная волшебница Форинга решила поступить на службу к злодею Свиностасу? Ладно, я, у меня есть веские причины. А ты-то что? У тебя ведь все хорошо: карьера, достаток, личная жизнь....

Лаура метнула на ведьму свирепый взгляд, и та благоразумно прикусила язык.

— О моих мотивах тебе знать незачем, — заметила волшебница. — Я взяла тебя с собой лишь потому, что ты лучше меня знакома с Свиностасом, и можешь понадобится для переговоров с ним. Будь иначе, я оставила бы тебя гнить в темнице.

— Какая же ты добрая, — не сдержала ехидства Риана. — Пощупай над макушкой — нимб не проступил?

Лаура, прищурившись, поглядела на спутницу.

— Ты нарочно пытаешься меня взбесить? — спросила она. — Или прошлого раза тебе было мало? Поверь, я сейчас в очень скверном расположении духа. Мне не нужно многого, чтобы сорваться. А если я сорвусь, ты умрешь. Быстро, но зато очень больно.

— Верю, — сказала Риана. — Я не хотела тебя задеть. Просто пытаюсь поддерживать разговор. Мы же теперь как бы подруги.

Лаура громко усмехнулась.

Это и впрямь прозвучало смешно, Риана понимала это. Ей до сих пор не верилось, что именно верховная волшебница Форинга помогла ей покинуть темницу. Но еще больше удивило желание Лауры отправиться к Свиностасу, которого та совсем недавно ненавидела всем сердцем. У всего этого определенно была какая-то веская причина, и Риане очень бы хотелось ее узнать.

Побег состоялся ночью, и оказался для Рианы полной неожиданностью. Она в тот момент находилась в своей камере, и безуспешно пыталась заснуть. Мешали этому не только неудобная жесткая лежанка и пропитанный зловониями воздух узилища, но и несмолкаемый скулеж соседки. Толстуха, которую доставили в темницу днем, страдала острой формой словесного поноса. Временами она замолкала, и тогда Риана благодарила богов за то, что те ниспослали ей тишину. Но недолгой была небесная благодать. Вскоре толстуха вновь начинала бредить вслух, притом тональность ее голоса прыгала от чуть слышного шепота до истошных завываний, от которых вибрировали каменные стены и вяли уши. Несколько раз Риана просила ее замолчать. Точнее, просила первые четыре раза. Затем стала требовать, а потом и угрожать. Томиться в неволе и так-то было невесело, а когда ко всем прелестям тюремного заключения добавилось еще и невыносимое звуковое сопровождение, жизнь превратилась в сущий кошмар. Риане даже пришла в голову мысль, что толстуху подсадили к ней специально, что это какая-то новая изощренная пытка, которой добряки решили подвергнуть ее за все хорошее.

Слушать ахинею толстухи днем было тошно и тяжело, но ночью стало еще хуже. Когда Риана выяснила, что упитанная узница не собирается закрывать рот и в темное время суток,

она сорвалась.

— Заткнись немедленно, или я до тебя доберусь! — закричала она, срывая голос. — Клянусь, я вырву твой язык и засуну его....

— Отвали, дура! — визгливо перебила ее толстуха, и продолжила бормотать свой бред о принцах, вампирах, оборотнях и эльфах сексуальной наружности.

— Охрана! — закричала Риана, барабаня кулаками в дверь камеры. — Сделайте что-нибудь! Заставьте ее замолчать!

Но на ее крики никто не явился. Стражники закрылись в своей каморке, и ничего не слышали.

— Кого мне выбрать — эльфа или вампира? — громко рассуждала неугомонная узница. — А вдруг бывают эльфы-вампиры? О, предел мечтаний. Но у милашки Ильнура все еще есть шанс. Ему лучше поторопиться, пока эльф-вампир не сделал мне предложение.

— Убей себя! — рыдала Риана, заткнув пальцами уши. — Просто убей себя!

— Тебя никто не любит, вот ты и бесишься, — провизжала толстуха. — А меня добиваются такие красотки! Видела бы ты того эльфийского принца....

Риана не выдержала, и пронзительно завопила. Желание покончить с собой крепло с каждой минутой. Этот нескончаемый бред про оборотней, эльфов и вампиров буквально сводил ее с ума.

Не появившись среди ночи Лаура, и не освободив ее, дело могло кончиться трагедией. Риана чувствовала, что к рассвету она либо рехнется, либо зубами вскрыет себе вены. А когда толстуха начала озвучивать свои фантазии на тему будущих любовных отношений с верховным паладином Форинга, который, якобы, втрескался в нее с первого взгляда, и намеревался с минуты на минуту сделать предложение, Риана начала биться головой об стену и кусать локти.

Донесшиеся снаружи шаги заставили ее прервать самоистязание.

— Стража! — завопила Риана. — Я хочу во всем сознаться. Сколько нужно взять на себя преступлений, чтобы меня казнили немедленно?

— Торопишься умереть? — донесся из-за двери знакомый голос. Риана с удивлением и страхом осознала, что тот принадлежит Лауре.

Лязгнул замок, со скрежетом отодвинулся засов. Дверь распахнулась. На пороге камеры стояла верховная волшебница Форинга.

Напуганная Риана попятилась от выхода.

— Пришла пытать? — спросила она осторожно. — Среди ночи, как разбойница. Не стыдно?

Лаура медленно вошла в камеру и окинула ее взглядом.

— Ну, как тебе новые хоромы? — спросила она насмешливо. — Уютно здесь?

Риана промолчала, продолжая со страхом глядеть на Лауру. Ей было прекрасно известно, что волшебница ее не любит. Очень сильно не любит.

— Что ты хочешь, Лаура? — спросила она быстро. — Если надо в чем-то сознаться, считай, что я уже это сделала.

— Не нужны мне твои признания, — фыркнула Лаура. — Мне и без них известно, что ты злодейка, и что по тебе плачет виселица. Но я здесь не за этим. Ты ведь хорошо знаешь Свиноста, верно?

Риана удивленно выпучила глаза.

— Кого? — переспросила она. — Свиноста? С чего ты это взяла?

— Ты ведь сама об этом говорила, — напонила Лаура.

— Ничего я такого не говорила, не сочиняй. Я с ним знакома, да. Но мы не друзья. Да и потом, он ведь притворялся. Прикидывался невинным глупым школьником, а я, наивная, верила. Кто же знал, что под личиной жалкого заморыша скрывается злодей вселенского масштаба?

— Тем не менее, ты его знаешь, — заметила Лаура. — И он тебя тоже.

— Ну, допустим. И что?

— А вот что: ты меня к нему отведешь.

Риана вконец растерялась.

— Тебя к нему? — переспросила она. — Но зачем? Если хочешь его убить, то ты и сама знаешь, где его найти.

— Убивать его я не намерена, — ответила Лаура. — По крайней мере — сейчас. Я желаю говорить с ним. Но мне он не доверяет, а вот тебя, возможно, согласится выслушать.

— Ну, не знаю, — с сомнением произнесла Риана. — В логове Свиностааса опасно. Там же обитает огненный демон. Да и потом, ты слышала все эти истории? Рассказывают, что Свиностаас и его подельники организовали в старой крепости эпицентр вселенского разврата. Счет поруганным девицам идет на сотни.

— Неужели ты беспокоишься за свою честь? — рассмеялась Лаура. — Не поздновато ли?

— Честь — не честь, а все равно боязно. Кто знает, что на уме у этих извращенцев?

— Ну, дело твое, — пожала плечами Лаура. — Либо ты ведешь меня к Свиностаасу, либо остаешься здесь. И не надейся, что Ильнур скоро выпустит тебя из темницы. Есть вероятность, что ты проведешь в заключении большую и лучшую часть своей жизни.

Риана побледнела от страха. Притом напугала ее не перспектива провести в темнице годы, а то, что придется и дальше терпеть пытку, организованную ей безумной соседкой. Ведьма чувствовала, что долго она этого не выдержит.

— Хорошо, — согласилась она. — Я пойду с тобой. Только пообещай, что расскажешь мне, чего ты хочешь от Свиностааса.

— Расскажу, — согласилась Лаура. — В свое время.

Прежде чем покинуть темницу, Риана взяла у Лауры ключи от камер, и попросила дать ей минутку. Затем, вооружившись тяжелой березовой палкой, которыми стражники окучивали буйных подопечных, отперла одну из дверей и вошла внутрь. Оттуда прозвучал визгливый, полный возмущения, вопль:

— Чего тебе надо, дура? За мной сейчас вампирский... тьфу ты, эльфийский принц придет. Он тебя....

Речь оборвалась, сменившись болезненным криком. До слуха Лауры донеслись звуки ударов дерева по мясу.

Через минуту, как и обещала, Риана вновь вышла в коридор, потная, покрасневшая, но чрезвычайно довольная.

— Последние сутки только об этом и мечтала, — призналась она, роняя на пол окровавленную палку. — Ну, идем? У тебя есть идеи, как нам незаметно покинуть Форинг?

— Есть парочка, — заверила ее Лаура. — Выйдем через главные ворота.

— А как же тамошняя стража?

— А стражу мы вежливо попросим отвернуться и не смотреть.

Вот так и осуществился этот неожиданный побег. Весь остаток ночи, и все утро они

пешком двигались в сторону нейтральной полосы. Когда же та показалась впереди серым безжизненным простором, беглянки остановились передохнуть в небольшой рощице.

— Знаешь, мы бы могли взять лошадей, — заметила Риана. — Это бы облегчило нам задачу. Не знаю, как ты, а я еще не созрела для пеших прогулок.

— Ничего, по пути дозреешь, — без намека на сочувствие бросила ей Лаура.

— Так ты расскажешь мне, наконец, зачем тебя понесло к Свиностасу? О чем ты хочешь с ним говорить?

— Это не твое дело, — без намека на любезность ответила Лаура.

— Да вот тут-то ты ошибаешься. Если ты задумала какую-то глупость, она может выйти боком и мне. Потому что у меня на Свиностаса свои планы. Подумываю попроситься к нему на службу.

Лаура удивленно покосилась на собеседницу.

— На службу? — переспросила она. — А как же темная империя?

— Та самая, которая бросила меня в Форинге на произвол судьбы? Ну ее, такую империю. Я лучше буду служить Свиностасу. Когда он завоюет весь мир, то пожалует мне замок, тысячи полторы рабов и какой-нибудь титул. Стану графиней, буду жить в свое удовольствие.

— Ты, я вижу, уже все распланировала, — усмехнулась Лаура.

— Все — не все, а кое-что успела набросать. Сама о себе не подумаешь, никто не подумает. Новая сила явилась в этот мир. Могущественная, злая и амбициозная. Выбор прост: примкнуть к Свиностасу, или погибнуть в борьбе с ним. Я погибать не хочу. Мне все равно, кому служить.

— Какая же ты беспринципная дрянь! — в сердцах выпалила Лаура. — Одно слово — злодейка.

— Ой-ой-ой! — передразнила ее Риана. — Поглядите на эту святошу. А сама-то, сама! Выпустила из тюрьмы пленницу, вместе с нею идешь на встречу с темным властелином Свиностасом. И явно задумала что-то преступное.

— В отличие от тебя, мною движут отнюдь не меркантильные, а вполне благородные мотивы, — заявила Лаура. — Мне не нужны ни замки, ни рабы, ни титулы. Я ищу лишь справедливости.

— Справедливости? У Свиностаса? Да он же маньяк, извращенец и потаскун. Разве ты не слышала, какие истории ходят о нем по Форингу? Мне особенно запала в душу та, где Свиностас пленил эльфийскую принцессу, привязал ее к столбу и долго стегал плетью по голой попе.

— Правда? — удивилась Лаура. — Зачем он это делал?

— Кто знает? — пожалала плечами Риана. — Свиностас безумен и похотлив, мотивы его поступков лежат за пределами нашего разума.

— Ладно, — произнесла Лаура, поднимаясь на ноги. — Пора идти дальше.

— Дай еще минутку посидеть! — взмолилась Риана. — У меня совсем нет сил.

— Отдохнешь у Свиностаса. Вот привяжет он тебя к столбу, начнет стегать плетью по попе, а ты знай себе, отдыхай.

— Еще добрячка, называется, — проворчала Риана, тяжело поднимаясь на ноги. — Хоть бы еды в дорогу взяли. Я голодная.

— Потерпишь. Недолго осталось.

— Звучит как-то зловеще.

— А так оно и есть. Свиностаc может убить нас обеих, едва мы войдем в его обитель. Это тоже следует учитывать.

— Я бы уж лучше согласилась на столб и порку. Интересно, он это проделывает со всеми женщинами, или только с эльфийками?

Волшебница и ведьма побрели дальше, в сторону серого пустого пространства нейтральной полосы.

А в это время, из густых зарослей, пара злых глаз наблюдала за ними.

— Что, сучки, думали, я ничего не пойму? — прорычала Матрена, сплевывая на землю кровавую слюну.

Ей крепко досталось от Рианы — доведенная до белого каления ведьма славно обработала болтливую узницу березовой палкой. Но Матрена не чувствовала боли многочисленных синяков и ушибов. Она раскусила замысел этих двух худышек. Белобрысая стерва и рыжая дрянь отправились в королевство эльфов, чтобы прибрать к рукам всех прекрасных принцев. Но напрасно они рассчитывали на успех. Матрена решила пойти следом за ними, и не отдать соперницам самого прекрасного эльфийского принца. Потому что этот принц должен принадлежать только ей одной. И эльф, и оборотень, и вампир, и белокурый паладин. Все должны дружно любить ее. И будут любить. А этим двум худышкам не достанется ни одного красавчика. Потому что все они ее! И только ее!

Часть вторая. Глава 15

У Эльмы имелся четкий план, которого она намеревалась строго придерживаться. Этот план она вынашивала с детских лет, а к тому моменту, когда к ее обретенному женскую привлекательность телу начали приклеиваться похотливые мужские взгляды, он сформировался окончательно.

Меньше всего Эльме хотелось провести всю свою жизнь в родной деревушке, крошечном селении, навеки погрязшем в навозе и безысходности. Там ее не ждало ровным счетом ничего хорошего. Эльма прекрасно представляла себе свою будущую жизнь, решись она навсегда задержаться на малой родине. Лет в шестнадцать, а то и раньше, родители, отчаянные бедняки, выдадут ее замуж за какого-нибудь местного обормота, пастуха или землешца, грубого, грязного, воняющего потом и домашней живностью. А затем с журчанием потечет семейная жизнь. Эльма будет каждый год рожать своему муженьку по ребенку, из которых выживет, дай бог, каждый четвертый, а муженек будет целыми днями пропадать в поле, а вечером, возвратившись в родную халупу, вливать в себя положенную порцию крепкого самогона и устраивать жене положенную взбучку. Взбучки являлись непременным атрибутом семейной жизни, по крайней мере, в родной деревне Эльмы. Все тамошние женщины, от мала до велика, постоянно щеголяли с расписанными синяками лицами. Незамужних девиц били отцы и старшие братья, замужние получали свою порцию любви и ласки от любящих супругов. Хорошая традиция непрерывно колотить баб сложилась с незапамятных времен, и давно уже воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Ни мужчины не задавались вопросом, за каким чертом они лупят своих женщин, ни женщины не протестовали против подобного обращения. Всех все устраивало, все были счастливы. И только одну Эльму не прельщала подобная участь. Она дерзновенно мечтала о лучшей жизни, и точно знала, где ее искать.

Впервые она услышала о столице в восьмилетнем возрасте, когда их деревушку посетили с проездом какие-то странствующие торговцы. Но поскольку торговля шла вяло,

ибо обитатели деревни отличались феноменальной бедностью, и при всем желании не могли позволить себе никакой роскоши, торговцы развлекались тем, что травили местным различные байки. В том числе и о стольном граде всея империи, Черном Ургорте.

Истории торговцев произвели на маленькую Эльму сильнейшее впечатление. Их рассказы об огромном городе тысячи дворцов и миллиона огней звучали как прекрасные сказки. А торговцы не скупились на подробности, сообщая все новые и новые шокирующие детали. В числе прочего было заявлено, что в столице все улицы вымощены драгоценными камнями с кулак и больше, а все заборы выкованы из чистого золота с примесью платины. По городским каналам, вместо простецкой воды, течет вино столетней выдержки, а на деревьях вперемешку растет шоколад и сдоба. Все столичные жители сплошь богачи и счастливцы. Любой, попав туда, сразу же обретает состояние, получает в свое владение особняк, обзаводится комплектом слуг, после чего только и делает, что разъезжает по балам да приемам, где ест, пьет и танцует.

Кто-то из деревенских слушателей рискнул спросить торговцев, когда же, в таком случае, столичные жители работают. Сказитель тотчас же поднял олуха на смех, и сообщил простофиле, что столичные жители не обременяют себя физическим трудом. В столице, объяснил он, не надо работать вообще, потому что там и так все у всех есть.

С того времени волшебный образ столицы не шел из головы у Эльмы. Чем больше она вспоминала услышанный рассказ о чудесном городе, где все только пьют да гуляют, а работать не надо вовсе, тем большее отвращение вызывала в ней малая родина, погрязшая в навозе и беспросветном крестьянском труде. В конце концов, Эльма твердо решила, что любыми путями, во что бы то ни стало, доберется до Черного Ургорта. Не хочет она целыми днями стирать, готовить и убираться, кормить скотину и нянчить детей. Это не ее путь. Она изберет иную стезю. Стезю столичной шпучки. Она желает спать до полудня, и не на жесткой лежанке, а на мягкой перине, посещать балы и званые ужины, и чтобы замуж ее взял не грубый крестьянский мужлан, а какой-нибудь утонченный маркиз, или даже целый князь. Уж он-то, маркиз, не станет каждодневно колотить ее по лицу кулаками и по спине поленом. Среди маркизов подобное не практикуется.

Определившись со своим амбициозным планом, Эльма приступила его методичному осуществлению. Начала с того, что в четырнадцать лет сбежала из дома, прихватив с собой все скудные семенные сбережения, старательно накапливаемые родителями на протяжении последних двадцати лет. Но этих жалких грошей хватило ненадолго. Деньги стремительно закончились, а столица все еще была невообразимо далека. Сообразив, что пешком и без каких-либо средств она никогда не достигнет своей мечты, Эльма решила заработать стартовый капитал. Делать она умела ровно ничего, так что рынок труда предоставил ей два варианта: сезонная пахота на полях за еду, или трудоустройство в одно веселое заведение на крупном тракте. Эльма, не мешкая, выбрала заведение. В поля ее не тянуло, к тому же ей было прекрасно известно, что крестьянский труд еще ни из кого не сделал богача. Что же касалось заведения, то там ей пообещали щедрое жалование, оплачиваемый отпуск, и перспективу карьерного роста.

Веселое заведение издавна стояло на оживленном торговом тракте, связывающим западную и восточную части империи. По этой дороге непрерывно двигались обозы, экипажи, проезжали торговцы, гонцы и просто праздные путешественники. Иногда по ней проходили колонны солдат, завербованных на востоке. Колонны двигались на запад, к границам империи. И лишь эти колонны напоминали о том, что государство много лет

находится в состоянии войны с королевством Англэзия. Сама империя жила себе вполне спокойно, не чувствуя довлеющей над ней угрозы. С запада иногда доходили слухи о боестолкновениях на нейтральной полосе, но к ним давно уже привыкли, и не обращали внимания.

В веселом заведении Эльма не планировала задерживаться надолго. Она решила для себя, что быстренько заработает денег, и продолжит свой путь в столицу. Судя по щедрым обещаниям работодателя, это не должно было занять больше пары месяцев. Благо Эльма была молода, хороша собой, и пользовалась завидным спросом, в отличие от старших своих коллег по цеху. За нее хорошо платили. Она была нарасхват. Но вот странность, несмотря на авральные темпы работы, а Эльма ради осуществления своей мечты трудилась на износ, иной раз обслуживая по пять-шесть клиентов за ночь, ей никак не удавалось ничего скопить. Деньги вроде и приходили, но тут же и уходили на то и на это. То Эльма спускала их на дорогое платье, то на сладости, а затем, как-то незаметно, она пристрастилась к алкоголю, и вскоре уже он начал пожирать весь ее заработок.

Так прошел год. За ним еще один. И еще. Эльма по-прежнему была молода и красива, хотя напряженный график и уже конкретно оформившийся алкоголизм заметно сказались на ее внешности. К этому добавилось несколько венерических бонусов, подхваченных на производстве. Пришлось потратиться на лечение, что тоже вылилось в кругленькую сумму. Живущий неподалеку от веселого заведения старый алхимик упорно отказывался брать плату натурой, и требовал только наличные.

Эльма не отреклась от своей мечты, но она как-то незаметно отошла в тень, куда-то на двадцать пятый план. Жизнь в придорожном борделе была легка и весела. Ночами Эльма заливалась вином и обслуживала клиентуру, днем спала или просто валялась на кровати, тупо таращась в потолок. Иногда, в редкие моменты трезвости, ее охватывало неудержимое желание сбежать из борделя, и оправиться в столицу хоть пешком. Но стоило влить в себя бокал-другой винца, как это желание меркло и скукоживалось. И Эльма тут же успокаивала себя тем манером, что пешком до столицы все одно не добраться, поэтому нужно скопить денег, и только тогда трогаться в путь. Ну а деньжата как-то не скапливались, уходя на все то же вино или на зелья алхимика, ибо венерические бонусы случались с удручающим постоянством.

Так минуло еще несколько лет. К своим двадцати годам Эльма уже имела довольно потасканный вид, и заметно проигрывала в спросе молодым конкуренткам. Если прежде она обслуживала самую лучшую публику, богатых купцов, чиновников, офицеров, и даже пару раз побывала под настоящими черными рыцарями, то теперь, в связи с утратой торгового вида, ее услугами пользовались посетители попроще. Ей приходилось ублажать возниц, вербовщиков, грязных и грубых наемников, а то и вовсе зажиточных крестьян. Эта публика разительно напоминала ей мужчин из родной деревни, главным образом своей склонностью к насилию. Каждое утро Эльма обнаруживала на своем теле целую россыпь свежих синяков. Иногда темные пятна, оставленные чужими кулаками, расцветали и на ее лице.

Но она не унывала. Все думала, что вот-вот накопит денег, и тут же отправится в столицу. А там ее уже ждет личный дворец, слуги, перина и красавец-маркиз.

В тот день погода испортилась еще с полудня, а ближе к вечеру черные тучи заволокли все небо. За серией вспышек молний и раскатов грома на землю обрушился ливень, живо превративший гостиничный двор в грязевое месиво. Отвратительная погода сказалась и на посещаемости заведения. Гостей было удручающе мало — группа вербовщиков, держащая

путь на север за свежей партией фронтového мяса, два торговца да обозники. Вербовщики, скинувшись, сняли на ночь самую дешевую и страшную проститутку по кличке Бабуля. Торговцы и обозники ели и пили, но пока что не демонстрировали никакой тяги к половым услугам. Поэтому проститутки сидели без дела и скучали. Эльма, борясь со скукой, уже успела заправиться тремя стаканами дешевого вина. Профессиональная интуиция подсказывала ей, что сегодня работы не предвидится. Разве что случится нечаянная удача, и в веселое заведение занесет какого-то неожиданного клиента.

Дождь шумел снаружи, то и дело заглушаемый раскатами грома. В воцарившейся тьме не было видно ничего в шаге от себя. А потому старый работник, занимавшийся встречей гостей и устройством на постой их лошадей, невольно вздрогнул, когда из густого мрака, сквозь распахнутые ворота, во двор въехала повозка. Повозка была добротная, столичной работы. Везли ее крепкие дорогие лошади. Предчувствуя щедрые чаевые, работник бросился к экипажу, с целью продемонстрировать свою крайнюю полезность.

Повозка остановилась. На козлах восседала закутанная в черный кожаный плащ фигура. Когда она подняла голову, работник увидел под капюшоном мертвенно-бледное женское лицо.

— Добро пожаловать, госпожа, — прокричал работник. — Милости просим.

Женщина слезла с повозки, и сунула в подставленную ладонь слуги тяжелую желтую монету. У того глаза полезли на лоб.

— Лошадей накорми, — произнесла женщина. — Завтра утром повозка должна стоять во дворе запряженная и готовая в дорогу. Все понял?

— Понял! Понял! — радостно закивал слуга, решивший, что поутру, возможно, получит еще один золотой.

Женщина оставила его, подошла к повозке и несколько раз ударила ладонью по тенту. Вслед за этим из кузова появилась еще одна фигура, точно так же закутанная в черный плащ с капюшоном. Она безмолвно прошла мимо согнутого в поклоне слуги, и вместе с женщиной направилась к дверям заведения.

Когда двое незнакомцев в черных одеяниях вошли внутрь, все разговоры в зале мгновенно смолкли. Более того, кое-кому даже показалось, что пламя свечей испуганно прижалось к фитилям, и на какой-то миг в помещении сгустился мрак. Один из гостей, тот, что был ниже ростом, сбросил с головы капюшон. Под ним оказалось болезненно-бледное лицо молодой женщины, на котором ярче всего выделялись большие, горящие каким-то безумным блеском, глаза. Второй гость, напротив, опустил голову ниже, полностью скрыв краем капюшона свою физиономию.

Говорила только женщина, ее спутник помалкивал. Гости потребовали самый лучший номер, и вслед за слугой сразу же поднялись в него, не заказав ни ужин, ни иных услуг. Эльма проводила эту парочку скучающим взглядом, и с горечью подумала о том, что этой ночью она, похоже, не заработает ни гроша. Этаким манером нескоро она сумеет оплатить свой проезд до столицы.

Примерно через четверть часа бледная женщина вновь появилась в зале. Появилась одна. Ее спутник, вероятно, остался в номере. Гостыня избавилась от своего плаща, сменив его на траурно-черное платье с высоким воротником. Она заказала себе ужин из куска холодной говядины, которую умяла довольно проворно, не прикоснувшись ни к хлебу, ни к соли. Затем поднялась из-за стола, и направилась к группе скучающих без дела проституток. Те, заметив ее приближение, оживились.

Женщина остановилась напротив них, оценивая их изучая ассортимент. Она с интересом посмотрела на самую юную из них, пятнадцатилетнюю девицу, лишь два месяца как начавшую карьеру. Затем ее взгляд скользнул на Эльму, и задержался на ней. Наконец, женщина указала на Эльму пальчиком, и произнесла:

— Ты!

Голос у этой бледнолицей особы был неприятный, какой-то тягучий и мрачный. Но перспектива неожиданного заработка так обрадовала Эльму, что она забыла думать обо всем и тут же поднялась со своего места.

— К вашим услугам, — произнесла она.

— Идем, — бросила женщина, и направилась к лестнице. Эльма, провожаемая шуточками товаров, последовала за ней.

Первым, на что обратила внимание Эльма, оказавшись в номере, был запах. Слабый, едва уловимый, но все же четко прослеживаемый запах разложения. Будто где-то в комнате, под кроватью, или за массивной старой тумбой, изволила сдохнуть крупная мышь, а то и целая крыса, и теперь ее тушка медленно разлагалась там, в пыли и темноте, распространяя вокруг себя тошнотворные миазмы. Но такого, разумеется, не могло быть. Владелец гостиницы строго следил за чистотой в номерах, и не допускал, чтобы те превращались в склепы для почивших грызунов. Да и самих грызунов в заведении еще надо было поискать. Трое свирепых котов непрерывно вели на них охоту, методично истребляя мышинное поголовье. Так что вывод можно было сделать только один — трупный запах принесли с собой постояльцы.

Дверь за спиной Эльмы захлопнулась, и та, невольно вздрогнув, обернулась. За ней стояла бледнолицая женщина. И выражение ее худого лица трудно было назвать дружелюбным.

— Прощу! — произнесла она сухо.

Эльма прошла вглубь комнаты, и только теперь заметила второго постояльца. Тот стоял возле окна, глядя наружу, во тьму. Он по-прежнему был в черном плаще, и даже не потрудился сбросить с головы капюшон.

Эта парочка производила зловещее впечатление, но Эльму трудно было испугать странными клиентами. За свою карьеру она повидала всяких чудаков. И эти типы в черных одеяниях едва ли чем-то ее удивят. В том, что парочка принадлежит к числу извращенцев, Эльма не сомневалась. Но и это ее не смущало. Что такого необычного они могут придумать? Возможно, ей предстоит заняться сексом с бледной женщиной, а ее безмолвный спутник будет наблюдать за этим. Или не просто наблюдать, но и участвовать. А, может быть, ее привяжут к постели и станут прижигать тело горячим воском, капающим со свечи. Или потребуют, чтобы она привязала их, и причинила им боль. Все это Эльма уже проходила, и успела убедиться в скудности фантазии извращенцев.

— Разденься, — приказала ей бледная женщина.

Эльма повиновалась, не задавая лишних вопросов. Она неторопливо оголила свое тело, аккуратно повесив платье на спинку стула. Из приоткрытого окна снаружи тянуло прохладным воздухом, отчего по коже Эльмы побежали мурашки. Ей показалось, что трупный запах, пропитавший собой комнату, заметно усилился. Она невольно поморщилась.

— Вот сюда, — обратилась к ней бледная женщина, указав рукой на черную фигуру возле окна.

Эльма повиновалась, и подошла ближе к этому странному типу, не желающему

показывать своего лица. С каждым ее шагом трупный смрад усиливался. Эльма почувствовала, что ее вот-вот стошнит. Она не выдержала, и спросила:

— Чем здесь так воняет?

Бледная женщина беззвучно оказалась за нее спиной, и опустила холодные ладони на плечи Эльмы.

— Все хорошо, — прошипела она. — Сейчас все будет хорошо.

Но Эльма придерживалась иного мнения. Оказавшись напротив закутанной в черное фигуры, она быстро поняла, что именно от этого загадочного типа и несет тошнотворным трупным смрадом. Потому он и стоял подле открытого настежь окна. Все это окончательно перестало ей нравиться, и она произнесла:

— Знаете, мне надо на секунду отлучиться....

Тип в черном плаще поднял руку, ухватился скрытыми под кожей перчаток пальцами за край капюшона, и резким движением откинул его за спину. Эльма, наконец-таки, увидела лицо загадочного постояльца. И тут же лишилась дара речи. Потому что перед ней стоял мертвец, и смотрел на нее молочно-белыми глазами.

Эльме понадобилось несколько долгих секунд, чтобы прийти в себя. Ее рот начал распахиваться, готовясь исторгнуть из себя пронзительный, полный ужаса, визг. Но за мгновение до того, как первые звуки вырвались из груди Эльмы, бледная женщина, по-прежнему стоящая за ее спиной, ловким движением набросила на шею проститутке скрученный спиралью черный шелковый платок. Затем ловко перекрутила на затылке жертвы концы платка, образовав узел, и, что было сил, затянула его. Не успела жертва опомниться, как бледная женщина уже повалила ее на кровать, и, не переставая душить платком, коленями прижала к матрацу руки Эльмы.

— Кушай, дорогой, — возбужденно прохрипела бледнолицая особа.

Помутневшим взглядом Эльма увидела, как мертвец нависает над нею. Из его приоткрытой пасти, полной черных зубов, несло могильной гнилью. Затем он резко опустил голову, и Эльма ощутила жуткую боль. Мертвец вонзил свои зубы в ее плоть. Она чувствовала, как он отрывает от ее тела куски мяса, слышала жадное чавканье чудовища, но ничего не могла сделать. Бледнолицая женщина надежно фиксировала ее руки, а удавка не позволяла ни вдохнуть, ни крикнуть.

Глава 16

Обмякшее тело проститутки безвольно раскинулось на окровавленных простынях. Гэла рискнула осторожно ослабить удавку, готовая в любой момент затянуть петлю вновь. Но этого не требовалось. Женщина не притворялась. Она действительно была мертва. На это красноречиво указывала ее кровь, обильно пропитавшая всю кровать. И это при том, что большую ее часть жадно выхлебал Васек.

Гэла слезла с еще теплого тела, и осмотрела свое платье. На черной ткани почти не было заметно пятен крови. А вот ее спутник оказался менее чистоплотен. Он выпачкал и лицо, и одежду. Кровь капала на пол с его подбородка.

— Вкусно, но мало, — поделился ощущениями Васек, гнилым языком слизывая поздний ужин со своих губ.

— Я могу привести еще одну девку, — предложила Гэла. — Вот только это может вызвать подозрения.

— Не нужно, — отказался Васек. — Лучше завтра возьмем ее с собой. Так я смогу

позавтракать на тракте.

— Как скажешь, любимый, — согласилась Гэла.

Ночь прошла тихо. Немногочисленные постояльцы заведения ближе к полуночи распозлились по своим номерам, персонал в лице слуг и проституток тоже отошел ко сну. Все спокойно спали под черепичной крышей придорожной гостиницы. Даже Гэла, и та заснула после полуночи на голом матраце, сбросив на пол мертвую женщину и окровавленные простыни. И только одно существо не спало той ночью — Васек, бывший свинопас из окрестностей Форинга.

Когда-то, несколько лет назад, Васька призвали в этот мир и предложили послужить делу добра и света. Он согласился, поскольку на своей исторической родине, в крошечной глухой деревне, ему грозила исключительно карьера алкоголика. Но из Васька не вышел ни паладин, ни чародей, ни целитель. Магическое устройство, определяющее человеческий потенциал, распределило Васька на ферму. И будь он проклят, если расстроился из-за своего назначения.

Несколько лет Васек счастливо прожил в новом мире. Герои, воины и чародеи, сражались с чудовищами и сходились в жестоких схватках со злодеями из черной империи. Они добывали в боях славу или находили там свою гибель. А Васек жил себе тихо-мирно, пас свиней, бегал на свидания к доярке с соседней фермы, и горя не знал. Подобная жизнь была ему по душе. Он собирался остаться в этом мире навсегда — у него не было причин возвращаться на историческую родину. Здесь он обрел новый дом. Дом, в котором он был счастлив.

Но лишь до того дня, когда в его прекрасную жизнь вторгся Свиностаc.

Стоило вспомнить о Свиностаcе, как по всему мертвому телу Васька электрическим разрядом раскатилась волна лютой ненависти. Его буквально затрясло. Он сжал кулаки, стиснул зубы, и страшно выпучил глаза. Его корежило от жгучей ненависти к этому человеку. Он умер с ненавистью в душе, она же возвратила его из небытия. И теперь она вела его к единственной цели — убить Свиностаcа.

Васек до сих пор еще не осознал, чем он является теперь. Живым человеком он быть перестал — этот факт представлялся очевидным. Живой человек Васек погиб в подzemелье старой крепости. Точнее говоря, он был подло убит каким-то неведомым существом. Что-то там было. Что-то скрывалось за той дверью, или же, если сказать точнее, что-то было заперто за ней. Оно, это неведомое нечто, и убило прежнего, живого Васька.

Но бездонной тьме небытия не было суждено поглотить его душу. Движимый ненавистью к Свиностаcу, Васек нашел обратную дорогу из темноты. Он вернулся. Вернулся уже не тем Васьком, каким был раньше. Смерть не прошла для него бесследно. Она изменила его, сделала другим. Она что-то отняла у него, какие-то фрагменты личности, какие-то воспоминания, черты характера. Но и добавило что-то новое, что-то чуждое. И эти две половины, свое и чужое, медленно и неохотно срастались в нем воедино, образуя совершенно новое существо.

Васек не мог сказать, что осталось в нем от прежнего Васька, а что было привнесено со смертью. Например, ему казалось, что прежде, будучи человеком, он не испытывал тяги к употреблению крови. А вот теперь его буквально влекло к этому дивному напитку. Кровь была единственным блюдом, которого он жаждал. Он пытался питаться человеческой пищей, но вся она показалась ему безвкусной. То ли дело кровь. Каждый глоток этой восхитительной жидкости оборачивался настоящим праздником для его вкусовых

рецепторов. Кровь давала ему энергию, делала сильнее. Васек чувствовал, что только регулярное употребление человеческой крови удерживает его на этом свете. Ведь технически он труп, и, как всякий труп, стремится сгнить и распасться на атомы. И лишь кровь, прекрасная теплая кровь, останавливала процесс гниения.

Для прежнего Васька, для Васька-свинопаса, подобная диета была бы невысказана. Для нынешнего Васька питье чужой крови стало обычным делом. Но не в вампиризме видел он свое предназначение. Его целью было найти и убить Свиноста, подлого и гнусного злодея, принесшего столько горя невинным людям. Эта была не просто личная месть. Васек убеждал себя, что его мотивы куда благороднее. Он не просто собирался воздать Стасику за собственную отнятую жизнь. Он нес справедливость. Немало крови накопилось на руках злодея Свиноста. Васек видел себя тем, кто положит конец его гнусным делам и покарает монстра.

Васек оторвал взгляд от ночной тьмы за окном, и перевел его на спящую Гэлу. Эта странная женщина помогала ему во всем, но Васек так и не сумел понять, что двигало ею. Кажется, она была одержима болезненным сексуальным влечением к покойникам, а он, оживший и обретший разум, труп стал точкой концентрации ее извращенных помыслов. Как бы то ни было, эта женщина была полезна. Она помогала ему передвигаться по дорогам, устраивала для них ночлег. К тому же, при свете дня Васек чувствовал болезненную слабость, а прямые лучи солнца, попадая на его кожу, вызывали резкую боль. Поэтому днем повозкой правила Гэла, а Васек прятался в кузове, зарывшись в ворох тряпья. Бледнолицая женщина верно служила ему, и хотя Васька неоднократно охватывало желание полакомиться и ее кровушкой, он всякий раз сдерживал свои вампирские порывы. Одному, без помощницы, ему будет нелегко. Конечно, он сумеет выжить и в одиночку — днями станет прятаться в темных пещерах, а ночами охотиться на людей. Но разве это нужно ему? Не для того он возвратился с того света, чтобы заниматься подобной ерундой. Он восстал из мертвых, чтобы отомстить Свиноста. В этом состоит его первоочередная цель. В этом отныне смысл его жизни после смерти. И до тех пор, пока Свиноста жив, ему не обрести покоя.

Новый Васек не нуждался во сне. До самого рассвета он простоял возле окна, тараща глаза во тьму и думая о Свиноста. Все гадал, чем же занят сейчас его заклятый враг. Вероятно, живет себе спокойно, и в ус не дуется. И даже не догадывается, что смерть уже идет за ним. Смерть страшная, неминуемая и жестокая.

Васек непроизвольно сжал кулаки. Стоило раздражить себя мыслями о Свиноста, как ему вновь захотелось крови. Он неслышно приблизился к постели, черной тенью склонился над спящей Гэлой, и уже протянул руки к ее горлу. Но в последний момент Васек сумел остановить свой кровожадный порыв. Он резко выпрямился и поспешил вернуться к окну. Нельзя было убивать свою единственную помощницу. Без нее дорога к Свиноста станет дольше и труднее.

Ближе к утру дождь прекратился, а с восходом солнца мир утонул в белом мареве густого тумана. Васек тронул спящую Гэлу рукой за плечо, а когда та открыла глаза, сказал ей:

— Нам пора.

Их повозка уже стояла во дворе с запряженными в нее лошадьми. Слуга терся тут же, лелея надежду на повторную подачку.

Васек покинул заведение первым. Он безмолвной тенью проскользнул сквозь туман и

скрылся в повозке. Гэла задержалась, расплачиваясь с хозяином. В зале в столь ранний час было пусто, и только в углу сидела, широко зевая, юная проститутка. Заметив ее, Гэла поманила девицу пальчиком. Та послушно подошла.

— Хочешь заработать? — спросила Гэла, показав девке золотой.

Глаза проститутки тут же вспыхнули жадностью. Она быстро кивнула головой, готовая исполнить любую прихоть бледнолицей женщины.

— Иди за мной, — приказала ей Гэла.

Вместе они вышли во двор, окутанный густым молочно-белым туманом. Гэла подвела девицу к повозке, и на ее вопрос на тему дальнейших действий, ответила со злой усмешкой:

— На этом все.

Вслед за тем две черные руки появились из кузова повозки, сильные пальцы крепко обхватили шею половой труженицы, и легко втоптали брыкающееся тело внутрь. Пару секунд из повозки доносились звуки борьбы, после чего вновь воцарилась тишина.

Слуга, ставший свидетелем всему этому, застыл у стены с вытаращенными от ужаса глазами. Гэла подошла к нему, и вложила в трясущуюся от страха ладонь золотую монету. Затем приложила палец к губам, и тихо прошипела. Слуга поглядел на монету на своей ладони, затем перевел взгляд на бледную женщину, и судорожно кивнул головой.

— Вот и умница, — улыбнувшись, похвалила понятливого слугу Гэла.

Слуга заулыбался шире. Плевать ему было на здешних проституток, пусть хоть бы их всех передушили. Главное, что за эти сутки он заработал больше, чем обычно имел за месяц.

На радостях балбес полностью утратил бдительность. Он не заметил, как в руке у Гэлы появился кинжал с длинным тонким клинком, и как этот клинок неуловимо-быстрым движением по самую рукоять вонзился в его шею.

Мужик захрипел, сделал два шага назад, уперся в стену заведения и сполз по ней в грязь. Золотой выпал из его конвульсивно дергающейся ладони. Гэла подняла монету, воровато огляделась по сторонам, и направилась к повозке. Вскоре та уже выехала за ворота, оставив гостиницу за спиной. И успела отдалиться от заведения на приличное расстояние, прежде чем там обнаружили заколотого в шею слугу, а в номере, где провела ночь странная мрачная парочка, нашли растерзанное тело Эльмы. В поднявшейся суматохе не сразу осознали, что не досчитались еще одной проститутки.

Поднялся шум, гам, переполох. Хозяин заведения приказал троем своим верным работникам вооружиться, седлать коней и мчаться в погоню за лиходеями. Те трое, молодые крепкие парни, взяли по копьё да по дубинке, и умчались по тракту в туман. Умчались, и больше их никто никогда не видел. Одна из лошадей позже вернулась обратно в гостиницу, но и только. Что случилось со слугами и с прочими лошадьми, так и осталось загадкой. Поведать об этом могла лишь Гэла, потому что все трое умерли страшной смертью на ее глазах. По мнению Гэлы, эти трое получили по заслугам. Кто просил их так добросовестно исполнять приказ хозяина, и действительно устраивать погоню? Ну, отъехали бы от гостиницы на милю, выждали бы час-другой, а затем вернулись бы и доложили, что беглецов и след простыл. Нет же, эти ребята оказались исполнительными и честными, что и стубило их.

В момент их появления Васек как раз осуществлял утреннюю трапезу. Он жадно высасывал кровь из молодой проститутки, когда из тумана вылетели трое всадников. Никому не понравится, если его отвлекут от еды. Не понравилось это и Ваську. Черной тенью метнулся он на растерявшихся преследователей, и в мановение ока выбросил всех троих из

седел. Лошади, дико напуганные близостью пахнущего смертью чудовища, тут же умчались в туман. А вот их всадники разбежаться не успели. Крики их оборвались один за другим.

Залитый кровью Васек вернулся к повозке. После сытной трапезы его внешний вид заметно улучшился. Он стал меньше напоминать восставшего из могилы покойника, а на щеках даже расцвел румянец. Молочно-мутные глаза прояснились, сквозь их белизну проступили зрачки.

— Тебе стало лучше, любимый? — спросила у Васька Гэла. — Утром ты был сам не свой.

— Мне нужно больше крови, — ответил Васек. Досуха выхлебав четверых взрослых людей, он все еще испытывал голод. Жажда крови не утихала в нем.

Гэла на секунду задумалась, а затем предложила:

— Давай свернем с тракта к какой-нибудь деревне. Там ты сможешь хорошо покушать, и это не займет много времени.

Васек заколебался. Его неудержимо влекло к цели, к ненавистному Свиностаку, но проклятый голод не давал ему покоя. Он не сможет полностью сосредоточиться на своей мести, если будет все время думать о крови.

— Хорошо, — согласился он. — Так и поступим. Мне нужно насытиться. Еще семь-восемь человек, и я буду в порядке.

Гэла приготовилась взобраться на козлы, но Васек поймал ее за руку и придержал подле себя.

— Я очень высоко ценю все то, что ты делаешь для меня, — произнес он, глядя собеседнице в глаза.

— Любимый, это лишь малая толика того, что я желала бы для тебя сделать, — тут же растаяв, проворковала Гэла. — Когда ты найдешь и убьешь этого Свиностака, и освободишься от своего бремени, мы сможем полностью отдаться нашей любви. Есть одно древнее кладбище, среди темных болот, далеко на юге. Я читала о нем. Там прекрасные старинные склепы. Мы могли бы поселиться в одном из них...

— Да, да, возможно, так мы и сделаем, — поспешил перебить ее Васек.

У его спутницы была вредная привычка по любому поводу вываливать на его уши свои сексуально-загробные мечтания. Гэла успела немало нафантазировать их за свою жизнь. Она постоянно соблазняла его долгой и счастливой совместной жизнью на старом погосте, в темном склепе, среди пауков, крыс и серых костей. Но Васька не тянуло в могилу. Зачем ему старый склеп, зачем древние кости? Ведь там не будет свежей и теплой человеческой крови, которую он так сильно полюбил после своего перерождения.

— Едем, — предложил Васек. — Не будем мешкать.

Он вновь забрался в повозку и скрылся под тентом, а Гэла, устроившись на козлах, вывела экипаж на тракт. Они двигались на запад, к границе империи, за которой простерлась нейтральная полоса. Где-то там, на этом куске выжженной бесконечной войной земли, скрывался ненавистный Свиностак. И даже не догадывался, что его бывший коллега, которого он считал мертвым, идет по его душу.

Глава 17

В мире, охваченном бесконечной войной, терзаемом бурями перемен и внезапных катаклизмов, где минуты не обходилось без трагических и судьбоносных событий, оставался лишь один уголок отрадной стабильности и нерушимого порядка.

— Стабильность превыше всего! — любила приговаривать Грыжа Антрекотовна, методично выколачивая здоровье из очередного подчиненного. — Порядок — наше все!

На кухне черного замка, где безраздельно властвовала Грыжа Антрекотовна, порядок и стабильность процветали. Их нерушимость поддерживалась суровой волей верховной кухарки. За малейшее нарушение установленных ею правил, за малейшую провинность, Грыжа, не стесняясь, карала всех и каждого самым жестоким образом. А уж в жестокости она знала толк.

Среди кухонного персонала наблюдалась заметная текучка кадров. Не проходило недели, чтобы кто-то из работников ни попал под сокращение. Иногда уволившись по собственному желанию сотрудники находили на кухонном полу, окровавленных и растерзанных, с переломанными костями и выдавленными из естественных отверстий внутренностями. Чаще же не находили совсем.

Каждому в черном замке было известно, что на кухне пропадают люди. Пропадают таинственно, зловеще, словно в какой-то аномальной зоне. А потому посторонние редко забредали туда, ибо ведомо им было — глупец, дерзнувший проникнуть во владения Грыжи Антрекотовны, имеет все шансы никогда более не увидеть солнечного света, не ощутить аромата цветов, не вкусить иных радостей жизни. Новичков, будь то слуги или солдаты, первым же делом строго-настроено предупреждали — не ходите на кухню. Куда угодно, но только не на кухню. Многие внимали предостережению, но не все. Попадались то ли слишком любопытные, то ли просто тупые, которые пренебрегали запретом и пытались за чем-то пробраться во владения Грыжи.

Немногим из них посчастливилось вернуться обратно. И лишь единицы сделали это невредимыми. Чаще всего беглецы лишались либо конечностей, либо внутренних органов. Один молодой конюх трое суток провел в подземелье Грыжи, а затем каким-то чудом сумел вырваться оттуда. Он выполз во двор на руках, поскольку ноги его были аккуратно отделены от тела по самую задницу. Конюх кричал и плакал, он был полностью сед и крепко обезумел. Он умолял людей помочь ему, спасти его, спрятать, но никто не рискнул подойти к несчастному. Ибо все знали — тот, на кого Грыжа положила свой людоедский глаз, принадлежит ей. И горе тем, кто дерзнет встать между верховной кухаркой и ее едой.

Тот безногий конюх недолго оглашал двор своими горестными воплями. Потому что вскоре вслед за ним из темных подземелий поднялась сама Грыжа Антрекотовна, крайне недовольная тем, что ее личный запас протеина дерзнул уползти из кладовки. Она грубо схватила за волосы безногого страдальца и потащила его обратно, вниз, во тьму и ужас кухонного ада. В последний раз донеслись из подземелья вопли несчастного, а затем воцарилась многозначительная и страшная тишина.

Порядок и стабильность — вот чего требовала Грыжа от своих подчиненных. Что бы ни происходило за стенами замка, что бы ни случилось в самом замке, кухня должна работать четко и исправно. Даже если снаружи разразится полномасштабный конец света, то и он не станет поводом для снижения качества работы кухни. А если кто-то из сотрудников считал иначе, Грыжа тотчас же лишала его премии и печени.

Нынешние смутные времена тоже никак не отразились на кухонном распорядке. Пусть лорд черного замка и находился неизвестно где, то ли томился в плену, то ли был мертв, то ли скитался на чужбине, но тарелки по-прежнему должны были чисто мыться, кушанья вкусно готовиться, а столы подобающе сервироваться. Грыжа не допустила бы на своей кухне бардака, даже если бы под стенами черного замка очутилось все войско Англэдэзии. И

не важно, дома господин или нет. Господин — господином, а порядок — порядком. Господа меняются, порядок остается нерушимым. А кто думает иначе, тот паштет.

Ничто не могло нарушить стабильности кухонного царства, управляемого грозной королевой Грыжей. Даже когда из столицы прибыли люди императора, и приступили к расследованию произошедшего на нейтральной полосе инцидента, то и это не выбило верховную кухарку из колеи. Ее, разумеется, допросили в первую очередь, ведь она была единственным свидетелем, вернувшимся назад и способным поведать о случившейся битве.

Многие в империи тряслись от ужаса, когда речь заходила о гвардейцах императора. Эти мрачные и жестокие типы разъезжали по всему государству, повсюду верша террор и расправы. Люди предпочитали перерезать себе горло, чем идти на допрос к этим черным извергам.

Но карательная система обломала об Грыжу зубы. Как бы ни старались гвардейцы, как бы ни пытались подловить кухарку на лжи, та твердо стояла на своем, раз за разом повторяя одно и то же. А именно, что знать она ничего не знает, видеть ничего не видела, и о судьбе лорда Мортуса ей ничего не известно. Битва в старой крепости была, а чем она кончилась, и что случилось с отрядом злодеев, она не знает. Ее дело каши варить, а тонкостям военного искусства она не обучена. И вообще, она женщина простая, из народа, и не понимает, чего это к ней прицепились с расспросами.

— А как же огненный демон? — кричал тип в черном одеянии и железной маске, стуча кулаком по столу. — Ты что же, и его не видела?

— Не видела я никаких демонов, — бубнила Грыжа, время от времени бросая на истеричного собеседника косые заинтересованные взгляды. Ей все больше и больше казалось, что из этого типа получился бы славный студень.

Ничего не добившись от Грыжи, ее оставили в покое, и она с облегчением вернулась к своим служебным обязанностям.

— Кто посуду плохо моет, тот от боли громко воет! — стихотворным образом поучала Грыжа подчиненного, яростно хлеща его своим легендарным фартуком.

Фартук этот был сшит из кожи дракона. Настоящего дракона, а не той крылатой мелюзги, что ныне изредка встречалась на севере империи. Он являлся древней реликвией, доставшейся Грыже от предков — великих мастеров кулинарных искусств. Фартук отлично защищал владельца от холодного оружия, и, одновременно с этим, сам был неплохим оружием. Грыжа владела фартуком виртуозно. Могла одним ударом убить человека. Но редко так поступала. Потому что суть наказания не в быстрой смерти, а в долгих мучительных страданиях. Причинять их Грыжа тоже умела мастерски.

Прежде единственной страстью Грыжи была работа на кухне, но с недавних пор у поварахи появилась личная жизнь. Из военного похода, в котором сгинуло все войско черного замка, и пропал даже сам лорд Мортус, она вернулась с бесценным трофеем. В мешке Грыжа принесла с поля боя мужа.

Их нежное семейное счастье складывалось медленно и непросто. Молодой и неопытный супруг часто огорчал Грыжу, и той приходилось воспитывать его. Верховная кухарка делала это любя. Она любила причинять людям боль, и никогда не скрывала этого. А муж, к тому же, сам постоянно напрашивался. То в постели вел себя пассивно, не демонстрируя подобающей молодожену страсти, то бессовестно воротил нос от восхитительных блюд, приготовленных заботливыми руками любимой жены. А ведь этому заморышу требовалось хорошо питаться. Грыжа не могла позволить, чтобы ее супруг имел

вид замороженного голодом бедолаги. Это что же подумают люди? У нее, у верховной кухарки, муж живет впроголодь?

Грыжа не могла допустить подобного бесчестья, а потому кормила мужа силой. К счастью, сил у нее хватало. Любимый супруг сопротивлялся, капризничал, плакал и молил о смерти, но Грыжа проявляла настойчивость. Она привязывала его к стулу, ударом под дых заставляла распахнуть плотно сжатые челюсти, и огромной ложкой загружала корм в супружеские уста.

— Оно жрет, что дают, и не капризничает! — мрачным тоном гнула свое Грыжа, продолжая пихать кушанья в рот рыдающему от семейного счастья супругу.

По ее прикидкам, мужу, для приобретения надлежащей телесной комплекции, оставалось набрать какие-то жалкие пять пудов. Грыжа поставила перед собой цель — достичь этого амбициозного результата за месяц. В рамках программы супружеского откорма она насильно пичкала мужа пять раз в день, и десять в ночь, готовя для любимого наиболее питательные и калорийные блюда.

Сегодня Грыжа решила побаловать возлюбленного супруга особым деликатесом — тушеной печенью под острым соусом и луковыми колечками. Донором требуемого органа послужил хлеборез. Доигрался старый. Много Грыжа могла бы стерпеть, но только не криво нарезанный хлеб. Она уже давно замечала, что у подчиненного трясутся руки, стоит ей подойти к нему. А с трясущимися руками на кухне делать нечего. Вот Грыжа и уволила его — вызвала к себе в кабинет, зашла за спину, и ударила по голове пятнадцатым томом кулинарного кодекса темной империи. Затем прикинула, что мясо хоть и старое, но мясо, и решила порадовать мужа вкусным блюдом. Грыжа чувствовала, что их семейные отношения дали трещину, которую срочно требовалось залатать пикантным угощением.

Задав работникам вечернюю трепку, Грыжа оставила их наводить на кухне порядок и мыть грязную посуду, а сама, взяв кастрюлю с угощением, направилась в свои покои. На входе провозилась долго — дверь в свою обитель Грыжа с недавних пор запирала на восемь огромных замков. Отперев их все, Грыжа распахнула дверь и вошла внутрь. И тут же выяснила, что любимый муж опять вел себя плохо.

Муж Грыжи, он же бывший паладин Андис, сидел на полу, в чем мать родила, грязный, заросший и заплаканный. К его ноге была прикована толстая цепь, другой конец которой крепился к железному кольцу, торчащему из стены. На одном из звеньев цепи Грыжа без труда заметила свежие царапины. Муж, в который раз, пытался освободиться. Хотя знал, что эта цепь, нежно прозванная Грыжей семейными узами, была изготовлена из того же сплава, из которого ковались мечи черных рыцарей. Ее невозможно было перепилить или сломать обычным инструментом, разве что перебить каким-то мощным заклинанием. И все же вольнолюбивый муж не оставлял своих бесплодных попыток. Он с каким-то маниакальным упорством рвался сбежать от свалившегося на его голову счастья.

Грыжу буквально возмутило то вопиющее неуважение, которое ее супруг проявлял к их домашнему очагу. Она поставила дымящуюся кастрюлю на стол и медленно сняла с гвоздя толстый кожаный ремень. Видя это, Андис завизжал и напустил под себя лужу.

Грыжа избегала бить мужа фартуком — все-таки он был ей не чужим человеком. Для воспитательных процедур она пользовалась отличным кожаным ремнем. Ремень в ее руках тоже был сокрушительным оружием. Грыжа могла перебить им кость или раздробить череп. Но любимого мужа она стегала нежно, стремясь не причинить вред, но привить ему необходимые для счастливой семейной жизни качества.

— Кто себя плохо вел? — ласково спросила Грыжа, надвигаясь на Андиса с ремнем в руке.

Бывший паладин закричал и вжался спиной в стену.

— А ну подставляй-ка попу! — потребовала верховная кухарка.

Андис судорожно затряс головой.

— Не заставляй меня наказывать тебя по-настоящему, — строго сказала Грыжа Антрекотовна.

После этих слов Андис покорно принял воспитательную позу, поворотившись многострадальным задом к кошмарной жене, а заплаканным лицом к стенке.

Первый же любящий удар ремня по ягодицам заставил паладина забиться в агонии и зайтись криком. По ощущениям было похоже на то, что на его тыл обрушился удар пудового молота в руках великана. Ягодицы вспыхнули огнем, вибрация ударной волны прошла от копчика до макушки. Андис кричал и плакал, елозя в луже испражнений. Будь он в своем уме, давно бы уже покончил с собой. Но совместная жизнь с Грыжей Антрекотовной давно и успешно лишила его рассудка. Разум его погрузился во тьму безумия и ужаса. Он еще предпринимал жалкие попытки побега, но все они были заведомо обречены на провал. Андис не мог ни продумать план, ни осуществить его. Его контуженный семейным кошмаром ум отказал ему.

За первым ударом последовали еще четыре. Под конец экзекуции Андис был одной ногой в могиле. Он чувствовал себя так, будто сел задом прямо в расплавленный металл.

— Ну, вот, так-то лучше, — добродушно заметила Грыжа. — Больше не будешь огорчать любимую жену? Не будешь же, да?

Андис, давясь слезами, быстро закивал головой. Он готов был сделать что угодно, лишь бы больше не гневить это кошмарное существо.

— Вот и хорошо, — одобрительно произнесла Грыжа. — А теперь давай покушаем.

Глаза паладина расширились от ужаса. Так уж вышло, что он отлично знал, чем кормит его inferнальная жена. Его тюремщица потчевала своего сожителя исключительно блюдами из человечины.

Поначалу от этих кушаний его тотчас же рвало, но Грыжа сумела преодолеть его рефлекс. Как сумела? Так же, как и все остальное — долгими планомерными избиениями. Теперь Андис глотал все, что помещала ему в рот жуткая истязательница. Но это стоило ему невероятных страданий.

Грыжа присела рядом с ним на пол и сняла с принесенной кастрюли крышку. Сквозь клубы пара Андис разглядел присыпанные луком кусочки темно-красного мяса, и догадался, что это чья-то печень. Он уже знал, какова она на вкус. Грыжа частенько угощала его этим блюдом.

— Ну-ка открой ротик, — предложила верховная кухарка, нанизав на огромную двузубую вилку большой кусок печени и поднося его к лицу Андиса. — Ну-ка за любимую жену.

Паладин стиснул зубы, не желая вкушать человечину, но это его не спасло. Грыжа поняла, что муж не хочет быть хорошим мальчиком по-хорошему. Тогда она схватила его за бедро и сжала пальцы. От боли Андис невольно завопил, распахнув рот на всю доступную природой ширину. Грыжа тут же сунула туда кусок печени. А когда муж попытался выплюнуть угощение, пригрозила, что выколет ему глаз вилкой, если неблагодарный сожитель не оценит ее кулинарных стараний.

Сквозь рвотные спазмы Андис кое-как прожевал и проглотил печенку. На кошмарном лице Грыжи Антрекотовны расцвела довольная улыбка.

— Вот и умница, — сказала она, глядя рыдающего мужа по голове своей огромной мозолистой ладонью. — Сейчас покушаешь, и пойдем в кровать.

Стоило вспомнить кровать, как Андис вновь завопил и затрясся от страха. Даже насильственное кормление человечинной было ерундой в сравнении с необходимостью исполнения супружеского долга. Именно в процессе принудительного соития с Грыжей он и лишился рассудка. Но даже будучи безумным, он впадал в неконтролируемую истерику, едва речь заходила о постели.

— Ну-ка еще кусочек, — сказала Грыжа, нанизав на вилку следующий шмат печенки.

Но донести его до супружеского рта она не успела, поскольку снаружи, со двора, донесся громкий и торжественный звук сигнального горна.

— Это еще что такое? — удивилась Грыжа.

Ее недоумение было объяснимым. На дворе поздний вечер, пора укладываться спать, а горнист на стене вдруг устроил концерт. Наверняка у него была на это веская причина.

— Схожу-ка я, посмотрю, — сообщила Грыжа, и пододвинула кастрюлю к Андису. — А ты чтобы к моему возвращению все съел. Не съешь — возьмусь за ремень.

С этими словами Грыжа покинула свои покои, не забыв тщательно запереть все восемь замков.

Андис протянул трясущуюся руку к кастрюле, выудил оттуда кусок печенки и стал поглощать его, давясь обильными слезами. Ему было противно и тошно, но страх перед любящей женой перекрывал все. Он знал, что должен опустошить кастрюлю прежде, чем Грыжа вернется, иначе она накажет его еще раз. А если и не накажет, то подвергнет сексуальному насилию.

Андис обхватил руками голову и разрыдался. Он заживо угодил в настоящий ад, и даже безумие несколько не облегчало его ужасающих страданий.

Глава 18

Лорд Мортус въехал в ворота своего замка не с ожидаемым чувством радости, а томимый тревогой. Долгожданное возвращение домой омрачалось предвкушением грядущих неприятностей. Пусть и удалось ему вырваться из плена добряков, пусть удалось благополучно пересечь нейтральную полосу, но впереди поджидало самое трудное испытание — каким-то чудом оправдаться перед самим императором.

Мортус заранее знал, что сделать это будет непросто. Ибо Дакрос Безжалостный недаром носил свое красноречивое прозвище. Император всегда отличался подозрительностью, мстительностью и склонностью к скоропалительным зверствам. А теперь же, когда сорвался его долго и кропотливо вынашиваемый и подготовляемый план по широкомасштабному наступлению на Ангдэзию, он наверняка пребывал в состоянии перманентной ярости. И страстно жаждал отыскать того счастливчика, на ком мог бы сорвать все свое зло. Того, кого можно было бы назначить виновным за случившуюся неудачу, и наказать самым бесчеловечным и показательным образом.

Мортус нутром чуял, что он первый кандидат на эту незавидную роль.

Его внезапное появление перед воротами черного замка стало полной неожиданностью для его обитателей. Стражники на стенах, заметив двух подъезжающих к твердыне всадников, привычно приготовились послать бродяг куда подальше, а если те не внемлют,

дополнить посыл метко пущенной стрелой. Но когда в свете горящих у ворот факелов они узнали своего господина, то едва не повыпрыгивали из штанов. Тут же над замком раскатился пронзительный звук горна, возвещающего о долгожданном возвращении повелителя. Тяжелые ворота, заскрипев, распахнулись, и Мортус вместе с Трокусом въехали во двор.

Их путешествие через нейтральную полосу выдалось непростым. Они нещадно гнали лошадей, но плохенькие крестьянские животные, привыкшие неторопливо таскать телеги, а не нестись вихрем с всадниками на спинах, не радовали новых владельцев скоростными качествами. В итоге беглецам пришлось устроить привал задолго до заката, и провести ночь на нейтральной полосе. И ночевка эта вышла настолько скверной, что ни Мортус, ни Трокус не желали бы повторно испытать пережитых в ее ходе ощущений.

В качестве убежища они избрали развалины большого дома. Чуть живых от усталости лошадей завели внутрь, а затем, насколько это было возможно, забаррикадировали все входы. Но принятые меры не принесли ощущения безопасности. Здание было ветхим и частично разрушенным. Материал баррикад являл собой сущий хлам — гнилые доски, старые рассохшиеся бочки и прочий мусор, который едва ли мог послужить эффективной преградой на чьем-либо пути.

У обоих беглецов были при себе захваченные при побеге мечи, но это не особо-то обнадеживало их. Оружие, отнятое у рядовых стражников, было самым простым и дешевым. Мортус и Трокус, матерые черные рыцари, привыкли орудовать особым инструментом — огромными двуручными мечами, откованными из специального прочного сплава. Эти мечи были веским аргументом в споре с любым неприятелем. Они были усилены темными чарами, и помогали творить колдовство, азами которого владел каждый черный рыцарь. Без своего привычного оружия оба беглых злодея чувствовали себя незащищенными.

Вместе с дневным светом, с нейтральной полосы ушло и мнимое ощущение безжизненности. В солнечных лучах эта равнина казалась мертвой пустошью. Но стоило отгореть закату, как вместе с тьмой ночи наружу, из нор и убежищ, полезли обитатели нейтральной полосы. Мрак был для них родной средой, привычной и любимой. Каждое утро они скрывались в своих логовах, и каждый вечер покидали их, выходя на охоту. На нейтральной полосе не водилось вегетарианцев. Здесь каждый являлся хищником. Каждый, выбираясь из норы, знал, что этой ночью либо он съест кого-то, либо кто-то закусит его плоть.

Мортусу и Трокусу тоже были известны правила жизни, царящие на нейтральной полосе. Поэтому они засветло заготовили целую гору факелов, в материале для которых на развалинах недостатка не было, и едва стемнело, стали ждать гостей. Лошади, усталые и голодные, встревоженно фыркали и трясли головами. Их новые владельцы тоже были на взводе. Как и животные, они тоже порядком оголодали за день, но едва после заката над нейтральной полосой разнесся первый жуткий вой неведомого монстра, как злодеи тотчас же позабыли о своих пустых желудках.

Вскоре тьма вокруг их убежища ожила, огласившись множеством жутких голосов. Местные обитатели выли и ревели на все лады. Эта кошмарная переключка повергла в страх даже таких бывалых рубак, как Мортус и Трокус.

Примерно до полуночи их никто не беспокоил. Монстры выли где-то в отдалении. То и дело над пустошью раскатывался пронзительный визг, который резко обрывался, и укрывшиеся на развалинах злодеи понимали — только что кто-то пошел на корм.

А затем, в полночь, местные явились и по их души.

Лошади первыми почуяли приближение хищников, и стали беспокойно метаться по комнате. Мортус и Трокус зажгли дополнительные факелы и взяли в руки мечи. Вскоре и они услышали снаружи звук шагов. Что-то большое и тяжелое украдкой подбиралось к их убежищу.

Затем в заваленном досками и ветками дверном проеме сверкнули во мраке два больших зеленых глаза. Следом за тем оттуда донеслось жуткое приглушенное рычание.

— Убирайтесь отсюда! — громовым голосом вскричал Мортус. — Здесь для вас нет поживы!

Ночной гость не поверил ему на слово. Огромная лапа с ужасающими крючковатыми когтями вдруг выскочила из тьмы, и начала ломать баррикаду, преграждающую вход внутрь. Мортус бросился вперед, и ударил лапу мечом. Как и ожидалось, обычный дешевый клинок лишь слегка попортил шкуру чудовища, а не рассек ее надвое. И, тем не менее, хищник болезненно взревел и отступил, растворившись во тьме.

Нанесенная рана ничуть не отбила охоты у местных чудовищ отведать свежего теплого мяса. Вновь и вновь они предпринимали попытки прорваться внутрь здания. Лошади, обезумев от ужаса, непрерывно ржали, и били копытами в стены. Мортус и Трокус с факелами в руках метались по дому, нещадно рубя лезущие изо всех щелей когтистые лапы. Снаружи ревело и выло, будто под стенами особняка собрались все окрестные твари. В свете факелов мелькали их морды, состоящие из сплошных челюстей и горящих жадным огнем глаз. Некоторые из монстров были покрыты густой черной шерстью, на боках других блестела толстая чешуя. Они выли, шипели и рычали на все лады. Близость мяса приводила их в неистовство.

Ближе к утру бестии решились на отчаянный полномасштабный штурм. Твари полезли со всех сторон, ломая баррикады и силясь ворваться внутрь. Трокус, рубя чудовищ, сломал трофейный меч, бросил его, и вооружился двумя факелами. Мортус отчаянно отбивался от нападающих тварей. Когда в окно вдруг просунулась огромная голова неведомого монстра, лорд черного замка храбро подскочил к ней, и всадил клинок прямо в глаз. Тварь, обиженно визжа, скрылась в темноте, и на этом штурм закончился. Монстры еще какое-то время бродили вокруг коттеджа, издавая жуткие завывания и рыки, а затем, когда дело запахло рассветом, исчезли, будто растворившись в воздухе.

Утро Мортус и Трокус встретили бледными, утомленными, но счастливыми. Едва рассвело, они вытащили из дома упиравшихся лошадей, вновь забрались на их спины, и погнали животных дальше на восток. Ни одному из них не хотелось повторной ночевки на нейтральной полосе, так что лошадей они в этот день щадили еще меньше, чем вчера. Несчастные животные получили такое количество ударов, что сдались, и перешли на галоп.

Уже в сумерках беглецы пересекли мост, переброшенный через пограничную речушку. Дальше начинались земли империи Кранг-дан. Здесь уже можно было не опасаться монстров нейтральной полосы, они никогда не забредали в эти края. Но отнюдь не чудовища беспокоили Мортуса. Он больше волновался о том, что могло ожидать его в черном замке. Вполне могло оказаться и так, что едва ступив в пределы родимого дома, он тотчас же будет арестован. Наверняка в замке его уже поджидали гвардейцы императоры — мрачные типы в железных масках, под которыми они прятали свои бесстыжие лица. С этими ребятами шутки были плохи.

И Мортус не ошибся. Гвардейцы действительно уже находились в замке и всюю

хозяйничали там, раздавая команды и творя всевозможный произвол. За недолгий срок своего пребывания в стенах твердыни они уже успели выявить восьмерых предателей и умучить их до смерти. И хотя никаких доказательств того, что несчастные являлись изменниками, не было, гвардейцам это не помешало. Их вообще никогда не смущала такая ерунда, как отсутствие доказательств. Все знали, что в императорскую гвардию набирают исключительно больных на всю голову садистов, обожающих истязать и убивать людей. В этом, собственно, и заключались их служебные обязанности. Они разъезжали по империи, творили кровавый произвол и сеяли повсюду страх. А страх был тем самым раствором, который многие века удерживал в целостности темную державу. Не будь его, люди уже давно послали бы куда подальше императора со всеми его подельниками-дворянами, и войну с Англэзией, ведущуюся с незапамятных времен и сжирающую львиную долю ресурсов государства.

Не успел въехавший в черный замок Мортус спешиться, и отдать приказ отправить доставившую его ленивую кобылу на котлеты, как к нему через двор уже шествовала группа людей в черных одеяниях и с железными масками на лицах.

— А вот и стервятники, — проворчал Трокус, наблюдая за их приближением. — Уже поджидали нас.

Мортус напрягся. Если сейчас его попытаются арестовать, то нужно пробиваться с боем и рвать когти. Арест — это конец. Он не оставит ему ни единого шанса на благополучный исход. Те, кого арестовывали бойцы черной гвардии, пропадали бесследно.

Но его опасения оказались напрасными. Гвардейцы лишь передали ему приказ — немедленно отправиться в столицу империи, Черный Ургорт, и предстать пред лучезарными очами властителя всего сущего Дакроса Безжалостного. Это же касалось и Трокуса. Его тоже желали видеть в столице.

— Отправимся завтра поутру, — сказал Мортус, выслушав гвардейцев. — Нам нужно помыться, перекусить и отдохнуть. Несколько часов погоды не сделают.

— Как знать, — прошипел черный тип из-под железной маски, и весь зловещий отряд зашагал прочь.

Трокус шумно выдохнул.

— Ну, хоть в кандалы не заковали, — заметил он с облегчением.

— Не радуйся раньше времени, — посоветовал ему Мортус. — Кандалы такая штука, что могут оказаться на запястьях в любой момент. Ладно. Ступай, отъешься и отоспись. Завтра опять в дорогу.

Мортус принял ванну, которую слуги расторопно наполнили для него горячей водой. Затем в его покои доставили ужин. Сделала это лично Грыжа Антрекотовна, пожелавшая убедиться в том, что с ее господином все в порядке.

— Как же вы исхудали на чужбине, — хлопотала она, расставляя на столе тарелки. — Эти мерзкие добряки морили вас голодом? Ух, попадись они мне!

— Да, хлебнул горя в чужих краях, — согласился Мортус. — Ты-то сама как спаслась?

— Чудом, — вздохнув, призналась Грыжа. — Не иначе, боги подсобили. Не зря я молюсь им каждый день.

В империи Кранг-дан царила свобода вероисповедания. Каждый молился тем, кому больше нравилось. Что касалось Грыжи Антрекотовны, она была глубоко верующей женщиной. С юных лет она являлась прихожанкой церкви пресвятого Живоглота, где в качестве основного обряда практиковался ритуальный каннибализм. Пресвятой Живолот

жил на свете в незапамятные времена, совершил немало кулинарных чудес и оставил после себя десять рецептов приготовления человечины. За проповедь своего учения Живоглот был схвачен врагами и насильно обращен в вегетарианство. С тех пор символом веры всех последователей пресвятого Живоглота был лист шпината.

— А еще кому-нибудь кроме тебя удалось спастись? — спросил Мортус, подсаживаясь к накрытому столу.

— Нет, господин, больше никто не вернулся в замок, — сообщила Грыжа, тактично умолчав о том, что сама она прибыла с войны не с пустыми руками. Верховная кухарка решила, что добытый в бою муж это только ее трофей, и о нем незачем знать посторонним, даже лорду Мортусу.

— Что ж, прискорбно это. Немало славных героев полегло в той проклятой крепости. А все этот мерзавец Свиностас со своим ручным демоном.

Стоило упомянуть Свиностаса, как Грыжа Антрекотовна невольно облизнула губы. Она знала этот кусок мяса под другим именем. Он был наречен ею гуляшом. И Грыжа до сих пор лелеяла надежду однажды добратся до беглого гуляша, притащить его на свою кухню, и подвергнуть кулинарной переработке. Она поклялась пресвятым Живоглотом, что так и будет, и не собиралась нарушать данного обета. Пусть пока гуляш побеждает на воле и наест жирка. Песенка его спета. Судьба предрешена. Рано или поздно он неминуемо закончит свою жизнь на ее разделочной доске.

Глава 19

Черный Ургорт, великая столица империи Кранг-дан, отец городов злодейских, раскинулся на обоих берегах могучей реки Недоброй. Основанный три тысячи лет назад на месте небольшого поселения рыбаков, которые не столько занимались своим промыслом, сколько грабили купеческие суда, город с тех пор разросся в исполинского монстра.

Черный Ургорт являлся городом контрастов. Здесь роскошные дворцы знати соседствовали с жалкими трущобами бедноты. Улицы, предназначенные для почтенной публики, были вымощены гранитом и сияли постоянной чистотой. Но сойдя с них и миновав темные переулки, человек попадал в совсем иной мир, где шагу некуда было ступить от гор мусора и отбросов.

Город разрастался вместе с набравшей силу и мощь империей. Облик его менялся век от века. Частые пожары подчас стирали с лица земли целые районы, но куда больший урон архитектуре наносило городское руководство, постоянно обуреваемое планами по благоустройству и перепланировке столицы. К числу особо любимых способов онанизма относилась непрерывная перекладка брусчатки. Целые улицы застилались ею, следом, по каким-то неведомым причинам, вновь очищались до голого грунта, и укладка начиналась сызнова. Ходили слухи, что кое-кто просто набивает на этом деле карманы, но подобные разговоры велись шепотом и в кругу надежных собеседников. В империи Кранг-дан законодательно запрещалось критиковать деятельность руководства. За это могли сослать в рудники, или еще куда-нибудь, или просто прибить в темном переулке, которых в столице хватало с избытком.

Список достопримечательностей столицы по параметрам национальной значимости и культурной ценности возглавлял исполинский монумент, стоящий на гранитной набережной реки Недоброй, и прозванный в народе черным всадником. Огромная скульптурная композиция изображала черного рыцаря на черном вздыбленном коне. Над своей головой

всадник держал занесенный для удара черный меч. А под ним, исполняя роль постамента, громоздилась гора порубленных тел, попираемых исполинскими копытами исполинского жеребца.

Этот монумент служил олицетворением мощи и силы темной империи. Черный рыцарь на черном коне, рубящий черным мечом всех, кто по каким-то причинам пришелся ему не по нраву, воплощал многовековую политику злодейской державы. Правителям Кранг-дана не нравились все, кто не являлся их рабами. Они считали врагом весь окружающий мир за пределами империи, мечтали завоевать его, все сжечь, всех убить, а уцелевших заковать в цепи и долго сечь плетью. Правда, до сих пор с завоеванием мира как-то не складывалось, и если в империи и секли кого-то, а секли там часто и много, то собственных же граждан. Те, впрочем, относились к процедуре с пониманием и возражений не выказывали. Все помнили о великой цели — о мире под властью зла. Ради достижения мирового господства незасорно было подставить зад под плетку палача. Иные, особо патриотичные, так даже с радостью оголяли тыл и отважно клали оный на алтарь победы. Справедливости ради все же следует сказать, что граждане темной империи куда больше любили наблюдать за поркой кого-то другого, чем принимать непосредственное участие в данном процессе.

Но даже в сердце империи находились провокаторы, непрерывно совершавшие акты поругания и кощунства в отношении национального символа. В числе этих внутренних врагов внезапно оказались птицы. По каким-то известным лишь богам причинам пернатые исстари полюбили гадить на черного всадника. Героический воин на вздыбленном коне вечно стоял в белых подтеках гуано. И патриотично настроенных граждан возмущал не сам факт присутствия дерьма на статуе, а то, что птицы подобным грязным образом из года в год пытались превратить черного всадника в белого.

С целью защиты национального символа от посягательств птичьего поголовья принимались различные меры. Птиц пытались травить, отпугивать, отстреливать. Один из бывших императоров даже издал закон, строжайше запрещающий птицам осквернять монумент. Но незаконные пернатые проигнорировали оное высочайшее повеление.

Ничто не могло спасти черного всадника от ежедневного осквернения. Птиц тянуло к нему будто магнитом, и едва оказавшись над монументом, они ощущали незамедлительное желание облегчиться. По городу давно гулял слухок, что птицы гадят на черного всадника не просто так. Что птиц этих, дескать, готовят в Ангдэзии, а потом засылают в Кранг-дан с диверсионными целями. Судачили о происках белых магов, о мировом заговоре против зла и тьмы, и о многом другом. А черный всадник как стоял в белых подтеках, так и продолжал стоять.

Разные императоры пытались спасти черного всадника разными способами. Нынешний же правитель, Дакрос Безжалостный, махнул на это дело рукой, отдавшись приказом мыть статую раз в месяц.

Ловко порхая в восходящих потоках теплого воздуха, крошечный воробышек пронесся над морем черепичных крыш столицы, увидел впереди мрачную фигуру исполинского всадника, и заспешил к ней. Проносясь над головой истукана, воробышек сам того не желая, уронил вниз небольшой гостинец, метко пристроив его прямо на макушку национального символа.

Сделав свое грязненькое дело, воробышек понесся над рекой, мимо высоких корабельных мачт и мелких рыбацких лодчонок. На соседнем берегу он разглядел огромное сооружение, черное и страшное, с множеством башен и шпилей. Воробышек, разумеется, не

мог знать, что подлетает к императорскому дворцу — сердцу всей державы. Там, за толстыми стенами неприступной цитадели, величественно и незыблемо восседал на черном троне сам Дакрос Безжалостный, бессменный вождь мирового зла.

Но воробышку не было никакого дела даже до такой важной персоны, как император всея тьмы. Им, пернатым, руководили иные, более приземленные интересы. Только что славно оправившись на голову черного всадника, воробышек тут же ощутил потребность заморить червячка. Он уже собрался спуститься вниз, к темным и грязным улицам, и поискать поживу там, как вдруг его зоркие очи углядели прямо по курсу накрытый, будто специально для него, пиршественный стол.

Воробышек глазам своим не поверил. Одно из окон черной цитадели было распахнуто настежь, а на его подоконнике стояла обширная кормушка, полная восхитительного корма. Пташка едва не захлебнулась слюной, узрев сие фантастическое изобилие. Воистину, это было императорское угощение. И кто бы сумел устоять перед ним?

Поддавшись соблазну, воробышек заложил вираж и резко спикировал к открытому окну. Вид невероятного угощения усыпил бдительность пернатой твари. Обычно осторожная, крошечная птичка забыла обо всем, когда приземлилась посреди целого моря разложенного угощения. Она наклонила голову, и отведала первый кусочек. Тот оказался восхитительным. Воробышек, помахивая крылышками от удовольствия, принялся деловито набивать брюшко. Об одном он жалел — что не сумеет съесть все. А ему бы очень этого хотелось.

Слишком поздно воробышек услышал резкий щелчок и нарастающий свист. Он успел лишь вскинуть голову и обернуться на звук, когда тяжелый свинцовый шарик со страшной силой врезался в его крошечное тельце. Ударом воробышка буквально разнесло вдребезги. Останки несчастной птахи сдуло с подоконника, и они полетели вниз, вместе с принесшим ей гибель свинцовым шариком.

Злюка опустила рогатку и довольно ухмыльнулась, радуясь очередному трофею. Затем взяла со столика кинжал с длинным узким клинком, и прочертила им на спинке своего ложа короткую белую полосу — триста восемьдесят седьмую по счету.

Спрыгнув с кровати, Злюка подошла к окну и выглянула наружу. Ее нисколько не заинтересовал открывающийся вид на огромный город. Корабли, облепившие пристани, тоже мало ее заботили. Она зорко высматривала новую жертву. Но небосвод был чист. Ни одна птаха больше не бороздила его.

— Ладно, — процедила Злюка сквозь зубы. — Подождем.

Она вернулась на кровать, улеглась на нее, взяла в руку рогатку, положила рядом с собой коробочку со свинцовыми шариками, и стала поджидать новую жертву. Только что убитый воробышек был такой себе добычей. Три ночи назад Злюке удалось уложить наповал огромную жирную сову — вот это действительно был успех. Да и убитая вчера ворона тоже кое-чего стоила. По сравнению с ними крошечный воробышек выглядел совершенно несолидно. Не трофей, а так — разминка.

Злюке не так давно исполнилось четырнадцать лет. Она была тощей, умеренно симпатичной девушкой. В действительности звали ее Амалией, но этим именем не пользовалась ни она сама, ни все окружающие. С раннего детства ее прозвали Злюкой, и сделали это отнюдь не без причины.

А еще она была дочерью императора Дакроса от одной из его многочисленных жен, которых тот менял с отрадной регулярностью, отправляя бывших в темницу или могилу.

Детей у Дакроса было много — он даже сам не знал, сколько именно. Этим вопросом

ведало министерство по делам наследников. Темный властелин не принадлежал к числу заботливых отцов — нянчиться со своим потомством он перепоручал другим. Большая часть его отпрысков проживала вдали от столицы, а те, что уже достигли совершеннолетия, находились на различных государственных постах. Тех, в ком обнаруживался магический дар, отправляли на обучение. С прочими не церемонились — мальчишки шли на армейскую или гражданскую службы, девочки выдавались замуж по политическим соображениям. Всех пристраивали к делу. К великому делу построения царства всемирного зла.

Злюку, которая достигла брачного возраста еще в прошлом году, тоже не так давно попытались пристроить прямиком в семейное счастье, забыв спросить ее мнение по данному вопросу. Но затея с треском провалилась. В замке ее жениха за день до свадьбы случился страшный пожар, унесший жизни всех гостей, самого брачующегося и его родни. Невредимой осталась одна только Злюка, каковая счастливая случайность была объяснена ею вмешательством низших сил. Однако проведенное расследование быстро исключило возможность божественного участия, как и несчастного случая. Выяснилось, что кто-то злонамеренно опоил всех людей в замке сонным зельем, а затем спалил его к чертовой матери.

Кто бы мог быть этим террористом, следствие сказать затруднилось. Подозреваемых не нашлось. На Злюку, разумеется, никто ничего плохого не подумал. В империи Кранг-дан под страхом страшной смерти запрещалось думать плохо о членах императорской семьи.

После несостоявшегося замужества Злюку вернули обратно в столицу. Теперь она вынуждена была торчать днями и ночами в своей комнате, ожидая того дня, когда отец подыщет ей нового жениха.

Злюка не тратила времени даром. Осознавая, что второй раз трюк с массовым отравлением и последующим поджогом уже вряд ли сработает, она успела измыслить и продумать до мельчайших подробностей три новых плана по срыву возможного бракосочетания. Все они были хороши, вот только оставалась одна загвоздка: Злюка до сих пор не смогла придумать, где ей достать огнедышащего дракона, яд рогатого скорпиона и десять бочек серной кислоты.

После сорвавшейся свадьбы Злюка фактически находилась под домашним арестом. Ей не позволялось покидать своих покоев без необходимости или же с личного разрешения императора. Контакттировать с внешним миром она могла только через свою горничную — злобную старуху, которая получила от Дакроса карт-бланш на рукоприкладство в отношении принцессы, и пользовалась своим правом безо всякого чувства меры. Например, вчера, когда Злюка попыталась незаметно подсыпать яд в бокал горничной, та за эту милую шалость славно отходила принцессу ремнем. Если Злюка капризничала, и отказывалась съедать все доставленные ей кушанья, добрая горничная вываливала остатки пищи ей на голову. А ведь раньше эта карга вовсе не была такой садисткой. Злюка недоумевала, что могло так испортить горничную? Уж не то, конечно, что подопечная, мило шая, выбила той глаз, сломала восемь костей и трижды обваривала кипятком. Неужели этих пустяков оказалось достаточно, чтобы превратить заботливую и добрую женщину в озлобленного монстра?

Злюку потрясала жестокость горничной и черствость папеньки, который плевать хотел на родную дочь. Она все понимала — ее отец, как-никак, властелин тьмы, а это непростая и ответственная работа. Но нельзя же просто взять и махнуть рукой на собственное дитя. А Злюке так бы хотелось, чтобы любимый папа навестил ее. Как-нибудь пришел бы, присел к ней на кровать, поговорил бы, как отец с дочерью. Расслабился бы в этот момент, забыл об

осторожности, и тогда Злюка получила бы возможность вогнать припрятанный под подушкой отравленный кинжал в родительскую тушу. Но нет, отцовский инстинкт был глубоко чужд Дакросу, и вместо себя он присылал к дочери злобную старую горничную.

Злюка могла снести все: и жестокое обращение со стороны одноглазой служанки, и черствое равнодушие отца к ее судьбе, и его постоянные попытки насильно выдать ее замуж. Но чего юная принцесса не могла ни вытерпеть, ни простить, это стремление папеньки отнять ее заветную мечту.

Была у Злюки мечта, давняя, заветная, которую она нежно лелеяла с детских лет. Принцесса мечтала стать черным рыцарем. Притом не каким-то придворным черным рыцарем, исполняющим во дворце роль мебели. Нет, ей хотелось стать настоящим черным рыцарем на передовой, бесстрашным и безжалостным героем зла.

Жизнь настоящего черного рыцаря была подобна волшебной сказке, вроде тех, что горничная иногда читала Злюке на ночь. Настоящий черный рыцарь только и делал, что творил злодеяния. Он денно и ночью рубил головы, калечил, насиловал и грабил, сжигал селения и угонял в рабство. Когда черный рыцарь влетал в селение добряков на своем вороном коне, те выли от ужаса и падали на колени, прощаясь со своими жалкими жизнями. Они не просили пощады, ибо знали — черный рыцарь неумолим.

Черные рыцари славились своим умением придумывать различные увлекательные забавы. Ими были изобретены такие командные игры, как скоростная посадка добряков на колья, эстафета по рубке голов или геноцид на время.

Черный рыцарь не сидел без дела. Если где-то что-то было еще не сожжено, если где-то еще жили не убитые им добряки, он не мог спокойно спать. А если и засыпал, то во сне ему снились пытки и расчленения заживо.

Еще будучи ребенком, Злюка попросила отца отправить ее на курсы черных рыцарей, потому что уж очень ей хочется участвовать в массовых убийствах. Но Дакрос сообщил своей дочери страшную информацию — как оказалось, в империи Кранг-дан женщин в черные рыцари не брали. Так было испокон веков, и это правило не собирались менять даже ради принцессы.

Злюка стоически перенесла этот удар, но не сдалась. Она решила, что любыми путями добьется своей мечты. Пусть до этого среди черных рыцарей и не было женщин. Значит, она станет первой.

Поскольку ей не давали настоящего проклятого меча, Злюка в своей комнате тренировалась с оторванной от стула ножкой. В библиотеке она отыскала несколько учебников по фехтованию, и теперь усердно постигала воинское дело.

План Злюки был прост — суметь сбежать из дворца, предварительно украв немного денег, купить на них коня, доспехи и меч, и отправиться на границу с Ангдэзией. Уж там-то, на передовой, ее таланты наверняка оценят по достоинству. А если не оценят, она будет злодействовать в одиночку. Вся империя еще услышит о ней и ее кровавых зверствах, и папаша в том числе. То-то он будет гордиться своей дочкой, ставшей настоящим кошмаром для всего королевства добра.

План, в целом, был хорош, за исключением одной загвоздки — Злюка решительно не видела ни одной возможности покинуть дворец. Даже если она разделается с горничной, что дальше? Во дворце на каждом шагу охрана и слуги, и все они прекрасно знают ее в лицо. Плюс в резиденции императора вечно находились колдуны всех мастей, которым не составит труда засечь и выследить ее, если Дакрос прикажет им это сделать. Ну и сам

папенька тоже не последний специалист в сфере черной магии. Единственный ее шанс, это обеспечить себе при побеге приличную фору в дюжину часов, и успеть за это время покинуть столицу. Ей бы главное добраться до границы и начать злодействовать. Стоит ей показать себя на поле брани, как отец сразу поймет, что был неправ, и оставит ее в покое, позволив дочери заниматься любимым делом.

Злюка лежала в кровати, вертела в руках рогатку и напряженно думала. Как сбежать из дворца? Распахнутое окно невольно притягивало ее мысли, и будь у нее длинная и прочная веревка, это могло бы сработать. Но веревки у Злюки не было. Она пыталась ее связать, используя в качестве материала оторванные от постельного белья полосы ткани, но злобная горничная вскоре нашла веревку, изъяла ее, а саму принцессу безжалостно наказала розгами.

В этот миг к кормушке, установленной на подоконнике, подлетел еще один беспечный воробышек. Злюка хищно прищурилась, и медленно подцепила из коробочки свинцовый шарик.

Птаха, меж тем, приземлилась и приступила к последней в своей жизни трапезе. Злюка медленно взвела рогатку, тщательно прицелилась, и выстрелила. Свинцовый шарик со свистом пронесся сквозь ее покои, врезался в воробышка и разнес его в клочья. Кусочки мяса, перья и ошметки потрохов потеплели вниз.

Злюка взяла со столика кинжал и сделала на спинке кровати еще одну насечку. Как же жестока и несправедлива была жизнь. Ей хотелось убивать и мучить людей, вместо чего приходилось довольствоваться пернатыми тварями.

— Ну, ничего, — процедила Злюка сквозь зубы. — Я все равно убегу.

Она покосилась на дверь и прислушалась. Снаружи было как-то подозрительно тихо. Наверняка горничная стояла там, и подслушивала.

Принцесса беззвучно соскользнула с кровати, затем подняла со стола тяжелую нефритовую вазу, поднатужилась, и метнула ее в дверь. Ваза разбилась со страшным грохотом, за дверью раздался испуганный крик. Злюка счастливо улыбнулась. А когда дверь распахнулась, и на пороге возникла пышущая злобой одноглазая горничная, принцесса, приняв максимально непричастный вид, смущенно вымолвила:

— Извините. Кажется, я случайно уронила вазу. Я такая растяпа.

Горничная смерила ее злобным взглядом, а затем замогильным голосом произнесла:

— Сейчас я принесу веник и совок.

— Как мило, что вы решили здесь убраться, — гаденько улыбнулась Злюка.

На лице горничной тоже вспыхнула улыбка.

— О, нет, — покачала головой она, — убираться здесь будешь ты.

— Увы, но мне никак нельзя это делать, — проинформировала ее Злюка. — Членам императорской семьи недопустимо позорить себя низким трудом.

— Дело твое, — пожала плечами злая старуха. — Тогда выбор вот какой: или ты все же опозоришь себя уборкой, или я возьму ремень, и так отхожу тебя по тощей заднице, что ты месяц не сможешь сидеть на стуле.

Злюка все взвесила. Горничная вполне могла осуществить свою страшную угрозу.

— Хорошо, — смиренно произнесла она. — Если вы настаиваете, я, так и быть, уберусь.

— То-то же, — самодовольно хмыкнула старуха, после чего совершила самую страшную ошибку в своей жизни — повернулась к подопечной спиной, чтобы выйти из ее комнаты. В тот же миг в руке у Злюки сверкнул спрятанный в рукаве кинжал. Неуловимо быстрое движение, и вот уже это кинжал торчит из спины горничной, а та с криком падает на пол.

— Помогите! — хрипло закричала старуха, елозя на полу среди осколков разбитой вазы.

— Зови-зови на помощь, — счастливо усмехаясь, посоветовала ей Злюка. — Да только никто не придет. Ты же сама запретила всем слугам приближаться к моим покоям.

Она вырвала кинжал из спины горничной. Та вскрикнула, попыталась встать, но не смогла — нижняя часть тела не повиновалась ей. Походило на то, что клинок, войдя в спину, повредил старухе позвоночник.

— Долго же я этого ждала, — призналась Злюка, подходя к окну и убирая с него птичью кормушку. Затем она вернулась к горничной и схватила ту за ноги.

— Не трогай меня! — закричал старуха, и в этот раз в ее голосе прозвучало куда меньше ярости, и куда больше искреннего страха. Злюка довольно заулыбалась. Ее второй заветной мечтой было расправиться с одноглазой мучительницей. Что ж, мечты сбываются.

Несмотря на свое субтильное телосложение Злюка была куда сильнее, чем могло показаться. Она не пренебрегала физическими упражнениями, потому как знала — черный рыцарь должен быть силен и вынослив, а иначе разве сможет он всех убить и все разрушить? Наслаждаясь воплями старухи, Злюка легко подтащила ее к открытому окну, затем подхватила под руки, подняла, и уложила грудью на широкий подоконник.

— Амалия, дорогая, не надо! — взмолилась горничная дрожащим голосом.

— Ну и дела! — удивилась Злюка. — Имя мое, наконец, вспомнила. А то все путалась. То я у тебя была малолетняя дрянь, то сопливая гадина. Какие все-таки удивительные чудеса творит своевременно воткнутый в спину нож.

— Я тебя больше никогда не буду обижать! — принялась клясться горничная, пытаясь вымолить себе жизнь.

— Это да, больше точно не будешь, — злобно усмехнулась Злюка.

После чего подняла ноги горничной, и, толкая их вперед, выдавила тело из окна.

Над двором раздался пронзительный крик, который стремительно оборвался на самой высокой ноте. Тело одноглазой служанки пролетело десять этажей, и кровавой кляксой размазалось по мощенной гранитными плитами дорожке, пролегшей между клумбами чертополоха и полыни. Злюка какое-то время полюбовалась красным пятном и сбегающими к нему слугами, затем вернула кормушку на подоконник, снова упала на кровать, взяла кинжал и прочертила на спинке очередную полосу, чуть длиннее прочих. Все-таки одноглазая горничная была куда более весомым трофеем, чем воробей или даже ворона.

— Нет, не удержите вы меня здесь, — мрачно улыбаясь, пробормотала Злюка. — Все равно сбегу. Любой ценой.

Глава 20

С тяжелым сердцем Мортус въехал в столицу империи. Черный Ургорт встретил его шумом, вонью и толпами попрошайек. Окраины огромного города тонули в грязи. Повсюду, лепясь друг к другу, громоздились халупы, возведенные из чего попало, начиная гнилыми досками, и заканчивая сушеным навозом. Императорская резиденция маячила вдалеке, вздымаясь в небо огромным черным перстом. Туда-то Мортус и держал свой путь. И путь этот мог оказаться в один конец.

— Давненько я не был в столице, — заметил Трокус, походя угощая плетью грязного попрошайку, который рискнул слишком близко подойти к его лошади.

— Век бы тут не бывать, — сквозь зубы процедил Мортус.

Владельцу черного замка не нравился этот огромный грязный город. Он напоминал ему

гниющий труп, в чьей смрадной плоти деловито копошатся тысячи бледных опарышей. Вид неисчислимых толп празднующихся людей печалил Мортуса. Будь это в его власти, он бы живо пристроил этих бездельников к делу. Не важно, к какому. Пусть роют яму. Огромную бездонную яму. А потом закапывают ее обратно. И так снова и снова. А всех, кто не пожелает трудиться добровольно, сечь, пока не возьмутся за ум.

— Остановимся в гостинице? — спросил у него Трокус.

Мортус вздрогнул, и резко ответил:

— А смысл деньги тратить? Давай сперва во дворец. Глядишь, нам с тобой казенные апартаменты даром предоставят.

Черный рыцарь помрачнел.

— Думаете, в темницу упекут? — спросил он.

— Да нет, вряд ли, — покачал головой Мортус, и ударил ногой зазевавшегося пешехода, который не потрудился убраться с пути двух всадников. Тот, получив пяткой в затылок, с криком улетел в наполненную нечистотами канаву.

— Ты же знаешь, император является убежденным противником полумер, — продолжил Мортус. — Он либо милует, что редко, либо вешает, что почти всегда. Да оно и верно. Что человека в темнице мариновать? Он там место занимает, его ведь и кормить нужно, отчего ущерб казне.

Еще один бездельник, в этот раз крепко выпивший, шатаясь, вывалился на дорогу прямо перед лошадиными мордами. Трокус привстал на стременах, и с плеча обрушил плеть на его физиономию. Алая полоса пересекла лицо, брызнула кровь, мужик, дико завывая, повалился под копыта. Тренированные лошади даже не подумали замедлить шага. Послышался хруст костей, истошный крик сменился монотонным воем невыносимой боли.

Ближе к центру город преобразился. Улицы стали чистыми, жалкие трущобы сменились богатыми особняками, таящимися за высокими крепостными заборами. Здесь по улицам курсировала прилично одетая публика, с грохотом проносились богатые экипажи или важного вида всадники.

По мере их приближения к резиденции императора, все тяжелее становилось на сердце лорда Мортуса. Тревожные предчувствия не отставляли его. Император Дакрос слыл человеком вспыльчивым, злобным, мстительным и жестоким. На самом деле, он успешно концентрировал в себе вообще все отрицательные качества, не уравнивая оный комплект ни одним положительным. Ждать от него снисхождения или доброты не приходилось. И неоднократно за то время, пока они с Трокусом добирались до столицы, у лорда Мортуса в голове всплывала одна и та же идея — сбежать. Но Мортус не поддался соблазну. Главным образом потому, что бежать было особенно некуда. Не к добрякам же, в самом деле, возвращаться. Те, конечно, будут несказанно рады снова видеть его в своих лапах, и со всеми почестями препроводят в темницу, а то и вовсе подвергнут прилюдной казни. Ну а скитаться по нейтрально полосе или внешним диким землям, каждую ночь яростно борясь за свою жизнь с тамошними обитателями, Мортус просто не хотел. Он был уже слишком стар для подобных приключений. Поэтому решил просто плыть по течению, навстречу судьбе, и будь что будет. Император хоть и являлся безжалостным извергом, вполне мог и помиловать своего подданного. Такое иногда случалось. Мортус слышал о целых трех задокументированных случаях императорского великодушия. Глядишь, сегодня этот список пополнится еще одним эпизодом.

Императорская резиденция становилась все больше и больше, превратившись в итоге в

немыслимую громаду, закрывшую собой половину неба. В сравнении с этим исполинским сооружением черный замок казался тесным сараем.

Дворец опоясывало три сплошных обвода стен, каждый следующий больше и толще прежнего. Посторонним строжайше запрещалось приближаться к внешнему периметру ближе, чем на полет стрелы. Кто забывал об этом правиле, тому деликатно и вскоре напоминали о нем. На стенах постоянно дежурили лучники, имеющие приказ стрелять во все живое, каковой они беспрекословно и исполняли. Резиденция была отделена от городского массива безжизненным пустырем, чью поверхность украшали омытые дождями кости нарушителей социальной дистанции.

Въехав в ворота внешней стены, Мортус и Трокус спешили, сдали оружие и позволили обыскать себя. Дальше они направились пешком в сопровождении стражника, который провел их сквозь следующие два кольца стен, а затем через обширный внутренний двор.

Вблизи резиденция была настолько огромна, что поражала воображение. Это было монументальное сооружение, возведение которого обошлось казне в тонны золота и тысячи человеческих жизней. Но людские жизни в империи издавна считались расходным материалом, и не представляли большой ценности.

Двор прочерчивали мощные камнем дорожки, протянувшиеся мимо клумб, засаженных чертополохом, крапивой, беленой и прочими зловредными растениями. Было очень много стражников. Те стояли буквально на каждом шагу, недвижимые, будто каменные изваяния, но зорко глядящие по сторонам. Суетливо пробежали слуги.

Они почти достигли входа, когда вдруг услышали пронзительный, набирающий силу, визг. Не успели задрать головы, как неподалеку от них на каменную дорожку шлепнулось человеческое тело, расплескав вокруг себя брызнувшую из разорванных тканей кровь.

Тело тут же плотно обступили набежавшие стражники. Один из них, покосившись на посетителей, сурово произнес:

— Проходим! Проходим! Здесь ничего не произошло. Повторяю — ничего не произошло.

Мортус не стал возражать — ничего, так ничего. Но все же, едва зазвучал визг, он успел заметить в высоком окне резиденции мелькнувший человеческий силуэт. Судя по всему, версию самоубийства можно было исключить сразу.

— Новая мода у них, что ли, завелась? — тихо предположил Трокус. — В прошлом году, как я слышал, живьем скармливали голодным волкам. А теперь из окон выбрасывают.

— Тихо ты! — шикнул на него Мортус, опасаясь, что сопровождающий их стражник послушает разговор и, чего доброго, решит, что посетители критикуют политические методы руководства.

Перед тем, как допустить посетителей непосредственно к императору, их подвергли повторному обыску. И в этот раз обыскивали на совесть. Мало того, что заставили полностью обнажиться, перетряхнули всю одежду и прощупали каждый шов, так еще не побрезговали заглянуть во все укромные места, притом это последнее проделали с особым тщанием и глубиной проникновения. И лишь затем стражник отвел их в приемную, где Мортусу и Трокусу приказали сесть на стулья и ждать своего часа.

Процесс ожидания затянулся на два с лишним часа. С каждой прошедшей минутой Мортус чувствовал все большую тревогу. Он уже успел сто раз пожалеть о том, что не решился на побег. На нейтральной полосе, конечно, не сахар, а в диких землях и подавно, но там бы он еще хоть сколько-то, да пожил. А что его ждет здесь? Вот сейчас как схватят за

руки да за ноги, и выбросят в ближайшее окно. И будет с ним то же самое, что с тем бедолагой — размажется он кровавой кляксой по каменным плитам. Подойдут слуги, соскребут его останки лопатой, отмоют от крови дорожку, и на том конец. Будто и не было никогда на свете лорда Мортуса. Ну а мясо его, дабы не пропало даром, скормят собакам.

Мортус вздрогнул. Нет, лучше уж вообще ни о чем не думать, чем попусту себя накручивать.

Он покосился на Трокуса. Черный рыцарь был бледен, задумчив, и явно не ждал от предстоящей аудиенции ничего хорошего.

Когда к концу подошел третий час ожидания, появился стражник и велел им идти за собой. Мортус встал, чувствуя противную слабость во всем теле. Это был страх. Мортус был храбрым воином, и на поле боя не боялся ничего. Но здесь, в самом сердце империи зла, ему трудно было совладать с охватившим его малодушием.

Вслед за стражником они вступили в огромный мрачный зал. Вдоль стен выстроились ряды черных рыцарей с мечами наизготовку, не спускающих внимательных глаз в двух посетителей. В зале не было ничего лишнего — ни статуй, ни колонн, ни гобеленов. Просто огромное пустое помещение с высоченным, теряющимся в темноте, потолком, в центре которого гордо высился черный трон. А на троне том восседал собственной персоной император Дакрос Безжалостный.

Мортус и Трокус приблизились к трону и опустились перед ним на колени. Император не обратил на них внимания. Он был полностью погружен в чтение каких-то бумаг.

Имперская пропаганда изображала Дакроса Безжалостного могучим исполином и красавцем, каких поискать. На картинах, монетах, в книгах и барельефах, Дакрос предстал в виде воплощения мужской красоты. Реальный же его облик был далек от совершенства. Это был среднего роста, активно лысеющий мужчина за сорок, с округлым, заметно выпирающим брюшком и ничем не примечательным лицом. Он имел не самую лучшую дикцию, а когда волновался, то и вовсе начинал заикаться и глотать слова, из-за чего на всех публичных выступлениях императора замещал двойник с хорошо подвешенным языком. От неумеренного употребления зелий, повышающих потенцию, лицо властелина зла покрылось разноцветными пятнами и приобрело нездоровый восковой блеск.

И все же этого внешне невзрачного человечка окружал такой ореол величественности и мощи, такая аура всемогущества, что Мортусу и Трокусу, преклонившим колени перед тронном, тот привиделся могучим и всеильным красавцем с мужественным ликом и грозным, мечущим молнии, взглядом. Очень неуютно чувствовали они себя посреди тронного зала. Черные рыцари, рядами выстроившиеся вдоль стен, не спускали с них пристальных взглядов. Плюс Мортус был уверен в том, что в зале присутствуют два-три толковых чародея, до поры до времени скрытые от глаз. Но стоит только кому-то из посетителей проявить в отношении императора хотя бы намек на агрессию, он не успеет даже пожалеть об этом. Этого дерзкого святотатца либо зарубят черные рыцари, либо испепелят затаившиеся в невидимости колдуны.

Дакрос, наконец, закончил просматривать бумаги и протянул их подбежавшему к трону секретарю. Затем повернулся к коленопреклоненным подданным, и, кажется, впервые заметил их.

— Ага, — протянул Дакрос, задумчиво поглаживая подбородок кончиками пальцев. — Вот и вы. Ну и что мне с вами, голубчиками, прикажете делать?

Мортус и Трокус молчали. Оба прекрасно понимали, что император адресовал свой

вопрос не им. Он просто размышлял вслух, совещаясь с единственным человеком, к чьим советам прислушивался — с самим собой.

— Знаете, за что я не люблю людей? — вдруг спросил Дакрос. — Хотите знать?

Мортус и Трокус быстро закивали головами. Оба не на шутку перетрусили. Они знали — если император пускается в философские рассуждения, это плохой признак.

— За все, — ответил Дакрос. — Их вообще не за что любить. Нет в них ничего хорошего. Они все словно только для того и живут на свете, чтобы меня бесить. Но их ключевая скверная черта, это неисполнительность. Вот ты им говоришь по-человечески — сделайте то-то и то-то. И честно ждешь, что сделают. Надеешься. Веришь. Строишь дальнейшие планы, исходя из того, что твои подданные в точности исполнят полученный приказ. Но всякий раз история заканчивается очередным разочарованием в людях.

Император громко засопел и откинулся на спинку трона.

— Встаньте! — потребовал он. — Довольно пачкать собой пол моего зала.

Мортус и Трокус послушно поднялись на ноги, но их взгляды по-прежнему были стыдливо опущены.

— Я тебе поручил простое дело, — вновь заговорил Дакрос, обращаясь к Мортусу. — От тебя всего-то и требовалось, что занять старую, давно брошенную, крепость на нейтральной полосе. С этим заданием справился бы и баран. Ты что, глупее барана?

— Как вам будет угодно, — чуть слышно пропищал Мортус.

— Как мне будет угодно? — повысил голос император. — Мне, твою мать, угодно, чтобы ты исполнял мои приказы. Это все, чего я требую. Или ты думаешь, мне доставляет радость вызывать вас сюда и отчитывать, как слабоумных детей? Мне что, заняться больше нечем?

— Возникли непре... — невнятно забормотал Мортус.

— Что? — крикнул император. — Говори громче, ты что, язык проглотил.

— Возникли непредвиденные обстоятельства, — наконец-то сумел выговорить властелин черного замка.

— Вот оно что, — понимающе кивнул Дакрос. — Обстоятельства. А знаешь, Мортус, чем отличается умный руководитель от мертвого руководителя? Умный руководитель просчитывает все заранее, все варианты, все возможности, все обстоятельства.

— То, что там произошло, нельзя было просчитать, — посмел заметить Мортус. — Огненный демон спугал нам все карты.

— Спугать бы тебе конечности, да бросить в чан с кислотой, — мечтательно протянул император. — Ладно, рассказывай об этом демоне. Все, что знаешь.

Мортус поспешно исполнил приказ. Но рассказ его оказался скуп на подробности. В том-то и дело, что об огненном демоне он почти ничего не знал. Ему было известно, что добряки много столетий назад притащили его из другого мира, а когда поняли, что натворили, заперли существо в подземелье, окутав защитными чарами. Так бы демон и сидел там еще тысячи лет, если бы кое-кто не даровал ему свободу и не заставил служить себе.

— За всем этим стоит Свиностаc, — заявил Мортус. — Добряки в этом уверены. И я тоже. В Форинге его прозвали новым темным властелином....

Тут Мортус резко осекся, только теперь сообразив, что сболтнул лишнего. Он со страхом воззрился на императора, и ему стало нехорошо. Лицо Дакроса побурело от гнева, он резко вскочил с трона и, сжав кулаки, закричал:

— Что? Новый темный властелин? В этом мире есть только один темный властелин —

я! А этот Свиностаc... Да как он посмел назваться темным властелином? Да еще и новым. А я, что же, выходит — старый? Старый, никому не нужный, уже не страшный. Каков наглец! Ушам своим не верю.

— Да, да, вы правы, — подобострастно поддакнул Мортус. — Этот выскочка слишком много о себе возомнил.

— Ну а ты что? — рывкнул на него император, да так громко и грозно, что Мортус едва не пустил под себя лужу. — При тебе какой-то жалкий червяк провозгласил себя властелином тьмы, а ты даже не сумел его обезглавить.

— Но демон....

— Вечно вам, болванам, что-то мешает — то демоны, то шары, то кривые руки. Ты что, хочешь, чтобы я бросил все свои архиважные дела и сам пошел разбираться с этим бессовестным самозванцем Свиностаcом? Могу я во всей этой чертовой империи хоть на кого-то положиться?

Мортус ударил себя кулаком в грудь и выпалил:

— Доверьте это мне, владыка! Я вас не подведу!

— Да, ты-то не подведешь, — проворчал Дакрос, падая обратно на трон. — Это ведь так на тебя не похоже.

Мортус бросился на колени.

— Повелитель, дайте мне второй шанс! — взмолился он. — Я жажду поквитаться с Свиностаcом. Я жестоко покараю его за то, что этот дерзкий сопляк посмел присвоить себе титул темного властелина, который по праву принадлежит лишь вам. Обещаю — его смерть будет ужасной.

— Нет! — прервал его Дакрос. — Ты его не убьешь. Я желаю, чтобы ты доставил его ко мне живым и здоровым. Объявив себя новым темным властелином, этот сопляк нанес мне, единственному подлинному предводителю зла, глубочайшее оскорбление. Просто мучительной смерти для него недостаточно. Я лично придумаю для него достойное наказание.

— Тогда мы уничтожим огненного демона, — сказал Мортус. — Эта тварь пожалеет о том, что посмела напасть на воинов черной империи....

— Слушай, прекращай уже все решать за меня, — попросил Дакрос, и Мортус поспешил захлопнуть рот. — Демона ты тоже не убьешь. Он мне нужен живым. Я заставлю его служить подлинному черному властелину, то есть себе. Это существо поможет мне завоевать весь мир. Точнее — все миры. Так что приведи их обоих. Всех же прочих их пособников жестоко и страшно убей. Хочу, чтобы они невыносимо страдали перед смертью.

— Я буду терзать их три недели! — с готовностью выкрикнул Мортус.

— Три? Ну и добряк же ты. У меня бы они страдали не менее трех месяцев. Ну да ладно, мне плевать на прочих приспешников Свиностаcа. Делай с ними, что хочешь. Но доставь мне демона. И этого наглеца, возомнившего себя темным властелином. Отныне Свиностаc мой личный враг номер один. Тому, кто пленит его, я обещаю щедрую награду.

Тут глаза императора сузились. Мортус резко вспотел.

— Но если ты не справишься с моим поручением и в этот раз, — пророкотал Дакрос, — то советую тебе самостоятельно избавиться себя от своей никчемной жизни. В противном случае, тебя ждет нескончаемая боль.

Мортус судорожно кивнул головой, стараясь сжать челюсти покрепче, дабы до слуха императора не донесся грохот его стучащих зубов. Уж если Дакрос обещал кому-то что-то

плохое, можно было не сомневаться — властелин тьмы сдержит свое слово.

— Дам тебе войско, — сказал император. — Одного легиона хватит. С тобой поедет отряд колдунов. Они помогут пленить демона.

— Владыка, добряки тоже собираются идти на Свиностаса войной, — сообщил Мортус. — Они хотят убить и его, демона.

— Этого ты допустить не должен, — сказал Дакрос. — Делай что хочешь, но Свиностаса и демона привези ко мне. А теперь ступайте оба с глаз моих. Не могу больше смотреть на ваши гнусные рожи.

Он покосился на секретаря и бросил ему:

— Выпиши приказ о передаче в подчинение этому болвану Безжалостного легиона. А вы, — он снова обратил взор на Мортуса и Трокуса, — оставайтесь пока в столице. Когда все бумаги будут готовы, а отряд чародеев собран, отбудете в распоряжение легиона.

Пятясь задом, Мортус и Трокус поползли к выходу из зала. Вслед им прозвучал зловеющий голос императора:

— И не вздумайте огорчить меня вновь, голубчики. Иначе....

Он не стал заканчивать свою угрозу, но Мортус с Трокусом прекрасно поняли императора и без слов.

Глава 21

Цены в столичном трактире были настолько бессовестно высокими, что Мортус с Трокусом лишний раз убедились в том, что находятся в самом сердце империи зла. Но соратники не сэкономили. Обоим требовалось подлечить нервную систему, которая подверглась суровому испытанию в ходе состоявшейся аудиенции. У Мортуса руки перестали трястись только на третьем стакане. С Трокуса сошла мертвенная бледность лишь после того, как он умял огромную порцию жаркого и опрокинул в себя кружку ядреного первача.

Посетителей в заведении хватало, но все они обходили большим кругом тот темный угол, где расположились Мортус и Трокус. Столичные жители интуитивно чувствовали исходящую от этой парочки угрозу, и благоразумно держались от нее на расстоянии.

— Что ж, все закончилось лучше, чем могло бы, — выдохнул Мортус, с содроганием вспоминая состоявшуюся беседу с императором. Дакрос и впрямь проявил в их отношении совершенно несвойственный ему гуманизм. А ведь мог приказать выбросить из окна, или заживо растворить в кислоте, или придумать еще что-нибудь в том же забавном духе.

— А я почти не испугался, — похвастался Трокус, успевший сменить исподнее в гостиничном номере. Сделать это было необходимо, поскольку после аудиенции его кальсоны сильно разили пропитавшим их ароматом мужества.

— Да, я тоже, — сообщил Мортус, стараясь не вспоминать пережитый ужас. — Подумаешь — поговорили с императором.

Он наполнил стакан и осушил его в четвертый раз. Затем принялся за еду. Та, надо признать, была недурна. Хотя за такие деньги их должны были кормить тушеным мясом молочного единорога, притом исключительно с золотой посуды и под ангельское пение.

— Как думаешь, мы сумеем пленить демона? — наконец-то заговорил о деле Трокус.

До сего момента они не решались обсуждать полученное поручение. Просто потому, что в их памяти еще свеж был испытанный на приеме ужас. Стоило вспомнить, как стояли там, пред грозными очами императора, так сразу прихватывало животы.

— Эта тварь сильна, — произнес Мортус задумчивым тоном. — Очень сильна. Но едва ли она устроит против целого легиона и группы опытных магов.

— А что насчет Свиностаса?

Мортус поморщился.

— Дай пожрать спокойно, — попросил он Трокуса. — Хотя бы сейчас не вспоминай об этом существе.

— Свиностас коварен и хитер, — тихо прошептал черный рыцарь, наклонившись через стол. — Его замыслы черны, как безлунная ночь, а душа... нет у него души! Думаешь, он не догадывается, что мы явимся за ним?

— Даже если и так, что с того? — пожал плечами Мортус, ковыряясь вилкой в своей тарелке.

— А то, что он обязательно подготовит нам теплый прием. В прошлый раз мы угодили в его ловушку. Как бы история не повторилась.

— Не повторится, — проворчал Мортус, у которого от упоминания Свиностаса пропал аппетит. — В тот раз мы не были готовы. Теперь все иначе. Не справиться ему с целым легионом. Ни ему, ни его демону.

— Как знать, — не унимался Трокус. — А вдруг....

— Да хватит уже! — не выдержал владетель черного замка. — Ты что, нарочно?

— Ладно, ладно, извини, — смущенно пробубнил ветеран.

— Давай просто поужинаем, — предложил Мортус. — Желательно молча.

— Как скажешь.

И оба склонились над своими тарелками. Но недолго продлилось то молчание. Трокус мялся, ерзал, а затем взял и выпалил:

— А как же добряки? Ты ведь знаешь, что они хотят убить демона. И Свиностаса заодно.

— Да замолчишь ты сегодня, или нет? — взорвался Мортус, возвысив голос так, что в их сторону повернулись все посетители заведения. — Что ты мне на мозги капаешь? Добряки, Свиностас... Дай пожрать спокойно!

— Ладно, ладно, — смиренно произнес Трокус. — Конечно, как скажешь. У меня и в мыслях не было....

— Просто заткнись.

И оба вновь уставились в свои тарелки.

Но ни одному из них кусок не лез в горло. Хоть Мортус и заставил своего подчиненного захлопнуть варешку, но запретить своему мозгу думать он, увы, не мог. А тот думал ровно о том же, о чем говорил Трокус. О Свиностасе, злом и коварном, от которого можно ждать чего угодно. О добряках, которые явятся за головой демона, и которые ни за что не согласятся отдать это существо черной империи. И много о чем еще. Легион солдат и отряд толковых магов, это, безусловно, большая сила. Но солдаты и маги есть и у Ангдэзии. А что есть у Свиностаса, то было ведомо лишь одним богам. В прошлый раз он удивил незваных гостей одним демоном. А в этот раз, глядишь, притащит в этот мир целую армию чудовищ. И что ему, Мортусу, со всем этим делать? А что-то да надо, иначе император точно подвергнет его какой-нибудь изощренной, и плохо совместимой с жизнью, процедуре.

Находясь в состоянии погружения в мрачные думы, Мортус не заметил, как к их столу бледным призраком приблизилась некая юная особа. Трокус обратил на нее внимание первым.

— Что тебе, болезная? — спросил он, подняв взгляд.

Мортус нехотя посмотрел вверх и влево. В двух шагах от себя он обнаружил высокую худую девушку. Выглядела та на любителя. Лицо ее было бледнее мела, а тело облегалo черное траурное платье. Мортус прикинул, что если бы столкнулся с этой барышней в темном переулке, дело могло обернуться проблемами с дикцией. Та напоминала то ли привидение, то ли восставшего из могилы покойника.

— От клиентов, поди, отбоя нет, — мрачно проронил Мортус, вновь уставившись в тарелку. — Ступай отсюда. Ты слишком страшная. Да и вообще, мне сейчас не до того.

— Лорд Мортус? — произнесла девушка пустым, мертвенным голосом.

Владелец черного замка вздрогнул, и медленно повернулся к ней.

— Мы знакомы? — спросил он, внимательнее приглядевшись к этой персоне. Он готов был поклясться, что никогда не встречался с бледной девкой. Такую захочешь, не забудешь.

— Нет, — ответила та.

— В таком случае, что тебе нужно?

— Передать вам послание.

Мортус насторожился.

— Послание? — переспросил он. — От кого?

— От одного че....

Девушка запнулась.

— От одной персоны, — продолжила она, — с которой вас связывают общие интересы.

Мортус тяжело вздохнул, и жестом указал девушке на свободный стул за их столом. Та без возражений присела на него.

— Вот что, девочка, — негромко заговорил Мортус. — Или немедленно говори, кто и зачем тебя подослал, или я живо сверну твою тонкую шейку.

— Вам не о чем беспокоиться, — заверила его девушка.

— А я и не беспокоюсь. Беспокоиться нужно тебе. Итак, считаю до трех.

— Вы ведь хотите убить Свиностаса, — быстро сказала бледная собеседница. — Император поручил вам это сделать.

Мортус нахмурился.

— Откуда тебе это известно? — спросил он. — Ты кто вообще такая?

— Мое имя Гэла, — ответила девушка.

— И кто тебя прислал?

— Мой господин, который желает того же, чего и вы.

— Ну и кто твой господин? Кто он?

Гэла замаялась.

— Будет лучше, если вы переговорите с ним лично, — предложила она.

Мортус нахмурился.

— Не играй со мной, девочка, — посоветовал он угрожающим тоном. — Отвечай на вопросы.

— Мой господин ответит на все ваши вопросы, — невозмутимо ответила бледная барышня, которую, похоже, совершенно не впечатлял ни сам лорд Мортус, ни его угрозы.

— Ну, допустим. И где он, твой господин?

— Неподалеку. Я отведу вас к нему.

И не дожидаясь согласия, Гэла поднялась из-за стола и медленно пошла к выходу.

— Что будем делать? — прошептал Трокус.

Не спуская взгляда с бледной девицы, Мортус ответил:

— Пожалуй, примем приглашение. Как у тебя с оружием?

Трокус изобразил на лице выражение искренней обиды. Он уже забыл, когда в последний раз выходил из дома без парочки припрятанных под одеждой ножей.

— Вот и хорошо, — одобрительно кивнул Мортус. — Если вдруг что, не стесняйся пускать его в ход.

— Об этом могли бы и не говорить, — прогудел Трокус.

Они дружно поднялись из-за стола и последовали за Гэлой, которая к тому моменту уже достигла выхода и поджидал их там.

Место, в которое вела их Гэла, оказалось не так уж близко от таверны. Они достигли его уже в вечерних сумерках. Местом этим был большой богатый особняк, окруженный высоким каменным забором. Свет в окнах не горел, в обширном дворе не было ни одного человека. Трехэтажное здание высилось темной мертвой громадой. И вот странность — вечерняя столица буквально кишела людьми, но напротив этого мрачного дома не оказалось ни одного прохожего. Люди обходили его стороной, словно что-то знали, или что-то чувствовали. Мортус тоже что-то ощутил, оказавшись перед коваными воротами особняка. Окрестный воздух словно бы пропитал едва уловимый, но вполне отчетливый, запах страха. Как будто что-то мрачное и злое затаилось внутри, и глядело наружу сквозь черные окна строения.

— Мне почему-то не хочется туда входить, — шепотом признался Трокус, поймав командира за руку. Он, судя по всему, тоже ощутил ауру ужаса, окутывавшую старинный особняк.

— Это да, — согласился Мортус. — Скверное местечко.

Он окликнул Гэлу, отпирившую ворота:

— Эй, красавица. Чей это дом?

— Мой, — ответила та, не повернув головы. — Точнее, моей семьи. Но после того как вся моя родня оставила этот бранный мир, я стала сироткой и единственной наследницей.

Она отперла замок и приоткрыла ворота.

— Прошу, господа, — предложила Гэла. — Не бойтесь. Вам здесь ничего не грозит.

Мортус с Трокусом переглянулись. Они отнюдь не были в этом уверены.

Двор особняка имел ухоженный вид. Было ясно, что о нем заботились, по крайней мере, до самого последнего времени. Вот только Мортуса насторожила одна пугающая странность — все растения, росшие ближе всего к дому, погибли и уже начали засыхать. Словно что-то, таящееся внутри, убило их, высосав из цветов, кустов и деревьев всю жизненную силу до капли.

Они вошли в особняк через парадную дверь. Тот был темен и пуст. Ни один звук не нарушал сковавшее его безмолвие.

— А где все? — спросил Мортус, поскольку в таких домах обычно содержался большой штат прислуги.

— Умерли, — равнодушно ответила Гэла. — Идемте.

Особняк тонул в роскоши и мраке. Мортус пару раз налетел в темноте на мебель, а Трокус врезался в стол и уронил с него большую каменную вазу, которая с грохотом разбилась об пол.

— Вы что, на свечах экономите? — проворчал он, потирая ушибленное бедро.

— Мой господин не питает любви к свету, — спокойно объяснила Гэла. — Ему милее

тьма.

По широкой лестнице они поднялись на второй этаж. И здесь Мортус с тревогой ощутил хорошо знакомый ему запах — запах крови и тлена. Запах смерти.

— Может, все-таки скажешь, кто твой господин? — поинтересовался Трокус, нащупывая в потайном кармане выкидной нож. Вся эта затея ему совершенно не нравилась. Мутная девка, безжизненный особняк, и усиливающийся запах гниющей плоти. Куда их ведут? И что ждет их там, в конце пути?

Они остановились напротив широких двойных дверей. Гэла повернулась к ним, и произнесла:

— Господа, позвольте вас предупредить: что бы вы ни увидели внутри, не пугайтесь.

— Ты бы, что ли, заранее сказала, к чему готовиться, — проворчал Трокус.

Гэла толкнула руками двери. Те распахнулись со скрипом, который показался оглушительным в окутавшей особняк тишине. Из помещения пахло тошнотворным смрадом. Мортусу и Трокусу было хорошо знаком этот запах.

Внутри было сумрачно, но за то время, пока они бродили по особняку, глаза гостей успели привыкнуть к полумраку. А потому Мортус почти сразу заметил первый труп. Тот лежал на дорогом ковре, неподалеку от двери, широко разбросав руки и ноги. У трупа отсутствовала одна важная деталь, а именно — голова.

Мортус остановился, рукой придерживав на месте Трокуса и указав тому на обезглавленное тело. Как выяснилось, черный рыцарь тоже не утратил наблюдательности. Он ткнул пальцем в противоположную сторону, и Мортус разглядел в полумраке целую гору мертвых тел, наваленных друг на друга под гобеленом, изображавшим конную охоту на лис.

— Куда нас занесло? — прошептал Трокус. — Ой, зря мы сюда пришли.

— Не зря, — прозвучал из темноты жуткий низкий голос.

Оба гостя вздрогнули, и дружно выхватили оружие, которое уже давно держали наготове.

— Господа, уверяю вас, это лишнее, — заверила их Гэла, равнодушно взирая на клинки ножей.

— Я сам решу, лишнее или нет! — грубо бросил ей Мортус.

Он попытался разглядеть во мраке второго человека, чей голос только что прозвучал, а затем потребовал:

— Выйди на свет! Я привык смотреть собеседнику в лицо.

Из темноты прозвучал скрипучий смех.

— В лицо? — переспросил неизвестный. — Ну, что же, как пожелаешь. Гэла, будь добра, зажги свечу.

Бледная девица чуть повозилась, а затем темноту рассеял вспыхнувший огонек. Тот набрал силу, и тусклый свет рассеял мрак помещения.

В дальнем конце комнаты, у завешенного плотной шторой окна, стоял большой стол. На его поверхности покоилось обнаженное тело молодой женщины. В ее животе зияла огромная дыра с неровными, будто обкусанными, краями. Судя по крепко связанным рукам и ногам, а так же по кляпу во рту, женщину притащили сюда силой, а затем убили. Точнее, загрызли. Не исключено, что она еще была жива, когда гнилые зубы вонзались в ее плоть, отрывая от тела куски сочащегося кровью мяса.

Рядом со столом застыла закутанная в черное фигура.

— Вечер добрый, господа, — глухо прозвучало из-под низко нависшего над лицом

капюшона. — Рад, что вы нашли время зайти. К столу, по понятным причинам, не приглашаю.

— Ничего страшного, — медленно произнес Мортус. — Мы только из трактира.

— Что ж, тем лучше, — одобрил субъект. — Значит, перейдем сразу к делу. Мне ведомо, что император поручил вам разобраться со Свиностаком.

— И что с того? — спросил Мортус, не торопясь убирать оружие.

— Я бы хотел предложить вам свою скромную помощь, — ответил тип в черном.

— Помощь в чем?

— Вы хотите убить Свиностака. Я тоже этого хочу. Давайте же объединим усилия.

Мортус усмехнулся.

— Мужик, я не знаю, кто ты такой, — произнес он, — но с чего ты взял, что мне нужна твоя помощь? Мне дают легион и отряд магов. А что можешь предложить ты?

— Помощь, — повторил неизвестный. — Я ни о чем не прошу и ни на что не претендую. Мне не нужна ни слава, ни золото.

— Тогда в чем твой интерес?

— Интерес? Ну, как тебе сказать....

Черная фигура сдвинулась с места и медленно поплыла в их сторону. Мортус и Трокус невольно попятнулись к выходу.

— Эй, держи-ка дистанцию! — потребовал владетель черного замка, которому почему-то не хотелось, чтобы этот тип приближался к нему. От незнакомца веяло какой-то замогильной жутью.

— Мне казалось, вы жаждали взглянуть в мое лицо, — с усмешкой произнес зловецкий субъект. — Или уже расхотели?

— В лицо я могу посмотреть и отсюда, — сказал Мортус.

— Пожалуй, лучше не стоит, — произнес черный тип. — Моя внешность может вас испугать.

Мортус не стал возражать. К этому моменту ему уже совершенно расхотелось любоваться физиономией своего зловецкого собеседника.

— Тебе известно мое имя, — сказал он. — А как мне называть тебя?

— Васек, — ответил тот. — Так меня звали, когда я был... Когда я был. Теперь я уже не тот, что прежде, но другого имени у меня нет.

— Хорошо, Васек так Васек, — согласился Мортус. — И какого же рода помощь ты предлагаешь?

— Я вижу то, чего не видят другие, — замогильным гласом произнес Васек. — Мне ведомо многое. Смерть что-то отняла у меня, но чем-то и одарила. Ты сказал, что сумеешь справиться со Свиностаком. Возможно, так и есть. А что насчет всех остальных?

— Остальных? — растерялся Мортус. — Каких еще...?

— Я же сказал — мне ведомо многое.

Васек шагнул ближе, и Мортус ощутил ударившую в нос трупную вонь. От нового знакомого разило могилой.

— Я помогу тебе заполучить демона, а ты поможешь мне добраться до Свиностака, — сказал Васек. — Мне известно, что император приказал тебе доставить его живым. Но, на самом деле, Дакроса интересуется только демон. А Свиностака отдай мне.

— У тебя, похоже, неслабый зуб на этого Свиностака, — заметил Трокус.

— Ты даже не представляешь — какой! — произнес Васек. — Весь смысл моего

существования сводится к тому, чтобы добраться до Свиноста и убить его. И я сделаю это, кто бы ни встал на моем пути. Ну, что скажешь, Мортус? Ты примешь мою помощь и мои условия?

Лорд Мортус какое-то время мешкал, с невольным страхом глядя на черную фигуру перед собою, а затем утвердительно кивнул головой.

Глава 22

Как и опасалась Злюка, в изложенную ею версию событий поверили немногие. А ведь она врала так убедительно и складно, как ни разу в жизни, подключив к делу весь свой актерский талант. Сделав большие круглые глаза, и наводнив их слезами, Злюка, ломая руки и шмыгая носом, поведала душераздирающую историю о разыгравшейся в ее спальне трагедии.

Одноглазая горничная уже несколько дней ходила сама не своя — так начала Злюка свои показания. Она приуныла, потеряла интерес к жизни, часто заговаривала о смерти. Злюка неоднократно пыталась расспросить свою любимую служанку, вызнать у той, что стало причиной ее апатичного настроения. Но горничная упорно отмалчивалась. Злюка чувствовала, что это не кончится добром. Она обязательно сообщила бы кому-нибудь об этих тревожных суицидальных симптомах, если бы не сидела под домашним арестом.

Но все ее попытки предотвратить беду оказались безрезультатными.

В тот день горничная была особенно мрачна и неразговорчива. Едва войдя в комнату подопечной, она тут же заявила, что просит никого не винить в своей смерти. А затем проследовала к окну, распахнула его и зачем-то полезла на подоконник.

Злюка пыталась остановить ее. Она со слезами на глазах умоляла старую одноглазую служанку одуматься, напоминала о том, что жизнь прекрасна, что ее еще ждет большое счастье, а то и настоящая любовь. Но эти слова не тронули горничную. Легко преодолев сопротивление Злюки, она выбросилась из окна и убилась о каменную дорожку.

Это происшествие потрясло принцессу до глубины души, нанеся ей тяжкую психологическую травму. Злюка потеряла сон и аппетит, все время плакала, вспоминая добрую и нежно любимую горничную, ушедшую из жизни в расцвете лет. Злюка уверяла, что не знает, сумеет ли она пережить понесенную утрату. Что ее и саму начали одолевать суицидальные думы. Сидя в четырех стенах, она не может избавиться от мыслей о смерти. И только одно может спасти ее — прекрасный воздух свободы. Вот если бы ее отпустили погулять по городу, а еще лучше за город, на природу, она бы обязательно почувствовала себя лучше.

История была рассказана талантливо, а сочинена складно, но, к сожалению, она противоречила имеющимся фактам. В числе главных противоречий была ножевая рана в спине у покойной горничной, которую трудно было не заметить. И рана эта полностью соответствовал кинжалу Злюки. Ну а о том, как принцесса на протяжении долгого времени калечила горничную, и как горничная за это секла малолетнюю дрянью розгами, знали все. И хотя никто не предъявил Злюке никакого обвинения, ее негласно признали виновной в умышленном убийстве с особой жестокостью.

Но в одном Злюке крупно повезло. Вся эта история не дошла до ее родителя. Слуги не решались сообщать Дакросу о проделках его дочурки, и замолчали очередную мерзкую выходку. К тому же многие из них прекрасно знали, сколь жестоко одноглазая горничная обращалась с принцессой. Они решили, что если проявить к Злюке доброту и ласку, то и та

ответит взаимностью, и перестанет делать гадости.

Плохо же они знали Злюку. Та делала гадости не в ответ на что-то, а потому что эти гадости перли из нее со страшной силой. А потому, когда ей назначили новую горничную, средних лет женщину, невысокую и худенькую, которая с первых же минут общения с подопечной проявила себя с самой положительной стороны, принцесса возликовала. В ее голове стремительно вызрел хитрый план. Теперь, когда одноглазая карга была жестоко наказана, Злюка не видела иных причин оставаться во дворце.

Новая горничная с ходу попыталась подкупить принцессу лаской и добротой. И Злюка охотно подыграла ей, прикинувшись невинной овечкой. Но под личиной невинности таился лютый монстр, который только и ждал удобного момента, чтобы наброситься на новую жертву.

Когда вечером горничная доставила ей ужин, Злюка тоненьким голоском попросила почитать ей сказку на ночь. Горничная, приятно удивленная кротким поведением подопечной, охотно согласилась, и присела на кровать, на которой, скрывшись под одеялом по самый подбородок, лежала Злюка. Из книги сказок она выбрала любимую историю принцессы — былинку о тринадцати черных рыцарях, что отправились к добрым людям и устроили им геноцид. Злюка смиренно слушала сказку, лежа под одеялом, и терпеливо дожидаясь, когда горничная утратит бдительность. А затем, уличив момент, бросилась на нее, повалила на кровать, и накрыла лицо подушкой.

Служанка сопротивлялась удивительно слабо, будто и жить-то особо не хотела. Дернулась пару раз, и затихла. Но Злюка терпеливо выждала время с запасом, и только после этого отняла подушку от лица жертвы. Горничная была мертва. Убедившись в этом, Злюка быстро стащила с мертвой женщины ее одежду, а тело накрыла одеялом. Затем она облачилась в наряд горничной, извлекла из комода пылившийся там уже года три парик и пристроила его на голову. Оставались последние штрихи. Злюка воспользовалась косметикой, к которой обычно испытывала глубочайшее презрение, и постаралась изменить свою внешность силами белил, помад и теней. В целом у нее получилось, хотя отсутствие опыта дало о себе знать — результат был довольно пугающим. Глянув на себя в зеркало, Злюка невольно вздрогнула. Она превратилась в страшную тощую бабу неопределенного возраста. Но зато она нисколько не напоминала себя прежнюю, чего, собственно, принцесса и добивалась.

Спрятав под одеждой свой любимый кинжал, Злюка в последний раз прощально окинула взглядом ненавистную комнату, свою тюрьму, где ее содержали, будто узницу, и выскользнула в коридор. И тут же столкнулась с еще одной служанкой. Та предусмотрительно дежурила снаружи, на тот случай, если горничная вдруг позовет на помощь.

Служанка удивленно уставилась на Злюку, пытаясь понять, кто стоит перед ней. А вот принцесса мешкать не стала. Она стремительно выхватила кинжал и ловко ударила им наотмашь по горлу жертвы. Кровь хлынула из раны, а служанка, захрипев, повалилась на пол. Не дожидаясь, пока тело прекратит содрогаться в конвульсиях, Злюка за ноги втащила его в свою комнату и бросила посреди ковра. Больше никто не стоял на ее пути к свободе.

Она отлично знала дворец, изучив его еще в ту пору, когда была ребенком и ей свободно разрешали гулять повсюду. Злюка давно продумала маршрут, должный вывести ее наружу. Он был тернист и долог, но наиболее безопасен. Им-то она и воспользовалась, неслышно скользя по длинным коридорам и прячась за статуями всякий раз, когда слышала вблизи

чьи-то шаги. Где нельзя было проскользнуть тайно, Злюка проходила открыто, опустив голову и приняв наиболее естественный вид. Благодаря парикю и косметике ее не узнавали, а форма горничной работала лучше, чем шапка-невидимка. Маскировка оказалась столь успешной, что один черный рыцарь, мимо которого проходила Злюка, счел нужным задорно шлепнуть ее ладонью по заду. Принцесса и тут не растерялась, кокетливо хихикнув в ответ на проявленный знак внимания.

Никто не остановил ее ни на первых, ни на вторых, ни даже на главных воротах. Стражники не обращали внимания на прислугу, и одинокая горничная, зачем-то покидающая императорскую резиденцию, интересовала их не больше, чем пролетевший мимо голубь. Слуги постоянно отлучилась в город с различными поручениями, так что в этом не было ничего необычного.

Лишь когда она углубилась в лабиринт столичных улиц, Злюка позволила себе облегченно выдохнуть. Ей не верилось, что все получилось. В процессе побега ее не оставляло чувство, что ее вот-вот схватят, узнают, и вновь запрут в ненавистной комнате. Притом запрут так, что о побеге можно будет забыть навсегда. Но ей повезло. Она вырвалась из плена, и теперь могла приступить к осуществлению своей мечты — начать карьеру черного рыцаря.

Но прежде следовало сменить приметную форму горничной на какой-нибудь менее броский наряд. Злюка, идя в побег, не захватила с собой ни денег, ни ценностей. Но она недолго ломала голову над тем, где разжиться средствами. Принцесса тут же вспомнила свою любимую сказку о тринадцати черных рыцарях, которые, если тем что-то требовалось, брали это силой. Злюка не видела причин не воспользоваться тем же способом.

Уже через два часа у нее были деньги, новая одежда и лошадь. Двух часов хватило принцессе, чтобы встретить богатого прохожего, подгулявшего в трактире, и возвращающегося домой нетвердой походкой, уличить момент, пырнуть его ножом, а затем завладеть туго набитым кошельком. В процессе обретения материальных средств сказочным путем возникла небольшая заминка — на месте преступления появился свидетель в лице какой-то женщины. Злюка не нашла ни одной причины сохранять ей жизнь.

Уже в сумерках Злюка покинула столицу. Задерживаться в городе было рискованно. Принцесса прекрасно отдавала себе отчет в том, что ее неминуемо начнут искать. Как только побег вскрыется, весь Черный Ургорт поставят на уши и перероют сверху донизу. Поэтому она почла за благо убраться из него как можно быстрее, а на ночь остановилась в небольшой роще, что встретила ей по пути.

Разведя костер, Злюка славно поужинала купленной в городе снедью. Простая пища шла за милую душу. Готовясь в черные рыцари, Злюка нарочно приучала себя к неприхотливости. Она знала — герои зла не едят с золота и не балуют себя деликатесами. Они вкушают все, что подвернется под руку, а самые матерые воители даже пожирают плоть убитых врагов. Прямо вырывают у добряков их трусливые сердца, и жрут сырыми. Злюка всегда хотела отведать этого деликатеса.

Ближе к полуночи ее костер привлек двух каких-то типов, молодого и старого, которые с первого взгляда не понравились Злюке. И хотя те не пытались сделать ей ничего плохого, принцесса решила действовать на опережение. Старика она убила сразу, а вот молодому повезло меньше. Злюка привязала его к дереву, заткнула кляпом рот и долго пыталась огнем и кинжалом. Когда же жертва перестала подавать признаки жизни, принцесса погасила огонь и легла спать. Ей требовалось отдохнуть и набраться сил для новых свершений. Впереди

ждала дальняя дорога, ведущая напрямик на запад. Туда, где между черной империей и королевством добра пролегла безжизненная нейтральная полоса. Там шла столь желанная Злюкой война. Там у нее появится шанс отличиться, снискать славу и заслужить высокое звание черного рыцаря. Там она сможет делать то, о чем мечтала всю свою жизнь — массово убивать добрых людей.

Сомкнув веки, Злюка сразу же заснула. Ей приснился дивный сон — о том, как она скачет на огромном черном коне в вороненых латах, и рубит добряков мечом. Вокруг нее пылают города Ангдэзии, повсюду громоздятся горы трупов, кровь льется реками, а стаи воронов кружат над полями битв, усеянных телами павших.

Это было столь прекрасное сновидение, что из него буквально не хотелось просыпаться.

Глава 23

На следующий день Мортус вновь был вызван в императорскую резиденцию. Отряд чародеев, призванный помочь ему поймать демона и доставить его властелину тьмы, был сформирован. Два десятка опытных знатоков магии разрушения, уничтожения и прочего зла уже стояли на старте. К ним в довесок Дакрос добавил две дюжины отборных черных рыцарей с богатым опытом массовых убийств.

В императорской резиденции царил переполох. Слуги сообщили Мортусу, что вчера вечером из дворца сбежала одна из дочерей императора, принцесса Амалия. Теперь беглянку искали и в резиденции, и в городе. В столице шли обыски, солдаты бесцеремонно врываются в дома и обшаривали их. Отыскалось несколько свидетелей, видевших девчонку в платье горничной, но на этом след обрывался. Затем в одной грязной канаве нашли само платье. Принцессы поблизости не оказалось.

— Ну, можете попрощаться со своей Амалией, — сделал вывод Мортус. — Черный Ургорт не место для юных утонченных дев. А если она очутилась на городских улицах ночью, то теперь следует искать не принцессу, а ее зверски и многократно изнасилованный труп.

Но слуги возразили на это Мортусу, сообщив тому, что принцесса никогда не страдала нежностью и утонченностью, и скорее третьи лица пострадают от нее, чем она от них.

— Ладно, найдется, — равнодушно пожал плечами лорд Мортус, которому меньше всего хотелось оказаться вовлеченным в поиски беглой принцессы. К счастью, этого не случилось. Похоже, огненный демон интересовал Дакроса куда больше, чем пропавшая дочь.

Затем Мортуса познакомили с отрядом магов. Командовал колдовской бригадой молодой талантливый колдун по имени Кригортус. Из разговора с ним Мортус выяснил, что чародеи имеют очень смутное представление о предстоящем деле.

— Речь, вроде бы, идет о каком-то демоне или типа того, — скучающе произнес Кригортус. Говорил он так, будто ему приходилось ловить демонов каждый день, и это занятие давно приобрело для него рутинный характер.

— Не о каком-то, — уточнил Мортус. — А об очень опасном демоне.

— Это все предрассудки, — снисходительно усмехнулся Кригортус. — Люди считают демонов очень опасными, но в действительности это распространенное заблуждение. Если знать верный подход, демона можно легко обуздать.

От злости у Мортуса закрипели зубы. За свою жизнь он досыта насмотрелся на подобных типов. Эти герои-теоретики легко и просто справлялись с чем угодно, не выходя из своих кабинетов. Ртом они побеждали всех и везде. Но стоило дойти до дела, как вся их

теория стремительно летела дракону под хвост.

— Ты когда-нибудь видел живого демона? — прямо спросил он у колдуна.

Тот пожал плечами и небрежно бросил в ответ:

— Нет, не видел. Но какое это имеет значение? Мне известно, как подчинить подобное существо, и я это сделаю. Вам не о чем волноваться. Предоставьте демона мне.

— С превеликим удовольствием, — проворчал Мортус.

Он бы так и сделал, если бы не видел демона своими глазами. Тогда в крепости тоже были чародеи, в том числе и довольно сильные. Но вся их магия не больно-то впечатлила демона. Возможно, этот молодой наглец действительно что-то знал о демонах и умел их подчинять. Если так — прекрасно. Но Мортус был реалистом, и привык всегда рассчитывать на худшее.

Колдунам и черным рыцарям Мортус приказал отправляться в свой замок и там дожидаться его подхода, а они с Трокусом покинули столицу и двинулись на юг. Там, в одном дне пути от Черного Ургорта, стоял лагерем Безжалостный легион.

Войско обосновалось вблизи небольшого зажиточного городка. Мортус и Трокус заметили его впереди ближе к вечеру.

— Надеюсь, там есть приличный трактир, — проворчал владетель черного замка.

— Хорошо бы и бордель, — добавил Трокус.

— Да, не помешал бы.

Но едва они въехали в пределы города, как оба поняли — здесь им не обломятся ни вкусный ужин, ни плотские утехы.

Город выглядел так, будто по нему прошелся сплоченный коллектив из чумы, дракона и орды варваров. Улицы были пусты, почти все здания несли на себе следы различного вандализма. Было много следов от пожаров, много выбитых дверей, кое-где на улице валялась сломанная мебель.

Когда проезжали мимо трактира, увидели внутри полнейший разгром. Вся внутренняя обстановка заведения превратилась в россыпь древесины и горы битого стекла. Когда добрались до борделя, выяснили, что от того остался один фундамент.

— Кажется, все веселье мы пропустили, — с горечью заметил Трокус.

Уже отчаявшись найти в городе хоть одну живую душу, они расслышали пронзительные многоголосые крики. Соратники переглянулись и поспешили к источнику шума.

Перед дверями одного из домов, чьи окна, как и у всех прочих строений в городе, были заколочены толстыми досками, происходила бурная сцена. Три пьяных мужика, в которых с большим трудом угадывались солдаты императорской армии, пытались завладеть конопатой девицей лет пятнадцати. В этом благородном деле им препятствовали какие-то люди, судя по всему, родственники девицы.

Подъехавшие Мортус и Трокус остановили коней и надолго залюбовались потасовкой. Наконец один из участников побоища, сорокалетний лысеющий дядя, обратил на них внимание.

— Благородные господа! — вскричал он, падая перед всадниками на колени. — Заклинаю вас всеми богами — заступитесь за простой люд!

— В чем тут дело? — громовым властным голосом произнес лорд Мортус.

Его командный, не терпящий возражений, тон мигом положил конец потасовке. Пьяные солдаты, девица и ее родня прекратили осыпать друг друга ударами, и устали на двух всадников.

— Дело, господин, в том, — начал торопливо излагать коленопоклоненный горожанин, — что эти разбойники, которые почему-то величают себя солдатами, вторую неделю терроризируют наш город. Слов не хватит, чтобы описать все их бесчинства. Они избili всех мужиков, они выпили все спиртное. Но этого им показалось мало. Они устроили погромы и поджоги, распугали всех торговцев. Есть жертвы.

— Какой вопиющий ужас, — равнодушным тоном изрек лорд Мортус.

— Но и это еще не все! — выпалил мужик. — Эти нелюди похитили всех молодых женщин и всех юных дев. Забрали их к себе в лагерь, где чинят над ними непрерывный разврат. А вот сегодня они пришли за моей доченькой. Она ведь еще ребенок! Господин, заклиняю вас, приструните этих негодяев. Мы содержим их на наши налоги, и вот какова благодарность!

Лорд Мортус строго взглянул на троих солдат.

— Это правда? — спросил он ледяным тоном.

Один из вояк, пошатываясь, выступил вперед, отвесил неуклюжий поклон и заплетающимся языком промолвил:

— Да все он врет, этот жук! Ничего такого... иик... не было.

Лорд Мортус кивнул головой.

— Вот все и выяснилось, — сказал он.

Затем обратился к плешивому мужику:

— А тебе должно быть стыдно за то, что ты смеешь порочить славное имя императорских воинов, нарекая их разбойниками и негодьями. И тем более насильниками. Это низко с твоей стороны.

— Вот-вот! — громко загалдели солдаты. — Никого мы не насильовали. У нас все по обоюдному согласию. Вот как сейчас — мы трое согласились взять эту девку и поиметь ее вон в тех кустах. Что это, если не согласие?

— Да что же это делается? — в отчаянии закричал мужик, вертя головой в поисках источника справедливости. — Это же какой-то произвол. Вы хуже добряков....

Тут он понял, что сказал лишнего, и торопливо зажал ладонями рот. Но когда тяжелый взгляд Мортуса упал на него пудовым молотом, мужик осознал, что слово не воробей.

— Я сделаю вид, что не слышал этого, — пророкотал лорд Мортус. — Но если твои грязные уста осмелятся изречь нечто подобное еще хоть раз, можешь попрощаться со своей головой.

— Я больше не буду! — пискнул мужик. За его спиной трусливо попятнулись к дому прочие домочадцы. Похоже, взвесив все, они благоразумно решили, что сумеют пережить потерю малолетней родственницы.

— Смотри у меня! — пригрозил ему лорд Мортус. — Тебе, болвану, оказана великая честь. Твоя дочь послужит на благо империи. Гордись!

— Буду! — пообещал мужик, глядя на всадников глазами, полными ужаса и безнадежности. — Буду гордиться. Уже начал.

— Вот и хорошо, — одобрительно кивнул лорд Мортус.

Он подъехал к солдатам и спросил у них:

— Где ставка командующего легионом?

Те объяснили дорогу, после чего, схватив тихо скулящую девку, потащили ее в присмотренные загодя кусты.

— Дисциплина тут, конечно, не на высоте, — неодобрительно покачал головой Трокус,

когда они продолжили свой путь.

— Ничто так пагубно не сказывается на моральном облике солдата, как затянувшийся мир, — заметил Мортус. — Люди идут в армию, чтобы грабить и насиловать побежденных. Притом ключевое тут — грабить и насиловать. Если нет побежденных, они грабят и насилуют своих. Сколько уже легион стоит здесь?

— Я слышал, второй месяц, — ответил Трокус. — Их перебросили сюда с южных рубежей в рамках подготовки большого наступления. Наступление сорвалось, вот они и маются от безделья.

— Второй месяц! — присвистнул Мортус. — Удивительно, что в окрестностях вообще хоть что-то уцелело.

Лагерь был разбит в двух милях от города, на широком поле, которое одним своим краем упиралось в небольшое озерцо. Некогда в этом озерце кишела рыба, местные жители промышляли ее, не уставая нахваливать щедрый на дары водоем. Но после столкновения с легионом в озере давно не осталось ничего живого. Почти всю рыбу солдаты оперативно выгребли из него сетями и бреднями, а оставшаяся флора и фауна благополучно вымерла, когда бойцы принялись стирать в водоеме свои портянки.

Все поле густо покрывали бессчетные шатры, расставленные без намека на геометрический порядок. К небу поднимались многочисленные струйки дыма от костров, воздух пропитался смесью воинских ароматов — воедино слились запахи пота, гари и испражнений.

Мортус и Трокус медленно ехали по проторенной сквозь лагерь дороге, наблюдая вокруг себя удручающую картину упадка воинского духа. Отважные герои империи медленно деградировали, страдая от острого безделья. Пьяные, одетые абы во что, они либо сидели подле своих шатров, прихлебывая и жуя, либо тискали трофейных баб, добытых в ближайшем городке, либо просто спали в грязи, будто свиньи. Даже не верилось, что это легион, нареченный в честь его императорского величества. А ведь эти же самые люди прямо сейчас могли вершить великие дела. Если бы по вине подлого Свиноста не сорвалось грандиозное наступление, сейчас бы бойцы Безжалостного легиона, гордость и слава империи, уже шли бы победным маршем по землям Ангдэзии. И вид бы они имели иной. Они предстали бы не в образе опустившихся и грязных созданий, а явились бы миру во всем своем лучезарном блеске, грозном, сверкающим сталью, воинством. Их опухшие от пьянства лица светились бы благородством и чувством собственного достоинства, а трясущиеся руки, обретя твердость, безжалостно разили бы вражеский контингент.

Но тут Мортус понял, что он слишком увлекся и нафантазировал себе совершенно неправдоподобную картину. Окажись солдаты на землях Ангдэзии, они бы занимались тем же самым, что и сейчас — пили бы, грабили и насиловали все живое. Но тут крылась одна важная идеологическая тонкость. Если солдат грабит и насилует на своих землях — свинья он грязная и висельник. Если же эти поступки он совершает на вражеской территории, то сразу же превращается в доблестного и благородного героя, овеянного вечной славой.

В центре лагеря, на искусственном возвышении, стоял шатер командующего. Подле него, привязанное к кривой палке, безвольно повисло знамя легиона. А вокруг него раскинулись шатры офицеров — черных рыцарей и магов. Те своим внешним видом и родом занятий ничем не отличались от солдатни, правда, выпивка у них была дороже, а бабы чище.

Шатер командующего даже не пытались охранять. Рядом с ним за небольшим столиком сидели два черных рыцаря, один только в кальсонах, второй в кальсонах и берете, и

увлеченно рублились в кости. На подъехавших всадников они не обратили ни малейшего внимания.

— Генерал у себя? — обратился к ним лорд Мортус.

Один из черных рыцарей буркнул что-то неразборчивое, и указал рукой на шатер.

— Ладно, войдем без стука, — решил Мортус.

Но делать этого не пришлось. Вход в шатер распахнулся им навстречу, и наружу вышел невысокий крепкий мужчина лет пятидесяти, с лицом жестким и суровым. Из одежды на нем была только грязно-белая льняная рубаха, спускавшаяся почти до колен.

Выйдя, он остановился и уставился на Мортуса. Какое-то время таращился на него, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем на его лице вспыхнула радостная улыбка.

— Задери меня енот! — выпалил он во все горло. — Какие злодеи! Мортус, морда недобрая! Ты ли это?

— Зертус! — радостно закричал Мортус. — Откуда ты здесь, старый прохиндей?

Два приятеля тут же заключили друг друга в крепкие объятия.

— Вот уж не знал, что ты командуешь этим сбродом, — признался Мортус.

— Да, как видишь, не дают покоя даже под старость лет, — посетовал генерал. — Просился в отставку, да куда там. Император, живи он вечно, как ногами затопал, как руками замахал — какая, кричит, отставка? А кто с добром бороться будет? И вот я здесь.

Тут он спохватился и сказал:

— Что это мы стоим тут на пороге? Входите, входите. Сейчас распоряжусь насчет ужина.

В шатре командующего оказалось неожиданно уютно, хотя даже тут попахивало потными портянками и еще чем-то кислым. Пока слуги накрывали на стол, Зертус налил гостям вина и расспросил о цели визита. Мортус без лишних слов протянул ему бумаги, подписанные императором. Генерал быстро пробежался по ним глазами и понимающе кивнул.

— Значит, идем на войну, — констатировал он. — Наконец-то. А то ребята от безделья уже с ума сходят. Что за дело? Набег? Штурм города? Карательная экспедиция?

— Не угадал, — улыбнулся Мортус, прихлебывая вино, и отмечая, что старый друг балует себя отменным напитком. — Особое задание.

— Вот не люблю я особые задания, — проворчал Зертус, падая в кресло. — Мне чем проще, тем лучше. А что может быть проще старого доброго набега, да с грабежом, да с поджогами, да с качественным геноцидом. Помнишь, Мортус, как мы чудили в молодости?

Владелец черного замка мечтательно улыбнулся. Да, было время. Тогда действительно все было просто, ясно и весело. Будучи юнцами, они с Зертусом состояли в отряде, в задачу которого входил непрерывный террор приграничных территорий Англэзии. Вот это действительно был праздник злодейства. Чего они только ни делали, какие только забавы ни придумывали. Одних способов казни изобрели штук пятнадцать. Добряки вдоль границы боялись их, как огня. Ходили жуткие слухи о черных всадниках, приходящих под покровом ночи и чинящих неслыханные зверства. Они не щадили никого. После них на месте селений оставалась выжженная земля, да людские головы, насаженные на колья.

— Эх, было времечко! — мечтательно протянул Зертус. — А теперь сию здесь с толпой бездельников, и плесневею от скуки. Ну, что там за особое задание? Кровь-то лить доведется, или опять сплошные маневры?

— Думаю, крови прольется достаточно, — пообещал ему Мортус.

— О, вот это уже интересно. Я за последние полгода ни одного добряка не убил. Уже злодеем себя чувствовать перестаю. Ну, куда идем? Я слышал, ты недавно гульнул в Форинге. Не он ли наша цель?

— Нет, дружище, — возразил Мортус. — Тут дело серьезнее, чем просто набег. Скажи, тебе доводилось слышать о Свиностае?

— Свино... ком? — поморщился Зертус.

— Свиностае, — повторил Мортус.

— Ну и имя, — расхохотался генерал.

— Имя смешное, а вот его обладатель не очень, — поморщился хозяин черного замка. — Он-то и есть наша цель.

— Что, на одного какого-то болвана бросят целый легион? — удивился Зертус. — Что же там за монстр такой?

— Да уж монстр, — серьезно ответил Мортус. — Поверь мне, его нельзя недооценивать. Я знаю. По себе.

— Ну, как скажешь, — протянул генерал. — Приказ есть приказ. Но этот Свиностае, он кто? Маг?

— Да я сам не пойму, — признался Мортус. — Но не в нем дело. Этот Свиностае заимел себе в союзники могущественного демона.

— Вот как! — выдохнул Зертус.

— Да. И поверь, этот демон очень силен. Я столкнулся с ним, и лишь чудом выжил.

— Против демона больше пригодились бы колдуны, — заметил генерал задумчиво. — У нас в легионе есть несколько, но они явно не того уровня, чтобы тягаться с таким монстром.

— О колдунах не волнуйся, — успокоил его Мортус. — Этот вопрос уже решен.

— В таком случае я не понимаю, зачем тебе легион?

Мортус одним глотком добил вино, поставил на стол пустой кубок, и мрачно проронил:

— Потому что не только империя положила глаз на этого демона. Смекаешь?

Генерал кивнул головой.

— Что ж, теперь картина ясна, — сказал он. — Ты займешься демоном, а мы добряками. Устроим им кровавую баньку, как в старые добрые времена.

— Да, и еще, пока не забыл, — произнес Мортус. — Хочу тебя предупредить. Со мной будет... как бы сказать... Консультант. И его ассистентка. Странные типы, зловещие, могут вызвать ненужные вопросы у рядового состава. Ты объясни своим подчиненным, чтобы не лезли к ним. Для их же блага.

— Консультант в каких вопросах? — осторожно спросил Зертус.

Мортус покачал головой, и со вздохом промолвил:

— Ох, дружище, лучше тебе этого не знать.

Глава 24

Злюка ощущала острейшую необходимость в пополнении своего бюджета. Последние деньги она спустила вчера днем, в небольшом городке, сквозь который проехала мимоходом. Случайно заглянув в кондитерскую лавку, беглая принцесса поддалась спонтанному импульсу, и накупила целую корзину сладостей. Вечер прошел волшебным образом — Злюка трескала сдобу до тех пор, пока та не полезла обратно. Во дворце беглянке и не снилось подобное изобилие. Мстительная одноглазая горничная принадлежала к числу убежденных сторонников здорового питания, придерживаясь той концепции, что все вкусное

одновременно является вредным. Злюке пришлось питаться чрезвычайно полезной и довольно гадкой едой. Теперь же она сполна вкусила прелестей свободы. Пища уже стояла в горле, но принцесса, охваченная неумемной жадностью, силой поместила в глотку последний пряник и пальцами протолкнула его внутрь.

Но если вчерашний ужин обернулся актом обжорства, то нынешним днем Злюке пришлось голодать. Еды не осталось ни крошки, а в карманах не завалилось ни грошика. Принцесса думала прибегнуть к проверенному методу улучшения финансового благополучия, но суровая реальность спутала ей все карты. Здесь, вблизи от границы, люди были злы и подозрительны. Все как один ходили с оружием и суровыми лицами, даже у последнего крестьянина за пояс был заткнут топорик, а из-за голенища выглядывала рукоять ножа. Иные и вовсе имели при себе весьма устрашающие орудия внушения, такие, как огромные дубины или косы. К тому же в деревнях обитала прорва злых собак, так и рвущихся покусать чужака за ноги. В итоге, оценив обстановку, и найдя ее неблагоприятной для благородного разбойничьего промысла, Злюка отказалась от идеи вооруженного грабежа. Она вернулась на дорогу, и продолжила свой путь на запад, стараясь игнорировать голодное урчание пустого желудка.

Во второй половине дня голодание приобрело невыносимый характер. Злюку не столько мучил физический дискомфорт, сколько возмущал сам факт того, что она, принцесса, и почти что черный рыцарь, вынуждена страдать от такого пустяка, как отсутствие пищи. Девушка решила, что этой несправедливости пора положить конец.

Спрятав свою лошадь в придорожной роще, Злюка с кинжалом в руке залегла на обочине, скрывшись в густой траве, и стала поджидать беспечного путника.

Ожидание затянулось. Злюка пролежала в засаде не меньше часа, но в тот момент, когда она уже почти отчаялась добыть себе пропитание, на дороге появились всадники. Тех было двое. Оба являлись мужчинами, и выглядели весьма солидно. Но Злюка к тому времени оголодала настолько, что готова была схватиться насмерть с дюжиной паладинов, лишь бы только у них оказались при себе пирожки с ливером.

По дороге, в сторону черного замка, двигались Мортус и Трокус. Они выехали вперед, чтобы подготовить все к прибытию легиона. Лорд Мортус планировал выступить на Свиностаза тотчас же, едва войско доберется до его владений. Это должно было произойти вскоре. Зертус заверил его, что будет на границе через пару дней.

— Как бы добряки не опередили нас, — с беспокойством заметил Трокус.

— Сплюнь! — суеверно потребовал Мортус, и черный рыцарь охотно поплевал через левое плечо.

Владельца черного замка и самого беспокоила возможность подобного исхода. Если войска Ангдэзии захватят демона первыми, у него едва ли получится отбить назад свой трофей. Для этого категорически недостаточно одного легиона и подразделения магов. Да и потом, император ведь приказал ему добыть демона и его хозяина, а не устраивать войну с добряками. А Дакрос очень не любил, когда его подчиненные превращали четко отданный приказ в конкурс самодеятельности.

— А где, интересно, зловещий Вася? — спросил Трокус.

— Сказал, что сам доберется до черного замка, — напомнил Мортус, которого, при одном воспоминании об этом жутком существе, пробрала дрожь. Хотелось бы ему знать, что оно такое, этот Вася. И почему он так жаждет разделаться со Свиностазом. Было у Мортуса предположение на этот счет. Он полагал, что и адский Свиностаз и жуткий Вася происходят

из одного мира, и что вражда между ними зародилась еще там, на их исторической родине. Возможно, Свиноста́с чем-то круто насолил Васе. Свиноста́с мог — этот тип недаром провозгласил себя новым темным властелином. Но и Вася не выглядел невинной овечкой. Кто он такой? Человек ли? Мортус не был в этом уверен. Возможно, еще один демон.

— Развелось этих демонов, — процедил он сквозь зубы.

— Что вы говорите? — переспросил Трокус, не расслышавший слов начальника.

— Говорю, развелось тут всяких, поналезло отовсюду, — произнес Мортус. — Мочить их всех надо. И Свиноста́са, и его демона, и... других.

— И добряков, — подсказал Трокус.

— Да добряки, они, вроде как, наши, привычные, — покачал головой Мортус. — Мы с ними сколько живем, столько воюем. Если вдруг одержим победу, то даже не знаю, чем займемся. Ты вот чем бы хотел заняться, если вдруг наступит мир?

Трокус затруднился с ходу ответить на этот вопрос. Он в совершенстве владел только воинским искусством — умел убивать и мародерствовать. Иным наукам его не обучили. Да они ему никогда и не требовались.

— Если бы удалось награть много золота, — неуверенно произнес он, — я бы купил себе замок.

— А дальше?

— Ну, жил бы в нем. А чего не жить-то?

Но Трокус кривил душой. Он точно знал, что мирная жизнь в замке будет для него подобна смерти. От безделья он быстро сопыется.

— Да кого я обманываю! — выпалил он. — Не хочу я мирной жизни. Пусть уж лучше эта война продолжается еще тысячу лет. Только какая прежде. Без всяких Свиноста́сов, демонов и прочей непонятной дичи. Чтобы все было просто и ясно — тут свои, там чужие, бери меч и руби с плеча.

Мортус ничего не успел сказать на это, поскольку на дорогу перед ними вдруг выскочила тощая девчонка в пыльной мужской одежде, и визгливо прокричала:

— Колбаса или жизнь!

В ее руке поблескивал кинжал, которым она размахивала перед собой, стараясь казаться страшнее, чем на самом деле.

— Сейчас я ее угощу колбаской, — мрачно проронил Трокус, медленно потащив из-за пояса кистень.

Но Мортус жестом остановил подчиненного. Он прекрасно видел, что девчонка происходит из благородного сословия. Об этом свидетельствовало и бледное лицо, в то время как физиономии крестьянок имели темный от загара цвет, и гладкая кожа на ладонях, никогда не знавших физического труда. Малолетка могла оказаться наследницей знатной и богатой столичной семьи, которая заплатит щедрое вознаграждение за ее возвращение.

— Отдавайте еду и деньги! — визгливо требовала девчонка, продолжая скакать по дороге перед лошадиными мордами.

— Тебя звать-то как? — спросил Мортус.

— Какое тебе дело до моего имени? — дерзко выкрикнула та.

— Положено ведь представляться при знакомстве. Разве нет?

— А я с вами знакомиться не собираюсь. Вот еще! Нужны вы мне, два хрыча! Я вас граблю. Разве не ясно?

— Так бы сразу и сказала, — иронично произнес Мортус. — Но вот беда — у нас с

собой ничего съестного. Совсем ничего. Ни крошечки. Трокус, у тебя ничего не завалилось?

Черный рыцарь беспомощно развел руками.

— Был ломоть пирога, свежего, с мясом, да я его час как затрепал, — признался тот.

При упоминании пирога по подбородку разбойницы потекли слюны.

— Видишь, еды нет, — подытожил Мортус.

— Тогда отдавайте деньги! — бушевала Злюка.

— И куда ты с ними пойдешь? В ближайшую деревню? Как только местные увидят у тебя золото, проживешь ты после этого минут пятнадцать. Приграничные жители суровы и скоры на разбой.

— Это не ваше дело, куда я пойду! — закричала Злюка, продолжая размахивать кинжалом. — Живо отдавайте деньги!

— Какая ты сердитая, — покачал головой Мортус. — Я уж было хотел пригласить тебя на ужин. У меня в замке лучшая повариха во всей империи. Готовит так, что пальчики оближешь. Но если тебя интересуют деньги, то, так и быть, держи.

И он потянулся к кошельку на поясе.

— Велю сегодня Грыже запечь поросенка на ужин, — мечтательно протянул Мортус, запустив руку в кошель. — Молочного. Сочного. С овощами.

По подбородку Злюки хлынула голодная слюна. Печеный поросенок! В перечне вредных блюд по версии одноглазой садистической горничной он занимал почетное первое место. Принцессе ни разу в жизни не доводилось вкушать печеного подсвинка.

— А какие соусы готовит Грыжа! — мечтательно протянул Трокус, подыгрывая своему господину. — Божественные! Кто вкусил те соусы, тот уже не страшится гибели. Зачем жить, раз познал высочайшее блаженство?

Захлебываясь слюной, Злюка пробурчала:

— Ладно, что ты там говорил о приглашении на ужин?

— Тебе же вроде бы деньги требовались, — напомнил Мортус. — Бери. Мне не жалко.

— Нет, я пойду на ужин! — уперлась Злюка. — Хватит за меня решать, что мне нужно, а что нет. Сказала — на ужин, значит — на ужин. Где твой замок? Далеко до него?

— Не слишком — ответил Мортус. — Можешь сесть к Трокусу, только сначала отдай мне свой ножик.

— Ха! — презрительно бросила Злюка. — Обойдешься, дядя! Ножик я не отдам никому. И вообще, у меня лошадь есть.

Она скрылась в роще, и вскоре вернулась обратно, таща за собой за уздечку безрадостную пегую кобылу. Животное выглядело печальным. С тех пор, как Злюка завладела четвероногим транспортом, она ни разу не удосужилась его покормить, зато была необычайно щедра на побои.

Выведя кобылу на дорогу, Злюка проворно взобралась в седло.

— Ну, поехали! — приказала она дерзко. — Пригласил на ужин — корми.

— Вот же наглая дрянь, — невольно восхитился Трокус.

По пути Мортус попытался выведать, с кем имеет дело. Он прикинул про себя, что если девчонка окажется беглой дочерью знатного рода, он может рассчитывать на солидную награду за ее возвращение в лоно семьи. Окажется еще лучше, если удастся завязать полезное знакомство с какой-нибудь столичной шишкой.

Но, что называется, не на ту напали. На все вопросы Злюка врала нагло и не краснея, на ходу сочиняя небылицы и часто противореча сама себе. Объясняя, кто она и откуда,

нагородила такую околесицу, что самой стало смешно.

— Ну, ладно, с этим разберемся позже, — произнес Мортус. — А что ты делаешь здесь, на приграничье? Эти земли не место для одиноких юных дев.

На прозвучавший вопрос Злюка ответила без запинки и с плохо скрываемой гордостью.

— Еду на войну! — выпалила она.

Мортус и Трокус обменялись удивленными взглядами.

— На войну? — переспросил владетель черного замка. — На какую конкретно войну?

— А мне без разницы, — пожалала плечами Злюка. — Лишь бы дали меч побольше и показали дорогу к добрякам. Желаю быть черным рыцарем.

Эту пафосную речь бесцеремонно прервал смех Трокуса. Ветеран не сумел удержаться, и расхохотался.

— Тебе смешно, старик? — злобно прошипела Злюка, с ненавистью косясь на него. — Находишь мои слова забавными? Мы можем обсудить это один на один.

— О, вот этого не надо, — попросил Мортус, которого тоже разобрал смех. — Пощади старого черного рыцаря.

Злюка уставилась на Трокуса.

— Ты черный рыцарь? — спросила она.

— Ну, не такой крутой и опасный, как ты, но да, — продолжая хихикать, ответил Трокус.

— Ага, понятно, — обиженно надулась Злюка. — То есть вот этот дряхлый морщинистый мешок может быть черным рыцарем, а я, получается, нет?

— Барышня, извольте следить за своим языком, — посоветовал Мортус. — И раз уж ты так помешана на черных рыцарях, то тебе должно быть известно, что в их ряды не принимают женщин.

— Это все дремучие предрассудки и оголтелый мужской шовинизм! — выпалила Злюка. — Дайте мне шанс. Я докажу, что достойна носить это гордое звание. Хочу убивать добряков. Очень.

Мортус не нашел что сказать, лишь покачал головой. Теперь картина была ему ясна. Юная дева из благородной семьи начиталась каких-то сказок и возомнила себя великой воительницей. После чего сбежала из дома и отправилась на передовую, на поиски славы и подвигов. Он решил подыграть ей, выведать информацию о ее семье, а затем вернуть сопливую героиню родным.

— Знаешь, а ведь ты, пожалуй, в чем-то права, — произнес Мортус. — Я вот тоже не понимаю, почему женщин не берут в черные рыцари. Трокус, а ты что думаешь?

— Думаю, что все когда-то случается в первый раз, — заметил ветеран.

— Вот-вот, — согласился Мортус. — Кто знает, вдруг тебе суждено стать первой женщиной, которую примут в орден.

— А я в этом и не сомневаюсь, — ответила Злюка, но уже не с вызовом и агрессией, а вполне добродушно, с изрядной ноткой самодовольства. — Мне бы только до добряков добраться, уж вы увидите, как я их буду резать и мучить.

— Это чем же тебе добряки так сильно насолили? — поинтересовался Мортус. — Ты их так ненавидишь, будто это что-то глубоко личное.

Злюка фыркнула.

— Ничем они мне лично не насолили. Вот еще! Просто ненавижу их, и все. Они же добряки. Разве этого мало? Все такие хорошие, правильные, друг другу улыбаются,

здороваются, желают всего хорошего... Тьфу! Аж с души воротит. Так и хочется собрать их всех в одном месте, брать по одному и резать. А остальные пускай смотрят и трепещут.

— Во зверюга! — покачал головой Трокус.

— А как иначе? — спросила Злюка. — Слишком много у нас в империи развелось доброты. Поэтому и не можем столько веков победить Ангдэзию. Я считаю, что залог успеха кроется в повышении уровня жестокости. Принцип должен быть таким: не убил добряка — день прожит зря.

— Ну, с таким настроем тебе прямая дорога на нейтральную полосу, — заметил Мортус. — Добряки туда часто заходят. Можешь устраивать на них засады и убивать в свое удовольствие.

— Это слишком мелко, — отмахнулась Злюка, не замечая иронических улыбок на лицах собеседников. — Единичные расправы не решат проблему. Только полномасштабный геноцид гарантирует окончательное торжество зла над добром. А иначе как мы построим всепланетное царство тьмы и ужаса?

— Да, планы у тебя, я гляжу, глобальные, — вздохнул Мортус. — О, смотри-ка, замок показался. Добряков у меня в меню нет, поэтому нынче вечером займемся печеным поросенком.

Злюка посмотрела вперед. В сгустившихся сумерках она разглядела далеко впереди черную громаду твердыни, что гордо высилась над окрестностями зловещим зубчатым контуром. Дорога тянулась прямо к ней сквозь вздыбленную землю, которую словно бы вывернули наизнанку.

Принцесса с затаенной радостью подумала о том, что теперь она стала еще на шаг ближе к своей мечте. Вот она уже и на границе. Оставалось выпросить у этих людей боевого коня, вороненые латы и настоящий проклятый меч, после чего можно отправляться в Ангдэзию и вершить над добряками жестокую расправу.

Со стен замка дозорные заметили своего господина, возвращающегося домой. Взревели трубы, медленно открылись тяжелые ворота. Трое всадников въехали сквозь арку внутрь крепостного двора.

Глава 25

Новые знакомые ничуть не погрели против истины, расхваливая таланты здешней поварахи. После отвратительно здорового питания, которому Злюка подвергалась на протяжении многих лет, устроенное пиршество поразило ее до глубины души. Никто ничего ей не запрещал. Она даже позволила себе бокал крепкого вина, которое тотчас же ударило в юную голову и разлилось по телу приятным расслабляющим теплом.

В большом обеденном зале черного замка за длинным дубовым столом разместилось множество гостей. В основном это были прибывшие из столицы колдуны и черные рыцари. Во главе стола восседал радушный хозяин дома. По сторонам от него разместились Трокус и Кригортус — глава колдовского отряда. Злюке досталось место в самом конце стола, там, где принято было сажать наименее титулованных и знатных гостей. Но она не роптала. Более того, узрев царящее на столе изобилие, принцесса забыла обо всем и со звериной жадностью набросилась на угощения. Ее неистовый аппетит не укрылся от внимания других гостей. Маги и черные рыцари косились на тощую девчонку в мужском платье, которая подметала пищу с такой яростью, будто последние три месяца прожила на хлебе и воде.

Прибытие долгожданного печеного поросенка Злюка наблюдала глазами, полными слез

отчаяния. К моменту появления главного блюда она успела наполнить себя пищей по самый кадык, и с горечью осознала, что больше в нее не влезет ни кусочка.

После того, как голод был утолен, Злюка позволила себе развесить уши. Многочисленные гости не обращали внимания на девушку, и вели свои разговоры при ней. И разговоры эти сразу же заинтересовали Злюка. Потому что речь в них шла о каком-то Свиностае, который, ни много ни мало, публично провозгласил себя новым темным властелином.

До сего момента это почетное звание носил только ее отец, император Дакрос. И вдруг еще какой-то темный властелин, взявшийся невесть откуда.

Злюка вся обратилась в слух. Она быстро выяснила, что ни маги, ни черные рыцари не видели этого Свиностаа своими глазами, а занимались лишь пересказом дошедших до них слухов. И слухи эти были мрачнее ночи. Свиностае приписывалось множество ужасающих деяний. Поговаривали, что тот имеет в услужении ручного демона, и еще целую кучу разных подельников повышенной кошмарности. Эта банда отъявленных мерзавцев обосновалась где-то на нейтральной полосе, на руинах древней крепости. И черны были творимые там дела. Одержимый неумной похотью Свиностаа занимался похищением и соращением юных дев. В своем логове он сформировал завидный гарем из числа прекрасных пленниц, силой принуждая тех к занятию разными непотребными деяниями. Он зол и лют. Он ест младенцев и детей постарше. В своей камере пыток он денно и нощно терзает всех, кто попадает к нему в лапы.

В принципе, ничего такого уж необычного Свиностаа не делал, и на первый взгляд мог сойти за образцового злодея. Если бы не одно важное обстоятельство: этот озверевший нечестивец в равной степени ненавидел как Ангдэзию, так и империю Кранг-дан. Со слов собравшихся за столом гостей, Свиностаа мечтал уничтожить вообще всех, и злодеев и добряков, а немногих уцелевших сделать своими рабами и стегать их плетью каждый божий день. Этого обезумевшего монстра следовало остановить любой ценой, ибо сила его возрастала с каждым днем. Быстрее возрастала лишь его неумная похоть.

Выслушав истории о новоявленном темном властелине, Злюка тут же прониклась к нему симпатией. Хоть кто-то в этом безнадежном мире шел верным путем — путем бескомпромиссного тотального уничтожения и подчинения всего живого. Война между королевством добра и империей зла безрезультатно велась уже сотни, если не тысячи лет. И у тех и у других случались мелкие победы, локальные успехи, но, по большому счету, они ни к чему не приводили. Изучая историю родного мира, Злюка неоднократно поражалась этому обстоятельству. Она не могла взять в толк, почему Кранг-дан еще не стер Ангдэзию с лица земли? Почему добряки еще живут на свете, хотя всем им давно положено принять зверски мучительную смерть? Напрашивался неутешительный вывод, что ни одна из сторон не рвется закончить эту войну победой. Как будто всех устраивает этот затянувшийся на века вялотекущий конфликт.

Злюку категорически возмущал подобный подход. Она считала, что зло должно восторжествовать повсеместно, а всех добряков следует убить и закопать. Ну а если темная империя недостаточно зла и жестока, то и она заслуживает уничтожения. Злюка желала принять активное участие в этом процессе, лично рубить, пытать и сажать на кол. Ей было решительно все равно, под чьими знаменами творить произвол и геноцид. А потому Свиностаа, новый темный властелин, в равной степени ненавидящий все живое, вызвал у нее нешуточный интерес.

Затем из бесед людей за столом она выяснила их дальнейшие планы. Оказалось, что ее папаша поручил хозяину этого замка, лорду Мортусу, пленить Свиноста и его ручного демона, и доставить обоих в столицу империи. Для этих целей тому были выделены немалые силы — отряд колдунов, плюс Безжалостный легион, который должен был вскоре добраться до приграничья. Намечалась нехилая заварушка, сулящая кровавые реки и горы трупов. Злюка решила, что она ляжет костью, но примет в ней участие, притом не важно, на чьей стороне.

Осознав, что ничего нового она уже не услышит, Злюка поднялась из-за стола и попыталась незаметно покинуть зал, дабы затем побродить по замку и поискать в нем что-нибудь интересное. Но зоркий взгляд лорда Мортуса отследил ее поползновение.

— Юная леди, должно быть, устала, и хочет пойти к себе, — произнес он, сделав знак слугам. — Проводите нашу гостью в приготовленные для нее покои.

Злюка не стала протестовать и покорно отправилась в выделенную для нее комнату. На ходу она строила планы по устранению приставленной к ней прислуги и последующему побегу, но вдруг выяснилось, что ничего этого не требуется. Слуги сопроводили ее до спальни, а затем просто удалились, предоставив гостью самой себе. Злюка не могла в это поверить. Во дворце за ней постоянно следили, одноглазая горничная вечно торчала под дверью и подслушивала. А здесь ее просто оставили одну, и даже не заперли дверь в комнату.

Дождавшись, пока в коридоре смолкнет шум шагов удаляющейся прислуги, Злюка открыла дверь и выглянула наружу. Там никого не оказалось. Тогда она тихонько выскользнула в коридор, притворила за собой дверь и отправилась осматривать достопримечательности.

Народу в замке хватало, многие из слуг и гостей замечали Злюку, но не обращали на нее никакого внимания. Вскоре беглая принцесса поняла, что таиться и красться не нужно, и стала бродить повсюду открыто, заглядывая во все незапертые помещения в поисках чего-нибудь интересного. Так ноги занесли ее в оружейное хранилище, где она смогла полюбоваться настоящими латами черных рыцарей, а так же предприняла попытку обнажить огромный меч, предназначенный для рубки добряков. Оружие оказалось тяжеловато для нее, к тому же оно было слишком велико, и не помещалось под одеждой. Пришлось смириться с тем, что украсть меч не выйдет.

Побродив по коридорам, Злюка вышла во двор, и долго гуляла там. Сунулась на конюшню и сосчитала лошадей, добралась до тренировочной арены, на которой в столь поздний час было пусто. Затем ноги вынесли ее к мрачному спуску в подземелье. Злюка в предвкушении потеряла ладони. Она не сомневалась в том, что у хозяина замка имеется личная камера пыток, где он в часы досуга подвергает мучениям пленных добряков. Запас добрых людей, соответственно, тоже должен был присутствовать. Злюка решила найти их и тайком умучить хотя бы одного.

Подземелья черного замка оказались обширны и более всего напоминали лабиринт. Злюка долго плутала по мрачным коридорам, и когда ей уже стало казаться, что она не сумеет самостоятельно найти выход, до ее слуха донеслись крики, полные боли и страдания. Принцесса возликовала. Вне всяких сомнений, где-то поблизости кого-то жестоко истязали.

Вскоре она ощутила запах гари и жареного лука, а затем разглядела впереди красноватый свет. Пройдя еще немного, Злюка выглянула из-за угла и поняла, куда завели ее ноги. Она попала в кухню.

Крики неслись оттуда, и Злюка быстро установила их источник. Тот являлся молоденьким парнишкой лет пятнадцати, который катался по каменному полу и закрывал руками свою многострадальную голову. А над ним, широко расставив могучие ноги, нависла исполинская фигура какого-то устрашающего существа.

В первое мгновение Злюке почудилось, что она наблюдает тролля. Затем, присмотревшись, принцесса сообразила, что никакой это не тролль, а просто огромная, невыносимо страшная, баба. И эта баба была занята довольно интересным делом. Орудя тяжелым кожаным фартуком, она методично выколачивала здоровье из худенького паренька, судя по его виду — кухонного работника. Тот извивался на полу, а всякий раз, когда фартук со страшным грохотом находил его плоть, издавал истошный крик. Чуть в стороне, выстроившись вдоль стены, стояли прочие кухонные сотрудники, бледные и напуганные, и полными ужаса глазами наблюдали за процессом истязания.

— Весело тут у них, — сделала вывод Злюка, немного понаблюдав за избиванием паренька. Все шло к тому, что юноша рисковал не дожить до утра. Страшная баба, похоже, решила наказать его до смерти. Впрочем, ожидать чего-то иного от такого чудовища было бы глупо.

Насладившись видом чужих страданий, Злюка пошла дальше. Она не сомневалась в том, что камера пыток где-то поблизости. В этом замке явно знали толк во зле. Если даже на кухне у них творится такое зверство, сколь же весело и лихо обстоят дела в пыточной? Наверняка там найдутся болезнетворные приспособления, о которых Злюке доводилось только читать в книжках. Различные высокотехнологичные механизмы, позволяющие свергнуть жертву в немислимую муку. Очень бы хотелось Злюке протестировать их на каком-нибудь добряке.

Миновав очередной поворот, Злюка резко остановилась, глядя прямо перед собой. Напротив нее высилась мощная дверь, дубовая, щедро окованная металлом, и запертая на целую пропасть огромных замков. Что могло скрываться за этой дверью? Сокровищница? Это вряд ли. Скорее уж та самая камера пыток, которую она так долго искала.

Замки на двери выглядели устрашающе, но у Злюки за плечами имелся кое-какой опыт взлома. А инструменты для этого ремесла — несколько металлических крючков, всегда были при ней. Дверь хорошо освещалась — на полочке подле нее горел стеклянный шар. Злюка вооружилась инструментами, и приступила к первому замку.

Все оказалось проще, чем она ожидала. Замки хоть и выглядели огромными и могучими, на деле были дешевыми изделиями, и вскрывались на раз. Не прошло и десяти минут, как Злюка справилась с последним из них, и бросила его на пол. Путь был свободен.

Принцесса осторожно приоткрыла дверь. За ней царил тьма. Тогда Злюка сняла с полки светящийся шар, и вместе с ним проникла внутрь помещения. И сразу же поняла, что это не камера пыток.

С горьким разочарованием Злюка осознала, что пробралась в чью-то спальню. Здесь не было никаких инструментов для причинения боли, зато стояла огромная кровать, на которой мог бы спать небольшой великан, могучий стол, монументальный стул и два больших сундука, запертых на амбарные замки.

— Вот зараза! — с горечью проронила Злюка.

Она уже собралась покинуть помещение, как вдруг до ее слуха донесся какой-то шорох. Мгновенно в руке принцессы очутился кинжал. Держа его перед собой, и освещая себе путь шаром, Злюка обогнула исполинское ложе, и застыла в изумлении.

На полу, забившись в угол, сидел голый мужчина. Его шею стягивал толстый металлической ошейник, который был соединен прочной цепью с торчащим из стены кольцом. Мужчина был молод, но грязь, многочисленные синяки, покрывающие его тело, и успевшая отрасти неряшливая борода, старили его. Еще больше лет накидывала ранняя седина, тронувшая его некогда золотистую шевелюру. Увидев перед собой Злюку мужчина вздрогнул, жалко заскулил и обхватил руками прижатые к груди колени. В его глазах застыл дикий безумный ужас.

Принцесса некоторое время любовалась находкой, а затем на ее лице расцвела счастливая улыбка:

— Личный раб! — выдохнула она. — Вот это да! Я столько лет просила отца подарить мне личного раба, а он все отказывался. Говорил, что слишком маленькая, а потом стал говорить, что ты, дескать, уже большая. А я так мечтала иметь ручного человека!

Что было, то было. С детских лет Злюку не оставляла мечта заполучить в свое распоряжение безответный объект для постоянных издевательств.

— А ты дрессированный? — спросила Злюка, положив светящийся шар на кровать, и сунув кинжал за пояс.

Андис ничего ей не ответил, только заскулил, как побитый щенок. После насильственного сожительства с Грыжей Антрекотовой он крепко повредился умом.

— Сейчас проверим, — решила Злюка. — Эй, раб. Сидеть!

Андис тотчас же принял положенную позу.

— Лежать!

Глотая слезы, бывший паладин растянулся на полу.

— Служить!

Андис встал на четвереньки и послушно завилчал задом.

— Дрессированный раб! — радостно воскликнула Злюка. — А что еще ты умеешь? Тебя учили бегать за палочкой?

Не дождавшись ответа, Злюка нахмурилась.

— Молчишь, — строго произнесла она. — Плохо тебя воспитали.

Она покосилась на стену, где в ряд висело несколько кожаных ремней, один другого шире и толще, и выбрала средний вариант. Сняв его с гвоздя, Злюка для пробы ударила ремнем по спинке кровати. Андис, пронаблюдав это, зарыдал и прижался к стене. Под ним начала растекаться лужа.

— Кто плохой мальчик? — требовала ответа Злюка, надвигаясь на него с ремнем. — Кто? Отвечай!

Из горла Андиса вырвался нечленораздельный вопль. Совместная жизнь с Грыжей не пошла ему на пользу. Бывший паладин погрузился в такие бездны безумия, что разучился внятно говорить. Впрочем, его семейная жизнь была такова, что бедняге приходилось либо мычать, либо кричать. В основном — кричать.

— Плохой человек! — покачала головой Злюка, занося ремень для удара. — Ну да я тебя воспитаю.

Но удар не состоялся, поскольку за спиной принцессы вдруг прозвучал грубый голос, полный нечеловеческой ярости.

— Ты кто такая? — прогремело под мрачными сводами.

Злюка стремительно обернулась, и увидела в дверях ту самую огромную и страшную бабу, которая на ее глазах избивала паренька фартуком.

Грыжа была в бешенстве. Она очень сильно ценила свое личное пространство и никогда не позволяла никому вторгаться в свои покои без разрешения. И вдруг какая-то сопливая девчонка не только влезла сюда, но и собралась поднять руку на ее мужа. За подобную дерзость Грыжа убивала на месте. Она и сейчас поступила бы подобным образом, если бы не одно обстоятельство. Мелкая дрянь была личной гостьей лорда Мортуса — Грыжа знала об этом. И убив ее, она неминуемо огорчит своего господина.

— Ой, простите, я просто искала уборную, — совершенно неубедительно соврала Злюка, бросая ремень на супружеское ложе.

— Прямо по коридору и налево, — замогильным тоном произнесла Грыжа, продолжая разделявать девчонку свирепым взглядом.

— Вот спасибо, выручили, — приторно улыбаясь, поблагодарила Злюка.

Она подошла к двери, и Грыжа нехотя шагнула в сторону, давая ей дорогу.

— Спокойной вам ночи, — вежливо пожелала Злюка, проходя мимо верховной кухарки.

Тяжелая рука упала на плечо принцессы. Огромные пальцы сжали его так, что затрещала ключица. Злюка вскрикнула от боли.

— Еще раз увижу здесь — съем заживо, — пророкотала Грыжа, нависнув над ней.

Злюка видела, что огромная баба не шутит. И ей едва ли не впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Потому что принцесса отчетливо осознала — да, эта огромная ужасающая женщина действительно может съесть ее живьем. И жевать она явно будет медленно.

— Простите, больше не буду, — пискнула Злюка, морщась от боли.

Грыжа еще какое-то время подержала ее плечо, а затем разжала пальцы. Злюка тут же сорвалась с места и бросилась бежать по коридору, провожаемая тяжелым взглядом потомственной людоедки.

Когда девчонка скрылась за поворотом, Грыжа вошла в свою комнату и захлопнула дверь. Ее страшный взгляд упал на Андиса.

— Как это понимать, муж? — прогремела Грыжа. — Только жена за порог, как ты уже строишь глазки какой-то сопливой кокетке?

Андис зарыдал в голос и обхватил голову руками.

— Нехорошо, муж мой, очень плохо, — покачала головой Грыжа, снимая с гвоздя самый толстый и тяжелый ремень. — Наши нежные доверительные отношения дали трещину. Придется принять экстренные меры.

Она надвинулась на Андиса, поигрывая ремнем. Тот не выдержал, и заорал во все горло.

— Все это для твоей же пользы, — пояснила Грыжа, занося ремень для удара. — Мы должны укрепить наши семейные узы.

Ремень обрушился на тело паладина. Тот завизжал так, что эхо его визга раскатилось по всему подземелью. Злюка, уже почти добравшаяся до выхода во двор, услышала его, и ощутила приступ жгучей зависти. Эта жирная страшная кухарка имела личного раба для истязаний и пыток, а она, принцесса, довольствовалась одними лишь мечтами. В этом просматривалась вопиющая несправедливость. Плюс к тому, Злюка чувствовала, что не сможет простить кухарке причиненной боли и, что куда важнее, нагнанного страха. Эта самка тролля еще пожалеет о своем поведении. Злюка твердо решила, что жестоко накажет ее за все.

Крик повторился. Андис орал так, что сотрясались стены подземелья. А в голове принцессы, меж тем, уже начал зреть очередной коварный план грядущего злодеяния.

Глава 26

Ближе к полуночи черный замок погрузился в сон. Все его обитатели, и слуги, и господа, и прибывшие гости, разошлось по своим покоям. Свет в окнах погас. Только на стенах продолжали полыхать факелы, мимо которых бродили немногочисленные караульные.

Ночка ожидалась спокойная. Стражники лениво переговаривались, поглядывая в окутавшую замок тьму, и согревая себя прихваченным в дежурство спиртным. Они тоже успели наслушаться историй о жутком Свиностае, но не верили, что у того хватит дерзости явиться сюда, в пределы черной империи.

В общем, опасаться, вроде как, было нечего.

Ровно в полночь собаки, которые до этого мирно спали на псарне, вдруг дружно пробудились и принялись суетливо бегать по вольерам. Вот одна из них, запрокинув голову, протяжно и громко взвыла, а вскоре к ней подключились прочие ее коллеги. Зловещий собачий вой разбудил слуг, которые пошли поглядеть, что происходит с животными. Собаки металась по вольерам, выли, рыли землю, пытаясь сделать подкоп, и вообще всем своим видом выражали сильнейшее беспокойство. Они будто бы почуяли приближение чего-то невыносимо ужасного. Чего-то такого, что побуждало их рвать зубами прутья клеток в стремлении обрести свободу и бежать прочь из черного замка.

Вскоре собачье поведение изменилось, и стало еще более пугающим. Они прекратили выть, сбились в кучу и затаили дружный трусливый скулеж. В глазах животных застыл великий ужас. И он быстро передался слугам, пришедшим навести порядок на псарне.

Солдат на стенах тоже встревожило поведение собак. Животные были прекрасно обучены, и не имели привычки брехать попусту. Уж если они подняли такой шум среди ночи, то имели на это вескую причину.

Страх охватил караульных. Теперь они уже не были уверены в том, что зловещий Свиностае, о котором ходило столько леденящих кровь слухов, не рискнет пожаловать к ним в гости. Об этом типе, провозгласившем себя новым темным властелином, ходили совершенно дикие небылицы. Рассказывали, будто бы в его подчинении находится целое войско демонов. Да и сам он, между прочим, на одну половину демон, а на другую еще кто-то — выдумщики еще не успели придумать, кто именно. Молвили, что Свиностае жесток и страшен, и все свободное время либо пытается пленников, либо совращает юных дев. На это последнее напирала особо, приписывая Свиностае невероятную похоть. По рукам уже ходила нарисованная каким-то умельцем серия гравюр, иллюстрирующих историю некой эльфийки, угодившей в лапы к Свиностае. Что он, окаянный, только с ней ни делал.

В общем, народная фантазия была ключом, и имея минимум исходных данных, легко и непринужденно додумывала все остальное сама.

Вот и прикинули стражники — а не Свиностае ли почуяли собаки? Если так, то самое время бить тревогу и поднимать гарнизон, иначе потом будет поздно. Когда на замок обрушится войско демонов во главе с развратником Свиностаем, понадобятся все силы, чтобы отразить эту страшную атаку.

Вскоре градус ужаса резко повысился. Караульные с удивлением и страхом обнаружили, что вся округа будто замерла в оцепенении. Смолкли все звуки жизни, и над миром повисла гробовая тишина.

Стражники с содроганием ждали, что вот сейчас окружающая их тьма вспыхнет

сотнями огней, и на стены полезут демоны всех мастей и размеров, но вместо этого до их слуха донесся ритмичный скрип тележных колес. А затем во мраке они разглядели одинокий крошечный огонек. То был свет лампы, освещавший путь одинокой повозке.

Повозка медленно подползла к воротам и остановилась. Со стены солдаты разглядели сидящую на козлах фигуру. Когда возница сбросил с себя капюшон и задрал голову, стражники вздрогнули — им почудилось, что повозкой управляет бледный призрак. И лишь присмотревшись внимательнее, они поняли свою ошибку. То был не призрак, а мертвенно-бледная девушка.

Тут солдаты вспомнили слова лорда Мортуса. Тот предупредил их, что в замок должна прибыть некая парочка — загадочный консультант Вася и его ассистентка, бледная девица по имени Гэла. Но никто не ждал, что этих двоих принесет среди ночи.

После выяснения личностей оказалось, что прибыл-таки консультант. Заскрипели ворота, и повозка медленно въехала во двор. Ее тут же окружили стражники, желая проверить, нет ли внутри посторонних людей.

— Разве ваш господин не предупредил вас о нашем прибытии? — спросила у них Гэла.

— Предупредить-то предупредил, — ответил ей один из стражников, — но повозку мы осмотреть обязаны. Кто там внутри?

— Консультант Вася.

— А еще?

— Больше никого.

— Ну, пусть тогда этот Вася выйдет наружу, а мы осмотрим экипаж.

Гэла пожала плечами, и бросила:

— Как пожелаете.

Вот только желание что-либо осматривать у стражников резко пропало, едва наружу выбрался сам консультант. Притом напугал их не столько внешний вид закутанной во все черное фигуры, сколько распространяемый ею аромат. От консультанта несло смертью и разложением. Солдатам почудилось, что под черной материей скрывается не живой человек, а хорошенько подгнивший труп. Впрочем, такое едва ли могло быть, поскольку трупы не имели привычки ходить и разговаривать, а вот консультант Вася делал и то, и другое.

— Так вы хотите осмотреть мою повозку? — спросил он у них.

Голос его был глух и страшен. Он словно звучал из разверстой могилы, в глубине которой жирные белые черви жадно пожирали распухшего мертвеца.

Стражники попятились, трусливо бормоча молитвы.

— Вот повозка, — сообщил Васек, указав рукой на свой экипаж. — Прошу. Не стесняйтесь.

Но не нашлось среди солдат храбреца, который решился бы подойти к этой адской телеге. Все почему-то пришли к единодушному выводу, что заглядывать в повозку не стоит. Одним демонам было ведомо, что могло поджидать их внутри.

— Да ладно, обойдемся и без досмотра, — заикаясь от ужаса, произнес один из стражников. — Что там осматривать? Повозка как повозка.

— Что ж, дело ваше, — равнодушно произнес Васек.

— Для нас уже приготовили покои? — спросила Гэла. — Мы с моим господином хотели бы отдохнуть после долгой дороги.

— Да, да, все готово, — заверил их стражник. — Лорд Мортус распорядился поселить вас в подземелье. Он сказал, что вы сами настаивали на этом.

— Так и есть, — подтвердила Гэла. — У господина Василия аллергия на солнечный свет. Он его решительно не переносит. Ну, раз все готово, то ведите нас.

Тут возникла заминка — никто из стражников не хотел сопровождать страшную парочку в подземелье. Наконец, на эту самоубийственную роль выбрали молодого солдата, всего месяц как поступившего на службу. Он тоже не хотел, но сдался под натиском старших товарищей.

Юнец повел гостей в подземелье. Шел впереди, слышал за собой звук шагов двух страшных людей, и едва не падал в обморок от ужаса. Когда спустились под землю, стало еще страшнее. В глухой тишине каменных катакомб он четко слышал дыхание бледной женщины, а вот ее спутник, похоже, не дышал вовсе. Плюс в замкнутом пространстве заметно усилился запах тлена. Несчастливого стражника не оставляло ощущение, что за его спиной по подземелью шагает разлагающийся труп.

Апартаменты, подготовленные для жутких гостей, располагались в самой глухой и темной части катакомб. Их заранее прибрали, принесли необходимую мебель и застелили кровать свежим бельем. На вкус молодого стражника в этой мрачной сырой норе с голыми каменными стенами невозможно было почувствовать себя уютно, но гости остались довольны своим временным жильем.

— В повозке находится наш сундук, — сообщила Гэла солдату, который уже готовился унести отсюда ноги. — Будьте так любезны, доставьте его сюда.

— Ага, — кивнул стражник, пятясь к выходу. — Сейчас. Будет сделано.

— Только не вздумайте открывать его, — предупредила Гэла. — Вам ясно?

Юнцу все было ясно. Ему бы и в голову не пришло копаться в вещах этой жуткой парочки.

Сундук оказался большим и тяжелым — четверо стражников с трудом дотащили его до покоев консультанта, и поставили в углу. Затем бледная женщина выдала каждому из них за труды по серебряной монетке. Но эти деньги не были солдатам в радость. Все, чего им хотелось, это скорее покинуть мрачное прибежище жуткого консультанта.

Когда дверь за ними закрылась, Гэла заперла ее на прочный дубовый засов, и повернулась к Ваську.

— Ты, должно быть, проголодался, мой милый? — спросила она ласково.

— Не так сильно, как ты думаешь, — глухо произнес Васек. — Мне ведь довелось перекусить в дороге.

— Да когда это было, — отмахнулась Гэла.

На самом деле, дорожный перекус состоялся не так уж и давно. Их повозка тащилась по пустынной дороге, мимо роц и пустырей, когда впереди показалась крестьянская телега, что двигалась им навстречу. В телеге сидели двое — парень и девушка. Оба молоденькие, румяные, довольно вкусные на вид. Гэла, уже успевшая изучить вкусовые пристрастия своего возлюбленного, быстро сообразила, что эти двое придутся ему по душе.

Все прошло по отработанной схеме. Гэла, прикинувшись хорошей, заявила парочке, что заблудилась, и попросила объяснить ей дорогу. Молодые люди, не подозревая о нависшей над ними опасности, охотно откликнулись на просьбу, и попытались честно помочь одинокой путнице. Ну а путница дождалась удобного момента, и пустила в ход припрятанную под одеждой дубинку. Прилетело парню, да так крепко, что тот без чувств рухнул на землю. Девушка закричала и попыталась спастись бегством, но тут из повозки выскочило нечто в черном одеянии, схватило ее и, слегка придушив, лишило сознания.

Парнем Васек перекусил прямо там, на обочине. Делать это пришлось впопыхах, из опасения, как бы на дороге не появились ненужные свидетели. Если бы тех оказалось один-два, то не беда, но столкновение с большей группой крестьян могло обернуться ненужными проблемами. В итоге Васек перекусил на скорую руку — сжевал немного мяса, да похлебал теплой кровушки. Червячка заморил — не более того.

А его червячок разрастался с каждым днем, обретая все более ненасытный аппетит. Жажда крови и плоти непрерывно мучила Васька. Будь его воля, он бы только тем и занимался, что непрерывно убивал и пожирал людей. Но у него была цель. Цель, которая возвратила его с того света, и даровала новую странную и противоестественную жизнь. Ненависть к Свиностапу оказывалась сильнее кровожадности. Ради того, чтобы добраться до Стасика, Васек готов был даже голодать. Впрочем, ему почти не приходилось этого делать. Либо Гэла, либо случай исправно снабжали его кормежкой.

Когда снаружи стихли шаги удалившихся солдат, Гэла подошла к сундуку, и отперла замок. Затем, поднатужившись, откинула тяжелую крышку. Внутри, связанная по рукам и ногам, с огромным кляпом во рту, лежала захваченная на дороге девушка. Ее приятель остался валяться на обочине, а ей предстояло стать ужином. Бедняжка только-только пришла в себя, с трудом разомкнув тяжелые веки. Увидев над собой бледное лицо встреченной на дороге женщины, девушка попыталась закричать, но из-под кляпа просочилось чуть слышное мычание.

— Не надо бояться, — хищно улыбнулась Гэла. — Скоро все закончится. Осталось недолго.

Рядом с бледной женщиной появился некто в черном одеянии. Он наклонился, легко поднял связанную девушку и извлек ее из сундука. Затем, осмотревшись, бросил тело на большой стол.

— Приятного аппетита, — пожелала возлюбленному Гэла. Сама она уже пару дней ничего не ела, обходясь какими-то случайно перепадавшими крохами, но это ее ничуть не заботило. Главное, чтобы ее загробный Вася регулярно получал положенное ему питание.

Васек сбросил с головы капюшон. Связанная девушка увидела серое лицо мертвеца, и вновь попыталась закричать, но кляп почти полностью заглушил ее вопль. Чужая близость теплой крови, Васек разорвал платье на животе у пленницы, и, резко наклонившись, впился черными гнилыми зубами в ее розовую кожу. Девушка громко мычала и извивалась на столе, Васек, жадно чавкая, вгрызался в ее плоть. Гэла довольно улыбалась, наблюдая за вечерней трапезой возлюбленного.

Когда Васек отужинал, он поднял бездыханное тело со стола и бросил его обратно в сундук. Гэла захлопнула крышку и заперла замок.

— Пора в постель, любимый, — проворковала Гэла, строя Ваську глазки.

Тот облизнул черным языком окровавленные губы, и его уста тронула жуткая улыбка.

Глава 27

Весь следующий день прошел в хлопотах. Лорд Мортус объявил на своих землях мобилизацию, разослав своих людей по всем подконтрольным ему деревням. Легион легионом, но лорд Мортус решил прихватить в поход и верный себе личный контингент. Ближе к вечеру к замку начали стягиваться отряды добровольцев. Окрестные крестьяне никогда не упускали случая нагрянуть к добрякам и хорошенько пограбить. У каждого из землепашцев и пастухов в кладовке были припрятаны кольчуга, шлем, щит и топор с копьём.

И стоило их лорду кинуть клич, как мирные хлеборобы в одночасье превращались в орду убийц, насильников и отчаянных мародеров. Такова была специфика жизни на приграничье. Все здесь было пропитано духом войны, даже крестьяне и те представляли собой существ двойного назначения. Вот они пахут землю и пасут скотинку, а вот уже режут, жгут и грабят.

Уходящих в поход мужчин провожали жены и дети. Бабы в ультимативной форме требовали от идущих на промысел супругов не возвращаться домой без большого мешка трофеев, дабы не было стыдно смотреть злым людям в глаза. Ребятишки просили отцов и братьев принести им гостинцев. Особо ценились трофейные игрушки, запятнанные засохшей кровью бывших владельцев.

Во второй половине дня в замок примчался гонец, и доложил лорду Мортусу о том, что Безжалостный легион снялся с места и сейчас направляется на запад, в сторону границы.

— Ну и славно, — сказал владетель черного замка. — Пока они подтянутся, и мы успеем подготовиться.

За всеми этими хлопотами Мортус едва не забыл о своей юной гостье. Когда же он вспомнил о ней, и осведомился у слуг, те сообщили нечто неожиданное. А именно, что девица ведет себя удивительно смирно, не хулиганит, куда не надо не лезет, вместо чего почти все время сидит в своей комнате. Лорду Мортусу не очень-то понравилась эта резкая перемена в поведении новой знакомой. Он приказал слугам зорко приглядывать за девчонкой до своего возвращения из похода. Владетель черного замка нутром чуял, что эта мелкая чертовка что-то затевает.

И чутье не подвело старого воина. Злюка действительно кое-что затевала. За неполные сутки ей уже надоело в черном замке. Делать тут было нечего. Местные обитатели собирались идти войной на Свиноста́са, но брать ее с собой не желали. Она попыталась напроситься на войну, с каковой целью обратилась к Мортусу, но тот даже слушать ее не стал. Вместо чего посоветовал той готовиться к скорому воссоединению с семьей.

Злюка смекнула, к чему клонит этот старый злодей. Тот собирался вернуть ее любящему папеньке. К счастью, Мортус не знал, кто она такая, а то бы он уже давно сделал это.

Злюка решила, что погостила, и будет. Пришло время двигаться дальше. Куда именно — с этим она уже успела определиться. Раз уж империя зла не желала дать ей шанс проявить себя, она отправится туда, где ее таланты сумеют оценить по достоинству. А именно к новому темному властелину Свиноста́су.

Злюка не привыкла тянуть дракона за хвост. Она стремительно строила планы и столь же стремительно осуществляла их. И этот раз не стал исключением.

Подготовка к походу шла планомерно и успешно. Все дела были сделаны, и Мортус, отужинав в компании чародеев и черных рыцарей, решил сегодня лечь пораньше. Чуяло его черное сердце, что начиная с завтрашнего дня покой ему будет только сниться, и продлится все это до тех пор, пока он не срубит голову Свиноста́су и не привезет императору плененного демона. Он заперся в своих покоях, принял в медицинских целях стаканчик красного, и уже приготовился упасть на кровать. Приготовился, но не упал. Потому что внезапно вспомнил, что не видел за ужином подобранную на дороге девчонку. Мортус успел забыть о ней, закрутившись в делах, а слуги, меж тем, не сочли нужным сообщить ему, почему гостья пропустила вечернюю трапезу.

— Надо распорядиться, чтобы проверили, как там она, — проворчал лорд Мортус, который понял — пока он не убедится, что с девчонкой все в порядке, он не сможет

спокойно уснуть.

Он уже хотел позвать стражника и отдать ему соответствующее распоряжение, но сделать этого не успел. Снаружи донеслись крики. Звучащее в них возмущение быстро сменилось воплями боли и ужаса. Мортус стремительно схватил и обнажил свой меч. Если в замок проникли враги с целью убить его, им придется постараться, чтобы исполнить свое гнусное намерение.

Крики из коридора звучали все громче. Мортус узнал голос одного из своих стражников. Тот вопил так, будто демоны зажали его мошонку в тиски. Затем закричал еще один солдат. Ему, похоже, тоже что-то куда-то зажали. Лорд Мортус отступил от двери, подняв перед собой обнаженное оружие. Пожалел, что нет времени облачиться в доспехи. Вороненая сталь была куда более надежной защитой, чем черная льняная пижама в белые черепа.

Он услышал снаружи грохот тяжелых шагов. Что-то приближалось к его покоям. Что-то огромное и жутко страшное. Затем в дверь опочивальни яростно забарабанили чьи-то тяжелые кулаки.

— Входите, входите, добрые люди! — выкрикнул Мортус. — Я не дамся вам живым. Вы дорого заплатите....

На подобный случай у него была заготовлена целая речь, долгая, пафосная, многократно отрепетированная перед зеркалом, но произнести ее всю Мортусу не удалось. Потому что из-за двери вдруг прозвучал знакомый голос Грыжи Антрекотовны.

— Господин! — выла кухарка. — Господин, отоприте! Беда, господин!

Не выпуская из рук меча, Мортус приблизился к двери и отодвинул засов. В тот же миг в его покои влетела Грыжа. За ее спиной, в коридоре, Мортус разглядел свою стражу. Та валялась на полу и корчилась от боли. Похоже, солдаты совершили фатальную ошибку, предприняв попытку остановить Грыжу. И жестоко заплатились за это.

Верховная кухарка имела растрепанный и безутешный вид. По ее рябым щекам катились потоки слез, вечно злобные глаза покраснели от горьких рыданий. Грыжа заламывала руки и выла белугой. Такой свою повариху Мортус еще не видел. Вот от самой Грыжи люди плакали постоянно, но чтобы вдруг разревелась она сама — да как такое возможно? Ни одна слезинка не возникала на ее глазах, даже когда кухарка голыми руками давила лук, выжимая из него сок.

— Грыжа, что с тобой? — спросил Мортус. — Что тебя ко мне привело в столь поздний час?

— Горе! — взвыла Грыжа, и слезы хлынули из ее глаз с новой силой.

— Так, объясни-ка все спокойно, — потребовал Мортус, возвращая меч в ножны. — Что у тебя стряслось?

— Меня обокрали! — всхлипывая, визгливо закричала Грыжа.

Мортус ушам своим не поверил. Кто мог обокрасть Грыжу? Кто этот одержимый суицидальным синдромом мазохист? Таких в черном замке точно не было. Поэтому Мортус предположил, что дело кроется в обычном недоразумении. Вероятно, Грыжа потеряла что-то, дорогое ее людоедскому сердцу, но по ошибке решила, что этот предмет похитили. Однако в этом деле следовало разобраться поскорее, пока верховная кухарка, в расстройстве чувств, не перекалечила половину обитателей замка.

— Что конкретно у тебя пропало? — спросил Мортус, наполнив бокал вином и протянув его Грыже. Кухарка залпом осушила кубок, и выпалила:

— Муж!

Мортусу показалось, что он ослышался.

— Прости, что? — переспросил он.

— Муж! — взвыла Грыжа.

Нет, ошибки не было. Грыжа сказала именно то, что сказала.

Вот уж не знал Мортус, что Грыжа успела выйти замуж. Ему стало интересно, кто тот безумец, решивший связать свою судьбу с этакой женщиной.

— Грыжа, давно ли у тебя появился муж? — спросил Мортус. — И почему ты ничего о нем не рассказывала?

— Недавно, — громко всхлипывая, ответила кухарка. — Наша любовь вспыхнула с первого апперкота. Мы были так счастливы, так счастливы....

— Но почему ты думаешь, что твоего мужа непременно похитили? — спросил Мортус. — Может быть, он просто куда-то отлучился по своим делам, и вскоре вернется?

— Не мог он никуда отлучиться, — возразила Грыжа. — Я его цепью к стене приковала.

— Ага, понятно. Ну, может быть, он сам освободился и сбежал....

— Да нет же! Нет! — размазывая слезы по щекам, возрыдала Грыжа. — Это все она! Разлучница! Я сразу поняла, что она положила глаз на моего мужа.

— Она, это кто?

— Та тощая девчонка! Она пробралась в мою комнату и кокетничала с мужем! Как я только не убила ее на месте? Почему не убила? А ведь я еще тогда почувяла беду....

Тут Мортус понял, о ком идет речь, и ему стало не по себе.

Пришлось отложить ранний отход ко сну. Одевшись, Мортус в сопровождении Грыжи и стражников отправился проверить комнату своей гостьи. Как и ожидалось, та была пуста. Ну, не совсем пуста. На полу у кровати покоилось бесчувственное тело слуги, которому поручили следить за девушкой. Осмотр бессознательного тела выявил огромную шишку на его затылке, оставленную тесным контактом с твердым тупым предметом. Твердый тупой предмет тоже не пришлось искать долго — им оказалась лежащая рядом с жертвой дубовая ножка от стула.

Затем был проведен осмотр предполагаемого места злодеяния, а именно апартаментов Грыжи. Могучая цепь, которая прежде удерживала мужа у семейного очага, осталась нетронутой, вот только чьи-то ловкие и умелые пальчики вскрыли замок ошейника.

— Здесь был мой муж, — разрыдалась понесшая утрату Грыжа. — А теперь его нет!

Она сжала огромные кулаки и страшным голосом провозгласила:

— Я жажду крови!

— Едва ли девчонка могла покинуть замок, — заметил Мортус. — Никто бы не выпустил ее за ворота. Нужно все обыскать.

Но делать этого не пришлось. Потому что прибежал запыхавшийся солдат, и доложил лорду о совершенной диверсии. Кто-то подсыпал в кашу стражникам неизвестную дрянь, которая не лучшим образом сказалась на общем самочувствии личного состава. Отряд караульных, призванный охранять ворота, был полностью выведен из строя. Кто-то просто не успел добежать до уборной, другим досталось крепче, и они без сил валялись на полу, корчась от кишечной боли.

— Вот же дрянь! — выдохнул Мортус, пораженный тем количеством вреда, который умудрилась нанести такая маленькая и тощая девчонка.

Примчался вызванный господином Трокус, и спросил, что случилось. Его поспешно ввели в курс дела.

— Я как чувствовал, что эту сопливую мерзавку нужно было прибить прямо там, на дороге, а не тащить с собой в замок, — проворчал ветеран.

— Нужно скорее отправить погоню! — требовала Грыжа. — Я чувствую — мой муж близко.

В иной ситуации так бы и сделали, но Мортус не мог позволить себе отвлекаться на что-либо в свете грядущей военной операции. Приказ императора был куда важнее, чем похищенный у кухарки муж.

— Нет, Грыжа, — сказал ей Мортус. — Нам придется отложить поиски похитительницы. Прежде нужно разобраться со Свиностасом.

Как и ожидалось, Грыжа не пришла в восторг от подобных слов. С ее уст сорвался ужасающий рев, который разнесся по всем окрестностям, и заставил вздрогнуть всех, кто услышал его. Затем искаженное гневом лицо кухарки приняло кошмарное выражение, и она выдохнула:

— Гуляш! Это все он!

— Кто? — переспросил Мортус.

— Что? — удивился Трокус.

— Это он подослал разлучницу, чтобы та увела моего мужа! — взревела Грыжа, обрушив руки на каменную стену. Кулаки выдержали, стена пошла трещинами.

— Кто такой гуляш? — спросил Мортус.

— Вы зовете его Свиностасом, — заливаясь слезами, взвыла Грыжа. — Он лишил меня мужа. А я лишу его жизни!

— Зачем Свиностасу похищать твоего мужа? — спросил Трокус. — И кстати, откуда у тебя вообще муж?

Грыжа бросила на Трокуса зверский взгляд. Ветеран невольно попятился от безутешной кухарки.

— Я иду за своим мужем! — выпалила она, как бы предостерегая всех, кто попытается ее остановить, что это плохо для них кончится.

— Слушай, мы скоро все пойдем войной на Свиностаса, — попытался успокоить ее Мортус. — И ты тоже пойдешь с нами. Если твой муж у него, мы его вернем.

— Правда? — всхлипывая, спросила Грыжа.

— Конечно.

— Разлука с любимым невыносима, — призналась кошмарная кухарка.

— Ну, ты уж потерпи несколько дней. Вернем мы твоего мужа. Мне прямо интересно на него взглянуть. А насчет той девчонки....

— Я съем ее заживо! — рявкнула Грыжа. — Начну с ног. Буду жевать медленно.

Всем вокруг стало ясно — кухарка не шутит. Действительно съест. И именно что заживо. И лучше бы никому не вставать на пути у кошмарной мстительницы.

Глава 28

— Так ты у нас совсем, что ли, не разговариваешь? — спросила Злюка, мощно наворачивая прихваченное в дорогу продовольствие. Наученная горьким опытом, в этот раз беглая принцесса проявила завидную предусмотрительность, и запаслась провиантом. Притом не какими-то детскими сладкими пряниками и конфетами, а суровыми мужицкими сухарями и солониной.

Андис, к которому и был обращен вопрос, сильно вздрогнул, и со страхом уставился на

свою новую хозяйку. Он не проронил ни слова в ответ. Он вообще не разговаривал с тех пор, как пережил столкновение с величайшим ужасом на свете. Первая брачная ночь с Грыжей Антрекотовной нанесла ему тяжелейшую психологическую травму. А последующая совместная жизнь с верховной кухаркой лишь усугубила полученное увечье. Подвергаясь систематическим избиениям, насильственному кормлению и сексуальным пыткам, Андис утратил остатки разума. Он не помнил свою прошлую жизнь и со скрипом воспринимал окружающий мир. Все вокруг виделось ему серым и страшным, а в каждом человеке несчастному паладину мерещилась она — единственная и неповторимая Грыжа Антрекотовна, оживший ночной кошмар, всем монстрам монстр.

— Ты немой, или тебе просто сказать нечего? — не унималась Злюка. — Учти, я умею развязывать языки.

Но эта угроза прошла мимо цели. Миновав семь кругов семейного ада, Андис погрузился в такую пучину страха, что трясся непрерывно. Его в равной степени пугало все. Повсюду ему мерещилось зло, везде виделись чудовища. А стоило где-то поблизости раздаться какому-нибудь резкому звуку, бывший паладин издавал пронзительный вопль и пускал под себя лужу. Ибо ему казалось, что он слышит подбирающуюся к нему жену.

Жена! Это страшное слово заставляло Андиса содрогаться и биться в рыданиях. За то недолгое время, в ходе которого он находился в плену семейного счастья, на его голове не осталось ни одного золотистого волоска. Его некогда прекрасная шевелюра приобрела грязно-белый цвет досрочной седины. Что было неудивительно, ибо Андису довелось повидать то, что не должно наблюдать очам простого смертного — обнаженную Грыжу Антрекотовну.

Они разбили лагерь в тени большой группы невысоких кривобоких деревьев. Империя Кранг-дан маячила в отдалении узкой полоской зелени. Час назад они переправились через реку, обозначающую границу темной державы, и теперь формально находились на нейтральной полосе. Правда, тут еще было много зелени, травы под ногами, встречалась кое-какая мелкая живность, вроде насекомых или грызунов, чьи норы густо испещряли землю. А вот дальше на запад серело голое мертвое пространство, уходящее вдаль до линии горизонта. Земля, навеки убитая бесконечной войной, обиталище чудовищ и конченных мразей, которых отвергло и королевство добра и империя зла. Именно в это прекрасное место и держала путь Злюка. Где-то там, посреди нейтральной полосы, высилась цитадель мрака, обитель ужаса, мрачный оплот боли и страданий — логово Свиноста.

Забросив в рот сухарь, Злюка мечтательно воззрелась на запад. Скорее бы уже начать злодействовать. Она очень надеялась, что Свиноста не окажется таким же нерешительным импотентом, как ее отец, и не станет тянуть с завоеванием мира. Хорошо бы он начал это дело в ближайшие дни. Злюка не сомневалась в том, что такой великий злодей, как Свиноста, разглядит в ней бездну талантов и тут же примет на службу. А уж она-то его не подведет. Ей бы только дали меч да безнаказанность, тут-то она себя и покажет во всей красе.

Злюка поднесла к губам второй сухарь, подняла взгляд, и обнаружила, что Андис следит за ее трапезой голодными обреченными глазами запуганного щеночка. Как только он поймал на себе ее взгляд, то поспешно отвернулся. Но было поздно.

— Кушать хочешь? — спросила Злюка добродушно.

Андис понял ее и отрицательно затряс головой.

— Да ты не стесняйся, — предложила Злюка. — Если хочешь — просто скажи.

Тут она пошла на хитрость, очень желая разговорить ручного раба. Нотот продолжал упорно помалкивать. Притом Злюка отлично видела, что раб не столько выдрессирован, сколько запуган. Вспомнив огромную страшную бабу, являющуюся бывшей владелицей раба, Злюка этому не удивилась. Верховная кухарка действительно была страшнее самого страха.

— Не умеет эта великанша с людьми обращаться, — покачала головой Злюка. — Их надо дрессировать, а не доводить до безумия. Какой прок в безумце? Его же мучить неинтересно. Верно?

Последний вопрос она адресовала Андису, и тот быстро кивнул головой, не потому, что тоже так считал, а просто у него уже выработался рефлекс. Тут тоже постаралась Грыжа. Она частенько спрашивала у него, хочет ли он покушать, или не желает ли он порадовать ее в постели, или не считает ли он необходимым получить порцию ударно-порочного довольствия. И очень несладко приходилось Андису, если хоть на один вопрос он отвечал отрицательно. Так что теперь, едва у него что-нибудь спрашивали, Андис согласно кивал головой.

— Ну, ничего, я за тебя возьмусь, — пообещала Злюка. — Придется, конечно, попотеть, исправляя воспитательные ошибки этой жуткой Грыжи....

Едва прозвучало имя самопровозглашенной супруги, как с уст Андиса сорвался пронзительный крик ужаса. Паладин обхватил себя руками, упал за землю и принялся жалобно скулить.

— Впрочем, стоит отдать должной кухарке — действовала она непрофессионально, но крайне эффективно, — вынуждена была признать Злюка.

Это воистину было так. Не имея профессиональных навыков дрессировщика Грыжа, действуя интуитивно, все же сумела добиться отрядных результатов. Ее садистская интуиция безошибочно подсказывала ей нужные методы и дозировку воспитательных процедур.

Злюка припомнила свой побег из черного замка и невольно улыбнулась. И эти люди еще называли себя героями зла? Как они могли рассчитывать на победу над Ангдэзией, если не сумели удержать тощую безоружную девчонку? Вопиющий непрофессионализм тамошнего контингента лишний раз убедил Злюку в том, что с темной империей ей не по пути. Если кто-то и сумеет свергнуть этот мир в пучину хаоса, ужаса и истребительной войны, то только Свиностаc. На него одного оставалась вся надежда.

Злюка взяла из сумки сухарь, и бросила его Андису. Было жалко тратить пищу на раба, но Злюка являлась ответственной хозяйкой, и знала — питомцев необходимо кормить. Если этого не делать, они очень быстро умирали. Злюка это проверяла опытным путем, притом много раз — за свое детство она уморила голодом восемь щенков, пятерых котят и сорок три хомяка. Оно, в принципе, того стоило — было забавно наблюдать за жуткими мучениями моримой голодом живности. Но личный раб, это не какой-то хомяк. Это серьезный питомец, о котором необходимо заботиться.

— Ешь, — приказала Злюка.

Андис со страхом уставился на лежащий перед ним сухарь, но протянуть к нему руку побоялся.

Злюка тяжело вздохнула.

— Ешь, или позову Грыжу!

Имя любящей жены волшебным образом подействовало на бывшего паладина. Он молниеносно схватил сухарь и проглотил его целиком, не жуя. А Злюке только и оставалось, что лишний раз поразиться силе внушаемого верховной кухаркой ужаса. И ужас этот был

воистину велик. Даже когда Злюка повторно пробралась в покои Грыжи, и сняла с Андиса ошейник, тот и не подумал куда-то бежать. Он не хотел идти с ней, потому что Грыжа приказал ему сидеть на месте. Злюке удалось увести с собой чужого мужа только пойдя на хитрость — принцесса соврала, что это приказ зловещей поварихи.

— Похоже, она обрабатывала тебя долгие годы, — предположила Злюка. — Сколько ты у нее пробыл?

Если бы Андис не лишился рассудка и смог бы дать ответ на этот вопрос, он очень бы удивил Злюку. Потому что речь шла вовсе не о годах, и даже не о месяцах. Грыже хватило нескольких дней, чтобы превратить здорового, полного сил и отваги паладина, в сломленную и безумную развалину.

Беглая принцесса умяла еще один сухарик, и решила, что с отдыхом пора закругляться. Она не опасалась того, что лорд Мортус может организовать за ней погоню — тот был слишком занят подготовкой к военной операции. А вот верховная кухарка вполне могла пуститься на поиски своего пропавшего мужа. И сколь бы храброй и дерзкой ни была Злюка, огромная и зловещая Грыжа Антрекотовна внушала инстинктивный ужас даже в ее бесстрашное сердце.

Она завязала мешок, туго набитый украденными в черном замке припасами, поднялась на ноги и приказала Андису:

— Вставай!

Тот подчинился. Бывший паладин выглядел жалким и больным. Он стоял сгорбившись, косясь по сторонам полными ужаса глазами, словно бы в любой момент ожидая подвоза порции тумачков. Из одежды на нем были только рваные и грязные кальсоны. На шее темнели гноящиеся раны, оставленные тяжелым металлическим ошейником. Все тело, и грудь, и, в особенности, спина, были густо покрыты оставленными ремнем следами. Судя по ним, бывшая хозяйка считала ежедневные побои повышенной интенсивности обязательным атрибутом счастливой семейной жизни.

— Бери мешок! — приказала Злюка.

Андис повиновался.

Злюка огляделась окрест. Позади, обозначенная зеленой полосой, виднелась покинутая империя. Это был пройденный этап жизни беглой принцессы. На родине ее не ждало ничего хорошего. Там обитал ее папенька, имевший на свою дочь вполне конкретные планы. Вернись она в отчий дом, Дакрос вновь попытается выдать ее замуж за какого-нибудь болвана. Он уже пытался сделать это, и не раз. Хотя после того, как Злюка заживо сожгла четвертого по счету жениха вместе со всеми съехавшимися на свадьбу гостями, родитель мог бы и понять, что дочь не рвется под венец.

Впереди простерлась серая пустыня нейтральной полосы. Злюка была наслышана о ней. Поговаривали, что нейтральная полоса — самое опасное место на свете. Эта выжженная войной полоса земли, шириной в сотню миль, а в длину протянувшаяся через весь материк от побережья до побережья, якобы служила домом множеству самых ужасающих и невообразимых чудовищ. Где-то среди этой безжизненной земли высилась обитель нового темного властелина Свиноста. Оставалось только найти ее, и попытаться не погибнуть в процессе поисков.

— Эх, знать бы дорогу, — протянула Злюка тоскливо.

Она покосилась на сгорбленного Андиса, который озирался по сторонам и трясся от превентивного страха, и ворчливо спросила:

— Ты, случайно, не знаешь, где живет Свиностаc?

И вдруг случилось чудо. Ручной раб, до того не демонстрировавший никаких проблесков разума, посмотрел на нее, словно поняв вопрос, а затем утвердительно кивнул головой. Злюка глазам своим не поверила.

— Подожди-ка, — настороженно спросила она, — ты меня понял? Понял, что я просила?

Андис вновь согласно опустил голову.

— Вот так дела, — обрадовалась Злюка. — Я думала, что ты совсем безмозглый, а оно вон как все. Значит, ты меня понимаешь, только сказать не можешь. И тебе известен путь в логово Свиностаcа?

Андис вновь кивнул головой.

— Выходит, ты уже бывал там прежде?

Паладин уже приготовился кивнуть еще раз, но тут приступ дикого ужаса объял его, и он, скуля, повалился на землю. Да, ему уже доводилось бывать в обители Свиностаcа. И именно там он впервые встретился с воплощением леденящего кровь ужаса — своей будущей женой.

— Ну, все, все, — попыталась успокоить его Злюка. — Никто тебя не обидит без моего разрешения. Вставай. И веди меня к Свиностаcу.

Приступ паники прошел, и Андис вновь воздвиг себя на ноги.

— Ну, веди же, — нетерпеливо потребовала Злюка. — Или ты хочешь дожидаться здесь свою жену?

Подвывая от страха, Андис быстро зашагал в сторону нейтральной полосы. Злюка с трудом поспежала за ним.

— Не беги! — приказала она. — Иди спокойным шагом. И прекрати уже так жалобно скулить. Эх, как же скверно, что ты не разговариваешь. Хоть поболтали бы.

Вскоре сухая желтая трава сменилась под их ногами серой мертвой землей. Воздух сделался неприятно-зловонным, его наполнили запахи чего-то едкого и токсичного. Злюка огляделась вокруг, и восторженно выпалила:

— Вот это я понимаю — красота! Хотела бы я сделать весь мир похожим на нейтральную полосу. Здесь только не хватает вбитых в землю кольев с насаженными на них человеческими головами. Ты как думаешь, раб?

Если Андис о чем-то и думал, свои мысли он оставил при себе. Бывший паладин, сгорбившись, и испуганно озираясь, быстро шагнул вперед. Его контуженная семейным кошмаром память с трудом восстанавливала обрывки прошлого. Целая картина отсутствовала, но какие-то отдельные фрагменты вдруг вспыхивали в его мозгу. Когда Злюка заговорила о Свиностаcе и его логове, Андис, сам того не желая, вспомнил старую крепость посреди нейтральной полосы, и дорогу к ней.

— Не хмурься, раб, — посоветовала ему Злюка, и отвесила Андису бодрящий подзатыльник. — Жизнь наладится. Если будешь хорошо себя вести, оставлю тебя при себе. Когда мы со Свиностаcом завоюем мир и превратим его в царство тьмы и ужаса, ты тоже не останешься без награды. Велю сделать для тебя алмазный ошейник, золотую миску и платиновый лоток.

Андис никак не прореагировал на столь щедрые обещания. Он мечтал о единственной, самой драгоценной, награде — никогда больше не видеть и не слышать свою самопровозглашенную жену, ужасающую Грыжу Антрекотовну.

Часть третья. Глава 29

Тьма накрыла королевство эльфов. Великое зло, восставшее из мрачных глубин преисподней, обрушилось на их некогда прекрасные земли, сея на своем пути смерть и разрушение. Храбрейшие из эльфийских витязей либо пали в неравной борьбе, бессильные перед невиданной прежде мощью темного властелина, либо ужаснулись и обратились в бегство. А зло черной тенью ползло за ними по пятам, обращая все, чего касалось, в прах и обрекая на гибель каждое живое существо.

Всякая надежда оставила великий и гордый народ. Неоткуда было им, горемычным, ждать спасения. Силы зла неумолимо сжимали кольцо осады вокруг их столицы. Сам черный властелин подступил к воротам, и занес исполинскую палицу, дабы сокрушить створы и впустить внутрь несметные полчища своих кровожадных рабов — омерзительных и страшных чудовищ, призванных им из самых черных глубин мрака. Гибель была неминуема. Павшие духом эльфы уже смирились с неизбежностью гибели.

Но в тот миг, когда надежда почти угасла в сердцах эльфов, из дальних краев явился в их земли великий и непревзойденный герой, самой судьбой ниспосланный спаситель. И хотя не вел он за собой огромной армии, а ехал налегке с тремя верными спутницами, но всякое зло в страхе бежало от него, а которое не успевало унести ноги, повергалось без жалости и сострадания. Ибо герой тот дал великую клятву — не изведать покоя до той славной поры, пока последний злодей не будет повержен его доблестной дланью.

Весть о появлении грозного богатыря и непревзойденного чародея быстро разнеслась по землям эльфов. Слух о нем достиг и черных ушей темного властелина. И хоть был он зол и страшен, ростом три метра и силен, как пять драконов, даже в его черное, как ночь, сердце просочился не бывавший там прежде страх. Ибо почуял владыка тьмы седалищным нервом, что идет по его душу не просто очередной дерзкий воитель, решивший снискать славу в бою со злом, но подступает герой столь эпический, что не было подобных ему прежде, и не будет впредь. Тогда отвел он свои войска от столицы эльфов, и выступил навстречу идущему по его черную душу герою. Но сам не полез вперед, ибо забоялся, предпочтя спрятаться за широкими спинами своих бесчисленных рабов.

Герой же ехал навстречу своей судьбе без утайки, не страшась ни коварных засад, ни грозных недругов. Мчался он на прекрасной колеснице, запряженной тройкой белоснежных единорогов. Но сам он был еще прекраснее, ибо сочетал в себе мужественную телесную красоту и великое душевное благородство. Один божественный вид его повергал в великий трепет врагов, а все женщины, едва взглянув на него, влюблялись в героя без памяти.

Звался эпический герой Стасиком, но за его неисчислимые подвиги, непревзойденную силу и сказочную красоту, был прозван он Суперстасом. Легенды гласили, что явился он из иного мира, и явление его сопровождалось великими и грозными знаменьями. Молвили, что когда ступил он на землю этого мира, то померкли Солнце и Луна — даже небесные светила склонились пред эпическим воителем. Пророки и вещуньи в один голос предрекли ему грандиозную славу и беспрецедентные свершения. И тут они не ошиблись. Ибо едва появившись в этом мире, отметился Стасик героическим свершением — в одиночку победил целое войско злодеев.

Барды воспевали его подвиги, прекрасные девы сохли по нему. Всюду, куда бы ни ступала нога эпического Стасика, тьма отступала пред его небывалой мощью, а зло, поджав хвост, бежало в ужасе. На свой счет он уже успел записать восемь темных властелинов,

двадцать три демона, сорок пять драконов и несколько миллионов рядовых злодеев. Странствовал он по миру, поражая всех своей неотразимой сексуальностью, и всюду, где появлялся, восстанавливал справедливость и жестоко карал зло.

Героя Стасика, еще при жизни вытеснившего из легенд всех героев прошлого, сопровождали на его геройском пути верные соратницы. Лишь самым прекрасным и отважным девам дозволено было примкнуть к отряду Суперстаса. Отбор был жесткий, конкурс составлял пять тысяч претенденток на место. Ибо лишь величайшим из воительниц позволено было встать рядом с Суперстасом на бранном поле и сразиться с силами зла.

Три спутницы было у Суперстаса, но каждая из них стоила целой армии.

Первой из них была легендарная воительница из славного рода кошкодевочек. Судьба этой героини носила мрачный и драматический характер. Родилась и жила она в мирной деревне кошкодевочек, пока однажды туда не нагрянул очередной темный властелин со своим черным воинством. Все кошкодевочки были злодейски умучены, и лишь одна была схвачена и взята в плен. Долгие годы томилась она в застенках мрачной цитадели, где темный властелин денно и ночно подвергал ее пыткам и издевательствам — запугивал огурцом и подсовывал унизительно маленький лоток. О пережитых ею мучениях было сложено четыре легенды, две из которых в стихотворной форме. Испив до дна чашу ежедневных пороков и сексуальных домогательств, кошкодевочка все же умудрилась сбежать. Тогда поклялась она страшной клятвой, что отомстит темному властелину за все плохое. И не нарушила данного обета. Обучившись героизму по ускоренной инновационной программе, вернулась она в логово злодейское, и предала жестокой смерти всех тамошних монстров. А затем в жестоком и неравном бою сразила и темного властелина.

Долго странствовала она в одиночестве, верша различные подвиги, побеждая зло и защищая добрых и няшных. Но однажды судьба свела ее с эпическим героем Суперстасом. И едва взглянув на этого легендарного воителя, на этого бога праведной войны, на этого атлетически безупречного мужчину дивных грез, влюбилась она в него по самые кошачьи ушки. И с тех пор верно служила Суперстасу, сражаясь под его благородным знаменем.

Второй спутницей Суперстаса была эльфийка няшной наружности. Явилась она из дальних земель, и совершила немало подвигов. Лук ее не ведал промаха, и каждая пущенная стрела неизменно вонзалась в черное сердце очередного злодея. Самые великие герои звали ее в свои отряды, но няшная эльфийка отказывалась, ибо считала их всех недостойными своего присутствия. Но однажды встретилась она с эпическим воином Суперстасом, и едва взглянув на него, влюбилась по самые уши. С тех пор не было в ее жизни иной радости, кроме как верно служить Суперстасу, всеми силами пытаясь добиться его расположения.

Третьей спутницей Суперстаса являлась няшная горничная. Долгие годы служила она горничной у одного темного властелина, который принуждал ее к всевозможным действиям сексуального характера. Но однажды в блеске славы и эпичности явился святой воитель Суперстас и поверг злодея. Тогда спасенная горничная присоединилась к его отряду, ибо едва взглянув на героя легенд, тут же влюбилась в него без памяти.

Многие подвиги совершил герой Суперстас, но когда дошел до него слух о лихе, что нагрянуло в земли эльфов, бросил он все дела и вместе со своим боевым гаремом выдвинулся на место происшествия. Темное воинство выступило навстречу, и встретились они на широком поле. Тогда началась жестокая битва. Сотнями падали недруги, сраженные могучей рукой Суперстаса. Кошкодевочка, эльфийка и няшная горничная не отставали от своего кумира, и тоже навалили три кучи убитых врагов. В итоге не выдержали силы зла,

дрогнули и обратились в бегство. Остался на поле боя только темный властелин. Понял он, что некуда ему деваться, и вызвал Суперстаса на поединок. Сам вышел в вороненой броне, в одной руке держал пятиметровый семиручный меч, в другой трехтонную булаву. Не было изъяна в его броне, все тело его облекал несокрушимый металл. И не было на свете оружия, способного пробить его. Ибо лежали на латах тех чары темные и могущественные, что отражали любой клинок, стрелу или заклинание. Даже неизмеримой силы героя Суперстаса было недостаточно, чтобы сокрушить доспехи темного властелина.

Но внезапно выяснилось, что в кармане у героя случайно и необъяснимо завалялся свиток могущественного заклинания, способного сокрушить любую колдовскую защиту. Как он попал в геройский карман, и почему пробыл там долгое время незамеченным — на эти вопросы не мог ответить даже сам Суперстас. Да он и не пытался. С ним постоянно происходило что-то подобное. В любой безвыходной ситуации, когда жизнь героя висела на волоске, а на кону стояла судьба всего сущего, на ровном месте случалось нечто внезапное и нелогичное, полностью переворачивающее ситуацию в пользу Суперстаса. То вдруг у него в кармане оказывалось чудо-оружие, способное сразить любого недруга, то сам он обнаруживал в себе некие скрытые способности, возникшие только что и в самый подходящий для них момент. Суперстас давно привык к этим странностям и не задавал лишних вопросов. Он действовал.

Вот и теперь выхватил он из кармана свиток заклинания, да как прочел его вслух и с выражением. И в тот же миг участь темного властелина была решена. Закованный в латы исполин затрясся, захрипел, выронил оружие, и рухнул наземь грудой дымящегося металла. А вслед за этим и все его разбежавшееся воинство провалилось в пропасть, что разверзлась под их ногами, а потом сразу же захлопнулась, и все это без какого-либо ущерба для окружающего ландшафта.

Увидели эльфы со стен, что повержено зло, распахнули ворота и выбежали наружу, чтобы приветствовать Суперстаса — героя, каких мир не видывал. Вместе ними вышла встретить могучего воина и эльфийская королева Сиськодриэль. Ее эпические груди едва не рвали глубокое декольте, длинные стройные ноги величественно несли округлую попу навстречу легендарному избавителю. И едва увидев Суперстаса своими большими прекрасными глазами, поняла Сиськодриэль, что влюбилась без памяти. И вместо слов благодарности, сообщила герою, что отныне она принадлежит ему, и что волен он делать с ней все, что пожелает. Притом с этим последним королева категорически советовала не тянуть, и начать делать с ней всякое незамедлительно. А затем бросилась она к герою, обхватила его руками, и утопила лицо спасителя в пучинах своих грудных желез. Тут в дело вмешались спутницы героя, кошкодевочка, эльфийка и няшная горничная, стали отнимать героя у королевы, и пытаться погрузить его лицо в свои груди. Ибо столь велика была притягательная красота Суперстаса, что многие женщины при виде его раздевались заранее, а иные падали в обморок от передозировки влюбленности.

И вот, на самом пике блаженства, дивное сновидение прервалось. Только что Стасик погружал свое лицо в женские груди, а в следующее мгновение обнаружил, что трется физиономией о свою старую подушку, да еще и стонет при этом самым неподобающим образом.

Лишь благодаря неслабой закалке многочисленными обломами, неудачами и бедами Стасик сумел сдержать слезы. Он лежал в темноте, громко шмыгал носом, и боролся с желанием дать волю истерике. Как же сильно ему хотелось вернуться обратно, в правильный

мир его восхитительного сна. Там все было как надо. Там он был могучим и отважным героем, там прекрасные девы падали к его ногам, сраженные наповал его невыносимой сексуальностью, а грозные недруги побеждались на раз. Вот как оно все должно было происходить в правильном мире, в мире меча и магии.

Ох уж этот правильный мир. Сколько себя помнил, Стасик страстно мечтал оказаться в нем. Живя скучной жизнью, подвергаясь школьному насилию со стороны садистов-одноклассников, он всей душой рвался в иную реальность. Туда, где он из жалкого и забитого тюфяка преобразится в героя легенд. Такой мир должен был где-то существовать. Стасик не допускал мысли об обратном. Ведь если во всей вселенной имеется только один, его родной, мир, жестокий и скучный, где латентные герои влачат жалкое существование в пучинах страданий, как же это страшно и безнадежно. Так страшно, что даже жить не хочется.

И вот однажды мечта его исполнилась. Вместе с другими счастливыми он был призван в мир меча и магии. Королевство добра срочно нуждалось в его помощи, ибо темная империя довлела над нею давней зловещей угрозой.

Но геройская карьера Стасика сразу же не задалась. Все началось с шокирующего недоразумения, произошедшего во время обязательной проверки всех новобранцев. При помощи магического прибора в новичках выявляли их потенциал, в зависимости от чего определяли либо в воины, либо в маги, либо в другое место. Вот Стасик-то, как раз, в другое место и угодил. Глупый прибор не разглядел всех его бесчисленных талантов, и приговорил к страшной и унижительной участи. Волшебница, проводившая процедуру, объявила Стасику, что он годен только в свинопасы.

В свинопасы! И это он, кто всю жизнь морально готовил себя к роли великого чародея. Зря, что ли, было пройдено столько видеоигр, прочитано столько книг и комиксов, отсмотрено столько фильмов? Стасик знал о героизме все! Он играл и за магов, и за воинов, и за варваров, и за лучников, и за жрецов. Широте его профиля мог бы позавидовать любой. А они — свинопасы!

Масла в агонию подлил вечный недруг и обидчик Колька — бывший одноклассник, который посвятил свою жизнь изощренным издевательствам над Стасиком. Это он, безжалостная скотина, придумал несостоявшемуся чародею отвратительное прозвище — Свиностас.

Но на этом злоключения Стасика в новом мире не закончились. То было лишь начало великой эпопее боли, страданий и обломов.

Что сказать — хлебнул он горя в этом правильном мире. Ему довелось подвергаться страшной опасности, видеть смерть и кровь, а так же своими глазами наблюдать кошмарных созданий, олицетворяющих собой силы зла. Лорд Мортус был страшен, но он успешно отошел на второй план, когда Стасик познакомился с ужасающим созданием, порожденным самой тьмой — верховной кухаркой черного замка Грыжей Антрекотовой.

Стоило вспомнить inferнальную повариху, как Стасик невольно вздрогнул. Даже воспоминания об этой ужасающей женщине доставляли ему муку. Порой, лежа ночью в темноте и ожидая прихода сна, Стасик впадал в беспричинную тревогу. Ему начинали чудиться шаги в коридоре, громкое тяжелое сопение, и мелодичный лязг разделочного ножа, скользящего по точильному бруску. А потом воображение дорисовывало голос верховной кухарки, хриплый и страшный, будто звучащий из самой преисподней. Она звала его по имени. Не по настоящему имени, а по имени, которое придумала для него сама. Она

повторяла тихо и жутко:

— Гуляш! Гуляш! Иди же ко мне! Пойдем со мной на кухню.

Тогда Стасик вскакивал с кровати и начинал беспокойно бегать по своей комнате. И немалого труда стоило ему убедить себя в том, что Грыжи нет в крепости, что она далеко, в черном замке. Эта женщина внушала ему настолько лютой ужас, что Стасик приписывал кухарке сверхъестественные способности. Ему казалось, что Грыжа может в любой момент явиться за ним, незаметно пробраться ночью в его комнату, оглушить спящую жертву, сунуть в мешок и унести с собой. Трясаясь от страха, Стасик воображал себе, как просыпается на кухне черного замка, лежащим на разделочном столе, и видит над собой Грыжу Антрекотовну с тесаком в могучей лапе.

Знакомство с верховной кухаркой заметно подорвало психическое здоровье Стасика. Но не только одна Грыжа имела на него виды. Вроде бы не сделав ничего плохого, Стасик каким-то чудом умудрился ополчить на себя весь окружающий мир. В Ангдэзии его считали злодеем и убийцей, и жаждали его крови. В империи Кранг-дан он слыл предателем и шпионом, а еще там жила Грыжа Антрекотовна, задавшаяся целью пустить его на гуляш. Мечтая попасть в мир меча и магии, Стасик жаждал головокружительных приключений, эпичных схваток, любовных историй и прочих радостей. А вместо этого нажил себе множество врагов, сурово пострадал от купания в отходах магической деятельности, и вынужден был обитать на нейтральной полосе, разделившей две враждующие державы. Он, правда, нашел себе друзей и даже одну подругу, но все они были, что называться, на любителя. Среди них не было ни кошкодевочек, не эльфиек, ни даже горничных. Впрочем, на что еще можно было рассчитывать посреди нейтрально полосы — выжженной войной земли шириною в сотню километров, и длиной от моря до моря. На этих мертвых пустошах, где даже воздух был отравлен зловониями, обитало все самое худшее, чему не нашлось в мире иного места. Монстры, гоблины, изгнанники и негодяи, отвергнутые и Ангдэзией и темной империей. Они бродили здесь, пожирая друг друга и всех, кто забредал на нейтральную полосу.

И вот Стасик, всю жизнь считавший себя потенциальным героем, пополнил их число. Он стал таким же, как они — монстром и изгнанником, для которого не нашлось на свете иного места, кроме безжизненной и страшной нейтральной полосы.

Но и здесь его не оставили в покое. Силы добра и зла пришли за ним. Это случилось всего несколько дней назад, и Стасик до сих пор не мог отойти от пережитого ужаса. Паладины и черные рыцари, светлые маги и злые колдуны схватились на руинах древней крепости за главный приз — его несчастную голову. А еще ему почудилось, что он видел в ту страшную ночь Грыжу Антрекотовну. Теперь уже Стасик не был уверен в том, что верховная кухарка действительно побывала здесь. Вероятно, с ним сыграло злую шутку богатое воображение, подстегнутое творящимся вокруг кошмаром. Но и без Грыжи было не скучно. Ненавистный Колька пытался убить его, потом это же пыталась сделать Лаура. И они бы обязательно достигли успеха в своем начинании, если бы не подоспела Света и не изгнала прочь всех этих незваных гостей. А еще если бы Гамал не исцелил его многочисленные раны, нанесенные магией Лауры.

Света победила вторгшихся врагов, Гамал исцелил его, а он сам, вроде как, опять ничего не сделал. Впрочем, кое-что Стасик записал на свой счет. Он-таки достал ненавистного Кольку и угостил того сталью. Всякий раз, стоило ему вспомнить болезненный вопль вечного недруга, Стасик невольно улыбался. Это была воистину прекрасная музыка для его

ушей. Вот только одно печалило его — Кольки не оказалось среди убитых. Лаура забрала его с собой, и школьный хулиган вполне мог выжить. Это тревожило Стасика. Он боялся Кольки, и небезосновательно опасался, что тот явится мстить ему. Впрочем, едва ли. Пока Света рядом с ним, ему ничего не грозит. В это, во всяком случае, хотелось верить.

Но сколько он ни убеждал себя, что все опасности далеко, что ни Колька, ни Мортус, ни ужасающая Грыжа Антрекотовна не доберутся до него в этих стенах, Стасик все же не мог обрести покоя. Навязчивый страх мучил его, а еще изводило постоянное предчувствие грядущей беды. Стасику все время чудилось, что темные грозовые тучи сгущаются над его головой, и вот-вот грянет страшная буря. И он, простой школьник, окажется в ее эпицентре.

Эти мысли вновь возбудили в его душе тревогу. Лежа в темноте, в своей пустой и пыльной комнате, Стасик с замиранием сердца прислушивался к могильной тишине древней крепости. Он находился в ней не один. В своих покоях храпел непробиваемый Гамал — старый алхимик, приютивший его и спасший от верной смерти. Где-то бродила Света, огненный демон, призванный в этот мир сотни лет назад, и до недавнего времени томящийся взаперти, в подземелье крепости. Она не нуждалась во сне, и проводила ночи в блужданиях по развалинам.

Но даже их присутствие не ободряло Стасика. Он все равно чувствовал себя одиноким и уязвимым. Лежа в темноте, он невольно прислушивался к каждому шороху, боясь услышать рядом со своим ложем чьи-то тихие и страшные шаги. Много кто мог пожаловать по его душу, ибо в этом мире он нажил мало друзей, и удивительно много врагов.

Он постарался успокоиться и вновь настроиться на сон. Многочисленные душевные травмы подорвали его психику. Он часто просыпался среди ночи, охваченный беспричинным ужасом, а стоило провалиться сон, как тот встречал его сочным кошмаром. Стасик знал, что могло помочь ему. Покой. Долгий покой. Если и королевство добра и империя зла забудут о нем, он постепенно придет в себя и перестанет просыпаться по ночам с диким, полным ужаса, криком.

И вот, убеждая себя, что бояться нечего, Стасик прикрыл глаза, и сразу же услышал где-то рядом с собой тихий шелест ткани. Сомнений не было — в этот раз ему не показалось. Кто-то или что-то проникло в его комнату.

Он медленно протянул трясущуюся руку и нащупал на стуле стеклянный шар, наполненный светящимся газом. Коснулся его, и легонько встряхнул.

Газ, наполняющий сферу, послушно вспыхнул, залив комнату белым светом. Но свет не принес облегчения. Он не рассеял страхи. Вместо этого, свет поверг Стасика в дичайший ужас.

Прямо перед его кроватью возвышалось нечто. Это была неясная фигура, закутанная во что-то белое. Одному богу было известно, как долго оно уже стояло здесь. И с какой целью явилось.

Стасик не стал разбираться, с чем столкнулся. Был ли это злобный призрак, или иное чудовище, коими был так богат правильный мир. Парень сделал то, что сделал бы на его месте любой ученик одиннадцатого класса средней школы — заорал во все горло и забился в диких конвульсиях.

На Гамала он не рассчитывал. Старик перед сном принимал какие-то снотворные зелья, и намертво вырубался до утра. Все свои надежды Стасик возлагал на Свету. Если подруга окажется поблизости, она услышит его вопли и явится на помощь. И лучше бы ей было поспешить. Белая фигура еще ничего не сделала, а Стасик уже чувствовал, как из него

утекает жизнь. Да не по капле, а довольно бурным ручейком.

В коридоре раздался топот ног, затем дверь с грохотом распахнулась, и внутрь ворвалась Света. Трещины на ее черной обугленной коже пылали ярче обычного, огненный факел над головой лизал высокий каменный потолок. Едва ворвавшись в комнату, она сразу же установила причину переполоха. Угрожающе подняв руки, она пошла на белую фигуру, издавая при этом столь жуткое рычание, что Стасик вообще едва не отошел на тот свет.

Вдруг закутанное в ткань существо вскинуло руку, облаченную в белую перчатку, и произнесло человеческим голосом. Голос, правда, был тем еще — он будто бы звучал из заколоченного гроба, или доносился из старого каменного склепа. Голос, в котором было меньше жизни, чем в окаменевших останках динозавров.

— Стой, демон! — властно повелело существо. — Я пришла сюда не как враг.

— Кто ты, и что делаешь в комнате Стасика? — потребовала ответа Света.

— Мама! — скулил Стасик, корчась на кровати. И как только он мог мечтать о тихой и спокойной жизни? Наивный! Покоя ему теперь не изведать даже во сне.

— Я все объясню, — произнесло существо все тем же замогильным голосом. — Но прежде ответьте — здесь ли обитает человек, прозванный Свинорылом?

Стасик прекратил биться в истерике и уставился на незваную гостью.

— Как вы сказали? — простонал он, с трудом разлепив губы.

— Здесь ли тот, кто известен в этом мире под именем Свинорыл? — повторило вопрос существо.

— Известен? — пропищал Стасик. — Свинорыл? Какой еще Свинорыл?

— Видишь, ты напугала Стасика! — сердито крикнула Света. — Если ты не враг, зачем было лезть сюда среди ночи?

— Когда вы узнаете о причине моего визита, то сами поймете, что спешка моя была оправданной, — произнесла гостья, и от ее слов Стасику расхотелось жить. Натренированная пятая точка безошибочно подсказала ему, что на его адрес только что пришла бандероль с ужасающими новостями.

Глава 30

Света метнулась к Стасику, заключила его в нежные объятия и ласковым голосом взмолилась:

— Не бойся, бедненький! Все хорошо! Ты в безопасности.

Она злобно покосилась на фигуру в белом саване, и сквозь зубы спросила:

— Она тебя трогала? Пыталась укусить?

— Да не трогала я его, — возмущенно ответила Синара. — И не кусала. Больно надо.

В этот момент на Стасике начали тлеть бинты, воспаленные жаром Светы. В спокойном состоянии та кое-как умудрялась контролировать температуру своего тела, но стоило ей разнервничаться, как демонесса превращалась в доменную печь.

— Извини, извини, — поспешно отодвинувшись от Стасика, сказала Света. — Я не нарочно. А ты...

Последние слова были обращены к незваной ночной гостье, и злобы в них было столько, что Стасику невольно захотелось спрятаться под кровать. Он знал, на что способна Света в гневе. Самому ему не доводилось видеть ее в этом состоянии, зато последствия этого он наблюдал. Те выглядели как кучи растерзанных и обугленных трупов.

— Что вы тут все такие нервные? — спросила Синара. — Я ведь не сделала вам ничего

плохого.

— Точнее говоря — не успела, — поправила ее Света. — И до тебя приходили сюда чужаки, желавшие обидеть моего Стасика. Горько поплатились они за свои черные помыслы.

— Никого я обижать не собиралась, — проворчала ночная гостья. — Хватит уже придумывать. И никакого Стасика я знать не знаю. Ищу же я человека, нареченного Свинорылом. Мне сказали, он живет где-то здесь.

Света взглянула на Стасика, и спросила:

— О ком это она говорит? Тут есть какой-то Свинорыл? Почему я его не видела?

Стасик кое-как сумел совладать с собой и вымолвить:

— Нет тут никакого Свинорыла. И никогда не было. По крайней мере, при мне. Разве что Гамала спросить. Вдруг он знает?

— Ну, может быть, не совсем Свинорыла, — задумчиво произнесла Синара. — Свино... Свино... Свино... как-то. Не помню точно, из головы вылетело.

У Стасика все внутри похолодело от новой дозы ужаса. С трудом разлепив губы, он прошептал:

— Может быть, Свиностаса?

— Точно! — радостно вскричала Синара. — Свиностаса. Именно. А я как сказала? Свинорыла? Ну, подумаешь, ошиблась. Имя-то чудное, такое еще попробуй запомнить. Свиностас... И кому пришло в голову назваться подобным нелепым образом?

В этом Стасик был полностью согласен с ночной гостьей. Подобным имечком никто не нарекался бы по доброй воле. Но в том-то и дело, что ему это имя прилепили насильно, как позорный ярлык. А сделал это самый злобный и жестокий человек во всех мирах — бывший одноклассник Колька.

— Значит, Свиностас живет здесь, — сделала вывод Синара. — Очень хорошо. А могу ли я его увидеть?

Признаваться Стасик не спешил. Он еще не понял, с кем имеет дело, и не был до конца уверен в том, что Света, при всей своей силе, сумеет защитить его от ночной гостьи.

— А вам зачем понадобился Свиностас? — спросил он осторожно.

— Дело у меня к нему. Важное.

— А какого рода дело?

— Вот ему и объясню.

— А у вас к нему дело какого характера? Вы ему желаете зла?

Синара фыркнула.

— С какой стати мне желать зла тому, кого я в глаза не видела? — спросила она. — Сказала же — дело у меня к нему есть. Чрезвычайно важное дело, как для меня, так и для него.

Стасик все еще сомневался, стоит ли признаваться в том, что это его называют Свиностасом. Но ночная гостья, даже с учетом зловещего облика и аномального появления в его комнате, не производила впечатления хладнокровного убийцы, пришедшего по его душу. Хотя, кто знает. У него в этом мире скопилось немало врагов. Кто-то из них запросто мог подослать киллера.

— Ну, ладно, — решил он, уповая на то, что Света все же сумеет защитить его от загадочной незнакомки. — Это меня называют Свиностасом. Только сразу хочу предупредить — это не мое имя. Меня зовут Станиславом. Для друзей Стас. А Свиностас —

это обидное прозвище, и оно мне не нравится.

— Значит, это ты, — произнесла Синара. — А чего сразу не сказал?

— Я думал, вы меня убить хотите, — смущенно признался Стасик.

— Хотела бы — убила. Вам, живым, много ли надо? Мрете от всего на свете, иной раз вообще без объективной причины. Итак, ты, значит, Свиностаc?

— Зовите меня Стасом, — взмолился Стасик, которого буквально корбило от этой клички.

— Но почему? — удивилась Синара. — Мне сообщили, что в этом мире ты известен под именем Свиностаc. Так тебя называют повсюду.

— Повсюду? — выпучил глаза Стасик. — Это что значит? Где это — повсюду?

— Но если ты настаиваешь, я буду звать тебя Стасом, — согласилась Синара. — Мне, вообще-то, все равно.

— А я буду звать его милым Стасиком, — сочла нужным сообщить Света.

— Где повсюду-то? — не унимался Стасик. — Почему вы сказали, что повсюду?

— Ой, да не знаю я, — отмахнулась Синара. — Мне что сказали, то я и повторила. Речь-то не об этом.

Она подалась вперед, и замогильным гласом произнесла:

— У тебя проблемы, милый Стасик. Большие проблемы. Тебе об этом известно?

Стасик едва успел успокоиться, как вновь был повергнут в состояние дикого ужаса. Нет, эта зловещая гостья явилась сюда вовсе не за тем, чтобы завести новых друзей. Она принесла дурные вести.

— Какие проблемы? — простонал Стасик. — Вы вообще кто?

— Ох, прости, забыла представиться, — спохватилась гостья. — Мое имя Синара. При жизни была принцессой, но, полагаю, теперь этот титул уже мало что значит.

— При жизни? — выпалил Стасик, вцепившись руками в подушку. — А сейчас вы что, мертвая?

— Ой, уже давно, — отмахнулась Синара.

— Ну и что тебе в могиле не лежалось? — грубо спросила у нее Света. — Зачем ты пришла сюда и пугаешь милого Стасика?

— Я его не пугаю, а пытаюсь предупредить, — возразила Синара. — Страшная опасность нависла над ним. Зло, коего не видывал прежде этот мир, идет по его душу.

Нервы Стасика сдали, и с его уст сорвался пронзительный крик ужаса.

— Боишься? — довольно спросила Синара. — Это хорошо. Тебе следует бояться. На твоём месте я бы тряслась от страха.

Стасик успешно трясся от страха и на своем месте. Он уже пожалел о том, что монстр просто не съел его заживо. Лучше уж быстро умереть от чужих клыков, чем медленно и мучительно погибнуть от ужаса. А все к тому и шло.

— Немедленно прекрати! — потребовала Света. — Как можешь ты быть такой бездушной и злой? Если бы ты только знала, сколь много тяжких испытаний выпало на долю Стасика, ты бы тоже прониклась к нему жалостью и сочувствием. Все началось в младших классах средней школы....

— Не надо! Не надо ничего рассказывать! — спохватился Стасик.

В свое время он поведал Свете историю своей безрадостной жизни, выставив себя великим страдальцем и профессиональным страсотерпцем. Некоторым образом давил на жалость, пытаясь вызвать к себе сочувствие. И у него получилось. Вот только он не объяснил

Свете, что ей не стоит вываливать его биографию первому встречному монстру.

— А я бы с удовольствием послушала, — призналась Синара. — В склепе так скучно. Не с кем словом обмолвиться. У меня ведь, знаете ли, тоже трагическая судьба. Причиной всех моих бед стала несчастная любовь.

— Правда? — с неподдельным интересом спросила Света. — А расскажи!

В этот момент в беседу вмешался Стасик.

— Простите, — произнес он, — вы, кажется, собирались меня о чем-то предупредить. О какой-то опасности. Это правда, или какая-то ужасно несмешная шутка?

— Вот бы стала я из могилы выбираться ради шуток, — фыркнула Синара. — Все правда. Тьма и ужас идут за тобой. Зло, невиданное прежде, явилось в этот мир, и цель его мрачного существования одна.

— Какая? — пискнул Стасик.

— Ты! — зловеще выдохнула ночная гостья. — Оно идет за тобой. Ищет тебя повсюду. Ты занимаешь все его помыслы. Оно оставляет за собой реки трупов и горы крови.... Не, не так. Горы трупов и реки крови. Ничто не способно остановить его на пути к цели. А знаешь, что ему нужно?

— Что? — рыдая, спросил Стасик.

— А вот возьми и угадай!

— Не надо этих викторин. Просто скажите, что ему нужно!

— Ты! Ему нужен ты!

Несчастный паренек не выдержал и вновь ударился в истерику.

— Какая же ты все-таки жестокая, — укоризненно произнесла Света. — Зачем ты пугаешь бедного Стасика? Как будто мало ему было унижений в школе.

— Да не пугаю я, а предупреждаю, — возразила Синара. — Я же тут не просто так, а по делу. У меня тоже свой интерес.

— Это какой же? — подозрительно спросила Света.

— А самый обычный. Злобное нечто идет за Свиностаком. И вскоре доберется до него. Следовательно, находясь рядом с ним, я смогу встретиться с этим существом и разделаться с ним. В мое время подобная методика называлась ловлей на смертника.

— Как? — закричал Стасик. — Я что же, смертник? Я не хочу в этом участвовать! Я отказываюсь!

— Расскажи это монстру, что идет за тобой, — посоветовала Синара.

Стасик обхватил голову руками и без сил повалился на кровать. От ужаса ему хотелось умереть прямо сейчас, лишь бы больше не мучиться.

— Может быть, ты просто расскажешь, о каком монстре идет речь, — предложила Света. — А пугать несчастного Стасика больше не нужно. Он так страдал, так страдал. Однажды, в девятом классе, набрался храбрости, и попытался пригласить девушку на свидание. А та его отвергла, да еще и высмеяла при всех. Бедный Стасик чуть не умер от стыда....

— Да хватит всем подряд рассказывать обо мне разные гадости! — взорвался Стасик. — Я тебе по секрету все это поведал, а не для того, чтобы ты об этом в общем чате написала.

— Извини, больше не буду, — пообещала Света. — Просто мне хотелось, чтобы эта злая особа тоже прониклась к тебе жалостью и перестала запугивать. А ты, нехорошая, начинай рассказывать, кто там желает зла Стасику.

— Да я же с самого начала вам об этом твержу, — напомнила Синара. — Злобное

нечто, одержимое невыносимой яростью. Кто оно — мне неизвестно. Знаю лишь, что его существование глубоко противоестественно, и угрожает устройству мироздания. Меня попросили разобраться с этим существом, чтобы предотвратить катастрофу. А еще сообщили, что целью этого монстра является некто, по имени Свиностаc. Ну и подсказали, где его искать. А я еще, главное, уточнила — обязательно ли спасать Свиностаcа, или моя задача заключается в том, чтобы разобраться с монстром? На что мне ответили, что Свиностаc может хоть сто раз помереть, всем в загробном мире на него наплевать. Главное — уничтожить монстра.

— Но кто этот монстр? — спросила Света. — И почему он хочет навредить Стасику? Ведь Стасик такой добрый и безобидный. Он никому не причинял зла.

Хотел бы Стасик сказать о себе то же самое, но, увы, это была неправда. Разумеется, он не являлся закоренелым убежденным злодеем, который творит гадости по велению черной души, упиваясь чужими страданиями и отплясывая на трупах невинных жертв. Но и ангельской непогрешимостью он похвастаться не мог. Притом совесть его отягощали не только мелкие проступки, на которые не составляло труда закрыть глаза, но и деяния серьезные, однозначно подпадающие под определение крупномасштабного зла.

Речь, разумеется, шла о разрушении Форинга и последующем геноциде, устроенном в городе лордом Мортусом и его войском. Стасик до сих пор не мог забыть того ужаса, который ему довелось пронаблюдать в тот вечер. Навеки в его памяти запечатлелись чудовищные картины: горы трупов, кровь, рекою льющаяся по городским улицам, пылающие здания и мечущиеся в дыму черные тени злодеев, занятых насилием и грабежом. И весь этот кошмар тяжким грузом лежал на совести Стасика, поскольку случился по его непосредственной вине.

Нет, сам он не участвовал ни в убийствах, ни и грабежах, да и вообще не имел понятия о грядущей катастрофе. Но, тем не менее, та стала возможной только благодаря его стараниям. Ведь это он разместил на фундаменте городских стен свитки с черными заклинаниями, которые затем, в нужный час, разрушили укрепления и дали дорогу черному воинству лорда Мортуса. И пусть сделал он это не нарочно, пусть его обманули, не сказав правды о назначении данных свитков, это несколько не умаляло его вины. Слишком велико было совершенное злодеяние, чтобы его можно было хоть чем-то оправдать. Тот факт, что Риана навешала на его уши порядочную порцию лапши, служил смягчающим обстоятельством, но даже с его учетом поступок Стасика вполне тянул на высшую меру. Сотни людей погибли в ту ночь. И совесть Стасика ни на секунду не позволяла ему забыть об этом. Но, похоже, одними угрызениями дело не ограничилось. Некие силы сочли необходимым воздать ему за совершенное злодеяние. И вот теперь по его следу шло нечто. Нечто жуткое и страшное, противоестественное и невиданное прежде. Оно шло неумолимо, не замечая встающих на пути преград. И очень скоро оно будет здесь.

— Нет! — закричал Стасик, и с головой укрылся одеялом, спрятавшись под этой надежной броней от всех ужасов правильного мира.

Он не мог взять в толк, почему в качестве козла отпущения был избран именно он. Почему не патентованные злодеи, вроде лорда Мортуса или той же обманщицы Рианы? Или им, значит, можно творить любые зверства, и все как с гуся вода, а он оступился лишь раз, и сразу же был приговорен к ужасному возмездию. Где же тут справедливость?

— Кто бы ни попытался навредить Стасику, ему придется иметь дело со мной! — грозно предупредила Света.

Стасик с радостью ухватился за эту соломинку. Да, Света не даст его в обиду. Она сильна и могущественна. Ни одному монстру не справиться с ней.

— Ох, подруга, не переоценивай себя, — посоветовала Синара. — То, что идет за милым Стасиком, не от мира сего. Оно не живое и не мертвое, и, одновременно с тем, живое и мертвое. Эта сущность обитает как бы сразу в двух мирах, соединяя их в себе. Такого не должно быть. Это опасно, и может повлечь катастрофические последствия. Уж не знаю, какая сила произвела на свет этого монстра, какая тьма исторгла его из своего чрева, но одно могу сказать наверняка — сразить его будет нелегко.

Высунув голову из-под одеяла, Стасик с надеждой спросил:

— Но ведь ты сказала, что собираешься его уничтожить. Так ведь, да? Ты ведь сможешь?

— Ну... — неуверенно протянула Синара. — Я вообще-то не воительница. Кое-что, конечно, умею....

— Так почему послали именно тебя? — завопил Стасик. — Почему не отправили на это дело отряд профессиональных истребителей чудовищ?

— Потому что это не так просто. Мир мертвых лежит за гранью завесы, и пройти сквозь нее нелегко. Да и опасно это — шастать туда-сюда. Завеса прочна, но если устроить сквозь нее проходной двор, она однажды может ослабнуть и рухнуть. Знаешь, что будет в этом случае?

— Что? — осторожно спросил Стасик, хотя ему, в действительности, не больно-то хотелось это знать.

— Гибель всего! — радостно воскликнула Синара. — Конец! Финиш! Оба мира смешаются воедино, и взаимно уничтожат друг друга. Бах! — и ничего нет. Только пустота.

— Господи! Как страшно жить! — прорыдал Стасик.

— Не волнуйся, мертвым тоже быть неплохо, — поделилась личным опытом Синара. — Но тут вот какое дело. Владыки загробного мира могли бы отправить отряд специалистов, однако сделать это теперь нельзя. Это существо, ну, то самое, что желает добраться до тебя, своим существованием уже заметно ослабило завесу. Понимаешь, да? Граница между мирами уже ослабла. Еще немного, и она может рухнуть. И тогда....

Синара сделала паузу, а после радостно закричала:

— Конец! Гибель своего сущего! Мрак, ужас и аннигиляция!

— Боже мой! — зарыдал Стасик, прячась обратно под одеяло.

— Поэтому, придется справляться своими силами, — подытожила Синара. — Используем метод ловли на смертника. Дождемся, пока монстр доберется до Свиностака и начнет рвать его на куски, а потом как набросимся на него, как....

— Я против! — завопил Стасик из-под одеяла. — Этот план отстой!

— Это еще не окончательный план, — пояснила Синара. — Есть и другие варианты. Можно, к примеру, вырыть большую яму, и посадить в нее Свиностака. А когда монстр спустится к нему, быстро наполнить яму кислотой....

Одеяло сотрясалось, из-под него неслись рыдания и крики ужаса.

— Так или иначе, а остановить монстра необходимо, — подытожила Синара. — В противном случае все кончится плохо, притом для всех без исключения.

— Я не хочу умирать! — завопил Стасик.

— Не волнуйся, ты не умрешь, — попыталась утешить его Света.

— Умрет, умрет, — злорадно возразила Синара. — Все умирают. Я вот, к примеру, уже

три тысячи лет как отмучилась. Свиностае тоже умрет. Он хилый, болезненный. Долго не протянет. Кстати, на Могильнике есть один хороший склеп. Он недавно освобожден. Там уютный каменный гробик, а сквозь дыру в крыше открывается чудесный вид на проплывающие по небу облака. Ты бы застолбил его, пока другие не заняли. Вот помрешь, а мы тебя туда и поселим. Будешь лежать, подгнивать, облаками любоваться....

С криком ужаса и отчаяния Стасик выскочил из-под одеяла и опрометью бросился вон из комнаты.

— Злая ты, — покачала головой Света. — Сразу видно — нежить.

— Какая есть, — пожалала плечами Синара. — Ну, где тут можно кости кинуть? Думаю, придется мне какое-то время у вас погостить. Погостить, поняла? От слова — погост. Хе-хе! Ой, ладно, не дуйся. Живая, а такая угрюмая. Спасем мы твоего Свиностаека. По крайней мере — попытаемся.

Глава 31

Нейтральная полоса на первый взгляд казалась безжизненной и необитаемой. Повсюду, насколько хватало глаз, простиралась холмистая местность, изрытая воронками и украшенная торчащими из песка древесными пнями. Но опытный взгляд давних обитателей этих мест примечал детали, неизменно ускользающие от взора чужака, явившегося сюда наскоком. Для жителя нейтральной полосы сразу было ясно, что вот здесь проходит тропа каких-то хищников, орудующих, как водится, ночной порой. Там темнеют развалины древней постройки, к которым, если дорого здоровье, лучше не приближаться. А вон тот песок, чуть более светлый и мелкий, следует обходить большим кругом, если нет желания увязнуть в нем и навечно уйти под землю.

Два гоблина брели по нейтральной полосе. Повинуясь выработанной за долгие годы привычке, они низко пригибались при ходьбе, готовые в любой момент залечь на землю и закопаться в нее с головой. Взгляды их непрерывно обшаривали местность, высматривая на горизонте малейшие признаки опасности. Оба отлично знали, сколь обманчива здешняя безжизненность. Стоит лишь на миг утратить бдительность, и приступить к подсчету пернатого поголовья, как будешь либо убит и ограблен, либо убит и съеден. Поэтому следовало держать ухо востро, чтобы первым заметить приближение чего-то живого, подстеречь его, убить, а затем ограбить или съесть, или совместить оба этих приятных процесса.

При всей своей склонности к болтливости на открытой местности гоблины держали рты на замках и вообще старались не производить лишних звуков. Но когда они остановились передохнуть в тени сухих коряг, некогда бывших обширной зеленой рощей, Грыбан не выдержал, и сказал:

— Брат, я тут вот чего думаю: не погорячился ли ты?

Зархад вытряс из сумки их скудные запасы — мешочек с сушеными корешками и небольшую флягу с водой.

— Может, и погорячился, — пожал плечами гоблин. — Да теперь-то что об этом говорить?

Покосившись на Грыбана, и заметив, что тот имеет что сказать, но сдерживает душевный порыв, Зархад недовольно проворчал:

— Вот не надо этого! Ты мне прямо, в лицо, выскажи. Не люблю я этих недомолвок. Они, недомолвки, до добра-то не доводят. С недомолвок все и начинается. А кончается

обычно поножовщиной. Ну, что ты там сопишь? Не держи в себе.

— Да я-то что? — прогудел Грыбан. — Я ничего. Ты ведь знаешь, я тебя в любом деле поддержу.

Зархад злобно уставился на приятеля.

— Вот, значит, как, — процедил он сквозь зубы. — Решил, значит, такую тактику избрать. Намеками да упреками заживо меня сгрызть. Не ждал я от тебя этого, брат. Не ждал, но дождался.

— Да какая еще тактика? — удивился Зархад. — Я же от чистого сердца, а не с целью покритиковать. Ты, брат, умен, о том и речи нет. Читать умеешь. Ну, ты так говорил, что умеешь. А я и верю. Не будет же мне брат в глаза брехать, что грамотей.

— Ты прекращай уже языком по заднице елозить! — потребовал Зархад. — Скажи прямо, а не юли. За правду не бьют.

— Шутишь что ли? — удивился Зархад. — С каких же это пор?

— Говори-говори. Все как есть.

— Ну, раз уж ты так настаиваешь, раз просто требуешь, то скажу, — произнес Грыбан с таким видом, будто делал приятелю огромное одолжение.

— Да ты уж давай, ты уж выкладывай, — поторопил его Зархад.

— А я и говорю, — продолжил Грыбан. — Не в обиду будет сказано, да только очень уж ты, иной раз, увлекаешься. Несет тебя, брат. Понимаешь?

— Вот тут ты, свояк, врешь, — уличил его Зархад. — Со мной такое если и случается, то редко. Да и много ли от того вреда?

— Как сказать, — протянул Грыбан. — Вот взять, хотя бы, этот раз....

Зархад гневно сплюнул на землю, вскочил на ноги и принялся расхаживать из стороны в сторону.

— Вот так и знал, что ты мне теперь всю оставшуюся жизнь напоминать будешь! — выпалил он, грозя свояку пальцем. — Вот как чувствовал, что тут-то и вылезет твоя гнилая натура. Нет бы, проявить тактичность, сделать вид, что ничего не было. Нет! Это не про тебя! Ты ведь жив не будешь, если своего лучшего друга упреками не изведешь.

— Да ведь я еще ничего не сказал, — опешил Грыбан.

— А мне и так все ясно, — отрезал Зархад.

— Но ведь ты сам просил говорить начистоту.

— А ты и рад, да? Тебе только дай волю. Небось, спишь и видишь, как бы своего лучшего друга критикой осыпать.

— Брат, я даже в мыслях того не имел! — выпалил Грыбан, ударяя себя кулаком в грудь. — Ты меня знаешь. Я лучше язык себе откушу, чем тебе плохое слово адресую. Вот поймают меня паладины, да скажут: либо смерть лютая, либо обругай брата Зархада последними словами. А я им, знаешь, что скажу? Вот знаешь?

— Ну? — без особого желания спросил Зархад.

— Я им скажу — убивайте Грыбана, мучьте, пытайте вдоволь — не услышите вы от него ни одного плохого слова в адрес брата его и лучшего друга Зархада. Вот так я сажу. А если что и проскакивает, так то не критика, то добрые советы. Я ведь из лучших побуждений....

— Да иди ты со своими побуждениями! — беззлобно бросил ему Зархад и отвернулся от собеседника, уставившись на серое пространство нейтральной полосы.

Его злили не столько упреки Грыбана, сколько их обоснованность. Вот что цепляло за

живое. Свояк, как ни крути, был в чем-то прав. Фактически, во всем. Зархад всегда знал за собой грешок несдержанности, но в этот раз он точно перегнул палку. В этот раз его несдержанность имела все шансы выйти боком.

А ведь ничто не предвещало беды. И когда они вчерашним утром покинули крепость и отправились в путь, оба и подумать не могли, что это путешествие может обернуться крупными неприятностями.

С тех пор, как армия Ангдэзии оккупировала родину гоблинов — большой остров в южном море, те из них, кто уцелел в долгой партизанской войне с паладинами, вынуждены были бежать на материк. На материке им тоже были не рады. Тот был строго поделен на две части. На западе раскинулось королевство добра, где гоблины считались монстрами и целенаправленно уничтожались. Восточную часть материка занимала империя Кранг-дан, злодейская держава. Но и там гоблинам не было места. Злодеи либо убивали их, либо ловили, заковывали в цепи, и отправляли на каменоломни.

Изгнанному с родной земли народу не осталось иного выбора, кроме как осесть на нейтральной полосе. Это был участок ничейной земли, разделивший Ангдэзию и Кранг-дан. Место это было гиблое и суровое, практически лишённое растительности и населённое всякими недобрыми тварями, от плотоядных монстров до лезущей из гробниц нежити. Жизнь на этой земле была тяжела и опасна, но в мире не осталось для гоблинов иного места. Остальные земли были заняты, а на то, чтобы отбить себе какой-нибудь милый островок или клочок плодородной, цветущей жизнью, земли, у гоблинов уже не осталось сил. После войны с паладинами и переселения на нейтральную полосу их популяция заметно сократилась. К тому же гоблины никогда не славились сплоченностью, жили разрозненными племенами, непрерывно враждующими между собой. В основном именно по этой причине войска Ангдэзии и сумели так легко разгромить их и изгнать с родной земли. Но гоблины не вынесли из случившегося никаких уроков. Как и прежде, они предпочитали проживать небольшими группами, и враждовать промеж собой. А когда кто-то из них все же заикался о необходимости объединения и сплоченной борьбы за светлое будущее, этого умника тотчас же тыкали инициативным носом да в древнее предание, изустно передававшееся среди гоблинов сотни лет. То было дошедшее из пучины минувших эпох пророчество, гласящее, что однажды явится великий вождь, объединит под своей властью всех гоблинов, и отведет их народ в прекрасную страну, полную вкусного мяса, сочных фруктов и свежей водицы. Вера в миссию передавалась из поколения в поколение, и была столь сильна, что гоблины даже не пытались почесаться самостоятельно и предпринять какие-то шаги к объединению и завоеванию пригодных для жизни земель. Они предпочитали спокойно ждать пришествия великого вождя, которого величали — Гоб-гулыб, что значило — властелин гоблинов.

В отсутствие Гоб-гулыба среди гоблинов царил анархия. Внутри небольших племен все споры решали вожди, а если возникали межплеменные распри, их разрешали либо войной, либо путем обращения к Гоб-нулу — гоблину-наместнику. То была избираемая должность, на которую обычно претендовали самые сильные и наглые представители народа. Нынешнего Гоб-нула звали Грысак, и он являл собой само воплощение силы и наглости.

Резиденция Гоб-нула располагалась в древнем подземелье, откуда гоблины успешно изгнали всю обитавшую там нежить. Подземелье нарекли Гоб-сатан, то бишь столицей. Там стоял трон Гоб-гулыба, ждущий появления своего законного хозяина. Там гоблины хранили свои священные национальные реликвии — Гоб-саблю и Гоб-барaban. Там же хранилась

казна, скопленная коллективными усилиями всех гоблинов. Казна отличалась скудностью, поскольку гоблины не любили платить налоги.

Именно в Гоб-сатан и выдвинулись вчера поутру Зархад и Грыбан. В путешествие они отправились не просто так, а имея на уме четкий и, как им казалось, хорошо продуманный план.

Оба гоблина отлично понимали, что вся нейтральная полоса уже давно знает о битве, случившейся на руинах старой крепости. И знает, чем эта битва завершилась. А дело ведь стряслось неслыханное — в кой-то веки армии добра и зла были биты силами нейтральной полосы. Досель такого не было никогда. Прежде нейтральная полоса умудрялась справляться лишь с немногочисленными отрядами искателей приключений. Но чтобы одним махом разгромить сразу два войска... Это было воистину эпохальным событием. Зархад и Грыбан отлично понимали, что слухи об этой победе уже гуляют по мертвой земле. В темных норах, в подземных залах, в зловещих руинах, только и звучат разговоры о новой, возникшей внезапно, силе, что не постеснялась так громко и решительно заявить о себе. Более того, сила эта не устрашила ни Ангдэзию, ни Кранг-дан, и выдала и тем и другим на орехи. Были крепко биты паладины. Были биты черные рыцари. Светлые маги и злые колдуны знатно получили по шее. Лишь великой силе было по плечу совершить подобное.

Сила, особенно великая и грозная, была тем единственным авторитетом, который гоблины признавали и уважали испокон веков. И вот Зархад с Грыбаном прикинули, что если они, явившись в Гоб-сатан, назовутся союзниками и добрыми друзьями новой силы, то заслужат среди соплеменников великое уважение и всяческие привилегии. Но главной их целью было формирование новой банды. Как только они нарекут себя друзьями и союзниками новой силы, многие, особенно из числа молодежи, захотят примкнуть к ним. Зархад мечтал сколотить огромную шайку, численностью в три-четыре десятка бойцов. С такой ордой он мог бы не только грабить героев на нейтральной полосе, но и совершать набеги на земли Ангдэзии. А еще у него был личный мотив. Зархад находился в скверных отношениях с нынешним Гоб-нулом Грысаком. Грысак несколько раз публично унизил его, и Зархад жаждал поквитаться с наместником и поставить этого выскочку на место.

На всем протяжении пути, а тот занял почти весь день, Зархад, не жалея сил, накручивал себя, строя планы жестокой мести. До ломоты в зубах хотелось ему приструнить Грысака, унижить его на глазах других гоблинов, заставить эту презренную пародию на Гоб-нула трястись от страха и ползать на полу среди плевков и объедков. Но заветной, затаенной мечтой Зархада было желание самому занять должность наместника. Вот тогда, получив в свои лапы всю полноту власти, он бы поквитался со всеми. Не только с Грысаком, но и с прочими своими недругами, к которым у Зархада скопился немалый счет.

Гоб-сатан занимал старое подземелье, которое сверху было обозначено едва заметным курганом. Сквозь тщательно замаскированный вход гоблины проникли внутрь. И тут же выяснили, что не ошиблись в своих предположениях.

Известие о битве на руинах старой крепости распространилось по всей нейтральной полосе. Отовсюду в Гоб-сатан стеклись гоблины, желающие получить разъяснения. Всем хотелось знать, что это за новая сила возникла на их землях, и не следует ли незамедлительно идти к ней на поклон. Многие прямо говорили, что следует, потому как если эта сила легко и просто надавала по шее паладинам и черным рыцарям, то лучше скорее записаться к ней в друзья.

В тронный зал набилось столько гоблинов, что яблоку некуда было упасть. Грысак

стоял на возвышении, перед тронем Гоб-гулыба, вместе с двумя своими телохранителями, и судя по растерянному виду, сам ничего не знал и не мог ответить на сыплющиеся на него вопросы. А вопросы еще как сыпались.

— Что происходит-то? — требовали ответа гоблины. — По всей нейтральной полосе, от вод южного моря до берегов северного океана, говорят о великой силе, пробудившейся и заявившей о себе. Что оно такое?

— Я над этими работаю, — сквозь зубы цедил Грысак.

Он был крупным и сильным гоблином, с огромными мускулистыми руками, и носом, длиной и формой похожим на ятаган. Даже телохранители казались тщедушными на фоне этого гиганта. Но обычно наглый и дерзкий Грысак сегодня выглядел растерянным. От него, как от наместника, требовали ответов, а он не знал, что сказать.

— Ты Гоб-нул, или просто мимо проходил? — закричал кто-то из толпы, собравшейся в подземном зале. — Ступай в крепость, и выясни все. Мы хотим знать, что нам делать.

— Покомандуй мне тут! — прорычал Грысак, но в этот раз его наглость не сработала — гоблины дружно освистали его и осыпали насмешками. Наместник смутился, не зная, что ему делать и как быть.

— Какой из тебя Гоб-нул, если ты боишься пойти и выяснить, что там произошло? — прозвучало из толпы. — Зачем нам такой Гоб-нул, братцы? Выберем другого, который не трус!

— Это я-то трус? — взревел Грысак, но его слова вновь потонули в свисте и насмешках.

В этот момент сквозь толпу протолкался Зархад и вышел не небольшой пятачок перед тронем Гоб-гулыба.

— Братцы! — закричал он. — Сестрицы! Позвольте мне сказать!

— Да вот тебя еще тут не хватало, — закричали на него гоблины.

— Сперва выслушайте, потом судите! — возопил Зархад. — Ибо знайте — только что явился я из той крепости, где были биты паладины и черные рыцари.

После этих его слов в зале воцарилась гробовая тишина. Даже Грысак опешил настолько, что не нашел, что ему сказать, и просто таращился на Зархада округлившимися глазами.

— Да, братья и сестры, — продолжил Зархад в тишине, — я только что оттуда. И больше вам скажу — я сам принимал участие в разгроме армий добра и зла. Вот этой вот рукой сразил я трех паладинов и четверых черных рыцарей. Я дрался, как бешеный дракон....

— Да потом об этом добрешешь, — донеслось из толпы. — Ты лучше поведай, что за сила вызрела в тех руинах. Прежде, я знаю, жил там старый алхимик. Но не он же, в самом деле, перебил добряков и злодеев.

— Нет, не он, — согласился Зархад. — Сила, что была явлена там, не от мира сего. И мощь ее столь велика, что Ильнур, верховный паладин Форинга, и Мортус, лорд черного замка, бежали пред нею, поджав хвосты.

Гоблины стали переглядываться и трусливо перешептываться. Все сходились на том, что если уж такие могучие герои, как Ильнур и Мортус, поджали хвосты, то им, гоблинам, просто не на что надеяться. Захочет эта сила прихлопнуть весь их народ, и прихлопнет легко, в один миг.

— Что оно такое, эта сила? — послышался вопрос из толпы. — Поведай же нам, о, многоуважаемый Зархад.

Зархад приосанился и гордо задрал подбородок так, что его огромный нос уставился

прямоком в закопченный каменный свод зала.

— Поведаю, братья и сестры, поведаю, — пообещал он. — Знайте же, что сила эта родом из иного мира. Природа же ее глубоко демоническая.

— Что? Демон? — ахнула толпа. — Так там демон?

Гоблинов объял ужас. Кое-что о демонах они знали. Конкретно то, что демоны могущественны, злы и свирепы, и нет для них большей радости, чем творить бесчинства и сеять смерть.

— Это верно, — подтвердил Зархад. — Демон огня.

Гоблины пали духом. Им стало ясно, что нужно либо бежать с этих земель, либо их всех ждет гибель. Вот только некуда им было бежать. Не осталось для них на свете ни одного уголка.

Заметив, что собратья приуныли, Зархад поспешил утешить их.

— Нет-нет, братья, не страшитесь! — призвал он. — Ибо демон не причинит нам вреда. Ну, точнее говоря — мне, — добавил он затем.

— Все знают, что демоны зловредны и вероломны, — заметил один из вождей. — Как ты можешь успокаивать нас? Или ты имеешь власть над этим демоном?

— Не может он иметь власти над демоном! — завопил позабытый всеми Грысак. — Такой силы нет ни у кого из гоблинов, а у этого жалкого Зархада и подавно. Сие под силу лишь Гоб-гулыбу, великому властелину.

И вот тут-то Зархад и вспыхнул. Вот тут-то он и сорвался. Не смог стерпеть очередного публичного оскорбления от этого выскочки Грысака, чей грязный рот вылил по его адресу уже немало словестных помоев. Пришло время поставить его на место.

— Да! — завопил Зархад. — Да, братья! Лишь Гоб-гулыбу под силу подчинить себе демона. Но в том-то и дело, что принес я вам благую весть. Ибо сбылось, сбылось, наконец, древнее пророчество. Сотни лет ждали мы, и вот оно сбылось. Гоб-гулыб явился!

Вновь воцарилась тишина. Гоблины дикими глазами таращились на Зархада, пытаясь понять, шутит тот, или просто спятил.

— Ложь! — каркнул вдруг Грысак, и топнул ногой по каменному полу. — Грязная ложь! Если бы явился в мир Гоб-гулыб, то я первый узнал бы о том. Разве я не Гоб-нул?

— Ты сам сказал, — усмехнувшись, произнес Зархад.

— Нет, я в это не верю! — заявил Грысак. — Ты все лжешь, Зархад. Ты известный лжец. Никто тебе не поверит.

Зархад, прищурившись, взглянул на наместника, и спросил у него:

— Повторишь ли ты эти слова, Грысак, в лицо Гоб-гулыбу? Очень бы хотелось взглянуть на это. И на то, как за дерзость твою Гоб-гулыб велит демону испепелить тебя живо.

Он возвысил голос и закричал так, что эхо его слов заметалось под сводами подземного зала.

— Братья и сестры! Слова мои — правда. Гоб-гулыб явился. Его могущество велико, даже демон склонился пред ним и признал его власть. А еще Гоб-гулыб официально нарек меня, Зархада, своим лучшим другом. Да-да, так и было. И пообещал, что жестоко покарает каждого, кто не выкажет мне должного уважения.

— Меня Гоб-гулыб тоже нарек другом, — скромно сообщил Грыбан.

— Но должны же были быть какие-то знамения того, что сбывается древнее пророчество, — робко подсказал кто-то из толпы.

— Я их видел! — заявил Зархад. — Мертвые паладины и черные рыцари — чем не знамение? Будут и другие мертвецы, если вы откажетесь признать своего повелителя, — добавил Зархад зловещим тоном.

Дальше его совсем понесло, и он долго, в ярких красках, расписывал, какой Гоб-гулыб огромный и могучий, какой мощью веет от его эпической фигуры, и как жестоко и безжалостно расправился он с добряками и злодеями. Через слово Зархад напоминал о том, что является лучшим другом пришедшего миссии, и намекал, что может замолвить перед тем словечко. Когда речь фантазера подошла к концу, к нему не обращались иначе, как многоуважаемый и почтенный лучший друг Гоб-гулыба. Со всех сторон тянулись руки, и совали Зархадку взятки. Один наместник остался непоколебим, и продолжал кричать о том, что Зархад все это выдумал, и нет ему веры. Но гоблины, в массе своей, его не слушали. Обступив Зархада, они требовали подробностей, и нижайше интересовались, когда же начнутся обещанные в пророчестве времена процветания и блаженства. Всем хотелось знать, скоро ли Гоб-гулыб поведет их в обещанные тучные земли с зеленой травкой, чистой водицей и обилием дичи.

— Всеу свое время, братцы, — обнадежил их Зархад. — Готовьтесь, но не спешите. Когда пробьет час, вас оповестят об этом заранее.

Кончилось тем, что Зархад ушел из Гоб-сатана в новых сапогах и в отличной кольчуге из зачарованного сплава. Шею его отягощали золотые цепи, на пальцах сверкали огромные перстни. Кое-что перепало и Грыбану. Многие гоблины, особенно из числа молодежи, выказали желание примкнуть к Зархадку и быть под его началом, на что тот посоветовал им точить клинки и ждать его зова.

— Не знаю, с чего ты взял, что я переборщил, — произнес Зархад, задумчиво почесывая затылок. — Подумаешь, слегка приврал.

— Слегка? — присвистнул Грыбан. — Да ведь ты им сказал, что Гоб-гулыб явился. А где он, Гоб-гулыб? Если узнают, что ты все выдумал, мы и трех дней не проживем. В основном, конечно, ты, но и меня грохнут, за компанию. И кто тебя за язык тянул?

— А ты бы предпочел, чтобы я молча терпел неуважение к себе? — воскликнул Зархад.

— Ну а если они в крепость притащатся, чтобы на Гоб-гулыба поглядеть?

— Не притащатся, — отмахнулся Зархад. — Побоятся. А притащатся, попросим Свету их пугнуть.

На словах он храбрился, но на самом деле Зархадку тоже было не по себе от своего вранья. Он отлично понимал, что перегнул палку, и когда все вскроется, а оно рано или поздно точно вскроется, непросто будет оправдаться перед разгневанными соплеменниками.

— Ладно, нечего о грядущем тужить, — решил он. — Идем. Надо добраться до крепости засветло.

Они успели отшагать некоторое расстояние, когда Грыбан вдруг тихо выпалил:

— Ложись!

Зархад хоть и пребывал в глубокой задумчивости, притупившей его бдительность, команду исполнил мгновенно, и тотчас же распластался на земле. Его приятель устроился рядом с ним.

— Что там? — тихо спросил он, не поднимая головы.

— Люди, — прошептал в ответ Грыбан.

— Надо же. И сколько их?

— Кажется, двое. Я заметил двоих.

Зархад осторожно приподнял голову и обозрел равнину. И сразу же заметил в отдалении две фигурки, неторопливо бредущие по серой земле. Да, это были люди. Более того, своим зорким зрением Зархад распознал в них женщин.

Две женщины, притом безоружные, пешком гуляющие по нейтральной полосе — подобная ситуация просто обязана была содержать в себе какой-то скрытый подвох.

— Что будем делать? — спросил Грыбан. — Нападем?

Соблазн был велик, но чутье подсказывало Зархаду, что эти женщины не так безобидны, как кажутся.

— Давай-ка проследим за ними, — предложил он. — Интересно, куда они чешут? Судя по направлению их движения....

Он осекся, вдруг осознав, что женщины движутся прямо к разрушенной крепости.

— Проследим! — решил он, и они с Грыбаном незаметно поползли вперед.

Глава 32

— Еще раз — кто ты такая и откуда здесь взялась? — спросил Гамал, пристально глядя на закутанную в белый саван фигуру. Лицо гостьи скрывалось под маской, то ли фарфоровой, то ли вырезанной из слоновой кости. Прорезей для глаз в маске не было, что не мешало визитерше прекрасно ориентироваться в пространстве.

— Дедушка, я же вам уже объяснила, — терпеливо произнесла Синара. — Явилась я из древнего склепа, и не просто так, а по важному делу. Имя мое — Синара. Меня прислали сюда владыки загробного мира....

— Да, да, это я понял, — перебил ее старый алхимик. — Я спросил — кто ты такая. Или, если сформулировать вопрос более корректно — что ты такое? Ты ведь нежить?

— Пожалуй, — согласилась Синара.

— Но ты умеешь говорить, и, судя по всему, мыслить. Насколько вообще эта функция присуща женскому полу.

— Вот только давайте без этого, — утомленным тоном протянула Синара. — И я вообще не понимаю, к чему весь этот допрос. Я же хочу помочь. Или вам моя помощь не требуется?

— Пока не знаю, — признался Гамал. — Вся эта история звучит как-то неправдоподобно. Какой-то монстр, не живой и не мертвый, идущий за нашим Стасиком... Не хочу никого обижать, но кому он сдался, этот Стасик? Будь я на месте монстра, Стасик оказался бы последним человеком, который бы меня заинтересовал.

— С этим я, пожалуй, могу согласиться, — поддержала старика Синара. — Когда я впервые услышала о Свиностасе, то вообразила себе могучего героя, наделенного невиданной силой. Мне виделся непобедимый воитель, и столь же искусный маг. Грозный избранник судьбы, вершитель истории. Атлетически сложенный красавец с рельефной мускулатурой и ликом, разрывающим в клочья девичьи сердца. Но когда он впервые предстал пред моими очами, я была разочарована. Не могу взять в толк, что могло привлечь к нему какого-то монстра. Он ведь совсем не привлекательный.

— Это все потому, что вы оба плохо знаете Стасика, — вмешалась в их беседу Света. — Пусть Стасик и не великий воин, пусть он не наделен магической мощью, и пусть его невзрачный вид не производит должного впечатления, но зато в душе он добрый и отзывчивый.

— Ты так говоришь ровно потому, что никогда не встречала других мужчин, — пояснил

ей Гамал. — На их фоне Стасик действительно довольно жалок.

— Он чем-то неуловимо напоминает мне моего бывшего жениха, — призналась Синара. — Тот тоже не блистал ни красотой, ни интеллектом, а его... Ой! Нет! Лучше не вспоминать!

И она захихикала, прикрыв маску ладонями.

— Все равно, у Стасика много скрытых достоинств! — не унималась Света. — Он добрый....

— Было, — напомнил ей Гамал.

— Отзывчивый....

— Ты и это говорила.

— Еще он....

Света запнулась, не зная, чем продолжить список положительных качеств Стасика. Ей почему-то казалось, что их перечень велик. Ровно до тех пор, пока она не попыталась его озвучить. Но вот теперь кроме доброты и отзывчивости на ум ей решительно ничего не шло.

— Ладно, — сдалась демонесса. — У него не так уж много положительных качеств. Но другие не обладают и этой малостью. Люди черствые и грубые. И....

Она прервала свою речь, и покосилась на Синару. Та продолжала тихо хихикать, делая в воздухе странные жесты, слово пыталась похвастаться размером пойманной рыбы. И судя по расстоянию между ее ладонями, рыбешка была так себе.

— О чем я и говорю, — нарушил молчание Гамал. — Стасик настолько банален, неинтересен и невзрачен, что едва ли мог заинтересовать какого-то эпического монстра. Уж не ошиблись ли владыки загробного мира?

— Нет, эти не ошибаются, — заверила его Синара. — Если они сказали, что зло идет за Свиностаком, то так оно и есть.

Разговор происходил на кухне, которую удалось худо-бедно восстановить после недавней битвы. Гамал завтракал, Света и загробная гостя не нуждались в пище, поэтому просто составляли ему компанию. А в стороне от них сидел чуть живой от страха и обиды Стасик. Перед ним на столе стояла нетронутая миска с кашей. Голода он не чувствовал, и вообще не мог заставить себя притронуться к еде. Кусок не лез ему в горло, а руки так сильно тряслись от ужаса, что он едва ли сумел бы попасть ложкой в рот.

Пока люди, демоны и мертвецы в его присутствии перемывали ему кости, Стасик терпел и молчал. Он многое мог бы сказать им всем, но было не до того. Страх сковал его ледяными цепями. Ему было решительно безразлично, сколь скверно собеседники отзываются о нем. Все его мысли были заняты грозной новостью, доставленной минувшей ночью. И в отличие от Гамала, Стасик вовсе не считал, что произошла какая-то ошибка. Только не с его потрясающим невезением. Нет, ошибки не было. По его несчастную душу действительно шло нечто страшное. Зло, которое прежде еще не видел этот мир. Некий монстр, напугавший даже владык загробного мира. И Стасик не питал иллюзий на тему того, что конкретно это существо желает сделать с ним. Как будто тут были возможны варианты.

— Ну, хорошо, — произнес Гамал. — Предположим, что ошибки не было. В таком случае, я не понимаю, зачем Стасик мог понадобиться какому-то монстру. Даже самые злобные и мрачные чудовища не станут преследовать кого-то без очень веской на то причины.

— А вдруг причина есть? — предположила Синара. — Просто мы о ней не знаем.

После этих слов все повернулись к Стасику и вопросительно уставились на него.

— Что? — завопил тот, уже не сдерживая слез. — Что вы хотите знать? Какая еще причина? Раз на то пошло, этот мир нагадил мне сильно больше, чем я ему. Это мне положено преследовать всех вокруг с бензопилой наперевес.

— Ты истерики-то не закатывай, — строго приказал ему старый алхимик. — Тут дело серьезное. И касается не одного тебя. Мы тоже можем пострадать. О нас ты подумал?

— А кто-нибудь подумал обо мне? — спросил Стасик. — Это ведь не за вами охотится страшное зло.

— Но мы находимся рядом с тобой, — напомнил Гамал. — Следовательно, тоже входим в группу риска. Тебе бы следовало подумать и о нас, маленький эгоист.

Стасик обхватил руками голову и протяжно заскулил. Ужас буквально сводил его с ума. И единственный выход, который казался ему спасительным, заключался в немедленном побеге на другой край света. Необходимо было спрятаться. Хорошо и надежно. На каком-нибудь отдаленном острове, посреди бескрайнего океана. Там он выстроит себе неприступную башню без окон и дверей, в сотню метров высотой, и не покинет ее до конца жизни. Вот только будет ли достаточно этих мер, чтобы спастись от идущего по его душу монстра?

— О побеге задумался? — блеснув проницательностью, безошибочно угадал Гамал.

Стасик резко вскинул голову, тем самым полностью выдав себя.

— О, это тебя не спасет, — тут же заверила его Синара. — Куда бы ты ни сбежал, где бы ни спрятал свое субтильное тельце, монстр всюду отыщет тебя. Ты еще не понял, как круто попал? Это существо не успокоится, пока не настигнет тебя. Ни одна преграда не удержит его на пути к цели. Оно одержимо тобой. Ты — смысл его существования. Ты можешь сбежать хоть в другой мир — монстр последует за тобой и туда. Ваша встреча неизбежна. Рано или поздно, но тебе придется взглянуть в лицо своему страху. И тогда....

От этих слов, и того замогильного тона, которым они были озвучены, Стасик едва не грохнулся в обморок.

— Хватит! — закричал он срывающимся голосом. — Хватит уже меня пугать! Я и так чуть живой от ужаса! Вы что, хотите довести меня до самоубийства?

После его слов Синара вдруг опять начала хихикать. От подобной реакции Стасик лишился дара речи.

— Извини, — продолжая смеяться, попросила покойница. — Я это не над тобой. Понимаешь, когда-то у меня был жених. И он тоже покончил жизнь самоубийством.

— Что значит — тоже? — завопил Стасик. — Я не собираюсь ни вешаться, ни топиться.

— Он тоже этого не делал. В окошко выпрыгнул.

— Ты, наверное, сильно горевала после понесенной утраты, — сочувственно сказала Света.

— Да, ужасно, — выдавила из себя Синара, после чего залилась звонким, неожиданно живым, хохотом.

— Бездушное чудовище! — сквозь зубы процедил Стасик. — Никому из вас меня не жалко.

— Мне жалко, — поспешила признаться Света. — Не волнуйся, милый Стасик, я не дам тебя в обиду. Вместе мы одолеем этого монстра. А Синара нам поможет. Да ведь?

— Да, да, помогу, — не переставая хихикать, пообещала та. — Я же здесь за этим.

— А в чем твой интерес? — спросил у нее Гамал. — Почему ты хочешь уничтожить это существо?

— Долго объяснять, — отмахнулась та, уйдя от прямого ответа. — Да это и не важно. Если вы хотите спасти Свиноста, вам придется принять мою помощь. Поэтому я поживу у вас какое-то время, пока мы не уладим все дела. Я бы предпочла темное помещение без окон, желательное расположенное под землей. У вас такое есть?

— Подземелье в твоём распоряжении, — сказал ей Гамал. — Там, правда, нет ни мебели, ни прочих удобств....

— Ничего страшного, я уже давно не нуждаюсь в подобных аксессуарах, — сказала Синара. — Было бы где кости кинуть.

— Эй? Вы о чём вообще? — воскликнул Стасик. — Нельзя здесь оставаться! Надо бежать! Далеко.

— Тебе же сказали — бежать бесполезно, — напомнил Гамал.

— Так ведь ещё не пробовали. Вдруг получится? Или давайте так — я убегу и спрячусь, а вы тут сами разберётесь с этим монстром.

— В этом весь Стасик, — констатировал старик.

— Монстр идёт именно за тобой, — напомнила ему Синара. — Мы ему не нужны. Чтобы защитить тебя, мы должны находиться рядом. Но если ты желаешь встретиться с чудовищем один на один, я отнесусь к твоему решению с уважением и не стану вмешиваться. Понаблюдаю со стороны.

Такого Стасик точно не хотел. Он вообще не испытывал желания встречаться с этим существом, ни в одиночку, ни с большой и сильной группой поддержки.

— За что мне все это? — забормотал он горько. — Я ведь никому ничего плохого не сделал. Я хороший.

— Стасик обожает жалеть себя, — пояснил Гамал Синаре. — Это единственное ремесло, в котором он преуспел. Таких плакальчиков ещё поискать.

— Тебе хорошо говорить, — обиженно прогудел Стасик, — тебя ведь не преследует чудовище.

— Вот именно, — согласился Гамал. — А тебя преследует. И я ни за что не поверю, что на это нет никакой веской причины.

Он задумчиво поскреб бороду и произнес:

— Ты ведь родом из другого мира, верно? А не могло ли оно прийти за тобой оттуда? Вспомни, не было ли у тебя заклятого врага, который ненавидел бы тебя всем своим существом?

— Врага? — тупо повторил Стасик. — Какой ещё враг? Да я был обычным школьником. У меня не то, что врагов, друзей-то не было. И не совершал я ничего такого, за что меня стоило бы ненавидеть. Поймите, я хороший!

А на ум ему, меж тем, вновь пришёл эпизод с разорением Форинга. Как ни крути, а вот там-то он совершил немалое злодеяние. И Стасик просто-таки нутром чуял, что корни всего этого кошмара растут именно оттуда.

— Порой мы совершаем страшные злодеяния неосознанно, даже не понимая того, что творим, — подсказала Синара. — Ты покопайся в памяти, милый Свиноста. Если ты что-нибудь припомнишь, это сильно упростит нам задачу. Если мы будем знать, с кем имеем дело, то сможем выявить слабые места этого существа.

— Говорю вам — нет у меня никаких врагов, — повторил Стасик. — То есть, один есть, но это точно не он. Разве что....

Тут Стасик почувствовал такой липкий ужас, что едва не упал со стула. Подумал он вот

о чем — а что, если это Колька идет за ним? Вдруг давний обидчик скончался от полученных в битве ран, и превратился в чудовище. И теперь решил закончить начатое — добраться до своей вечной жертвы и расправиться с ней.

— О, кажется, что-то вспомнил, — обратила внимание Синара. — Ну же, рассказывай. Не стесняйся.

Стасик уже открыл рот, чтобы озвучить свое страшное предположение, но тут из коридора донесся звук торопливых приближающихся шагов. Спустя секунду в кухню вбежали запыхавшиеся гоблины.

— День добрый! — выпалил Зархад, обведя взглядом всех присутствующих и ненадолго задержав его на Синаре, которую он прежде не видел. — А вы тут, значит, мирскую пищу вкушаете.

Стасику стало не по себе от вида гоблинов. Те были явно чем-то встревожены. Несчастный паренек понял, что подъехала новая порция ужасных новостей.

— Перекус — дело святое, — продолжил Зархад. — Но позвольте спросить — а кто стоит в карауле?

— Какой еще караул? — поморщился Гамал. — Чего тебе надо? Жрать хочешь — бери тарелку. Заодно послушай интересные новости из соседней гробницы. Стасику снова крупно повезло.

— И не ему одному, — проворчал Грыбан. — У вас гости.

Стасик вскочил со стула, готовый бежать куда глаза глядят. Ему подумалось, что это обещанный монстр уже пожаловал по его душу.

— Какие еще гости? — медленно произнес Гамал, поставив на стол тарелку с кашей. — О чем ты, морда купоросная?

— А ты рыльце наружу высунь, сам и увидишь, — посоветовал ему Зархад. — Пока вы тут кашу хлебаете, они уже до стен добрались.

— Господи! — заплакал Стасик. — Это оно! Оно пришло за мной! Почему? За что? Я не хочу! Только не сегодня!

— Не оно, а они, — поправил его Зархад. — Там две женщины людского рода. Молодые.

— Женщины? — тупо повторил Гамал. — Какие еще, дракон тебя затопчи, женщины? Что ты выдумываешь?

— Говорю же — выйди да посмотри, — повторил гoblin. — Две бабы. Без оружия. Чешут прямо сюда. Идут открыто, не таясь.

Стрый алхимик поднялся со своего места, взял со стола кинжал и спрятал его под одежду.

— Что ж, — произнес он, — идем, взглянем на этих женщин. Стасик, ты со мной?

— Рад бы, но не могу, — пискнул тот. — Мне еще тарелки мыть. Да и пол бы не мешало подмести....

— Тарелки подождут. Идем. Кто знает, кого там принесло. Света, будь любезна, составь нам компанию.

— И я, пожалуй, с вами, — вызвалась Синара. — Вдруг явился монстр страшный, одержимый Свиностаком. Тут-то мы его дружно и прищучим.

Глава 33

Страх стальными цепями сковал Стасика. Несчастный паренек едва переставлял ноги.

Его так и подмывало тихонько отстать, а затем украдкой юркнуть в одну из комнат. После чего забиться в темный уголок и притвориться невидимкой. Но впереди двигалась Света, а позади Синара. Не было никакой возможности ускользнуть незамеченным.

— Знаете, у меня тут что-то живот заболел, — начал выдумывать Стасик. — Можно выйти?

— Сейчас все выйдем, — пообещал ему Гамал, идущий впереди всего отряда. — На свежем воздухе твой недуг рассосется.

— Будь сильным, Свинорыл, — подбодрила его Синара.

— Я Свиностас, — машинально поправил Стасик.

И тут же, спохватившись, выпалил:

— Стас я! Стас! Хватит уже склонять меня на свинские лады.

— А чем Свинорыл не имя? — удивленно спросил Грыбан. — В самый раз для богатыря. Свинорыл-разрушитель. Или Свинорыл — карающая секира.

— Я тоже думаю, что тебе бы пошло быть Свинорылом, — согласилась с гоблином Синара. — Что это за имя такое — Стасик? С таким именем никто не будет воспринимать тебя главной мировой угрозой.

У Стасика не было сил на то, чтобы спорить и отстаивать свое доброе имя. Он вообще не понимал окружающих его людей, демонов, гоблинов и нежить. Их беззаботность ужасала. А ведь там, снаружи, они могут столкнуться с кошмарным чудовищем, напугавшим даже владык загробного мира. Впрочем, остальным-то, как раз, не о чем было волноваться. Не по их же душу шло неведомое зло.

— Свинья есть гордое и благородное животное, часто изображаемое на гербах и знаменах, — заметил Зархад, не потрудившись, впрочем, привести ни одного примера водружения свињи на герб. — Оно олицетворяет силу, мужество и телесную красоту.

— И на вкус весьма приятное, — подсказал Грыбан.

— Твари бездушные! — глотая слезы, пробормотал Стасик. — Я вам это припомню.

Впереди показался выход. И при виде его у Стасика на самом деле прихватило живот. Вот сейчас он шагнет наружу, а там оно. То самое неведомое зло. И что ему делать, если Света и Синара не справятся с порождением ужаса и мрака?

— Ой, подождите, я кое-что забыл, — засуетился Стасик на выходе. — Пустите, я сбегаю, заберу.

— Да после сходишь, — сказала Синара, не пуская его обратно в крепость. — Вперед, отважный Свинорыл. Там ведь пришли какие-то девушки. Вдруг к тебе?

— Ко мне девушки не ходят, — захныкал Стасик, суетясь в дверях. Синара наступала на него, тесня к выходу.

— Тут нечем хвастаться, — сказала она. — В том, что ты не популярен среди красавиц, виноват только ты сам. Не бойся меняться. Начни с имени. Назовись Свинорылом, и твои дела пойдут в гору.

— Свиногрыз тоже хорошо, — подсказал Грыбан.

— Вот именно, — согласилась Синара. — С таким именем тебе обеспечен успех у женщин. Говорю тебе как женщина, пусть и бывшая.

Подгоняемый бездушными существами, Стасик оказался во дворе. Там его уже поджидали Гамал и Света. Они стояли у выхода и смотрели на противоположный край крепостного двора. Туда, где в защитной стене зияла широкая брешь. И как раз в тот момент, когда Стасик оказался снаружи, в эту брешь шагнули две человеческие фигуры.

— Надо же, действительно бабы, — удивленно произнес Гамал. — А я уж решил, что гоблины опять брешут.

— Что значит — опять? — проворчал Зархад, присоединяясь к остальным. — Гоблинская честность вошла в легенды.

— Как и волшебные яблоки, исполняющие желания, — произнес алхимик. — Ни того, ни другого не существует.

Все они выстроились вдоль стены, наблюдая за приближением двух незнакомок. Стасик попытался спрятаться за спины приятелей, но Синара уличила его в том, что он пытается разглядеть ее зад.

— Уйми свою похоть, малыш, — посоветовала она. — Здесь не время и не место.

— Это вы там о чем? — подозрительно спросила Света.

— Да так, о своем, — загадочно ответила Синара.

В этот момент гости приблизились настолько, что Стасик сумел разглядеть их во всех деталях. И он, конечно же, узнал обеих девушек.

Крик ужаса сорвался с уст Стасика. Не таинственное зло пришло за ним, но радоваться было рано. Потому что в гости нагрянули женщины, которых он небезосновательно боялся, как огня. Особенно одну из них.

Лаура и Риана подошли к ним и встали напротив. Волшебница и ведьма прошлись взглядами по отряду злодея Свиноста. Кого-то они признали, кого-то видели впервые.

Первой всеобщее молчание нарушила Синара.

— Нет, это не он, — произнесла загробная принцесса. — Разбирайтесь тогда сами. Пойду обустройства подземелье.

— Нет! Стой! — взмолился Стасик. — Не уходи! Побудь здесь!

— Ах ты, проказник! — погрозила ему пальцем Синара. — Запал-таки.

Тут она, конечно, дала промашку. Об этом Стасик даже не думал. Просто ему хотелось иметь подле себя как можно больше могущественных существ, способных, в случае нужды, защитить его шкуру. А такая защита вполне могла ему потребоваться.

— Я тебя знаю! — сказала Света, указав пальцем на Лауру. — Ты была с теми, кто пытался убить Стасика.

Риану Света не узнала. К тому моменту, как она появилась на поле боя, ведьма уже выбыла из строя и без чувств валялась на камнях.

Лаура ничего не сказала. Стасик видел, что волшебнице страшно. Огненный демон пугал ее. Как и Риану. И, тем не менее, обе явились сюда. Но зачем? Стасик не мог этого понять. Явно ведь не затем, чтобы сражаться. У них двоих не будет и шанса против Светы, которая в одиночку перебила толпу паладинов, черных рыцарей и разномастных чародеев.

Заговорил Гамал.

— Кто вы, и что привело вас сюда? — спросил он.

— Я Лаура, верховная волшебница Форинга, — прозвучало в ответ.

— А я Риана, старшая ведьма черного замка.

— А я Синара из склепа, — на всякий случай сообщила загробная принцесса.

— И зачем вы здесь? — спросил Гамал. — Вы ведь были среди тех, кто наведился сюда в прошлый раз. Неужели пришли за реваншем? Вам бы следовало прихватить больше воинов.

Риана трусливо поежилась, но Лаура гордо вскинула голову и произнесла:

— Мы здесь не за тем, чтобы драться.

— А что же вам нужно? — уточнил старый алхимик.

— Мы пришли говорить со Свиностаком.

У Стасика сердце ушло ниже пояса. Он заскулил, и вновь попытался спрятаться за спину Синары. Но та схватила его и начала выталкивать вперед со словами:

— Иди! Иди! Будь смелее. И назовись Свинорылом. Они точно не устоят перед этим.

— Ступай, Стасик, поговори с ними, — предложил Гамал.

— Почему я? — заныл Стасик, упираясь в землю ногами.

— Они ведь пришли к тебе.

— Да вы хоть знаете, кто это? Они обе меня ненавидят. Особенно Лаура.

— Но мы же здесь, — напомнил Гамал.

— А толку-то с вас? Им, чтоб меня убить, хватит пальцами щелкнуть. Вы ничего не успеете сделать.

— Почему же не успеем? — удивилась Синара. — Мы за тебя отомстим. А твою почившую тушку с почестями похороним в склепе. Будешь там лежать, гнить тихонько. Я стану тебя навещать, червячков приносить.

— Я пойду с тобой, — вызвалась Света. — И не позволю им навредить тебе.

Вместе они направились к гостям.

Вблизи, рассмотрев Лауру подробнее, Стасик отметил про себя, что волшебница сильно изменилась. Он знал ее доброй и кроткой, готовой помочь каждому. Он видел ее в лютом гневе. Но сейчас Лаура пребывала в каком-то новом состоянии. Внешне она была спокойна. Так, во всяком случае, казалось на первый взгляд. Но Стасик заметил, что верховную волшебницу буквально трясет от внутренней ярости. Притом, как с удивлением отметил Стасик, было похоже, что вовсе не он является причиной этих высоких и сильных чувств.

Испуганно поглядывая на Свету, Риана выдавила из себя приветливую улыбку, и пробормотала:

— Здравствуй, Стасик. Давно не виделись. Тебя прямо не узнать. Сменил имидж? А тебе идет. В этих бинтах ты выглядишь более мужественно и сексуально.

— Хватит этой болтовни! — прервала ее Лаура.

Затем она уставилась на Стасика, и того поразил взгляд верховной волшебницы. Тот был до того злобным и диким, что становилось страшно.

Лаура заговорила, обращаясь к Стасику. От первых же ее слов тому стало дурно.

— Свиностака Окаянный, темный властелин и растлитель невинных дев, злодей и губитель, осквернитель непорочности и похититель доброты. Выслушай же меня.

От обилия новых титулов Стасик едва не прослезился. А ведь еще недавно он был простым свинопасом. Затем простой посудомойкой. А теперь он вон кто: губитель, растлитель, мучитель и осквернитель. Было бы не так тошно, если бы он хоть чем-то заслужил все эти милые эпитеты в свой несчастный адрес.

— Верно ли, — спросила Лаура, — что ты лелеешь планы по низвержению сего мира в огонь и хаос всеобщей гибели?

— Что? — испуганно пискнул Стасик.

Единственные планы, которые он лелеял, касались тихой мирной жизни, в ходе которой он бы не трогал никого, и остальные отвечали бы ему взаимностью.

— Незачем прикидываться, — поморщившись, посоветовала Лаура. — Я знаю, кто ты, и что задумал.

— Я что-то задумал?

— Об этом известно всем, не отрицай.

Всем? Известно всем? Что известно всем? Стасику стало не по себе. Какую еще клевету возвел на него правильный мир?

— О твоих злодеяниях слагают легенды, — произнесла Лаура, все больше повергая Стасика в ужас. — В своей мрачной обители ты оскверняешь юных дев и взываешь к темным богам.

— Это правда? — спросила Света.

— Что? — завопил Стасик. — Да кого ты слушаешь? Какие девы? Какие боги? Вот она, моя обитель!

И он указал на руины крепости за своей спиной.

— Ты там видела юных дев или еще кого? Опять эти придурки что-то навидумывали, а я страдай.

— Разве тебе не служат охваченные похотью гоблины? — спросила Лаура.

— Кто? Гоблины?

Стасик повернулся и посмотрел на Зархада с Грыбаном.

— Ну, есть тут два гоблина, — признал он. — Но они мне не служат. И ничем они не охвачены, кроме жадности.

Он обратился к гоблинам:

— Парни, вы же ничем не охвачены?

— О чем ты, человек Стас? — подозрительно спросил Зархад.

— Ну, чем-нибудь вот таким. Юными непорочными девами, например.

— Непорочными? — усмехнулся Зархад. — Гоблинских непорочных дев еще поискать.

Есть легенда, что одна гоблинская дева сумела сохранить непорочность до двенадцати лет. Но, по-моему, брехня это какая-то.

— Речь идет не о ваших самках, — повысила голос Лаура — Разве неправда, что вы похищаете человеческих девушек и насилуете в своей черной твердыне? Не отрицайте, это общеизвестный факт.

— Первый раз об этом слышу, — признался Зархад. — Зачем нам ваши бабы? Не е обиду будет сказано, но вы же страшные, что вегетарианское меню. Носы у вас маленькие, уши куцые, ноги без шерсти и зубы белые. Таким уродством гоблина не соблазнить.

— А я вообще не знаю, зачем бабы на свете живут, — признался Грыбан. — Вроде есть они, а зачем — не ведаю.

Но судя по виду Лауры, она не поверила ни гоблинам, ни Стасику.

— Если стесняешься сознаваться в свершенных мерзостях, дело твое, — произнесла она. — Я здесь не за тем, чтобы уличать тебя в грехах. Но верно ли, что ты собираешь великую армию, дабы пошатнуть устои мироздания и стереть с лица земли Ангдэзию и Кранг-дан?

Стасик чем дальше слушал Лауру, тем больше утрачивал связь с реальностью. Он не мог понять, о чем говорит волшебница. Вначале его огульно обвинили в массовом растлении юных дев, хотя он и одной не щупал, затем ему вменили в вину грандиозно-злодейские замыслы. Он собирает армию? Он желает стереть что-то с лица земли? О чем это все? Зачем? Откуда взялось?

— Послушай, Лаура, — тихо сказал Стасик. — Я не знаю, кто наплел тебе этих небылиц, но это все неправда. Ничего такого я не делал, не делаю, и делать не собираюсь. Все, чего я хочу, это чтобы меня оставили в покое. Я знаю, меня винят в разорении Форинга. Признаю, часть вины лежит и на мне. Но я сделал это ненамеренно. Меня обманом втянули

в грязные делишки черной империи.

И Стасик выразительно посмотрел на Риану, которая и осуществила втягивание. Та виновато улыбнулась и кротко проронила:

— У меня тоже не было выбора. Не сделай я этого, со мной бы сурово обошлись.

Стасик ей не верил. Риана была злодейкой. Матерой, неисправимой злодейкой. И его чрезвычайно интересовало, с каких это пор Лаура и Риана стали лучшими подругами и путешествуют вместе.

— Вся эта давняя история меня не волнует, — произнесла Лаура. — Разрушение Форинга было давно, и... путь провалится в преисподнюю и Форинг, и все королевство добра.

Стасик отшатнулся, дикими глазами взирая на добрую волшебницу. Что-то страшное случилось с Лаурой. Что-то, что изменило ее, превратив из доброй няшки в злюку дикую. Неужели Колька все-таки умер, и это событие пошатнуло моральные устои и психику верховной волшебницы? Стасик помнил, как яростно защищала Лаура школьного хулигана. Защищала не просто как соратника. Как возлюбленного.

— Скажи, — осторожно спросил Стасик, — а Колька, он....

Стоило вспомнить Кольку, как вся кипящая внутри злоба тут же хлынула из Лауры наружу.

— Не произноси при мне этого имени! — рявкнула она, едва не опрокинув Стасика в обморок. — Никогда не произноси его имя! Не напоминай о нем!

— Хорошо, хорошо! — быстро пообещал Стасик. — Но он жив?

— Тебе это так интересно? — зло спросила Лаура. — Мне не показалось, что вы с ним большие друзья.

— Он мне не друг, — буркнул Стасик. — Скорее наоборот.

— Ну, в таком случае, у меня для тебя плохие новости, — буркнула Лаура. — Он жив. И уже почти здоров.

Тут она вновь сорвалась и выпалила несколько грязных ругательств. Стасик хотел спросить, что же все-таки произошло у нее с Колькой, но побоялся, что верховная волшебница вконец выйдет из себя и совершит что-нибудь страшное.

— Хватит говорить об этом выродке! — выпалила Лаура. — Я здесь не за этим. Ты собираешь армию для порабощения мира и погружения его в хаос боли и ужаса. Не отрицай это. Так вот. Я здесь, чтобы вступить в твою армию.

— Я тоже, — сообщила Риана. — Она и я. Мы обе.

Стасик стоял и тупо таращился на двух девушек. Их слова никак не могли перевариться в его мозгу. Куда они собрались вступать? В его армию? В армию, для завоевания мира? Что за дичь несли чародейки?

— Я вас не понимаю, — промямлил Стасик. — Никакой армии я не собираю. Я....

— Ах, не собираешь? — криво усмехнулась Лаура, напомнив в этот миг прожженную злодейку, а не добрую волшебницу. — Уверен?

— Ну, да. Кому, как не мне, об этом знать? И я точно знаю, что никакую армию не собираю. Уж вы мне верьте.

— В таком случае, Свиноста, тебе стоит начать это дело незамедлительно, — посоветовала Лаура.

— Да не хочу я! — нервно выпалил Стасик. — Не собираюсь я ни с кем воевать. Я хочу мира и покоя. Вот и все.

— Вот заливает! — изумилась Риана, и покачала головой.

— Да нет же, это правда! На кой черт мне нужна какая-то армия? С кем мне воевать?

— Ну, хотя бы с войском Ангдэзии, которое в скором времени пожалует сюда, — ответила Лаура. — Оно уже выступило из столицы и со дня на день прибудет в Форинг. А оттуда прямо на нейтральную полосу. Знаешь, что такое королевское войско? Это десять тысяч отборных воинов и магов. И все они идут по твою черную душу, Свиностаc.

Мир закружился перед глазами Стасика. Он зашатался, издал носоглоткой сдавленный звук, и бесчувственной колодой рухнул на камни.

Глава 34

Вновь открыв глаза, Стасик увидел над собой черный от копоти потолок. Он находился в одном из помещений старой крепости. Вероятнее всего, в кухне.

Его тело лежало прямо на каменном полу, в уголке, чтобы никому не мешаться. И эта мера не была напрасной. В крошечную кухоньку набилась изрядная толпа.

Стасик услышал голос Гамала. Судя по интонациям, старик был сильно взволнован.

— Это правда? — выпрашивал он. — Ты уверена?

Ему ответила Лаура. Стасик вздрогнул. Так, выходит, ему все это не приснилось. Верховная волшебница Форинга действительно нагрянула в гости. И Риана вместе с ней.

— Уж поверь, так оно и есть, — сказала Лаура. — Из столицы идет огромное войско. Скоро оно будет здесь.

Стасик вздрогнул. Значит, и это ему не приснилось. Армия Ангдэзии идет по его душу. Армия! Не отряд паладинов и магов, а несметная рать во многие тысячи числом.

— Но какого черта им тут надо? — возмущенно вскричал Гамал. — Неужели все из-за мелкого инцидента на нейтральной полосе? Подумаешь, погибло несколько паладинов и магов. С каких пор это причина для крупномасштабной операции?

— Всем плевать на погибших, — ответила Лаура. — Они идут не за тем, чтобы мстить. Их цель — Свиностаc.

Стасик зажмурил глаза и пожелал одного — вновь открыть веки уже дома, в своей квартире, в своем мире. Хватит с него этих приключений в стиле меча и магии. Он сыт ими по горло.

— А вы мне сказали, что Свинорыл никому не нужен и неинтересен, — услышал Стасик голос Синары. — Выходит, это не так. Раз целая армия идет по его душу, он еще как интересен.

— Ты вообще кто? — спросила у нее Лаура. — Я чувствую вокруг тебя странную ауру. Такая аура обычно присуща нежити.

— Так оно и есть, — подтвердила Синара. — Я, в каком-то смысле, нежить. Вот только не надо пугаться раньше времени. Я хорошая нежить. Воспитанная. Не кусаюсь, не царапаюсь.

— Понятно, — произнесла Лаура. — Темная воля Свиностаcа призвала тебя из могилы. Так верно говорят, что он чернокнижник и извращенец?

— Извращенец — да, — ответила Синара. — Чернокнижник — едва ли. Меня он, в всяком случае, из могилы не призывал. Хотя я здесь, все-таки, из-за него.

— Он вытащил тебя из гроба с целью надругаться? — вмешалась Риана. — Вот это да! О нем, конечно, ходят разные слухи, про поротых эльфиек и тому подобное. Но не думала, что в своих извращениях он зайдет так далеко. Свиностаc такой неподражаемо порочный.

— Да что вы все несете? — раздраженно вмешался Гамал. — К черту Стасика с его нездоровыми наклонностями. Нам нужно уносить ноги. Сколько у нас времени? Когда армия Ангдэзии нагрянет сюда?

— Точно сказать не могу, — ответила Лаура. — Думаю, в течение недели.

Стасика начало трясти. Неделя! Именно столько ему и осталось жить. И это при том условии, что прежде до него не доберется зловещий монстр. Тогда точно меньше.

— Почему я? — горько расплакался он. — Почему? Я всего-то хотел стать самым крутым магом на свете, и чтобы девушки меня любили.

Подле него оказалась Света и погладила ладонью по плечу.

— Успокойся, — попросила она. — Все будет хорошо. Я не позволю этим злым людям обидеть тебя.

— Сделать это будет непросто, — заметила Лаура. — Ты, конечно, сильна, но куда тебе совладать с огромной армией? Сюда идет не какой-то отряд, а отборное войско. В одиночку никому не выстоять против его мощи.

— Тогда мы сбежим! — выпалил Стасик. — Сделаем, как предложил Гамал. Соберем вещи и отправимся....

Он запнулся, не зная, куда именно собрался бежать. Его представление о географии этого мира имело смутный характер. Он знал, что есть другие земли, континенты и острова в океанах, но где все это, и как туда добраться, оставалось для него тайной.

— Я считаю побег неразумным шагом, — поделилась мнением Синара. — Не знаю, что там за армия, но волноваться нужно не о ней. Ужасное зло идет за Свинорылом. И лучше бы нам встретить его во всеоружии, хорошо подготовившись и находясь на своей территории, чем столкнуться с ним в дороге.

— Боже ты мой! — застонал Стасик. Испугавшись армии добряков, он совсем забыл о чудовище, идущем по его душу.

— О чем ты говоришь? — спросила Лаура. — Какое еще чудовище?

— Ужасное! — замогильным голосом протянула Синара. — Свинорыл стал объектом интереса для какого-то мрачного создания, явившегося из глубин тьмы. Оно идет за ним. Ищет его. И однажды найдет.

— Нет! — закричал Стасик, капризно притопывая ножкой. — Не хочу!

— Успокойся! — взмолилась Света. — Я не дам тебя в обиду.

— Значит, бежать не вариант, — произнес Гамал. — Даже если мы, чисто гипотетически, отдадим Стасика монстру, нас это не спасет. До побережья слишком далеко. Мы туда не дойдем. Разве что телепортироваться.

Он вопросительно посмотрел на Лауру. Та ответила:

— Это было бы возможно, будь вы все люди. Но вот она демон, или вроде того. Если я попытаюсь ее телепортировать, может произойти конец света, или еще что-нибудь в том же духе. А вот эта, — Лаура указала на Синару, — вообще какая-то нежить. И, опять-таки, неизвестно, чем обернется телепортация для нее и для нас. Разве что оставить их здесь....

— Нет! — завопил Стасик. — Я без них двоих никуда не пойду!

— О, как это мило, — обрадовалась Света.

— Свинорыл так привязался ко мне, — захихикала Синара.

Но не возвышенные любовные чувства двигали Стасиком, а обычный животный страх. Кроме Светы и Синары защитить его было некому. Если он лишится их, то сам преподнесет себя на блюде что жуткому монстру, что войнам Ангдэзии.

— Но я все никак не могу понять, на кой им сдался Стасик, — вмешался Гамал. — Зачем они хотят расправиться с ним?

На этот вопрос ответила Лаура.

— В Ангдэзии его считают новым темным властелином, — сообщила она. — И ставят в один ряд с Дакросом Безжалостным, а то и выше. Полагают, что он злобный монстр, одержимый идеей захвата мира. С целью чего собирает на нейтральной полосе армию чудовищ, чтобы обрушиться на королевство добра и обречь его огню и ужасу.

— Что? — завопил Стасик. — Они там с ума сошли? Кто все это выдумал? Неужели Колька?

Стоило вспомнить о юном паладине, как красивое лицо Лауры перекошилось от злобы и ненависти.

— Не упоминай при мне этого имени! — прорычала волшебница. — Никогда!

— Да что у вас с ним произошло? — удивился Стасик. — Чем тебе насолил Ко... Ну, ты поняла, кто.

— Это не твоего ума дело! — грубо бросила Лаура. — Но ради мести и ему, и всей Ангдэзии, я готова на все. Убегать нельзя — нас рано или поздно настигнут. Мы должны принять бой. Свиноста, как велика твоя армия чудовищ? Сколько тысяч гнусных тварей ты собрал под своим черным знаменем?

Стасик беспомощно хлопнул глазами.

— Тысяч? — переспросил он. — Армия?

— Нет у него никакой армии, — проворчал Гамал. — И знамени, кстати, тоже нет. У него вообще ничего нет. Даже бинты, в которых он упакован, и те мои.

— То есть, как это? — опешила Лаура. — Нет армии? Как же ты собрался завоевывать мир?

— Да не собирался я ничего завоевывать! — простонал Стасик. — Сто раз уже повторил. Я просто хочу жить тихо и мирно, никого не трогая. И чтобы мне отвечали взаимностью. Других планов у меня нет.

— Ох и хитрец, этот Свиноста, — изумилась Риана. — Так прикидываться, как он, никто не умеет. Он еще в черном замке себя показал. Так притворялся беспомощным и слабым, что всех обвел вокруг пальца. Вот и сейчас продолжает. Не хочу, говорит, мир захватывать. А сам небось думает, как бы всех поскорее к ногтю прижать.

Ведьма не угадала. Стасик не думал о том, как бы прижать к ногтю всех и каждого. Все его помыслы были направлены на то, как прожить еще хотя бы месяц. И он сомневался, что это ему удастся.

— Я что-то никак не пойму — Свиноста собирается мир захватывать, или нет? — призналась Синара.

— Конечно, собирается, — ответила ей Лаура. — Он просто валяет дурака.

— Да нет же! Нет! — закричал Стасик. — Поймите, я не прикидываюсь. Я такой и есть. Никаких планов по захвату вселенной я не вынашиваю. Я простой школьник. Хотя, наверное, теперь уже выпускник. Господи, я уже сбился со счета! Сколько мне теперь лет-то?

— Вот, видите, — самодовольно улыбаясь, сказала Риана. — Свиноста уже не может упомянуть, как давно живет на свете. Он великий черный маг, разгадавший тайну бессмертия.

— Мне шестнадцать! — закричал Стасик.

— Веков или тысячелетий?

— Лет! Лет мне шестнадцать. Или семнадцать — точно не знаю. И хватит уже пороть

эту чушь! Давайте думать, как спасти меня от армии добра и ищады зла. Вот что главное.

— А как же завоевание мира? — спросила Риана.

— Отстань от меня с этим завоеванием. Хочешь завоевывать мир, возвращайся в Крангдан.

Риана презрительно фыркнула, едва речь зашла о темной империи.

— С этими завоеешь, как же! — проворчала она. — Они уже столько лет воюют с Ангдэзией, и никакого результата. К тому же, со мной поступили подло. Сами все время твердили — мы своих не бросаем, мы своих не бросаем. А меня взяли и бросили. Если бы не Лаура, я так и сидела бы в темнице Форинга. Нет уж, если кто-то и сумеет подчинить себе этот мир, то лишь темный властелин Свиностаc Порочный.

— Зови его Свинорылом, он заслужил, — подсказала Синара.

— Темный властелин Свинорыл, — произнесла Риана. — А что, неплохо. Свинорыл Сумрачный. Или Свинорыл Проклятый.

Последняя кличка была близка к истине. Стасик действительно чувствовал себя проклятым, притом неоднократно. С тех пор, как он угодил в мир меча и магии, его жизнь превратилась в сущий ад. И масштаб ада только нарастал.

— Так или иначе, но Свинорылу Проклятому пора готовиться к войне, — подытожила Лаура. — Когда сюда пожалует войско Ангдэзии, оно не пощадит никого.

Стасик уставился затравленным взглядом на тихонько сидевших в уголке гоблинов, и взмолился:

— Ну, хоть вы скажите, что я никакой не темный властелин и не завоеватель мира.

Но Зархад произнес иное.

— Знаешь что, человек Стас, — протянул он задумчиво, — а вдруг так оно и есть?

У Стасика челюсть отвисла от удивления.

— Что — есть?

— Ну, вдруг ты действительно темный властелин, просто еще не знаешь об этом. Ты ведь сам говорил, что прибыл из другого мира. И не знаешь, кто ты и на что способен.

— Да знаю я, кто я! — воскликнул Стасик. — Я памяти не терял.

— Нет, ничего ты не знаешь, — покачал головой Зархад. — Ты думаешь, что знаешь. Но не знаешь. Поверь мне, опытному и бывалому гоблину — ты точно великий человек. Тебе предначертаны эпические свершения. Я только сейчас это понял. Сидел, значит, думал, думал, и вдруг понял. Меня как осенило — а Стасик-то велик.

— Какого черта ты несешь? — ужаснулся Стасик.

— А что такого? — пожал плечами гоблин. — Что вижу, то и говорю. Чем ты не властелин всего сущего? Ну, да, неказистый, трусоватый, девственник и истеричка. Как будто это кому-то мешало сидеть на троне. Верь мне, ты сумеешь разгромить армию Ангдэзии и покорить ее земли. Хорошие земли, плодородные, полные жизни. А после даруешь их гоблинам. Да ведь? Да?

Стасик беспомощно открыл рот, но не нашел, что сказать.

— Ты не думай, мы тебе будем дань платить, — заверил его Зархад. — Иногда. О гоблинах много наврано, а так-то мы ребята законопослушные. У нас просто жизнь тяжелая, вот и приходится промышлять злодействами. Нам бы в хороших краях поселиться. Это ведь можно устроить, правда?

Стасик вскочил на ноги и вскричал:

— Мне плевать на то, что вы тут себе навывдумывали! Никакой я не темный властелин, и

ни с кем воевать не собираюсь.

— Ты — нет, — заметил Гамал. — А они с тобой — да. Ну, явится сюда через неделю войско Ангдэзии, что ты им скажешь? Тоже истерику закатишь? Это не поможет.

— И не забывай о жутком монстре, что идет по твою душу и желает тебе всяческих страданий, — напомнила Синара.

— Помню я обо всем! — захныкал Стасик. — Что мне делать? Как быть?

— Подотри сопли, Свинорыл! — потребовала Лаура, глядя на него с отвращением. — Вместо того чтобы жалеть себя, собирай войско. Мы должны покарать всех.

— Кого? — простонал Стасик. — И за что?

— Поверь — есть за что! — сквозь зубы процедила Лаура. — Всю жизнь я служила делу добра! Всю жизнь! А что получила в награду?

— Что? — зачем-то спросил Стасик.

— Унижение! Позор! Меня предали! Мою любовь растоптали грязным сапогом. О, я этого не забуду. Я не прощу им ничего и никогда.

— Так ты тоже пострадала из-за любви? — спросила Синара. — Прямо как я.

Лаура пропустила ее реплику мимо ушей. Она вновь обратилась к Стасику:

— Вместо того чтобы сидеть здесь и наматывать сопли на кулак, начинай действовать.

Пошли свой зов, и пусть обитатели нейтральной полосы откликнутся на него.

— Да кто меня слушать-то станет? — захныкал Стасик, чувствуя себя беспомощным ребенком, на чьи плечи пытаются возложить непосильное дело.

— Кто-нибудь услышит.

— Я могу собрать своих, — предложила Синара. — Они, конечно, умом не блещут, но лучше, чем ничего.

— Если правильно позвать, гоблины придут, — сообщил Зархад. — Только надо очень правильно звать. Так правильно, чтобы у них и мысли не возникло отказаться. Лучше одной рукой звать, а другой головы откручивать.

— Ну, вот, уже что-то, — сказала Лаура. — И надо будет укрепить твою твердыню. В настоящий момент она непригодна для обороны. Что скажешь, Свинорыл?

Стасик какое-то время стоял у стены и затравленно смотрел на коллектив. Потом резко выпалил:

— Мне в туалет надо!

И опрометью выбежал наружу.

— Ну, пусть сходит, посидит, соберется с духом, — произнес Гамал. — Глядишь, перестанет капризничать.

— А мы пока займемся делом, — решила Лаура, стремительно беря командование в свои руки. — Собирайте всех, кого только можно. И давайте займемся восстановлением защитных стен. Старик, ты, вроде бы, алхимик.

— Так точно, — ответил Гамал.

— Понадобится взрывчатка. Заминируем подступы. Только никакой магии, ее сразу же учуют.

— Взрывчатка дело хорошее, — одобрил Гамал. — Но у меня есть идея получше.

— Отлично. Приступай.

Лаура повернулась к гоблинам.

— Ведите сюда всех своих соплеменников, — сказала она им.

И добавила:

— Если начнут упираться, сообщите им, что в этом случае я сама приду за ними. Но уйдут со мной не все.

— Без обид, женина, но ты не сильно страшная, — заметил Грыбан.

— Тогда я составлю ей компанию, — пообещала Света.

Гоблины долго смотрели на демонессу, затем Зархад произнес:

— Да, вот этого хватит. Ну, тогда завтра отправимся обратно. И да поможет нам балык.

— Я схожу до своих этой ночью, — сообщила Синара. — Они у меня стеснительные, днем на глаза не показываются. Но в нужный час сумеют заявить о себе.

— Ну и хорошо, — кивнула Лаура. — Осталось уговорить темного властелина. И этим я, пожалуй, займусь сама.

Глава 35

Отыскать сбежавшего темного властелина оказалось нелегко. Лаура долго бродила по руинам крепости, осматривая все укромные уголки, где могла бы затаиться величайшая угроза миру. Наконец поиски привели ее за пределы разрушенной крепостной стены. И там-то она обнаружила искомое. Стасик сидел под стеной, сжавшись в трусливый комочек. Услышав поблизости шаги, он резко вскинул голову и со страхом уставился на Лауру.

— Чего тебе? — спросил он.

Та подошла и присела рядом с ним. Волшебница уставилась вдаль, окинув тоскливым взглядом мертвую равнину нейтральной полосы.

— Не на это я рассчитывала, идя сюда, — призналась она. — Думала, что ты и впрямь окажешься исчадьем зла с огромной армией и амбициозными планами на будущее.

— Меня оболгали, — всхлипнул Стасик. — Я ни в чем, совершенно ни в чем, не виноват.

— Ну да, конечно, — сквозь зубы процедила Лаура. — Все вы невинные овечки. И ты, и этот....

Она стиснула зубы и скорчила злобную гримасу. Стасик понял, что волшебница имела в виду Кольку. Что-то все-таки произошло между ними. Что-то нехорошее. Что-то такое, что толкнуло добрую волшебницу на путь зла и мести.

Стасик осторожно спросил:

— Если не хочешь об этом говорить, то не говори, но что, все-таки, случилось у вас с Колькой?

— Что случилось? — повторила Лаура, продолжая глядеть на равнину. — Хм... Даже не знаю, как все это описать. У меня до сих пор в голове не укладывается.

Она резко повернулась к Стасику. Злобный огонь в ее глазах заставил того отшатнуться.

— Вы ведь родом из одного мира, так?

— Мы с Ко....

— Не произноси при мне его гнусное имя!

От ее резкого окрика Стасик едва не промочил бинты.

— Хорошо, — пискнул он. — Только прекрати на меня кричать. Я тебя боюсь.

— Напрасно, — отмахнулась Лаура. — Вредить тебе не входит в мои планы. По крайней мере, до тех пор, пока весь этот мир не сгорит в огне моей мести. Так вы с ним земляки?

— Да.

— И ты знал его прежде? До того, как вы были призваны в наш мир. Он вроде что-то

рассказывал об этом.

— Да, мы были знакомы, — ответил Стасик.

— Приятели, значит, — сквозь зубы процедила Лаура.

— Да никакие мы не приятели, — досадливо бросил Стасик. — Этот гад....

Он осекся. Не вываливать же на уши Лауре свою жалобную книгу. А он бы мог порассказать ей о том, как выродок Колька десять лет издевался над ним в школе. Еще он бы мог сказать, что Лаура сама виновата в том, что не сумела разглядеть гнилую Колькину суть, прежде чем прыгать к нему в постель. Все-таки не девочка уже, должна бы научиться разбираться в людях. Но ничего из этого он не произнес вслух. Во-первых, ему было стыдно делиться своими воспоминаниями о пережитых унижениях. Во-вторых, злить Лауру упреками было просто опасно. Она могущественная чародейка, и к тому же неуравновешенная. Пусть и сказала, что не желает ему зла, но взбесившись, может забыть об этом и размазать его в кровавую лепешку. Потом, возможно, и пожалеет об этом, да только ему от этого не будет ни холодно, ни жарко.

— В общем, никакие мы с ним не приятели, — произнес Стасик. — Скорее наоборот.

— Но ты ведь хорошо его знал?

Стасик пожал плечами. Вряд ли можно было сказать, что он хорошо знал Кольку. Он хорошо знал его как садиста и изверга. Но это была лишь одна из граней его личности. Скорее всего, имели место и иные грани, неизвестные Стасику.

— Не могу сказать, что я так уж хорошо знал Ко... ну, его, — ответил Стасик. — Но немного знал.

— И каким он был? Каким он был там, в родном мире?

Стасик ответил раньше, чем успел обдумать вопрос.

— Да гадом он был редкостным!

Лаура резко повернулась к нему. Ее брови удивленно приподнялись.

— Гадом? — переспросила она. — А он говорил то же самое о тебе.

— Ложь! — заявил Стасик. — Не знаю, что там Колька навывдумывал обо мне, но все это грязное вранье. А вот он....

— Понятно, — медленно протянула Лаура и вновь обратила свой взор на равнину. — Гад, значит?

— Ну, да, — тихо подтвердил Стасик.

— Редкостный?

— Почти краснокнижный.

— Что ж, теперь все ясно. Он просто притворялся. Скрывал свою истинную суть. И как же мастерски он это проделал!

Она изумленно покачала головой.

— Каков подлец! — процедила волшебница сквозь зубы. — Но как я могла не разглядеть той гнили, что таилась в его душе? Как?

Тут бы Стасику впору было позлорадствовать. В свое время его приводило в отчаяние стремительное возвышение Кольки и всеобщая к нему любовь со стороны добряков. И тот факт, что прекрасная Лаура избрала его своим любовником, тоже терзал Стасика почище любой пытки. Но в свете последних новостей у Стасика не осталось ни сил, ни желания для злорадства. Да и Лаура по большому счету ни в чем перед ним не провинилась. Подлый Колька обманул ее. Обвел вокруг пальца. Влюбил в себя, а затем... Затем что-то произошло. Что именно — Стасик не знал. А спрашивать стеснялся. Стоило заикнуться об этом, как

Лаура моментально приходила в состояние бешенства. Возможно, когда-нибудь она сочтет нужным рассказать обо всем. При условии, что они оба доживут до этого счастливого времени. А пока что шансы на подобный исход были невелики. Огромная армия шла из Англэзии по его душу. Обезумевшие добряки сочли его, несчастного школьника, темным властелином и угрозой существующему миропорядку. А с другой стороны к нему подбиралась какая-то потусторонняя тварь, одержимая злом и ужасом.

— Что ж, пусть это станет мне уроком, — произнесла Лаура. — Вывод очевиден: все мужики — козлы и негодяи.

Стасик не стал возражать, хотя мог бы заметить волшебнице, что в данном случае напрашивался совершенно иной вывод. Дело не в поголовной порочности мужского племени, а в том, что самой Лауре следует более придирчиво подходить к выбору партнеров. Приглядишься она к Кольке внимательнее, и ничего этого не случилось бы. А ведь у нее был выбор. Вместо того чтобы с разбега прыгать в койку к негодяю, она могла бы подарить свою любовь доброму и отзывчивому пареньку, который никогда и ни за что не предал бы и не обидел ее. Тут, Стасик, конечно же, имел в виду себя.

— Скоро сюда пожалует немало мужиков! — сжав кулаки, прорычала Лаура. — Тысячи мужиков. И все они ничем не отличаются от... этого! С каким же удовольствием я обрушу на них свою ярость!

— Там ведь наверняка будут и женщины, — пискнул Стасик. — Волшебницы, целительницы....

— Это не женщины, это служанки мужиков! — рявкнула Лаура. — Они не дождутся от меня ни капли жалости. Но самую ужасную кару я приготовила для... этого! Этого и... этой!

Стасик вконец запутался. Этим Лаура величала Кольку. А кто такая эта? Ни о какой этой Стасик ничего не знал. Он хотел спросить, кого имеет в виду Лаура, но та обратилась к нему первой. Окинув Стасика придирчивым взглядом, она произнесла:

— Вот что, Свиностаc....

— Пожалуйста, зови меня Стасом, — взмолился он.

— Нет, забудь это имя. В этом мире ты известен как Свиностаc. Так ты и будешь зваться. Стасик это кличка для поросенка. Свиностаc — грозное имя темного владыки.

— По-моему все как раз наоборот, — заметил Стасик.

— Не спорь, я лучше знаю! — отрезала Лаура. — И имя это меньшее из твоих проблем. Нам нужно заняться твоим внешним видом.

— А что с ним не так? — испугался Стасик, окинув взглядом свое сокрытое под бинтами тело.

— Дай-ка подумать, — нахмурилась Лаура. — Да, пожалуй, все. Ты выглядишь как....

Она попыталась подобрать наименее обидное сравнение.

— В общем, как некто, максимально далекий от образа темного властелина. Пойми, Свиностаc, темный властелин должен внушать. Внушать ужас, трепет, желание упасть на колени и ползать в грязи и прахе у ног его. А твой вид вызывает желание подать милостыню.

Стасик тяжело вздохнул и пробормотал:

— Такой уж я есть.

— Мы это изменим! — заявила Лаура. — Тебе требуется подобающий наряд. Что-то мрачно-зловещее. Один твой вид должен говорить — сейчас я всех убью и съем. Нужно больше черного. Черное одеяние, скрывающее subtilность твоей фигуры. И маска. Нужна маска. Пусть все вокруг гадают о том, что таится под ней. Пусть думают, что у тебя вообще

нет лица. Мы пустим слух, что ты вообще несостоишь из плоти. Что Свиностас это тьма, облаченная в ужас. На глупых людей, которых на свете почти все, подобные вещи производят сильнейшее впечатление. Я лично изготовлю твой новый наряд. И вот еще что, Свиностас. Нужно в корне изменить твои манеры.

— Манеры? — пискнул Стасик.

— Да, манеры. Ты ведешь себя как трусливый мальчика.

Стасик не стал с этим спорить. Он вел себя так, потому что и являлся трусливым мальчишкой.

— Темный властелин должен вести себя иначе, — наставительно сказал Лаура. — Ни в коем случае не вздумай мямлить, трусить и убегать в туалет по любому поводу. Ты должен говорить так, будто можешь в любую минуту стереть в порошок весь этот мир и два соседних. Ко всем, с кем общаешься, обращайся так, будто они грязь и черви, не достойные твоего внимания. Не угрожай открыто — подобное поведение всегда выглядит жалко. Но в каждом твоём слове должна сквозить тайная угроза. Ты произносишь «добрый день», а твоему собеседнику должно слышаться «убью и съем».

— Я так не умею, — признался Стасик.

— Придется учиться. Иначе никто не станет воспринимать тебя всерьез. Пойми, Свиностас — темный властелин должен внушать ужас. И это касается не только манеры речи. Спонтанные акты зверской жестокости так же являются необходимыми атрибутами твоего нового имиджа.

— Что ты имеешь в виду? — испугался Стасик. — Какие еще акты?

— Казни, пытки, истязания, убийства на ровном месте с особой циничностью, — зевнув, перечислила Лаура. — При этом важно, чтобы ты карал не только тех, кто этого заслужил, но и совершенно невиновных людей.

— Боже мой! — ужаснулся Стасик. — Я не хочу этого делать!

— Надо! Вначале будет неприятно, придется себя заставлять. Но со временем ты втянешься и начнешь получать удовольствие. Любой уважающий себя темный властелин обязательно должен совершать ежедневные зверства. Публичные посадки на кол, например, или колесования. Скармливание невинных людей диким животным тоже перспективное хобби.

Стасик почувствовал, что его начинает тошнить. Он еще никого не водрузил на кол, а желудок уже полез к горлу.

— Ты справишься, — подбодрила его Лаура. — И еще насчет невинных дев.

— Насчет кого?

— Ты, вероятно, не в курсе, но о тебе уже ходят легенды, и в этих легендах неизменным атрибутом твоего образа является великая похоть и склонность к разврату. Люди пересказывают леденящие кровь сказания о тех ужасах, что творятся в твоей цитадели.

— Где-где? В цитадели?

— Якобы ты денно и ночью растлеваешь юных дев, предварительно похищая оных у отцов и матерей. Раз уж образ Свиностаса отныне неразрывно связан с преступной похотью, придется тебе заняться и этим.

— Чем? — ахнул Стасик.

— Растлением, соращением, надругательством.

Стасик дико уставился на собеседницу. У него возникли сомнения в том, что перед ним действительно сидит Лаура. Та самая Лаура, образец доброты и кротости. Да ничего

подобного! Это существо имело облик Лауры, но являлось чем-то совершенно иным. В ней было больше зла, чем во всех злодеях, встреченных Стасиком в этом мире.

— Как только начнется приток добровольцев, нам придется организовать специальные группы для проникновения на территорию Ангдэзии и похищения оттуда невинных дев, — продолжила вслух рассуждать Лаура.

Слушая волшебницу, Стасик погружался во все больший ужас. Если кто-то претендовал на роль темного властелина, так это Лаура. Она уже успела набросать общий план грядущих злодейств. Следовало признать, что у нее неплохо получалось.

— Может, вначале решим насущные проблемы, — робко предложил Стасик. — За мной тут охотится какой-то монстр.

— Монстр?

— Да. Синара так сказала. Помнишь?

— Ах, это. Ну и пусть.

— Что значит пусть? Никакой не пусть! Это важно!

— Твой монстр нам тоже на руку.

Стасик выпучил глаза и выкрикнул:

— На руку? Зло идет по мою душу. Страшное зло, коего не видывал этот мир. Понимаешь?

— И прекрасно, — ответила Лаура. — Мы и его пристроим к делу. Есть могущественные заклинания подчинения. И так уж сложилось, что все они мне известны. Пусть твой монстр приходит. Мы обратим его ярость против армии Ангдэзии. Мы заставим весь этот мир захлебнуться в крови.

В некогда прекрасных глазах Лауры вновь вспыхнуло безумие. Стасик невольно отстранился от волшебницы. А сам решил тайком расспросить Риану. Возможно, ей было известно о том, что стряслось между Лаурой и Колькой. А там явно стряслось что-то ужасное.

— А вдруг ты не сможешь совладать с этим монстром? — предположил Стасик. — Синара говорит, он невероятно силен и опасен.

— Не будь таким трусливым! — отрезала Лаура. — Здесь я, твоя демонесса. Риана кое-что умеет. Ну и от мертвячки тоже может быть польза. Четыре могущественных женщины смогут остановить кого и что угодно.

Стасик промолчал, но в душе у него имелись сомнения в необоримом могуществе женского коллектива. Потому что за ним шло что-то невероятно ужасное. Что-то такое, что напугало даже владык загробного мира.

Вдруг Лаура произнесла:

— Кто-то приближается к крепости.

От ее слов Стасик затрясся от страха.

— Кто это? — пискнул он. — Неужели....

Лаура поднялась на ноги и указала рукой на равнину.

— Вон, гляди сам, — предложила она.

Стасик поднялся и подошел к ней. И разглядел две крошечные точки, едва заметные на фоне серой земли.

— Надо позвать остальных, — прошептал он.

— Успокойся, это люди, — остановила его Лаура.

— Правда?

— Да. Их двое.

— Но ведь они все равно могут оказаться врагами.

Лаура строго посмотрела на Стасика и произнесла:

— Запомни, Свиностаc — у темного властелина нет друзей. У него есть рабы и враги. И лишь от тебя одного зависит то, как скоро все твои враги станут твоими рабами.

Волшебница вновь повернулась лицом к равнине.

— Насчет этой парочки не тревожься, — посоветовала она Стасику. — Если что, я с ними разберусь. Подождем и посмотрим, кто это. Возможно, первые добровольцы.

— Какие еще добровольцы? — пискнул Стасик.

— Добровольцы, желающие вступить в армию темного властелина Свиностаcа. Веди себя подобающе. Не вздумай ныть или проситься в туалет.

Они стояли под крепостной стеной и ждали. Люди медленно приближались к развалинам. Вскоре и Стасик смог разглядеть их. Тех действительно было двое. Одним из путников оказался молодой мужчина, а второй девочка-подросток, худенькая и невысокого росточка. Когда они подошли еще ближе, Лаура вдруг удивленно выпалила:

— Не может быть!

Стасик быстро повернулся к ней.

— Что такое? Что? — спросил он. — Бежать, да? Прятаться? Бить тревогу? Звонить в милицию?

— Глазам не верю, — повторила Лаура. — Просто глазам не верю.

Гости остановились шагах в десяти от них. Девчонка выступила вперед, окинула взглядом обломки стен, а затем соизволила опустить его на Стасика и Лауру.

— Эй вы, жалкие черви, — властным голосом произнесла она, — где тут Цитадель Безнадежного Ужаса?

— Какая цитадель? — пискнул Стасик.

Девчонка посмотрела на него и усмехнулась.

— Что это ты в бинтах, чучело? — спросила она дерзко. — Кипятком ошпарился?

— Попридержи язык! — потребовала Лаура.

— Ты мне, бабка, не указывай!

— Бабка?

Волшебница задохнулась от возмущения. Стасик ощутил, как вокруг чародейки начинает сгущаться воздух, и невольно попятился от нее. Уж он-то отлично знал, как страшна Лаура в гневе.

— Я ищу резиденцию темного властелина, душегуба и совратителя Свиностаcа, — заявила девчонка.

Лаура перевела взгляд с девчонки на ее спутника. Тот топтался позади с испуганным видом.

— Андис? — позвала Лаура. — Андис, это ведь ты?

Девчонка повернулась к бывшему паладину. Затем вновь посмотрела на Лауру.

— Знаешь его? — спросила она.

— Кажется, да, — ответила Лаура. — Впрочем, не уверена. Что с ним случилось?

Она вновь позвала:

— Андис? Ты меня помнишь?

Если Андис и помнил ее, то виду не подал. Более того, он вдруг весь сжался от страха и спрятался за спину своей спутницы.

— Мой ручной человек, — похвасталась Злюка. — С детства о нем мечтала. Говорила папе — подари мне дрессированного человека. А он мне то кошек совал, то собак. Вот же эти родители. Никогда детей не слушают, а потом обижаются, когда они им в поданный стакан с водой плюют или того хуже.

Она повернулась к Андису и ласково потрепала его по плечу. Паладин робко и не слишком умно улыбнулся.

— Ты знаешь этого парня? — спросил Стасик у Лауры.

— Вроде бы да. Раньше он был паладином. Но с ним что-то случилось. Думаю, он прошел через ад и лишился рассудка.

Сам Стасик Андиса не узнал. Он видел его мельком, в темном коридоре, и в тот раз паладин показался ему грозным воином в сверкающих латах. Теперь же перед ним стоял жалкий и сломленный человек, в чьих некогда золотистых волосах преобладала преждевременная седина.

— Так где же мне искать темного властелина Свиностаза? — повторила вопрос Злюка.

— А на что он тебе? — в свою очередь спросила Лаура.

— Хочу попроситься к нему на службу.

Стасик громко икнул. Пророчество Лауры начало сбываться быстрее, чем он думал. Вот и потянулись первые добровольцы.

— А кто ты вообще такая, и с какой стати Свиностазу Могучему принимать тебя в ряды своей черной армии? — спросила Лаура.

Девчонка надулась и обиженно засопела.

— Кто я такая — не твое дело, старуха! — рявкнула она злобно. — А стоит или не стоит меня принимать, пусть решает Свиностаз Чудовищный. Хочу говорить с ним, а не с тобой. С тобой, дурой, пусть вот то чучело в бинтах балакает.

Лаура повернулась к Стасику и тихо спросила:

— Ну, Свиностаз, что думаешь? По-моему довольно перспективная персона. Можем ее оставить. К тому же мне любопытно, откуда она притащила Андиса и через что тот прошел.

— Я не знаю, — простонал Стасик. — Вдруг она опасна?

— Конечно, она опасна. Иначе не дошла бы сюда живой. Но ведь нам и нужны опасные союзники.

— Эй, вы чего там шепчетесь? — прокричала Злюка. — Ведите меня к Свиностазу. Или скажите дорогу, я сама дойду.

Лаура воззрилась на нее, изобразила на лице столь же милую, сколь и фальшивую улыбку, и доброжелательно произнесла:

— Не ругайся, дитя. Твое желание исполнится. Ты вскоре встретишься с темным властелином Свиностазом Ужасающим. И тогда он решит твою дальнейшую судьбу. А сейчас мне хотелось бы поговорить с твоим спутником.

— Нет уж! — отрезала Злюка. — Это мой ручной человек. Тебе я его не отдам.

— Я его не отбираю, — мягко заверила Лаура. — Мне просто нужно с ним поговорить.

Злюка какое-то время обдумывала просьбу, а затем сдалась.

— Ладно, — решила она, — можешь с ним поговорить. Потом. Только он у меня неразговорчивый. И не вздумай кормить его с рук. И чесать за ушком. И заставлять его вылизывать свои грязные ноги. Это могу делать только я.

— У меня такого и в мыслях не было, — заверила ее Лаура, после чего повернулась к Стасику и прошептала. — Ну, что, Свиностаз, вот и пробил час твоего дебюта в роли

темного властелина. Я подготовлю твоё одеяние, а дальше уж ты сам. Посмотрим, удастся ли тебе произвести впечатление на эту девчонку.

— Я не уверен, что смогу, — пискнул Стасик. — Мне нужно время.

— Его нет, Свиноста́с, — зловеще проронила Лаура. — Армия Ангдэзии уже идет по твою душу. Либо к ее приходу ты станешь темным властелином и успеешь собрать войско, либо можешь прямо сейчас попросить свою демонессу испепелить себя дотла. Потому что попадать в плен к добрякам тебе никак нельзя. Понимаешь, Свиноста́с? В плену тебя будет поджидать кое-что хуже смерти. Значительно хуже.

Стасик понимал. Все понимал. В частности и то, что проситься в туалет слишком поздно — он в любом случае не успеет до него добежать.

Глава 36

Злюка была недовольна. Она рассчитывала если не на теплый прием с банкетом и хором евнухов, то хоть на какое-то минимальное уважение к собственной персоне. С ней же обошлись как с бродягой или хуже того — с пленницей. Именно так. Красивая блондинка, держащаяся подчеркнуто вежливо, проводила ее в одну из комнат крепости. Точнее — развалины, потому что крепостью это сооружение перестало быть много лет или даже веков назад. А когда Злюка вместе со своим ручным паладином вошла внутрь, белобры́сая волшебница быстренько закрыла выход магическим барьером.

— Эй, что за дела? — возмутилась Злюка. — По какому праву меня, саму....

Тут она прикусила себе язык, чтобы не выболтать собственное неоднозначное происхождение. Кто его знает, как отнесется местный контингент к известию, что она приходится дочерью императору Дакросу? Вдруг им взбредет в голову использовать ее в качестве заложницы. Номер, конечно, будет заведомо дохлый. Ради одной из своих дочерей Дакрос даже не почешется. Скорее всего, он уже забыл о ее существовании. Но ведь здешние функционеры об этом не знают.

— Тихо, тихо, — фальшиво улыбаясь, ласково посоветовала Лаура. — Это для твоего же блага. В крепости небезопасно. Для тебя лучше побыть здесь, пока Свиноста́с не сочтет возможным принять тебя.

— Так он тут? — спросила Злюка. — Темный властелин Свиноста́с обитает в этой развалине? Я думала, у него собственная цитадель с пятью башнями. И в каждой башне по три камеры пыток.

— Внешность обманчива, — не переставая улыбаться, пояснила Лаура. — Темного властелина судят не по числу башен. Отдыхай.

— Эй, а если мне понадобится выйти?

— Для чего, к примеру?

— Да по нужде, хотя бы. Сердцу не прикажешь, а кишечнику и подавно.

Лаура указала пальцем в угол комнатухи. Там стояло старое грязное ведро.

— Я тут, как бы, не одна, — насупилась Злюка, кивнув на тихонько стоящего у стены Андиса.

— Ничего страшного, — сказала Лаура. — Я уверена, что твой друг тактично отвернется.

У Злюки было что еще сказать этой напыщенной курице, но та захлопнула дверь и удалилась. Когда ее шаги смолкли в коридоре, Злюка предприняла попытку проникнуть сквозь барьер. Не вышло.

Она оглядела комнату. Ну, точь-в-точь тюремная камера. Не хватало только решетки на окошке. Та, по правде, и не требовалась. Оконце было очень узким, и располагалось под самым потолком. Даже тощая Злюка не сумела бы протиснуть сквозь него свое тело.

Какое-то время гостя (или пленница) развлекала себя дрессировкой своего питомца.

— Сидеть! — приказывала она.

Андис послушно падал на колени и складывал руки на груди.

— Лежать!

Андис калачиком сворачивался на полу возле ее ног.

— Служить!

Андис вставал на четвереньки и вилял задом.

В ходе этих процедур в глазах Андиса не промелькнуло ни одной вспышки разумности. Его беспрекословная покорность начала раздражать Злюку. Не о таком паладине она мечтала. Ей хотелось заполучить в свои руки гордого воина добра. Воина, наделенного железным характером и негибаемой волей. А затем долго и изощренно ломать его, подчиняя себе. Андис же уже был готовой игрушкой, охотно выполняющей любой ее каприз. И это было совершенно неинтересно.

Быстро наигравшись с питомцем, Злюка улеглась на кровать. Точнее, на грязную лежанку, поверх которой был брошен засаленный, твердый, как могильная плита, тюфяк.

— Стой на страже, — сказала она Андису. — Если кто-то попытается войти, сразу буди меня. Понял?

Паладин кивнул головой и послушно застыл напротив двери. Злюка повернулась на бок и почти сразу же погрузилась в сон. Путешествие по нейтральной полосе выдалось трудным и напряженным, оставившим после себя порядочную порцию усталости.

Пробудилась она от громких многоголосых криков. Вскинув голову, Злюка обнаружила, что лежит в темноте. Снаружи наступила ночь. Во мраке она с трудом различила фигуру Андиса. Паладин неподвижно стоял на страже, продолжая тарашиться на дверь немигающими глазами.

Снаружи несся шум множества голосов. Судя по ним, там собралась огромная толпа. Доносились грязные ругательства, угрозы, клятвы в кровной мести. Злюка села и опустила ноги на пол.

— Какого черта там происходит? — спросила она.

Если ее питомец и знал ответ, он ничего не сказал.

Злюка сама попыталась выяснить обстановку. Она подошла к оконцу, подпрыгнула, ухватилась за его край и, подтянувшись, выглянула наружу. Но ничего не увидела — обзор перекрывали разбросанные по двору камни.

— Это, в конце концов, возмутительно! — сказала Злюка. — Мало того, что заперли, так еще и поспать не дают.

В этот момент в коридоре возникли шаги. Кто-то приблизился к двери. Затем загремел засов. В тот же миг Андис метнулся к ней, стал трясти за руку и указывать на дверь.

— Да, да, сама слышу, — проворчала Злюка. Однако отметила исполнительность питомца, и нехотя добавила: — Молодец, что предупредил.

Дверь запахнулась. В камеру хлынул свет, выпускаемый газовым шаром. Тот покоился на ладони незнакомой Злюке молодой привлекательной женщины с длинными толстыми косами темно-красных волос.

— Ты кто? — спросила Злюка.

— Мое имя Риана, — ответила женщина, и повела рукой. Магический барьер исчез.

— Ты служишь Свиностасу?

— Все здесь служат темному властелину.

— Ну, я вот еще не служу, — высокомерно напомнила Злюка.

Риана насмешливо посмотрела на девчонку и процедила сквозь зубы:

— Поубавь гонор, сопля. Темный властелин Свиностас не любит дерзких подростков.

Он вообще никого не любит. Ибо он сама ненависть.

— Так он меня примет? — спросила Злюка.

— Иди за мной. Темный властелин явит себя нынче ночью.

Злюка последовала за Рианой. Андис плелся за ней, боясь отстать от своей хозяйки.

Когда они втроем вышли во двор, Злюка невольно застыла, пораженная открывшейся картиной. Вся крепость была запружена гоблинами. Их здесь были сотни. Они сидели на камнях, грелись вокруг многочисленных костров, что-то ели, играли в кости, ругались, спорили и точили оружие. Злюке уже доводилось видеть гоблинов. Но в империи эти существа обычно находились в цепях и использовались для самых тяжелых работ в рудниках и каменоломнях. Здесь же она увидела свободных гоблинов. И в очень большом количестве.

В центре столпотворения, в окружении телохранителей, сидел на большом каменном блоке сам Грысак. Он старался храбриться и надувать щеки, но на самом деле был напуган до икоты. Когда этот болтун Зархад явился сегодня в Гоб-сатан и заявил о том, что Гоб-гулыб призывает гоблинов на ковер, Грысак чуть мясом не подавился. Очень уж ему не хотелось идти в старую крепость, где по слухам обитал демон. Но Грысак не посмел послушаться, тем более что все прочие гоблины тотчас же засобирались в дорогу. Тут уж никак нельзя было остаться. Во-первых, если в крепости действительно обитал Гоб-гулыб, он, Грысак, выкажет ужасающее неуважение, не явившись поприветствовать его лично. Во-вторых, нужно было подмазаться к Гоб-гулыбу, дав самую большую и дорогую взятку. Все гоблины принесли с собой дары, но Грысак перещеголял их, доставив в крепость мешок золота. В этом мешке находилась большая часть того, что Грысак наворовал и награбил честным разбоем за всю жизнь. Но Гоб-нул решил не экономить на подношении. Потому что если и впрямь сбылось пророчество, и в мир явился Гоб-гулыб, его вложение окупится сторицей.

Когда огромная ватага гоблинов наводнила крепость, из дверей, им навстречу, вышла Света. Вид демона поверг гоблинов в священный ужас. Теперь у них отпали последние сомнения в том, что пришествие Гоб-гулыба свершилось.

— Стасик еще не готов, — сообщила Света Зархаду и Грыбану. Только эти двое решились подойти к ней. Прочие гоблины растянулись на земле и жалобно скулили.

— Ничего, мы подождем, — заверил ее Зархад. — Только ты передай человеку Стасу, чтобы был пожестче. С нашим братом мягкость противопоказана. Гоблин любит сильную руку.

— Не думаю, что Стасик сможет, — покачала головой Света. — Он такой добрый и милосердный.

— Пусть уж он постарается. Гоблины доброту не уважают. Особенно странно было бы видеть ее от Гоб-гулыба.

— Я поговорю со Стасиком, — пообещала Света и скрылась в здании.

Стоило ей уйти, как гоблины поднялись на ноги и устроили страшный шум. Теперь они искренне уверовали в пришествие Гоб-гулыба. А это означало, что со дня на день сбудутся и

другие части пророчества. Великий вождь поведет их в прекрасные земли, полные чистой воды и вкусной дичи. Гоблины заранее начали делить участки и проигрывать их в кости. И только Грысак не участвовал во всеобщей вакханалии. Он сидел на камне в окружении охраны и нервно кусал зеленые губы. Ему было чего опасаться. Он привез много золота, но хватит ли его, чтобы умиловать Гоб-гулыба? Ведь Гоб-гулыб суров и скор на расправу. А он, Грысак, как Гоб-нул, будет держать ответ за все. И если Гоб-гулыб сочтет, что гоблины в его отсутствие нарушили священные обычаи или впали в иной грех, отдуваться за это придется ему.

Кто-то появился в дверях строения. Гоблины зашумели громче. Но во двор вышли две женщины и мужчина. Никто из них не тянул на Гоб-гулыба.

— Что здесь делают гоблины? — спросила Злюка у Рианы.

— Они слуги Свиноста, — ответила та.

Злюка понимающе кивнула. Темный властелин призывал под свои знамена самых мерзких и богопротивных тварей. Это ей было по душе.

— Жди здесь, — обратилась к ней Риана. — Свиноста скоро явит себя презренным рабам.

Злюка и Андис присели на камень чуть в стороне от гоблинского скопища и стали ждать.

На нейтральную полосу опустилась ночь. Издали докатился протяжный, полный голодной тоски, вой какого-то здешнего монстра. Ему вторил другой такой же звук. Обитатели нейтральной полосы затеяли переключку.

Гоблины жарили на огне мясо и какие-то корнеплоды. Злюка, которую никто не соизволил покормить с самого момента прибытия, плотала голодную слюну и с завистью косилась на зеленокожую братию. Она уже хотела подойти и потребовать свою долю, когда в дверях вновь возникло какое-то движение.

Во двор шагнул огненный демон. За ним вышло некое странное существо, с ног до головы закутанное в белый саван, чье лицо скрывала белая маска. Гоблины прекратили свои забавы и громко загалдели. Грысак спрыгнул с камня, растолкал своих телохранителей и подался ближе.

Затем во двор вышел седовласый старик с густой бородой. Это был Гамал — гоблины хорошо знали его. Старик вскинул руки, призывая к тишине. Все рты захлопнулись. Над развалинами повисла тишина.

— Узрите же Свиноста Ужасающего, владыку тьмы и ужаса! — торжественным голосом прокричал Гамал.

Он шагнул в сторону. В дверях вновь возникло движение. Гоблины подались вперед, жадно, во все глаза, вглядываясь в темноту. Там, в коридоре, происходила какая-то суетливая возня. Затем оттуда долетел тихий трусливый писк:

— Да я не смогу!

И другой, женский голос:

— Иди вперед! Не заставляй тащить тебя силой.

— Но....

— Смелее, Стасик, — сказал другой женский голос. — Ты справишься.

А затем во двор шагнула облаченная в черную ткань фигура. Лицо существа скрывалось под маской, отливающей вороненой сталью. Маска изображала свирепую личину с оскаленной клыкастой пастью и дико выпученными глазами. По верху маски шли острые,

торчащие вверх, рога.

Существо вышло и застыло. А затем медленно попятилось обратно в здание. Но уйти ему не дали. Сзади возникли две девушки, Лаура и Риана. Они схватили Свиноста́са под руки и, легко преодолев слабое сопротивление властелина, вывели вперед.

Гоблины жадно разглядывали предполагаемого Гоб-гулы́ба. Злюка тоже взирала на него во все глаза. Ее немного разочаровал внешний вид Свиноста́са. Она ожидала увидеть огромного исполина в вороненой броне, а темный властелин оказался довольно щуплым и мелким на вид. Но это, разумеется, ничего не значило. Темный властелин мог нарочно принять облик тщедушного заморыша, и тем самым вводить в заблуждение своих врагов. Это было очень коварно с его стороны.

— Молви, Свиноста́с, — сказал Гамал, обращаясь к темному властелину.

Тот стоял столбом, таращась на огромную толпу гоблинов. Те застыли, глядя на него. Все ждали, что же скажет Гоб-гулы́б. Но тот продолжал безмолвствовать.

Лаура наклонилась к нему и прошептала:

— Стасик, не молчи.

Из-под вороненой маски донеслось какое-то сдавленное бульканье.

— Стасик, мы же все отрепетировали, — напомнила Лаура. — Давай, говори. Не стесняйся.

Но Стасик молчал. Его сковал ужас. Несчастному школьнику почудилось, что он вновь стоит на сцене посреди Форинга со свинским носом в руках, а сотни глаз жадно следят за каждым его словом и жестом. Тот эпизод с позорным награждением оставил в его душе на затянувшуюся до сих пор рану. Стасик терпеть не мог оказываться в центре всеобщего внимания. Всякий раз в подобной ситуации он впадал в ступор и не мог вымолвить ни слова.

Вскоре его молчание затянулось настолько, что гоблины начали перешептываться. Затем голос подал Грысак.

— Если ты воистину Гоб-гулы́б, то молви, — предложил он. — Мы все явились, как ты просил. Скажи нам, когда ты поведешь наш народ в славные земли?

И вновь Стасик не смог выдавить из себя ни слова.

Чем дальше, тем больше гоблины теряли терпение. Они не привыкли к подобному поведению представителя верховной власти. В их традициях властелин должен был орать страшным голосом и бить по головам несогласных. Если же правитель вел себя иначе, то у гоблинов возникали сомнения в его легитимности.

Вдруг из толпы раздался голос какого-то провокатора:

— Да никакой это не Гоб-гулы́б. Нас обманули!

В толпе тотчас же поднялся страшный шум. Многие предлагали горлопану заткнуться, но нашлись и те, кто поддержал его точку зрения. Тотчас же разгорелась бурная дискуссия. Блеснули обнаженные клинки.

Лаура наклонилась к Стасику и произнесла:

— Если продолжишь молчать, то все пропало. И когда я говорю все, я в первую очередь имею в виду тебя.

И тут Стасика прорвало. Он попытался честно вытолкнуть из себя заученную речь. Хорошую речь, сочиненную для него Лаурой. Но уста подвели его, и вместо складных и осмысленных слов из-под маски вдруг хлынул поток диких бессвязных звуков.

Эта громкая и страшная мешанина гласных и согласных повергла гоблинов в ужас. Те шарахнулись, давя друг друга. Некоторые падали ниц и просили прощения. Грысак схватил

мешок с золотом и на коленях пополз к Стасику, держа подношение перед собой.

— Прими! — рыдал он. — Прими, Гоб-гулыб. Признаю и склоняюсь. Только не губи.

Стасик вновь попытался что-то сказать. И вновь из его уст посыпался какой-то звуковой винегрет. Грысак уронил мешок и распростерся на земле. Гоблины бились в истерике и рвали на себе одежды. Они все поняли — Гоб-гулыб ими недоволен. Да и было бы странно, окажись иначе. Сколько священных заветов было нарушено! Тем более что гоблины уже и сами не помнили этих заветов, а свитки с их описанием постоянно сгорали в ходе междоусобных конфликтов. Их восстанавливали по памяти, а память у гоблинов дырявая, и хорошо сохраняет лишь ту информацию, которая касается одолженных другому денег или припрятанного добра. Что же до священных заветов, то приходилось импровизировать. Больше сочиняли, чем вспоминали, и в итоге исказили все, что могли. Разумеется, что Гоб-гулыб не был этому рад. Гоблины поняли — сейчас мессия начнет карать отступников, то есть всех поголовно. А кара тут возможна одна. Прощения же от Гоб-гулыба ждать не стоит, ибо сказано в пророчестве, что явится он в гневе великом и обречет отступников на смерть и боль.

Злюка тоже оценила выступление Свиностака и нашла его потрясающим. Она сравнила его с речами ее отца, императора Дакроса. Тот говорил долго и нудно, талдычил часа по полтора-два. Обожал собирать дворян и выступать перед ними, расписывая грядущие времена всемирного торжества зла. И все эти речи нагоняли исключительно тоску. Это был просто треп. За ним не стояло ничего. Эти же сказки о скором мировом господстве рассказывали и бывшие правители империи. А мировым господством все не пахло.

Свиностака же иное дело. Этот темный властелин явно предпочитал действия словам. Он более чем ясно дал это понять, вообще не произнеся ни одного внятного слова. Но зато сколько силы и мощи было в его выступлении! Гоблинов проняло до судорог. Даже Злюка ощутила моральный подъем и готовность немедленно убивать и жечь, рушить и топить в крови. Вот он, истинный вождь! Темный властелин не по званию, но по сути.

— Гоб-гулыб, я каюсь! — кричал Грысак, распластавшись в пыли у ног Стасика. — Я вор! Я крал из казны! И как же мне стыдно!

Другие гоблины последовали примеру Грысака и приняли хором признаваться в совершенных преступлениях. Но поскольку говорили все и разом, подняли страшный шум, в котором невозможно было разобрать ни единого слова. Это продолжалось до тех пор, пока Света не вспыхнула. Вокруг ее тела вспыхнул огонь и гудящим вихрем взметнулся к ночному небу. Гоблины тотчас же замолчали и сжались от ужаса. Они поняли — пробил час страшного суда.

— Властелин Свиностака выслушал вас, — с улыбкой произнесла Лаура. — Будучи милосердным правителем, он прощает вам ваши грехи.

Послышались вздохи облегчения. Гоблины робко улыбались, не веря, что так легко отделались.

— Однако, — продолжила Лаура, — властелин не потерпит, чтобы вы и впредь вели прежнюю жизнь. Отныне вы служите ему. Тех же, кто не захочет присягнуть новому повелителю, он заранее приговаривает к мучительной смерти. Ну, что скажете? Властелин никого не неволит. Решайте сами.

С искренней радостью и слезами благодарности гоблины выразили единодушное согласие служить Гоб-гулыбу и умереть за него, если очень надо. Наконец-то предсказанный пророчеством мессия вел себя подобающим образом — запугивал до икоты и грозился

зверскими карами.

В этот момент Стасик выпалил еще одну порцию словесной мешанины, заставившей новых подданных распластаться в пыли и дрожать. А затем, пятясь задом, быстро скрылся в дверях.

— Воистину, кто он, если не Гоб-гулыб? — произнес Грысак. У наместника дрожали лапы и прихватывало живот. Но аудиенция прошла лучше, чем он ожидал. По крайней мере, миссия его не убил. Пока.

Свита властелина скрылась в постройке следом за ним, и гоблины, расслабившись, принялись обсуждать нового правителя. И все сходились на том, что сбылось древнее пророчество, и это он и есть — предсказанный вождь, что сокрушит мировой порядок и приведет гоблинов в благословенные земли.

— Что ж, неплохо, — сказала Злюка. — Действительно, похож на властелина. Говорит хорошо, кратко и по делу. Внушает.

Она поднялась на ноги. Андис тоже вскочил и застыл подле нее.

— Пойдем-ка, раб, поищем себе местечко для проживания, — сказала беглая принцесса. — Не хочу я опять сидеть в той тюремной камере. Я еще согласна стерпеть жесткую лежанку и голые стены, но гадить в мягое ведро.... Нет, на эту жертву ради торжества всемирного зла я пойти не могу.

Глава 37

У путника, впервые ступившего на нейтральную полосу, неизбежно складывалось впечатление пустынности и не заселенности этой земли. Казалось, что нет в этом краю ничего живого — ни зеленой травинки, ни мелких тварей, таящихся в норах. Однако на деле нейтральная полоса была вполне себе заселена. И далеко не одними лишь чудовищами. Она становилась приютом для изгнанников всех мастей. Все те, кому не было места ни в королевстве добра, ни в империи зла, обретали здесь свой новый дом. Публика эта была своеобразная, неуживчивая, не склонная к дружеским отношениям и соседским походам в гости. И все же каким-то непостижимым образом слухи распространялись даже среди этих убежденных одиночек, словно отравленный ядовитыми испарениями ветер нес их на своих крыльях и вливал в каждое встреченное ухо. Слухи эти разносились быстрее, чем мор расплозается по перенаселенному городу. Уже в самых отдаленных краях звучало имя Свиноста. Его величали не иначе как королем нейтральной полосы, правителем ничейной земли и, по совместительству, темным властелином.

Публика, населяющая нейтральную полосу, обладала рядом характерных черт, объединяющих разношерстных представителей в некое подобие нации. Одной такой ярко выраженной чертой было воинствующее отрицание всякой над собою власти. Многие потому и оказались на нейтральной полосе, что устали терпеть над собой всяких разных начальничков да сборщиков податей, которые только и горазды, что деньги изымать да команды раздавать. Сама мысль о том, чтобы склониться перед чьей-то властной персоной возмущала обитателей нейтральной полосы. Эти земли, при всей их суровости, позволяли человеку быть самому себе хозяином. А кто раз вкусил свободы, не променяет ее на даже самое сытое и безопасное рабство.

Но вместе с тем, обитатели нейтральной полосы имели еще одну общую черту, а именно — лютую обиду на весь белый свет. На нейтральной полосе не оказывались от хорошей жизни. Весь здешний контингент состоял из беглецов и изгнанников. Многие были изгнаны

за различные тяжкие преступления или просто отвратительный характер. Но, разумеется, сами себя эти отщепенцы считали невинными жертвами жесткого социума, и на полном серьезе полагали, что это вот именно они безгрешные агнцы, а все остальное человечество суть волки хищные. На этой почве многих одолевало желание поквитаться с обидчиками, отторгшими их, хороших, и вынудивших переселиться в самый непригодный для жизни край. Сюда же примешивалась и банальная зависть — самые беднейшие обитатели Ангдэзии или Кранг-дана жили намного лучше и безопаснее, чем горемыки нейтральной полосы. И последних, разумеется, буквально корежило, когда они сравнивали свой убогий быт и быт этих зажавшихся негодяев, незаслуженно имеющих чистую водичку, плодоносную землю и прочие прелести, совершенно недоступные на нейтральной полосе. Возникало естественное желание восстановить историческую и всякую иную справедливость — то есть пойти и отобрать у этих гадов все, что те имеют. В крайнем случае, если не получится присвоить себе, просто переломать и вытоптать, чтобы не досталось оно впредь никому.

Объявившийся некто, громогласно провозгласивший себя властелином нейтральной полосы, взбудоражил местных обитателей. Возникла возможность объединиться и наказать всех вокруг за все на свете. Вот только не сильно-то им хотелось склоняться перед каким-то самозванцем, а в том, что сие самозванец и есть, никто не сомневался. Потому как иначе и быть не могло. Откуда бы у нейтральной полосы взяться королю, когда эта земля испокон веков не принадлежала никому?

Многие мешкали, раздумывали, не могли ни на что решиться. Однако самые ушлые смекнули первыми, что это действительно шанс урвать себе кусок. По крайней мере, надобно сходить и глянуть, что там за король такой завелся. Вдруг окажется, что он и вправду грозный властелин, великой силой наделенный. Такому можно и послужить. Потому как грозный и сильный властелин на одном месте не засидится. Нечего ему делать на нейтральной полосе тут и править-то особо нечем. Следовательно, устремит он свой завоевательный порыв либо на запад, в земли Ангдэзии, либо на восток, в темную империю Кранг-дан. А и там и там есть что пограбить. Они там зажрались уже, что добряки, что злодеи, пока простой народ нейтральной полосы с голоду пухнет. Доколе терпеть эту вопиющую несправедливость? Лишь священная война и возвышенный грабеж исправят этот исторический казус.

Первые желающие поглядеть на владыку и предложить ему свои скромные услуги, появились на следующий день после принесения гоблинами торжественной присяги верности. В крепости вовсю кипела работа — к утру подтянулось еще больше гоблинов, и те бодро взялись за дело. Среди них нашлись умельцы, кое-что смыслящие в фортификационных сооружениях и их устройстве. Под их чутким руководством гоблины взялись за восстановление защитных стен. Строительного материала не хватало — большая часть блоков была разбита в щебень, так что дело шло медленно и невесело. Но лишь до тех пор, пока к гоблинам не присоединилась Света. Демонесса вникла в суть проблемы, затем своей магией сформировала из песка прямоугольный блок, разогрела его докрасна и сплавилла песчинки воедино. Получился довольно прочный монолит, способный послужить материалом для возведения стен.

— Сколько таких блоков ты сможешь изготовить? — спросил у Светы Зархад, который сам не работал, а ходил по крепости и орал на других гоблинов, будто имел на это какое-то право. За ним следом таскался Грыбан и тоже всячески пытался выставить себя большим начальником.

— Да сколько потребуется, — ответила Света. — Это для меня не трудно.

— Тогда начинай лепить, — сказал ей Зархад.

Он повернулся к гоблинам и закричал на них:

— Эй вы, ленивцы. Чего встали? Взяли блок и потащили!

Из толпы кто-то недовольно спросил:

— А кто тебя начальником назначил?

Физиономия Зархада потемнела от гнева.

— Так-так, — протянул он. — Вижу, кому-то здесь наскучило на этом свете. Что ж, дело поправимое. Сейчас схожу к Свиностацу, владыке тьмы и ужаса, перекинусь с ним парой словечек. Но когда он прикажет всех вас на колья водрузить, вы уж, братцы, зла на меня не держите.

В этот раз никто из гоблинов не посмел оспорить авторитет Зархада. Недовольно ворча себе под нос, они вновь взялись за работу.

Зархад повернулся к Свете и пожаловался:

— Скверный все же народ, гоблины. Не умеем мы отдаваться делу всей душой. Обязательно надо над нами с палкой стоять, а лучше, конечно, с занесенным ятаганом.

— Кто-то приближается к крепости, — произнесла Света, и указала рукой в пустошь.

Зархад и Грыбан уставились в обозначенном направлении. И действительно, различили там одинокую фигуру всадника.

— Не думаю, что это враг, — сказал Зархад. — Может, кто-то в гости.

Когда незнакомец подъехал ближе, все гоблины побросали работу и выстроились на стенах, чтобы полюбоваться на него. К крепости приблизился огромный мускулистый детина с лицом эпического типа, восседающий на спине какого-то чудовищного зверя, отдаленно напоминающего волка. За спиной исполина покачивался огромный меч с широким, в ладонь, клинком. Бугрящееся мускулами тело густо покрывали уродливые шрамы всех форм и расцветок.

Перед развалинами стены детина остановил своего волка. Подняв голову, он могучим басом прокричал:

— Это ли цитадель властелина Свиноморда, повелителя и вождя нейтральной полосы?

— Ну, допустим, — ответил Зархад. — А ты кто такой и что тебе надо?

Ни вид гоблинов, ни даже Света ничуть не смутили здоровяка. Он грянул в грудь огромным кулаком и выпалил:

— Имя мне — Сидгур Нечестивый. Я хочу говорить с властелином Свиномордом.

— О чем, например? — спросил Зархад.

— О жизни, — мрачно бросил здоровяк. — Где он, владыка этот?

— Сходи, брат, к Стасику, — попросил Зархад Грыбана. — Скажи ему, что с ним тут поговорить хотят.

Грыбан ушел и пропадал где-то минут двадцать. Затем он вновь появился на стене, а вместе с ним пришла и Лаура.

— Что так долго? — проворчал Зархад. — Этот бугай грозитя крепость по камню разнести, если его немедленно не отведут к человеку Стацу.

— Пусть только попробует, — мрачно буркнула Лаура.

Она обратилась к нетерпеливому визитеру:

— Сударь, где ваши манеры? У великого властелина Свиностаца много важных дел. Он не может принять вас тотчас же, едва вы этого захотите.

— Я сюда ехал всю ночь и еще половину дня, — прокричал Сидгур. — Явился предложить свой меч и свою верность владыке Свиноморду. А он не хочет меня принять. Сейчас обижусь и уйду.

В это момент на стене появилась Риана.

— Ну, что он там? — тихо спросила Лаура.

— Да вроде пока держится. Синара с ним. Обещала присмотреть, пока мы не вернемся. Ну, чтобы не сбежал и не спрятался.

Лаура сокрушенно покачал головой.

— Ох уж этот властелин.

Она вновь обратилась к Сидгуру:

— Уважаемый, великий властелин Свиностаc готов вас принять. Соблаговолите спешиться и оставить своего зверя снаружи.

Бугай спрыгнул с волка и вошел в крепость. Шел так, будто был тут хозяином — плечами вилял, бедрами крутил, на всех смотрел свысока, благо рост позволял.

— Прошу за мной, — сказала ему Лаура.

Риана и Света пристроились за ними. Даже Зархад и Грыбан не смогли побороть любопытства и тоже отправились послушать беседу.

За неимением лучшего, трон темного властелина Свиностаcа был установлен в самой просторной комнате разрушенной крепости. И все же она была слишком мала для приемного зала. Да и трон не впечатал — это была наспех сооруженная конструкция из каменных обломков, больше похожая на кучу строительного мусора, чем на седалище великого владыки.

Сам властелин восседал на нем. Точнее, пытался встать и убежать, но удерживался на месте силой. Синаре не составляло труда фиксировать властелина — тот только числился могучим, а по факту был изрядным слабаком.

— Пусти меня! — слезно канючил Стасик.

— Крепись и мужайся, — призвала Синара. — Ты теперь правитель, а правителю не пристало прятаться в нужнике.

Стасик готов был забиться куда угодно, хоть в уборную, лишь бы не участвовать в этом спектакле. Даже одеяние темного властелина не придавало ему уверенности в себе. Ни железная маска, ни черное облачение не делали его ни сильнее, ни храбрее.

— Зачем только я в это ввязался? — всхлипывал он.

— Великие не выбирают своего величия, — философски заметила Синара. — Оно просто достается им, и все. Кто-то упивается величием, кому-то оно становится тяжким бременем. Судьба избрала тебя для великих дел. Смирись.

— Нет, никто меня не избирал! — горячо возразил Стасик. — Вы это сами придумали и меня втянули силой. Не хочу я быть властелином. Я не умею. Все, чего я хочу, это тихую жизнь и простое человеческое счастье.

— Расскажешь об этом восставшей из мертвых твари, что идет по твою душу, — посоветовала Синара.

Крик отчаяния сорвался с губ Стасика. Куда ни кинь — везде гибель. А о тихой и спокойной жизни вообще можно забыть.

В этот момент в тронный чулан вошла Лаура и провозгласила торжественным голосом:

— Властелин Свиностаc. Некто Сидгур Нечестивый нижайше просит аудиенции.

Стасик вновь попытался вскочить с трона и податься в бега, но Синара была настороже.

Ее твердые пальцы тотчас же вцепились в плечо Стасика и удержали властелина на месте.

— Властелин готов принять ничтожного просителя, — сказала она.

Стасик судорожно замотал головой. Никого он принимать не хотел. Он вообще боялся чужих людей. А нелюдей и подавно.

В тронный чулан, вслед за Лаурой, шагнул огромный человек, чей обнаженный торс бугрился мускулатурой и пестрел боевыми шрамами. За спиной исполина покоился царь-меч — чудовищная двухметровая штуковина для нарезания на куски крупных вражеских соединений.

От вида сего просителя Стасик чуть не лишился чувств. В полумраке ему почудилось, что он наблюдает перед собой близкого родственника Грыжи Антрекотовны. Этот великан вполне мог быть племянником верховной кухарки черного замка. Или нежно любимым, вскормленным парной человечиною, сыночком.

Сидгур шагнул вперед, чуть заметно поклонился, грохнул себя в грудь кулачищем, и выпалил:

— Приветствую тебя, темный владыка Свиноморд! Имя мое — Сидгур Нечестивый. Ты должно быть, наслышан обо мне.

Из-под железной маски властелина донеслось неразборчивое бляение. Оно явилось результатом неудачной попытки Стасика пустить в дело разумную речь. Увы, но эта способность отказала ему. Кошмарный вид вооруженного громилы поверг Стасика в состояние ужаса. А в подобном состоянии он обычно не мог выдавить из себя и пары связных слов.

— И все же позволь вкратце поведать о себе, — продолжил Сидгур. — Я родился в далекой северной стране, среди синего льда и серых скал....

Биография Сидгура оказалась настолько эпической, что даже не смешно. На свет он появился прямо на поле боя, затем, оставшись сиротой, был воспитан волками, а когда подрос и накачал мышцы, то есть в возрасте восьми с половиной лет, пошел и отмстил всем, до кого добрался. Дальше шла сплошная череда подвигов — Сидгур врывался в селения, убивал мужиков, бесчестил баб и швырял младенцев в костер. Сидгур врывался в святилища — убивал жрецов, бесчестил жриц, похищал святыне дары. Сидгур выслеживал обозы — убивал купцов, бесчестил лошадей, присваивал добро. К восемнадцати годам он успел настроиться против себя весь север, и вынужден был перебраться на юг. Там история повторилась. Эпический герой безостановочно гадил всем вокруг. Кончилось тем, что Сидгур вынужден был бежать и поселиться на нейтральной полосе — за ее пределами его не ждало ничего, кроме плахи.

Но и нейтральная полоса не охладила геройского настроения эпического воителя. Обосновавшись в древней гробнице, он постоянно устраивал набеги то на земли Ангдэзии, то на приграничье Кранг-дана. И в ходе этих рейдов Сидгур отрывался по полной программе. Убийства, изнасилования и грабеж были его фирменным подчерком. После себя Сидгур оставлял сожженные избы, горы трупов, поруганных дев и запах крепкого мужского пота. Так он и жил до недавнего времени, пока слуха его не достигла молва о темном властелине Свиноморде, что собирает войско для покорения мира и превращения оногo в преисподнюю. И вот теперь он, Сидгур Нечестивый, явился сюда и предлагает свою верность и свой меч темному властелину Свиноморду. И готов хоть сейчас идти войной либо на Ангдэзию, либо на Краг-дан, либо на всех сразу, лишь бы было кого убивать и насиловать.

Кончив свою речь, могучий герой вопросительно уставился на Стасика. Тот сидел на

своем импровизированном троне, и боялся шелохнуться. После того, как гость озвучил свою биографию, Стасика объял дикий ужас. Находиться в одном помещении с этим профессиональным мясником было просто страшно.

— Так что скажешь, властелин? — спросил Сидгур. — Принимаешь ли ты меня в свое черное воинство?

Стасик так и молчал бы до вечера, но в дело вмешалась Синара.

— Властелин Свиностаc великодушно принимает вас на службу, — сказала она. — Ступайте. Вас разместят в крепости по мере возможного комфорта.

Но Сидгур уперся.

— Почему сам властелин не хочет говорить со мной? — спросил он обиженным тоном. — Разве я не достоин сего?

— Разумеется, вы достойны, — мягко успокоила его Синара. — Но властелин не может заговорить с вами лично. Каждое произнесенное им слово — могущественное заклинание. Властелин вынужден безмолвствовать, ибо сказав лишнего, рискует обрушить на этот мир великие катаклизмы. То есть, он их, конечно же, обрушит. Но в свое время. А оно еще не настало.

— Вот оно что, — протянул Сидгур, поглядывая на черную фигуру на троне с резко возросшим уважением.

— Прежде властелин проживал в ином мире, — продолжила сочинять Синара. — Однажды он выпил лишнего и у него развязался язык.

— И что? — осторожно спросил Сидгур.

— Властелин вынужден был переселиться в этот мир, ибо что ему делать в выжженной пустыне, где не осталось ничего живого?

— О! — выдохнул Сидгур. — Воистину, приятно встать под знамена столь могучего владыки. Клянусь тебе, повелитель, что в первой же битве зверски убью сотню недругов в твою честь. А когда мы пойдем в набег на вражьи земли, я обещаю в твою честь сотню дев.

Еще раз грохнув себя кулаком в грудь, здоровяк покинул тронный чулан. Но не успел Стасик расслабиться, как нагрянул новый посетитель.

Перед ним предстал некто, закутанный в грязные и драные лохмотья. Наружу выглядывали только кисти рук — сухие, желтые, покрытые сетью вздувшихся вен и старческими пятнами. Гость опирался на узловатую клюку и горбился так сильно, что почти скреб подбородком по полу.

Из-под капюшона зазвучал скрипучий старческий голос:

— Владыка Свиноморд. Позволь презренному рабу твоему склониться пред тобой. Имя мое Клосарт Гнусный. Ты, должно быть, слышан обо мне.

Стасик судорожно кивнул головой, хотя на самом деле никогда не слышал об этом старике, и предпочел бы не слышать впредь. Но ему уже стало ясно, что рассчитывать приходится на контингент именно такого качества. Добрые благородные люди не живут на нейтральной полосе. Здесь обитают отбросы.

Гость, как и его предшественник, начал хвататься, перечисляя свои подвиги. Подвиги были в самый раз для новоявленного слуги темного властелина. Затейливый дедуля начал карьерную деятельность с массового отравления жителей крупной деревни. Сделано это было не из высоких идеологических соображений, а по причине банальной и где-то даже низкой. В деревне проживала девка, наотрез отказавшаяся дать Клосарту. Тот, недолго думая, отравил всех, а пока деревенские валялись на травке и корчились в предсмертных

муках, тишком оприходовал несговорчивую селянку.

Дальше покатило по наклонной — Клосарт торговал ядами, зельями сомнительного качества, которые на поверку тоже оказывались сущей отравой. Заявившись глубокой ночью в одну деревню, он вылил в тамошний колодец целое ведро доброго яда. К вечеру следующего дня половина жителей вымерла, а вторая половина готовилась присоединиться к первой.

Помимо изготовления и применения ядохимикатов Клосарт неплохо разбирался в мерзких заклинаниях порчи и проклятия. Используя одновременно магию и зелья, он достигал синергического эффекта, что позволяло нагадить сильнее и большему числу людей.

— А все почему, — кряхтя, подытожил Клосарт. — Потому что девушки меня не любят. Говорят — некрасивый, некрасивый. Кто же по внешности судит? А как же душа?

С этими словами гость поднял руку и сбросил с головы капюшон. Стасик только чудом сумел сдержать вопль ужаса. Всяких физиономий он повидал, но Клосарт неприятно удивил его. Это был не просто урод, но урод среди уродов. Стасик порадовался, что не чувствует вкуса пищи, а то бы эта харя отбила ему аппетит на неделю вперед.

— Не волнуйтесь, при дворе владыки Свиностаза умеют ценить подлинную внутреннюю красоту, — заверила его Синара.

Гость улыбнулся. Лучше бы он этого не делал. От улыбки его харя перекосилась и стала еще тошнотворнее. Стасик почувствовал, что еще немного, и его стошнит прямо в маску.

К счастью, аудиенция завершилась, и старый негодяй ушел вслед за Лаурой, которая пообещала устроить его в крепости со всеми возможными удобствами.

— Почему ко мне ломятся одни уроды? — тихо спросил Стасик.

— Не нужно делать скоропалительных выводов, — наставительно произнесла Синара. — Контингент своеобразный, но почему же сразу уроды?

— Вот бы ко мне на службу пришла прекрасная эльфийская принцесса, — возмечтал Стасик.

— Может, еще и придет, — подбодрила его Синара. — Хотя я бы на это не рассчитывала.

Стасик печально вздохнул. Это верно — рассчитывать на что-то хорошее не приходилось.

Он попытался встать с трона с целью скрыться в своей комнате и немного отдохнуть, но не успел — принесло очередного посетителя.

— Они что, будут идти весь день? — простонал Стасик.

— Тебе бы радоваться, а ты ворчишь, — заметила Синара. — Чем больше их соберется вокруг тебя, тем выше твои шансы уцелеть.

Была в ее словах доля правды, но именно что доля. Стасика не столько пугала угроза со стороны Ангдэзии, сколько неведомая тварь, идущая по его душу. Последняя внушала главный ужас именно своей непостижимостью. И что-то подсказывало Стасику, что ни здоровяки с большими мечами, ни колдуны с порчей и ядами, не смогут остановить нечто, стоящее одной ногой в мире живых, а второй в мире мертвых. Хорошо, если на свете вообще есть сила, способная остановить эту тварь. А ведь ее может и не быть.

В этот момент в тронный чулан шагнул очередной посетитель — огромная мускулистая баба средних лет, с лицом зверским, темным от загара и расписанным шрамами. Оружия на этой особе было столько, что считать замучаешься. Притом весь ее арсенал был так славно подогнан к экипировке, что не издавал при ходьбе ни единого звука.

— Приветствую тебя, Свинолот, темный владыка! — мощным басом взревела женщина. — Мое имя Гзеда Вероломная. Ты, должно быть, уже наслышан обо мне. И все же позволь рассказать историю моей жизни, дабы понял ты, что я достойна служить тебе.

Зазвучало очередное сказание, полное адских зверств, расчлененных трупов, кровавых рек и бессмысленной жестокости. Стасик к своему удивлению понял, что успел немного привыкнуть и больше не дрожит. Все-таки в чем-то Синара была права — эти добровольцы точно не будут лишними. Когда сюда нагрянет армия Ангдэзии, любой боец, способный держать оружие, будет на вес золота.

— ...и тут чувствую, как кто-то шупает меня за зад, — вещала Гзеда. — Поворачиваюсь — черный рыцарь. А с ним еще двое. Сидят, зубы скалят. Тут я, значит, выхватываю нож и ему по горлу — ха!

Стасик ритмично кивал головой, давая понять, что чрезвычайно заинтересован рассказом. А про себя подумал, что сегодняшний день будет, вероятно, очень долгим. И еще очень нескоро он получит возможность очутиться в своей спальне и отгородиться дверью от большого и опасного мира.

Глава 38

И Стасик не ошибся. Денек и впрямь выдался непростым. Посетители ломились один за другим. И все, как на подбор, были людьми непростой судьбы. Это был какой-то хит-парад негодяев всех мастей. На их фоне даже функционеры империи зла уже не казались такими уж злыми.

Среди тех, кто пришел предложить новоявленному властелину свои услуги, не оказались ни эльфийской принцессы, ни даже эльфийского принца. Была, правда, одна особа, назвавшаяся принцессой, но на деле оказавшаяся старой проституткой-диверсанткой, успевшей за свою карьеру заразить венерическими дарами более трех тысяч клиентов. В основном же новоявленные подданные были подонками и отбросами, явно страдающими кучей психических отклонений и маниакальной тягой к насилию. Все они оказались на нейтральной полосе не просто так. Здесь им и было самое место, подальше от нормальных людей.

К тому моменту, когда Стасик вполз в свои скромные покои, он чувствовал себя совершенно опустошенным. За день он выслушал два десятка биографий, и они повергли его в отчаяние. Если даже половина всего того, что он услышал, была правдой, сегодня он стал властелином конченных отморозков и мразей. А Стасик так хотел оказаться среди милых эльфов и прекрасных эльфиек.

Он вошел к себе и прикрыл дверь. Опустив светящийся шар на стул, Стасик подошел к крошечному, расположенному под самым потолком, окошку и прислушался. Снаружи, где уже сгустились сумерки, доносился гомон гоблинов, расположившихся на ночь во дворе, под звездами. Это были воистину неугомонные существа, болтливые до невозможности. Они тараторили все разом, а кое-кто из их числа пытался блеснуть вокальными талантами и порывался петь, сопровождая себя на каком-то струнном инструменте, рождающем удивительно противные пронзительные звуки.

Стасик тяжело вздохнул. В очередной раз его жизнь совершила изощренный кульбит. Только что он полагал, что наконец-то обрел покой, как напасти навалились со всех сторон. А ведь он всего-то и хотел, что спокойной жизни. И совершенно его не радовало то обстоятельство, что из его скромной персоны принялись лепить темного властелина. Не

хотел Стасик становиться им. То есть, иной раз он любил помечтать о чем-то таком. Что он, дескать, могучий мрачный владыка, проживающий в черной крепости вместе с гаремом прекрасных, до беспамятства влюбленных в него, эльфиек. Но мечты на то и мечты, что создают образ недостижимого идеала. Суровая реальность иная. В суровой реальности любой полнос обязательно испорчен парой-тройкой минусов. А иногда этих минусов набирается столько, что не успеваешь считать. Взять хотя бы гарем эльфиек. Где они, эльфийки эти? Почему прекрасные девы не домогаются темного властелина?

Не успел Стасик подумать об этом, как кто-то деликатно постучался в его дверь. Он вздрогнул и осторожно спросил:

— Кто там?

— Могу я войти? — прозвучал из коридора голос Лауры.

— Да, разумеется.

Стасик отворил дверь и увидел перед собой бывшую верховную волшебницу Форинга. Та пришла одна. Она стояла в коридоре, держа в руке старое жестяное ведро. Стасик одним глазом заглянул в него, но ведро оказалось пустым.

Лаура двинулась вперед, и Стасик вынужден был убраться с ее дороги. Волшебница вошла в комнату и прикрыла за собой дверь. А затем задвинула засов, и вот это последнее ее действие что-то уж совсем не понравилось Стасику.

— Ты поговорить хотела, да? — робко спросил он, надеясь, что волшебнице просто приспичило излить душу.

Не ответив, Лаура подошла к его кровати и поставила ведро рядом с изголовьем. Затем наклонилась и попробовала руками тощий, набитый соломой, матрац. Стасик наблюдал за ее действиями с возрастающей тревогой.

— Что-то случилось? — вновь попытал счастье он.

— Нет, ничего, — ответила Лаура, повернувшись к нему. — Давай покончим с этим поскорее.

— С чем? — пискнул Стасик.

Волшебница поморщилась.

— Хватит валять дурака! — строго потребовала она. — Мне все известно о тебе, Свиностас.

Стасик понятия не имел, что там стало известно Лауре, но явно что-то не то. Он невольно попятился от гостыи, но через полтора шага уперся спиной в каменную стену. Больше отступить было некуда.

— Если не против, я не стану раздеваться, — скорчив гримасу отвращения, произнесла Лаура. — Скажу прямо — грядущая процедура вызывает у меня одно лишь отвращение. Высока вероятность того, что меня стошнит. На этот случай и ведро.

— Да что ты от меня такого хочешь? — нервно выкрикнул Стасик, дико напуганный всеми этими туманными недомолвками.

— Довольно ломать комедию! — резко потребовала Лаура. — Всем известно, что ты озабоченный извращенец и потаскун, одержимый похотью. Твоя черная душа давно погрязла в неистовом разврате. Я знала, на что иду, когда решила направиться сюда. Мне придется отдать свое тело на поругание грязному чудовищу. Что ж, ради утоления своей мести я готова принести эту великую жертву. Делай со мной, что пожелаешь, отвратительный монстр.

Кое-как до Стасика все же дошел смысл ее слов. То есть, смысл-то дошел, но и только.

Все остальное было каким-то бредом.

— О чем ты вообще говоришь? — пропищал он. — Какой еще монстр? Я же тебе все объяснил. Это одно сплошное недоразумение. Погляди на меня! Разве так выглядит ужасный властелин зла? Да это просто глупо.

— Глупо было думать, что я поверю в твои сказки, — презрительно скривив губы, заявила Лаура. — Ты сейчас наслаждаешься моментом. Торжествуешь очередную победу. Я знаю, ты воспылал ко мне преступной похотью с того дня, как впервые ступил в этот мир. Наверное, ты долго ждал этого часа.

— Да ничего я не ждал! — завопил Стасик. — Хватит нести эту херню!

— Давай, упивайся триумфом, похотливый скот! — тоном идущей на казнь великомученицы, воскликнула Лаура. — Я вынесу все — и моральное поругание и физическое совращение.

— Да я ничего такого не хочу! — закричал Стасик. — Что ты себе выдумала? То есть, ты мне, конечно, нравишься....

Он смущенно запнулся.

— Ты... ну, ты красивая. И я....

— Так делай же свое грязное дело, — потребовала Лаура. — Но знай — я считала, и буду считать тебя могильным червем, нажравшимся мертвечины. Ты можешь надругаться над моим телом, но моя душа не достанется тебе, грязная мерзкая тварь.

— За что ты так со мной? — разрыдался Стасик, обиженный потоком отвратительных оскорблений. Особенно обидной была их полная несправедливость. Это внешне он мог считаться чудовищем — купание в ядовитой жиже не пошло ему на пользу. Но в душе он был добрым пареньком, робко мечтающим о простом человеческом счастье.

— Ты не заслуживаешь иного, кроме презрения и ненависти, — бросила ему Лаура. — Скольких невинных дев вверх ты в пучину разврата?

— Какие девы? Я ни в чем не виноват!

— Как это типично для бессовестного злодея — считать себя святым и безгрешным, хотя руки твои по колено в крови. Я плюю на тебя, Свиностаc. Пусть тело мое канет в пучину греха, но....

Захлебываясь слезами обиды, Стасик схватил Лауру за руку, подтащил к двери и вытолкнул в коридор. Следом туда же вылетело и принесенное ею ведро.

Дверь захлопнулась. Стасик привалился к ней спиной и закрыл лицо руками.

— Что ж, сегодня ты не в настроении, — седлала вывод Лаура. — Тогда в другой раз.

Стасик слышал, как удаляются ее шаги. Затем он проверил, задвинут ли засов, подошел к кровати и опустился на нее. Его до сих пор трясло.

Не успел он успокоиться, как в дверь вновь постучали.

— Уходи! — закричал Стасик, решивший, что это вернулась Лаура. — Оставь меня! Ты злая.

Но к его удивлению из коридора донесся голос Рианы.

— Это я, — сказала та. — Можно мне войти?

Стасик поднялся с кровати, подошел и отпер дверь. За ней действительно оказалась Риана. Ведьма очаровательно улыбалась, игриво поглядывая на Стасика. Обе ее руки были убраны за спину.

— Ты что-то хотела? — спросил Стасик.

— Кое-что, — неопределенно ответила Риана. — Так могу я войти?

Стасик отступил, давая ей дорогу. Риана вошла, при этом держась так, чтобы все время оставаться к Стасику лицом. При этом ее руки продолжали пребывать за спиной. Стасик догадался, что ведьма что-то прячет там, и его охватило беспокойство. Вдруг там оружие? А Риана, на самом деле, подосланный к нему убийца.

— Может, закроешь дверь, — предложила Риана.

Стасик послушно выполнил приказ. А затем, не будучи в силах и дальше выносить неизвестность, прямо спросил:

— Что у тебя там?

Риана улыбнулась шире и подмигнула Стасику. Тот ничего не понял. Тогда ведьма медленно вывела из-за спины правую руку. И Стасик с оторопью увидел в ней сплетенную из конского волоса плетку с несколькими короткими языками. Предмет этот трудно было назвать оружием. Плеть явно не предназначалась для нанесения серьезных ранений. Более всего эта штука напоминала безобидную игрушку для взрослых, решивших разнообразить свою сексуальную жизнь.

— Это зачем? — на всякий случай спросил Стасик.

Риана, вместо ответа, протянула ему плетку. Стасик машинально взял ее. Та оказалась удивительно легкой. Как он и подумал, это была скорее игрушка, чем реальное средство увещевания. Впрочем, если ударить наотмашь, то и эта штука доставит массу острых ощущений.

— Риана, что здесь... — начал Стасик, но закончить не успел.

Риана резко повернулась к нему спиной, рывком задрала юбку и выставила напоказ стройные ноги и попу, едва прикрытую ажурными трусиками. От этого внезапного и потрясающего зрелища у Стасика едва не взорвалось сердце.

— Давай! — игриво потребовала Риана. — Накажи меня. Представь, что я эльфийская принцесса. Непослушная эльфийская принцесса. Эльфийская принцесса вела себя плохо. Она не слушалась властелина.

Риана принялась задорно вилять попой. Плеть выпала из руки Стасика. Тот вжался в стену и закричал:

— Хватит! Не надо!

— Давай, властелин! Накажи меня! — требовала Риана, продолжая вилять задом.

— Прекрати! — взвыл Стасик.

Риана выпрямилась, опустила юбку и удивленно посмотрела на Стасика.

— Что-то не так? — спросила она.

— Все! — рыдая, проорал Стасик.

— Я понимаю, — кивнула ведьма. — Все-таки на эльфийку я похожа мало. Так и знала, что нужно поискать бутафорские ушки.

— Какие еще эльфийки? — простонал Стасик.

— Ой, вот только не надо прикидываться, — погрозив ему пальчиком, потребовала Риана. — Всем известна история о том, как ты захватил в плен эльфийскую принцессу, стегал ее плетью по попе и блаженствовал.

— Всем известна? — закричал Стасик сквозь слезы. — Кто вообще сочиняет эти мерзости?

— Если хочешь, можешь меня связать, — предложила Риана.

— Не хочу!

— А если я тебя?

Стасик вытолкнул Риану в коридор и выбросил вслед за ней плетку. Когда дверь захлопнулась, снаружи прозвучал голос ведьмы:

— Вернусь, как найду бутафорские ушки. Готовься стегать эльфийскую принцессу, повелитель.

Стасика трясло. Он задвинул засов и прошелся по комнате. Весь сон как рукой сняло.

— Нужно будет поставить стражу у дверей, чтобы никого ко мне не пускали, — прошептал он.

В этот момент в дверь постучались.

Стасик затаился, решив сделать вид, что его нет дома. Однако эта тактика не возымела результата. Неизвестный гость принялся колотить в дверь вначале кулаками, а затем и ногами. Грохот поднялся невероятный. В какой-то момент нервы Стасика сдали. Он подбежал к двери и рывком распахнул ее.

В коридоре, занеся ногу для очередного удара, стояла тощая девчонка с удивительно злыми глазами. Стасик узнал ее. Это была та самая малолетка, что явилась в компании какого-то полоумного чувака и потребовала срочно вести ее к темному властелину. Она оказалась первой ласточкой в последовавшем потоке извергов и душегубов.

Стасик не обманывался ни юным возрастом, ни внешней безобидностью девчонки. Детишки тоже умели быть конченными мразями. Взять того же Кольку — тот являлся профессиональным садистом с первого класса начальной школы.

— Можно? — спросила девчонка, и, не дожидаясь ответа, двинулась внутрь комнаты. Стасику пришлось убраться с дороги и пропустить ее.

Войдя внутрь, девчонка осмотрелась.

— Отраднейший аскетизм, — заметила она, окинув взором голые стены. — Роскошь и комфорт смягчают душу. Мягкие перины да теплые клозеты сгубили больше злодеев, чем все добряки вместе взятые.

Заметив кровать, девчонка направилась к ней.

— Как хочешь — здесь или на полу? — спросила она, остановившись возле лежанки Стасика.

— Чего? — тихо уточнил тот.

— Знаешь, я вокруг да около ходить не люблю, — заявила девчонка, одновременно расстегивая пуговицы своей потертой курточки. — Как мир устроен, мне известно. Чтобы получить тепленькое местечко, надо дать начальнику. Так что давай-ка, Свиногрыз, опустим прелюдию и сразу приступим к делу. У меня запросы скромные — хочу стать черным рыцарем. Это ведь можно устроить?

Она стащила с себя курточку и бросила ее на кровать. После чего взялась расшнуровывать штанишки.

— Тебе сколько лет? — зачем-то спросил Стасик.

— Лет? — удивилась девчонка. — А зачем тебе? Ну, допустим, четырнадцать. Но ты на возраст не смотри. Я зла не по годам.

Примерно на четырнадцать девчонка и выглядела. Даже, пожалуй, еще моложе.

— Ты еще ребенок! — возмущенно выпалил Стасик.

Девчонка прекратила возиться со штанишками и удивленно уставилась на него.

— Ребенок? — переспросила она. — А, понимаю. Ты у нас любишь женщин постарше. Неудивительно, что окружил себя старухами. Но разве темный властелин упустит случай насладиться телом юной девственницы?

С этими словами она начала расстегивать блузку. Стасик взвыл, подбежал к ней, схватил за руку и потащил к двери.

— Свиногрыз, в чем дело? — закричала Злюка. — Я ж от чистого сердца и во славу карьерного роста.

Стасик вытолкнул ее в коридор, затем вернулся к кровати, схватил куртку гостыи и выбросил ее следом. Затем захлопнул дверь и задвинул засов.

— Ладно, в другой раз, — донеслось из коридора. — Я понимаю — ты уже старенький, у тебя не всегда получается. У папеньки тоже бывали осечки. Он из-за этого так злился, так злился. Кого ни попадя хватал и отправлял на плаху. Ты тоже прикажи кого-нибудь казнить, сразу полегчает.

Выдав дельный совет, Злюка удалилась. А Стасик еще долго стоял, прижавшись спиной к двери, и даже не пытался прийти в себя. Не успел он пожелать гарема воздыхательниц, как тот тотчас же с ним случился. Вот только реальный гарем оказался совсем не таким, каким он представлялся школьнику в его возбужденном воображении. Реальные домогательства новых соратниц откровенно напугали Стасика. Возможно, всему виной был образ темного властелина. Темному властелину по умолчанию положено быть насильником, садистом и педофилом. Вот только Стасик им не был. Он хотел чистой и светлой любви, а не вот этого всего с плетками и ведрами для рвоты.

— Обязательно завтра велю поставить стражу на входе, — решил он.

С этими словами Стасик повернулся к кровати, собираясь лечь в нее. Да вот только не собрался. Потому что увидел руку, которая вдруг высунулась из-под его ложа.

Крик ужаса застрял в горле Стасика. Он попятился и уперся задом в стену. Что-то живое выползло из-под его кровати. Вот показалась рука, затем нога, толстый бок и край массивного зада. Затем наружу выглянула половина лица — круглого, заплывшего салом, откровенно некрасивого. Взгляд единственного глаза сфокусировался на Стасике. У того отказали ноги и он бессильно сполз по стене на пол.

Существо зашевелилось, громко сопя. Оно несколько раз дернулось, а затем разверзло пасть и потребовало человеческим голосом:

— Помоги мне, я застряла!

Не помня себя от ужаса, Стасик поднялся на ноги, подошел к кровати и слегка приподнял один ее край. После чего существо смогло целиком выдавить себя наружу. Тяжело сопя, оно поднялось на толстые кривые ноги. И только теперь стало ясно, что это обычная человеческая женщина — некрасивая, полная и мощно папахивающая потом. У Стасика оставался всего лишь один вопрос — каким образом данная особа оказалась под его кроватью?

Первым спонтанным объяснением стала гипотеза магического вмешательства. Стасик решил, что некрасивая баба либо сама открыла портал под его кровать, либо воспользовалась чьими-то чародейскими услугами. Он уже хотел расспросить толстуху, вызнать, что ей надо, и не настроена ли она враждебно, как вдруг баба шагнула к нему и наглым голосом потребовала:

— Где он?

Стасик отпрянул от незнакомки. Его охватил страх. Недаром эта женщина показалась ему похожей на Грыжу Антрекотовну. Что-то неуловимое роднило их, притом сходство касалось не только внешних параметров.

— Кто? — простонал Стасик. — Кто вам нужен?

Баба уставилась на него с нескрываемой злобой. Стасик невольно покосился на окно, сквозь которое внутрь доносились голоса расположившихся во дворе гоблинов. Интересно, если он начнет орать и звать на помощь, как скоро зеленая братия нагрянет сюда? Гоблинам потребуется время, чтобы достигнуть входа и миновать несколько длинных коридоров. За это время толстая баба успеет сто раз расправиться с ним.

— Я вас не понимаю, — признался Стасик. — Кто вам нужен?

— Не понимает он, — заворчала баба, уперев руки в бока, чем еще больше напомнила Грыжу. Та просто обожала стоять в такой вот позе перед своими кухонными рабами и подавлять их своим адским видом.

— Я ведь действительно не понимаю, — как можно более ласково сообщил Стасик. — Если вы мне все объясните, то я смогу вам....

Баба резко шагнула к нему и вцепилась руками в плечи Стасика. Затем начала трясти его и требовать:

— Где, я тебя спрашиваю, эльфийский принц? Где он?

— Здесь его нет, — болтаясь, как тряпичная кукла, вымолвил Стасик. — Тут совсем нет эльфов.

— Я знаю! — рявкнула баба, разверзнув перед Стасиком свою пасть. — Почему он до сих пор не приехал за мной?

— Кто? — прорыдал несчастный темный властелин.

— Эльфийский принц, кто же еще! — рявкнула баба. — Ты что, глухой? Где он, мой принц? Я его жду, жду, а эта скотина все не едет.

— Я в этом не виноват! — затряс головой Стасик.

— Ой ли? — усомнилась баба, зверски сверля его лютым взглядом заплывших жиром глаз. — Был тут до тебя один, тоже прикидывался невинным. Вначале соблазнил, а затем бросил и запер в темницу. Все вы, мужики, одинаковые. Вот эльфийский принц, он не такой. Он не козел.

Стасик согласно кивал головой. Он готов был согласиться с любыми речами этого существа, лишь бы сохранить жизнь. Была ли внезапная баба врагом, он сказать не мог, но в том, что она не в себе, и потому опасна, уже не сомневался.

— Знаете, — предложил Стасик осторожно, — а давайте спросим Синару. Она давно на свете живет, все знает. И об эльфах в том числе.

— Кто это такая, Синара? — рявкнула баба, продолжая трясти Стасика за плечи. — Еще одна разлучница? Она тоже положила глаз на принца?

— Нет! Нет! — воскликнул Стасик. — Она вообще принцев не любит. А эльфов и подавно. Она вам обязательно поможет.

Какое-то время злобный взгляд прищуренных глаз буравил Стасика, а затем баба разжала пальцы и выпустила его.

— Зови свою Синару, — потребовала она. — Пусть ведет меня к эльфийскому принцу.

Стасик пулей вылетел в коридор и бросился к спуску в подземелье. Где искать прочих обитателей крепости, он знать не знал, а вот Синара всегда была в своих подземных покоях. Стасик кубарем скатился по винтовой лестнице, по которой прежде бегал на свидания к Свете, и ворвался в коридор. Раньше он упирался в страшную магическую дверь. Теперь же железная плита лежала на полу, а коридор тянулся дальше, во тьму. Стасик смело ворвался в нее и закричал:

— Синара!

Из мрака донесся шелестящий голос покойной принцессы:

— Кто тревожит покой усопших?

— Синара, пойдем со мной! — закричал Стасик. — У меня из-под кровати вылезла какая-то женщина. Она эльфийского принца требует.

Внезапно из темноты стремительно вынырнула закутанная в саван фигура, чье лицо скрывалось под белой маской.

— Что-что у тебя произошло? — удивилась Синара.

Стасик кратко изложил суть проблемы.

— Женщины не выползают из-под кроватей просто так, — задумчиво произнесла Синара. — Идем-ка, взглянем на нее. Эльфийского принца, говоришь, требует? Очень интересно. Ну, давай посмотрим на эту восставшую из-под кровати.

Глава 39

Прижавшись потной спиной к холодному камню стены, Матрена затравленно глядела на обступивших ее людей и нелюдей. Она чувствовала себя загнанным зверем. Благородной изящной ланью, окруженной сворой голодных гиен. Тут бы самый момент нагрянуть прекрасному эльфийскому принцу и вырвать ее сочное тело из злодейских лап, но принцами до сих пор не пахло.

— То есть, ты утверждаешь, что это вот создание вылезло из-под твоей кровати? — задал вопрос седобородый старик, обращаясь к какому-то заморышу в бинтах с головы до ног.

— Так оно и было, — ответил тот. — Знаю, это звучит невероятно. Но я не вру.

В этот момент заговорило какое-то странное существо в белом облачении, чья физиономия скрывалась за маской цвета слоновой кости.

— Могу с уверенностью заявить, что она не тот монстр, что идет за Стасиком. Я бы это сразу поняла. Эта женщина обычный живой человек.

— Так уж и обычный, — скептически хмыкнула молодая красивая женщина с красными, заплетенными в косы, волосами. — Вы бы ее послушали. Обычные люди такой херни не несут.

— Сама ты дура! — выпалила Матрена.

Она отлично помнила эту злодейку. Та избила ее в камере. Наверняка сделала это из зависти к ее, Матрены, красоте. Еще бы — ее-то вождели первые красавцы этого мира, а костлявой худышке не светило ничего, кроме скромного счастья с конюхом или крестьянином. Да и те, скорее всего, побрезгуют.

— Не важно, кто она и что она, — отмахнулось еще одно жуткое существо, обугленная тварь над чьей головой вился огненный факел, а глаза горели двумя алыми углями. — Она напала на Стасика. Этого уже довольно, чтобы превратить ее в пепел.

— Да она не то, чтобы напала, — смущенно признался Стасик, который не считал возможным оговаривать невинного человека. — Просто напугала меня немножко своим внезапным появлением. И еще ее странные разговоры об эльфийском принце.

— Эльфийские принцы? — фыркнул Зархад. — Да кому они нужны, эти малахольные импотенты? То ли дело мы, гоблины. Настоящие мужчины: могучи, красивы, сексуальны.

— Это крайне спорный тезис, — сквозь зубы процедила Лаура.

Она обратилась к Матрене:

— Кто ты и откуда здесь взялась?

Матрена надулась и поджала губы. Вот еще она будет оправдываться перед этим сборищем хамов. С минуты на минуту подъедет ее принц с личным войском, и вот тогда-то все эти негодяи попляшут. Вот как полетят в них эльфийские стрелы, да как засвистят эльфийские мечи, сразу в пляс и пустятся.

— Жирная может оказаться шпионкой, — проскрипел старик. — Ничего личного, но предлагаю ее убить.

— И съесть! — добавил зеленый мутант, а когда все осуждающе поглядели на него, добавил. — Ну не пропадать же мясу даром. Я ведь к трапезе никого не склоняю. Нам со свояком больше достанется.

— Нет, так нельзя, — вдруг уперся Стасик.

— Откуда столько великодушия? — проворчал Гамал.

— Она ведь ничего плохо нам не сделала, — смутившись, пояснил Стасик. — Нельзя убивать кого-то без веской причины.

— Да можно, можно, — заверил его Зархад, медленно потащив из ножен меч. — Я сейчас покажу, как это делается.

— Стасик сказал, что убивать нельзя! — повысила голос Света.

Гоблин втянул голову в плечи, поморщился и нехотя сунул оружие обратно в ножны.

— Ох уж эта ваша доброта, — проворчал он. — Попомните мои слова — доведет она до беды. У нас, у гоблинов, есть поговорка: нет человека — есть ужин. Священная традиция поедания пленных живет в нашем народе с незапамятных времен. Только благодаря ей мы уцелели. А впади в гуманизм и доброту, давно бы уже не было гоблинов на белом свете.

— Мы бы как-нибудь пережили эту невозполнимую утрату, — небрежно бросила Лаура. — Ну, допустим, не станем мы ее убивать. И что с ней, в таком случае, делать?

— Пускай владыка Свиностас решает, как поступить с толстухой, — подхалимским образом высказалась Риана.

После чего все дружно уставились на властелина. Стасик от смущения чуть сквозь землю не провалился.

— Да я это... — принялся мямлить он. — Я не знаю.

Он покосился на женщину. Проще всего было сказать — в расход ее. И навсегда выбросить эту незнакомку из головы. А уж как с ней поступят подчиненные, не его забота. Гоблины ли пустят ее на шашлык, Лаура ли испепелит световым копьем или Синара высосет из нее жизнь — так ли это важно? Его, властелина, это уже не касается. Он выше, чем какая-то там жизнь какого-то там человека. Широко шагает властелин, под ноги не глядя. Цель его впереди, где-то там, за горизонтом, туда и устремлен его взор. А скольких он затаптывает за каждый шаг к своей цели, того не ведает и ведать не хочет.

Стасика окатила волна отвращения к себе. Нет, он никогда не станет такой же мразью, как лорд Мортус или Дакрос Безжалостный. Люди никогда не станут для него расходным материалом или помехой на пути к цели. Ему самому довелось побывать в этой роли — в роли расходного материала. Он знал, каково это, когда твоей судьбой распоряжаются другие, которым на тебя наплевать сто двадцать раз. Не станет он уподобляться классическим темным властелинам. Он пойдет своим путем. Путем доброты и гуманизма. Если он вдруг завоюет этот мир (Стасик не верил в подобную возможность, ну да мало ли), он не станет превращать его в филиал преисподней. Напротив, он положит все свои силы, чтобы превратить правильный мир в самое прекрасное место во всех возможных вселенных. Конечно, без толики насилия не обойтись. Придется зверски убить всех злодеев, а так же

тех, кто не захочет жить в новом прекрасном мире Стасика. Но это вынужденная мера. Если этого не сделать, злодеи своим присутствием обязательно испортят намеченный рай.

— Так что нам делать с жирной бабой? — резко спросил Гамал, вырывая Стасика из мечтаний о грядущем счастье после планетарного геноцида.

Стасик вновь взглянул на незнакомую женщину и произнес:

— Ну, ничего.

— Что это значит? — удивилась Лаура.

— Да пусть она делает все, что хочет, — пояснил Стасик. — Захочет — останется. Нет — нейтральная полоса в ее распоряжении.

Послышалось многоголосое ворчание. Подручные не были довольны решением властелина. Они сочли его странным. Властелин, и вдруг кого-то пощадил! А он точно ли властелин? Однако никто не дерзнул прямо оспорить решение, да и особого желания на то не было — в конце концов, толстуха не казалась опасной, и едва ли могла быть шпионкой или диверсанткой.

— Ну, так тому и быть, — проронил Гамал.

Он шагнул к Матрене и строго ей сказал:

— Гляди у меня, начнешь совать нос куда не надо, живо за это поплатишься. На твоём месте я бы взял ноги в руки и свалил отсюда.

— Пошел ты, хрыч! — дерзко выпалила Матрена.

Физиономия Гамала покрылась пятнами.

— Ах ты сала центнер! — прорычал он сквозь зубы. — Да я тебя....

— Уймись, старьё! — потребовал Зархад, вставая на пути алхимика. — Свинорыл приказал ее не трогать. Да будет так.

— Больно много командиров развелось, — посетовал Гамал. — Куда ни плюнь, одни Свинорылы.

— Дед, остынь! — потребовал гоблин. — Негоже идти поперек воли властелина. Ты ничего не смыслишь в придворных делах. Тут требуется гибкость. Пусть властелин думает, что его приказы беспрекословно исполняются. А толстуху мы потом съедим, тишком и без помпы. А властелину сообщим, что ушла она куда-то, а куда и зачем — кто знает?

— Эй, я, вообще-то, здесь стою, — напомнил о себе Стасик.

— И напрасно, — сказал ему Зархад. — Негоже властелину у подчиненных над душой маячить. Властелин повелел, и пошел дальше по своим делам. Чтобы даже мысли ни у кого не возникло, что можно взять и ослушаться. Властелин этого не допускает, и другие с него пример возьмут. Так что ступай, ступай Свинорыл. Мы тут дальше сами. Свояк, неси ножи и ведра.

— Я серьезно говорю — не вздумаете ее съесть! — потребовал Стасик.

— Да поняли мы, поняли. Свояк, ты еще здесь?

— Без шуток.

— Какие уж тут шутки. Свояк, и уксус захвати.

— Я прослежу. Если завтра ее здесь не будет, тогда....

Тут Стасик запнулся, понятия не имея, что он сделает в том случае, если гоблины все-таки съедят толстую женщину. Скорее всего, ничего. Да и что он мог? Натравить на гоблинов Свету? В этом случае все гоблины просто разбегутся, а они ему нужны.

— В общем, есть ее нельзя! — повторил Стасик и поспешил уйти, пока Зархад не задал ему еще какой-нибудь неудобный вопрос, на который нечего будет ответить.

Постепенно все разошлись, и Матрена осталась одна. Она еще долго стояла, громко сопя и сотрясаясь от злости. Да как эти козлы посмели назвать ее толстухой и жирной? Неужели вороны выклевали им глаза? Ее вожделили первые красавцы этого мира. Эльфийский принц, благородный паладин, красавчик-вампир и еще куча разных сладких мальчиков боролась за ее руку и сердце. Тот факт, что эта борьба происходила исключительно в ее воображении, Матрену не смущал. Уже давно все хорошее в ее жизни происходило только там. Реальность была отвратительна. Реальность встречала ее жирной задницей, крепко спившимся мужем и полной безнадегой. Но в мире грез она была прекрасна и желанна. Первые красавцы вселенной грудями лежали у ее ног. Там ее ждало только счастье, большое и всеобъемлющее.

Ее подозрение, что две худышки направляются в страну прекрасных принцев, не оправдалось. Те пришлепали в какую-то разрушенную крепость посреди пустыни. В крепости обитали разнообразные мутанты и некоторое количество людей. Мутанты Матрену не испугали. После того как она наблюдала своего благоверного после недельного запоя, ее трудно было испугать чудовищным видом и запахом. А вот что действительно встревожило Матрену, так это отсутствие в крепости красавчиков. Их тут не было ни одного. Не было никого, кто мог бы сойти за красавца даже с очень большой натяжкой.

Все это начало злить Матрену. Она уже сколько дней валандалась в правильном мире, а эльфийского принца до сих пор где-то носило. Ему бы следовало поторопиться, если он не хочет упустить свой шанс. Потому что если ушастый красавчик задержится еще на день-другой, то Матрена выберет вампира, а эльфу останется всю следующую вечность кусать свои эльфийские локти.

Чувствуя голод, Матрена отправилась бродить по крепости. Ей постоянно встречались зеленые уродцы, косящиеся на нее со странным, несколько пугающим, интересом и отпускающие в ее адрес казарменные шуточки. Матрена в долгу не оставалась, и стабильно обрушивала на гоблинов всю силу своей луженой глотки, демонстрируя грубиянам завидный запас бранных слов.

Затем ноги завели ее в абсолютно пустое крыло постройки. Все здесь дышало разрухой и запустением. Под ногами хрустели камешки, со стен и потолка свисали гирлянды паутинок. Похоже, здесь уже давно никто не жил. Матрена решила, что это самое подходящее место, чтобы немного отдохнуть. Ей требовалось выспаться. Она уже забыла, когда в последний раз спала по-человечески. Отдых непременно пойдет ей на пользу. Он прояснит ее разум, и тогда он сможет придумать, как скорее попасть в объятия к эльфийскому принцу.

Достигнув очередного поворота и свернув за угол, Матрена вдруг увидела свет, бьющий из приоткрытой двери. Получалось, что кто-то все-таки здесь обитал.

Матрена подкралась к двери и попыталась заглянуть в щель. Однако сумела разглядеть только каменную стену, освещенную то ли свечами, то ли факелом. Тогда она попыталась беззвучно приоткрыть дверь, но старые ржавые петли тут же отозвались на ее действие хоровым протяжным воем.

Таиться и дальше не имело смысла. Матрена распахнула дверь и обомлела.

Небольшую комнатку явно обжили недавно. Новые постояльцы вымели из нее грязь, пыль и паутину, после чего притащили минимальный набор необходимой мебели. Набор состоял из старой самодельной кровати, стола и стула. На столе горела короткая толстая свеча, над фитилем которой вилась удивительно высокая и яркая пламя.

Но не свеча и не прочий декор потряс Матрену. Причиной ее удивления стал молодой

красивый мужчина, сидящий на полу на куче грязного тряпья. Он был одет в лохмотья, и имел довольно жалкий вид. Но даже в своем рванье, даже под толстым слоем грязи и неряшливой щетины, проглядывался красавчик высшей пробы, лишь немного проигрывающий эталонному эльфийскому принцу из сладких женских грез.

Матрена возликовала. Все-таки в этой крепости водились красавцы. Всего один, и того спрятали. Но она нашла его. Грядет романтика и прочие розовые сопли. Наконец-то в ее жизни случится большая и чистая любовь, прямо как в ее любимых книжках о страхолюдинах, чудесным образом ставших объектом всеобщего обожания.

Но если Матрену при виде Андиса охватила радость, то бывший паладин испытал не менее бурные, но строго противоположные чувства. Когда дверь в комнату распахнулась, он ожидал увидеть на пороге свою новую хозяйку — девчонку по имени Злюка. Эта хозяйка ему нравилась. На фоне прежней владелицы она была сущим ангелом. А вот прежняя владелица....

Андис старался не вспоминать о ней. Но иногда это случалось против его воли. И тогда он кричал. Кричал, кричал, и не мог остановиться. Потому что перед его мысленным взором стоял дьявольский образ Грыжи Антрекотовны — монстра, лишившего его разума.

И вот когда распахнулась дверь, он увидел на пороге нечто, своими очертаниями похожее на верховную кухарку черного замка. Лишь на миг Андису почудилось, что это Грыжа. Но и мига хватило.

Истошный крик сорвался с его уст. Андис катался по полу и кричал, не находя в себе силы остановиться. Он уже разглядел, что это не Грыжа. В комнату заглядывала какая-то незнакомая толстуха. Но крик продолжал хлестать из него тугой звенящей струей.

Когда красавчик вдруг начал кататься по полу и орать дурным голосом, Матрена слегка опешила. Подобное поведение было несколько странным. Красавцу, при одном лишь взгляде на нее, полагалось возликовать и рухнуть на колени. А он чего-то вдруг в истерике забился.

Пока Матрена пыталась понять, что здесь происходит, за ее спиной прозвучали торопливые шаги. Матрена обернулась. Перед ней стояла мелкая щуплая пигалица лет четырнадцати, на чьем миленьком личике ярко сверкали не по-детски злобные глаза.

— И кто тебе разрешал входить в мою комнату? — сквозь зубы процедила девчонка.

При этом ее правая рука медленно скользнула за спину. Матрена не обратила внимания на это движение, а зря. Потому что пальцы Злюки в это время как раз нащупывали рукоять кинжала.

— Да я просто мимо проходила, — буркнула Матрена.

Из комнаты продолжал нестись истошный крик Андиса.

— Кто тебе разрешал обижать моего питомца? — спросила Злюка.

— Никого я не обижала, — проворчала Матрена, которую начала бесить эта девчонка, устроившая ей допрос. — В общем, мне пора.

Она развернулась и быстро зашагала по коридору. Злюка едва сдержалась, чтобы не броситься за ней и не всадить клинок кинжала в широкую спину толстухи. В последний момент она передумала. Нет, не из-за внезапного приступа доброты. Просто прикинула, что если завалит эту тушу напротив своих апартаментов, то ей самой придется вытаскивать тело наружу. А она эту гору жира и с места-то не сдвинет.

Проводив толстуху недобрый взглядом и пообещав себе разобраться с ней на днях, Злюка вошла в комнату. Ее ручной паладин продолжал кататься по полу и орать дурным голосом.

— Хватит! — потребовала Злюка.

Питомец ее даже не расслышал.

Злюка тяжело вздохнула, шагнула к своей лежанке и взяла со спинки кровати короткую, но толстую и тугую, кожаную плеть. С ней она подступила к Андису и, что было сил, грохнула плетью по краю старого стола. Удар вышел страшный, едва не разнесший в щепу доски столешницы. Его грохот сумел привести питомца в чувства. Андис прекратил кататься по полу, поднял заплаканное лицо и уставился на Злюку. А затем бросился к ней, обхватил ее ноги, уткнулся мокрым от слез лицом в бедро девушки и жалобно заскулил. Та уже занесла руку с плетью, собираясь выдать питомцу воспитательную пайку, но передумала и опустила орудие. Андис скулил и прижимался к ней, ища защиты. Злюка какое-то время глядела на него сверху вниз, затем улыбнулась и потрепала рукой грязные волосы бывшего паладина. Когда-то эти волосы были цвета золота. Но это было до того, как Андис подвергся насильственному низвержению в семейный кошмар. С тех пор его шевелюра поседела. На голове не осталось ни одного золотого локона.

— Ну-ну, — снисходительно протянула Злюка, бросив плеть на кровать и продолжая гладить Андиса по голове. — Все, успокойся. Она тебя не тронет.

Питомец заскулил тише и жалобнее. Ему хотелось верить своей новой хозяйке. Хотелось верить, что она сумеет защитить его от Грыжи. Но даже лишившись рассудка, Андис кое-что понимал. Хотя бы то, что остановить Грыжу очень непросто. Эта задача по силам разве что отряду паладинов, но никак не хрупкой девчонке. И если Грыжа явится за своим беглым мужем, а такого нельзя было исключать, ибо верховная кухарка была собственницей до мозга костей, кто встанет между ней и суженым?

— Ладно, отцепись от меня, — потребовала Злюка.

Оттолкнув от себя заплаканного Андиса, она вышла в коридор, а вернулась с небольшим мешочком. Его она опустила на стол и стала извлекать наружу находящиеся внутри яства. Те были довольно скудны и состояли из холодных, сваренных без соли, овощей, а так же небольшого горшочка каши.

— Кормят тут, конечно, на любителя, — ворчливо заметила Злюка, подсев к столу. Андис пристроился подле нее, на коленях. Он задрал голову и уставился на хозяйку глазами, полными щенячьей преданности. Злюке даже стало неловко от этого взгляда. Она взяла со стола половинку репы и бросила ее питомцу. Андис поймал кушанье и стал потреть.

— Что ж, потерпим, — решила Злюка, вычерпывая кашу из горшочка. — Пожурем репу с кашей. Недолго нам ими давиться. В первой же битве я возьму богатые трофеи и десяток рабов.

Она поглядела на Андиса, жующего репу, и пообещала:

— Прикажу изготовить для тебя ошейник из золота и коврик для сна ручной работы. Будешь из серебряной миски кушать и в платиновый лоток оправляться.

Андис грыз репу, моргал красными от слез глазами, и явно ничего не понимал. Косясь на него, Злюка громко вздохнула. Она всю жизнь мечтала о ручном паладине, которого могла бы мучить днями и ночами напролет. Но стоило ей завести себе долгожданного питомца, как желание издеваться над ним сразу же пропало. Более того, она с каждым днем проникалась к нему все большей привязанностью.

Взяв со стола вторую половинку репы, Злюка протянула ее Андису. Тот принял подачку и стал грызть ее с отрешенным видом.

Злюка поглядела на приоткрытую дверь и вспомнила толстую, дерзнувшую проникнуть

в ее апартаменты. Разумеется, жирная дура и знать не знала, в чьи покои вторгается. Будь ей известно, что здесь проживает принцесса Амалия, дочь Дакроса Безжалостного, она бы сто раз подумал, прежде чем вторгаться на ее территорию. И уж чего Злюка совершенно не могла простить толстухе, так это того, что та обидела ее питомца.

Мрачная решимость отразилась на милом личике беглой принцессы. Она понятия не имела, кто эта толстуха и каково ее положение при дворе Свиноста. Да это и не имело значения. Злюка уже все решила. Жирная женщина, покусившаяся на ее собственность, должна умереть. И чем мучительнее будет ее смерть, тем лучше.

Глава 40

Следующий день окончательно убедил Стасика в том, что о тихой спокойно жизни он может теперь даже не мечтать. Покоя не предвиделось. Хуже того, суета и кипучая деятельность только набирали обороты, и их невольным эпицентром был он — Свиноста, властелин чего-то там.

Стасика не спасало даже то обстоятельство, что почти вся деятельность осуществлялась без его участия. Кто-то принимал решения, кто-то отдавал приказы, кто-то исполнял их. По общему мнению, все это совершалось по черной воле грозного Свиноста, но Стасик знал правду — его воля не имела ко всему происходящему никакого отношения. Будь его воля, он бы разогнал всех сбежавшихся в крепость людей и нелюдей, и остался наедине со Светой. Так бы они и жили вдвоем, душа в душу... Ага, жили бы. Ровно до тех пор, пока сюда не нагрянула бы армия Ангдэзии. Или одержимый Стасиком неведомый монстр. Или еще кто-нибудь, не менее опасный и смертоносный.

К крепости стянулись еще гоблины. Их собралось очень много. Не помещаясь внутри, они разбили вокруг свой неряшливый лагерь и тут же принялись обживать на новом месте — готовить еду, копать землянки и охотно втягиваться в междоусобные распри. Когда на стене появился Стасик, предусмотрительно набросивший на плечи свой черный плащ и скрывший лицо за маской, гоблины, заметив его, подняли страшный шум. Иные плясали, иные падали на колени и протягивали руки к новоявленному Гоб-гулыбу. Напуганный таким вниманием Стасик поспешил скрыться от посторонних глаз.

Всех вновь прибывших привлекли на восстановительные работы. Те шли довольно бодро. Лаура и Риана тоже включились в них, пустив в дело свою магию. Их коллективными стараниями старая крепость, лежащая в руинах, начала возрождаться, словно феникс из пепла. Правда, постройка приобретала чем дальше, тем более зловещий вид, все больше напоминая эталонную цитадель темного властелина, за толстыми стенами коей растлевают невинных дев и занимаются иными интересными делами. Черные стены поползли вверх. Разрушенные блоки воссоздавались, устанавливались на место и сплавлялись в единый монолит. Помимо уцелевшей башни выросло еще три. Главное строение пока не трогали, сосредоточившись на оборонительных укреплениях, но Стасик чувствовал, что очередь дойдет и до нее. И тогда ему больше негде будет прятаться от всего этого кошмара.

О том, что происходит снаружи, Стасик узнавал из доходящих до него слухов. Сам же он сидел в своих жалких покоях и чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Словно он вновь вернулся в родной мир, и прячется в своей комнате от нагрянувших к предкам гостей. Стасик терпеть не мог, когда посторонние люди вторгались в его святая святых — комнату. То была его цитадель, его обитель, его последний рубеж, с которого некуда отступать. Когда кто-то пересекал порог его комнаты, он сразу же начинал нервничать. Особенно когда это

делали малознакомые люди. Вот и теперь он воспринимал свою комнатушку как такое последнее пристанище. Снаружи царило форменное безумие — люди и нелюди, волею случая оказавшиеся здесь, готовились дать бой грозной армии. Стасик понятия не имел, на что они рассчитывали. Он плохо разбирался в тактике, а в стратегии и того хуже. И затруднялся сказать, насколько велики их шансы. Все-таки в этом мире не все решала численность, экипировка и подготовка войск. Многое зависело от магической мощи, а в этом плане у обитателей старой крепости все было неплохо. Одна только Света представляла собой грозное оружие, а ведь были еще Лаура и Риана. Стасик подозревал, что и Синара кое-что может в магическом плане. Правда, напоминал он себе, у воинов добра наверняка в избытке и своих чародеев.

Продолжали прибывать добровольцы — негодяи всех мастей, но Стасик больше не принимал их лично. Он приказал Зархаду зачислять всех вновь прибывших автоматом и размещать в свободных помещениях. Места пока хватало. Крепостная постройка была достаточно велика, плюс имелось обширное подземелье. В подземелье обитала Синара, но она могла и потесниться. В конце концов, зачем ей, мертвой, столько комнат и коридоров? У нее ни мебели, ни нарядов, ни слуг. Она не спит и не ест. Ей, по большому счету, и жилище-то не требуется.

В дверь постучали. Стасик замер, не торопясь отзываться. Когда стук повторился, и прозвучал более настойчиво, он подал голос:

— Кто там?

— Свои, — донесся из коридора голос Гамала.

Стасик отпер засов и распахнул дверь. В его комнату тут же шагнул старый алхимик, и Стасик вынужден был оперативно убраться с его пути. В руке Гамал держал миску, наполненную дымящейся кашей. Из каши выглядывала ручка деревянной ложки.

— Я гляжу, ты в свою роль великого властелина очень даже вжился, — проворчал Гамал, вручая Стасику тарелку. — Уже сам не можешь дотащить свою персону до кухни. Кушанья тебе не иначе как в покои подавай. А с ложечки не покормить, а?

— Зачем вы так? — обиделся Стасик. — Вы же знаете, что я ничего этого не хотел. Я мечтаю о покое.

— О вечном?

— Ну, в хорошем смысле.

Гамал окинул взглядом келью Стасика и сообщил:

— Покоя тебе не видать. Ты сумел настроить против себя много сильных людей. И не только людей.

— Меня подставили, — захныкал Стасик. — Оклеветали. Я ведь ничего плохого не делал.

— Необязательно делать что-то плохое, чтобы стать объектом всеобщей ненависти, — ответил Гамал и присел на край кровати. — Уж я это знаю по себе.

— Правда? — наострил уши Стасик. — Вы тоже пали жертвой клеветы?

Гамал никогда не делился с ним обстоятельствами своего прошлого и теми причинами, что привели его на нейтральную полосу. Похоже, именно сегодня старик решил излить душу.

— Можно и так сказать, — произнес он. — Когда-то я был молод и глуп. Прямо как ты. Молодость и глупость опасное сочетание. Я влюбился. Но моя возлюбленная отвергла меня и предпочла другого — более успешного и знатного юношу.

— Ого, — выдохнул Стасик. Ему трудно было представить себе влюбленного Гамала.

Этот циничный старый козел был эгоистом до мозга костей. Но, возможно, в далекой молодости он был другим человеком.

— И что же было дальше? — с нетерпением спросил Стасик. — Ваш соперник оклеветал вас, да? Огульно обвинил в злодеянии?

— Не совсем, — признался Гамал. — Я терпеливо дождался их свадьбы, проник на кухню, где готовились угощения для торжества, и влил во все кушанья самого убойного яда, который сумел приготовить.

У Стасика отвисла челюсть. Такого поворота он не ждал.

— И? — пискнул он. — Вы ведь в последний момент предупредили всех, что пища отравлена? Да ведь? Да?

— Ну да, — фыркнул Гамал. — Нашел дурака. Зря я, что ли, три ночи возился с приготовлением яда, а потом подмешивал его в пироги и пунши.

— То есть, — силился понять Стасик, — вы отравили кучу народа?

— Семьдесят двух, если быть точным, — сообщил Гамал. — Плюс трех собак, семерых кошек и одного домашнего поросенка.

Стасик не верил своим ушам.

— Увы, но меня вычислили, — посетовал Гамал. — И мне пришлось бежать. Остаться в империи я не мог. В Ангдэзии меня тоже не ждало ничего хорошего. Так я оказался на нейтральной полосе. Долго скитался по ней, пережил немало приключений, пока не оказался в этой крепости.

Он поднялся на ноги, похлопал Стасика по плечу, и подытожил:

— Мир несправедлив, мой друг. Он подчас немотивированно жесток с невинными, и все спускает с рук мерзавцам. Такова уж сущность бытия.

— Постойте, — сказал Стасик, — это вы себя, что ли, называете невинным? Просто мне показалась, что вы сравниваете нас двоих, и находите между нашими судьбами некое сходство.

— Так и есть, — подтвердил старик. — Мы с тобой оба пострадали ни за что.

— Нет-нет, — замотал головой Стасик. — Вы пострадали за дело. Вы убили семьдесят человек. Хладнокровно. Умышленно. С полным осознанием творимого злодеяния. Вы зверь! А я ничего подобного не делал.

— Какой же ты, все-таки, мелочный эгоист, — покачал головой Гамал. — Не ждал от тебя подобного. Я был уверен, что ты поймешь совершенную в моем отношении несправедливость и проявишь сочувствие.

— Какая несправедливость? — чуть не закричал Стасик. — Вы же убили кучу народа.

— Ну и что?

— Да как — что? По-вашему это все ерунда?

— А что мне пришлось все бросить и бежать в чужие края, это, по-твоему, ерунда? — в свою очередь спросил Гамал. — Меня ждала блестящая карьера. Я был лучшим выпускником своего курса. Сейчас бы я занимал высокий пост в Черном Ургорте. Возможно, был бы личным алхимиком императора. Но меня лишили всего этого.

— Да вы же убили семьдесят человек! — завопил Стасик, стремясь докричаться до совести Гамала. Но он старался зря. Если у старика и была когда-то совесть, она давно атрофировалась за годы бездействия.

— Вижу, мы не найдем общего языка, — решил Гамал и направился к двери. — Когда-нибудь ты меня поймешь. Мудрость приходит с возрастом. Иногда. Правда, чаще бывает, что

не приходит вообще.

— Вы же семьдесят человек вынесли! — крикнул ему вслед Стасик, но дверь за стариком уже захлопнулась.

Стасик рухнул на кровать и схватился за голову. Он давно подозревал, что Гамал происходит из темной империи, но не думал, что злодейские принципы сидят в нем до сих пор, и не выветрились даже за годы изгнания. Эвон чего придумал — несправедливо с ним обошлись. Не облысей Стасик после купания в луже магических отходов, у него непременно встали бы дыбом волосы. Этот милый дедуля отравил семь десятков человек, притом, по сути дела, ни за что. Просто потому что девчонка, на которую он положил глаз, предпочла другого кавалера. И самое ужасное заключалось в том, что поехавший дед не видел в своем поступке ничего плохого. Наоборот, считал себя невинной жертвой.

Вот как работали головы у злодеев. Если он стремится стать темным властелином, ему придется превратиться в такого же бездушного и бессовестного негодяя. Стасик сомневался в том, что у него получится. Он не отказался бы побыть грозным владыкой, но чтобы при этом не пришлось творить никаких зверств и мерзостей. И еще чтобы ему наконец-то выдали гарем прекрасных эльфиек.

Он поднялся с кровати, подошел к столу, поднял с него миску с кашей и стал механически загружать кушанье в рот. Он не чувствовал ни вкуса пищи, ни ее запаха. С тех пор, как Гамал отключил ему половину органов чувств, в жизни Стасика убавилось одной радостью. Прежде он любил вкусно покушать, особенно уважал всякие дико вредные лакомства, вроде соленых орешков, чипсов или фисташек. Теперь и об этом можно было забыть. То есть, ему и сейчас никто не мешал грызть фисташки, но какой в этом смысл? С тем же успехом он мог бы полакомиться и козьими шариками.

Стараясь не думать о том, что в его жизни, считай, и радостей-то не осталось, Стасик покончил с безвкусной трапезой и понес пустую тарелку на кухню. Там он никого не застал, и просто присовокупил свою миску к целой горе грязной посуды. Кто будет мыть все это, Стасик не знал, но радовался уже тому обстоятельству, что не он. Все-таки он темный властелин, а не посудомойка. Хотя и посудомойкой ему поработать довелось. И не абы где, а на кухне черного замка, под руководством ужасающей из кухарок.

Возвращаться в свою комнату не хотелось. Там было скучно, а сон не шел к Стасику. Тогда он рискнул выглянуть наружу, и был буквально потрясен теми переменами, которые претерпела крепость. Еще этим утром древняя цитадель лежала в руинах и являла собой жалкое зрелище. К вечеру все изменилось. Вокруг резиденции нового темного властелина поднялись высокие толстые стены. Все угловые башни были на месте. Двор полностью очистился от обломков. Теперь его заполняли палатки и шатры стянувшихся в крепость гоблинов.

Стасику стоило немалого труда совладать со своим удивлением. Все-таки магия воистину творила чудеса, за день совершая то, что в иных обстоятельствах потребовало бы недель упорного труда.

— Неплохо, да? — услышал Стасик самодовольный голос Зархада.

Тот вместе со своим приятелем Грыбаном подошел к Стасику и отсалютовал на гоблинский манер — зажал пальцем левую ноздрю и мощно высморкался через правую.

— Впечатляет, — согласился Стасик.

До сего момента сама идея деть бой армии Ангдэзии казалась ему безумной. Но теперь, когда он внезапно оказался за мощными стенами, Стасик решил, что у них есть шанс. Правда

он сразу же напомнил себе, что у добряков тоже хватает чародеев, и вряд ли им будет так уж сложно разрушить эти стены.

— Ты снаружи не видел, — сказал Зархад. — Там такой ров прокопали — загляденье.

Стасику стало любопытно. По каменной лестнице он поднялся на стену и оценил ширину и удобство боевой галереи. За чередой толстых зубцов раскинулась нейтральная полоса, на чей простор медленно опускались вечерни сумерки. Глянув вниз, Стасик действительно обнаружил там глубокий и широкий ров, опоясывающий крепость по кругу. Еще утром этого рва не было и в помине.

— Да уж, — уважительно протянул Стасик. — Потрудились ребята.

— А по мне ничего особенного, — услышал он справа от себя знакомый женский голос.

Повернув голову, Стасик увидел там девчонку, которая приходила к нему с целью отдаться ради карьерного роста. Он точно не знал, кто она и как ее зовут.

— Что? — пискнул Стасик, с опаской поглядывая на юную особу. Опасаться было чего — в руке у той находился кинжал с длинным клинком. Этим кинжалом она ловко срезала дольки с огромной моркови и отправляла их в рот.

— Я говорю — ничего особенного, — повторила девчонка. — Эта яма никого не остановит. Любой чародей шевельнет пальцем и закопает ее обратно.

— Тогда зачем ее вообще рыли? — безрадостным тоном спросил Стасик.

— Вот уж не знаю, — пожала плечами Злюка. — Это вроде как ты тут всем распоряжаешься. Или твои доверенные лица. Может быть, не тем лицам ты доверяешь?

— А как бы поступила ты? — ради интереса спросил Стасик. Сам он в воинском деле ничего не смыслил, но вдруг эта девчонка разбирается в тактике и стратегии?

Злюка только и ждала этого вопроса.

— Хорошо, что ты спросил, — сказала она, сунув кинжал в ножны, а остаток моркови в карман. — Я бы вообще не стала сидеть здесь и ждать прихода врага. Поступая так, ты отдаешь инициативу противнику.

— Думаешь?

— Уверена в этом. Пока ты просто ждешь, враги строят планы. Залог успеха кроется в непредсказуемости.

— И что же мне делать?

— Атаковать первым! — воскликнула Злюка, и ударила кулаком по каменному зубцу. — Собрать всех, кто есть, и ударить по Ангдэзии. Их армия сейчас в Форинге. А мы обойдем Форинг и двинем вглубь королевства добра. Мы станем жечь и убивать, пытать и казнить. Наш стремительный рейд повергнет в ужас всех добряков. Начнется паника и массовое бегство мирного населения. Пока войско Ангдэзии развернется и начнет преследование, мы уже достигнем столицы. Штурмовать ее бесполезно, но это и не нужно. Мы пройдемся вокруг нее, опустошая деревни и убивая все живое. К тому моменту, когда войско Ангдэзии явится к столице, нас уже там не будет. Мы пойдем дальше, истребляя добряков и сжигая их селения. Мы станем неуловимой смертью. В конечном итоге наша деятельность обратит в панику все население королевства добра. И тогда Ангдэзия перестанет существовать. Начнется хаос, анархия, бардак и ужас. И они только облегчат нам задачу.

— Какую? — пискнул Стасик.

— Убить еще больше людей! — с воодушевлением вскричала Злюка. — Разве не этого ты добиваешься? Мне сказали, что твоя цель состоит в превращении этого мира в

преисподнюю.

Стасик уже сто раз пожалел, что заговорил с девчонкой. Она была такой же сумасшедшей маньячкой, как и все его новые сторонники.

— Сейчас моя цель отбиться от армии Ангдэзии, — сказал он. — И на этом все.

— Так уж и все? — недоверчиво спросила Злюка.

— Да, и все.

— Вот оно что, — протянула Злюка. — Очень интересно. А что насчет армии Кранг-дана? От нее ты отбиваться не намерен?

В первое мгновение Стасику показалось, что он ослышался. Ну, или девчонка ляпнула что-то несуразное.

— Чья армия? — осторожно переспросил он.

— Армия темной империи, — пояснила Злюка, изобразив на лице милую улыбку. — Легион головорезов, отборные черные рыцари и подразделение боевых колдунов.

— Какая еще армия? — простонал Стасик, с ужасом глядя на собеседницу. — О чем ты...

— А, я ведь не сообщила, — хлопнув себя ладонью по лбу, воскликнула Злюка. — Ну прямо из головы вылетело. Шла сюда и думала — не забудь рассказать Свиностаку обо всем. И все равно забыла. Эх, какая же я растяпа!

— Да о чем рассказать? — закричал Стасик.

— Да ведь я уже сказала. Из темной империи за тобой и твоим демоном идет армия. Возглавляет ее некто лорд Мортус. По мне он просто старый зануда, но... Эй? Эй, Свиноста, ты чего? Эй, кто-нибудь! Тут темному властелину херово. Упал, глаза закатил, всего трясет, ртом пена пошла.

Ужасный крик разнесся над крепостью. Крик, полный леденящего ужаса и безнадёги. Гоблины содрогнулись от страха. Даже Лауру пробрало, и она невольно глянула в темнеющие небеса — не мчится ли по ним легендарная армия одержимых злом призраков.

Но не призраки были авторами крика. Тот исторгся из груди Стасика. Новоявленный темный властелин катался по стене и орал дурным голосом. Вскоре вокруг него собралась толпа любопытных, но никто не решался приблизиться к темному властелину. Наконец, сквозь массу гоблинов к месту происшествия протолкался Гамал. Он склонился над Стасиком, прижал его к полу и потребовал:

— Хватит орать! В чем дело?

— Они идут! — бормотал Стасик, дико вращая вытаращенными глазами. — Они идут за мной!

— Да кто? — сердито крикнул Гамал. — Кто за тобой идет?

Стасик выпучил глаза и срывающимся голосом прокричал:

— Все! Добряки. Злодеи. Монстры.

— Что ты бредишь? — рассердился Гамал. — При чем тут злодеи? Злодеи за тобой не идут, не выдумывай.

— Вообще-то Свиноста говорит дело, — сообщила Злюка. — Армия Кранг-дана в главе с лордом Мортусом будет здесь со дня на день. Дакрос приказал им захватить огненного демона и Свиноста. Демона император желает заставить служить себе, а на Свиноста у него иные планы. Всех подробностей я не знаю, но дело связано с камерой пыток.

— Армия Кранг-дана идет сюда, — побледнев, повторил Гамал.

Собравшиеся зеваки встревоженно зашептались.

— Именно так, — подтвердила Злюка. — Поэтому я и предложила Свиностапу план дерзкого контрудара в тыл Англэзии. Утопим их землю в крови и ужасе.

Но Стасик уже не слышал ни бредней малолетней маньячки, ни голосов вокруг. Мир расплылся перед его очами, и он почувствовал, что проваливается в бездну обморока.

Глава 41

В чувства его привел шум перебранки. Голоса звучали громко и враждебно. Воздух звенел от напряжения. Внеплановое совещание в генеральном штабе темного властелина стремительно перешло со специального языка строгих научных терминов на обычную базарную брань и отвратительные оскорбления.

— Еще раз повторяю — у нас нет никаких причин доверять словам этой малолетки, — прокричала Лаура.

— Я не малолетка! — завопила Злюка. — Я девушка в самом расцвете подростковой юности. Это просто ты старуха.

— Еще одно слово, и я вырву твой язык.

— Еще посмотрим, кто и кому вырвет! — злобно прорычала беглая принцесса. — Не позволю при всех обзывать меня лгуньей. Я сказала правду.

— Но, может быть, ты что-то неправильно поняла? — с надеждой спросил Гамал. — Что-то напутала? Или тебе послышалось?

— Дедуля, из нас двоих в маразме только ты, — презрительно бросила ему Злюка. — Я еще не выжила из ума, чтобы что-то там не так понимать. Все я поняла так. Дакрос отправил Мортуса за огненным демоном. Вот за ней.

Стасик сообразил, что в этот момент Злюка указала на Свету.

— Император хочет приручить демона и заставить его служить себе.

— Пусть даже не мечтает об этом! — рявкнула Света.

— А еще он желает заполучить в свои руки Свиностапу. Па... в смысле Дакрос весьма обиделся на то, что Свиностап назвался темным властелином. Так-то темный властелин, это вроде как он. А Свиностап покусился на его титул. Вот Дакрос и хочет наказать его за эту дерзость. Ну, там, расчленить тупой стамеской, или медленно скормить крысам-людоедам.

— И когда они будут здесь? — спросила Риана.

— Кто знает? — пожалала плечами Злюка. — Думаю, довольно скоро. Когда я покинула черный замок, там как раз ожидали прибытие Безжалостного легиона.

После этих слов Риана громко выдохнула.

— Безжалостный легион, значит, — проронила она и грязно выругалась.

— Они так сильны? — мрачным тоном спросила Лаура.

— Недооценивать их не стоит. По большому счету это сборище негодяев, мародеров и насильников, но в бою их охватывает невиданный фанатизм. Дерутся до конца, до последнего человека. Отступать не умеют в принципе. Никакими нанесенными потерями их не смутишь. Единственный выход — убить всех до последнего. Что сделать, разумеется, непросто.

— Разумеется, — проворчала Лаура. — Но я не понимаю, откуда такая преданность и жажда расстаться с жизнью? Как могут вчерашние негодяи и грабители мгновенно превратиться в фанатичных воинов, бесстрашно идущих на смерть? Неужели имперская пропаганда работает столь эффективно?

— Пропаганда тут не при чем, — отмахнулся Гамал. — Все дело в тех зельях, что подмешивают в пищу воинам перед битвой. Они-то и превращают вчерашний сброд в фанатичных героев. Заодно, правда, сильно притупляют мозговые функции, но в данном случае это не играет большой роли. Задача пехоты в том, чтобы действовать как единый организм. Интеллектуальный уровень отдельно взятой единицы неважен. Ключевое значение играет своевременное и четкое исполнение приказов. Черные рыцари и маги, то есть те бойцы, чья боеспособность во многом зависит от индивидуальных умений и способностей принимать нестандартные решения, никогда не пользуются этими зельями. Но пехотные подразделения накачивают ими по самый кадык.

— Дедушка говорит дело, — подтвердила Злюка. — Так все и обстоит. Несознательный рядовой контингент приходится опаивать зельями, ибо в нем недостаточно силен дух врожденного злодейства. Тяга к кровопролитию присуща лишь подлинным служителям зла, настоящим сынам и дочерям злодейского мира. Остальных приходится озлоблять медикаментозными средствами.

— Удивляюсь, как до сих пор ваши солдаты не прознали об этих зельях и не подняли вас на копыта, — произнесла Лаура.

— А чего им прознавать-то? — удивилась Злюка. — Они и так в курсе. Ты, бабуля, вас, добряков, с нами не ровняй. Мы, злодеи, люди честные. Мы своих не обманываем без нужды, не бросаем без причины, и не сдаем больше трех за раз.

— Ага, конечно! — фыркнула Риана. — Не бросаете. А меня вот взяли и бросили.

— Это можно объяснить двумя способами: перегибами на местах и головокружением от успехов.

Риана возмущенно заверещала:

— Какие еще перегибы? Какие успехи? Эти два козла просто слиняли, и оставили меня одну в Форинге. Хотя знали, что за их побег Ильнур отыграется на мне.

— Ладно, ладно, — встрял в их перепалку Гамал. — Позже с этим разберетесь. Сейчас нам надо решить, что делать. Если оба войска окажутся здесь одновременно, мы очутимся в крайне затруднительном положении. В самом худшем случае они временно объединятся, и тогда мы не продержимся и часа.

— Вы же заготовили им какие-то сюрпризы, — напомнила Злюка.

— Кое-что заготовили. Но они были рассчитаны на одно войско, а не на два. К тому же все они носят скорее психологический эффект. На опоенных одуряющими зельями солдат империи они не произведут никакого впечатления. На них в таком состоянии вообще ничего не подействует, кроме стрелы промеж глаз.

Краем уха прислушиваясь к совещанию, Стасик приоткрыл один глаз и осмотрелся. Он лежал в уголке, на полу, неподалеку от выхода. План дальнейших действий стремительно оформился в его голове. Тихонько, на четвереньках, покинуть помещение, затем так же тихо и незаметно выбраться из крепости, а после бежать отсюда сломя голову. Куда бежать? Да куда угодно. Потому что оставаться здесь нельзя. Здесь его ждет верная смерть. Она уже близко. Она идет сюда грозным маршем, вздымая пыль нейтральной полосы тысячами солдатских ног и лошадиных копыт. Она сверкает сталью мечей и копий. Она слышится в шелесте знамен. Она неумолимо сжимает тиски, готовясь размазать в лепешку маленького несчастного пришельца из иного мира. Бедного, несправедливо оболганного, пришельца, не сделавшего ничего плохо. Что не помешало жестокому окружающему миру повесить на него всех собак, волков, драконов и прочих зоопарк.

Стасик осторожно шевельнулся и тут же замер. Но коллектив стратегов не обратил на него внимания. В ставке продолжался жаркий спор.

— Слушайте меня, я вам сейчас расскажу, что нужно делать, — завопила Злюка, стуча кулаком по столу. — Ударим первыми. Выступим на Ангдэзию. Обогнем армию добряков, быстрым маршем достигнем столицы и захватим в заложники короля.

— Кто вообще пустил ребенка на совещание? — сердито спросила Лаура.

— У тебя, бабуля, есть идея получше? — злобно спросила Злюка. — Это, например, какая? Сидеть здесь и ждать штурма? Успех военных действий зависит от перехвата инициативы. Пока мы ждем, враги все ближе.

— Какой удивительно развитый ребенок, — подивилась Синара. — В мое время юные девицы занимались рукоделием и чтением любовных романов.

— Да не ребенок я, хватит меня оскорблять! — рявкнула Злюка. — Это вы тут все древние. А я кое-что да знаю. Хвала богам, читала не только любовные романы. У меня отменная теоретическая подготовка. И «Дедобрефикацию на оккупированных территориях» проштудировала, и «Военные преступления для чайников», и «Полный курс мародера: от набитых карманов до вывоза обозов». Так что из вас всех я более других достойна возглавить операцию «Темная длань».

— Это что за операция такая? — спросила Риана.

— Это такая операция, что мир содрогнется от ужаса! Сверкая сталью клинков, мы помчимся галопом навстречу заре. Будем убивать всех, кого встретим, а остальных обращать в рабство. Я лично поведу темное воинство. Я справлюсь.

— Сначала игрушки в комнате собери, — посоветовала ей Лаура.

Злюка едва не выпрыгнула из штанов.

— Какие еще игрушки? — завопила она. — Я в игрушки не играю уже три... тринадцать лет!

— Тебе всего-то десять с половиной.

— Мне четырнадцать! То есть, уже почти пятнадцать. Через девять месяцев исполнится. Так, все, дайте мне меч и коня. Я поеду и привезу вам целый букет вражеских голов. И тогда-то вы поймете, с кем имеете дело. Он поймет!

И Злюка, развернувшись, указала на бесчувственное тело темного властелина Свиноста. Точнее, она хотела указать на бесчувственное тело. Но тело властелина, как вдруг выяснилось, пребывало в несколько ином состоянии.

Стасику почти удалось. Он почти выполз из комнаты. Оставалось удалить из нее нижнюю часть тела. Это было дело пары секунд. Но их-то ему и не хватило.

— Стасик! Ты очнулся! — радостно вскричала Света.

Ее окрик лишил Стасика воли. Тот рухнул на пол и обхватил голову руками. Последний шанс на спасение был упущен.

Его обступили, подняли и поставили на ноги.

— Все видели, владыка Свиноморд согласен со мной, — заявила Злюка, протиснувшись сквозь толпу и панибратски приобняв Стасика за плечи. — Он тоже собрался отправиться в дерзкую вылазку за головами. Идем вместе, Свиноста. Будем рубить головы и складывать их пирамидкой. Твоя сила безгранична, а жестокость неизмерима. Я тоже кое-чего стою. Уж мы им зададим специй.

— Отстань от Стасика! — потребовала Света, отталкивая Злюку от тела властелина. — Он с тобой никуда не поедет.

— Хватит решать за Свиноста! — рывкнула беглая принцесса. — Он уже определился с планами на будущее. Да ведь, Свинохрюк? Прикажи седлать драконов. Мы помчимся по выжженной земле, навстречу славе и злодействам. Слух о наших деяниях разнесется по всему миру. Добряки с ужасом станут пересказывать истории наших феноменальных зверств. Мы будем рубить и кромсать, четвертовать и свежевать.

Стасика замутило. Ему пришлось приложить титанические усилия, чтобы не опорочить образ великого властелина потоком хлынувшей изо рта рвоты.

— Никто никуда не поскачет! — заявил Гамал. — И никакого удара по Ангдэзии в обход войска тоже не будет. Чем нам бить-то? Мы останемся здесь и будем держать оборону. Это самый лучший вариант.

Но по лицу Гамала было видно, что он придерживается иного мнения. Старик, похоже, не верил в успех. И Стасик его не осуждал. Потому что он и сам погряз в таком же пессимизме. Им не выстоять даже против одной армии. А когда сюда нагрянут два огромных войска, в числе которых будет полно и паладинов, и черных рыцарей, и магов с колдунами, они просто сравняют старую крепость с землей, и никакое укрепление ее древних стен их не остановит.

Из всего этого кошмара Стасик видел только один выход — немедленный побег. Куда-нибудь далеко-далеко, на безлюдный тропический остров. Там, в окружении океана, он сможет почувствовать себя в безопасности. Будет лежать на песочке, кушать фрукты и наслаждаться покоем. И ни Ангдэзия, ни Кранг-дан его там не найдут и не достанут. Да и искать не будут. Что им, заняться больше нечем.

— О побеге думаешь? — спросила Синара, без труда сумевшая прочесть нехитрые мысли Стасика.

Тот виновато пожал плечами. О чем еще ему было думать? Не о том же, как дать бой двум огромным армиям. Он, слава богу, еще в своем уме. И отлично представляет, какой из него стратег, тактик и воин. А даже и будь он искусным полководцем, при таком численном перевесе противника надеяться не на что. Вот и остается только одно — немедленное бегство.

— Понимаю, — сказала Синара, и ободряюще похлопала его ладонью по плечу. — Мечтаешь о тихом и безопасном уголке?

Стасик кивнул головой.

— О тропическом острове?

Стасик согласно шмыгнул носом.

— Мечтаешь, как будешь лежать на песочке и кушать бананы?

— Это было бы чудесно, — признался Стасик.

— Покой, безмятежность, никаких врагов вокруг, — убаюкивала его Синара.

— Господи! Как мне этого не хватает! — простонал Стасик.

— Да, понимаю тебя.

— Давайте все поедem на остров, — взмолился Стасик. — Лаура, ты же сможешь нас перенести?

— Какой еще остров? — поморщилась волшебница. — Грядет битва. Грядет возмездие. Я буду искать его на поле боя. Он поплатится за свою подлость. Я...

Взгляд Лауры затуманился бешенством. Она сжала кулаки и оскалила зубы, напомнив в этот миг какое-то дикое животное. Стасик невольно попятился от милой девушки, лишней раз задавшись вопросом — чем же так сумел Колька разозлить свою бывшую подругу?

Школьный садист был тем еще негодяем, и тому же Стасику он сделал много-много зла. Но в случае с Лаурой все было куда серьезнее. Стоило той вспомнить своего Коленьку, как волшебницу начинало трясти.

— Знаете, на острове тоже хорошо, — робко подсказал Стасик. — Мы могли бы перегруппироваться, придумать план. Просто отдохнуть. Ну, там. На острове.

— Стасик, Стасик, — Синара приобняла его за плечи и похлопала ладонью по груди. — Милый Стасик. Ты совсем забыл о главном.

— О чем? — пискнул Стасик. — О чем я забыл?

— О том, что за тобой идет нечто. И от него не спрятаться ни на каком острове.

У Стасика едва не подкосились ноги. Он ведь и вправду забыл об этой потусторонней твари. Она полностью вылетела у него из головы. А ведь о ней-то ему и следовало беспокоиться больше прочего.

Стало ясно, что остров не вариант. Стасик представил себе, как лежит на пляже, кушает банан, весь такой безмятежный и счастливый, и вдруг на его тушку падает черная тень. Он приоткрывает глаза и видит над собой... ну, вот его.

— Господи, да за что мне все это? — воскликнул Стасик в отчаянии.

Света стала утешать его и врать, что все будет хорошо. Остальные, оставив властелина наедине с его чувствами, отошли в сторонку и продолжили совещание.

— Синара, ты давно живешь на этой земле, — сказала ей Лаура. — Как насчет здешних тварей? Можно ли найти с ними общий язык? Я понимаю, что это звери, но и зверей можно подчинить.

— Это непростая задача, — покачала головой мертвая принцесса. — Здешние обитатели издавна пьют ядовитую жидкость из черных луж. Она наделила их высокой устойчивостью к магии. К тому же они терпеть не могут света. Чем темнее ночь, тем больше шансов призвать их на битву. Хотя контролировать этих существ невозможно. Разве что натравить на наших врагов, а самим отсидеться в крепости. Впрочем, я сомневаюсь, что это получится. Да и сил потребуется очень много. У меня таких и близко нет. У тебя тоже.

Лаура медленно повернула голову и посмотрела на Свету, которая тщетно пыталась успокоить рыдающего Стасика.

— А как насчет нее? — спросила волшебница.

— Демон, значит... — задумчиво протянула Синара. — Она сильна, это факт. Но она как ребенок — ничего не умеет. А на ее обучение у нас нет времени.

Тут в разговор вклинилась Риана:

— Можно мне сказать? Можно? Я знаю, что может помочь. Единство. Вы ведь знаете, что это такое. Я только читала о нем, но сама не умею. Но вот Лаура....

Она вопросительно взглянула на волшебницу. Та, нахмурившись, проронила:

— Единство, говоришь. Ну, я имею о нем представление, и, наверное, сумела бы создать руну, вот только....

Она покосилась на Свету, а затем на Синару.

— Сумела бы, будь мы все людьми. Но одна из нас мертвец, а вторая вообще какой-то демон. И очень сильный демон. Это может плохо кончиться.

— Оно, вроде, и так кончится плохо, — напомнила Риана. — Когда сюда пожалуют обе армии, они нас просто перебьют. И никакие припасенные трюки их не остановят.

Лаура, помрачнев, вынуждена была признать правоту Рианы. Ведьма говорила дело — им не выстоять. Но применить Единство в компании демона и нежити... Лауру передернуло.

Об этом даже подумать было страшно. Вся эта процедура могла завершиться очень плохо. Прямо очень-очень. Слить воедино силы человека, нежити и демона это как взять одну взрывчатку, добавить вторую и бросить все это в костер. Придется применить все свои знания и умения, чтобы удержать под контролем подобную мощь. А удерживать придется ей. Света ничего не смыслит в магии, а Синара вообще странная.

— Мне нужно это обдумать, — сказала Лаура. — Возможно, мы и попытаемся. В иной ситуации я не стала бы прибегать к подобному методу, но обстановка вынуждает идти на крайние меры.

Она подошла к рыдающему Стасику и строго потребовала:

— Эй, повелитель соплей и слез! Прекращай позориться. Если тебя в подобном виде узрят твои новые подданные, они могут заподозрить, что им подсунили липового властелина. Они народ простой, и едва ли поймут твою сложную импульсивную натуру. Вытри нос и надень свой наряд. Властелин должен выглядеть подобающе.

— Вот-вот, — поддакнул Гамал. — Ты уже большой. Стыдно вести себя как дитя.

— Могли бы поддержать и утешить! — обиделся на них Стасик. — От вас доброго слова не дождешься.

Лаура хищно оскалилась и сообщила:

— Скоро сюда пожалует войско добра и света. Ты услышишь от этих добряков много теплых словечек. Так много и таких теплых, что задымишься и обуглишься.

— Перестань пугать Стасика! — потребовала Света. — Ничего не случится. Мы выстоим. Никто не обидит Стасика.

Хотелось бы и Стасику в это верить, очень хотелось. Но желающих обидеть его выстроилась целая очередь. Их было слишком много. Кому-то одному, да удастся. А в худшем случае сразу всем. Притом он не знал, кого ему бояться больше — добряков, злодеев или монстра с того света. Все его враги выглядели одинаково кошмарно.

Тут к нему подошла Злюка, строго взглянула на Стасика и потребовала:

— Соберись с духом, Свинорыл. Ведь именно в столь роковые моменты выковывается слава истинного вождя. Отринь страх и стисни булки. Грядет великая битва. С нее начнется покорение сего мира и превращение оногo в выжженную пустыню. У тебя впереди много славных дел, Свинорыл — столько нужно убить, столько пожечь и порушить. Не смей раскисать раньше срока! Кто еще сумеет превратить этот мир в филиал преисподней? Кто, если не ты?

От этого высокопарного напутствия Стасику захотелось убить себя об стену. Что эти люди и нелюди себе придумали? Какое покорение мира? Какое превращение оногo в выжженную пустыню? Он всего лишь хотел тихонько жить в правильном мире, и быть в нем обычным великим магом. Хотел простого попаданческого счастья: внезапно обретенных сверхъестественных способностей и гарем сексуальных девиц. И уж точно его никогда не тянуло становиться вождем злодеев и негодяев. Настоящих негодяев, а не безобидно-милых, которые только делают вид, что злые, а сами няшки-няшки.

Но правильный мир не интересовался его желаниями. Окружающие тоже. Они все уже решили за него, назначив вчерашнего школьника темным властелином. Скоро эта ошибка выльется в большую беду. Многие умрут из-за глупого недоразумения. Будь у него хоть малейший шанс, Стасик бросил бы все силы на то, чтобы остановить грядущее безумие. Но что он мог? Лишь смириться и плыть по течению, навстречу ревушему впереди водопаду.

Как маленький ребенок пытается отвлечь неизбежное глупым неверием в грядущее событие, так и Стасик пытался убедить себя в том, что его пронесет каким-нибудь чудом. Что по неведомой причине и добряки, и злодеи, и прочие монстры вдруг возьмут и передумают охотиться за его головой, развернутся и пойдут по домам. Все эти маги и паладины, черные рыцари и восставшие из мертвых чудовища вдруг найдут свои мозги и поймут, что произошла чудовищная ошибка. Осознают, что темный властелин Свиностас не более чем оболганный школьник, который никому не представляет угрозы и хочет только мира, покоя и парочку эльфиек с третьим размером ушей.

Но чуда, конечно же, не случилось. Они не повернули назад. Они пришли.

Застыв на стене, Стасик со страхом глядел на лагерь своих врагов. Большой лагерь. Огромный. Целое море разноцветных шаров раскинулось посреди нейтральной полосы, на некотором расстоянии от его крепости.

Силы добра развернули кипучую и совершенно непонятную Стасику деятельность. Едва прибыв на место и поставив лагерь, они, уже затемно, взялись за какие-то земляные работы, чей фронт полностью охватил крепость кольцом. Стасик видел со стены множество факелов и костров, видел людей с кирками и лопатами, но не мог понять, что они делают и зачем. Они там что-то копали, таскали землю в мешках и носилках, что-то строили. Непостижимость этой деятельности внушала Стасику ужас. Добряки что-то затевали. Завтра он узнает, что именно. И вряд ли его обрадует приготовленный сюрприз.

В глубине души Стасик надеялся на то, что Лаура сильно сгустила краски, когда озвучила численность идущей по его душу армии. Десять тысяч — да нет, быть не может. С какой бы радости Ангдэзия бросила на него такую силу? Стасику хотелось верить, что под стены его твердыни явится человек пятьсот. Ну, пусть тысяча. С таким количеством вражеской живой силы им бы, пожалуй, удалось справиться. В конце концов, они ведь сидят за прочными стенами. И защитников на этих стенах хватает. Одних гоблинов в крепости собралось сотни четыре, а ведь были еще добровольцы нейтральной полосы — изверги и душегубы самого отменного сорта, явившиеся послужить новому повелителю сталью, магией и подлостью. С подлостью у них было лучше всего. Таких отморожков Стасик не видел даже на картинках. Ныне эти лучшие из худших обосновались во дворе, сидели подле костров и точили клинки. Предстоящее дело нисколько их не пугало. Напротив, многие дожидаться не могли, когда же им выпадет возможность приступить к нарезке вражеских тел мелкими дольками.

Но надежды Стасика не оправдались. Лаура сказала правду. По его душу явился не большой отряд, а полноценное войско, огромное и чудовищно сильное. И чем дальше Стасик наблюдал за вражеским лагерем, тем яснее осознавал, что завтрашний день рискует стать для него последним. А ведь было еще одно войско — войско темной империи. Его не было видно, возможно, злодеи запаздывали. Но Стасик не сомневался в том, что к завтрашнему дню подтянутся и они. Армию Краг-дана вел давний друг Стасика, лорд Мортус. Стило вспомнить этого изверга, как несчастному пареньку делалось дурно. Дурнее становилось от мысли, что среди армии Ангдэзии находится его бывший одноклассник Колька. Если прежде школьный садист издевался над Стасиком по велению гнилой души, то теперь у него появился серьезный повод для мести. Стасик достал его мечом. Хорошо достал. Жаль только, что этот удар не оказался для Кольки фатальным. Мерзавец выжил, и наверняка попытается отомстить.

— Да почему же все так получилось? — в который раз задался вопросом Стасик.

Он до сих пор не мог смириться с мыслью, что умудрился стать главной угрозой и для королевства добра, и для империи зла. И это при том, что у него и в мыслях не было быть угрозой хоть кому-то.

— Что, властелин, любишь пейзажами? — услышал он за спиной знакомый женский голос.

Стасик вздрогнул и быстро обернулся. Перед ним стояла Злюка и широко улыбалась. Она подкралась совершенно бесшумно, чисто ниндзя.

— Явились, значит, — произнесла девчонка, подходя к краю стены и опершись плечом на каменный зубец. — Вон сколько набежало. Завтра будет весело.

Стасик поморщился. У этой девочки было очень странное понятие о веселье.

— Они там что-то делают, — сказал он. — Копают, строят. Что бы это значило?

Злюка бросила взгляд на вражеские позиции и ответила:

— Насыпают вал по периметру.

— Зачем?

— Так положено при осаде. Чтобы засевшие в крепости силы не сумели прорваться наружу. Ты разве этого не знал? Как же ты прежде брал города и замки?

— Да я... это....

— А, ясно. Использовал магию, демонов и прочие силы ада. Ну, когда у тебя под рукой десяток демонических тварей, вал можно не насыпать. Все равно никто не успеет разбежаться. Но добряки они и есть добряки. Привыкли все делать по учебнику. Положено насыпать вал — они и насыпают.

Стасик горько вздохнул. Да, сейчас ему бы не помешал десяток-другой демонов. Света одна не вывезет.

— Свиностас, предлагаю пари, — сказала Злюка. — Кто из нас двоих убьет больше врагов, тому представится честь пытать пленных.

— Не, не хочу я такого соревнования, — поморщившись, ответил Стасик.

— Думаешь, я тебе не ровня? — обиделась Злюка. — Ну да, ты темный властелин. У тебя рука набита. Я слышала, ты уже успел начисто опустошить несколько миров.

— Капец! — простонал Стасик. — Кто только сочиняет эти дерьмовые слухи?

— Не скромничай, — посоветовала Злюка. — Есть еще много миров, куда не ступала твоя злодейская нога. Представь только — где-то есть такой мир, где все счастливы, где нет войн и распрей, где люди живут в гармонии с собой и природой.

— Боже, какой прекрасный мир! — чуть не прослезился Стасик.

— Ага. Меня тоже душат слезы, как представляю эту идиллию. Живут они там, понимаешь, наслаждаются покоем и счастьем... Твари! Ну, пусть наслаждаются. Недолго им осталось. Скоро мы нагрянем к ним и покончим с наслаждением. Огонь и смерть принесем мы этим добреньким людишкам. Их мир превратится в выжженную пустыню. Да ведь, Свинорыл? Да ведь?

Злюка спросила с такой надеждой, что Стасик не нашел сил разочаровать ребенка.

— Да, да, конечно, — пробормотал он.

Эта малолетка пугала Стасика больше, чем собравшиеся во дворе головорезы. Было в ней какое-то тлеющее безумие, маниакальная тяга к разрушению и уничтожению. А ведь она еще маленькая. Что же из нее вырастет? Стасику даже представлять этого не хотелось. Скорее всего, подлинный темный властелин, королева ужаса, мрака и всеобщей гибели.

При условии, что малолетка переживет завтрашний день. А шансов на это немного.

— Как ты больше любишь убивать паладинов? — спросила Злюка. — Вот я люблю, чтобы они сильно помучились и покричали. А ты?

Стасик почувствовал, что пора валить. Общение с неадекватной девой давалось ему все труднее.

— Мне надо сходить в одно место, — сказал он. — Срочно.

— Сходи, сходи, — не стала удерживать его Злюка. — А я тут побуду. Полюбуюсь на добряков. В последний раз. Больше-то мы их живыми не увидим. Завтра все они лягут в землю, голубчики этакие.

Стасик быстро сбежал со стены по каменной лестнице, и пошел через двор, заполненный добровольцами. Те приветствовали его — кто кивками, кто вскинутой рукой. Некоторые пытались осуществить телесный контакт. Как назло, делали это самые гнусные и мерзкие существа, к кому Стасик, будь его воля, на пушечный выстрел бы не подошел.

— Владыка, позволь засвидетельствовать почтение, — прохрипел какой-то тип в сером плаще, и потянул к Стасику свои руки. Стасик увидел ладони субъекта — сухие, желтые, покрытые кровоточащими язвами, и навсегда расхотел обниматься.

— Да, да, здравствуйте, — выпалил он, резко наращивая социальную дистанцию. — И вам того же.

— Черный властелин, разделим же брагу по обычаю воинов, — прогремел над Стасиком чей-то жуткий бас.

Перед ним высился Сидгур — первый из добровольцев. Он протягивал Стасику огромный рог какого-то зверя. Рог был до краев наполнен мутной темно-желтой жидкостью. Судя по размеру рога, в него поместилось литра четыре напитка.

— Знаете, мне нельзя спиртного, — заюлил Стасик.

— Ты мужчина или кто? — воскликнул Сидгур. — Раз мужчина — пей.

— Да нельзя мне. Поймите....

Стасик не был искусен в навыке вранья, но тут, как говорится, жизнь заставила.

— Поймите, если я выпью, произойдет беда, — по секрету сообщил он Сидгуру. — Дело может обернуться концом света.

— О! — уважительно протянул здоровяк. — Тогда я выпью за нас обоих.

Он надолго присосался к рогу, вливая в себя брагу. Стасик уличил момент и быстро пошел дальше. Избегнув еще нескольких попыток тесного контакта, он с огромным облегчением оказался в крепостном строении.

— К нормальным людям на усиление приходит отряд милых эльфов, — бормотал он сердито. — А ко мне явились какие-то отморозки. Неужели это все потому, что я злодей? Да нет, не может быть. Я хороший. Это просто с этим миром что-то не так.

В следующий миг его размышления были прерваны — из-за поворота, едва не затоптав его, вывернула толстая женщина, та самая, что не так давно вылезла у него из-под кровати.

— Извините, — машинально выпалил Стасик.

— Смотри, куда прешь, козел! — рывкнула Матрена, хотя именно она была виновна в едва не состоявшемся столкновении.

Стасик понятия не имел, кто эта женщина, да и не нравилась она ему, но все же он счел своим долгом предупредить толстуху.

— Завтра здесь, наверное, будет битва, — сказал он робко. — Вы можете пострадать. Вам бы лучше уйти из крепости. Иначе....

— Не дожدهшься, козел! — грубо прервала его Матрена.

Она видела этого забинтованного заморыша насквозь. Все они, и он в том числе, сговорились против нее. Все они пытались не допустить ее воссоединения с эльфийским принцем. Но у них ничего не выйдет. Настоящая любовь восторжествует вопреки всему.

— Я ведь вам добра желаю, — обиженно проронил Стасик.

Матрена презрительно фыркнула и пошла дальше по своим делам. Так она и поверила, что этот мутант желает ей добра. Да он просто завидует ей, как и все здесь. Ну да ничего. Она дождетсЯ своего счастья. А после посмеется над всеми своими злопыхателями.

Стасик побрел дальше. Ему хотелось побыть с кем-то, кто не внушал бы ему страха. Например, со Светой. Но ее нигде не было. Ни ее, ни прочих женщин. В итоге Стасик оказался на кухне, где застал Гамала, одиноко жующего кашу.

— Приятного аппетита, — пожелал старику Стасик.

Гамал что-то буркнул в ответ с набитым ртом.

— А вы не видели Свету? — спросил Стасик. — Я не могу ее найти.

Гамал прожевал кашу, проглотил ее и ответил:

— Не надо тебе ее искать.

Стасик встревожился.

— Что это значит? — выпалил он. — Почему не надо?

— Не надо, и все тут. Занята сейчас твоя Света. Ей не до тебя.

— Чем занята? Что происходит?

Гамал раздраженно ударил ложкой об стол.

— Хватит глупые вопросы задавать, — повысил голос он. — Сказано тебе — занята, и точка. Нечего тут таскаться и людей доставать. Спать иди. Завтра тяжелый день.

Стасик сомневался в том, что он сумеет сегодня уснуть. Он оставил Гамала, но в свою комнату не пошел. Решил отыскать Свету своими силами и выяснить, чем она занята таким важным. В конце концов, разве не он здесь властелин?

Стасик обошел всю постройку, заглянул в каждое помещение. Он встречал гоблинов и незнакомых людей, еще раз столкнулся с Матреной и был обруган ею весьма обидно. Но Светы и других женщин нигде не было.

В конечном итоге ноги привели Стасика к винтовой лестнице, уводящей в подzemелье. Прежде там томилась Света, ныне же подzemелье стало пристанищем для Синары. Стасик решил спуститься и спросить у мертвячки, не видела ли та демонессу. Он вооружился газовым шаром и пошел вниз по ступеням. ПреодолеЛ их, перебрался через лежащую на полу железную плиту, и почти сразу же почувал неладное.

В подzemелье что-то происходило. Стасик ощутил это всей кожей, которая, вообще-то, уже давно ничего не чувствовала. Но теперь его словно обдало волнами странной, не слишком приятной, энергии. Шар в его руке замерцал, то яркое вспыхивая, то почти угасая.

— Эй? — испуганно позвал Стасик, не торопясь идти дальше.

Никто не ответил ему.

— Света? — крикнул он, и его голос эхом отразился от голых каменных стен.

Вдруг из темноты на свет шара выступила Риана — она появилась так внезапно и бесшумно, что Стасик не сумел сдержать испуганного крика.

— А что это ты тут делаешь, властелин? — спросила она, схватив Стасика под локоть. — Пойдем, пойдем со мной.

И ведьма потащила его обратно к лестнице.

— Я Свету ишу, — слабо сопротивляясь, сообщил Стасик.

— А не надо ее, голубушку, искать. Она и не терялась.

— Где она? Там, внизу?

— Внизу, внизу, — ответила Риана, продолжая настойчиво выпроваживать властелина из подземелья.

— А Лаура и Синара?

— И они там.

— А что они там делают?

— Кое-что, — уклончиво ответила Риана.

— Нет, я хочу знать.

— Колдуют они там, вот что, — сказала Риана, продолжая тащить Стасика к выходу.

— А что они колдуют? Какое-то защитное заклинание, да?

— Вроде того.

— Я хочу посмотреть.

Риана остановилась, строго взглянула на Стасика и твердым, не терпящим пререканий, тоном произнесла:

— Нет, Свиностас. На это тебе смотреть не нужно. И не только тебе. Видишь, даже я не смотрю. Караулю на входе, чтобы никто случайно не прошел.

Стасику стало не по себе. Он догадался, что три девицы устроили в подземелье что-то опасное. Какое-то колдовство, на которое посторонним и смотреть-то нельзя.

— Они ведь не пострадают? — с надеждой спросил Стасик

— Они — нет, — успокоила его Риана.

— А кто — да?

— Те, кто явился сюда незваными. Все враги твои, Свиностас. Вот они точно пострадают. И страдания их будут ужасны.

После этих слова Стасику полностью расхотелось подглядывать за чужим колдовством. Риана добавила:

— Единство это сложный и опасный обряд. Но Лаура справится с ним. Она толковая волшебница. И потом, у нас ведь нет иного выбора. Не стоит им мешать. Сейчас они создают магическую руну.

— Рисуют на стене?

— Нет, не на стене, — засмеялась Риана. — На полу. И не рисуют, а... В общем, не забивай голову этими техническими тонкостями. Ступай-ка лучше спать. Завтра будет трудный день.

— У меня каждый день трудный, — пожаловался Стасик.

— Такова доля властелина. Легко живется только свинопасам.

— Да нет, свинопасам тоже бывает несладко, — со знанием дела заверил ее Стасик. — Так со Светой точно все будет хорошо?

— Точно, точно. Как ты за нее беспокоишься. Видно, ты питаешь звериную похоть не только к эльфийкам, но и к демонам.

Пока Риана не полезла к нему с домогательствами, Стасик почел за благо унести ноги. Он покинул подземелье и поплелся в свою комнату. О сне и не думал — сегодня ему точно не уснуть. Придется лежать одному в темноте, бояться и ждать завтрашнего дня. Того самого, который намечался трудным. Вся надежда была на Лауру, Свету и Синару. Хорошо бы их колдовство сработало, и помогло отразить нападение. Потому что если нет....

Стасик не питал иллюзий на тему своего возможного будущего в плену у добряков или злодеев. Ему можно не мечтать о том, чтобы оказаться в темнице. Изверга Свиноста порубят на куски там же, где поймают, без суда и следствия. Все ведь и так решили, что он главная угроза миру. А с угрозой зачем церемониться? С угрозой нужно покончить, и чем скорее, тем лучше.

Часть четвертая. Глава 43

Застыв перед большим, в человеческий рост, зеркалом, Ильнур угрюмо взирал на свое отражение. На него смотрел бравый воитель в сверкающих латах — настоящий святой герой, словно вышедший из древней легенды, где он занимался спасением похищенных злодеями принцесс и убиением драконов. Вот только лицо этого героя портило общую эпическую картину. Оно имело безрадостный и постаревший вид. Последние события сильно подкосили Ильнура. Много странного и скверного случилось в недавнем прошлом. Одно предательство Лауры чего стоило. Предательство, которое до сих пор не укладывалось в его голове.

Королевская армия начала прибывать в Форинг со вчерашнего утра, и этот процесс затянулся на весь день. Подходящие войска приходилось размещать на окрестных полях, не занятых посевами, где тотчас же поднимались пестрые шатры — сотни и сотни шатров, всех расцветок и размеров. Никогда прежде не видывал Форинг подобного воинства. Все подступы к городу вскоре утонули в сплошном море шатров. И не было среди них двух одинаковых. Каждый рыцарь считал своим долгом украсить походное обиталище максимально броско и ярко, стремясь затмить других. На ярко крашеной ткани красовались и аппликации, и вышивка, и медные медальоны, а на вершинах опорных столбов трепыхались бесчисленные флажки.

Великая суeta наполнила окрестности Форинга. Берега небольшой речушки плотно оккупировали слуги, занятые стиркой господских одеяний. Другие слуги пронеслись по окрестностям, подобрав весь хворост до последней веточки. Каждый рыцарь вез с собой запас дров, но его берегли на тот случай, если топлива не окажется под ногами.

Шатры окружили Форинг полукольцом. Разбитый лагерь вскоре значительно превысил площадь самого города. Запылали костры, и по воздуху разнесся аромат походных кушаний. Где-то уже приступили к трапезе, где-то уже и закончили. А войска, тем временем, продолжали прибывать. Выпучив удивленные глаза, местные крестьяне со страхом и восхищением таращились на сверкающих сталью рыцарей, что колонной следовали по дороге верхом на могучих скакунах. Сияли огнем их доспехи, грозно скалили зубы драконы и барсы с украшенных гербами щитов. Земля содрогалась от грохота копыт, а пыль, поднятая ими, плыла над окрестностями плотным серым туманом.

Проезжали рыцари, их сменяли бесконечные вереницы телег. За ними, чеканя шаг, маршировала пехота. Каждый пехотинец был на голову выше любого селянина, и раза в полтора шире в плечах. Суровые обветренные лица бывалых рубак хмуро глядели из-под надвинутых на глаза железных касок. Длинные копья густым лесом покачивались над колонной. А за пехотой вновь тянулись обозы. Их сменяли лучники — поджарые ребята в легкой амуниции, каждый с огромным, в рост человека, луком и несколькими, туго набитыми стрелами, колчанами. А за ними опять ползли обозы, сменялись другими войсками, и так без конца, с утра до вечера.

Вскоре местным зевакам наскучило все это великолепие, и лишь что-то особенно

примечательное вновь разжигало огонь их любопытства. К примеру, когда на дороге появлялся роскошно одетый всадник, чьи доспехи сверкали настоящей золотой чеканкой, или волшебник в удивительной мантии с живым, скользящим по ее поверхности, узором. Или роскошные кареты — полностью закрытые, с окошками, забранными изнутри шторками. В этих экипажах ехали королевские чиновники, относящиеся к военному ведомству, но занятые вопросами снабжения и обеспечения. Их работа тоже была важна. Требовалось все учесть, все подсчитать, и сделать так, чтобы огромно войско ежедневно получало все, что ему причитается. В одной из карет ехал старый дед из ведомства поощрений и наград. Ему в обязанности вменялось осыпать героев королевскими дарами. Опыт подсказывал, что перспектива небольших, но приятных, поощрений заметно поднимает боевой дух войска.

Ильнура, как верховного паладина и фактического главу города, вызывали к себе все, кому не лень. И все они чего-то требовали. А когда выясняли, что Форинг не подготовился к приему войска, принимались костерить паладина на все лады. Тот даже не пытался оправдываться, хотя звучащие обвинения в массе своей были абсурдны. Как он вообще мог подготовить Форинг с населением в неполные пять тысяч человек с учетом окрестных деревень и фермерских хозяйств, к приему десятитысячного войска? Да еще и проделать это за несколько дней. И что он мог подготовить? Если речь шла о стратегических запасах, хранящихся на городских складах, то их еще не успели восполнить после разорения города врагами. Заранее приготовить лагерь тоже было выше его сил — на это дело пришлось бы бросить все население города. Да и потом, разве ему мало собственных забот?

Но Ильнур не возражал и не оправдывал себя. Он безропотно проглатывал все звучащие в свой адрес упреки, прекрасно понимая, что от этого ему не уйти, и чем быстрее будет покончено с данной процедурой, тем лучше, а любые попытки затянуть ее выйдут ему дополнительным боком.

Уже под вечер, когда Ильнур с трудом держался на ногах, его вызвал к себе Рогзар. Верховный паладин королевства был, прежде всего, воином, он привык говорить и действовать прямо. Проигнорировав уют городской резиденции, он поставил свой шатер в поле, наравне с другими рыцарями. Не дав Ильнуру закончить положенного торжественного приветствия, Рогзар резко махнул рукой, как бы отбрасывая все формальности, затем потечески хлопнул молодого паладина по плечу и сказал:

— Ну, парень, выкладывай все, как есть.

Ильнур тяжело вздохнул, и подчинился. Выложил все, ничего не утаив. Рогзар слушал его и все больше хмурился. Вокруг них суетились люди, ставили шатры, таскали дрова и воду в котлах, но верховный паладин полностью отрешился от этого столпотворения. Он жадно ловил каждое, произнесенное Ильнуром, слово. Нового он услышал немного — Рогзар имел немало источников информации о Форинге в обход Ильнура. Но кое-что неприятно его потрясло. А именно — предательство Лауры. Когда Ильнур вскользь упомянул об этом, верховный паладин даже решил, что ослышался.

— Подожди-ка, — сказал он, останавливая докладчика. — Что это ты сейчас такое сказал о Лауре?

Ильнур нехотя повторил. Ему было больно касаться этой темы. Глаза Рогзара полезли на лоб. Он знал Лауру хуже, чем Ильнур, и, тем не менее, слышал о ней только хорошее. Все его информаторы в один голос характеризовали верховную волшебницу Форинга исключительно с положительной стороны. На ее биографии не было ни одного темного

пятнышка. И вот теперь выясняется, что она предала Ангдэзию, и сбежала куда-то в компании двух злодеек.

— Это очень скверная новость, — мрачно проронил Рогзар. — Если силам зла удалось привлечь на свою сторону Лауру, в ее лице они получают бесценный для себя и катастрофический для нас источник информации. И к тому же это страшный удар по репутации светлых магов. Опять пойдут эти дерьмовые разговоры о том, что маги не служат никому, кроме самих себя. А нам меньше всего нужен внутренний раскол. Особенно теперь, когда новая угроза встала над миром. Расскажи мне об этой угрозе, Ильнур. Расскажи мне о злодее Свиностае.

Ильнур рассказал все, что знал, добавив кое-какие свои личные соображения. Хоть Рогзар и не услышал ничего нового, он поблагодарил Ильнура за информацию, заверив того, что та очень поможет их общему делу.

К вечеру большая часть войска прибыла и встала лагерем, окружив Форинг широким кольцом шатров. Оставшиеся силы продолжали прибывать, в основном подтягивался обоз и кое-какие специальные подразделения. Ильнур знал, что они будут подползать до утра, а кто-то, возможно, прибудет только завтра. К счастью, ему необязательно было встречать каждую телегу. Переговорив с множеством людей и выслушав множество упреков он, наконец, освободился. В сумерках Ильнур вошел в ворота Форинга, едва держась на ногах от нервного истощения. Перед мысленным взором его маячил огромный кубок крепкого вина. А затем в кроватку. И пускай ночные кошмары только попробуют потревожить его этой ночью.

Но едва он вошел в городские ворота, как был перехвачен двумя своим подчиненными. Лишь только взглянув в их серьезные лица, Ильнур понял, что вино и кровать он увидит нескоро.

— Что? — спросил он со слезами в голосе. — Что еще?

— Ильнур, тебя желают видеть в резиденции магов, — сообщил один из солдат.

Глаза верхового паладина полезли на лоб. В первое мгновение он решил, что его хочет видеть Лаура, которая, на самом деле, никого не предавала, а просто отлучилась по делам, а вот теперь вернулась обратно.

— Кто меня хочет там видеть? — осторожно уточнил он.

— Сама верховная волшебница Ангдэзии своей очаровательной персоной, — сообщил другой солдат. — Она просила передать, что как только ты появишься в городе, сразу вести к ней.

— Элария, — произнес Ильнур. — Так она уже здесь.

Он шумно выдохнул. Нет, Лаура не вернулась. Глупо было даже надеяться на это. Она сбежала к злодеям, и сама стала одной из них. А ему теперь предстоит держать ответ перед верховной волшебницей всея королевства. И Ильнур понятия не имел, как объяснить предательство Лауры. Оно оставалось непостижимой загадкой для него самого.

Он зашагал к резиденции, с трудом протискиваясь сквозь запрудившую город толпу. Несмотря на вечерний час в Форинге было яблоку негде упасть. Прибывшие с войском рыцари нагрянули в город. Торговцы, по такому случаю, решили в виде исключения продлить рабочее время своих заведений в бесконечность. В трактирах было шумно, из открытых дверей доносились громкие голоса молодых гуляк.

Для большей части королевских рыцарей этот поход стал веселым и интригующим приключением. Уже очень давно королевская армия не вступала в бой. Сражались

призванные извне герои, и гибли тоже герои. А цвет и блеск военной мощи Ангдэзии, ее закованная в сталь армия, оставалась в тылу, берегаемая на самый черный день. Многие из рыцарей, отпрыски богатых дворянских семей, слышали об империи Кранг-Дан только смутные байки да детские страшилки. Прежде они никогда не бывали даже на границе, и не ступали на выжженную землю нейтральной полосы. Каждый из них был прекрасно обучен и вооружен, имел за плечами сотни часов индивидуальных и совместных тренировок. Но это войско никогда не сражалось по-настоящему. И легкомысленное поведение рыцарей тревожило Ильнура. Военный поход не веселое приключение. В нем обязательно будут жертвы. Особенно с учетом того, что их враг — Свиностас, коварная бессердечная гадина, живущая ради черных дел. К такому противнику нельзя относиться легкомысленно, даже если за тобой десятитысячное войско. Почему-то Ильнур нисколько не сомневался в том, что Свиностасу уже известно об этом походе. Наверняка злобная тварь имеет повсюду своих шпионов. И уж конечно он не сидел, сложа руки, в ожидании гостей. Вместо этого зловецкий Свиностас готовил им теплый прием. И Ильнуру становилось дурно, стоило ему представить объем заготовленных Свиностасом сюрпризов. Нет, не станет этот поход легким и веселым приключением. Пройдет не так уж много времени, прежде чем кое-кто из молодых дворян, ныне кутящих в заведениях Форинга, упадет на землю бездыханным телом. И немало жизней будет отнято, прежде чем чья-то благородная рука повергнет Свиностаса и положит конец этому внезапно разразившемуся кошмару.

Резиденцию магов оккупировали прибывшие из столицы чародеи и их свита. Дворец окружили тройным кольцом охраны, бойцы которой составляли особое подразделение, не подчинявшееся никому, кроме верховной волшебницы. Ильнуру вначале пришлось постоять у ворот, а затем, когда его провели внутрь, еще полчаса просить в приемной на удивительно неудобном стуле, который словно бы был создан не столяром, а каким-то палачом.

Наконец, двери распахнулись, и в них вошла высокая красивая женщина в обманчиво простом платье. Как и в случае с Лаурой, определить ее истинный возраст было невозможно. Волшебницы, достигшие определенного уровня могущества, умели оставаться вечно юными. Они не были бессмертными, и годы постепенно брали свое, но в борьбе с возрастом чародейки достигали много больших успехов, чем женщины, лишённые магического дара, и ведущие эту войну лишь посредством косметических средств.

Ильнур согнулся в поклоне, и тут же услышал голос Эларии — густой, бархатистый и удивительно сексуальный.

— Ни к чему эти церемонии. Мы не на королевском приеме.

Ильнур распрямылся и заметил:

— Я никогда не был на королевских приемах.

Элария остановилась напротив него, быстро скользнула взглядом по статной фигуре паладина, улыбнулась и заметила:

— Возможно, у вас еще все впереди.

Ильнур ничего не ответил на эту любезность. Ему хотелось скорее перейти к делу и скорее с этим покончить.

— Знаю, вас за сегодняшней день порядком утомили, — продолжила Элария, пройдя мимо него и остановившись напротив большого окна, за которым открывался вид на площадь.

— Если все это поможет разрешить возникшую ситуацию, я с радостью готов утомиться вдесятеро сильнее, — признался Ильнур.

— Ситуацию? — переспросила Элария.

— Я имею в виду Свиностаса, миледи.

— Ах, да. Свиностас.

Элария отошла от окна, остановилась и взглянула на Ильнура.

— Вы встречались с ним лично?

— Со Свиностасом, миледи?

— Да, с ним.

— Признаюсь, что неоднократно. Это подлая тварь... прошу прощения, но иначе не скажешь. Так вот, это подлое существо просочилось в наш мир среди призванных добровольцев. Подумать только, я ведь....

Ильнур мотнул головой, как бы до сих пор не веря этому.

— Я ведь стоял от него в каких-то двух шагах. Мог просто протянуть руку и свернуть его тощую шею.

Кулаки Ильнура непроизвольно сжались, словно он пытался запоздало проделать озвученную процедуру.

— Вас никто ни в чем не винит, — мягко сообщила Элария. — Поверьте мне. Сегодня вы наверняка выслушали немало упреков, и услышите их впредь, но не придавайте им большого значения. Знайте же — король в курсе того, что вы ни в чем не виноваты.

— Хотелось бы и мне сказать о себе то же, — с горьким вздохом признался Ильнур. — Но я все равно не могу отделаться от мысли, что мог разоблачить этого Свиностаса, мог догадаться, мог предотвратить. И тогда всего этого не случилось бы.

Элария подошла и опустила ладонь на плечо Ильнура.

— Не казнитесь, — попросила она. — Если то, что мне довелось узнать о Свиностасе, хотя бы отчасти, правда, у вас не было ни единого шанса остановить его.

— Вы знаете, кто он такой? — спросил Ильнур. — Или, вернее будет сказать, что он такое?

— Еще нет. Одно неоспоримо — он порождение какого-то черного и мрачного зла. Не в добрый час явился он в этот мир на погибель многим. Но сколько бы силен и коварен он ни был, против всей совокупной мощи сил добра ему не выстоять. Так что недолго ему осталось злодействовать и наслаждаться безнаказанностью.

Эти слова немного ободрили Ильнура. Но не вселили в него железной уверенности. Элария была великой и могущественной волшебницей, но она никогда не встречалась со Свиностасом. А уж он-то умел удивлять.

— Вам не стоит волноваться об этом нечестивце, — посоветовала Элария. — Со дня на день мы покончим с ним. Он недооценил нашу силу. Решил, что все сойдет ему с рук. Скоро он пожалеет об этом. Но я хотела бы поговорить с вами на иную тему. Вы, полагаю, догадываетесь, о чем пойдет речь.

Ильнур поджал губы и кивнул. Он догадывался — еще бы! С самого начал ему было ясно, что речь пойдет о Лауре и ее предательстве.

— Итак, — сказал Элария, — как же это случилось?

Ильнур беспомощно развел руками, а затем выпалил чуть громче, чем следовало:

— Да я понятия не имею! У меня скоро голова лопнет. Я все пытаюсь найти причину. Ищу, ищу, а ее просто нет!

— Лаура имела безупречную репутацию, — заметила Элария. — Но не все можно отразить в отчетах. В каких вы были отношениях?

— В каких отношениях? — повторил Ильнур. — Ну, пожалуй, в дружеских. Точнее, это я так думал. Похоже, заблуждался.

— Только дружба? — прищурившись, спросила Элария. — Ничего большего?

— Нет. Ничего.

— Ни разу?

Ильнур прямо взглянул на волшебницу и ответил:

— У нас с Лаурой никогда не было близости, если вы об этом. Мы были друзьями, и только.

— Хорошо, хорошо, я вам верю. Но раз уж вы были друзьями, вы хорошо ее знали.

— Как выяснилось, не так уж и хорошо, — мрачно проронил Ильнур.

А затем поспешно добавил:

— Прослушайте, миледи, если бы были хоть какие-то признаки, хоть что-то... Но ничего не было. Ничто не предвещало ее предательства. Я уже не знаю, что и думать. Может, это какие-то темные чары. Не могли черные маги империи околдовать ее?

Элария задумчиво нахмурилась, сразу состарившись на десяток лет.

— Околдовать Лауру... Вот не уверена. Подобный трюк можно проделать с обычным человеком, да и то на это требуется время и силы. Но околдовать чародея... Нет. Лаура обязательно засекала бы эти попытки и предотвратила их. Да и потом, она ведь очень сильная волшебница. Чтобы околдовать ее, потребовался бы черный маг невероятной силы. А в Кранг-дане как раз сейчас негусто с такими специалистами. Нет, я не верю, что ее могли околдовать. Судя по всему, причина кроется в иной плоскости.

— В иной? — переспросил Ильнур. — Но в которой? С чего бы вдруг Лаура стала предательницей?

— Например, она могла внезапно разочароваться в добре и его идеалах, — предположила Элария.

Ильнур криво усмехнулся.

— Вас это забавляет?

— Нет, что вы, — поспешно произнес паладин. — Просто вы явно знали Лауру хуже, чем я. Поверьте — она последний человек, который мог бы разочароваться в идеалах добра. Я скорее допущу, что подобное случится со мной, чем с ней.

— И что же у нас остается? — спросила Элария. — Если исключить черную магию и идеологические мотивы. Подкуп?

— Лаура никогда не стремилась к богатству, — отмахнулся от этой нелепой версии Ильнур. — Она всегда вела скромный образ жизни, даже после того, как заняла должность верховной волшебницы Форинга. Захоти она разбогатеть, ей незачем было предавать Ангдэзию. С ее талантом и силой она могла бы вести в столице частную практику и купаться в золоте.

— Верно, — улыбнулась Элария. — Не говоря уже о том, что ее ждала блестящая карьера при дворе, куда она обязательно попала бы после нескольких лет службы в Форинге. То есть, жажду наживы мы тоже исключаем.

— Исключаем, — утвердительно кивнул Ильнур. — Жажда наживы, это не про Лауру.

— Тогда что же у нас остается? — спросила Элария. — Какой-то личный мотив?

Личный мотив? Ильнур об этом не думал. Да и какой личный мотив мог быть у Лауры? У нее по большому счету и личной-то жизни не было. То есть, не было до недавнего времени, пока она не сошлась с Колькой. Ильнур прикинул, не тут ли кроются причины ее

непостижимого предательства, но с ходу отверг эту нелепую версию. Даже если Лаура поцапалась со своим Коленькой, она не сбежала бы из-за этого к врагам. Такое даже допускать было нелепо.

И все же Эларии следовало знать о связи Лауры и юного паладина. Верховная волшебница мудра, она видит больше других. Но Ильнуру что-то не хотелось примешивать сюда и дела любовные. Они явно тут не при чем.

— О чем вы задумались? — спросила Элария, заметив, что паладин ушел в свои мысли.

— Простите, — спохватился Ильнур. — Я тут вспомнил этого огненного демона. Вам ведь о нем докладывали?

— Докладывали, — кивнула Элария.

— И что вы думаете?

— Пока что ничего определенного. Известно, что это существо из иного мира.

— Как и Свиностас, — прошептал Ильнур, которому показалось, что это не случайное совпадение.

— Так же известно, что он восприимчив к нашей магии, — продолжила верховная волшебница. — Чародеям прошлого удалось заточить его в темнице. Значит, нам известен, по крайней мере, один способ его ликвидации. Это не так уж и мало.

— Всего один, — мрачным тоном проронил Ильнур. — По мне, так негусто.

Элария улыбнулась и заверила его:

— Поверьте, у меня найдется чем удивить это существо. Не хочу хвастаться, но я стала верховной волшебницей Ангдэзии не за красивые глазки.

— А что насчет Свиностаса?

— Насчет Свиностаса?

Элария задумалась.

— О нем мне мало что известно. Доклады о нем довольно противоречивы. Приходится признать, что об этом существе нет никакой объективной информации. И все же я не думаю, что с его ликвидацией возникнут проблемы. По всей видимости, сам Свиностас не представляет большой угрозы. Его главное оружие — коварство и талант подчинения. Но нас ему не заболтать. Верно ведь?

— Пусть мне только выпадет шанс! — сквозь зубы процедил Ильнур, чьи кулаки с хрустом сжались. — Пусть выпадет всего один, крошечный шанс! О большем я не мечтаю. Мне хватит и этого.

— Полагаю, вам представится такая возможность, — обнадежила его Элария. — А теперь ступайте отдыхать. У вас утомленный вид.

— День сегодня был сумасшедший, — пожаловался Ильнур.

— Понимаю. Но все это ненадолго. Как только мы покончим со Свиностасом и его шайкой, жизнь вернется в привычное русло.

Хотелось бы Ильнуру, чтобы слова Эларии оказались пророческими. Но он понимал — если что-то и вернется в прежнюю колею, то не все. Лаура потеряна для них навсегда. Для нее нет обратного пути.

В последний раз взглянув на свое отражение, Ильнур подошел к столу, поднял с него свой меч и пристегнул его к поясу. Теперь он был готов. По крайней мере, телесно. На душе у верховного паладина Форинга скреблись кошки. Он чувствовал смятение, растерянность, несвойственное себе желание махнуть на все рукой и отрешиться от всех треволнений этого мира. Не следовало идти в битву с таким поганым настроением. Но у него не было выбора.

Пожалуй, он бы мог отказаться от участия в походе — войско и так достаточно велико. Сказал бы, что должен позаботиться о Форинге или просто объявил себя больным. Не поступить подобным образом Ильнур не мог. Там, на нейтральной полосе, обосновался враг. Свиностас, племянник Люцифера. До его появления в этом мире жизнь текла своим чередом, тихо и спокойно. Все шло как надо, и не происходило ничего, выбивающегося из колеи. Но стоило этому грязному монстру явиться сюда, как все тотчас же пошло наперекосяк. Ильнур не мог доказать этого, но он утром чувствовал, что именно Свиностас повинен во всех случившихся бедах и несчастьях. А ведь он только начал. Свиностас еще не развернулся во всю злодейскую ширь. Он лишь делал первые пробные шаги. Но если дать ему время, он покажет себя во всей чудовищной красе.

Вот такая причина гнала Ильнура в поход. Он собирался исполнить свой долг святого рыцаря и повергнуть гнусную тварь. Как только Свиностас падет, все сразу же встанет на свои места. Ильнуру отчаянно хотелось верить в это.

Нельзя было и дальше сводить себя с ума мыслями о необъяснимом предательстве Лауры. Впереди ждала битва. Свиностас окопался на нейтральной полосе, и с ним его демон. Вот о чем нужно думать. Только о предстоящем деле. Все остальное потом.

Выйдя во двор резиденции, Ильнур заметил своих подчиненных, паладинов и воинов, собравшихся проводить его в путь. Все они по его приказу оставались защищать Форинг. Многие из верных соратников чуть ли не на коленях умоляли Ильнура позволить им примкнуть к нему. У многих были личные счеты к Свиностасу. Но верховный паладин был непоколебим. Счеты счетами, а оставлять город беззащитным было нельзя.

Провожаемый напутствиями и пожеланиями удачи Ильнур зашагал к конюшне, где его уже поджидал оседланный жеребец. Будь его воля, Ильнур бы выступил в поход немедленно, вместе с передовым отрядом, но в данном случае он был не властен распорядиться собой. Все решали понаехавшие в большом числе высокие начальники. Один из них, а именно сам глава ордена Рогзар, предложил Ильнуру примкнуть к его свите в пути. Ильнур, конечно, мог бы отказаться. Теоретически. Это ведь был не приказ, а всего лишь предложение. Но кто он такой, чтобы отвергать предложения главного паладина королевства? Да и потом, ему было ясно, что передовому отряду ничего не светит. Свиностас едва ли предпримет контратаку. Он будет сидеть в своей крепости и ждать. А штурм не начнется, пока все войско не прибудет на место. Вот тогда-то Ильнуру и нужно будет оказаться в первых рядах. Чтобы именно его меч оборвал жизнь чудовища и возвратил этому миру прежний порядок.

Несмотря на ранний час, все жители города высыпали на улицы, чтобы проводить своего героя на битву. Под копыта его коня летели цветы, воздух сотрясался от радостных воплей и визга детворы. Горожане отлично знали, куда и зачем отправляется Ильнур. Тот ехал за головой Свиностаса — злодея, однажды разрушившего их город. Почти у всех, кто был в настоящий момент на улицах, в тот черный день погибли родные и близкие. И теперь горожане жаждали возмездия. Они кричали Ильнуру, чтобы тот обязательно привез на пике голову Свиностаса, дабы выставить этот трофей на площади. И тогда каждый сможет воздать вероломному монстру по заслугам, сочно харкнув в его мерзкую харю.

У городских ворот Ильнур заметил Кольку. Колька был не один. Его провожала какая-то юная красивая девушка, которую, как показалось Ильнуру, он уже где-то видел. Но вот где? Верховному паладину понадобилось время, чтобы вспомнить. Это была помощница Агдэила, целителя, вызванного Лаурой в Форинг специально для любимого Коленьки.

Ильнур придержал коня, и с чувством глубочайшего негодования воззрился на

любовников, самым возмутительным образом наплевавших на последние крохи приличия. Ладно бы, когда подобным манером себя вела чернь. Чернь она и есть чернь — с нее спроса мало. Но Колька ведь паладин. Да еще паладин прославленный, знаменитый. Что уж там, он герой. Народная молва успела насочинять о нем немало небылиц. Как он зверски бился с самим Свиностаем, а Свиностаем, дело известное, тот еще монстр: росту в нем три метра с четвертью, силу имеет невероятную, владеет всеми известными видами магии и рядом неизвестных. Весь он с головы до ног облачен в волшебную броню, а самый черный меч чернейшей тьмы способен убить любого одним своим видом. Разумеется, лишь эпический герой мог сойтись в схватке с таким чудищем. Вот Колька и снискал подобную славу. Славу эпического героя. И бог бы с ним. Ильнур не считал это чем-то плохим. Простым людям необходимо верить в лучшее, даже если их вера основана на голой фантазии. Без этого они не могут. Без веры в безграничную силу добра и его героев чернь мигом погрузится в отчаяние. Да и как тут не отчаяться, когда где-то на нейтральной полосе бродит трехметровое чудовище, наделенное безграничной мощью, и способное в любой момент нагрянуть в Форинг? Нет, людям нужна была вера в силу паладинов и светлых магов. Вот они и нашли себе новый объект поклонения.

И теперь этот новоявленный кумир демонстративно попирает исстари заведенные правила поведения. Где это видано, чтобы паладин целовался на глазах у всего города с какой-то девицей, с которой он мало того, что не помолвлен, так и вообще предстал на публике впервые?

Но не это потрясло Ильнура больше всего, а то, как скоро Колька позабыл Лауру. Та ведь сбежала всего несколько дней назад, а юный паладин уже нашел себе утешение в виде молоденький вертихвостки.

Все это ну никак не красило новоявленного героя.

Ильнур решил, что как старший товарищ и командир должен сделать Николаю замечание. Так просто нельзя. Ведь его поведение не только нарушает какие-то неписанные нормы, оно подрывает уважение к воинам добра.

Однако решимость верховного паладина быстро увяла, едва он подъехал ближе и увидел лицо провожавшей Кольку девушки. По покрасневшей милой мордашке катились потоки слез. В больших, широко распахнутых, глазах застыл ужас. Ее тонкие пальчики жадно вцепились в Колькины доспехи, словно девушка пыталась удержать своего возлюбленного. Она что-то быстро произнесла — Ильнур понял это по движению ее пухленьких губ. Кажется, она пыталась в чем-то убедить Кольку. Было нетрудно догадаться, в чем именно. Скорее всего, лекарша молила возлюбленного остаться с ней и не ехать на нейтральную полосу. Ведь там его поджидает Свиностаем — изверг из извергов. В прошлый раз он едва не убил Кольку. Вторая попытка может оказаться более успешной.

Выслушав Альмину, Колька улыбнулся и погладил ее по волосам. Затем что-то сказал. Вероятно, заверял ее в том, что вернется к ней живым и здоровым, с головой Свиностаема на пике.

Когда Ильнур поравнялся с ними, Колька заметил его и сказал:

— А, Ильнур. Подожди минутку, поедем вместе.

— Уверен, что стоит? — спросил Ильнур. — Ты достаточно здоров, чтобы принять участие в походе?

— Достаточно. Этот поход я точно не пропущу.

Альмина вдруг заверещала и бросилась к Кольке. Она повисла на нем, прижав мокрое

от слез лицо к холодной стали нагрудника. До слуха Ильнура донеслось ее приглушенное бормотание. Она действительно просила Кольку остаться с ней. Говорила о дурном предчувствии, что не хочет его отпускать, а затем и вовсе выразила желание сопровождать возлюбленного в этом походе. Возлюбленного! — мысленно повторил Ильнур. И когда только они успели?

— Вот уж нет, — сказал Колька, и ласково, но решительно, отстранил девушку от себя. — Нечего тебе делать на нейтральной полосе. Оставайся лучше здесь и жди меня. Ничего со мной не случится.

Ильнур подумал о том, что это уж слишком самоуверенное заявление. В прошлый раз ведь случилось. И если бы не Лаура, сейчас Колька не обнимал бы девиц, а гнил в земле.

Колька вскочил в седло. На нем были новенькие доспехи, довольно дорогие, столичной работы. Ильнур знал, откуда они взялись. Их заказала Лаура в качестве подарка для своего юного возлюбленного. И спустила на эти латы большую часть своих накоплений. Но Кольку, похоже, нисколько не смущал этот факт. Видимо, считал, что не пропадать же добру.

Альмина прижала ладони к груди, умоляюще глядя на своего возлюбленного — такого прекрасного и величественного, и такого уязвимого. Все складывалось как в любимых ею историях, полных страстной любви и неизбежного трагизма. Неужели она видит своего принца в последний раз? Вот сейчас он выедет за ворота, и исчезнет для нее навсегда. Но могла ли она остановить его? Ведь он был героем. Настоящим героем, равным великим паладинам прошлого. Даже захоти он этого, он не смог бы остаться с ней. Неумолимая судьба вела его навстречу вечной славе. Чья еще рука, если не этого ангела в человеческом облики, способна сразить ужасного монстра? Они связаны нитью рока — блистательный паладин Николай, защитник добра и света, и исчадь тьмы и зла Свиноста. Кто она такая, чтобы вставать на пути providения? Ей лишь остается ждать, и надеяться на чудо. Вдруг оно произойдет, и ее возлюбленный вернется к ней. Если же нет, то она проведет остаток дней, оплакивая его. Прямо как героини ее любимых книжек про любовь.

Ильнур и Колька выехали за ворота, направившись к морю пестрых шатров стоящего лагерем войска. Альмина ждала, что любимый обернется и бросит на нее прощальный взгляд, но этого не случилось. Вскоре оба всадника свернули по дороге и скрылись из виду. Альмина уронила голову. Слезы продолжали катиться по ее щекам. Она решила, что прямо сейчас пойдет к себе и начнет молиться за своего возлюбленного. И будет молиться до тех пор, пока тот вновь не окажется в ее объятиях.

Глава 44

Страх и ненависть воцарились на кухне черного замка. Страх источали работники — те немногие, что еще оставались на ногах. Таковых было немного. Фактически трое. То были самые стойкие труженики из серии — путь не платят, пусть унижают, пусть условия труда как в преисподней, но мы с родимого завода не уйдем. Вот и они оставались на боевых постах. А посты действительно были боевые. Каждый час кухня несла потери. Люди гибли за разделочными столами, над раковинами для мойки посуды, возле огромных, пышущих жаром, плит. Смерть не щадила никого. Она разила всякого, кто оказывался на ее пути. Тела павших устилали пол. Их кровь хлюпала под ногами уцелевшего экипажа. Вырванные из чрев внутренности медленно сползали по стенам, оставляя за собой коричневые полосы.

Не все бойцы оказались крепки духом и выразили готовность уйти в вечность на боевом посту. Нашлись и те, кто поддался малодушному желанию эгоистично сберечь свою шкуру.

Двое их было. Двое предателей. Они попытались сбежать. Дезертировать. Но недалеко удалось уйти им, этим недостойным поварам. Они не успели даже покинуть подземелья. В темных коридорах их настигло возмездие. Оно бросилось на них из мрака, огромное и пышущее злобой, а в его руке был лоснящийся от крови фартук из шкуры дракона. Послышались звуки ударов и предсмертные крики. Гибель отступников была мучительна. Они кричали несколько долгих ужасающих минут. Их вопли повергли в трепет всех обитателей замка. Даже черные рыцари, даже злые колдуны, даже самые отъявленные головорезы содрогались при этих воплях. А про себя гадали — что могло стать их источником. Понятно, что кого-то зверски мучают. Но кого? И за что? И кто тот изощренный в своем искусстве палач, что заставляет своих жертв кричать в такой сводящей с ума тональности.

На эти вопросы мог бы ответить владетель черного замка лорд Мортус. Уж ему-то была прекрасно известна причины диких криков. Виной всему была любовь. Любовь внезапно вспыхнувшая, страстно протекавшая и трагически прерванная. Вся эта история могла бы сойти за полный вязких соплей роман, если бы уже не являлась адским хоррором. Верховная кухарка черного замка госпожа Грыжа Антрекотовна, с недавних пор заимевшая себе мужа, была жестоко разлучена с ним. Если бы муж просто умер, не выдержав семейного счастья, Грыжа смогла бы это пережить. В конце концов, все умирают. Уж Грыжа-то это отлично знала. От ее руки умерло немало людей и не только. Так что околеет муж, она бы быстро оплакала его хладный труп, а затем, пока мясо не успело протухнуть, перегнала бы благоверного в фарш. Чем еще помянуть ушедшего в рассвете лет супруга, как не котлетами из его плоти?

Но все оказалось намного страшнее. Муж не умер. Пока. Он был жив. Жив, и не с ней. Подлая разлучница похитила его, лишив Грыжу всякой надежды на семейное счастье.

Безутешность верховной кухарки перешла все границы. На кухне творился форменный геноцид. Повсюду валялись изученные тела работников, а те, что еще оставались на этом свете, давно поседели и лишились рассудка. Грыжа металась по подземелью, не находя себе покоя. Периодически она врывалась в кухню и вымещала зло на одном из своих подчиненных. Могла убить сразу, единым могучим ударом впечатав в пол. А могла растянуть удовольствие, заставив жертву страдать долго и страшно. Работники выли от ужаса, но оставались на своих местах. Они знали — от Грыжи не сбежать.

Досталось не только им. Много кто обитал в подземелье, и всем им пришлось постараться, чтобы не пасть жертвами верховной кухарки. Безутешная Грыжа погналась за какой-то тощей бледной пигалицей (в каждой женщине Грыжа теперь видела потенциальную разлучницу и стремилась затоптать насмерть). Верховная кухарка долго гонялась за девкой по коридорам, пока та не юркнула в какое-то помещение и не захлопнула дверь. Грыжа попыталась выломать преграду, и даже приложила ее плечом, но тут изнутри пахло чем-то таким, что отрезвило даже кухонного берсерка. Из-за двери несло смертью. Просто смертью Грыжу было не запугать. Она сама сеяла ее повсюду. Но там, за дверью, находилось что-то очень нехорошее. Что-то скверное и паскудное. Ощущение липкого холодного ужаса пробрало даже Грыжу. Она отступила от двери, процедила несколько угроз, и удалилась.

— Этот тролль едва меня не съел, — пожаловалась Гэла Ваську. — Еще бы чуть-чуть...

— Хорошо, что ты быстро бегаешь, — без тени иронии сказал Васек.

На самом деле Гэла бегала не быстрее прочих, поскольку никогда не изнуряла себя

физкультурой. Но когда за тобой мчится охваченная яростью Грыжа Антрекотовна, тут не захочешь — помчишься быстрее ветра.

— Не понимаю, зачем держать в замке монстров, — продолжила возмущаться Гэла.

— Я ведь тоже монстр, — напомнил Васек.

Гэла тут же приняла виноватый вид и выпалила:

— Нет, любимый! Даже не думай ровнять себя с этой ужасной тварью. Ты прекрасен.

Васек отвернулся и посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене. Прекрасен? Тут, конечно, Гэле было виднее. Но Васек уже убедился в том, что его добровольная помощница имеет довольно специфические вкусы. Что же касалось обычных людей, не страдающих болезненной тягой к подгнившим мертвецам, его облик вызывал у них вполне естественный ужас.

Глядя на свое отражение — чудовищное серое лицо с зелеными трупными пятнами, Васек подумал, что прежний он тоже ужаснулся бы, увидь себя нынешнего. Но прежний он умер. Умер навсегда. Нынешний Васек был существом иного рода. В нем осталось мало человеческого. Он стал чем-то большим. Сила его возрастала по мере пожранной крови, у него появились способности, недоступные людям. Он видел и слышал больше, чем они. Он многое узнавал просто так, внезапно, словно некая сила вкладывала знания в его голову. Но Васек подозревал, что дело обстоит иначе. Никто целенаправленно не снабжал его информацией. Просто он в силу своей новой природы получил случайный доступ к неким информационным каналам. Он подслушивал. И вряд ли хозяева этих каналов одобряли подобное поведение. Но Ваську не было до них дела. Он хотел одного — добраться до Свиноста и впиться зубами в его тонкую шейку. Выгрызть ему глотку, жадно хлебать его кровь и с наслаждением ощущать, как жизнь по капле уходит из ненавистного существа. О том, что будет после этого, Васек не думал. Просто не думал, и все. Возможно, выполнив свою миссию, он обретет свободу. Или наоборот, лишится всего, что имеет и вернется в черную пустоту небытия. Васька, по большому счету, это не волновало. Будет он существовать или нет — плевать ему на это. Лишь бы убить Свиноста, а там хоть трава на могиле не расти.

— Любимый, о чем ты задумался? — ласково спросила Гэла, подойдя к нему и обняв за плечи.

Васек чувствовал, что эта женщина жаждет от него ответной нежности. Ох, не того кавалера она выбрала. Не сказать, чтобы Гэла ему не нравилась. Она была полезной и услужливой. Васек был благодарен ей за помощь, но и только. Он сомневался, что сможет кого-то любить. Даже обычная похоть, что вспыхивала в нем после ударных доз выпитой крови, носила не сексуальный характер, а была лишь способом выплеснуть излишек энергии. Гэла, впрочем, всем была довольна. Она продолжала надеяться, что в нем вот-вот вспыхнет любовь к ней, и тогда они заживут долго и счастливо на каком-нибудь заброшенном кладбище.

— Жрать охота, — сообщил Васек.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала Гэла.

И он знал — если спутница пообещала, она действительно придумает.

Так и не сумев добраться до бледной худышки, злая Грыжа отправилась на кухню. Ворвавшись туда, она обнаружила внутри троих уцелевших работников. И тут же выявила свою новую жертву. Ей оказался юный парнишка, нарезавший овощи. Руки у него тряслись так, что овощи он резал как последняя скотина — то отхватывал огромные куски, то

мельчил, то опять впадал в гигантоманию. От вида вопиющего непрофессионализма Грыжу передернуло. Она многое могла бы простить (она так думала, хотя на самом деле кухарка не прощала ничего и никому) но только не халтурную нарезку овощей. Ступком ярости и злобы метнулась она через кухню, на ходу срывая с груди фартук. Работник заметил ее приближение, закричал, уронил на пол нож и морковь, и бросился бежать. Грыжа метнула в него фартук, но промахнулась. Работник заложил вираж и с криком помчался к выходу. Возможно, он решил, что ему выпал шанс спастись. Но зря он надеялся на лучшее. Не сбавляя шага, Грыжа выхватила из-за пояса разделочный нож и метнула его вдогонку. Тяжелый клинок со зверским хрустом погрузился в спину беглеца. Работник с ужасающим воплем рухнул на пол. Через секунду Грыжа уже нависла над ним. Ее огромная нога поднялась, а из пасти донесся полный ярости голос:

— Я тебя, гниду, научу морковку шинковать!

После чего огромная нога верховной кухарки резко опустилась на голову подранка. Череп разлетелся вдребезги, по полу размазалась огромная розовая клякса. Обезглавленное тело несколько раз конвульсивно дернулось и затихло.

— Морковку шинковать не могут, — сквозь зубы процедила Грыжа. — Тоже мне, работнички. Да вас за это убить мало.

Тут она запоздало поняла, что погорячилась. Мало было просто убить недоноска. Помучь бы его, помучить! А то больно он легко отделался.

Грыжа прошла взглядом по двум оставшимся работникам. Те тряслись от ужаса и рыдали в голос. Грыжа какое-то время раздумывала, не прибить ли всех их сразу, но затем решила дать сотрудникам второй шанс.

— Смотрите у меня! — строго предупредила она и покинула кухню.

Едва ее шаги смолкли в коридоре, как работники, не стовариваясь, бросились наружу. Теперь им стало ясно — их участь предрешена. В свой следующий визит на кухню Грыжа разберется и с ними. Она явно собиралась полностью зачистить свой штат. Вероятно, Грыже показалось, что трудовой коллектив поражен тягой к систематическим нарушениям техники безопасности. Вот и решила заменить всех сотрудников. Набрать новых, предварительно зверски убив старых. Новых она тоже убьет — сомневаться в этом не приходилось. А некоторых даже съест. Кого-то возможно и заживо. Но это потом. А сейчас настала очередь старой гвардии.

Два последних работника помчались по коридорам, на бегу сбрасывая с себя колпаки и срывая фартуки. Они сами не знали куда бегут. Просто бежали, и все. Ужас гнал их. Они мчались так быстро, что едва не сшибли с ног бледную девушку, которая внезапно возникла у них на пути.

— Доблестные витязи, спасите несчастную деву! — воскликнула Гэла, заламывая руки и орошая лицо слезами. — Мои покои захвачены ужасным зверем. Мышью зовется он. Не знаю, как я пережила встречу с ним. Меня до сих пор трясет.

Как ни торопились работники, но соблазн легко и просто стать героями оказался слишком велик. Они последовали за Гэлой, уверяя ее, что мигом разберутся с монстром. И, конечно же, переоценили себя и свои силы. Потому что в покоях юной девы их поджидала отнюдь не мышь, а монстр куда крупнее и зубастее. Едва простофили перешагнули порог, как Васек набросился на них. Одному сразу выгрыз плотку, второго, визжащего и кричащего, схватил и потащил в темный угол. Гэла вошла последней и притворила дверь. Затем перешагнула через агонизирующего повара и спросила:

— Доволен ли ты, любимый?

Из темного угла донесся предсмертный хрип жертвы и сердитый рык Васька:

— Да!

— Вот и славно, — улыbnулась Гэла.

Пока Васек доедал поваров, Грыжа Антрекотовна вновь ворвалась на кухню. Там ее застало возмутительное зрелище — рабочая зона была пуста. Все бойцы оставили свои посты и сбежали.

— Вот я им покажу! — грозно рявкнула Грыжа и бросилась наружу.

Она обежала весь двор, покалечила нескольких угодивших под ноги слуг, до икоты напугала черного рыцаря и, наконец, оказалась на стене. Сверху она рассчитывала засечь беглецов и пуститься в погоню, но увидела кое-что иное — к черному замку приближалась армия. Бесконечно-длинная колонна ползла по дороге, оцетинившись в небо лесом пик. Впереди вышагивали музыканты, которые, как одержимые, били в барабаны и дули в трубы. Вся эта какофония должна была каким-то образом поднимать моральный дух воинов. К счастью, в имперскую армию редко попадали люди с развитым музыкальным слухом.

Впереди колонны пехоты ехали всадники — знаменосец и несколько офицеров. Выглядели они довольно грозно, особенно один — пожилой импозантный мужчина с сексуальным брюшком и мощным подбородком, в черном шлеме с двумя вороньими крыльями, воинственно поднятыми кверху.

На стенах возникла суэта. Заиграл сигнальный горн. Вскоре на стене оказались и лорд Мортус, и Трокус, и много кто еще.

— Внутри запустите Зертуса и офицеров, — распорядился лорд Мортус. — Солдатня пускай встает лагерем под стенами. В замке мне они не нужны. После них ничего не останется. Пусть грабят Свиностаса, а не меня.

Грыжа подошла к лорду Мортусу и спросила:

— Господин, скоро ли пробьет час идти за похищенным мужем?

— Скоро, Грыжа, скоро. Завтра пойдем.

— Господин, у меня плохие известия. На кухне обнаружилось гнездо тайных врагов, шпионов и предателей. Я зачистила всю ячейку.

— Всех? — вздрогнул Мортус. — То есть, всех работников перебила? Грыжа, ну зачем? А кто будет готовить сегодняшний ужин? У нас, вообще-то, гости.

Грыжа гордо расправила богатырские плечи и приосанилась.

— Вы полагаете, что я не сумею справиться с этой задачей? — спросила она с вызовом.

— Думаю, ты справишься, — пошел на попятную Мортус.

— То-то же! — веско сказала Грыжа и величественно удалилась со стены.

— Эх, мне бы сотню таких Грыж, я бы уже разорил все земли Ангдэзии, — мечтательно произнес Трокус.

— Дурак ты, — буркнул Мортус. — Сотня Грыж первым делом тебя съест, просто потому, что ты из мяса. А потом пойдет по белу свету, нанизывая на вертел все живое. Так что радуйся тому, что Грыжа у нас в единственном экземпляре. Даже двух таких, как она, будет слишком много для нашего несчастного мира.

Глава 45

Вся расхлябанность Безжалостного легиона, столь присущая ему в дни праздности, испарилась без остатка. Ныне это был четко отлаженный механизм, в котором каждая

шестерня знала и исполняла предназначенную ей роль. Не успело войско прибыть под стены черного замка, как солдаты взялись ставить шатры и готовить ужин. Все это происходило с радующей глаз скоростью. Вскоре все пространство вокруг твердыни лорда Мортуса покрылось полем шатров, над которыми к нему взметнулись струи дыма. Вся округа наполнилась ароматом каши. Солдаты вели себя образцово — никто из них не прикасался к спиртному, никто не дебоширил, и даже не было поползновений совершить набег на ближайшую деревню с целью добычи в оной баб и прочих трофеев. Офицеры бдительно следили за своими подопечными, и подопечные знали — здесь не забалуешь. Это в тылу офицерский состав клал на дисциплину и сам отдавался разгулюю. Но на боевом задании все обстояло иначе. На боевом задании за малейшую попытку своеволия или неповиновения можно было оказаться в петле. И оказывались. Паршивых овец регулярно развешивали сушиться на ветвях деревьев, но их количество никогда не было велико. В целом бойцы все понимали. Эти люди, в отличие от ополченцев, изредка собиравшихся пограбить и пожечь земли добряков, были профессиональными солдатами. Они осознанно выбрали эту стезю, записавшись в армию в юном возрасте. Многие из них побывали в десятках переделок, неоднократно смотрели смерти в лицо, и видели врагов не только на картинках, но и прямо перед собой. Все они имели отличную выучку и привыкли драться до последнего. Солдаты империи знали — за их отвагу и самоотверженное мужество император дарует им немалые привилегии, главной из которых была возможность грабежа побежденных. А после пятнадцати лет выслуги, если солдат умудрялся столько прожить, он выходил на заслуженную пенсию и получал кусок земли в каком-нибудь дремучем захолустье. Земля и награбленное в ходе походов добро позволяли худо-бедно провести остаток жизни, даже обзавестись семьей и нарожать наследников, которые зачастую шли по родительским стопам, и тоже оказывались в армии.

В самом замке остановились только высшие офицеры легиона во главе со своим командиром Зертусом. Мортус встретил старого друга тепло и приветливо, и тут же повел к столу. Время как раз подошло к ужину.

Безутешная Грыжа, понесшая тяжкую семейную утрату, сдержала свое слово. Поданные блюда были отменного качества. Это отметили все и взялись нахвалять кухарку. Зертус даже попросил Мортуса позвать повариху, дабы лично выразить ей благодарность, на что владетель черного замка вынужден был ответить отказом. Не хотелось ему лишней раз дергать Грыжу. Та вся была на нервах, и могла сорваться в любой момент. В порыве чувств верховная кухарка была способна наворотить таких дел, что потом не разгребешь. Она уже доказала это, зачистив кухню от персонала. Если кто-то из гостей заденет ее неосторожным словом, Грыжа, чего доброго, пустит в ход свой любимый разделочный нож. Зарубит черного рыцаря или мага, а расхлебывать инцидент придется хозяину дома. Поэтому Мортус хитро выкрутился из положения, сообщив старому другу, что повариха его имеет нрав стеснительный и целомудренный, и на глаза широкой публике показываться боится.

— Стеснительная, значит, — понимающе кивнул Зертус, продолжая отдавать дань поданным яствам. — Руки-то у нее, гляжу, золотые. Этак каждый день питаться — истинное счастье.

Мортус что-то буркнул себе под нос, в том духе, что да, счастье-то счастье, кабы несчастье не подъехало. На чем, как он решил, тема кухарки исчерпалась.

А вот Зертус считал иначе. В ходе ужина он по сложившейся привычке осушил несколько кубков крепкого вина, которое незамедлительно ударило ему в голову. На фоне

наступившего опьянения старым генералом овладел романтический настрой. Мечтательно улыбаясь, он возмечтал об округлых формах талантливой кухарки. Пощупать оные формы было совершенно необходимо. А если повезет, то и не только пощупать.

Делиться своими планами с Мортусом Зертус не стал. Решил, что справится и сам. Опрокинув еще один кубок, он как бы между делом заявил, что устал с дороги, и хотел бы отойти ко сну, благо завтра им снова предстояло выступить в путь. Мортус отнесся к просьбе старого товарища с пониманием и отрядил пару слуг, дабы те проводили генерала в приготовленные для него покои.

Зертус покорно добрался до своих апартаментов, по пути в оные вызнав у слуг все, что требовалось. А именно, где находится кухня и как туда попасть. Одно лишь его удивило — стоило заговорить о кухне, как слуги приобрели пришибленный и запуганный вид, словно их расспрашивали о камере пыток или аналогичном месте. Зертус, впрочем, не придавал этому большого значения. Уж он-то всякого повидал за жизнь. Его ничем не испугать.

Как только слуги оставили его, генерал выскользнул из своей комнаты и стал пробираться по коридорам в сторону кухни. Та, как и положено, располагалась в подземелье. Входов туда было несколько. Генерал выбрал тот, что был наиболее близким и безопасным.

В катакомбах царили тишина и полумрак. Зертус двигался мрачными коридорами, ориентируясь больше на обоняние, чем на зрение. По коридорам расползлся удивительный аромат кушаний, и с каждым шагом его концентрация лишь усиливалась. Зертус уже успел знатно распалить себя, вообразив кухарку во всех восхитительных подробностях. Ох уж эти кухарки. Знал он их немало, особенно когда состоял на службе при дворе императора. Императорские кухарки были что надо — таких ядреных задниц генерал не видел ни до, ни после. Именно с той поры он приобрел слабость к кухаркам. Даже подумывал жениться на кухарке, когда наконец соберется выйти в отставку. Положение позволяло ему взять в жены знатную барышню, но Зертус был человеком простым и незамутненным, выходцем из бедного дворянства. Благородных барышень он не понимал и не любил. Те нарочно морили себя голодом, превращая собственные тела в костлявые мощи, а еще запоем читали книги, отчего приобретали несносный характер и оригинальное мнение по любому вопросу. Генерал чуял, что не уживется с женой грамотейкой. Ему бы простую бабу, да с огромным задом, чтобы каждый божий день готовила ему вкусные блюда, и сама была не дура в застольных делах. Иногда Зертус любил помечтать о своей будущей спокойной жизни на пенсии. Представлял себе домик в сельской местности, себя и ядреную бабу в белом фартуке. Сидят они себе под сенью виноградника, чай гоняют, бублики кушают. Благодать.

Вскоре впереди забрезжил красноватый свет, и Зертус понял, что он достиг своей цели. Перед ним лежала кухня. А на кухне обитала кухарка.

Крадучись, как кот перед броском, генерал преодолел последние метры и заглянул в кухню. Все, что он увидел там, было довольно типичным — печи, столы, раковины, полные грязной посуды. В воздухе повис аромат кушаний. Было душно. Огонь жарко пылал в печах. Судя по всему, в них пеклись пироги с мясом.

В следующий миг блуждающий взгляд генерала обнаружил искомое. Глаза старого вояки полезли на лоб. Он догадывался, что столкнется с чем-то подобным, но сильно недооценил масштаб и ширину.

Кухарка была тут. Она склонилась над ящиком с овощами, встопорщив к выходу свой огромный зад. А зад этот был ну просто невероятный. Щупать замучаешься, руки отвалятся.

Но старый воин никогда не пасовал перед трудностями.

Полностью покоренный этим задом, он стал подкрадываться к нему, уже заранее выставив перед собой руки с растопыренными пальцами. Шаг, другой, и его ладони жадно погрузились в пучину ягодичных прелестей. Сильные пальцы боевого офицера, привыкшие сжимать рукояти мечей и топоров, глубоко утонули в мягкой фактуре филейной области.

Генерал не сумел сдержать стоны наслаждения. Всем задом зад был обнаружен им в сих темных подземельях. С этим задом он готов был связать свою судьбу.

Впрочем, блаженство продлилось недолго.

Кухарка резко выпрямилась, и Зертус с оторопью понял, что прелестница выше его на полторы головы. Затем огромное широкоплечее тело стремительно обернулось, и бравый генерал взглянул в лицо объекту своего вождения. После чего все вождение как рукой сняло. На него смотрела жуткая, ввергающая в трепет, рожа монстра. С перепуга генерал решил, что перед ним тролль. Затем понял, что нет, не он. Видел Зертус троллей, много раз видел. Те были страшны, это да. Но все же не настолько.

Затем пасть существа разверзлась, явив два ряда мощных желтых зубов, коим по силу было перекусить стальной нагрудник. Из глотки монстра вырвался могучий бас:

— Что это значит?

Зертус остолбенел. Он стоял и тупо таращился на огромную женоподобную великаншу, а на его лице как застыла, так и осталась глуповатая и похотливая улыбка.

— Я тебе, кобелю, покажу, как замужних женщин за зад хватать! — рявкнула баба.

И показала. Показ начался с хорошо поставленного удара в глаз. Кулак Грыжи Антрекотовны по своим характеристикам мало уступал стенобитному тарану. Даже такой бывалый вояка, как Зертус, по достоинству оценил его. Получив плюху, он как стоял, так и лег на кухонный пол, задрал ноги выше головы.

— Чуть муж за порог, а он явился жену лапать! — гремела Грыжа, наступая на копошащегося на полу генерала. — Не бывать блуду! Да не осквернится семейный очаг!

С этими словами она потащила из-за пояса разделочный нож. То есть, никакой это был не нож, а половинка меча черного рыцаря.

Потрясенный пропущенным ударом, Зертус заметил черный блеск клинка, и все понял. Он проворно перекатился на живот, вскочил на четвереньки, и тут же получил с ноги под зад. Этот удар вышел не хуже предыдущего. Вопящего генерала перекувырнуло через себя, и он вновь растянулся на полу.

— Старый, мясо жесткое, — услышал он задумчивый голос чудовища. — Пельмени... нет. Котлеты... не то. Пожалуй, отбивная в маринаде.

Не сразу до Зертуса дошло, о чем ведется речь. Не о том, что подать господам на завтрак, а о том, какое блюдо приготовить из его старого тела. Тут уж страх взял верх над болью и годами. Генерал взвился на ноги и стрелой вылетел из кухни. Ему вслед донеслись грозные слова Грыжи:

— Супружеская верность непоколебима! Вернись, отбивная. Прими свою судьбу!

Генерал несся по коридорам, ничего не видя перед собой, и когда на всем скаку врезался во что-то живое и теплое, не сумел сдержать испуганного крика. Не сразу он понял, что столкнулся с лордом Мортусом, своим старым другом и боевым компаньоном.

— А я тебя ищу, — сказал Мортус, удивленный взъерошенным видом приятеля.

Он поднял вверх лампу и разглядел на лице Зертуса новую особую примету — стремительно темнеющую гематому вокруг левого глаза.

— Что это с тобой? — спросил Мортус. — Зачем ты забрался в катакомбы?

— Да я... я....

Генерал склонился пополам, тяжело и хрипло дыша. Затем затравленно огляделся, не идет ли за ним кухонный монстр, и, наконец, ответил:

— Я тут по нужде пошел, и заблудился.

— Далековато тебя нужда завела, — подозрительно поглядывая на приятеля, заметил Мортус.

— Да уж, завела, — пробормотал Зертус, все еще пытаюсь прийти в себя после состоявшегося приключения. Приключения, которое намечалось романтическим, но едва не кончилось трагедий.

— Ну, оно и к лучшему, — сказал Мортус. — Хочу тебя кое с кем познакомить.

Зертус вздрогнул. Он сгоряча решил, что старый друг решил представить его своей кухарке. Но темные боги смилостивились над ним.

— Это тот самый консультант, о котором я тебе говорил, — пояснил Мортус.

— А, консультант, — облегченно выдохнул генерал. — А что консультант? На кой он нам сдался? Против демона есть маги, а с прочей напастью мы управимся сталью.

— Ты, брат, вперед осадной башни не беги, — посоветовал ему Мортус. — Тут противник непростой. Это тебе не добряки, у которых навоз в голове, а стратегия одна на все случаи жизни. Свиностаc, это, я тебе скажу, та еще заноза в нежной области. Хитер и подл чрезвычайно. Горазд на гнусные выдумки. В прошлый раз он нам такой прием устроил, что до сих пор вздрагиваю. А ведь с тех пор времени прошло немало. Он явно успел подготовиться. Нашел себе, поди, еще друзей, таких же извергов, как сам. Ну и демон еще этот.

— Твой маг сказал, что демона берет на себя, — напомнил Зертус.

Это было так. Кригортус за ужином только и делал, что хорохорился и храбрился, выделяясь перед молоденькими ведьмами. Дескать, уж он-то этого демона одной левой. Да вот только было ли что-то за этой бравадой? Видел ли он живого демона, да не на картинке, а в жизни. Чтобы вот так, лицом к лицу. И что он собрался с ним делать, когда дойдет до дела? Мортус-то демона видел. Эта тварь в мановение ока порвала и пожгла несколько десятков паладинов и черных рыцаре, магов и колдунов. А бойцы и чародеи там были не из последних.

— Слушай, не доверяю я этим магам, — признался Мортус. — Вечно они пальцы гнут, а как до дела доходит, у них все идет через задницу. Я бы хотел подстраховаться.

— Это консультант твоя страховка? — спросил Зертус.

— Надеюсь, что так. Идем, заглянем к нему. Перекинемся парой слов.

Перед дверью в покои консультанта оба в нерешительности остановились. Мортус уже видел этого типа, и ощущал к нему явственную неприязнь. Он понятия не имел, что оно за тварь, но человеком этот Вася точно не являлся.

Зертус тоже ощутил волны жути, пропитавшие собой воздух. А еще унюхал неприятный и хорошо ему знакомый запах — запах крови и разложения.

— Может, ну его, консультанта этого? — рискнул предложить Зертус.

В самом деле, ему на сегодня и кухарки хватило.

Но Мортус решительно поднял кулак и приготовился постучаться. Приготовился, но не успел. Дверь отворилась прежде.

В щели между ней и рамой показалось бледное лицо ассистентки консультанта.

— Входите, господа, — предложила Гэла. — Василий ждет вас.

И он действительно ждал. Ждал, стоя в темном углу, полностью скрывшись во мраке. В комнате невыносимо воняло гнилью, а на полу темнели пятна пролитой крови. Мортус сглотнул вставший в горле ком и решил не задавать лишних вопросов.

— Вечер добрый, — глухо проронил Васек. — Насколько мне известно, завтра мы идем за Свиностасом.

— Да, так и есть, — подтвердил Мортус.

— Давно пора, — быстро выпалил Васек, и в его безжизненном голосе послышалась живая заинтересованность. — Я больше не могу ждать! Свиностас так близко. Я чувствую его присутствие. Он там!

И Васек, вскинув руку, безошибочно указал направление выставленным вперед пальцем.

— Где он прячется, нам известно, — сказал Мортус. — Ты вроде бы утверждал, что способен прозревать сокровища. Какие сюрпризы приготовил для нас Свиностас?

— Он приготовил, — протянул Васек. — Немало сюрпризов поджидает вас в его владениях. Но все смутно. Кто-то блокирует мой взор. Кто-то не от мира сего.

Мортус и Зертус переглянулись. Обоих посетил один и тот же вопрос — не подтянул ли Свиностас на свою сторону какого-то потустороннего монстра. Кого-то, вроде их консультанта.

— Но кое-что я вижу предельно ясно, — продолжил Васек. — С запада идет большое войско. Оно уже стоит на границе нейтральной полосы. В городе, известном как Форинг...

В этот момент Васек оборвал себя и застыл, словно вспомнив что-то. Так оно и было. Живое человеческое воспоминание искрой вспыхнуло в его прогнившей душе. Воспоминание о спокойной жизни свинопасом. В те времена он был по-настоящему счастлив. Действительно счастлив. Ему нравилась та жизнь. И еще он был свободен от уз одержимости. Его не пожирала лютая жажда крови, и не влекла единственная цель, ради которой он вырвался из тьмы небытия.

— Армия, идущая с запада, — повторил Мортус. — Все ясно. Добряки, будь они прокляты. Затопчи их носорог. Я-то думал, что у нас будет небольшая фора. Эти копуши вечно собираются на войну по полгода. Но в этот раз они поторопились.

— Что там за войско? — пренебрежительно спросил Зертус. — Небось, собрали героев с приграничья. Эту потешную рать я втопчу в землю за два часа.

— Я в войсках не разбираюсь, — с некоторой долей раздражения ответил Васек. — Но это большое войско из столицы. Там рыцари, маги. Они сильны. Я чувствую, как энергия кипит в их крови. Она такая вкусная...

— Энергия? — тихо спросил Мортус.

— Кровь, разумеется.

— Войско из столицы, значит, — произнес Зертус. — В самом худшем случае это отборные силы Ангдэзии.

— Одного легиона будет маловато, чтобы справиться с ними, — проворчал Мортус. — Вот же дерьмо! Надо бы запросить второй, но времени нет. А если мы упустим демона, император насадит мою голову на кол.

— Не паникуй, справимся, — заверил его Зертус. — Нам ведь не обязательно побежать добряков. Наша цель демон и Свиностас.

— Свиностас мой! — свирепо рявкнул Васек, заставив двух злодеев в страхе отшатнуться.

— Ладно, ладно, — примирительно произнес генерал. — Мне плевать, кому он там

достанется. Но вот разгром армии Ангдэзии в нашу задачу не входит. Верно?

— В целом, да, — согласился Мортус.

— Так и не будем с ними биться. Все, что нам нужно, это увести у них из-под носа демона и Свиностаса, а затем сделать ноги. А эти болваны пусть там и остаются.

— Они ведь попытаются нам помешать, — произнес Мортус. — Ты ведь понимаешь, что они тоже идут в крепость за теми же трофеями. Им нужен демон и Свиностас.

— Свиностас мой! — вновь рявкнул Васек.

Его буквально трясло. Одно имя ненавистного Стасика лишало его контроля над собой.

— Ладно, хорошо, — сказал Мортус, с беспокойством поглядывая на жуткого консультанта. — Нам все ясно. Идем, Зертус. А вы тут отдыхайте. Завтра, чуть свет, выступаем.

— Я готов идти хоть сейчас, — сообщил Васек.

Мортус покачал головой, и они вместе с Зертусом покинули апартаменты странной парочки.

— Ну и консультанта ты себе отрыл, — проворчал генерал. — Что он такое?

— Даже знать не хочу, — буркнул Мортус. — Но, как видишь, польза от него есть. Теперь мы знаем, что добряки идут за Свиностасом. А вот они едва ли знают о том, что за ним идем и мы.

Он остановился, положил руку на плечо Зертуса и спросил:

— Дружище, скажи мне как на духу — у нас же все получится?

— Все получится, брат! — заверил его генерал. — Первый раз нам, что ли, оставлять добряков с носом.

— Надо чтобы получилось, — повторил лорд Мортус. — Очень надо. Если не получится... Император... Он....

Мортус закрыл глаза и покачал головой.

— Понимаю, — вздохнув, ответил Зертус. — Дакрос такой. Редко кому дает второй шанс, и никогда третий. Но ты не волнуйся, дружище. С тобой ведь я — лучший полководец империи. Кто не проиграл ни одного сражения?

— Ты, брат, — слабо улыбнувшись, признал Мортус.

— Верно. И что хочу тебе сказать — я и впредь не собираюсь ухудшать свою безупречную статистику.

— Хорошо бы так, — проронил Мортус невесело. — Хорошо бы так.

Ему отчаянно хотелось верить своему старому боевому товарищу, но все равно было страшно. В этот раз ему никак нельзя было обгадиться. Вообще никак. Потому что сменных штанов уже не осталось.

Глава 46

Шатер верховной волшебницы скорее напоминал миниатюрный дворец, нежели походную палатку — он был огромен и светел, а его купол вздымался на значительную высоту. Особая, пропитанная чарами, ткань, имела высокую прочность и плотность. Она отлично защищала как от палящего зноя, так и от зимней стужи, а еще, что крайне важно в походе, успешно глушила наружные шумы. За это последнее свойство Элария была особенно благодарна своему шатру. Благодаря ему она получала возможность побыть в благословенной тишине, скрывшись от несмолкаемого гвалта вставшего лагерем войска.

Одна беда — ткань шатра не умела отфильтровывать воздух, удаляя из него скверные

запахи, и это обстоятельство значительно снизило планку комфорта. Проблема заключалась даже не в том, что от воинства добра и света за версту несло потом, луком и конским навозом — с этими армейскими благовониями Элария еще могла бы смириться. Куда больше ей докучал отвратительный и пропитавший все вокруг смрад нейтральной полосы.

Даже сам воздух на этой гиблой земле был безнадежно отравлен зловонными испарениями. Раздражающий запах невозможно было перебить решительно ничем. Курящиеся благовонные свечи были полностью бессильны против него. Элария могла бы использовать магию и создать непроницаемое защитное поле, но в настоящий момент она не считала возможным отгораживаться от войска. Много в этом походе зависело именно от нее. Вместе с армией пришли и другие чародеи, их было немало, но никто из них не отличался высокой степенью мастерства и таланта. Элария лично осуществляла отбор магов для этого похода, и умышленно оставила в столице самых сильных членов братства. У волшебницы были на то свои причины. Она сочла, что концентрировать в одной точке всех лучших магов королевства, по меньшей мере, неразумно. Кто-то должен был присматривать за Ангдэзией, пока они здесь разбираются с новой угрозой. А явившихся на нейтральную полосу сил и без того достаточно. В конце концов, она же здесь. А разве не она сильнейший маг этого мира? Кому, если не ей, суждено противопоставить свою мощь мощи вызревшего на нейтральной полосе зла? На то она и верховная волшебница Ангдэзии. С нее и спрос особый. Что бы ни случалось завтра, все будут в первую очередь смотреть на нее. Она не имеет права подвести добро. Не имеет права на ошибку. Кто-то другой — возможно. Но только не она.

Блистательному войску Ангдэзии удалось достичь своей цели одним марш-броском, занявшим меньше дня. По его итогу Элария ожидала увидеть на горизонте жалкие развалины древней твердыни, но ее, как и многих других, ждал неприятный сюрприз. Никаких развалин больше не было. Над серой равниной гордо выселись недавно возведенные стены новой крепости. Вокруг них дыбился вал, а под ним темнел глубокий ров. И этим подготовленные Свиностадом сюрпризы явно не исчерпывались.

На быстро организованном военном совете Рогзар принял решение дожидаться завтрашнего утра. Верховному паладину не хотелось атаковать крепость во мраке ночи. Элария поддержала его решение. После чего получила возможность удалиться в подготовленный для нее шатер. В нем она скрылась от суеты и шума — по приказу Рогзара войско взяло крепость в кольцо. А затем старый полководец заставил молодых столичных рыцарей строить временные укрепления на случай попытки прорыва блокады. И пришлось им приняться за дело. Многие из них впервые взяли в руки лопаты. Они недовольно ворчали, недоумевая, чего это им, благородным героям, приходится срамить себя низким трудом наравне с пехотой, слугами и прочими простолюдинами. Но приказ исполнили — в короткий срок воздвигли вокруг крепости земляной вал и оборудовали на его вершине позиции для отражения возможной контратаки. По совести, львиную долю работы выполнили чародеи — своими силами рыцари провозились бы с валом несколько суток. Но и им тоже пришлось потрудиться. Затем, когда труд был завершен, на образованных позициях выставили лучников и караульных. И только после этого Рогзар позволил рыцарям заняться ужином.

Крепость Свиностада высилась безмолвной и безжизненной громадой. Ее не освещал ни один огонек. На стенах не было замечено никакого движения. Казалось, что внутри этого строения нет ничего живого. Но впечатление это было обманчивым. Злодей Свиностад

оставался в своей обители. Он не собирался убраться. Восстановленная крепость указывала на то, что этот безумный пришелец из иного мира решил дать бой силам света. Трудно было сказать, чем были продиктованы действия Свиностака — самоуверенностью, граничащей с безумием, или неким хитрым планом, на который он и делал ключевую ставку в своей дьявольской игре. Но, так или иначе, а Свиностака просчитался. С силой, что явилась по его душу, ему не совладать. И никакой коварный план ему в этом не поможет.

Элария покосилась на столик, что манил ее огромным блюдом со свежими фруктами, и поморщилась. Из-за здешнего отравленного воздуха любая пища приобретала совершенно отвратительный привкус, который быстро и надолго отшибал аппетит. Все то время, пока войско двигалось по нейтральной полосе, Элария только пила укрепляющий травяной настой, и не прикасалась к еде. Травяной настой был сам по себе тем еще лакомством. Элария готовила его по тайному рецепту своего учителя Доригера. У неподготовленного дегустатора данное пойло могло вызывать судороги и рвоту. Оно сокрушало вкусовые рецепторы и повергало в отчаяние. Зато это мудреное сочетание трав с добавлением крошечной толики магии являлось отличным тонизирующим средством. И, что самое главное, никакой смрад нейтральной полосы не мог испортить и без того отвратительного вкуса напитка.

Снаружи продолжал доноситься шум. Ржали кони, кричали люди. Где-то в отдалении отчаянно ревел голосистый ишак. Элария, привыкшая к тишине и покою своего дворца, страдальчески наморщилась. Она уже успела забыть, какая эта мука — военные мероприятия. В далекой молодости ей довелось несколько лет прослужить на границе, но с тех пор прошло немало времени. Она от всего этого отвыкла. И, что характерно, ей несколько не хотелось заново вырабатывать утраченную привычку.

Даже сквозь плотную ткань шатра и немалое расстояние, она ощущала алый жар, заревом пылающий на востоке. Там высилась крепость Свиностака, которую солдаты в шутку окрестили Свинарником. Элария не чувствовала вокруг крепости магических ловушек, но это ее не радовало. Скорее всего, ловушки были, только не содержали в себе магии. Обнаружить их, следовательно, будет непросто, если это вообще удастся сделать до того, как они сработают и отнимут чьи-то жизни.

Что касалось самой крепости, то попытка просканировать ее ни к чему не привела. Внутри находился источник дикой энергии — он сиял, как солнце, заливая все вокруг огненным жаром. Элария догадалась, что это и есть демон. Проблема заключалась в том, что демон своей могучей аурой скрывал всех остальных обитателей крепости. Элария с трудом различала какие-то точки, но не могла ни опознать их, ни классифицировать. Неведение тревожило Эларию. В крепости мог оказаться значительный контингент, притом состоящий не только из рядовых бойцов. Под сенью демонической ауры могли таиться колдуны, которые в роковой час дадут о себе знать. Ну и, конечно, где-то там, под защитой алого пламени, скрывался эпический злодей Свиностака.

Стоило подумать о Свиностаке, как Элария с неприязнью ощутила холодок страха, ползущий по ее спине. Не ей, величайшей волшебнице Ангдэзии, было бояться этого выродка. Но она ничего не могла с собой поделать. ореол таинственности создавал Свиностаку зловещую репутацию. Никто не знал о нем ничего конкретного, зато буквально каждый считал своим долгом сочинение небылиц об этом новом темном властелине. Ее служанки и молодые волшебницы захлеб пересказывали сплетни о Свиностаке. Где они их нахватились, Элария не знала. Но и ей довелось услышать несколько историй об этом

существо. И истории эти слегка взволновали ее. Потому что злодей Свиностаc мало того, что был великим извергом и сущим маньяком, так он, к тому же, был буквально повернут на женщинах. Не было конца-края разврату в его цитадели. За черными стенами древней крепости творились величайшие надругательства в истории. Горе было тем девицам, что оказывались в грязных лапах Свиностаcа. Бедняжкам предстояло пройти все круги растления и поругания. Свиностаc сам был горазд на извращения, но и его подельники не уступали начальнику в похоти. Все они только и делали, что истязали несчастных дев. Тех, что похуже, Свиностаc поручал подельникам, а самых лучших красавиц пользовал лично.

Ходили ужасающие слухи о выпоротой эльфийской принцессе. Откуда Свиностаc добыл себе эльфийку, да еще и принцессу, сказители не уточняли. Просто делали большие глаза и многозначительно цокали языком. Дескать — это же Свиностаc, он, если захочет, что угодно добудет. Вот он и добыл себе эльфийскую принцессу. Раздел бедняжку догола. Привязал к столбу. И ну стегать плетью да по эльфийской попе.

Юные волшебницы, пересказывая страдания несчастной эльфийки, аж визжали от восторга. Хотя им бы, дурехам, стоило трястись от страха. Вот Элария, к примеру, невольно бледнела, стоило ей вспомнить о несчастной эльфийке. А стоило представить себя на ее месте, как трусливая дрожь проходила по всему ее телу.

Элария не призналась бы в этом ни кому-то другому, ни даже себе самой, но с недавних пор Свиностаc начал внушать ей какой-то иррациональный ужас. Волшебнице стало казаться, что похотливый монстр положил на нее глаз. Что он задумал захватить ее в плен и подвергнуть тому же набору процедур, что и несчастную эльфийскую принцессу. Представив себе, что ее нагую привяжут к столбу и начнут стегать плетью, Элария бледнела от страха. Выдержит ли она это унижение? А ведь извращенный Свиностаc едва ли ограничится одной лишь поркой. Он сделает с ней все, что захочет. А захочет он многого.

Элария изо всех сил пыталась бороться с этим новым, пустившим корни, страхом, но чем больше прилагала усилий, дабы вымарать его из своей души, тем крепче тот цеплялся и разрастался. Верховная волшебница старалась сосредоточиться на предстоящем деле, а богатое воображение коварно подсовывало ей ужасающие картины, от которых ту начинала бить дрожь. Элария видела себя в мрачной темнице, в каменном мешке без окон, куда никогда не приникает солнечный свет. В этом холодном и сыром узилище сам воздух был пропитан смертью и болью. Первой здесь умирала надежда на избавление. То была темница Свиностаcа — место, откуда не возвращаются.

В центре камеры был установлен толстый деревянный столб. Его нижняя часть была погружена в специальный паз в полу, а верхняя закреплена железным кольцом. Этот столб был изготовлен из ствола железного дерева, прочного, как камень. Но вся его поверхность была испещрена следами отогтей и зубов. То были послания, оставленные прежними узниками, прошедшими сквозь организованный Свиностаcом ад.

Элария видела себя, привязанной к этому столбу. Голая и грязная она стояла, обхватив бревно руками. Ее запястья были скованы кандалами, и верховная волшебница, несмотря на все свое магическое искусство, не могла разорвать их. Холодный каменный пол морозил ее ступни. По обнаженному телу носились сонмы мурашек. Эларию била дрожь. Дрожь, которую она не могла унять. Ожидание грядущего кошмара было хуже любой пытки. Трясаясь от страха, Элария напряжено вслушивалась в зловещую тишину подземелья. И больше всего на свете боялась услышать приближающиеся шаги, гулким эхом разносящиеся по мрачным катакомбам. Она знала, кто должен явиться по ее душу. Она была ценным трофеем. Ничуть

не менее ценным, чем эльфийская принцесса. И достанется этот трофей самому главному извергу и злодею.

И вот в тиши подземелья зарождаются шаги. Вначале они едва слышны, но затем громкость их нарастает. Дрожь начинает бить Эларию сильнее. Она чувствует, как по ее обнаженным бедрам струится теплая жидкость. В отчаянии она дергает руками, пытаясь разорвать ненавистные кандалы, но те прочны и отзываются на все ее потуги лишь чуть слышным металлическим звоном.

А шаги звучат все ближе. Они уже за дверью. Эларии чудится, что она различает тяжелое возбужденное дыхание монстра. Свиностас явился. И он охвачен похотью.

Гремит засов. Злобно воют ржавые дверные петли. Элария понимает, что он уже внутри. Он стоит за ее спиной. Она пытается повернуть голову, но не может сделать этого. Страх парализовал верховную волшебницу. Она не находит в себе сил взглянуть в лицо этому монстру. А тот уже подходит к ней. Он громко и возбужденно сопит. Элария слышит, как на пол капает его похотливая слюна.

Затем перед ней появляется вытянутая рука. Она огромная и волосатая. Страшная рука чудовища. Длань его велика, пальцы увенчаны острыми когтями. Они сжаты в кулак и удерживают огромный толстый кожаный ремень. Видя его, Элария почти теряет сознание. Этот ремень невыносим. Верховная волшебница не может поверить в то, что сейчас это адское орудие истязания обрушится на ее нежную кожу. Хватит и одного удара, чтобы оставить кровоточащую рану, рассечь мясо и вызвать невыносимую боль.

Свиностас отступает ей за спину. Его похотливое дыхание учащается. Элария понимает, что монстр готовится нанести удар. Сейчас он отводит свою могучую руку для хорошего замаха. Вся сжавшись от ужаса, она не выдерживает и кричит:

— Не надо! Не бей меня! Я сделаю все, что ты хочешь! Пожалуйста....

— Госпожа? Госпожа?

Элария распахнула глаза и диким взглядом уставилась на молодую служанку. Та застыла перед ней, с тревогой поглядывая на верховную волшебницу.

Элария быстро огляделась по сторонам. Она в своем шатре. В окружении непобедимого войска Ангдэзии. А вовсе не в лапах садиста Свиностаса. Весь этот ужас ей то ли приснился, то ли привиделся.

— Госпожа, все ли с вами хорошо? — повторяет свой вопрос служанка.

Элария опускает взгляд на свои ладони. Они дрожат. Так сильно, что кольца с драгоценными камнями бьются друг о друга. Попытавшись унять дрожь, Элария терпит неудачу. Послевкусие ужасающего видения слишком сильно.

— Госпожа? — в третий раз обращается к ней служанка.

— Да, да, все хорошо, — отвечает Элария, к своему удовольствию отметив, что ее голос звучит ровно, без трусливой дрожи. — Я просто задремала.

— Должно быть, вам приснился скверный сон, — участливо интересуется служанка.

Элария вспоминает свое видение, и чувствует, что вновь погружается в пучину ужаса. Сон ли это? У таких могущественных существ, как она, даже сны, это не просто сны. Те, кто столь же плотно слился с магией, изредка способны прозревать будущее. Эти пророчества спонтанны и сумбурны, их нельзя спровоцировать и контролировать. Но иногда видения грядущего настигают великих чародеев в форме снов или галлюцинаций.

Элария почувствовала настолько сильный приступ страха, что едва подавила желание броситься к своей постели и спрятаться под одеяло. Одна только мысль о том, что

кошмарное видение является пророчеством, и что однажды ей суждено оказаться в похотливых лапах Свиноста, едва не свела волшебницу с ума. Она быстро встала со своего походного кресла, подошла к столику с напитками, наполнила кубок крепким вином и залпом осушила оный под удивленным взором служанки. Пока пила, слышала, как ее зубы стучат о край кубка.

Вино подействовало мгновенно, унеся с собой львиную долю страхов. Элария шумно выдохнула и попыталась очистить свой разум от всей заполнявшей его шелухи. Ей нечего бояться. Она никогда не окажется в лапах Свиноста. Такого просто не может произойти.

Она повернулась к служанке и спросила:

— Что-то случилось?

— Госпожа, магистр Рогзар просит вас прийти к нему в шатер.

— А, Рогзар....

Служанка внимательно пригляделась к своей госпоже, и участливо предложила:

— Если вам нездоровится, я могу передать посыльному....

— Нет, нет, все хорошо, — быстро перебила ее Элария.

На самом деле, ей и самой хотелось немного развеяться. Сидеть в шатре и изводить себя мыслями о Свиносте, было невыносимо.

Набросив на плечи огромную белую шаль, Элария вышла наружу. Ее шатер окружало пустое пространство, по периметру которого высились временные обиталища прочих чародеев. Миновав их, Элария очутилась посреди огромного лагеря. В нем царила обычная походная суeta. Готовился ужин, слуги выполняли тысячи возложенных на них обязанностей. Однако рыцари не спешили совлекать с себя доспехи. Их лошади тоже стояли запряженными.

На всем протяжении недолгого пути до командирского шатра Эларии непрерывно отвешивали поклоны, притом делали это как слуги, так и рыцари — выходцы из дворянских семей, иные из которых были весьма богаты и влиятельны. Одновременно с этим Элария отлично чувствовала те взгляды, коими провожали ее нескромную персону. Не требовалось иметь телепатических способностей, чтобы прочесть мысли юных рыцарей на ее счет. Любой из них хотел бы залезть к ней под юбку. Почему-то эти болваны считали, что верховная волшебница Ангдэзии и в постели обязана представлять собой нечто невероятное. Ну и сама обстановка способствовала романтическому настрою. Многим из рыцарей, особенно той их части, что впервые ступила на землю нейтральной полосы, все происходящее напоминало увлекательное приключение, о котором они впоследствии будут рассказывать друзьям и подругам. И хорошо бы все это закончилось как веселое приключение. Но Элария знала, что на подобный исход рассчитывать глупо. Им, так или иначе, придется сражаться. Свиноста со своей братией не пойдет ни на какие переговоры или сделки. Он будет стоять насмерть и утащит за собой в могилу немало жизней. Кто-то из этих прекрасных юношей, что провожали ее взглядом и с мечтательной улыбкой оценивали маняще обтянутую платьем фигуру, могут не увидеть завтрашнего заката. Но в двадцать лет не думаешь о плохом. В двадцать лет искренне веришь в свою неуязвимость. В двадцать лет кажется, что умереть могут другие, но только не ты. А ты непременно вернешься домой живым и здоровым, в блеске славы. Именно эта глупость двадцатилетних и была топливом всех войн. Заведись у юнцов немного ума, они бы сто раз подумали, прежде чем храбро мчаться в очередную мясорубку.

Штабной шатер был огромен и высок. Перед ним, на высоком древке, колыхалось на

ветру знамя Англэзии. Стражники, стоящие караулом на входе, пропустили Эларию без лишних вопросов. Все в войске знали верховную волшебницу.

Едва шагнув внутрь, Элария была оглушена гулом голосов. В командном шатре кипел жаркий спор.

Вокруг длинного стола с развернутой на нем картой склонились полтора десятка мужчин. Все они были паладинами, высокопоставленными членами ордена. Каждый руководил тем или иным подразделением. Исключение составляли двое — Ильнур и совсем юный паладин, которого Элария видела впервые. Эти двое стояли у тканевой стены и скоромно помалкивали. Было видно, что им лишь позволили присутствовать на совете, но и только. Присутствие должно было ограничиться фактическим наличием. Открывать рот, привлекать к себе внимание или, не дай бог, лезть с советами, им, конечно же, воспрещалось.

Рогзар сразу же заметил Эларию, едва та вошла в шатер. И судя по тому, как он поспешно обратился к ней, глава ордена с нетерпением поджидал волшебницу.

— А вот и госпожа Элария, — произнес он громко, и все командиры повернулись к вошедшей волшебнице. — Она-то нас и рассудит.

— Господа, вы, я думаю, переоцениваете мой полководческий талант, — скромно потупив взор, сообщила Элария.

— В данном случае — несколько, — ответил Рогзар. — Нестандартный противник нуждается в нестандартном подходе. Многие здесь предлагают атаковать крепость со всех сторон, положившись на численный перевес. Будь внутри только люди, я бы так и поступил. Но там ведь есть и это существо....

— Демон, — произнес кто-то из командиров.

— Возможно, — проворчал Рогзар. — Нечто из иного мира. Нечто могущественное. Нечто, о чем мы почти ничего не знаем. А я терпеть не могу атаковать то, о чем не имею ни малейшего понятия. Если мы начнем полномасштабный штурм своими лучшими силами, отыграть его назад не получится. И в том случае, если демон Свиноста́са сумеет преподнести нам неприятные сюрпризы, они неизбежно выльются в большие жертвы. А я этого не хочу. Не та ситуация, чтобы очертя голову бросаться в бой, не оглядываясь на потери. Мир не стоит на краю гибели. Враг не у нашего порога. Свиноста́с загнан в ловушку. Мы можем позволить себе действовать с умом и осторожностью. А что на это скажете вы, госпожа Элария?

Верховная волшебница мягко улыбнулась и произнесла:

— Я полностью с вами согласна, магистр Рогзар. Было бы преступлением посылать рыцарей на бой с демоном. Даже если они и сумеют победить его, это обойдется им дорого. Предоставьте демона чародеям. Мы выманит его наружу и уничтожим. А после этого войско сможет смело атаковать крепость.

Элария хотела добавить, что она и сама могла бы убить всех в той крепости, но волшебница знала, что паладинам это не понравится. Все они явились сюда за славой — и дерзкие юнцы, и седовласые старцы. Каждому из них хочется оказаться причастным к великой победе над темным властелином Свиноста́сом. И Элария не собиралась лишать их подобной радости. Пусть себе тешатся на здоровье. Пусть ворвутся в крепость и изрубят на куски всех, кого обнаружат внутри. Пусть отсекут голову Свиноста́са и везут ее впереди войска на пике. Она не собирается отнимать у них славу. С нее довольно, если Свиноста́с умрет. А от чьей руки — не имеет значения.

— Вы так уверенно говорите о том, что сможете совладать с этим демоном, — скрипучим голосом заговорил один из генералов. — А на чем, простите, основана ваша уверенность?

Элария наградила его милой улыбкой, а про себя подумала, что было бы нелишним все-таки показать этим олухам ее подлинную силу. Она не имела ничего против паладинов, те делали важное дело, и без них Ангдэзии пришлось бы туго. Но уж слишком большого мнения они были о себе и слишком много почестей требовали. А ведь им не мешало бы помнить, что один толковый маг в бою стоит сотни паладинов. Но в Ангдэзии отношение к магии всегда было немного настороженным, а вот паладинов любили без памяти, видя в них благородных защитников добрых людей. Причина, как полагала Элария, крылась в том, что паладин, по сути тот же воин, был более понятен черни, чем чародей со всеми его заклинаниями и чудесами. Чернь же всегда тянется к знакомому и простому, а на все, выходящее за рамки его примитивного понимания и ограниченного жизненного опыта, смотрит косо и с опаской.

— Вам не стоит беспокоиться на этот счет, — ответила Элария. — Я и другие чародеи сумеем нейтрализовать демона, или кем там является это существо. В крайнем случае, мы просто изгоним его из нашего мира.

— А если демон окажется сильнее, чем вы предполагаете? — не унимался скептик. — Значительно сильнее. Что же в этом случае?

— Едва ли такое возможно, — спокойно ответила Элария. — Будь демон настолько силен, Свиностас не стал бы сидеть в своей крепости, а ударил первым. К тому же демон восприимчив к нашей магии — это нам известно. Поэтому лично я не предвижу больших затруднений. Чародеи справятся с этим существом. И тогда паладины смогут заняться Свиностасом.

— Ну, значит, так и сделаем, — решил Рогзар. — Пусть маги выступят первыми и разберутся с демоном, а мы ударим следом.

— Первыми пойдут наши северные герои, — мрачно буркнул один из командиров. — Не забывайте.

В шатре раздались смешки. Элария тоже улыбнулась, хотя ее настроение не было слишком веселым. И все же трудно было удержаться от смеха, когда речь заходила о наемниках с севера. Эти дикари из страны льда и стужи одно время беспокоили границы Ангдэзии, пока с ними не удалось заключить некое подобие взаимовыгодного договора. Северяне жаждали геройских свершений и славной смерти в бою. Их дикая религия допускала в небесный чертог лишь тех, кто пал на поле боя с оружием в руках. Так же учитывалось количество убитых врагов и личное бесстрашие. Королевство добра пообещало предоставить северянам возможность пасть максимально геройским способом, и старалось по возможности соблюдать договор. От северных варваров не было никакой пользы в бою — они бросались в атаку неорганизованной толпой, распевая гимны и срывая с себя одежды. Самые отчаянные, нацелившиеся занять лучшие места в небесном чертоге, шли в бой нагими и с голыми руками, для верности наевшись особенных грибов, придающих им дополнительные геройские качества. Было даже немножко жалко этих безумцев, радостно бегущих на верную и бессмысленную смерть. Возможно, идя в битву первыми, сами себе они казались великими героями. Элария всегда жалела этих безмозглых оболтусов, чьи дикие верования предписывали им умереть в рассвете лет, притом умереть бесполезно и глупо.

В этот поход с войском Англэдэзии тоже пошли северяне — отряд численностью в двести с лишним голов. Это были могучие люди в мехах и кожах, чьи суровые бородатые лица выделялись странной первобытной красотой. Они держались обособленно, часто задирали всех вокруг, вели себя шумно и много пили. Все они рвались в бой. Неважно с кем и за что — едва ли северяне вообще понимали, что происходит и с какой целью они прибыли на нейтральную полосу. Все это не имело для них значения. Их волновала лишь собственная славная смерть, гарантирующая доступ в небесный чертог. Остальное было неважно.

— Ну да, да, — кивнул Рогзар. — Первыми пойдут северяне. Пусть идут. Не будем лишать их возможности умереть в бою. Их смерть никак ведь не усилит демона?

Последний вопрос был адресован Эларии. Та ответила:

— Нет, пожалуй. Если бы это существо становилось сильнее от убийства людей, оно бы не сидело на нейтральной полосе, а уже опустошало бы наши земли. Думаю, мы можем со спокойной душой позволить северянам пойти первыми.

— Ну и отлично, — решил Рогзар. — Значит, так и поступим. Первыми идут северяне, за ними чародеи, ну а мы, паладины, терпеливо ждем своей очереди. Как только демон будет повержен, покончим со Свиностаем и поставим точку в этой истории.

В этот момент Ильнур и Колька, до того смиренно стоящие у стены, начали делать разные знаки, чем пытались привлечь к себе внимание Рогзара. Тот заметил их и сказал:

— Да, да, я помню. Вы оба рветесь убить Свиностаю. У каждого из вас к нему свои счета. Так и быть, пойдете с первой волной рыцарей. Большого я для вас сделать не могу. Не пускать же вас вместе с северянами.

Ильнур кивнул головой, благодаря за оказанную честь. А вот Колька не смог промолчать.

— Да много ли останется от того Свиностаю, когда чародеи долбанут по крепости из всех орудий? — спросил он резко.

А затем, повернувшись к верховной волшебнице, выпалил:

— Госпожа Элария, прошу вас — оставьте Свиностаю мне. Я убью этого гада в вашу честь!

Элария улыбнулась этому по детски пылкому порыву юного паладина. Тот был хорош собой, и, вместе с тем, в нем чувствовалась немалая сила. Верховная волшебница решила выяснить, кто он таков.

— Постараюсь не зацепить ваш трофей, — ответила она Кольке. — Но вы должны понимать, милый юноша, что когда в дело вступают такие силы, трудно действовать с ювелирной точностью.

Рогзар громко кашлянул и произнес:

— В таком случае, принимаем этот план к действию. Давайте сделаем все чисто, господа. И с наименьшим числом жертв. Я терпеть не могу разъезжать по дворянским особнякам с известиями о смерти их сыновей. Если вы вовсе избавите меня от подобной необходимости, то я буду вам безмерно благодарен.

Дальше совещание коснулось мелких деталей предстоящей операции. Элария не видела смысла и дальше торчать в шатре. Там было душно и накурено — насколько паладинов дымили трубками, и, похоже, курить они изволили самый дешевый и вонючий табак во всей Англэдэзии. Верховная волшебница с огромным облегчением выскользнула наружу. К тому времени там уже стемнело. Но многочисленные костры огромного лагеря успешно рассеивали ночной мрак.

Вслед за ней из шатра вышел юный паладин. Он шагнул наружу так быстро, что едва не налетел на волшебницу. Впрочем, в самый последний момент Колька успел затормозить.

— Простите, госпожа, — выпалил он, быстро отступив от Эларии на шаг.

— Ничего, ничего, — улыбнулась та. — Простите, но я, кажется, не знаю вашего имени...

— Николай, — представился паладин.

— Николай, — повторила Элария.

Имя показалось ей знакомым. Оно было странным и чуждым этому миру. Похоже, паладин происходил из призванных добровольцев.

Затем она вспомнила — этот Николай происходил из того же мира, что и Свиноста. Более того, они были знакомы и в прошлом. Элария хотела побеседовать с Николаем еще в Форинге, но там не сложилось. Зато ничто не мешало сделать это сейчас, благо час был не слишком поздний, и они успеют выспаться перед завтрашней битвой, даже если немного поболтают.

— Простите, если отвлекаю вас от важных дел, — произнесла Элария, — но не могли бы вы уделить мне нескорое время. Я бы хотела кое о чем вас расспросить.

Николай не стал кривляться и клятвенно заверять, что готов посвятить верховной волшебнице все свое время без остатка, как на его месте поступили бы многие рыцари. Он ответил просто:

— Конечно. Я с радостью отвечу на все ваши вопросы.

— В таком случае, давайте проследуем в мой шатер, — улыбнувшись, предложила Элария. — Там куда спокойнее и тише, чем здесь.

— Хорошо, — улыбнулся в ответ Колька.

А про себя, тем временем, подумал, что это бабенка очень даже недурна. Не первой свежести, сразу видно, и одному богу ведомо, сколько ей лет по паспорту. Все-таки волшебница, могла наколдовать себе молодость, хоть самой уже и сотня с хвостиком. Но подобные мелочи никогда не волновали Кольку. Он оценивал женщин не по паспортным данным. Внешне же Элария выглядела лет на тридцать с небольшим, притом пребывала она в очень недурственной сохранности. Даже если сделать скидку на косметику, все равно недурна. А если учесть, что это верховная волшебница всего королевства, то такой трофей в его списке уложенных в койку баб будет настоящим украшением коллекции. К тому же он уже имел возможность убедиться в том, что чародейки весьма искусны в постели — Лаура, во всяком случае, умела много удивительных вещей. Элария, будучи верховной волшебницей всей Ангдэзии, должна, соответственно, иметь более высокую сексуальную квалификацию.

Полностью сосредоточившись на Эларии, Колька тут же выбросил из головы Альмину, которой успел наобещать жениться, любить до гроба и прочего подобного вздора. Гроб — дело неблизкое. Разве можно ограничивать себя на всю жизнь в рамках одного партнера? К тому же Колька был в этом плане легок на подъем. Он быстро влюблялся и так же быстро выходил из данного состояния. И искренне полагал, что все остальные люди устроены так же. Потому он до сих пор и не мог взять в толк, какая муха укусила Лауру. Он даже и подумать не мог, что та сбежала из Форинга из-за него. Решил, что ею двигали иные, неизвестные, причины. Да и вообще, он об этом и не парился. Лаура была пройденным этапом его жизни. А Колька никогда не оглядывался назад. Он привык смотреть вперед и смело идти в будущее, получая от жизни все самое лучшее.

Походная резиденция верховной волшебницы приятно поразила Кольку уровнем комфорта. Ему и самому грех было жаловаться — он, как паладин, жил в походе во вполне сносных условиях. У него была личная палатка, небольшая, но вполне уютная, где помещалась кровать, сундук и небольшой раскладной столик — в общем, весь необходимый минимум. А вот шатер Эларии представлял собой настоящий дворец. Ощущение огромности внутреннего пространства создавалось, в том числе, и за счет высоченного свода. Внутреннее убранство тоже радовало. В шатре стояла настоящая мебель, а не походные уроды, вроде узких кроватей и крошечных стульев, на которых помещалось не больше одной ягодицы за раз. Все это не поленились доставить на нейтральную полосу, задействовав с десяток повозок.

Столь же отрадно дело обстояло со снабжением верховной волшебницы яствами и напитками. Даже паладины в походах вкушали что придется, в основном высококалорийные, но совершенно безвкусные лепешки, солонину или, если везло, добытую и приготовленную на костре дичь. Что касалось спиртного, то на него налагался строжайший запрет. Даже в этом мире понимали, что если допустить личный состав до алкоголя, это обернется неизбежной катастрофой. Но данное правило не касалось верховной волшебницы. В ее шатре, на красивом столике, выстроились изящной формы емкости с содержимым разных цветов. Колька, который слабо разбирался в благородных сортах алкоголя, предпочитая обычное пиво, догадался, что в бутылках содержатся вины и ликеры, о коих простым смертным остается только грезить.

Заметив его заинтересованный взгляд, устремленный на амбразуру бутылок, радушная хозяйка предложила:

— Выпьешь?

Колька отрицательно мотнул головой.

— Пожалуй, откажусь, — ответил он. — Думаю, не самая лучшая идея напиваться сегодня.

Элария улыбнулась.

— Я бы не стала тебя спаивать, — сказала она, как показалось Кольке, несколько кокетливо. — В этих напитках содержится лишь толика алкоголя. А есть и такие, что не содержат его вовсе. Тонизирующие составы, вполне недурные на вкус.

— Ну, если тонизирующие, то, пожалуй, попробую, — решил Колька. — Чувствую, силы мне понадобятся.

Элария сама обслуживала гостя, заблаговременно удалив из шатра всех своих служанок. Наполнив кубок, она протянула его Кольке. Тот принял напиток, поднес к лицу и осторожно принюхался. Запах был слабым, травянистым. Он рискнул пригубить зелье, но не без опаски. В Форинге ему доводилось пивать тонизирующие травяные настои, и вкус у них всех был хуже некуда. Но Элария не держала гадости. Ее напиток оказался приятен на вкус, в меру кислый, в меру сладкий, совершенно ни на что не похожий. Он отлично утолял жажду и мгновенно снимал усталость.

— Да, неплохо, — причмокнув губами, заметил Колька. — В Форинге я такого не пробовал.

— Еще бы, — ответила Элария, многозначительно подняв брови. — Было бы странно, окажись иначе. В состав напитка входят редкие растения, что растут лишь на дальних южных островах. И еще в оранжерее моего дворца.

Колька осушил кубок и поставил его на стол. Затем повернулся к верховной волшебнице, готовясь выслушать причину своего приглашения сюда. Вряд ли Элария захотела просто поболтать с ним от скуки.

— Что ж, — заговорила Элария, — не буду скрывать — у меня есть к тебе вопросы. И они, возможно, не покажутся тебе приятными.

Колька напрягся. Уж не собирается ли волшебница винить его в ситуации с Лаурой? Сам за собой он никакой вины не видел, и вообще считал, что Лаура повела себя как истеричная дура. Однако у местных были какие-то свои средневековые представления на данный счет. Но Колька не собирался идти на поводу у отсталого общества. Он еще молод. Впереди у него целая жизнь. С какой стати он должен еще на старте закабалить себя узами брака? И потом, он ведь ничего не обещал Лауре. Они просто классно провели некоторое время, и все. Что тут непонятного?

Но когда Элария заговорила, с Колькиной души упал огромный камень. Нет, речь шла не о Лауре. Верховную волшебницу интересовал Стасик.

— Мне довелось услышать, что ты, якобы, был знаком с этим Свиностаком еще в своем родном мире, — сообщила Элария. — Так ли это?

Колька облегченно выдохнул. Он не имел ничего против того, чтобы поговорить о Стасике. Местные олухи так накрутили себя этим Свиностаком, что верили в любые небылицы о нем. Хотя тот же Колька несколько не сомневался в том, что Стасик как был, так и останется ничтожеством. Возможно, каким-то чудом ему удалось сойтись с огненным демоном. Правда, Колька не верил в то, что демон служит Стасику и выполняет его приказы. Да это же, ха-ха, просто нелепость. Чтобы кто-то стал служить этому ничтожному человеку! Да еще и могущественный демон. Безумие! Скорее ситуация имеет обратный характер — это Стасик оказался на побегушках у демона. Тот держит Стасика при себе в качестве домашнего питомца или мальчика для битья. Лишь эту роль Стасик способен исполнять на пять с плюсом.

Но сообщать все это Эларии Колька не собирался. Раз уж местным приспичило считать Стасика великим и ужасным монстром, пусть считают. Тем больше будет почестей ему, Кольке, когда он, наконец, доберется до школьного лоха и отрубит его задержавшуюся на плечах голову. Пусть все думают, что он победил ужасное чудовище, а не пустое место.

— Что ж, это правда, — произнес Колька, сделав свое лицо не просто серьезным, а даже несколько трагическим, словно затронутая тема доставляла ему нешуточную душевную боль. Она, в каком-то смысле, доставляла. Гнусный Стасик дерзнул дать ему отпор и нанес серьезную рану. И теперь Колька жаждал возмездия. Уж он этого Стасика на куски-то порубит. Притом рубить начнет с ног.

— Вот как, — произнесла Элария. — И как давно вы знакомы?

— Давно, — ответил Колька. — Многие годы.

— Вы были друзьями? — осторожно спросила верховная волшебница.

— Нет, друзьями не были. Врагами тоже. Просто я знал его, и все.

— Понятно.

Элария замолчала, всем своим видом выражая нерешительность. Она словно бы хотела коснуться какой-то темы, но все никак не решалась этого сделать. И теперь думала, как подойти к ней окольным путем.

— А каким он был, этот Свиностак? — вновь заговорила она. — Опиши его наклонности, привычки.

— С виду он был обычным человеком, — ответил Колька. — Но только с виду. Свиностас — мастер притворства. Никто не умеет так же ловко прикидываться жалким и беспомощным, как он. Однако везде, где он оказывался, случались несчастья. Но никто и никогда не связывал их со Свиностасом. Никто не мог и подумать на него. Чем Свиностас и пользовался. Лишь я один подозревал о его причастности к сотням злодейств, но у меня не было доказательств, чтобы выдвинуть обвинение.

— Какое чудовищное существо, — излишне эмоционально выдохнула Элария и невольно поежилась. — Значит, оно всегда было таким?

— Всегда, — поддакнул Колька, в душе потешаясь над доверчивой волшебницей. — Боюсь, всего о Свиностасе мы не узнаем никогда. Душа его черна, как ночь. Он давно стал воплощением зла.

— Это понятно, — кивнула Элария.

Она вновь замялась в нерешительности. Ее так и подмывало расспросить юного паладина об извращенных наклонностях Свиностаса. Верно ли, что тот имеет привычку стегать плетью плененных красавиц? Потому что если все это окажется байкой, у Эларии камень упадет с души. Будучи героиней добра, она моральна была готова и к плену, и к пыткам. Элария не питала никаких иллюзий на тему враждебной стороны. Злодеи были бы счастливы заполучить ее в свои грязные лапы. И в этих лапах ей бы не поздоровилось. Но одно дело обычные пытки, и совсем другое — унижительная и ввергающая в ужас порка. А ведь что-то подсказывало Эларии, что одной поркой этот порочный скот не ограничится.

Наконец, она осторожно спросила:

— О Свиностасе ходит немало жутких слухов. Скажи, много ли в них правды?

Колька с трудом сдержал улыбку. Он тоже наслушался этих баек, сочиненных бездельниками Форинга о Стасике. Фантазеры дали себе волю и полностью отключили тормоза. В их былинах Стасик представлял настоящим исчадьем ада, рожденным на свет под сенью грозных пророчеств и адских знамений. Он был жесток и неумолим. Злодеяниям его не было конца и края. Стасику приписывали столько сверхъестественных способностей, что оставалось лишь удивляться, как это он до сих пор не подмял по себя весь мир. По слухам Стасику служили демоны (не один, а штук уже пятнадцать или даже больше) и прочие мерзкие твари. Он умел оживлять мертвецов, подчинять себе зверей и птиц, взывал к силе стихий и приносил кровавые жертвы темным богам, с которыми состоял в кровном родстве.

Но особый пласт сказаний о Стасике составляли байки эротического содержания. Этих былин для взрослых насочиняли просто-таки чудовищное количество, и именно они доставляли слушателям особое удовольствие. Юные девушки, невинные и целомудренные особы, прямо-таки визжали от восторга, прослушивая очередную порцию вранья о развратных похождениях Свиностаса и его поделщиков. Колька, пока валялся в лазарете, тоже наслушался этих баек, и вынужден был признать, что их авторы сами являются теми еще извращенцами.

Эротические сказания о Свиностасе сводились к тому, что охваченный похотью монстр и группа его единомышленников тратили все свободное время на поиск и похищение юных непорочных дев. Похищенные девы доставлялись в крепость посреди нейтральной полосы, где и начиналось все самое интересное. Слушая эти байки, Колька не мог удержаться от смеха. Когда ему на полном серьезе задвигали о том, как одержимый похотью Свиностас стегал плетью эльфийскую принцессу, Колька хохотал до слез. Он отлично знал, что Стасик с девушками робок и застенчив, и скорее провалится сквозь землю, чем отважится подойти к

одной из них и заговорить. Представить его в образе развратного совратителя и насильника было просто невозможно.

Однако Колька прекрасно видел, что Элария воспринимает все эти нелепые байки более чем серьезно. Это было заменено по ее озабоченному и немного испуганному лицу. Колька не мог разочаровать волшебницу. Раз уж та так сильно хочет верить в ужасного Свиноста, он ей в этом поможет.

— Боюсь, что слухи, что ходят о Свиноста, трудно назвать правдивыми, — произнес Колька. — Истины в них немного.

— Правда? — с каким-то невероятным облегчением выпалила Элария. — Выходит, он не делает всего того, что ему приписывают? Я слышала одну душераздирающую историю об эльфийской принцессе, над которой Свиноста надругался самым невероятным образом. Значит, и она тоже является плодом народной фантазии?

Но Колька помрачнел и медленно покачал головой.

— Вы меня не поняли, — произнес он замогильным тоном. — Боюсь, что все истории о Свиноста не отражают и сотой доли ужасающей истины. Все намного хуже.

Элария побледнела. Хуже? Еще хуже? Это что, шутка? Куда уж хуже-то?

— Неужели это правда? — простонала она, и умоляюще взглянула на Кольку, как бы прося его — скажи, что это не так.

Но Колька был неумолим.

— Я бы мог рассказать вам о подлинных злодеяниях Свиноста, — произнес он, — но у меня язык не повернется. Эти ужасы могут свести с ума даже закаленного в боях воина. А что касается выпоротой эльфийки... Эх, если бы все обошлось только поркой. Но черная фантазия Свиноста не ведает границ. Несчастная эльфийка извела великие мучения и унижения. Я не решаюсь о них говорить — язык не поворачивается. Да и вам такое слушать незачем. Пусть вы и верховная волшебница Ангдэзии, и я несколько не сомневаюсь в силе вашего характера, но поверьте — такие страсти могут потрясти любого.

Хоть Колька и не стал вдаваться в подробности, Элария явно была потрясена. Ее лицо побледнело сильнее, а и без того большие глаза заметно расширились. Колька с изумлением отметил, что волшебница напугана. Чем же? Неужели ее так проняли байки о Стасике?

— Николай, у меня к вам будет одна просьба, — тихо произнесла Элария. — Возможно, она покажется вам странной, но я прошу вас исполнить ее.

— Для вас я готов на все! — выпалил Колька.

— Завтра ожидаются довольно бурные события, — продолжила Элария. — Я хочу, чтобы вы неотступно сопровождали меня повсюду, пока все не закончится.

— Сопровождать? — удивленно повторил Колька. — Но я не понимаю. У вас же есть охрана.

— Есть. Но я бы предпочла, чтобы подле меня был тот, кто однажды не устранился вступить со Свиноста в битву. Магия магией, однако, она решает не все и не всегда. Святой рыцарь, прикрывающий мою спину, очень бы успокоил меня. Прошу вас, соглашайтесь. Я знаю, вы рветесь в битву, рветесь скорее скрестить мечи со Свиноста. Но сейчас на кону стоит нечто большее, чем личные мотивы.

В действительности именно личные мотивы и двигали Эларией. У нее действительно имелась личная охрана — отлично подготовленные бойцы, элитные головорезы, готовые без раздумий отдать жизнь за свою госпожу. Но никто из них не сталкивался с Свиноста. А этот монстр был чем-то особенным. Чем-то, чего еще не видывал этот мир.

Колькины рассказы лишь усугубили страхи Эларии. Теперь Свиностаc рождал в ней подлинный ужас. Ей начало казаться, что подлый монстр только о том и грезит, как бы захватить ее в плен и подвергнуть порке. И не только порке. Целому комплексу ужасных процедур. Паладин Николай пощадил ее и не стал пугать подробностями, но Элария и без того поняла, что все очень плохо. Свиностаc беспощаден и страшен. Похоть его безмерна.

А еще Элария подумала вот о чем: как бы этот Свиностаc не оказался невосприимчив к магии. Элария никогда не сталкивалась ни с чем подобным, но имелась теория, доказывающая возможность существования и подобных тварей. Не в этом мире, но ведь Свиностаc и есть чужак, пришелец извне. Если дело обстоит именно так, то она окажется полностью беззащитной перед лицом охваченного похотью чудовища. И вот тут-то ей бы очень пригодился паладин, потому что против святой стали никакого иммунитета нет и быть не может.

— Прошу вас! — взмолилась Элария, прижав ладони к груди.

— Перестаньте, — строго произнес Колька. — Вам не было нужды просить меня об этом. Достаточно просто сказать, и я сделал бы это. Для меня будет честью защищать вас завтра. Если потребуется, я готов делать это до конца жизни.

Элария облегченно выдохнула и воззрилась на юного паладина с бесконечной благодарностью. Она сделала вид, будто не поняла намека, прозвучавшего в его последних словах. Хотя, разумеется, поняла. И намек этот пришелся ей по душе. Юный паладин был красив и силен. Он нравился Эларии. Если завтра все сложится благополучно, и они покончат со злом, то она вполне сможет побаловать себя небольшим романтическим приключением.

Правда, в настоящий момент Эларии очень трудно было сосредоточиться на романтике. Пока Свиностаc оставался жив, она не могла думать ни о чем, кроме тесной холодной камеры с деревянным столбом, и крепкой кожаной плетке, способной одним ударом рассечь ее нежную кожу.

«Скорее бы он сдох!» подумала Элария с несвойственной ей жестокостью. «Пусть просто сдохнет и избавит от своего присутствия наш несчастный мир!».

Но Свиностаc еще был жив. Сидел в своей крепости с шайкой поделщиков и ждал. Возможно, именно в этот момент он готовил самую большую и толстую плетку, которой намеревался стегать попавших в его лапы пленниц. Стоило подумать об этом, как у Эларии болезненно заныли ягодицы.

«Скорее бы завтрашний день» мысленно твердила верховная волшебница королевства. «Скорее бы все закончилось».

Эларию никогда не радовал вид убитых врагов, но на труп Свиностаcа она будет взирать со счастливой улыбкой на лице. Только когда она лично убедится в том, что злодей мертв, и угроза порки больше не довлеет над нею, она сможет вздохнуть спокойно.

Глава 48

День выдался удивительно ясным. Обычно над нейтральной полосой даже погода вела себя странно. Здесь редко случались солнечные дни. Чаще на небе клубились темные тучи, в пучине которых полыхали ветвистые молнии. Но в этот день словно светлые боги нарочно очистили небосвод. На нем не осталось ни пятнышка, лишь чистая голубая бесконечность. Солнечный диск залил светом унылую равнину, и в его лучах даже она преобразилась, перестав быть безнадежно мрачной землей, лишенной надежды на перемены к лучшему.

Подготовка к штурму началась затемно. Эларию, разумеется, никто не беспокоил, но верховная волшебница слышала весь шум и суету, что творились снаружи. В эту ночь ей удивительно плохо спалось. Не помогло даже зелье, дарующее успокоение и позволяющее легко выбросить из головы все отягощающие ее заботы. Элария просыпалась несколько раз за ночь, а все потому, что ее беспокоили недобрые сны. Это были не кошмары в прямом смысле слова, но какая-то вязкая и непонятная муть, пугающая своей непостижимостью. Самым скверным было то, что Элария, по пробуждению, не могла вспомнить ни один из этих снов. Но готова была дать голову на отсечение, что снился ей Свиностаc. Это он, злодей, не давал ей покоя даже во все. И сны, навеянные им, были столь же непостижимы и мрачны, как и он сам.

Последние часы перед рассветом Элария провела без сна. Она лежала на своей кровати под теплым одеялом, и слушала доносящиеся снаружи звуки. Ржали кони, звенели доспехи, лязгала сталь клинков. Человеческие голоса сливались в монотонный гул. Прикрыв глаза, Элария пожелала, чтобы все это скорее закончилось. В своих силах она не сомневалась. Ее не пугал даже демон. А вот Свиностаc....

Стоило вспомнить этого нечестивца, как по прекрасному телу волшебницы заструился холодный пот, а вслед за ним пробежала трусливая дрожь. Прежде чем Элария успела опомниться, воображение нарисовало жуткую картину — она в темной камере, привязанная к столбу, и Свиностаc, садист и маньяк, стегаящий ее крепкой плетью. Элария в страхе вцепилась в одеяло и натянула его на голову. Будь ее воля, она предпочла бы немедленно покинуть войско и вернуться в столицу. Пусть со Свиностаcом разбираются другие. Многие рвутся срубить его голову. Вот пусть и рубят. А лично она предпочла бы держаться от этого изверга на максимально возможной дистанции.

Но она не могла поступить подобным образом. Все надеялись на нее. Не только все королевское войско, не только сам король, но и вся Ангдэзия. Она не просто рядовая волшебница, не просто рыцарь. На ее плечах лежит невероятная ответственность. Она не может сбежать. Какая бы опасность ни поджидала ее в той крепости, бежать нельзя. Бегство будет означать поражение. Тем самым она покажет, что боится Свиностаcа. И вот тогда-то он, все поняв, точно явится за ней с кожаной плетью.

Элария встала прежде положенного часа. Ее служанки уже накрывали на стол и готовили боевое облачение волшебницы — снежно-белое одеяние из особой, пропитанной чарами, ткани, что по своим защитным параметрам не уступала лучшим стальным доспехам. Элария под села к столу и без особого энтузиазма взглянула на поданную ей яичницу с беконом. Аппетита не было ни грамма. Она медленно отодвинула тарелку, схватила кружку с крепким травяным чаем и осушила ее залпом.

— Госпожа, вам нужно поесть, — робко обратилась к ней одна из служанок. — Впереди тяжелый день.

Да уж, денек и впрямь намечался нелегким. Но Элария не собиралась пичкать себя через силу. Один вид жареного бекона вызывал у нее тошноту. Почему-то при взгляде на него вспомнилась боевая молодость, первое сражение, в котором она принимала участие. Вот примерно так же, как этот бекон, выглядела сожженная волшебным огнем человеческая плоть.

— Аппетита нет, — произнесла Элария и выдавила из себя улыбку. — Наверстаю упущенное, когда все закончится.

— Вряд ли это займет много времени, — рассудила служанка. — Где Свиностаcу

устоять против такой силы?

Элария поморщилась. Чего она никогда не любила, так это преждевременных победных фанфар. Верховная волшебница Ангдэзии не относилась к числу суеверных людей и не верила в дурные приметы. Она точно знала, что простой человек не в силах накликать беду обычной болтовней, если та не подкреплена мощью магии. Вот только по какой-то таинственной причине всякий раз, как кто-то бахвалился раньше времени, все кончалось полным провалом. Возможно, тут в дело вступали совершенно непостижимые и грозные силы, недоступные пониманию даже такой великой волшебницы, как Элария. Возможно, так сами боги наказывали гордецов и дураков. Или не боги, а их прямые конкуренты.

Она как раз успела облачиться в свое боевое одеяние, успела проверить, хорошо ли все подогнано и не стесняет ли движений, когда в шатер явился посланец Рогзара. Не решаясь войти внутрь, он привлек внимание к себе громким покашливанием. Одна из служанок вышла узнать, кто это там простудился снаружи, а когда возвратилась, доложила госпоже, что верховный паладин призывает ее к себе.

— Пора, значит, — произнесла Элария, беря в руку свой посох, прежде принадлежавший ее учителю Доригеру. Это была древняя, дошедшая из глубины веков, реликвия, наследие великих чародеев прошлого. посох выглядел невзрачно — старая узловатая палка, на вершине которой в стальной оправе темно поблескивал треснутый синий кристалл. Несмотря на свой обманчиво простой вид посох обладал великой силой. Только самые могущественные чародеи могли укротить его и подчинить себе. Но уж если им это удавалось, в их руках оказывалось воистину грозное оружие.

Служанки застегнули на талии Эларии широкий пояс с несколькими небольшими сумочками на нем. В сумочках покоились самые лучшие зелья, способные пригодиться в бою.

Больше добавить было нечего. Элария окинула себя взглядом, тяжело вздохнула и вышла из шатра.

Рогзар уже успел облачиться в свои доспехи — в них пожилой, битый жизнью, дядя вновь обрел свой прежний грозный облик. Украшенная золотой чеканкой сталь свирепо сверкала в лучах солнца. Рогзара окружали командиры подразделений, все немолодые, опытные воители, прошедшие немало битв. Верховный паладин отдавал им последние распоряжения.

Чуть в стороне от полководцев столпились адъютанты, слуги и два паладина из Форинга — Ильнур и Николай. Заметив последнего, Элария облегченно выдохнула. Она немного волновалась за то, что юный рыцарь забудет данное ей обещание. Но тот не сделал этого. В доспехах и при оружии он дожидался ее. Стоящий рядом с ним Ильнур выглядел немного растерянным. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. В Форинге он был главным, там он отдавал приказы и вел воинов в битву. Здесь же Ильнур явно не знал, что ему делать и к кому прибиться. Когда полководцы, получившие последние распоряжения, отошли от Рогзара, Ильнур быстро подошел к верховному паладину и о чем-то заговорил с ним. Тот выслушал его, похлопал по закованному в сталь плечу, и что-то ответил с дружеской улыбкой. Однако ответ, похоже, не слишком воодушевил Ильнура.

— А, Элария, — воскликнула Рогзар, затмив волшебницу.

Старый воин был в приподнятом настроении. Похоже, предстоящая заварушка радовала его. Засидевшись в столице, он уже и забыл, когда в последний раз скрещивал мечи с настоящим противником.

Волшебница подошла и поприветствовала Рогзара. Затем кивнула Ильнуру.

— Госпожа, — пробормотал тот, склонив голову.

— Этот Свиностас, задери его химера, просто нарасхват, — весело выпалил Рогзар. — Мне с самого утра не дают покоя. Подходят и просят пустить их в первых рядах. Так им, значит, хочется увенчать себя вечной славой победителя темного властелина. Ты не поверишь — взятки предлагают. Да какие! Один тут посулил породистого жеребца. Другой свою сестру. Вот и Ильнур туда же.

— Тоже предложил сестру? — не удержалась от шутки Элария.

Рогзар захохотал могучим басовитым смехом, а вот физиономия Ильнура как была кислой, таковой и осталась.

— У меня, к сожалению, нет сестры, — произнес он негромко. — Но есть кое-что другое. Личный счет. На моих глазах проклятый злодей Свиностас разрушил Форинг и залил кровью его улицы. Я видел все это. Видел, но не сумел предотвратить. В тот день силы зла взяли верх. И теперь я живу с этим. Живу, каждый день помня погибших жителей Форинга, которых я поклялся защищать, и не защитил. Я не могу предложить ни породистого коня, ни милую сестренку. У меня ничего нет. Но ни у кого из здешних рыцарей нет стольких же прав на голову Свиностаса, сколько есть у меня. Пока моя рука не оборвет жизнь этого чудовища, погибшие жители Форинга не обретут покоя. И моя совесть тоже не обретет.

Его речь стерла улыбки с лиц Рогзара и Эларии. Верховный паладин смущенно зафыркал и опустил взгляд. Затем он произнес:

— Ильнур, я все понимаю. И в любой другой ситуации я бы с радостью позволил тебе идти в первых рядах. Но ты же знаешь, что это самоубийство. Вот почему вперед я пускаю наемников с севера. Мне не жалко этих диких варваров. А вот своих паладинов жалко. Пусть дикари первыми ворвутся в крепость. Пусть спровоцируют демона явить себя. Тогда госпожа Элария и другие волшебники покончат с ним. И вот после этого....

— После того, как по крепости ударят чародеи, от нее не останется камня на камне, — выпалил Ильнур. — Свиностас погибнет в этой суматохе. Легко отделается. Или того хуже — сумеет унести ноги.

— Хоти он сбежать, то сбежал бы, — заметил Рогзар. — У него было достаточно времени, чтобы сделать это. Он же потратил его на восстановление крепости. Мерзавец собрался дать нам бой. Он либо совершенно бесстрашен, либо полностью безумен.

Был еще третий вариант, но Элария предпочла его не озвучивать. Просто для того, чтобы не провоцировать высшие силы.

— Послушайте, Рогзар, — обратилась Элария к верховному паладину. — Пускай Ильнур присоединится к нашему отряду. Мы пойдем сразу за северянами. Если демон выйдет из крепости, мы разберемся с ним, после чего Свиностас окажется беззащитен. И у Ильнура появится шанс свершить свою месть. Месть, право на которую я считаю безусловной.

— Да вас там и так соберется целая толпа, — проворчал Рогзар. — Маги, их охрана, ваша личная стража. Еще и паладины. Ваша задача в том, чтобы ликвидировать демона и отойти назад. Тогда мы ударим по крепости и втопчем ее в землю. Большая численность отряда ослабит его маневренность.

— Ничего, мы уж как-нибудь сманеврируем, — улыбнулась Элария. — В крайнем случае, я телепортирую всех, чтобы дать вам возможность обрушиться на крепость. И потом, с нами пойдут всего два паладина, Ильнур и его юный соратник.

Она кивком головы указала на Кольку, который смиренно стоял в сторонке и ждал

своей очереди.

— Он тоже? — спросил Рогзар. — И у него какие-то личные счеты к Свиностаку?

— И у него, — ответил Ильнур, не вдаваясь в подробности.

— Ну, хорошо, — сдался Рогзар. — От двух паладинов вреда не будет. Но запомните — никакой самодеятельности. Наша первоочередная цель, это демон. Как только он падет, Свиностак лишится своего главного оружия. Сам он, как я понял, не слишком грозный противник.

— Кто его знает, что он такое, — угрюмо проронил Ильнур. — Пока что все складывалось в его пользу.

— Возможно, ему просто везло, — заметил Рогзар. — Уж сегодня-то мы точно переломим эту тенденцию. Ну, ребята, раз все ясно, давайте начинать. Хорошо бы управиться к обеду.

Он еще раз хлопнул Ильнура по плечу, кивнул Эларии и зашагал к своим полководцам, на ходу отдавая приказы.

К ним подошел Колька и поздоровался с Эларией. Та одарила его очаровательной улыбкой. Этот сильный юный воин добавлял ей уверенности. Рядом с ним Элария боялась Свиностака чуть меньше, чем в одиночестве.

— Пора? — спросил Колька.

— Пора, — ответила Элария. — Северяне уже на старте. Слышите?

Все они замолчали и прислушались к доносящимся с края лагеря диким хоровым крикам. Варвары рвались в битву, торопясь застолбить лучшие места в небесном чертоге.

Чародеи и их охрана, а так же личные телохранители Эларии тоже были на позиции. В стороне от них, на большом участке земли между крепостью и насыпанным прошлым вечером валом выстроилась сверкающая сталью рыцарская конница.

— Ну, приступим, — тихо проронила Элария, и обратилась к одному из своих телохранителей. — Скажи северянам, что час пробил.

Крепость маячила впереди, такая же безмолвная и безлюдная, как и всю минувшую ночь. Ни одно живое существо не мелькнуло на ее стенах. Ни один огонек не выдал находящихся внутри защитников. Да и были ли они? Элария отлично ощущала затаившуюся внутри силу — грозную, могучую, дикую, чья огненная аура слепила ее своим сиянием. Это был демон. Но вот находился ли в крепости еще кто-то, Элария сказать не могла. Алая аура затмевала все и всех. Возможно, внутри их поджидал один только демон. Или не только он. В любом случае, в крепости едва ли могло находиться много защитников, хотя бы в силу небольшого ее размера.

Авангард северян затянул какую-то хоровую песню, страшно пафосную и нескладную — Элария не разбирала этого языка, но не улавливала в тексте ни намек на рифму. Ее заменяли ритмичные возгласы воинственной направленности. Похоже, эта была знаменитая песня войны, которую северяне горланили всякий раз, как собирались вступить в бой. Эти нерифмованные завывания каким-то образом придавали им мужества. Впрочем, варвары и без всяких песен готовы были броситься на кого угодно и с радостью погибнуть славной смертью. Для этих людей на первом и единственном месте стояла личная доблесть. Отличиться в сражении и пасть на поле брани — вот к чему стремился каждый из них. Только в этом случае дух героя будет допущен в небесный чертог, где ему тотчас же по прибытию отвалят много жареного мяса, пива и баб. О совместном действии в бою северяне не имели никакого понятия. Он даже наступали как стадо баранов, не пытаясь образовать

какую-либо формацию. Просто шли толпой, горланя свою дурацкую песню. Многие уже распалились настолько, что сбрасывали с себя меховые накидки и обнажали тела, покрытые татуировками и шрамами. Очень уж им не терпелось поскорее вступить в сражение и добыть великую славу. Под славой они понимали убийство как можно большего числа людей. При этом победа в сражении ни в коем случае не являлась их целью. Лишь бы отличиться в индивидуальном порядке, а там хоть трава не расти. Не важно, каков будет исход битвы. Каждый из них думал только о личном успехе и необходимости сделать все, чтобы быть допущенным в небесный чертог.

— На кой черт вообще нужны эти придурки? — донесся до ушей Элэрии голос паладина Николая. Тот, как и обещал, находился подле нее, не отходя от волшебницы ни на шаг. Даже ее личным телохранителям пришлось потесниться и уступить паладину место возле тела госпожи, хотя они и не пришли в восторг от подобного. Даже попытались остановить Кольку, но Элэрия заверила их, что лично попросила этого юного героя сопровождать ее в сегодняшнем деле.

— Северяне издавна служат Ангдэзии, — ответил ему идущий рядом Ильнур. — Эти люди ищут славы на поле боя. Ангдэзия дает им возможность найти ее.

— По-моему, от них больше шума, чем пользы, — заметил Колька.

Элэрия улыбнулась, повернула голову и сказала ему:

— Ты не вполне прав. Каждый, кто готов биться за дело добра, полезен. Нельзя обзывать этих милых варваров балластом только на том основании, что они не столь искушены в военных науках, как мы. Их искренний порыв биться за дело добра уже достоин уважения.

— Простите, я не хотел никого обидеть, — буркнул смущенный Колька.

И почти сразу же услышал голос в своей голове. Это был приятный бархатистый голос Элэрии. Звучал он внутри черепа, и Колька понял, что волшебница беседует с ним телепатически.

— Разумеется, эти северные дикари бесполезны в сражении, — сказала она уже совсем иным тоном, в котором отчетливо сквозило презрение к выходцам из страны льда. — Но глупо пренебрегать теми, кто с радостью готов сунуться первым в любую западню.

Колька мысленно усмехнулся, признавая разумную практичность героев добра. Те нашли применение даже для безмозглых дикарей.

Их отряд двигался следом за толпой варваров на некотором от него расстоянии. Маги, их охрана и небольшое число примкнувших паладинов насчитывали в сумме человек двести. Примерно такую же численность имела орда северян. А позади, сверкая сталью и оцетинившись лесом копий, стояла армия Ангдэзии. Разумеется, не вся. Рогзар счел, что для завершающего удара по злодейской обители ему хватит двух тысяч отборных рыцарей. Все остальные силы продолжали держать осаду, сомкнувшись кольцом вокруг злодейкой крепости. Верховный паладин четко дал понять, что ни один из последователей Свиноста не должен вырваться из окружения. Всех, кто попытается покинуть крепость, следует хватать и заковывать в цепи до последующего выяснения личности. И уж конечно ни в коем случае нельзя было упустить главного виновника торжества. Свиноста должен умереть. Нельзя позволить ему ускользнуть и начать все сначала. Даже если перебить всех его сторонников, этот висельник быстро найдет себе новых друзей. В мире хватает отбросов, ненавидящих всех и вся. Эти пойдут за любым, кто пообещает им возможность испортить жизнь добрым людям.

Солнце едва поднялось, а уже началась жара и духота. Элария с омерзением чувствовала капельки пота, струящиеся по ее телу. Боевое облачение было легким и удобным, но оно очень скверно вентилировалось. Приходилось терпеть это неудобство ради безопасности — плотная, пропитанная магией, ткань была прочна, как сталь рыцарских доспехов. В прохладную погоду в облачении было очень комфортно и тепло. Но не в жару. Элария представила, какой потной и вонючей она будет к концу сражения. А попотеть-то придется. В крепости ее ждал демон. Именно ее. Ей придется схватиться с этой тварью. Элария уповала лишь на то, что демон при всей своей силе окажется существом диким и необузданным, руководствующимся больше эмоциями, чем холодным расчетом. В конце концов, демоны, это воплощенная ярость. А ярость ослепляет.

Вдруг идущие впереди северяне оборвали свою песню и разразились криками. В тот же миг Элария почувствовала на своем запястье пальцы Николая. Тот схватил ее за руку и придержал на месте.

— Госпожа, подождите, — сказал он быстро. — Там что-то происходит.

На первый взгляд не происходило ничего. Но в северян будто бес вселился. Они стали сбрасывать с себя одежды, иные вообще заголялись донага, и приходили во все большее неистовство. А затем всей гурьбой бросились к крепости, оглашая равнину своим диким криком.

— Да что происходит с этими болванами? — в сердцах выпалил Ильнур.

Элария обострила свое зрение и взглянула на крепость. И наконец-то все поняла. Ворота были открыты настежь и никем не охранялись.

— Варвары увидели, что открылись ворота, — сообщила она вслух.

— Ловушка, — хором выпалили Колька, Ильнур и десяток телохранителей верховной волшебницы.

Но то, что было очевидно всем, ускользнуло от понимания северян. Или же им было просто плевать. Беспорядочной толпой неслись они к крепости. В солнечных лучах их оголенные тела сверкали каплями пота. Длинные волосы развевались на ветру. Сальные косы болтались, ударяя по мускулистым плечам и спинам. У них не было ни доспехов, ни даже щитов. А если и имелась какая-то броня, то она носила чисто ритуальный характер, вроде шлемов из медвежьих черепов. Северяне предпочитали орудовать топорами, по одному в каждой руке, или огромными дубинами, способными одним ударом смять даже самые лучшие доспехи. Эти люди, возможно, и стали бы грозной силой, имей они хоть малейшее представление о технике ведения войны. Но они не стремились к этому. Их ждал небесный чертог, пиво, мясо и неопределенное количество ядерных баб на каждого. Один из варваров поднял к губам огромный рог и мощно дунул в него. Гулкий звук, похожий на раскат грома, прокатился по равнине.

Толпа варваров с гиканьем и криками достигла крепости и начала втягиваться в распахнутые ворота. Отряд чародеев стоял на месте и наблюдал за этим. Войско позади него тоже не двигалось. Вот последний северянин вбежал внутрь, а затем створы ворот быстро захлопнулись за ним, отрезав варварам путь наружу.

— Что ж, поглядим, что будет дальше, — тихо проронила Элария.

Долго ждать не пришлось. Почти сразу же они услышали крики, но уже не полные воинственной отваги, а крики боли и ужаса. Внутри что-то происходило. Что-то нехорошее. Притом жертвами этого нехорошего стали именно северяне — это они орали и вопили, притом в этих воплях было столько страха, что даже Эларии стало не по себе. Если уж эти

фанатики испугались, то там и впрямь происходило что-то жуткое.

Все закончилось довольно быстро. Минут через пять крики смолкли, и вновь над равниной нейтральной полосы воцарились тишина. Затем Элария увидела, как медленно открываются ворота крепости. Вот в их портале появилась одинокая фигура. У верховной волшебницы тревожно екнуло сердце — неужели это он сам, собственной персоной темный властелин с ремнем в каждой руке? Но она ошиблась. Это был не Свиностас. Из ворот пошатываясь, вышел предводитель северян — огромный мускулистый великан, покрытый шерстью и татуировками. По медвежьим меркам он был даже красив. По крайней мере, Элария слышала, как ее служанки, обсуждая мужчин, неоднократно вспоминали этого исполина и таинственно хихикали, прикидывая размер достоинства этой ходящей осадной башни.

Но каков бы ни был размер того достоинства, это уже не имело значения. И достоинство, и его обладатель, отжили свое. Северянин был покрыт кровью, притом, как быстро поняла Элария, преимущественно собственной. Он вышел из ворот, преодолел незначительное расстояние, затем остановился, зашатался и рухнул на землю.

Больше из ворот не вышел никто.

— Похоже, северные герои подошли напрасно, — буркнул Колька.

И вновь юный паладин поторопился с суждениями. И, как обычно бывает в подобных случаях, ошибся. Северяне недаром сложили свои головы. Благодаря их самоубийственной смелости Элария узнала нечто важное — в крепости находились и иные силы, помимо демона. Потому что северян перебил не демон. Кто-то еще. А с учетом того, что она не ощутила мощных всплеск магии, оставалось предположить, что крепость защищают и обычные бойцы с обычным оружием. Точнее, не совсем обычные, раз за пять минут без труда перемололи две сотни северных варваров.

— Госпожа, — обратился к Эларии командир ее телохранителей. — Пускай рыцари атакуют первыми. Вы сможете поддержать их отсюда.

Элария покачала головой. Если пустить вперед рыцарей, и если демон обрушится на них, она не успеет вмешаться. Да и не сможет. Не бить же мощной магией прямо в гущу собственных войск. Так она скорее перебьет своих, чем поразит демона. Нет, пока демон жив, нельзя пускай рыцарей в крепость. Нужно выманить эту тварь и разобраться с ней. И у Эларии была одна идея, как это осуществить. Кое-что из области черной магии, мерзкое колдовство ядовитого разложения. Применение подобной магии не сделает ей чести, но ведь на кону стояло нечто большее, чем ее репутация. Свиностас должен быть уничтожен любой ценой. Поэтому она применит темные чары на крепости, поразив ее защитников. И тогда демону придется выйти, чтобы прервать ее колдовство. Тут-то все и решится.

Но для применения порчи разложения требовалось подойти заметно ближе. Это гнусное заклинание было трудоемким в создании и поддержании. На большой дистанции оно резко теряло свою эффективность.

— Вы не сможете достать демона отсюда? — спросил у нее Ильнур.

— Нет, — мотнула головой волшебница. — Он внутри крепости, где-то под землей. Я не смогу прицелиться. Вот если бы он вышел во двор, тогда, возможно, я бы попыталась. Но сам он не выйдет. Придется его заставить. Идем дальше.

— Но госпожа... — попытался возразить телохранитель.

— Дальше! — повторила Элария с нажимом. — У нас с вами есть дело. Мы обязаны его закончить.

Глава 49

До точки, с которой Элария смогла бы накрыть крепость заклинанием разложения, оставалось не более сотни шагов, когда волшебница вдруг ощутила странное и тревожное колебание наполнявшей мир энергии. Это были слабые, идущие непрерывно, волны, которые в любой другой ситуации едва ли встревожили бы Эларию. Подобный эффект мог быть вызван множеством причин и даже иметь чисто природное происхождение. Его вызывали и тектонические колебания, и движение мощных атмосферных фронтов, и даже события, случавшиеся в далеком космосе и доходящие до их мира в виде слабого, едва ощутимого, отзвука. Но здесь и сейчас Элария и мысли не допустила о том, что эти колебания никак не связаны со Свиностаем и его компанией. Похоже, источником колебаний была темная обитель подлого злодея. В ней что-то происходило. Но Элария не понимала, что именно.

Зловещая твердыня владыки зла и ужаса темнела впереди страшным угловатым исполином, все таким же обманчиво безжизненным, как и прежде. Оставалось еще немного приблизиться к ней, и тогда появиться возможность пустить в ход запретную магию. Ну, как запретную? Никто и ничто, кроме внутренних моральных принципов, не мешал Эларии использовать гнусное темное колдовство. Подобное не поощрялось, но как любил приговаривать ее выживший из ума наставник — в деле добра главное, это результат, а средства его достижения никого не волнуют. Элария не на сто процентов разделяла данную точку зрения — та казалась ей излишне беспринципной и даже, страшно сказать, злодейской. Но в данном конкретном случае именно результат стоял превыше всего. Свиностаем представлял собой слишком большую угрозу миру. Эту тварь следовало уничтожить любой ценой, даже не заикаясь о недопустимости применения тех или иных методов. И один такой запретный метод Элария как раз и собиралась пустить в ход. Ода знала, что последствия ее поступка будут ужасными. Ей уже доводилось наблюдать их. Однажды учитель Доригер применил подобную магию на ее глазах, и это действительно было страшно до ужаса и тошноты. Но Свиностаем казался волшебнице страшнее любых последствий. Какой бы отвратительной ни была запретная магия, монстр, исторгнутый чужим миром, определенно заслуживал этого.

Внезапно интенсивность колебаний резко возросла. Настолько, что их ощутила не только Элария. Прочие чародеи тоже встревожились и стали испуганно оглядываться по сторонам. Даже охрана верховной волшебницы — суровые непрошибаемые головорезы, и те почуяли приближение чего-то грозного и неотвратимого.

— Это что еще такое? — спросил Колька, вертя головой и нервно тиская рукоять меча. Он, как и остальные, тоже ощутил пульсирующий гул, звучащий, будто бы, прямо внутри мозга.

— Я не знаю, — тихо вымолвила Элария.

Ее охватило предчувствие большой беды. Волшебница вдруг поняла, что они совершили роковую ошибку, недооценив мощь Свиностаема и его пособников. А если точнее, то коварство темного властелина. Не просто так эта тварь не пыталась сбежать, вместо чего терпеливо сидела в своей крепости. Свиностаем подготовился к встрече дорогих гостей и был готов принять их со всем возможным радушием.

— Стойте! — приказала Элария.

Весь отряд тотчас же остановился. Элария поймала на себе встревоженные взгляды других чародеев. Она быстро предложила:

— Давайте отступим.

Ильнур удивленно уставился на нее.

— Отступим? — переспросил он. — Но почему? Вот же крепость. Вы ведь собирались уничтожить демона.

— Да, да, собиралась....

Эларию раздражала необходимость пускаться в долгие и нудные объяснения. Она уже как-то привыкла к тому, что все ее приказы беспрекословно исполняются. А уж здесь и сейчас любое промедление могло выйти им боком.

— Давайте отступим, — повторила она. — Все объяснения позже.

Ильнур обернулся и бросил взгляд на королевское войско, выстроившееся для атаки. Рогзар наверняка очень сильно удивится, когда они начнут отступление, так и не достигнув никакого результата. И, что главное, сам Ильнур не понимал, в чем причина этого отхода. Что такое почуяла Элария? Что могло ее напугать?

— Вы слышали приказ! — грубо рявкнул один из охранников Эларии. — Госпожа приказала отходить. Значит, отходим.

Но они не успели.

Ильнур не сразу понял, что происходит. И лишь когда один из чародеев вдруг вскрикнул и указал рукой куда-то в небо, паладин проследил за ней своим взглядом. Проследил, и обмер.

Густая клубящаяся чернота медленно наползала на ярко сияющий в небесах солнечный диск. Словно кто-то опрокинул склянку с чернилами, и теперь те, растекаясь, окрашивали все в непроницаемую тьму. Тень медленно и робко наползла на нижний край солнца, а затем начала распространяться по его поверхности. И по мере того как это происходило, дневной свет угасал, сменяясь вечерними сумерками.

— Боги! — простонал кто-то из телохранителей Эларии.

Сама верховная волшебница во все глаза взирала на гаснущее солнце и не могла вырвать себя из ступора. То, что происходило, не было ни чудом, явленным богами, ни естественным природным явлением, вроде затмения. Солнце гасло по чьей-то воле. Магия, страшная и мерзкая, неуклонно погружала мир во тьму.

Верховная волшебница приблизительно представляла себе механику данного процесса, но не могла поверить, что у кого-то хватило сил на подобный трюк. Даже огненный демон не смог бы справиться с этой задачей в одиночку. Здесь требовалась концентрация таких разношерстных сил, кои ни за что не собрать в одном месте и не подчинить единой воле. И, тем не менее, кому-то это удалось. Элария знала имя этого искусника. Он звался Свиностаком.

Эларию охватил ужас. Как же сильно она недооценила эту гнусную тварь! Свиностак был не просто черным магом, а величайшим черным магом, какого только видел этот мир. Из чего следовало, что никакая сила на свете не сможет защитить ее, Эларию, от грядущей порки в подземелье. Свиностак непременно доберется до нее, привяжет к столбу и пустит в ход плеть.

С головой уйдя в свои переживания, Элария не сразу почувствовала, как чья-то рука настойчиво трясет ее за плечо. Быстро моргнув, она повернула голову и увидела перед собой красивое, но встревоженное, лицо паладина Николая.

— Госпожа! — в третий раз повторил он.

— Да, да, я слушаю, — рассеянно проронила Элария, одним глазом косясь на солнце.

То уже наполовину скрылось под расползающейся чернотой. Мир, еще недавно залитый ярким светом, погружался во мрак. На нейтральную полосу опускалась ночь.

— Госпожа, что происходит? — спросил Николай неожиданно твердым тоном. — Что нам делать?

— Делать?

Элария оглянулась, бросив взгляд на выстроившееся войско Ангдэзии. Затем посмотрела на крепость Свиноста, все такую же мрачную и безмолвную. Ее одолевал соблазн отступить, а точнее — сбежать, но разумно ли это? Тьма, что обрушил на мир Свиноста, внушала трепет, но если сдать сейчас и позволить проклятому выродку жить, дальше станет только хуже. Они должны закончить начатое. Завершить дело, ради которого явились на нейтральную полосу. Свиноста должен умереть. И никакие его трюки, какой бы гнусный и ужасающий характер они ни несли, не отвратят этой неизбежности.

— Идем дальше, — скомандовала Элария.

Один из ее телохранителей робко напомнил:

— Госпожа, минуту назад вы говорили иное.

— Идем дальше! — повторила Элария с нажимом. — И хватит уже пререканий. Нам осталось пройти самую малость. А затем и Свиноста, и его шайке, придется несладко. Уж я вам это гарантирую.

Их отряд двинулся вперед, сквозь тонущий во тьме мир. Чернота уже на две третьих поглотила солнечный диск. Стало заметно прохладнее. Все вокруг словно пожиралось страшной, вечно голодной, темнотой.

— Что будет, когда солнце исчезнет полностью? — услышала Элария встревоженный шепот одного из чародеев.

Ей и самой хотелось бы это знать. Элария отчаянно цеплялась за надежду на то, что одной темнотой все и ограничится. Возможно, Свиноста просто пытался напугать их. Но что-то подсказывало ей, что это колдовское затмение лишь начало заготовленных злодеем сюрпризов.

Последний краешек солнечного диска какое-то время сопротивлялся напалзающей темноте, но в итоге пал и он. Непроницаемая тьма рухнула на мир.

Элария остановилась, подняла посох, и кристалл на его вершине ярко вспыхнул, рассеяв окутавший их мрак. То же самое сделали и другие чародеи. Выстроившееся позади королевское войско осветилось множеством факелов и газовых шаров.

— Еще немного, — произнесла Элария, подбадривая больше себя, нежели своих спутников. — Мы почти добрались.

И в этот момент земля, словно живая, затряслась под их ногами мелкой, набирающей ритм, дрожью. В воздух взметнулся подброшенный песок. Запрыгали мелкие камешки. Вибрация усиливалась с каждой секундой. Затем возник низкий, едва слышимый, гул, идущий откуда-то из недр.

— Что на этот раз? — выдохнул Колька.

Он уже давно обнажил меч. Святой клинок пылал в его руке ослепительной белизной.

С оглушительным грохотом и жутким, рвущим барабанные перепонки, треском земная твердь разверзлась за их спинами. Из глубоких неровных щелей в черное небо с ревом ударили плотные струи огня. Несколько чародеев и телохранителей, что оказались к огню слишком близко, страшный жар убил в одно мгновение, превратив их тела в обугленные головешки. Все остальные, повинаясь страху перед грозно ревущей стихией, беспорядочной

толпой побежали в сторону крепости.

Элария безостановочно твердила себе, что нужно взять себя в руки, успокоиться и действовать хладнокровно. Но не могла. Инстинктивный страх перед бушующим позади пламенем заставлял ее ноги нести тело вперед, прямо к логову Свиностаза.

Огонь продолжал реветь и рваться к небу огромной алой стеной. И эта стена стремительно расплзалась по широкой дуге. Жуткая сила рвала землю трещинами, из которых наружу с шумом били струи пламени. Элария вдруг поняла, что огненная стена расплзается вокруг крепости, и вскоре отрежет их отряд от остального войска. Вот тогда-то ловушка захлопнется. Они останутся одни. Рыцари не смогут пробиться к ним.

Элария резко остановилась. Один из чародеев, бегущий позади, налетел на нее и едва не сбил с ног. К счастью, оказавшийся рядом Колька поддержал ее и не позволил упасть.

— Бежим! — закричал он, схватив Эларию за руку.

— Нет! — возразила она. — Это ловушка.

Стена огня надвигалась на них, огромная и страшная, встающая до черных, лишенных света, небес. Песок и камень плавилась перед ней и растекались лавой, земля лопалась и шла трещинами. В грохоте бушующего пламени слышался жуткий нечеловеческий голос, роняющий страшные слова неведомого языка.

Элария повернулась лицом к огненной стене и медленно подняла свой посох. Остальные чародеи, как зачарованные, наблюдали за своей предводительницей, жадно ловя каждый ее жест.

Губы Эларии дрогнули, скороговоркой роняя слова заклинания. Посох в ее руках ощутимо нагрелся, обжигая ладони даже сквозь ткань перчаток. Кристалл на его вершине вспыхнул ярким синим сиянием, которое быстро набрало силу. Колька невольно поднял ладонь к лицу, заслоняя глаза от слепящего света. А огонь продолжал надвигаться. Его жар уже опалял волосы Эларии и обжигал ее кожу. Пот градом катился по телу верховной волшебницы, а глаза слезились от набегающих волн жара. Но она не дрогнула и закончила заклинание. А затем с гортанным выкриком выбросил посох вперед, словно нанося удар копьем. Кристалл ослепительно вспыхнул, и страшная сила, высвобожденная верховной волшебницей, ринулась навстречу пламени. Она столкнулась с огненной стеной с таким оглушительным грохотом, что все, включая Ильнура и Кольку, невольно присели и зажал ладонями уши. Земля содрогнулась, вспучиваясь и лопаясь трещинами. Огненные языки бессильно извивались и ревели, но больше не двигались ни вперед, ни в стороны.

Элария застыла в напряженной позе, с поднятым перед собой посохом. Ей приходилось прилагать все силы, чтобы удерживать на месте эту яростно бушующую стихию. Она чувствовала чуждую злобу и ненависть, и понимала, что ощущает присутствие демона. Тот был разгневан, столкнувшись с равным себе по силе противником.

— Госпожа? — закричал Колька, подбегая к Эларии.

— Не прикасайся ко мне! — сквозь зубы выплюнула та чужим злобным голосом.

Юному паладину и впрямь не стоило этого делать. Тело верховной волшебницы превратилось в проводник чудовищной магической энергии, прикосновение к которому стало бы фатальным для любого живого существа.

Колька застыл перед ней, потрясенно глядя на стену огня, что бессильно билась о невидимую магическую преграду.

— Что мне делать? — прокричал он. — Как мне вам помочь?

— Защищай меня! — не оборачиваясь, бросила Элария.

Колька все понял. Верховная волшебница отдавала все свои силы на борьбу со стихией, оставаясь беззащитной для любых иных угроз. А те, скорее всего, не заставят себя ждать.

В этот момент до Колькиного слуха донесся грохот копыт и крики всадников. Он увидел небольшой отряд рыцарей, несущийся сквозь оставшуюся брешь в огненной стене. Впереди, низко пригнувшись к конской шее, мчался Рогзар. За ним едва поспевали еще полторы сотни всадников.

— Куда их демоны несут? — ужаснулся Ильнур. — Они же не успеют!

Стена огня медленно, но неотвратимо, смыкалась, беря крепость в сплошное кольцо. Даже вся мощь Эларии не могла полностью остановить движение пламени. Всадники неслись к последней и самой широкой брешу. Ильнур невольно схватила за голову. Он был уверен, что они не успеют. Огненные края сомкнутся прежде, чем они проскочат, и тогда все эти герои обратятся в прах и расплавленный металл.

Элария краем глаза заметила всадников. Она напрягла все силы, пытаясь удержать края огненной стены, и ей удалось немного замедлить их встречное движение. Рогзар первым пронесся сквозь брешь, за ним прорвались и другие. Почти все. Трех последним паладинам не повезло. Огненные стены сомкнулись как раз в тот момент, когда они преодолевали брешь. Пламя жадно поглотил их, и несчастные сгнули в нем, обратившись в пепел.

Рогзар и его люди подскакали к магам. Верховный паладин, в мирной жизни больше похожий на расслабленного доброшного дядюшку, в боевой остановке был тверд и решителен.

— Стену создает демон! — прокричал он, не спрашивая, а констатируя очевидный факт. — Если не убьем эту тварь, то рано или поздно все изжаримся. За мной, в крепость. Покончим со всеми, кто окажется внутри.

Он взглянул на Эларию, застывшую с поднятым перед собой посохом. Кристалл на его вершине ярко сиял и сыпал синими искрами.

— Сколько еще продержишься? — быстро и по-деловому спросил верховный паладин.

— Не трать время! — сквозь зубы процедила волшебница. — Ступай и убей их!

Она покосилась на своих телохранителей и бросила:

— Идите с ним.

— Но госпожа... — попытался возразить один из них.

— Идите! — повторила Элария. — Здесь вы ничем не сможете помочь. Паладин Николай останется со мной. Этого довольно.

Рогзар вскинул меч и указал им на ворота крепости.

— Маги! — взревел он. — Освободите нам проход. А затем расступитесь в сторону. Сейчас я покажу вам, что такое добро с кулаками и большим святым мечом.

Чародеи уже приготовились разнести ворота, когда створы их дрогнули, и начали открываться сами.

— Ага! — радостно усмехнулся Рогзар, с неожиданной легкостью удерживаясь на лихо гарцующем под ним коне. — Свиностаc решил почтить нас своим личным присутствием. Ну, кто там хотел заполучить его голову? Поспешите, ребятки, а иначе я сам добуду этот ценный трофей.

Он пришпорил коня и помчался к распахнутым настежь воротам. Его рыцари устремились следом. Ильнур и пешие чародеи приотстали, но верховный паладин Форинга мчался в атаку так быстро, как только мог. Голова Свиностаcа должна была достаться ему и только ему. Только так он сумеет восстановить справедливость и свершить праведную месть.

А иначе до конца жизни придется мучиться чувством вины. Ильнуру этого не хотелось.

Кольке стоило немало труда остаться подле Эларии и не последовать примеру боевых товарищей. У него тоже имелся зуб на Свиноста, да еще какой. Колька полагал, что его зуб будет побольше, чем у прочих — всем зубам зуб. Гнусный Стасик едва не оттяпал ему все хозяйство. Колька рвался отплатить ему той же монетой — тоже оттяпать, а после насладиться агонией мерзавца. Но он нашел в себе силы не потерять головы.

— Спасибо, — тихо обронила Элария, заметившая, что юный паладин продолжает находиться рядом и прикрывает ей спину.

— Не отвлекайтесь, — посоветовал ей Колька. — Не тратьте силы на разговоры со мной.

Он со страхом взирал на огненную стену, что кольцом охватила всю крепость Свиноста. По ту сторону осталось несметное воинство Ангдэзии, а здесь лишь горстка героев. Зато героев первосортных. Может быть, и их силы хватит, чтобы покончить со Стасиком и его огненной зверюшкой.

Рогзар вместе с рыцарями был уже у распахнутых ворот. Ни демоны, ни Свиноста, ни иные ужасы, не страшили отважного паладина. Рогзар прожил долгую жизнь, и на всем ее протяжении не выпускал из рук меча. Ему доводилось рубиться и с войсками темной империи, и с разбойниками, и с такими чудовищами, от одного вида коих волосы поднимались дыбом. Свиноста был для него очередным монстром, не более того. Как и его ручной демон. Никакой это не темный властелин, и не всеильное злое божество. Хороший удар меча, и Свиноста отправится в небытие, где ему и место. Именно так Рогзар и собирался поступить. Неважно, кто там претендовал на голову этой твари. Он сам покончит с ней и положит всему этому конец. Разве он не верховный паладин? Разве не его обязанность защищать королевство от любых угроз?

Ворота были прямо перед ним, гостеприимно распахнутые и никем не обороняемые. Рогзар ухмыльнулся и занес над собой меч, намереваясь с ходу рубануть первого же врага, что попытается встать на его пути.

И такой враг не заставил себя ждать. Из ворот, навстречу верховному паладину, вдруг выбежал огромный мускулистый мужик, покрытый страшными шрамами. Грязно-белые волосы развевались за ним, как хвост кометы. На плече он нес чудовищный двуручный меч совершенно непотребной величины. Мужик разверз уста, и из его глотки хлынул боевой клич настолько яростный и жуткий, что он заставил коня Рогзара слегка сбавить ход.

Верховный паладин безжалостно пришпорил глупую скотину, привстал на стременах и замахнулся мечом. Здоровяк несся прямо на него, продолжая жутко орать. В последний момент, когда Рогзар уже собирался обрушить оружие на голову наглеца, здоровяк резко рухнул на колени и пустил свой огромный меч параллельно земле. Тяжелый черный клинок пронесся сквозь конские ноги, перерубив их, словно сухие тростинки. Животное отчаянно заржало от боли, а в следующую секунду Рогзар грохнулся наземь и вылетел из седла. Ударом из него едва не вышибло дух. Рядом, страшно крича, бился в агонии боевой конь, молотя в воздухе обрубками ног, из которых тугими струями хлестала кровь.

Рогзар закашлялся и попытался встать. Его рука нащупала рукоять меча, и пальцы охватили ее. Он поднял голову. исполинский здоровяк уже мчался на строй рыцарей, продолжая жутко орать и потрясать чудовищным мечом. И он был далеко не одинок. Из распахнутых ворот крепости выбегали и другие люди — да и люди ли? Жуткие, вооруженные до зубов, головорезы, какие-то уродцы в лохмотьях, хохочущие, орущие,

воюющие на все лады. Один из них, натуральный разбойник с большой дороги, бросился к Рогзару, поигрывая парой кинжалов. На его уродливом рябом лице играла маниакальная улыбка сладкоежки, добравшегося до бочки с вареньем.

Рогзар рывком взвился на ноги и вскинул меч. Тип с кинжалами сделал выпад, и тут же отпрянул, едва не лишившись руки. Рогзар криво ухмыльнулся. Он уже достаточно пришел в себя, чтобы с полной самоотдачей заняться любимым делом.

Разбойник вновь бросился на него. Рогзар сделал вид, что остутился и вот-вот упадет, а когда злодей повелся на этот трюк, и потерял осторожность, наотмашь рубанул мечом. Святой клинок со свистом пронесся сквозь шею противника. Рябой не успел даже вскрикнуть — его голова, кувыркаясь, покатила по земле. Из обрубка шеи вверх ударили струи крови. Тело рухнуло под ноги верховному паладину.

— С почином! — криво усмехнулся Рогзар, переступая через еще дергающийся обезглавленный труп.

К тому моменту его паладины уже вступили в битву с выбежавшим из крепости сбродом. Сразу стало ясно, что головорезы Свиностаса и близко не ровня святым рыцарям. Те решительно теснили злодеев обратно в крепость. Головорезы отступали, организованно втягиваясь в ворота. Оставалось сделать последнее усилие, и силы добра ворвутся во внутренний двор.

В этот момент игла беспокойства кольнула Рогзара. Во всем происходящем было что-то знакомое. Действия злодеев подозрительно напоминали атаку с последующим отступлением и заманиванием противника вглубь собственных укрепленных позиций. Туда, где его уже ждут с взведенными арбалетами, осколочными бомбами, черной магией и прочими разносолами.

— Стоять! — срывая голос, заорал Рогзар.

С тем же успехом он мог бы попытаться перекричать ураган. Никто его не услышал, никто не обратил на него внимания. Паладины яростно теснили злодеев в крепостные ворота. Те были все ближе.

Казалось, злодеи вот-вот дрогнут и обратятся в паническое бегство. Окрыленные паладины усилили натиск. И в этот самый момент на стенах крепости с многоголосым криком появились гоблины. Их были сотни. Не теряя времени, они тут же обрушили на паладинов целый град стрел, камней и дротиков. Большая часть этих снарядов бессильно отскакивала от стальной брони рыцарей, но некоторые достигали своей цели, выбивая всадников из седел или ранив лошадей. Люди Свиностаса, почти зашедшие в крепость, предприняли контратаку. В узких воротах завязался жестокий бой.

Уклоняясь от летящих сверху стрел и камней, Рогзар заспешил в самую гущу схватки.

Глава 50

— Опоздали, вашу мать! — сквозь зубы выплюнул лорд Мортус.

Он отнял от лица оптическую трубу и гневно сплюнул комок горькой слюны на серую почву нейтральной полосы. Здешний отравленный воздух отставлял во рту неприятный кисло-тухлый привкус. Но куда более кислыми оказались последние новости. Они опоздали. Добряки опередили их. Огромное войско Ангдэзии уже обложило логово Свиностаса. Стоило отдать им должное — обложили на совесть. Не поленились полностью сомкнуть кольцо осады, не позабыв и о возможной внешней угрозе — насыпали вал, выставили дозорных. Возможно, они о чем-то подозревали и ждали незваных гостей. Или просто

приняли все возможные меры предосторожности во избежание неприятных сюрпризов.

Об атаке на укрепления добряков не могло быть и речи. Только не теми силами, что располагал Мортус. Император, видимо, не подумал о том, что его слуге придется бодаться со всей военной мощью королевства добра, иначе дал бы ему не один легион, а сразу штуки четыре. Но даже будь и они, эти самые четыре легиона, которых, к слову, не было, лорд Мортус еще сто раз бы подумал, прежде чем бросаться в бой. Потому что далеко не только численность личного состава решала все в бою. Магия могла сыграть в сражении ключевую роль, а в этом плане у добряков все было даже слишком хорошо.

Так уж повелось исстари, что империя Кранг-дан располагала большими людскими ресурсами и могла мобилизовать под копье огромный по численности контингент. Причиной тому была политика, издревле проводимая правителями темной империи. Те всячески поощряли деторождение и нежно пеклись о росте демографии. Правда, делали они это в свойственной злодеям манере. Например, одним из действенных методов повышения людского поголовья были бригады внезапного отцовства. Сформированные из солдат команды численностью от десятков до сотен голов пускались в рейды по деревням и городкам с полным карт-бланшем на насильственное опыление всех пойманных лиц женского пола. Благодаря этим набегам численность населения империи неуклонно росла. Ни ведущаяся сотни лет война, ни регулярно случающиеся эпидемии, не были в силах изменить этой тенденции. Кранг-дан располагал неизмеримо большим людским ресурсом, и если бы дело заключалось только в нем, давно бы одержал победу в войне, тупо завалив противника мясом. В то время как в Ангдэзии людишки спаривались и давали потомство исключительно по собственной инициативе, темная империя производила своих граждан самыми решительными и эффективными методами. Каждый император считал должным придумать нечто новенькое, способное улучшить национальную демографию. Налоги на бездетные семьи имели грабительский размер, и люди просто вынуждены были обзаводиться потомством под страхом разорения. Брачный возраст неуклонно снижался, достигнув уже десяти лет. С другой стороны, тех, кто отличился на ниве производства свежего мяса для передовой, изредка поощряли. Семейной паре, нарожавшей значительный выводок, могли с помпой подарить что-нибудь полезное в хозяйстве — корову, лошадь или нескольких поросят. Иногда таких ударников частично освобождали от налогов.

Одна беда — данная политика хорошо работала на количество, но неизменно приводила к снижению качества человеческого ресурса. Соблазниться коровой или свиньей, и ради этого ценного приза нарожать дюжину отпрысков, могли разве что нищие крестьяне. Они и давали основной человеческий приплод. В то время как образованная и обеспеченная часть населения напротив, считала многодетность уделом черни и всячески стремилась не уподобляться грязным простолюдинам. И вот тут-то крылся главный подводный камень демографической политики империи. Крестьяне рожали много детей, но все они были крестьянами. Из них получались хорошие солдаты — неприхотливые, выносливые, готовые вытерпеть самые скотские условия и питаться хоть травой. Но выше солдата прыгнуть им было трудно. Мало кто из них был способен преодолеть пропасть, разделяющую обычного пехотинца и черного рыцаря. Но если проблему нехватки черных рыцарей кое-как решали путем их производства в тайных лабораториях империи, то производить толковых магов не умели. Толковым магом можно было только родиться. Точнее говоря, сначала им нужно было родиться. Затем кто-то должен был разглядеть способности потенциального колдуна. Следом кто-то должен был организовать его обучение, длительное и дорогостоящее. В

столице и нескольких крупных городах система выявления талантливых детей была налажена неплохо. Но только не в сельской глухомани. Никому и в голову не приходило проверять деревенских детей на магические способности. Люди, занятые этим ремеслом, относились к высокому сословию, и испытывали к крестьянам смесь презрения и брезгливости. Вполне возможно, что где-нибудь в глухой деревушке на самой окраине империи прямо сейчас бегал, в чем мать родила, величайший чародей эпохи, которого только и нужно, что взять под руки и повести по нужному пути. Но некому было седлать этого. А потому все, на что мог рассчитывать величайший чародей, это на случайное пробуждение своих способностей, которые он все равно не сумеет толком использовать без надлежащего обучения.

Уже очень давно в империи Кранг-дан не рождались по-настоящему могущественные колдуны. Талантливых чародеев хватало, были и очень даже талантливые. Но великих не случалось. А вот у их заклятых врагов все обстояло строго наоборот. Численность населения Ангдэзии была заметно ниже, но это компенсировалось двумя факторами — более высоким качеством магов и доступом к иным мирам, откуда добряки черпали добровольцев для войны. Добровольцы доставляли немало проблем злодеям — эти искатели приключений постоянно орудовали на нейтральной полосе, иногда достигая рубежей Кранг-дана и устраивая на них набеги. Приходилось содержать большую пограничную стражу и множество крепостей вдоль нейтральной полосы, чтобы отбивать частые набеги. При этом добряки были в своем репертуаре. Когда они устраивали вылазку на вражескую территорию и учиняли там погром и резню, то величали это доблестным подвигом во славу добра и света. Но стоило злодеям отплатить им той же монетой, как поднимался дикий вой о преступном зверстве, немыслимом ужасе, и вообще, нас-то за что?

Но призванных героев еще можно было как-то терпеть. В конце концов, в глобальном масштабе они представляли собой не такую уж и значимую силу. Другое дело — великие маги. С этими ребятами шутки были плохи. Иные из них обладали просто-таки чудовищной силой. И пусть великих магов никогда не было много, обычно один или два за раз, даже их было достаточно, чтобы уравновесить чашу весов.

И вот прямо сейчас, вместе с войском Ангдэзии, подле крепости подлого самозванца Свиностака находился единственный великий чародей этого мира. Точнее — чародейка. Элария. В темной империи каждый знал это имя. Люди попроще пугали ею своих детей. Те, что поумнее, горько вздыхали о том, что в империи Кранг-дан уже много лет не рождались столь же могущественные колдуны. Будь на стороне зла некто, подобный Эларии, и война бы закончилась в считанные дни. Имперская пропаганда величала великим колуном Дакроса Безжалостного, но это было сильным преувеличением. Император действительно был искусным магом, компенсировавшим недостаток природного таланта годами напряженного обучения. Но и ему было далеко до Эларии.

О том, что верховная волшебница Ангдэзии тоже прибыла на нейтральную полосу и собралась принять участие в уничтожении Свиностака, Мортусу сообщил Кригортус. Глава колдовского подразделения оказался не таким уж и болваном. Мортус был о нем худшего мнения. Но юнец приятно удивил его. Он учуял Эларию раньше, чем она его, и принял меры. Колдуны своими совместными усилиями сумели скрыть злодейское войско от добряков. Правда, для этого им пришлось остановиться от тех на приличном расстоянии. Подходить ближе было опасно — в этом случае их обязательно засекут, и тогда.... Тогда все будет кончено. Вряд ли стоит рассчитывать на честную битву сталь в сталь. Более вероятно, что им

навстречу выйдет Элария и пяток ее коллег, и сделают что-нибудь страшное. Что-нибудь такое, после чего от Безжалостного легиона и лорда Мортуса останутся только воспоминания.

— Вот же зараза! — процедил лорд Мортус, злобно глядя на далекие вражеские позиции. Те были хорошо видны, благо погода этим утречком выдалась ясная, а на небе не было заметно ни единого облачка. Не денек — сказка. В такой день самое оно сойтись на поле брани да как следует порубиться с врагами. Вот только едва ли добряки захотят честно помериться силой. А испытывать на собственной шкуре всю мощь магии Эларии Мортусу что-то не хотелось.

Не будь на его шее удавки в виде прямого императорского приказа, он бы уже давно повернул обратно. Мортус не был безумным фанатиком, готовым с радостью ринуться навстречу верной смерти. Но в том-то и дело, что позади его тоже ждала она. В смысле — смерть. Притом не факт, что легкая и быстрая. Если он явится в Черный Ургорт без демона, Дакрос точно сделает с ним что-нибудь ужасное. Свиностас-то ладно. Императору вполне будет довольно новости, что эта тварь была зверски убита и долго страдала перед смертью. Но вот демон... демон ему очень даже нужен. Мортус даже догадывался, для какой цели.

Пока Мортус предавался тягостным раздумьям, тщетно пытаясь придумать такой план, по результатам коего он бы остался живым и на свободе, Грыжа Антрекотовна беспокоило бродила по лагерю и исходила на бессильную ярость. Любящее сердце подсказывало ей, что похищенный супруг там, в крепости, в плену у мерзкой разлучницы. Тоска по любимому была невыносима. Грыжу несколько не смущало огромное войско, стоящее между ней и пропавшим мужем. Она бы уже давно пошла на прорыв, пошла бы в одиночку, если бы не прямой запрет Мортуса.

— Да сколько же можно ждать? — рычала Грыжа, и все, кто оказывался рядом с ней, в страхе шарахались от страшной смертоносной бабы.

Грыжа опасалась худшего. Нет, не того, что муж не доживет до ее появления. Это-то ладно. Это пустяк. Но если свершится чудовищное надругательство над семейным очагом, если произойдет измена.... О, Грыжа даже представить себе не могла, что она сделает в данном случае. Ясное дело, что виновники злодеяния умрут страшно и больно — это не обсуждалось. Скорее всего, умрут и другие люди, те, что окажутся рядом и просто случайные прохожие. Но и этого казалось Грыже мало. За свою поруганную любовь она будет страшно мстить. Кому именно — не важно. Но таков путь. Она повесит на гвоздь свой фартук, оставит кухонную службу, и ступит на тропу кровавой мести. Прольются реки крови, протянутся мили кишок. Многие будут убиты и съедены. Но Грыжа не преставала надеяться на лучшее. Она верила в своего супруга. Тот стойкий, он не променяет ее ни на какую тощую пигалицу. Он не допустит осквернения семейного очага. Но если вдруг он сделает это....

— Сударыня, что вы тут мечитесь кругами? — вдруг услышала Грыжа чей-то недовольный голос.

Она с трудом заставила себя отвлечься от мрачных дум и сконцентрироваться на авторе прозвучавших слов. Им оказался один из офицеров легиона. В своих вороненых латах черного рыцаря, с огромным мечом за спиной и суровым лицом ветерана множества битв, он, может быть, и выглядел бы грозно, но только не на фоне Грыжи. В сравнении с кухаркой тот был тщедушным заморышем. И еще изрядным дураком. В противном случае он ни за что не стал бы тревожить Грыжу Антрекотовну в час ее тоски по утраченному супругу.

— Сударыня, прижмите где-нибудь свою пятую точку, — развязно потребовал

офицер. — Вы своими маневрами пугаете личный состав.

Грыжа какое-то время пристально взирала на наглеца, затем медленно подалась вперед и произнесла таким тоном, что в доспехах черного рыцаря послышалось тихое журчание.

— Слушай сюда, пельмень, — проронила Грыжа. — Услышу от тебя еще хоть слово — съем.

Побледневший офицер быстро попятился от Грыжи. Рот его приоткрылся — он явно хотел что-то сказать. Хотел, но успешно передумал. Потому что в словах кухарки он услышал правду и только правду. Она действительно собиралась его съесть. И обязательно сделает это, пророни он хоть слово.

Зертус присоединился к Мортусу, и они вместе обсудили сложившееся положение. Оба сошлись на том, что биться в таких условиях невозможно, как и незаметно проникнуть в крепость.

— Но ведь должен же быть какой-то способ оказаться внутри до начала штурма! — выпалил Мортус в гневе.

Он просто не мог спокойно стоять и смотреть на то, как добряки собираются прикончить Свиноста́са и его демона. Потому что смерть этой парочки будет и его, Мортуса, смертью. Император выразился на этот счет предельно ясно — либо он, Мортус, возвращается с трофеями, либо может вообще не возвращаться.

И вдруг за его спиной прозвучал жуткий безжизненный голос:

— Способ есть.

Мортус обернулся. Позади него стоял зловещий консультант, весь в черном одеянии, будто смерть. Рядом топталась его бледная спутница.

— Что ты сейчас сказал? — переспросил Мортус.

Васек повторил:

— Способ есть. Я могу провести нас внутрь.

— Ты знаешь тайный путь? — удивился Зертус. — Откуда? И что за путь такой?

Васек ушел от прямого ответа. Он лишь уклончиво бросил:

— Могу провести. И проведу.

— Так-так, — протянул Мортус. — Очень интересно. А Свиноста́су известно об этом пути? Не подготовил ли он нам парочку гадких сюрпризов?

Стоило вспомнить имя Свиноста́са, как физиономия консультанта, и без того откровенно страшная, перекосилась еще больше. Ее кошмарный вид заставил всех попятиться от Васька. Того сотрясала дрожь, и Мортус только сейчас заметил, что консультант держится из последних сил. Держится, чтобы не сорваться, и не сделать... чего-то. Мортус даже знать не хотел, чего именно.

— Он не знает, — медленно вымолвил Васек, с огромным трудом возвратив над собой контроль.

— Если все так, как ты говоришь, — продолжил Мортус, — мы сможем тайно проникнуть в крепость и опередить добряков.

Он взглянул на небо. То уже начало светлеть. Близилось утро. Мортус предпочел бы пробраться в крепость под покровом тьмы, но ждать до следующей ночи было нельзя. Он подозревал, что добряки атакуют крепость грядущим днем. Чтобы их опередить, следовало действовать прямо сейчас.

— А как далеко от крепости вход в твой тайный лаз? — спросил он Васька. — Днем нас не заметят со стен?

— Не заметят, — ответил Васек.

Зертус взглянул на Мортуса и спросил:

— Что ты задумал, дружище? Хочешь отправиться внутрь с малым отрядом и добыть Свиноста и демона?

— Да, — ответил Мортус. — Иного способа я не вижу. Мы должны опередить добряков. Как только они начнут штурм, все будет кончено. Крепость, сам видишь, какая. Долго она не продержится. Да и не думаю, что внутри засело много защитников. Нам бы только успеть.

Зертус тоже взглянул на крепость, и на лагерь добряков, взявших твердыню в кольцо осады. Над лагерем поднимались многочисленные струи дыма — добряки готовили завтрак.

— В крайнем случае, я тебя прикрою, — пообещал Зертус. — Удар в тыл станет большим сюрпризом для увлеченных штурмом добряков. А я просто-таки обожаю делать сюрпризы добрым людям.

Мортус усмехнулся. Он тоже любил удивлять добрых людей. Удивлять до смерти.

— Лишь бы мои колдуны не подвели, — проворчал он. — Лишь бы сумели справиться с демоном. Не хотелось бы повторно вкусить его гнева.

На сбор отряда не ушло много времени. Мортус взял с собой верного Трокуса и два десятка лучших черных рыцарей. Кригортус отобрал дюжину самых толковых колдунов, оставив остальных поддерживать завесу невидимости, скрывающую их войско от глаз добряков. В отряд, разумеется, был включен жуткий консультант и его помощница. Васек попытался оставить Гэлу в лагере, но та уперлась.

— Там будет опасно, — равнодушным голосом проронил Васек.

На самом деле, его мало волновала судьба Гэлы. Стоя на пороге осуществления своего предназначения, он просто не мог думать ни о чем другом. И все же ему не хотелось, чтобы спутница ни за что погибла в грядущей заварушке.

— Смерть меня не страшит! — выпалила Гэла, и ее глаза дико засверкали на бледном лице. — Если я умру в твоих объятиях, то смерть будет сладка для меня, словно мед. Давай же сольемся воедино на черной перине погибели.

Выслушав ее, Васек не стал настаивать на своем. Если уж Гэла мечтала о смерти, то было бы странно препятствовать ей в ее желании.

Последней к отряду примкнула Грыжа. Она просто подошла и встала рядом со всеми. И никто не рискнул спросить, что делает кухарка среди воинов и магов. Один взгляд на перекошенное супружеской яростью лицо Грыжи отшибал все желание приставать к этой сильной и независимой женщине с расспросами.

Уже рассвело, когда отряд выдвинулся в путь. Васек повел их не к крепости, а куда-то в сторону. Шли пешком, двигаясь так, чтобы складки местности скрывали их от взглядов дозорных на стенах твердыни и в лагере добряков.

— Надеюсь, консультант действительно знает путь, а не морочит нам голову, — проворчал Трокус.

Мортус смолчал. Но в глубине души он тоже на это надеялся. Ему было не по себе от мысли, что он полностью доверился какой-то неведомой твари. Если Васек подведет его, весь план пойдет насмарку. Добряки первыми доберутся до Свиноста и его демона, а он, Мортус, вскоре окажется в застенках императорской темницы. Или, как вариант, подается в бег. А куда ему податься? Разве что сюда, на нейтральную полосу. Мортус предпочел бы славную смерть в бою, чем жалкое существование изгоя и беглеца.

Они успели отшагать приличное расстояние, когда Васек вдруг остановился. Встали и

остальные.

— Здесь, — сказал Васек. — Это место подойдет.

Мортус огляделся по сторонам. Вокруг была все та же серая земля, холмы, впадины и черная жижа на дне воронок. Никаких намеков на вход в тайное подземелье не наблюдалось.

Он уже собрался строго спросить консультанта, не шутит ли тот шуточки, но в этот момент Васек начал действовать. Он вдруг рухнул на колени, и погрузил пальцы в серую почву нейтральной полосы. Затем его черные губы шевельнулись. С них посыпались слова. Мортус, прислушавшись, похолодел от ужаса. Это был какой-то кошмарный язык, одно звучание коего заставляло волосы вставать дыбом, а мочевого пузыря сжиматься до размера наперстка.

Затем стало еще страшнее. Земля под пальцами Васька начала чернеть. Чернота стремительно расползлась, поглощая все больший участок почвы. Все в страхе попятнулись от нее. Даже на вечно надменном лице Кригортуса возникло выражение ужаса.

— Что ты делаешь, нежить? — выпалил Мортус.

Одна лишь Гэла не сдвинулась с места. И когда чернота поглотила землю под ее ногами, даже не повела бровью.

Трокус взглянул на своего господина. В его глазах явственно читался вопрос — а не пора ли рвать когти? Мортусу тоже казалось, что пора. Он начал подозревать, что зловещий консультант заманил их в ловушку. А на самом деле, уж не служит ли он Свиностапу?

Вдруг почерневшая земля зашевелилась, и Мортус с ужасом увидел нечто, копошащееся в ее толще. Нечто белое, живое, отвратительное. В какой-то момент ему показалось, что он наблюдает огромных белых червей, пожирателей трупов. Но это были не черви. Это были кости. Руки мертвецов копошились в земле, быстро разгребая ее в стороны. Работали они споро. На глазах изумленных наблюдателей на ровном месте начал образовываться земляной тоннель, уводящий куда-то вниз. Он все ширился, пока не приобрел те размеры, что позволяли взрослому человеку идти по нему, не пригибая головы. Костяные руки, исполнив свое дело, застыли на стенах и своде, сцепившись вместе и предотвращая обрушение грунта.

Васек медленно поднялся на ноги, повернулся к Мортусу и произнес холодным мертвым голосом:

— Вот и путь. Идем же.

— Прямо вот туда? — пискнул Кригортус, с которого демонстрация неведомого колдовства сбила всю спесь. — Что это за магия, нежить?

— Идем, — повторил Васек, по-прежнему обращаясь к Мортусу.

Тому понадобилось какое-то время, чтобы вернуть себе самообладание. Да уж, непростой ему попался консультант. Но, похоже, Васек все-таки был на его стороне, и это откровенно радовало Мортуса. Хватит ему и демона, с которым предстоит бодаться. Если бы к Свиностапу примкнул и зловещий консультант, стало бы совсем невмоготу.

— Да, идем, — скомандовал Мортус. — Все за мной!

Васек с Гэлой первыми ступили в прорытую костяными руками нору. Мортус с Трокусом последовали за ними. А затем потянулся и остальной отряд. И черным рыцарям, и колдунам было не по себе в этом тоннеле, который удерживался в целости только силой сцепившихся воедино костяных рук. И только Грыже Антрекотовне все было нипочем. Плевать она хотела на черную магию и прочие странности. Все ее мысли были о пропавшем муже и о грядущем воссоединении любящих сердец.

Какое-то время тоннель шел под углом, а затем выровнялся. Колдуны зажгли несколько

магических шаров, которыми освещали путь себе и остальным. Только Васек, что шагал впереди, не нуждался ни в каком освещении. Для его мертвых глаз тьма ничем не отличалась от света. Он прекрасно видел все.

Тоннель, проложенный в земле магией консультанта, пробил себе дорогу сквозь старые могилы. Судя по их обилию, вся нейтральная полоса представляла собой одно огромное кладбище. Из земляных стен выглядывали кости и черепа, иные облаченные в изъеденные ржавчиной доспехи. Попадались гнилые доски, некогда бывшие гробами, и обломки каменных саркофагов. В одном месте тоннель наткнулся на большой глиняный кувшин, наполненный золотыми монетами. Кувшин разбился, сокровище просыпалось под ноги идущим людям. Но никто не соблазнился блеском золота. Более того, на россыпь монет старались даже не ступать ногами. Все потому, что сокровище могло быть проклято. А в прежние времена умели проклинать. Хорошее проклятие сохраняло свои силы и спустя тысячу лет. И горе тому, кто позарится на оскверненное черной магией золотишко.

Внезапно земляной пол под ногами злодеев дрогнул. Костяные стены шевельнулись, и сквозь сцепленные руки мертвецов на головы черным рыцарям и колунам посыпался грунт. Лорд Мортус ощутил энергетический всплеск и быстро взглянул на Кригортуса. Тот, как и прочие колуны, испуганно озирался и что-то бормотал.

— Что это было? — спросил Мортус. — Заклинание? Кто-то что-то наколдовал?

— Что-то мощное, — поежился Кригортус, трусливо глядя на костяной потолок тоннеля.

— Уж не Элария ли? — забеспокоился лорд черного замка.

Если верховная чародейка Англэзии опередит их, и долбанет по крепости, на трофеи рассчитывать не придется. Но Кригортус отрицательно мотнул головой и сказал:

— Тут что-то другое. Но я не понимаю, что именно.

— Свиностас, мать его дьяволица! — выплюнул Трокус. — Помяните мое слово — он, подлец, затеял свою черную ворожбу. Молвят, он великий чернокнижник. И еще эльфиек порет.

— Эльфийку выпороть не грех, — буркнул Мортус и взглянул на своего консультанта. — Эй, любезный. Ты не в курсе, что там делается снаружи?

— Мы идем или нет? — раздраженно спросил Васек, пропустив вопрос мимо ушей.

— Идем, идем, — согласился Мортус. — У нас одна дорога.

Васек зашагал вперед, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Цель его была все ближе. Он ощущал ее сквозь толщу земли, костей и камня. Свиностас был рядом. Еще немного, и он доберется до него. Весь охваченный предвкушением близости долгожданной встречи, Васек не сразу расслышал прозвучавший за спиной вопрос. Лишь когда Гэла тронула его за плечо, он обратил на нее внимание.

— Что? — прохрипел он. — Что на этот раз?

— Я спросил, далеко ли еще? — повторил свой вопрос лорд Мортус.

Ему, как и всем остальным, было чертовски неуютно в этой земляной норе.

— Мы почти на месте, — ответил Васек. — Еще немного.

И он не соврал. Вскоре на их пути возникла преграда — каменная стена, сложенная из огромных блоков. Земляной тоннель упирался прямо в нее.

Васек мог бы справиться и со стеной, но это потребовало бы слишком больших затрат энергии. А энергия ему требовалась для иной цели. Поэтому он шагнул в сторону, пропуская вперед Кригортуса. Тот поплевал на ладони, вскинул руки и направил их на стену. Какое-то

время ничего не происходило. А затем камень начал рассыпаться, будто блоки были сформированы из кое-как спрессованного песка. Вскоре в стене образовалась прореха достаточной величины, чтобы в нее смог пройти любой из их отряда, даже боец таких эпических габаритов, как Грыжа Антрекотовна.

— За этой стеной подземелье, — произнес Васек. — Крепость над нами.

Мортус медленно потащил из ножен меч. Черные рыцари последовали его примеру.

— Запомните, — произнес лорд Мортус, — наша первоочередная цель — захват и пленение демона. Второстепенная цель — Свиностас.

— Свиностас мой! — рявкнул Васек, заставив всех отшатнуться от себя. Даже Гэла невольно попятилась от своего возлюбленного.

— Ладно, как скажешь, — буркнул Мортус. — Короче, берем только демона. Остальных в расход. Убивайте всех, кого встретите. Но не увлекайтесь.

С этими словами Мортус первым протиснулся в проделанную Кригортусом брешь.

Глава 51

Мортус первым оказался в подземелье крепости. Трокус, громко пыхтя, едва поспевал за своим повелителем. Им обоим на пятки наступала несчастная в своем супружестве Грыжа Антрекотовна, чья семейная идиллия была варварски разрушена внешними силами.

Первый подземный зал был пуст и темен. В нем не оказалось ничего, кроме древней пыли на полу, и паутин в углах. Мортус бегом преодолел его, и на всем ходу ворвался в следующее помещение. Точнее, почти ворвался. Но в последний момент владетель черного замка успел затормозить, схватившись рукой за стену. Спустя мгновение в его спину тяжело врезался Трокус.

— Скорее! — выпалила подоспевшая Грыжа. — Любящее сердце неспокойно. Муж мой в большой опасности.

— Тихо! — злобно шикнул Мортус на кухарку. — Назад! Все назад!

В зале было темно, хоть глаз коли. Однако Мортус, будучи черным рыцарем, был обучен кое-каким азам колдовства. В основном его арсенал ограничивался боевыми чарами, усиливающими физические атаки, но за долгие годы непрерывной злодейской практики он сумел выработать неплохое чутье на разные скверные колдовские штуки. Оно неоднократно выручало Мортуса, когда на его жизненном пути вставали магические ловушки, незаметные простому глазу. Вот и теперь чутье не подвело. Оно вовремя предупредило об опасности, поджидающей впереди.

Мортус попятился, спиной тесня Трокуса и Грыжу. В этот момент их настиг остальной отряд. Мортус заметил среди колдунов вечно надменную рожу Кригортуса, и обратился к нему:

— Уважаемый чародей, не соблаговолите ли пойти первым?

— Я пойду! — шагнул вперед Васек.

— Да погоди ты! — осадил его Мортус. — Сдохнуть, что ли, торопишься?

— Я уже! — прорычал Васек, заставив владетеля черного замка в страхе отшатнуться.

— Так, спокойно, — потребовал Кригортус высокомерно, словно обращался к расшалившейся детворе. — Что там? Ловушка?

— Вот ты и скажи, — предложил ему Мортус. — Ты у нас, вроде как, эксперт в области магии.

И он демонстративно отступил в сторону, давая Кригортусу дорогу.

Колдун приблизился к двери и осторожно заглянул внутрь. Какое-то время он недвижимо стоял в напряженной позе, а затем повернул к отряду свою физиономию. Та претерпела заметные перемены. Вместо надменной мины на ней проступило выражение изумления и испуга.

— Невероятно! — выпалил он. — Руна Единства. Я читал об этом, но никогда такого не видел.

— Что за руна? — быстро спросил Трокус. — Она опасна?

— Подобная магия опасна в любом случае, — медленно произнес молодой колдун. — Но едва ли ее разместили здесь ради нас.

— Да что там еще за руна такая? — ворчливо спросил Мортус.

— Колдовской ритуал, объединяющий силы нескольких магов. Этим способом можно сконцентрировать в одних руках огромную мощь, и совершить то, на что у одного чародея никогда не хватило бы сил. Это опасная магия, рискованная. Мало кто решится на подобную процедуру. Я бы, к примеру, ни за что не пошел на такое.

— Свиностас горазд и на большее, — буркнул Трокус. — Этому только дай волю, уж он наколдует.

— Так мы сможем пройти через то помещение? — нетерпеливо спросил Мортус. — Эта руна, она не убьет нас?

— Ее уже использовали, — ответил Кригортус. — Свиностас и его поделщики пустили в ход какую-то очень мощную магию. Но руна еще активна. Слишком большая сила прошла через нее. Она будет остывать еще несколько часов.

— Так можно пройти или нет? — прорычал Мортус, который меньше всего на свете был расположен выслушивать лекции о черной магии.

— Если только осторожно и по стеночке, — неуверенно ответил Кригортус. — Руна лежит в центре помещения. Ее не увидеть. Но она там. Если вам дорога жизнь, не вздумайте приближаться к ней. Лучше вообще не смотрите в ту сторону.

— Вот ты, приятель, нам дорогу и покажешь, — хлопнув колдуна по плечу, сказал Трокус. — Ступай-ка, что ли, братец первым.

— Я? — побледнел Кригортус. — Но ведь мое дело демон....

— Ты его здесь видишь? — зло спросил Мортус у колдуна. — Дуй вперед и не выделывайся.

— Пустите меня, я пойду! — рванулась к двери Грыжа. — Больше не могу выносить разлуку с благоверным! Сердце исстрадалось.

Мортус решительным жестом остановил ее. И ее, и рвущегося вперед Васька. Не сказать, чтобы он так уж пекся об их жизнях. В особенности ему было наплевать на мрачного консультанта и его бледную подружку. Но Мортус понимал — если Васек влетит в руну, может произойти все, что угодно. С магией, особенно могущественной магией, шутки плохи.

— Иди! — сказал Мортус Кригортусу. — Время поджигает.

Колдун медленно шагнул в дверь. Его посох слабо светился, выхватывая из темноты каменный пол и стены, сложенные из огромных гранитных блоков. К одной из стен Кригортус прижался спиной, да так плотно, что все расслышали громкий шелест ткани его мантии. Расслышали и еще один звук — дробное постукивание костяного происхождения. Это зубы заносчивого колдуна выбивали мелодичный ритм.

Кригортус медленно двинулся вдоль стены, стараясь не отлепляться от нее ни на дюйм.

При этом он диким взглядом смотрел куда-то перед собой, в центр комнаты. Мортус прекрасно видел, что там ничего нет. Точнее, нет того, что можно увидеть глазами. А вот колдовское чутье нашептывало ему иное. Там лежала эта чертова руна. Руна, которую Свиностаc использовал для объединения всех колдовских сил. И что же он сделал с этой силой? На какое злодейство употребил? Мортусу стало не по себе. Что он увидит снаружи, когда покинет подземелье? Да и осталось ли там хоть что-то? Вот так вылезешь на поверхность, а там уже конец света. Или что-то похуже.

Мортус двинулся следом за Кригортусом, за ним Трокус и Грыжа. Шли по стеночке, прижимаясь к ней спиной и руками. Мортусу все время казалось, что в центре помещения на полу он видит нечто — какую-то бесформенную черную лужу. Та то появлялась, то исчезала, и вполне могла оказаться игрой воображения. Но всякий раз, как Мортус замечал ее, его тело охватывала болезненная слабость, а голова начинала кружиться.

— Не смотрите! — прохрипел он. — Не смотрите на эту дрянь!

Этого он мог бы и не говорить. Его отряд состоял из опытных и бывалых злодеев, успевших повидать всякого. Но куда без паршивой овцы? Одна юная ведьма не сумела побороть вспыхнувшего любопытства. Она жадно уставилась в центр комнаты, словно увидела там нечто, полностью захватившее ее внимание. Несколько долгих секунд она таращилась в пустоту, а затем вдруг отлепилась от стены и шагнула вперед.

Все произошло так быстро, что Мортус не успел ничего рассмотреть. Он лишь заметил нечто черное и маслянистое, мелькнувшее в полумраке. А вслед за этим по полу с противным чавкающим звуком рассыпались рваные куски окровавленной человечины.

— Сказал же — не смотрите! — прорычал Мортус. — Как дети малые.

Юная ведьма стала единственной потерей отряда. Остальным хватило ума не таращиться на черное пятно в центре помещения.

Других сюрпризов подземелье им не преподнесло. Да и само оно вскоре закончилось. Они очутились у подножия каменной лестницы, спиралью уходящей вверх. И уже здесь Мортус расслышал доносящийся снаружи шум битвы.

— Там уже потеха в самом разгаре, — отметил владетель черного замка.

— Похоже, добряки еще не пробились внутрь, — сказал Трокус. — В крепости больше защитников, чем мы думали.

Они зашагали вверх по ступеням. Черные рыцари обнажили мечи, колдуны подняли свои посохи, готовясь пустить в ход боевую магию. Но тут, обгоняя всех, вперед вырвался Васек. Он почти бежал вверх, перепрыгивая через три ступени. Гэла едва поспевала за ним.

— Куда ты? — сдавленно выкрикнул Мортус, успев схватить консультанта за плечо.

Тот резко обернулся, и Мортус поспешно отдернул руку. Страшное мертвое лицо глядело на него пустыми белыми глазами. В нос лорду черного замка шибануло тошнотворной трупной вонью. Васек выглядел хуже обычного. Он уже давно не пил крови, отчего все больше приобретал вид мерзкого гниющего трупа.

— Не удерживай меня, человек! — прорычал Васек, оскалив черные гнилые зубы.

— У нас с тобой договор, — напомнил Мортус.

— Разве я не помог тебе проникнуть в крепость? — спросил Васек. — Остальное сделаешь сам. А у меня свое дело.

Мортус открыл рот, собираясь возразить, но Васек опередил его.

— Не пытайся меня удержать! — прошипел он страшным голосом, от которого и у черных рыцарей и у колдунов мурашки побежали по спинам. — Моя цель близка. И кто

встанет между нею и мной, пожалеет об этом.

— Ладно, как скажешь, — тихо ответил Мортус. — Ступай, делай свои дела. Мы тут как-нибудь сами....

Васек развернулся и помчался вверх по ступеням. Гэла, громко дыша, заспешила следом за ним.

— Затопчи бобер этого консультанта! — выпалил Мортус. — Я надеялся, он подсобит нам с демоном.

— Мне не нужна помощь какой-то нежити, — заявил Кригортус, успевший возвратиться себе свое высокомерие. Правда, старался он зря. Мортус отлично помнил, как побледнел и перетрусил этот фрукт в подземелье, рядом с лежащей на полу руной. И это его император отправил ловить демона! Да ему в самый раз охотиться с сачком на бабочек.

— В общем, так, — сказал Мортус, повернувшись к своим людям. — У нас приказ захватить Свиностаса и его демона. Но мы сосредоточимся на демоне. Свиностас... да хрен с ним! Пусть он достается Ваську. Так что....

В этот момент мимо Мортуса с шумом пронеслось огромное, пышущее тоской по любимому, тело Грыжи. Лорд черного замка даже не попытался остановить кухарку. Он скорее встал бы на пути Васька, чем Грыжи Антрекотовны, разлученной с мужем.

— Держаться вместе, ворон не считать, — добавил Мортус. — Ищем демона. Остальное нас не волнует. Если кто-то атакует нас, будем отбиваться, но сами в драку не полезем. А теперь давайте найдем эту проклятую огненную тварь.

Отряд заспешил вверх по лестнице. Их никто не встречал. С каждым шагом шум кипящей поблизости битвы делался все громче, обрастая дополнительными звуковыми подробностями. Монотонный гомон распался на отдельные фрагменты — вопли, ругательства, угрозы, проклятия. Звон клинков тонул в грохоте взрывов — похоже, в ход пошла боевая магия. Пальцы Мортуса крепче обхватили рукоять меча. В этой крепости ему было не по себе. С ней у него были связаны скверные воспоминания. В прошлый раз ему крепко досталось здесь. И лишь благодаря помощи, оказанной добряками, он вообще остался в живых. А все этот демон! Нет, все этот Свиностас!

Лестница кончилась, сменившись узкими коридорами. Мортус быстро шел первым, слыша за собой шаги соратников. Он ждал, что вот-вот увидит впереди солнечный свет, но тот и не думал возникать. А затем коридор вдруг оборвался, и Мортус не сразу понял, что оказался во дворе крепости.

Он застыл на месте, не в силах понять того, что происходит. Вокруг было темно, будто самой глубокой и страшной ночью. И в этой тьме, озаренной вспышками заклинаний и редкими крапинками факелов, кипела яростная битва.

— А где солнце? — спросил Мортус, и этот вопрос не показался ему глупым.

Он задрал голову и увидел над собой бескрайнюю черноту. Дневное светило исчезло.

Лорд черного замка почувствовал, как его обычно твердые шары сжимаются и убавляют в размере. Что происходит? Где солнце? Почему мир погрузился в ужасающую тьму?

Рядом с собой он услышал потрясенный голос Трокуса:

— Мать моя! А чего тут так темно?

Во двор высыпали черные рыцари и колдуны. Все они были обескуражены и растеряны. Они спустились под землю ясным погожим утречком, а выбрались наружу во тьме глубокой ночи. Да и нет, не ночь это была. Это была чернота, упавшая на мир подобно секире палача.

— Ма... магия, — проблеял Кригортус, вновь утративший свою надменную

невозмутимость. — Что они сделали? Зачем?

Мортус тоже хотел бы это знать. Какое жуткое колдовство пустил в ход Свиностас? И к чему все это приведет? Неужели все те глупые слухи, что ходили о нем, были правдивы. Что, дескать, Свиностас жаждет только одного — сгубить этот мир раз и навсегда. Ибо он губитель миров и пожиратель жизни. Прежде Мортус считал подобные басни бредом темных людишек. Но теперь он изменил свое мнение. Да и трудно было не изменить. Вот же она, тьма, пожравшая солнце. И гибель всего сущего не за горами.

Пока злодейский отряд топтался на месте и пытался прийти в себя, их заметили. Весь двор кишел вооруженными людьми, судя по виду — кончеными разбойниками. На стенах бесновались гоблины, швыряя наружу камни и дротики. В ответ им прилетали заклинания, с грохотом сносящие каменные зубцы и пачками сбрасывающие гоблинов вниз.

Мортус с трудом разглядел в темноте распахнутые ворота, и обнаружил, что в их проеме кипит зверская резня. Кто с кем сражается, было неясно. Но Мортус знал наверняка, что здесь у него союзников нет.

Вдруг поблизости прозвучал мощный женский бас:

— Эй! Смотрите! Тут какие-то чужаки!

Мортус вздрогнул и повернул голову. На него указывала топором огромная мускулистая женщина с суровым лицом закаленной в боях воительницы. Подле нее оказались и другие любители пустить кровушку что добряку, что злодею. Один из них радостно выпалил:

— Эгей! Да это черные рыцари. А ну, братцы, на ножи их!

Призыв нашел отклик во многих сердцах. На столпившийся у стены отряд бросилась целая толпа головорезов. У самого виска Мортуса просвистел брошенный нож. Второй нож с хрустом вонзился в глаз одному из черных рыцарей, и тот рухнул под ноги своим товарищам. А в следующую секунду на них налетела вооруженная орда.

Мортус вскинул меч и парировал сразу три нацеленных в него удара. Натренированное тело само сделало все как надо. Пока мозг владетеля черного замка пребывал в смятении, отточенные годами рефлексy исправно выполняли свою работу.

Черные рыцари быстро стряхнули с себя оцепенение. Головорезам удалось убить троих из них, но затем замешательство злодеев прошло. Что бы ни стало с миром, какую бы судьбу ни уготовил ему безжалостный Свиностас, сейчас им нужно было биться за свои жизни.

Зазвенела сталь клинков. Темноту озарили вспышки магии — колдуны тоже вступили в дело. Мортус отбил вражеский клинок, а затем с гортанным выкриком ударил сам. Черный меч нашел чужое мясо. Короткий, полный боли, крик, сменился предсмертным воем. Мортус ухмыльнулся. Все-таки любил он битву. Любил за ее простоту и предельную ясность. Все в бою было проще некуда — вот свои, вот чужие. Чужих руби, своих прикрывай.

Еще один клинок попытался достать его, бессильно скользя по вороненому нагруднику. Мортус вновь ударил мечом, и вновь попал — еще один предсмертный крик обласкал его слух.

«Сейчас порубим этих оборванцев, а затем найдем и демона» подумал он, отражая новый выпад.

Он поймал взглядом Кригортуса. Колдун забился в самый тыл, прижавшись спиной к стене, и в бой не вступал. Похоже, юнец берег силы для встречи с демоном. Что ж, это было разумно с его стороны. Пусть оставит демона себе. А врагов из плоти и крови Мортус порубит и сам. Его хлебом не корми, дай покромсать кого-нибудь любимым проклятым мечом. А уж добряки ли это, или люди Свиностаса, не имеет значения.

Глава 52

Грыжа Антрекотовна неслась по коридорам старой крепости сгустком неуголимой ярости. Любящее сердце подсказывало ей, что семейный очаг находится в страшной опасности. Ее подло похищенный муж был близко — Грыжа чуяла это. Желание воссоединиться с возлюбленным соперничало со стремлением рвать и калечить. Грыжа немного опасалась того, что ее вспыльчивый характер может случайно оборвать семейное счастье. Умом-то она понимала, что мужа похитили против его воли. Своей воли у Андиса не осталось — ее успешно сломала обожаемая супруга. Но Грыжу терзали сомнения. А вдруг часть вины лежит и на муже? Что-то не больно-то он сопротивлялся похищению. Ушел как миленький. В их семейном гнездышке в подземелье черного замка Грыжа не обнаружила никаких следов яростной борьбы за верность. Мужа не тащили силой, не вязали по рукам и ногам. Его поманили, и он ушел. А это ведь практически добровольная измена.

Грыжа не знала, сумеет ли она простить своего благоверного. Конечно, он свое получит. Но смогут ли зверские и продолжительные побои искупить совершенное им предательство?

И все же Грыжа старалась не винить своего мужа ни в чем, предпочитая считать его больше жертвой, чем преступником. Всю вину она возлагала на мерзкую разлучницу, тощую пигалицу, которую по-хорошему следовало удавить при первой встрече. Эта она увела чужого мужа. И хорошо, если просто увела. Возможно, семейный очаг уже непоправимо осквернен так, что не отмоешь его никакой кровью. В таком случае умрут все — муж, разлучница, еще кто-нибудь. Грянет великая и страшная месть.

— Муж! — взревела Грыжа, и эхо ее грозного рева прокатилось по узким мрачным коридорам крепости. Прокатилось далеко, и было услышано адресатом.

Интуиция не подвела Грыжу. Ее мужа вновь пытались похитить, теперь уже у новой владелицы. Но в этот раз Андис не спешил послушно идти за похитительницей, словно козлик на веревочке. Он мертвой хваткой вцепился в ножку кровати, и сколько Матрена ни пыталась оторвать его от нее, у нее ничего не выходило.

— Красавчик, да в чем дело-то? — возмущенно пыхла она, ухватив Андиса за ноги и таща на себя. Тело паладина поднялось над полом, вытянувшись, как струна. Матрена тянула изо всех сил, используя в качестве противовеса свой массивный зад. Андис зарычал сквозь стиснутые зубы, но рук не разжал. Матрена, сдавшись, выпустила его ноги, и паладин шлепнулся на пол.

— Красавчик, это уже не смешно! — строго сказала Матрена. — Пойми — тебе крупно повезло. У тебя серьезные конкуренты. Один эльфийский принц чего стоит.

Сохрани Андис жалкие крохи рассудка, он бы с радостью послал Матрену хоть к эльфийскому принцу, хоть еще куда-нибудь, лишь бы от себя подальше. Но будучи погруженным в пучину безумия, Андис только и мог, что протяжно выть от ужаса и судорожно цепляться за ножку кровати. Он не замечал ничего, что делалось вокруг. Не знал о начавшейся битве. И к своему большому счастью, не ведал о том, что его незаконная супруга уже идет за ним. Но одно он знал точно — он никуда не хочет идти с этой женщиной, столь пугающе напоминавшей ему Грыжу Антрекотовну.

— Красавчик, я теряю терпение, — подбочившись, сообщила Матрена. — И почему это я пляшу вокруг тебя? Ты должен делать это. Ты, и еще эльфийский принц — где его только черти носят?

Она склонилась над Андисом и вновь попыталась оторвать его от кровати. Тот заскулил

и крепче жжал пальцы.

— Вот ты, значит, как, — сердито бросила Матрена. — Сам напросился.

Ее рука скользнула под Андиса и пальцы с безжалостной силой обхватили несчастное хозяйство бывшего паладина. Глаза страдальца полезли на лоб. С уст сорвался протяжный стон.

— Последний раз прошу! — предупредила Матрена. — Не вынуждай меня делать тебе больно.

Андис покрылся холодным потом. Это была любимая фраза его жены. Она звучала сотню раз на дню. Грыжа постоянно приговаривала — не вынуждай меня делать тебе больно. А затем делала. И делала с радостью.

Пальцы Андиса разжались, и он выпустил ножку кровати. Торжествующая Матрена оттащила рыдающего паладина от ложа и потребовала:

— Идем, красавчик. Здесь нам делать нечего. В этой крепости одни уроды, а я заслуживаю лучшего. Где-то ждет меня дворец.

Андис поднялся на ноги. Его пошатывало. Он со страхом глядел на эту женщину, столь похожую на Грыжу. Матрене, конечно, было далеко до верховной кухарки черного замка, но определенное внешнее сходство, безусловно, прослеживалось.

— Снаружи какой-то шум, — сказала Матрена, чьи барабанные перепонки зафиксировали доносящийся со двора звук кипящей там битвы. — Поищем тайный путь. Ты его не знаешь?

Андис отрицательно затряс головой.

— Плохо, — сообщила Матрена. — Будь ты эльфийским принцем, то знал бы. Но приходится довольствоваться тем, что есть.

Она схватила Андиса за руку и вытащила в коридор. Прежде чем выйти в него, осторожно выглянула наружу. Матрена немного опасалась встречи с мелкой злобной девчонкой, возомнившей себя хозяйкой красавчика. Но той, к счастью, не было дома. Она куда-то ушла, оставив красавчика одного. И напрасно. За красавчиками нужен глаз да глаз, иначе мигом уведут.

Они как раз выбрались в коридор, когда издалека протяжное жуткое эхо донесло до них глас разлученной с супругом жены. Андис услышал этот голос и узнал его. Узнал, и первым же делом описался. А затем закричал.

— В чем дело? — рассердилась Матрена, наблюдая за истерикой красавчика. Тот не придумал лучшего, как пустить под себя лужу. Ну и красавчик же ей достался. Вот не так вели себя красавчики из ее любимых книг. Эльфийские принцы и благородные рыцари не страдали недержанием, ибо были мужчинами образцового типа, а не козлами там какими-то и прочими сантехниками.

Матрена схватила Андиса за руку и попыталась сдвинуть с места. Но тот словно прирос к полу. Ужас сковал паладина крепчайшим параличом. Он все понял — жена идет за ним. Вскоре он вновь окажется в геенне семейного очага. И ужас, из которого он едва вырвался, разразится вновь.

Грыжа уже не бежала, она летела по коридорам. Ей не составило труда услышать и узнать вопль благоверного. Муж взывал к ней. Он нуждался в помощи. И за очередным поворотом Грыжа увидела его. Его, и ее.

Эта была не та разлучница, которая похитила ее мужа. Та была тощая и мелкая — никудышная тушка, годная разве что в диетический суп. Теперь же чужого мужа пыталась

присвоить себе какая-то жирная баба рыхлой фактуры. Ее тело было перспективным — Грыжа навскидку могла бы перечислить десяток блюд, которые она легко приготовила бы из этой туши. Но сейчас ей не было дела до кулинарных забот. Эта толстая тварь пыталась увести ее мужа. Мужа, что был послан ей богами.

— Он мой! — взревела Грыжа, и от ее крика содрогнулись древние стены.

Матрена с ужасом уставилась на неведомое существо, не в силах понять — что перед ней. Как и многие до нее, Матрена сгоряча решила, что наблюдает тролля или нечто в том же духе.

А вот Андиса вид любимой супруги вырвал из ступора и обратил в бегство. Крича от ужаса, паладин понесся по коридору. Матрена решила последовать его примеру. И правильно они оба сделали. Потому что за их спинами уже грохотали тяжелые шаги Грыжи. Та неслась следом, на ходу выхватив из-за пояса свой легендарный разделочный нож.

— Муж! — взревела она. — Вернись в семью!

Андис визжал и плакал. Он бежал по коридорам, не помня себя от ужаса. Ему хотелось убить себя, лишь бы вновь не оказаться в лапах чудовища. Он ничего не видел ни впереди, ни вокруг себя. А потому, когда он на полной скорости миновал очередной перекресток, то не заметил притаившуюся за углом фигуру. Точно так же ее не сумела заметить Матрена, пробежавшая следом за Андисом.

Злюка затаилась, прижавшись спиной к холодному камню стены. В ее руке холодно сверкал кинжал. Первым намерением принцессы было разобраться с толстухой, зарезав оную под шумок, а после соврав, что это сделал кто-то другой. Злюка никогда и ничего никому не прощала. Не собиралась спускать и этой толстухе ее покушение на чужого ручного паладина.

Но беглая принцесса изменила свои планы, когда услышала гремящий в коридорах рев чудовища. И узнала его. Это была еще одна жуткая баба, к которой у Злюки накопился зуб. Адская кухарка черного замка, которая имела неосторожность угрожать Злюке. Это было большой ошибкой с ее стороны. Злюка решила, что сперва покончит с поварихой, а затем настигнет и прирежет толстуху. И это станет только началом сегодняшнего праздника. Ведь там, снаружи, уже кипела битва. Злюку так и подмывало броситься во двор и тоже принять участие в резне. Но она не торопилась. Сперва кухарка, затем все остальное.

Грыжа неслась по коридору, слыша впереди вопли убегающего мужа. Теперь она все поняла. Ее предали. Супруг, которого она любила всем сердцем, изменил ей. Никто не похищал этого вероломного козла, он сам сбежал от домашнего очага. А за подобное злодеяние Грыжа допускала единственную кару.

Она преследовала беглецов, тоже не больно-то глядя по сторонам. И не успела заметить, как из-за угла вдруг выскользнула мелкая дрянь, в чьей ручонке сверкнул клинок кинжала.

Злюка ударила изо всех сил, целясь Грыже в живот. У нее было отличное оружие — кинжал, выкованный из отменного сплава и имеющий на себе чары постоянного действия. Такое оружие в умелой руке могло пробить даже латную броню паладина. Но разве могли какие-то латы сравниться по прочности с фартуком из кожи дракона?

Клинок кинжала уперся в фартук, и бессильно отскочил от него. Злюка растерялась, вдруг осознав, что упустила свой шанс. Эффект внезапности был утрачен, Грыжа заметила ее. На зверском лице кухарки оформилось такое выражение, что беглая принцесса чуть не уподобилась Андису и не сходила под себя. Огромная рука Грыжи начала подниматься. В

ней был зажат разделочный нож.

Попробуйся Злюка сбежать, для нее все было бы кончено. У нее уже не оставалось времени на то, чтобы уйти из-под занесенного для удара ножа. Но юная злодейка была не из тех, кто бегают от драки. Ее рука вновь метнулась вперед и вниз, и клинок кинжала, обогнув край несокрушимого фартука, погрузился в бедро Грыжи. Злюка с силой толкнула его вперед, погружая глубже. На ее пальцы, сжимающие рукоять оружия, брызнула теплая кровь.

Грыжа закричала от боли и тяжело рухнула на колени, так и не успев нанести смертельного удара. Злюка отскочила от нее, торжествующе ухмыляясь. Поигрывая окровавленным кинжалом, она спросила:

— Помнишь меня, тролль?

Грыжа медленно подняла перекошенное яростью лицо. В бедре пульсировала сильная боль. Рана обильно кровоточила, и Грыжа понимала, что если срочно не принять меры, она рискует попросту умереть. Уж она-то хорошо разбиралась в таких вещах — как-никак, а самолично умучила сотни людей, и знала толк в ранениях и их последствиях.

— Я тебя найду! — процедила Грыжа сквозь стиснутые зубы. — Из-под земли достану!

— Смотри сама там прежде не окажись! — дерзко выпалила Злюка.

Она бы с удовольствием добила кухарку, но принцесса прекрасно видела, что та все еще очень опасна. Приближаться к ней сейчас было бы неразумно. Злюка решила, что на пока достаточно и этого. Она наказала тролля, а убить его можно и в другой раз.

— Удачно тебе истечь кровью, образина, — пожелала она кухарке.

— Я тебя найду! — повторила Грыжа, не спуская с мелкой заразы налитых кровью глаз. — Найду!

— Ищи, ищи, — усмехнулась Злюка. — Да гляди, как бы я не нашла тебя прежде.

Показав Грыже язык, Злюка помчалась по коридорам следом за своим ручным паладином и толстухой. И вскоре настигла их.

Ужас сыграл с Андисом злую шутку. Он несся вперед, ничего не видя перед собой. Его контуженный безумием разум хотел одного — оказаться как можно дальше от ужасающей жены. И в какой-то момент этот забег был прерван внезапно оборвавшимся коридором. Андис на всем скаку врезался в стену, и едва не убился об нее. Он растянулся на полу, постанывая и всхлипывая. Затем подле себя он услышал шаги и шумное хриплое дыхание.

— Красавчик... — пыхтя и отдуваясь, пробормотала Матрена. — Ты... куда... так... рванул? Почему меня... Уф! Почему не подождал меня?

Андис медленно приходил в себя. Он различил над собой женскую физиономию, круглую, заплывшую жиром, красную и блестящую от пота, и трусливо заскулил. На мгновение ему почудилось, что это лик ужасающей супруги.

— Вставай, красавчик, нам пора! — потребовала Матрена. — Только больше не убегай от меня. Я не....

Слишком поздно Матрена услышала тихие шаги за своей спиной. А затем что-то с силой врезалось в ее пышный зад. Потеряв равновесие, Матрена с визгом рухнула на твердый каменный пол, отбив об него и колени, и локти, и то, что между ними. Упав, она быстро обернулась, и с содроганием увидела над собой уже знакомую тощую девчонку. В руке у мелкой гадины находился темный от крови кинжал.

Андис, скуля, подполз к Злюке и прижался к ее ноге. Та опустила взгляд и с неожиданной нежностью потрепала его по волосам. Затем вновь взглянула на Матрену, и вся нежность враз испарилась, уступив место холодной злобе.

— Поработать бы над тобой, свинья, — мечтательно проронила Злюка. — Срезать бы жирка да мяска. Да насладиться твоим визгом. Но недосуг.

Она подняла руку с кинжалом и устремила оружие на Матрену. Та испуганно ойкнула.

— В другой раз, толстуха! — пообещала ей Злюка. — Свидимся еще. Мир тесен. И тогда ты у меня повизжишь.

Она толкнула ногой скулящего Андиса и приказала:

— Вставай! Нам пора.

Андис послушно поднялся на ноги и следом за Злюкой скрылся в коридоре. Матрена осталась лежать на полу, чувствуя себя несчастной и всеми покинутой. С каждой минутой ей все труднее было верить в то, что эльфийский принц вот-вот появится и осчастливит ее своим присутствием. Она начала подозревать страшную правду. Правду о том, что эльфийский принц тоже принадлежит к племени конченных козлов.

Злюка бодро вышагивал по коридору, все четче слыша шум битвы. Андис семенял за ней, трусливо вздрагивая от каждого шороха и каждой тени. В коридорах было достаточно светло — с недавних пор здесь на каждом шагу развесили либо светильники, либо газовые шары. На этом настоял властелин Свиноста, которому не нравилась крошечная темнота. Что, конечно, было тем еще лукавством. Властелин тьмы — и не любит темноту. Пусть еще этот врунишка расскажет, что не любит сечь плетью плененных эльфийских принцесс.

— Ты мой паладин, понял? — на ходу инструктировала Андиса Злюка. — С чужими людьми никуда не уходи. Кто станет звать — не слушай. Вкусняшку дадут — не бери! Ясно?

Андис кивал головой. Он и не хотел никуда уходить. Да только кто ж его, горемычного, спрашивал?

— Надо будет тебе ошейник сделать с именем владелицы, — вслух помыслила Злюка. — Чтобы не думали, что ты бродячий. Или лучше клеймо на лоб.

Пока Злюка прикидывала, как лучше обозначить свою собственность, они достигли выхода во двор. Снаружи было темно, словно самой глубокой ночью. Над крепостными стенами, на которых суетливо мелькали тела гоблинов, вставало алое зарево, словно снаружи полыхал огромный костер. А во дворе, в скупом свете немногих факелов и газовых шаров, кипел бой.

На выходе Злюка остановилась и повернулась к Андису.

— Ты тут останься, — приказала она. — За мной не ходи. Не мужское это дело — битва. Жди меня здесь. Как убью многих, я за тобой вернусь.

Андис послушно прижался к стене. Злюка еще раз потрепала его по седым волосам и выскользнула наружу.

Маленькую и юркую девчонку трудно было заметить в общей свалке. Злюка ловко скользила между дерущимися людьми, легко уклоняясь от свистящих вокруг клинков и переступая через тела убитых. Когда рядом с ней оказалась женщина в чародейской мантии и с посохом, в которой Злюка опознала колдунью темной империи, принцесса неслышно зашла ей за спиной и чиркнула кинжалом по горлу. Захлебываясь кровью, колдунья повалилась на землю, а Злюка вновь исчезла, затерявшись в толпе. Ей претило заниматься истреблением всякой мелочевки, вроде рядовых солдат и посредственных колдунов. У властелина Свиноста хватало слуг, гораздых на подобное. Чтобы выделиться и получить расположение владыки, следовало добыть особый трофей.

И вскоре Злюка заметила его. У ворот яростно бился высокий статный рыцарь в сияющей золотом броне. Люди Свиноста окружили его, прижав к стене, но паладин

успевал отражать все их атаки. Одно то, что он прорубился внутрь двора, и до сих пор оставался на ногах, говорило о многом. Это был незаурядный, а то и великий воин. Его голова станет славным трофеем и сильно порадует черное сердце властелина Свиноста. А добывшая трофей героиня обязательно получит в награду титул, землю, рабов и личный замок, где сможет денно и нощно пытаться добрых людей.

Низко пригнувшись, Злюка заскользила сквозь людскую свалку к выбранной цели. Нитя вокруг, ни огонь снаружи, ни кипящая битва не пугали ее. По мнению принцессы, можно было бы усилить накал кошмара, призвав в этот мир десятков-другой демонов. Чем в больший хаос и ужас погрузится мир, тем лучше. В идеале Злюка мечтала о конце света, но идеал недостижим. Приходится довольствоваться тем, что есть, и робко надеяться на худшее. Ну и приближать это худшее всеми силами, а иначе разве настанет гибель мира, если никто не будет самоотверженно бороться за эту высокую и благородную цель?

Глава 53

Васек догадывался о том, что его появление не станет для Стасика сюрпризом. Все-таки Свиноста коварен и хитер. Он мог заранее узнать об идущем по его черную душу возмездии. Васек готовился к тому, что придется пробиваться с боем, прорываться сквозь толпу пособников злодея Стасика. И потому он был несколько удивлен и даже разочарован более чем скромным приемом, оказанным ему в старой крепости.

Встретили его довольно вяло. Подлый Свиноста явно недооценил степень исходящей от мстителя угрозы. И решил, что для ее устранения хватит нескольких головорезов. Тут он, конечно, пожадничал. Но Васек не держал на Стасика обиды. Чем меньше предстояло возни, тем лучше.

Первая партия убийц поджидала его на перекрестье внутренних коридоров крепости. По человеческим меркам эти ребята были хороши — Васек отдал им должное. Они отлично затаились и ничем не выдали себя до самого последнего момента. Окажись на месте Васька обычный смертный, им бы удалось застать его врасплох. Но Васек учуял противников задолго до того, как они возникли перед ним с обнаженными мечами наизготовку.

Они действовали слажено и хладнокровно — атаковали дружно, лишая жертву какой-либо возможности уклониться от своих атак. Васек не стал и пытаться. Один из клинков скользнул по его бедру. Острое лезвие расплосовало черный плащ Васька и штанину его брюк. Этим нанесенный урон и ограничился. На самом бедре не осталось даже царапины. Да и не могло остаться. Путем нехитрых экспериментов Васек выяснил отраднейший для себя факт — его новое тело не только стало заметно сильнее, но и обрело невероятную прочность. По крайней мере, клики из обычной стали не были в силах нанести ему даже крошечного пореза. Возможно, высококачественное оружие паладинов или черных рыцарей могло бы причинить ему какой-либо урон. Но Васек сомневался, что и он окажется фатальным. Его странная природа наделяла его фактически полной неуязвимостью. Но это могущество не вскружило голову Ваську. У него не осталось ни амбиций, ни желаний, кроме одного — покончить со Стасиком. И заветная цель была все ближе.

Второй головорез попытался ударить его мечом в шею. Перехватив его руку, Васек выкрутил ее с безжалостной силой, заставив противника завопить от боли и выронить оружие. В широко распахнутых глазах человека он разглядел не столько страх (тот еще не успел возникнуть, как и осознание своей обреченности), сколько искреннее недоумение. Похоже, Свиноста не удосужился предупредить своих людей о том, с кем, а если точнее, с

чем им предстоит иметь дело. Что ж, это было на него похоже. Темный властелин не больно-то ценил чужие жизни, будь то жизни своих врагов, рабов, или просто случайных прохожих.

Васек рывком подтащил к себе верещащего противника, обхватил его голову руками, и, что было сил, приложил ее об стену. Череп лопнул с глухим треском. Мозг размазался по камню стены огромной розовой кляксой. Васек отшвырнул обезглавленный труп и повернулся ко второму противнику. Тот, как заведенный, рубил и колол мечом тело Васька. Он успел изрезать весь плащ, в лоскуты испорть рубаху. Но так и не смог нанести ни одного ранения.

Васек пошел на него. Капюшон соскочил с его головы, явив противнику ужасное серое лицо мертвеца. Тип с мечом устоял на Васька, и тут же обмочился от страха. Меч выпал из его ослабевших пальцев. Он попятился, бормоча какую-то абракадабру. Возможно, торопился помолиться богам об упокоении своей грешной души.

Васек бросился на человека, схватил за руку и рванул ее на себя, выдрав конечность из тела. Кровь хлынула из раны. Противник с криком повалился на пол. Васек шагнул к нему, занес ногу, и резко опустил ее на голову орущему противнику. Еще один череп разлетелся на куски. Его осколки усеяли пол. Тело продолжало дергаться, до смешного быстро молотя ногами. Васек ощутил острый приступ кровожадности, и уже почти склонился над убитым, чтобы полакомиться его плотью, но в последний момент сумел обуздать свою тягу к человечине. Не за тем он здесь, чтобы набивать желудок. Свиностаc все ближе. До него рукой подать.

Васек двинулся дальше, и вскоре ощутил впереди еще одну партию встречающих. В этот раз его попытались остановить магией. Один из противников бросил в него какие-то сковывающие чары. Второй швырнул под ноги Ваську склянку с густой мутной жидкостью. Та разбилась при ударе об пол. Вверх взметнулось густое облако удушливого дыма. Попади под его воздействие человек, тут бы ему и настал конец. Но Васек даже не чихнул. Заклинание лишь на мгновение задержало его. Он сумел преодолеть его сковывающую силу, и бросился на противников, не позволяя им выкинуть еще какой-нибудь подлый трюк.

Эти двое умерли так же быстро, как и их предшественники. Васек действовал просто и без затей. Но не испытывал никакой неприязни к этим людям, и ему было плевать, умрут они, или нет. Вся их вина заключалась в том, что они стояли на его пути к цели.

Где-то за собой он расслышал голос Гэлы. Та пыталась поспеть за ним, звала, умоляла ее подождать. Васек не стал этого делать.

Поворот. Коридор. Еще один поворот. Впереди замаячила дверь. Васек ускорился. Он точно знал — за этой дверью финал его пути. Свиностаc там. И он не пытается сбежать. Возможно, подлый Стастик осознал всю неизбежность своей гибели и смирился с ней. Тем лучше. Не придется тратить силы и время на его поимку. О том, что будет после долгожданной расправы, Васек не думал. Пусть бы даже и ничего, его устроит и этот расклад.

Хлипкая деревянная дверь, наспех сколоченная из старых досок, разлетелась вдребезги от одного его удара. Васек, будучи на взводе, не рассчитал своих сил. Он ворвался внутрь. В большом квадратном помещении, скупо освещенном единственным газовым шаром, не было ничего, кроме голых стен. Тускло мерцающий стеклянный шар покоился прямо на полу. На полу, у ног Свиностаcа.

Васек замер, дико уставившись мертвыми глазами на объект своих поисков. Вот он —

Свиностаc. Один. С обычным мечом на поясе, то есть, считай, безоружен. Стоит от него в нескольких шагах. И бежать ему некуда.

— Дорогой, ну подожди же меня, — простонала Гэла, вбегая в комнату следом за Васьком и едва не врезавшись в его спину.

Черные губы Васька дрогнули. Он процедил сквозь зубы:

— Стасик!

Гэла выглянула из-за его плеча и тоже увидела стоящего перед ними человека. Тот был невысокого роста и субтильного телосложения. На его плечи был наброшен черный плащ, а лицо скрывалось под слоем грязно-серых бинтов. Такие же биты покрывали и кисти его рук.

— Дорогой, это он? — спросила Гэла с некоторой долей разочарования.

Она успела досыта послушаться об этом Свиностаcе, и несколько иначе представляла себе этого субъекта. Ей казалось, что речь идет о каком-то могучем человеке, если вообще о человеке. О каком-то монстре. Реальный же Свиностаc и близко не производил впечатления грозного и опасного существа. Да и не вел он себя как грозный и опасный монстр. Скорее, как загнанный в угол подросток, которому некуда бежать, а как-то иначе реагировать на опасности он не привык.

— Вот мы и встретились, — медленно вымолвил Васек.

Ему стоило немалых усилий не броситься на своего врага немедленно, и не разорвать его на куски. Он, как мог, оттягивал этот момент, наслаждаясь близостью грядущей мести.

Свиностаc вдруг шевельнулся и произнес:

— Чего ты хочешь?

Он очень старался выдерживать твердый уверенный тон, но в каждой нотке его речи сквозил страх.

— Думаю, что тебе это отлично известно, — ответил Васек.

— Ты хочешь меня... уб... бить?

Свиностаcу непросто далось вытолкнуть из себя это страшное слово.

Васек чуть заметно ухмыльнулся и произнес:

— Разумеется.

— Но почему? Что я тебе сделал?

В первое мгновение Васька поразила эта вопиющая наглость Стасика. Ему показалось, что проклятый Свиностаc издевается над ним. Но затем Васек сообразил, что Стасик просто-напросто его не узнает. Да и было бы странно, окажись иначе. Ведь прежде, до своей смерти, он носил другое тело. А в этом теле Стасик еще никогда его не видел.

— Сделал, и не только мне, — произнес Васек. — Вспомни разрушенный Форинг и убитых жителей. Ты думал, что кара тебя не настигнет? Ты ошибся.

Он шагнул вперед. Свиностаc вжался спиной в стену и пронзительно завопил:

— Но почему я? Почему именно я? Я ведь никого не убивал. Меня самого подставили. Я тоже жертва. Я хороший!

Васек поморщился. Ему было тошно слушать это бессовестное вранье. И на что рассчитывал гнусный Стасик? Всем на свете уже давно было известно, что случилось в тот день в Форинге. Все знали, что это подлый Свиностаc спланировал и организовал нападение. Это он разрушил стены города своим черным колдовством. Он руководил резней, что последовала за этим. Все он и только он. А теперь эта тварь имеет наглость изображать из себя святую невинность!

— Шел бы, что ли, мстить Мортусу! — крикнул Стасик. — Это он убивал людей в

Форинге, а не я. Кровь на его руках.

— Мортус не более чем твоя марионетка, — прорычал Васек, делая еще один шаг к своей цели.

— Это неправда! Тебя обманули!

— Обманули? — криво усмехнувшись, повторил Васек. — Я был там в тот день и видел все своими глазами. Ты обрек Форинг на гибель — не отрицай это. Ты отнял у меня все. А теперь я отниму все у тебя.

— Подожди! — завопил Стасик, когда Васек сделал в его направлении третий шаг. — Давай спокойно все обсудим. Произошло чудовищное недоразумение. Не знаю, кто тебя создал и подослал....

— Я сам себя создал, — перебил его Васек. — Я вернулся из небытия, чтобы восстановить справедливость. Ты обманул многих, Стасик. Но никто не был обманут тобой больше меня. Было время, когда я считал тебя своим другом. А ты за моей спиной насмеялся над моей доверчивостью.

Стасик отлепился от стены и подался вперед. А затем недоверчиво вымолвил:

— Васек? Это ты?

Тот ничего не ответил, лишь чуть заметно кивнул головой в знак согласия.

Стасик дико уставился в серое лицо мертвеца, пытаясь уловить хоть какое-то сходство с прежним Васьком, хорошим добрым парнем, его бывшим коллегой и другом. Но видел совершенно незнакомую рожу восставшего из мертвых чудовища. Это было чужое тело. Своего Васек лишился в ту роковую ночь, когда силы добра явились на нейтральную полосу за головой Свиностаса. Стасик знал, что и Васек притаился за компанию с паладинами, и зачем-то попытался остановить Гамала с гоблинами, собравшихся взорвать дверь темницы. Там-то, в преддверии подземелья, и закончился его земной путь, а от тела свинопаса после страшного взрыва не осталось ничего.

То, что стояло сейчас перед Стасиком, не было прежним Васьком. Это касалось не только его физической оболочки. Он теперь и говорил и вел себя иначе. Настоящий Васек был славным добрым парнем. А эта тварь, что пришла сюда извне, из-за пределов этого мира, являлась воплощением зла. Возможно, она и несла в себе часть личности Васька, но уцелевший фрагмент не делал большой погоды. Руководящую роль играло то, что Васек принес с собой из вековой тьмы, лежащей за гранью жизни. Это нечто, темное и жутко злое, было одержимо единственной целью — отомстить ему, Стасику, за якобы совершенные им преступления. И не важно, сколь сильно он был повинен в них на самом деле. Дело здесь крылось не в восстановлении справедливости и не в праведном возмездии. Просто эта тварь избрала его, Стасика, своей целью, и плевать ей было на все остальное. Было ясно, что с этим существом не столковаться. Никакие доводы и аргументы его не вразумят. Синара была права — единственный способ остановить восставшего из мертвых свинопаса, это уничтожить его раз и навсегда.

— Пора с этим кончать, — пророкотал Васек и двинулся на Стасика.

Тот вжался в стену и пронзительно завопил:

— Давайте! Ну! Пора! Сейчас!

В одном из темных углов комнаты возникло движение. Васек мог бы поклясться, что секундой ранее там было пусто. Теперь же он различил в темноте конур человеческого тела и белые пятна направленных на него ладоней.

— Любимый, берегись! — завизжала Гэла, отскакивая от Васька.

Ее совет безнадежно запоздал. Яркая вспышка озарила помещение. Васек ощутил мощный толчок в грудь. Ударом его сбило с ног и потащило по полу. Краем уха он слышал истошные крики спутницы. А еще прозвучал ненавистный голос Стасика. Тот, обращаясь к кому-то, настырно канючил:

— Он ведь мертв, да? Ты его убила?

— Любимый! — закричала Гэла, подбегая к нему. — Ты жив?

Трудно было придумать вопрос глупее.

Васек уже поднимался на ноги. Его грудь дымилась. Одежда обуглилась и осыпалась лохмотьями. Но его плоть не пострадала. Во всяком случае, Васек не чувствовал никаких изменений.

— Я в порядке, — отмахнулся он от своей спутницы, которая щупала его руками и что-то причитала. — Уйди. Не мешайся. Я должен....

— Да никому ты уже ничего не должен, — услышал он рядом незнакомый женский голос.

Васек медленно поднял голову.

В двух шагах от него высилась закутанная в белый саван фигура, чье лицо скрывалось под маской из слоновой кости. Из угла, откуда секунду назад ударило световое копье, выступила молодая женщина с растрепанными волосами и безумным блеском в глазах. Одновременно с ней прямо из стены вышло объятые пламенем существо, над чьей головой, колеблясь, вился огненный факел.

— Зря ты притащил сюда свои тухлые мощи, мертвец, — пророкотала Света.

— Любимый, это ловушка! — закричала Гэла.

Васек догадался об этом и без ее подсказок. Его здесь ждали. Свиностас подготовился к этой встрече намного лучше, чем показалось на первый взгляд. И нашел себе могущественных друзей.

— Ловушка! Еще какая ловушка! — злобно засмеялась Риана, возникшая за спиной у Гэлы. Не дав девушке опомниться, ведьма схватила ее за шею и оттащила от Васька.

— Не дергайся! — прорычала Риана на ухо пленнице. — Не заставляй убивать тебя быстро. У нас так не принято. Мы обычно убиваем медленно и со вкусом. А если за тебя возьмется сам Свиностас, ты познаешь все оттенки ягодичных страданий.

Васек медленно поднялся на ноги и обвел взглядом своих противников. Две женщины, и обе волшебницы — он различал их особую, кипящую силой, ауру. Огненное существо было демоном или чем-то в этом духе, и мощи в нем крылось немерено. Последнее создание в белом саване озадачило Васька больше прочих. По всем признакам перед ним стоял мертвец. Но мертвецы не были наделены разумом и даром речи. Разве что он сам представлял в этом плане некое исключение.

— Вот, значит, как, — проронил Васек. — Ты, Свиностас, решил воспротивиться судьбе. Но судьба неотвратима. Что предначертано, то свершится. Сегодня, завтра, через год, но ты заплатишь....

— Да убейте вы его уже, бога ради! — завопил Стасик, который просто не мог слушать ужасные речи загробного монстра.

Света шагнула к Ваську.

— С дороги, демон! — потребовал он. — Судьба подписала Свиностасу смертный....

Света вскинула руку. Из ее распахнутой ладони в Васька ударил мощный поток пламени, вначале алого, затем голубого, а в итоге ставшего ослепительно-белым. Стасик

невольно прикрыл глаза ладонью, защищая их от слепящего сияния. Все помещение мгновенно наполнилось густым белым паром. От страшного жара по древним стенам твердыни лавой потек расплавившийся гранит. В комнате мгновенно стало жарко, как в печи. Лауре пришлось пустить в ход магию, чтобы все они не изжарились заживо.

— Думаю, достаточно, — прокричала она сквозь шум пламени.

Света резко опустила руку. Огонь тотчас же погас.

— Ну, что там? Все, да? — с надеждой допытывался Стасик. — Скажите, что все. Он ведь умер? Совсем умер, да?

Но надежда Стасика рухнула, едва из густого облака пара и дыма донесся до ужаса знакомый голос.

— Судьба неотвратима! — прохрипел Васек, поднимаясь на ноги. — Ничто не изменит предначертанного.

Стасик глазам своим не поверил. Эта тварь еще была жива. Пламя, оплавившее гранитные блоки, лишь сожгло одежду да слегка опалило мертвое тело Васька. Но в целом плоть его не пострадала.

— Невероятно! — изумленно вымолвила Лаура. — Воистину уникальный экземпляр.

— Давайте, что ли, я попробую, — предложила Синара.

Она шагнула к Ваську, который едва успел подняться на колени. Вскинув голову, тот уставился на Синару белыми глазами мертвеца. Открыл рот, намереваясь что-то произнести. Но не успел.

Синара заговорила, медленно роняя страшные слова чуждого, пробирающего до мурашек, языка. Ее белый саван потемнел. Тьма скользнула на пол, и растеклась по нему огромной лужей. Васек оказался прямо в ее центре. А затем из этой черноты, которая затягивала, словно омут, при одном только взгляде на нее, полезло нечто. Стасику стало тошно при виде лоснящегося, противно шевелящегося, непотребства, что бурлило под коленопреклоненным Васьком. Затем черные отростки приобрели узнаваемые очертания, превратившись в длинные тонкие руки с множеством противно шевелящихся пальцев на каждой ладони. Эти руки скользнули по телу Васька. Тот зарычал, и попытался сбросить их с себя. Рук становилось все больше. Они поднимались вверх из черной лужи и жадно хватали мертвеца. Последний отбивался все яростнее, но с каждой секундой его борьба приносила все меньше плодов. Руки оплели его, словно черные щупальца. Синара продолжала говорить. Ее речь ускорилась. Слова падали все быстрее. Стасик почувствовал, что у него все сильнее кружится голова. Повинуясь наитию, он поспешил заткнуть пальцами уши. Что бы там ни призвала Синара из тьмы, ему, простому пареньку, не наделенному великой силой, следовало минимизировать контакты с этой неведомой тварью.

Черные руки оплели и полностью обездвигили Васька. Тот рвался на свободу и уже не рычал, а страшно орал, исторгая из своей пасти невыносимо жуткий крик мертвого существа. Стасика не спасали даже пальцы в ушных каналах. Он отлично слышал крик агонирующего коллеги, и ему самому хотелось завопить.

Вдруг Васек резко запрокинул голову, весь напрягся в последнем отчаянном порыве, а затем обмяк и безжизненно повис в объятиях черных рук.

Речь Синары снова замедлилась. Черные руки начали втягиваться обратно в пол. Когда они выпустили Васька, тот, не шевелясь, растянулся на полу. Чернота под ним медленно сжалась в точку и исчезла.

В этот момент по комнате заметался визгливый крик Гэлы.

— Нет! — кричала она. — Любимый! Нет!

— Заткнись! — злобно шикнула на нее Риана. — Еще звук — убью!

— Перестаньте его мучить, — всхлипывая, потребовала Гэла. — Просто дайте ему исполнить его предназначение. Свиностаc должен умереть. Так пусть умрет. Жалко вам, что ли? А затем мы с Васенькой сможем насладиться нашей совместной жизнью на старом кладбище.

Стараясь не слышать бредней очередной сумасшедшей, Стасик подался вперед, с жадностью вглядываясь в тело Васька. То растянулось на каменном полу и не двигалось. Неужели получилось? Неужели Синара смогла вырвать мятежный дух Васька из мертвой плоти и отослать его туда, где ему было самое место?

— Он мертв? — спросила Света. — В смысле — окончательно мертв?

— Да вроде бы, — неуверенно ответила Синара. — Хотя я думала, что с этой тварью возникнет больше хлопот.

— Он не тварь! Он хороший! — заливаясь слезами, вопила Гэла. — Это вы все твари!

— Можно я ее уже убью? — спросила Риана.

— Нет, — остановила ее Лаура. — Она враг. А мы не даруем врагам легкой смерти. Оставь эту глупую девку для властелина Свиностаcа. Пусть он забавляется с ней в свое извращенное удовольствие. Пусть терзает ее пытками и хлещет плетью по заднице. Глядишь, оторвется, перестанет быть таким дерганым.

— Я не буду этого делать! — быстро выпалил Стасик. — Не хочу я никого хлестать. И никогда не хотел.

— Ну, тогда я ее просто убью, — решила Риана. — Она меня бесит.

Но ведьма не успела осуществить свою угрозу. Потому что лежащее на полу тело Васька вдруг содрогнулось, а затем начало вставать.

— Ничто не отвлечет неминуемость судьбы! — донесся до ушей Стасика полный мрачной решимости голос чудовища. — Ни огонь, ни тьма, ни сама смерть. Отдайте мне Свиностаcа.

— Господи! — в ужасе завопил Стасик. — Да сделайте уже что-нибудь!

Васек поднялся на ноги.

— Вы бессильны против воли рока, — произнес он. — Уйдите с дороги, и отдайте мне Свиностаcа.

— Нет! Не отдавайте ему меня! — закричал Стасик. — Лаура, в атаку! Бей его фаерболами! Луни всем, что есть!

— Не понимаю, что еще тут можно предпринять? — пожала плечами волшебница. — Если он пережил и огонь Светы, и черную магию Синары, то переживет что угодно.

— Рад, что ты это осознала, — сказал Васек. — А теперь уйдите с дороги. Свиностаc умрет, а вы живите дальше, как хотите. Мне нужен только он.

Стасик с мольбой уставился на волшебницу. С мольбой и некоторой долей страха. Все-таки Лаура еще не стала ему другом. А еще недавно была полноценным врагом. Стасик вообще очень смутно понимал мотивы волшебницы, приведшие ее на нейтральную полосу. Потому и тревожился, как бы та не сочла возможным пойти навстречу чудовищу и уступить ему не слишком дорогого ей Свиностаcа.

— Предлагаю отложить решение данного вопроса до лучших времен, — промолвила Лаура. — Сейчас у нас хватает иных забот, требующих нашего непосредственного вмешательства. Эта тварь может и подождать.

Она повела рукой. Пол в центре комнаты вдруг зашевелился, и начал с треском расплзаться, образуя узкий черный колодец, уводящий в неведомые земные глубины.

— Ты уж извини, кто бы ты ни был, — сказала Лаура, обращаясь к Ваську, — но Свиноста́са мы тебе не отдадим. Ему еще предстоит превратить этот мир в царство тьмы, ужаса и боли. Планов, сам видишь, столько, что некогда умереть.

— Он обречен! — рявкнул Васек.

— Все люди обречены. Все мы неотвратимо движемся навстречу своей гибели. Вопрос лишь в том, когда и как она наступит.

— Его наступит сегодня!

Лаура покачала головой и возразила:

— Нет. Свиноста́с сегодня не умрет.

— Спасибо! — чуть не рыдая от счастья, прошептал Стасик. Сбылась его мечта — красивая девушка вступилась за него.

— Не благодари, губитель мира, — бросила ему Лаура. — Я делаю это не ради тебя. И вот что, дай-ка мне эту штуку.

— Какую? — растерялся Стасик.

— Железку, что висит у тебя на поясе. Зачем ты таскаешь этот позорный клинок?

— Ну, потому что... это....

Стасик замялся. Не мог же он признаться, что прицепил к поясу меч, чтобы выглядеть круче и опаснее.

— Понимаю, ты не желаешь раньше срока являть миру свое подлинное оружие — Секиру Темных Звезд, в чью стальную плоть заключены души поверженных тобою богов великой бездны, но это не повод срамить себя простой железкой, — высказала ему Лаура.

Стасик впервые слышал о Секире Темных Звезд, но не удивился этому. Все вокруг только и делали, что сочиняли о нем эпические байки. Вероятно, какой-то фантазер придумал ему подобающее оружие, и назвал его соответственно статусу.

С третьей попытки он отстегнул меч от пояса и протянул его Лауре. Та обнажила клинок, небрежно бросив ножны на пол.

Затем легким мановением руки подняла в воздух многострадального Васька. Меч выпорхнул из ее ладони, скользнул к свинопасу, и обвился вокруг его тела стальным обручем, плотно прижавшим руки к туловищу.

Васек медленно проплыл по воздуху в центр комнаты и завис над разверзшейся там пропастью. Бывший коллега вперил в Стасика свои страшные белые глаза, и прорычал:

— Это еще не конец, Свиноста́с! Я приду за тобой. И это случится раньше, чем ты думаешь!

— Да бросай его уже! — закричал Стасик на Лауру.

Та шевельнула пальцами, и Васек, сорвавшись вниз, канул в черный бездонный колодец. Он падал молча, не издав ни единого звука.

— Нет! — зашлась криком Гэла. — За что вы так с ним? Любимый, мы должны всегда быть вместе.

— А вот это запросто, — ухмыльнувшись, шепнула ей на ухо Риана. — Вместе, так вместе. Уговорила!

Она с силой толкнула Гэлу в спину, и девушка, взмахнув руками, с визгом полетела в черный колодец вслед за Васьком. Ее крик звучал и звучал, делаясь все тише, пока не угас окончательно. Возможно, Гэла еще продолжала падать — Стасик понятия не имел, какой

глубины пропасть создала Лаура. Но ему стало не по себе, когда он представил эту девушку, все еще летящую навстречу смерти, пока живую, но уже как бы и не совсем.

Лаура повела руками, и черная пропасть захлопнулась обратно, оставив о себе напоминание в виде расколотых плит пола.

— Вот и все, — произнесла волшебница. — Одна проблема решена.

— Да ничего она не решена! — возразила Синара. — Это его не убьет.

— Но задержит.

— Его убить надо, а не задерживать. Иначе случится конец света, и, что куда хуже, меня не пустят в загробный мир.

— Не нагнетай, — посоветовала ей Лаура. — Если бы судьба вселенной действительно висела на волоске, владыки загробного мира, и не только они, вмещались бы сами. Раз они не торопятся, то все не так уж и страшно. Позже отыщем способ уничтожить эту тварь. Сейчас нам следует заняться иными нашими врагами. Пока что все идет по плану, но недруги частично просочились за огненную стену и теперь атакуют крепость. Полагаю, нам следует выйти и поприветствовать их лично. Нехорошо попирать законы гостеприимства.

— Я с вами не пойду! — тут же выпалил Стасик, которого совершенно не тянуло в битву. — Рад бы, но никак не могу. У меня... у меня живот болит.

— Останусь с властелином Свиностаем и присмотрю за ним, — вызвалась Риана. — А вы ступайте наружу, займитесь делом. Только об одном вас заклинанию — наловите побольше пленных девиц. Свиностае уже давно не стегал красавиц плетью, и от этого весь на нервах.

— Да я никогда... — начал зачем-то оправдываться Стасик. — Да у меня и в мыслях...

Но его никто не слушал. Все тут лучше него знали, как должен вести себя темный властелин Свиностае.

В этот момент в комнату не без опаски заглянул Гамал.

— Вы уже закончили? — спросил он. — Снаружи адский шум. Во дворе битва. Паладины лезут в ворота.

— Мы как раз направляемся туда, — сообщила ему Лаура. — Остаешься с властелином, лекарь. Свиностае жаловался на легкое недомогание.

— Живот болит? — догадался Гамал. — Ох уж этот темный властелин Стасик. Как в бой идти, у него вечно брюхо прихватывает. Какая-то аллергия, что ли, или паталогическое заболевание. И где он это подхватил?

— Вы там берегите себя, — тихо пробормотал Стасик, наблюдая за тем, как Света, Синара и Лаура покидают помещение.

Волшебница, обернувшись, криво усмехнулась и бросила:

— Какой ты заботливый, Свиностае. Как это несвойственно твоей черной душе. Но ты не волнуйся. Беречься следует тем, что снаружи. Хотя их уже ничто не спасет. Особенно одного из них. Вообрази, ему хватило наглости явиться сюда. Жду не дождусь нашей встречи.

Лаура зверски ухмыльнулась и вышла из комнаты.

— Ох уж эти дела сердечные, — вздохнула Риана. — Милые то бранятся, то любят. Сплошные хлопоты. То ли дело темный властелин — поймал эльфийку, зафиксировал эльфийку, отлупил ремнем по заднице, и ходит, улыбается. Никаких тебе любовных переживаний.

— Скорее бы все закончилось, — пискнул Стасик, прислушиваясь к доносящемуся

снаружи шуму битвы.

— И хорошо бы в нашу пользу, — добавил Гамал. — Идемте отсюда. Спрячемся получше. Вдруг кто-то из чужаков пролезет внутрь. Не хотелось бы встречаться ни с паладинами, ни с черными рыцарями.

Стасику этого хотелось еще меньше, чем старому алхимику.

Глава 54

Такая пустячная мелочь, как внезапно погасшее среди дня солнце, не могла смутить генерала Зертуса. Он побывал во многих битвах и повидал в них немало чудес. Магия, особенно могущественная и грозная, творимая величайшими чародеями этого мира, могла повергнуть в ужас неопытного юнца, но не закаленного в боях ветерана. Сошедшая на мир тьма, заставившая возроптать даже солдат Безжалостного легиона, не произвела на генерала ни малейшего впечатления. Подумаешь — погасло солнце. Не навеки же. Рано или поздно даже эта страшная и непостижимая магия рассеется, и мир снова станет прежним. Зато Зертуса тут же созрел план по использованию этой внезапной темноты в личных интересах.

Со своей позиции он отлично видел смятение, охватившее войска противника. Огненная стена окружила крепость и отрезала их от отряда магов, который, похоже, собирался первым ударить по твердыне Свиноста. Выстроившиеся для битвы ряды всадников смешались и пришли в беспорядок. Паники еще не было, но сильнейшая растерянность заметно снизила боеготовность вражеского контингента. И Зертус просто не мог упустить подобную возможность.

Противник имел численное и качественное преимущество — в чистом поле пехота и близко не могла соперничать с закованной в сталь рыцарской конницей. Но погасшее солнце дало шанс, которым Зертус не мог не воспользоваться. Добряки бессильно метались вдоль окружившей крепость стены огня, полностью забыв о защите тылов. Нужно было действовать. Зертус чувствовал, что удача благоволит ему. Если он разгромит королевское войско Ангдэзии, или хотя бы нанесет ему значительный урон, император осыплет его щедрыми дарами. После чего можно будет с почестями выйти в отставку и зажить в свое удовольствие вместе с ядреной кухаркой.

Добряки настолько не ждали внезапного удара с тыла, что даже не удосужились оставить в лагере необходимую по численности охрану. Та же, что была, едва ли могла противопоставить что-то ворвавшимся в лагерь злодеям. А ведь в лагере находилось не только имущество добряков, которое можно пожечь и разграбить. Там оставались и целители, дожидавшиеся, когда к ним доставят первых раненых. Перебить целителей — уже неслабое достижение. Но генерал не собирался ограничиваться этой мелочью. Опьяненный азартом, он решил выбить из добряков все содержимое до капли.

Зертус любил молниеносные атаки, не позволявшие противнику опомниться. Третью своего легиона он направил в лагерь добряков, приказав солдатам делать то единственное, чему они были обучены в жизни — убивать все живое на своем пути. Те и рады были стараться. Легко подавив слабое сопротивление немногочисленной охраны, они черной лавиной понеслись через разбитый посреди нейтральной полосы городок, врываясь в шатры, хватая все, что приглянется, и убивая каждого, кто попадался на пути. Их жертвами стали слуги и целители, неспособные оказать организованного сопротивления профессиональным головорезам темной империи.

Большая часть легиона под покровом тьмы бесшумно подошла к защитному валу,

насыпанному добряками вокруг крепости Свиностаса. Вал охранялся, и охранялся неплохо, но все его защитники, как по заказу, смотрели в другую сторону — они, как замороженные, наблюдали за стеной огня, вставшей посреди внезапной ночи. И лишь когда злодеи массово полезли на вал, их присутствие было обнаружено.

Атака по широкому фронту позволила быстро смять оборону вала. Солдаты империи заняли подготовленные позиции добряков, без труда вытеснив с них защитников. Зертус планировал сходу атаковать войско Ангдэзии, зажатое между валом и огненной стеной, но в этот раз удача изменила ему. Отступающие защитники вала успели подать сигнал, который был услышан в войске. Рыцари начали разворачиваться, строясь для атаки на занятые злодеями позиции.

Зертус решил, что лучше всего ему будет остаться на валу и держать оборону здесь, куда рыцарская конница не сумеет налететь на всем скаку. Он беспомощно наблюдал за тем, как часть вражеской армии движется к своему лагерю. У него уже не было времени отвести оттуда своих людей. Зертус понадеялся, что его ребята хотя бы умрут с достоинством, унеся на тот свет как можно большее число поганых добряков.

Первая атака рыцарской конницы завершилась ничем. Лошади не могли взойти на вал по его крутому склону, а солдаты темной империи активно препятствовали им в этом, осыпая добряков тучами стрел. Рыцари немного покружились вдоль вала, затем, по команде, отступили и стали спешиваться.

— Вот он, парни, час нашей славы! — весело прокричал Зертус, обнажив черный меч, чей клинок окутывало слабое зеленое облачко наложенного проклятия. — Сейчас посмотрим, чего стоят эти изнеженные мальчики.

Рыцари Ангдэзии обычно действовали верхом — удар закованной в сталь конницы был неотразим на ровной местности. Но они были обучены и бою в пешем строю. Несмотря на то, что командующий войском оказался отрезан от него огненной стеной, на местах оставалось достаточно толковых полководцев, быстро оценивших ситуацию и принявших верное решение. Поскольку в крепость Свиностаса пока что все равно невозможно было пробиться, командующие решили сосредоточить все силы на внезапно появившемся войске темной империи. Что и было сделано — стальные шеренги рыцарей мерной поступью двинулись к валу. В них градом летели стелы, но почти все они бессильно отскакивали от тверди доспехов. За их спинами вставала алая стена огня. Впереди, во тьме, копошились едва различные тела злодеев, засевших на вершине земляного вала. Взыграли трубы. Рыцари хором запели одну из своих боевых песен — глупую и нескладную, но отлично подходящую для хорового исполнения. Одновременно с этим они ускорили шаг. Черные стрелы со звоном отскакивали от их брони. От мерного топота тысяч ног вздрагивала земля.

Затем горн выдал новый сигнал, и стройные ряды рыцарей рассыпались — те беспорядочной толпой полезли на ров. Солдаты империи едва не бросились им навстречу. Зертус и его командиры сорвали голос, удерживая своих подчиненных на местах. Стрелы больше не летели. Злодеи застыли с обнаженным оружием, наблюдая за приближением неприятеля. Весь склон холма скрылся под стальными телами рыцарей.

Несмотря на весь свой опыт и умение, бойцы Безжалостного легиона только чудом выдержали первый натиск. Им пришлось иметь дело с рыцарями — отлично экипированными и обученными бойцами. Даже лишённые своего главного преимущества — массированного конного удара, они, поднявшись на вал, без труда оттеснили злодеев. Но и солдаты империи были не новичками в ратном деле. Им удалось погасить вражеский натиск

и ударить в ответ. На валу завязалась яростная битва. Почти в полной темноте рыцари Англэзии рубились с воинами Кранг-дана. Звенела сталь, слышались ругательства и крики раненых. Убитые один за другим падали на землю. Зертус лично подавал пример подчиненным, яростно орудуя огромным черным мечом. Вокруг него уже лежали вповалку тела нескольких убитых рыцарей, а старый генерал только-только вошел во вкус. Опыненный битвой, он орал какие-то ребяческие глупости, требовал подать ему паладинов, вызывал на бой Рогзара и других героев Англэзии. Темнота вокруг него кипела и содрогалась от звона, грохота и криков.

Генерал с плеча ударил мечом, заставив насевшего рыцаря отступить, и громко расхохотался, подбадривая и себя и своих солдат. И в этот момент что-то шевельнулось у него под ногами. Зертус решил, что там копошится один из недобитых им рыцарей, какой-то подранок, что получил на орехи, но почему-то еще не отбыл в загробный мир. Посчитав необходимым исправить этот досадный казус, Зертус опустил взгляд и поднял меч, намереваясь прикончить раненого противника. И тогда-то он увидел их. Кости. Старые серые кости деловито и во множестве лезли из-под земли.

— Какого хрена? — взревел Зертус, ударив ногой ближайшую костяную руку, что высунулась наружу и слепо шарила вокруг, словно пытаясь нащупать кого-то или что-то.

Сгоряча Зертус решил, что они ненароком потревожили одно из древних, скованных чарами, захоронений, и теперь тамошние обитатели пожаловали наружу. Но вскоре стало ясно, что это не так. Нежить лезла из земли повсеместно. Костяные конечности хватили за ноги и солдат черной империи, и рыцарей Англэзии. А тех, кого им удавалось повалить, мертвецы начинали заживо утаскивать под землю.

На вершине вала еще кипела битва, но по обеим сторонам от него порядок войск полностью нарушился. Ряды распались, подразделения перемешались. Воины с криками отвращения отбивались от лезущей из земли нежити. Скелетов топтали ногами, дробили оружием, но тех не становилось меньше. Вся земля буквально бурлила под ногами сражавшихся.

А затем темнота огласилась завываниями, каких сроду не слышало человеческое ухо. Казалось, что вся нейтральная полоса ожила. Сотни налитых злобой глаз вспыхнули во мраке, а от голодного, полного ярости, рева солдаты бросали оружие и в панике разбежались кто куда.

Твари набросились на Безжалостный легион с тыла. Прежде чем солдаты успели хоть что-то понять, огромные тела чудовищ начали сшибать их с ног, а зубы и клыки рвать на части. Темная лавина монстров пронеслась сквозь людскую массу и нахлынула на вал. Огромные когти разрезали доспехи, как бумагу. Челюсти раскусывали головы и отрывали конечности. Об организованном сопротивлении уже не было речи. Безжалостный легион окончательно превратился в подавшауюся панике толпу.

Зертус не сразу понял, что случилось. Он был полностью поглощен сражением с нападающими рыцарями, и даже лезущие из земли скелеты мало беспокоили его. Скелеты — подумаешь! Эка невидаль. Не до них сейчас, когда решается судьба грандиозной битвы. Но затем он услышал крики своих людей, все более громкие и многочисленные, полные неподдельного ужаса.

Обернувшись, Зертус увидел своих солдат, мечущихся в панике, как стадо беспомощных баранов, а сквозь их толпу неслись серые тела огромных злобных тварей с горящими во тьме глазами. Зертусу не составило труда узнать их. Это были коренные обитатели нейтрально

полосы, ночные хищники. Но никогда доселе эти твари не нападали всей своей массой. Они ведь были животными, не способными к организованным совместным действиям. Да вот только, похоже, кто-то все же догадался их организовать.

Зертусу не понадобилось много времени, чтобы разобраться, что к чему. И он, и добряки сами загнали себя в ловушку Свиностаса. А теперь она захлопнулась. Впереди вставала непреодолимая стена огня, а сзади кровожадной волной накатывали чудовища, бодро перемалывающие его легион.

Впервые в своей карьере Зертус растерялся. Нужно было отдать какие-то приказы, организовать круговую оборону, но было поздно — легион окончательно превратился в обезумевшую от страха толпу.

Твари уже взбирались на вал, выкашивая всех, кто вставал на их пути. Зертус машинально отразил атаки нападающих рыцарей, и вновь обернулся. Одно из чудовищ неслось прямо на него, сбивая с ног и топча лапами оказавшихся на пути солдат. В его оскаленной пасти темнели окровавленные клыки. Зертус резко присел, а затем с неожиданной прытью скакнул в сторону, врезавшись плечом в одного из своих бойцов. Тварь с шумом пронеслась мимо и налетела на рыцарей Ангдэзии. Послышались их испуганные крики, кто-то пронзительно завизжал.

Зертус вскочил на ноги и огляделся. Твари уже были на валу, перескакивали через него и бросались на рыцарей Ангдэзии. Нежить продолжала лезть из земли, однако хватала она только людей, не проявляя ни малейшего интереса к четвероногим чудовищам.

— Отступаем! — пробормотал Зертус, сам не зная, к кому он обращает свой приказ. Его легион перестал существовать. Большая часть солдат была мертва, а те, что еще оставались на ногах, метались в темноте и становились легкой добычей монстров.

В этот момент огромное серое тело возникло возле генерала. Из разверстой пасти пахло гниющим мясом. Зертус вскинул меч и ударил им чудовище, одновременно с этим уходя из-под взмаха когтистой лапы. Его клинок рассек толстую шкуру и погрузился в плоть твари. Та взревела от боли, и вдруг резко бросилась вперед. Ее огромная лапа заскользила вниз. Зертус закрылся мечом, но это его не спасло. Огромные когти со звоном ударили по клинку и переломили его. Лапа скользнула дальше и вмяла внутрь вороненый нагрудник генерала.

Зертус распластался на земле, прекрасно понимая, что уже не сможет встать на ноги. Тварь пронеслась мимо и бросилась в гущу рыцарей. Вокруг него мелькали тела других чудовищ, но никто из них не проявил интереса к павшему генералу. Зертус осознавал, почему его не трогают. С ним уже было покончено. Этих тварей привел сюда не голод, не чисто животная жажда свежей плоти, но чья-то чудовищная воля. Хотя почему же — чья-то? Зертус отлично знал имя этого существа.

— Свиностас! — прохрипел генерал, и умер с этим ненавистным именем на устах. А резня, меж тем, лишь набирала обороты.

Глава 55

В какой-то иной ситуации появление Светы, Лауры и Синары ни в коем случае не осталось бы незамеченным. Но только не теперь. Сильные, независимые и довольно смертоносные женщины застали во дворе яростную битву, полностью захватившую всех ее участников. Лаура с удивлением разглядела среди мелькавших в полумраке тел черных рыцарей в вороненой броне, и удивилась, как это им удалось пробраться в крепость. В

первое мгновение она решила, что злодеям каким-то образом удалось просочиться сквозь огненную стену. Однако это было физически невозможно сделать, да и она бы обязательно почувствовала, случись подобное. Оставалось предположить, что злодейский отряд отыскал иную лазейку. Впрочем, он в любом случае не представлял большой проблемы в силу своей малочисленности. Люди Свиностага успешно справлялись и со злодеями, и с добряками. Последние продолжали биться в воротах крепости и частично проникли внутрь, но этим достижением их скромные успехи и исчерпывались. Гоблины со стен осыпали врагов стрелами и камнями, хотя их контингент успел понести значительные потери.

В первые минуты боя маги Англэзии обрушили на стены целый шквал заклинаний, перебив уйму гоблинов и едва не обрушив оборонительные укрепления Свинарника. Но успех недолго сопутствовал им. Вскоре магам стало не до войны. Сработал сюрприз, приготовленный для них Гамалом. Старый алхимик отказался от идеи использования обычных бомб, предпочтя им старый добрый ядовитый газ. Глиняные горшки с разделенными химическими компонентами были загодя зарыты вдоль стен крепости, и в должный час сыграли свою решающую роль. Вышедший на поверхность газ был бесцветен, имел слабый, почти незаметный на фоне токсичного смрада нейтральной полосы, запах, а потому чародеи далеко не сразу поняли, что дело дрянь. Это осознание пришло в тот момент, когда они друг за другом начали падать на землю, содрогаться в конвульсиях и исторгать из себя потоки кровавой рвоты. На то, чтобы разобраться в ситуации и принять меры ушло слишком много времени. К тому моменту газ выкосил большую их часть. Погибших было мало, но многие, наглотавшись газа, уже не могли ни сражаться, ни даже стоять на ногах, копошась на земле в лужах рвоты и испражнений.

— Снаружи умирают люди, — буднично сообщила Синара, указав рукой на стену огня, окружившую крепость. — Звери пришли. И нежить тоже.

— Хорошо-то как! — выдохнула Лаура с улыбкой. — Жаль, Свиностаг не пошел с нами. То-то бы его черное сердце возликовало от вида великого триумфа. Ну да ладно, ему же хуже. Позже выйдет и попляшет на трупах.

— Стасик такого не делает, — заметила Света, но без особой уверенности. При ней да, не делал. Но вдруг она знает о нем далеко не все?

— А зря. Самое то занятие для темного властелина. Не все же одним эльфийкам отдуваться.

Произнося это, Лаура подняла руку, и в ее ладони, сверкая между сжатыми в кулак пальцами, начало разгораться тело светового копья.

— Ты только наших не зацепи, — сказала ей Синара.

— Да плевать! — фыркнула волшебница. — Нашла о ком беспокоиться. Наши — которые уцелеют.

В ее руке ослепительно засияло световое копьё. Лаура с радостной улыбкой метнула его в сторону ворот, не больно-то целясь в кого-то конкретно. Копье яркой молнией пронеслось над заполненным дерущимися людьми двором и врезалось в гущу сражающихся, разметав бойцов и пропахав в земле глубокую дымящуюся борозду. Под удар угодили и защитники крепости, и паладины. Несколько счастливыхчиков буквально разорвало на куски горелого мяса и оплавленного железа. Раненые корчились на земле, дико крича и дергая обрубками конечностей.

— Боги, как же классно быть злодейкой! — воскликнула Лаура, неосознанно повторяя диковинные слова, услышанные ею из уст властелина Свиностага. — Делай себе, что

хочешь, ни на что не оглядываясь. Добро отстой!

Теперь их, наконец, заметили. Несколько черных рыцарей бросилось к ним, заноса мечи для удара. Синара метнулась навстречу, и легко избегнув контакта с клинками врагов, коснулась каждого из них пальчиком. Рыцари, один за другим, замятво рухнули на землю.

— Сейчас я и их угощу! — с маниакальной улыбкой пообещала Лаура, в чьей руке начало разгораться второе световое копьё.

— К чему эти детские забавы? — строго спросила Света. — Я могу убить их всех, быстро и без ненужных мучений.

— Нет, не вмешивайся, — остановила ее Лаура. — Твоя задача подпитывать энергией стену огня. Не отвлекайся от этого. Остальное предоставь нам. Дай оторваться! Я столько лет прожила святой душой. Хочу наверстать упущенное.

С этими словами она вскинула руку и метнула копьё в гущу черных рыцарей, держащих оборону возле стены крепостного строения.

Мортус, полностью поглощенный битвой, не заметил появления во дворе огненного демона, а вот Трокус обратил на это внимание. Ветеран отлично видел, что чародейка готовится метнуть прямо в них световое копьё. Защититься от подобного заклинания не смог бы ни один черный рыцарь. Трокусу оставалось лишь решить — попытаться спастись самому, или спасти своего господина. Будь у него больше времени на раздумье, Трокус, пожалуй, выбрал бы себя. Но сейчас он действовал рефлексивно, а выработанные рефлексы требовали от него спасения вышестоящего начальства.

Копьё уже несло в их сторону, когда Трокус выронил меч и с силой толкнул Мортуса в спину. Тот, потеряв равновесие, с криком полетел в гущу противников, рухнув им под ноги.

А в следующий миг по ним ударило световое копьё. Польшнуло. Грохнуло. Людей, пыль и камни подбросило в воздух. Трокус тоже почувствовал себя небесной птахой, правда, ненадолго. Затем он тяжело грянулся о стену и рухнул к ее основанию. Сознание старого воина стало угасать, как пламя в прогоревшем костре. Помутневшим взглядом он различил свою правую руку, верную и крепкую, порубившую столько врагов. Теперь рука почему-то качивалась в районе локтя, а затем обрывалась кровавыми лохмотьями и белыми трубками обломанных костей. Трокус попытался шевельнуться, но тело не повиновалось ему. Боли он тоже не чувствовал. Ничего не чувствовал, кроме смертного хлада. Вокруг себя он видел изувеченные людские тела. Видел кровь на камнях. Видел, как в поднятой взрывом пыли мелькали неясные тени. Кто-то орал — громко и страшно, срывая голос. Рядом с ним на земле раскинулась пара шикарных женских ног, явно принадлежавших прежде одной из молодых ведьм. Ноги, как и положено, завершались попой, а вот дальше не было ничего — там чернела пропаханная в земле борозда, оставленная световым копьём. Чуть дальше Трокус различил Кригортуса. Точнее, его половинку. Верхнюю. Ног и задницы у молодого зазнайки больше не было. Из разорванного живота колдуна тянулись гирлянды кишок и лезла, пузырясь, какая-то черная масса. Кригортус был еще жив. Его окровавленная, посеченная каменными осколками, голова конвульсивно дергалась. Из распахнутого в немом крике рта выплескивалась рвота.

«Вот и все» подумал Трокус отстраненно. «Отвоевался».

В его поясной сумке покоился пузырек с лечебным зельем, но Трокус прекрасно понимал, что никакие снадобья его уже не спасут. Он лишь надеялся на то, что умер не напрасно, и сумел спасти от гибели своего господина. И тот, рано или поздно, сумеет отомстить за своего верного слугу. Ну, или хотя бы выпьет за его упокой.

— Перестань швыряться магией, — потребовала Света от Лауры. — Ты убиваешь наших людей. Стасик этому не обрадуется.

— Свиностас эгоистичная свинья, ему дела нет ни до кого, кроме себя любимого, — бросила ей Лаура. — Не мешай мне, демон. Ибо это мое отмщение.

— Кому?

— Всем! Всем, кто с рождения обманывал меня, внушая бредни о благодати добра и сострадания. Какая же это все чушь! Правда в том, что сколько ни делай добра, тебе обязательно оплатят за него навозной валютой. А теперь эти лицемеры явились сюда со своим вонючим добром. Так что пускай не ждут от меня пощады. А его я оставлю на сладкое.

— Кого — его? — спросила Синара.

— Не твое дело! — рявкнула Лаура. — Не лезьте под руку.

Она сотворила еще одно световое копье и швырнула его в сторону ворот. В этот раз попадание вышло более метким — четверых паладинов разорвало на куски, почти не зацепив защитников крепости.

Рогзар, что бился возле ворот, едва не оказался в числе тех, кого магия Лауры разметала на кровавые ошметки. Верховный паладин успел прикрыться магическим щитом, но даже тот не сумел полностью погасить силу удара. Рогзара бросило назад, и он тяжело врезался спиной в каменную стену. Рядом с ним яростно бился Ильнур. Вокруг него на земле высилась целая гора вражеских тел. Сам Ильнур был с ног до головы в крови и мясе. Его доспехи превратились в изрубленный и мятый металлолом. Но святой меч по-прежнему быстро и яростно сверкал в его руке, отражая и нанося удары.

Рогзар обернулся. На том месте, где он только что стоял, в земле образовалась глубокая пропаханная борозда. По сторонам от нее лежало то, что еще секунду назад было его паладинами. Теперь же это были куски окровавленного мяса и мятого железа. Трое раненых рыцарей корчились в пыли, истекая кровью и крича от боли. Один из них, извиваясь и пронзительно вопя, дергал в воздухе кровоточащими обрубками ног. Другой пытался содрать с головы смявшийся и сдавивший череп шлем.

Рогзар поднял голову и взглянул поверх голов сражающейся людской массы. И увидел Лауру. Она стояла рядом с огненным демоном и какой-то неведомой тварью в белом саване. Ее лицо, некогда прекрасное, искажала улыбка злобного торжества.

Верховному паладину понадобилось несколько секунд, чтобы осознать увиденное. Лаура! Здесь! Так вот к кому сбежала предательница. Не к императору Дакросу, как полагали все. Она нашла себе иного господина.

— Лаура! — взревел Рогзар.

Волшебница его не слышала — в крепости стоял жуткий шум и грохот.

В Рогзаре вскипела лютая, давно уже не посещавшая его, ярость. Было время, когда охваченный подобной яростью, он обращал в бегство вдесятеро превосходящих его числом противников. Когда врывался во вражеский строй и рубил всех вокруг налево и направо, повергая недругов в священный ужас своим смертоносным натиском. С годами кровь его остыла, да и возраст брал свое. Но сейчас Рогзар вновь ощутил себя двадцатилетним героем, полным сил и мутящей разум безумной ярости.

— Лаура! — взревел он, и на этот раз волшебница слышала его крик. Она повернула голову и заметила верховного паладина. Ее ухмылка стала шире.

Рогзар бросился вперед, сквозь гущу врагов. Меч в его руке запел веселую песню

победы. Сверкающий белизной клинок каждым своим взмахом отнимал чью-то жизнь. Рогзар рвался сквозь вражескую массу, не чувствуя ни усталости, ни боли, а только всепоглощающую ярость. И в какой-то момент противники дрогнули, Даже головорезы нейтральной полосы ужаснулись гнева верховного паладина. Они расступились перед ним, и Рогзар понесся вперед, занеся меч для удара. Он сконцентрировал в клинке всю свою силу, всю магию, какая еще оставалась. Лаура стояла на месте, наблюдала за ним и криво усмехалась.

А затем Рогзар ударил. Взмахнул мечом, послав перед собой волну своей магии и ярости. Та понеслась к цели, раскалывая землю и сотрясая воздух, расшвыривая со своего пути головорезов Свиностаса. Казалось, ничто уже не остановит ее. Но в последний момент огненный демон вскинул руку и простер ладонь навстречу магическому импульсу. И вся энергия страшного удара бессильно разбилась об эту преграду, не причинив Лауре никакого вреда.

Рогзар остановился. Он едва держался на ногах. Тяжелое дыхание с хрипом рвалось из его груди. Он потратил все свои силы на этот бросок.

— И это все? — насмешливо спросила Лаура. — Все, что припас для меня верховный паладин Ангдэзии? Давно тебе, старый пень, пора было уйти на покой.

— Лаура, гадина... — выплюнул Рогзар. — Как ты могла предать нас?

Лаура, улыбаясь, шевельнула пальцами, и Рогзара подняло в воздух. Он заскрежетал зубами от боли, чувствуя, как чудовищная сила сжимает его доспехи, вдавливая их внутрь, вместе с его мясом и костями. Он судорожно стиснул пальцы на рукояти святого меча, но в следующий миг клинок с оглушительным грохотом раскололся и ссыпался наземь крошечным мелким потускневшим обломком.

Ильнур увидел Рогзара, повисшего над крепостным двором, и Лауру, которая медленно и с явным наслаждением убивала верховного паладина Ангдэзии. Он рванулся вперед, на выручку своему командиру. Яростно прорубился сквозь вставших на пути врагов, и уже приготовился метнуть в предательницу свой меч, когда резкая боль в бедре заставила Ильнура охнуть и упасть на колени.

Он быстро обернулся, одновременно отмахиваясь мечом от подло подобравшегося врага. И увидел перед собой тощую невысокую девчонку с кинжалом в руке. Похоже, этим-то кинжалом она и ткнула его в бедро, найдя узкую лазейку в прочной латной броне.

— Паладин-паладин, я тебя съем! — весело пригрозила Злюка.

Ильнур вновь попытался достать ее мечом. Девчонка, радостно хохоча, нырнула в толпу и растворилась в ней.

Ильнур попытался встать на ноги, но не смог. Он чувствовал, как из раны обильно сочится кровь. Перетянуть ее он не мог — для этого требовалось снять доспехи. Да и кто бы позволил ему заниматься лечением. Враги уже обступали его. Они прекрасно видели, что паладин ранен, и больше не может сражаться. С хищными ухмылками на лицах люди Свиностаса окружили его, в предвкушении поигрывая оружием. Сквозь их ряды Ильнур видел Рогзара. Тот уже не извивался и не кричал. Он повис в воздухе измятой безжизненной куклой, с которой на землю потоками лилась кровь. Затем Лаура взмахнула рукой, и тело верховного паладина Ангдэзии рухнуло на землю. Больше Ильнур его не видел. Его окружили враги. Стоя на коленях, он поднял меч, готовясь если не дать последний бой, то хотя бы умереть с честью, забрав с собой еще нескольких злодеев.

А в следующий миг мир взорвался ярким светом и чудовищным грохотом. Ильнура

подбросило в воздух и потащило по земле. На него градом посыпались каменные обломки. Затем огромный гранитный блок вдруг рухнул и придавил Ильнуру ноги. Тот закричал от боли, но в следующий миг крупный камень ударил его в голову. Не будь на нем шлема, этот снаряд расколот бы ему череп. Но даже сквозь шлем удар вышел настолько сильным, что вышиб из Ильнура сознание.

Крепости больше не было. Стены и башни смело подчистую. Их обломки засыпали двор, погребя под собой всех, кто сражался внутри. К черному небу взметнулось огромное густое облако пыли. Мелкие камешки, подброшенные в воздух взрывом, еще продолжали падать, издавая в наступившей тишине гулкие щелчки. Не было слышно ни криков раненых, ни голосов живых. Только из-за огненной завесы по-прежнему доносились приглушенные звуки кипящей там битвы.

Глава 56

Элария чувствовала все: и как умирали рыцари, отделенные от нее огненной стеной, и как гибли паладины и маги, прорвавшиеся к крепости Свиноста. Она ощущала смерть каждого, видела, как в сгустившейся тьме гаснут, одна за другой, яркие искорки жизней. Но ничего не могла с этим поделать. Все ее силы уходили на то, чтобы сдерживать огненную стену в неподвижном положении. Стоило ей ослабить контроль, и эта стена могла двинуться как в сторону крепости, обратив в пепел и ее саму, и всех остальных чародеев, либо в сторону войска Ангдэзии. В последнем случае заживо сгорят тысячи рыцарей, сила и краса королевства добра, его главная опора и защита.

С каждой минутой Элария впадала во все большее отчаяние. Она всех подвела. Явилась сюда, чтобы расправиться с демоном, а теперь вынуждена стоять и бездействовать, безучастно наблюдая за гибелью героев Ангдэзии. Юный паладин Николай, по-прежнему остававшийся подле нее, ничем не мог помочь верховной чародейке. Так же, как и она, он был вынужден безучастно наблюдать за тем, что все больше и больше приобретало черты самого крупного и страшного поражения сил добра за всю историю Ангдэзии.

Дело шло к тому, что никто из пришедших на нейтральную полосу героев света не вернется с нее живым. Элария могла легко спасти себя — ничто не мешало ей прямо сейчас телепортироваться в любую точку мира. Пожалуй, она сумела бы прихватить за компанию сотню-другую соратников. Но что такое пара сотен на фоне десяти тысяч? И как она сможет жить после этого? Как сможет жить, сбежав с поля боя и бросив армию на растерзание Свиноста?

— Госпожа, там что-то происходит, — прокричал Колька, указывая на огненную стену.

Элария знала это и без него. Юный паладин слышал заглушенный ревом пламени шум битвы, а Элария прекрасно видела все, что делалось по ту сторону огненной завесы. Монстры покончили с армией Кранг-дана, и теперь взялись за рыцарей Ангдэзии. Те пока держались — им удавалось сохранять порядок и строй, но с каждой секундой они несли все большие потери. Рано или поздно порядок рухнет и начнется паника. И тогда бестии Свиноста вырежут всех до одного.

Затем Элария ощутила мощную волну энергии, дошедшую из крепости. Сквозь мельтешение сотен аур она заметила пламенеющее сияние демона. Тот явился. Это могло означать одно — близится финал этого кошмара. Свиноста убьет всех. Он ждал их. Ждал, и подготовил теплый прием. Эта тварь не думала о бегстве. Темный властелин решил не откладывать дело завоевания мира в долгий злодейский ящик. Оно начнется сегодня. Как

только армия Англэзии будет уничтожена, ничто не помешает Свиностау атаковать королевство добра. Силы приграничных крепостей, чьи гарнизоны почти полностью состояли из призванных героев, и близко не хватит, чтобы задержать этого монстра и его подельников. Они прорвут оборону и ворвутся в Англэзию. Пока король успеет собрать армию и выступить против агрессоров, те превратят половину страны в безжизненную пустыню.

Элария поняла, что нужно действовать, и действовать немедленно. Оставаясь на месте и удерживая огненную стену, она ничем не помогала своим соратникам. Они все равно умрут, не от огня, так от когтей и клыков. Да и демон неспроста появился снаружи. Он собирался вступить в бой.

— Госпожа! — прокричал Колька. — Надо что-то делать. Слышите? Там, за стеной....

— Я знаю! — грубо рявкнула на него Элария, заставив паладина отшатнуться.

Все она знала и без подсказок. Все в войске надеялись на ее силу, а она подвела их. Разве что попытаться переломить ситуацию? Поставить все на один решительный удар. Элария отлично видела демона — его алая аура сияла сквозь крепостные стены, как огромная багровая звезда. Верховная волшебница не сомневалась в том, что именно демон подпитывает энергией огненную стену. Следовательно, если убить его, у них появится шанс. Вот только действовать нужно было наверняка. У нее не будет второй попытки. Она и без того истратила немало сил на борьбу с огненной стеной. Нужно использовать все, что осталось. Вложить всю энергию в один удар и покончить с чудовищем.

— Беги! — бросила она Кольке.

— Госпожа, что вы...?

— Беги! — зло прокричала Элария. — Беги от меня, если жизнь дорога.

В этот раз Колька отлично понял ее. Он развернулся и помчался прочь, вдоль огненной стены. Элария дала ему небольшую фору, а затем с облегчением опустила посох. Огненная стена тут же взревела и вспыхнула с новой силой. Огонь надвинулся на верховную волшебницу, опаливая ее волнами жара. Та повернулась к нему спиной. Перед ней темнела крепость, озаряемая вспышками заклинаний. Изнутри доносился шум битвы. Демон был там, посреди двора. Он стоял на месте и бездействовал, словно чего-то выжидая. Возможно, команды Свиностаа покончить со всеми.

Элария воздела посох над головой. Сияние кристалла на его вершине стремительно набрало силу. Волшебница медленно забормотала заклинание, не обращая внимания на жар пламени, все ближе подступающий к ней со спины. Она полностью сосредоточилась на своей магии, вгоняя в заклинание всю оставшуюся силу до капли. Кристалл ее посоха сиял, как огромная звезда. Земля под ногами верховной волшебницы дрогнула. Воздух с гулом вибрировал. Древко посоха раскалилось так, что обожгло Эларии пальцы. Но волшебница не остановилась. Она продолжила накачивать заклинание силой. Потому что знала — второй попытки не будет. Либо она убьет демона одним ударом, либо всем им конец, и ей, и войску, и Англэзии, и этому миру.

С ослепительно сияющего кристалла срывались молнии и с шипением скользили по идущей трещинами земле. Посох дымился. Элария ощутила вонь горящего мяса, и поняла, что этот дивный аромат источают ее ладони. Древний посох трясло и дергало в стороны. Кристалл гудел, разбрасывая молнии. Элария поняла, что время пришло. Она отдала заклинанию всю свою силу, и теперь едва держалась на ногах. Оставалось поставить финальную точку.

Прищуриив слезящиеся от жара глаза, Элария поймала взглядом цель — сверкающую алую звезду. Затем тяжело взмахнула посохом, словно тот был огромным боевым молотом, и бросила в цель всю накопленную энергию. Та рванулась вперед со страшным грохотом и воем. Сгусток дикой и страшной силы пронесся над землей, раскалывая ее глубокими трещинами и вздымая в воздух тучи пыли. А затем он врезался в крепостную стену и разнес ее вдребезги. Огромные блоки брызнули в стороны мелким щебнем. Стены и башни взлетели в воздух. Камень, сталь и плоть смешались в одну массу. Магический импульс прошел сквозь все, не заметив преграды, и вонзился в демона. Раздался страшный грохот. Ударная волна, разойдясь в стороны, разбросала камни и тела убитых. Над тем местом, где секунду назад высилась крепость Свиноста, поднялась огромная плотная туча серой пыли. Каменные обломки, подброшенные в воздух взрывом, медленно падали на землю. После оглушительного грохота вдруг наступила тишина.

Элария напряженно вглядывалась в пылевое облако. Сияние огненной ауры начало угасать. Оно становилось все слабее, пока не сжалось в едва заметную алую точку. Рядом Элария разглядела еще несколько живых существ, но все остальные люди и нелюди, бывшие в крепости, погибли. И паладины, что прорвались внутрь, и маги, что поддерживали их атаку. Но у верховной волшебницы не осталось сил на скорбь и сожаления. Да и был ли у нее иной выбор, кроме как пожертвовать своими соратниками ради победы над демоном?

Опустив взгляд, Элария обнаружила в своих трясущихся руках короткий обломок посоха с разломаченным концом. Кристалл исчез. Похоже, он не выдержал сконцентрированной в нем энергии и взорвался. Древняя реликвия, наследие чародеев прошлого, была навсегда утрачена.

Элария пошатнулась, выронила из обожженных ладоней обломок посоха, и без чувств рухнула на землю.

Через минуту к ее телу побежал Колька. Благодаря тому, что Элария предупредила его заранее, он успел уйти подальше и не пострадал. Почти не пострадал. Когда крепость Свиноста взорвалась, его сшибло с ног ударной волной, а грохотом едва не вышибло барабанные перепонки. Оглушенный и слегка контуженный, Колька все же чувствовал себя намного лучше верховной волшебницы. Та лежала на земле и до дрожи напоминала труп. Подбежав к ней, Колька перевернул Эларию на спину и поразился жуткой бледности ее враз постаревшего лица. Он прижал палец к ее запястью, и с огромным облегчением ощутил слабый и редкий пульс. Элария была жива.

Крепости больше не было. Пыль медленно оседала, открывая взору горы каменных обломков. Где-то там находился Ильнур. У верховного паладина Форинга было немного шансов уцелеть. Диво, если там выжил вообще хоть кто-то.

Колька взглянул на огненную стену, и отметил, что та слабеет на глазах. Рвущееся из земли пламя утрачивало свою былую интенсивность. Похоже, Элария все-таки достала демона. Скоро огонь погаснет, а тьма, закрывшая солнце, рассеется. Скорее бы, потому что из-за огненной стены продолжали нестись ужасные крики и шум кипящей битвы.

Колька расстегнул небольшую сумочку на поясе Эларии и выудил оттуда крошечный пузырек из прочного стекла, наполненный темно-красной жидкостью. Это зелье должно было поставить волшебницу на ноги. И хорошо бы поставило. Она все еще была нужна очень многим.

Выдернув пробку из пузырька, Колька попытался поднести его к губам Эларии. Но донести не успел. Слякянка вдруг задрожала в его руке, а затем лопнула, порезав Кольке

пальцы. Драгоценное зелье выплеснулось на серую почву нейтрально полосы.

— Какого хрена? — пробормотал Колька. — Что про....

Он поднял взгляд и обмер.

Кто-то шел к нему со стороны разрушенной крепости.

Колька медленно поднялся на ноги и потащил из ножен меч. Поднятая взрывом пыль все еще мешала ему разглядеть идущего человека, но юный паладин уже знал, кто это.

Лаура не торопилась. Она знала, что у нее еще есть время. Огненная стена погаснет не сразу. Да и тьма, закрывшая солнце, продержится какое-то время. В ее распоряжении оставалось две-три минуты. Этого было более чем достаточно.

Она отлично видела своего Коленьку, застывшего с мечом в руке подле тела Эларии. Верховная волшебница была жива, но она полностью опустошила себя. В таком состоянии ее можно было не опасаться. В следующий раз Элария сможет колдовать нескоро, если вообще сможет. Точнее, если доживет до этого следующего раза.

Лаура неспешно подошла и встала напротив своего бывшего возлюбленного. Колька какое-то время таращил на нее удивленные глаза, затем, словно опомнившись, торопливо бросил меч на землю.

— Лаура, слава богу! — выдохнул он. — Я за тебя беспокоился.

Губы волшебницы скривились в презрительной ухмылке.

— У тебя кровь, — снова сказал Колька самым участливым и нежным тоном, на какой только был способен. — Ты не ранена?

Лаура была ранена. Ей лишь чудом удалось пережить удар Эларии. Она ощутила его за секунду до того, как сгусток энергии разнес крепость, и успела разорвать магические узы, связывающие ее со Светой и Синарой. И все же ей сильно досталось. Она крепко приложилась затылком о камень, и теперь чувствовала, как по шее, щекоча кожу, медленно стекает струйка крови. Но в настоящий момент она не чувствовала боли. Ее трясло от ненависти. И Лауре стоило огромного труда удерживать ее под контролем.

— Явился, значит, — процедила она сквозь зубы. — Хватило наглости.

— Лаура, я здесь ради тебя, — сказал Колька. — Не знаю, какие причины подвигли тебя сделать то, что ты сделала....

— Какие причины? — медленно, не веря своим ушам, произнесла Лаура. — Ах ты грязный свинтус! Стоишь здесь и насмехаешься надо мной. Это вот ты зря. Это раньше ты мог вытереть об меня ноги. Когда я была добренькой дурой. Но я поумнела.

— Лаура, Свиностаc обманул тебя, — сказал Колька. — Еще не поздно все исправить. Давай вернемся в Ангдэзию.

— Нет, мы туда не вернемся, — хищно ухмыльнулась Лаура. — Уж ты-то точно. Что, Коленька, любишь молоденьких целительниц? Ну, я надеюсь, ты хорошо с ней попрощался. Больше, потому что, не увидите.

Колька беспомощно развел руками.

— Хочешь меня убить? — спросил он. — Хорошо, убей. Я не могу тебе помешать. Да и не собираюсь. Виноват ли я? Конечно. Но я живой человек. Все мы совершаем ошибки. И разве моя ошибка так уж страшна на фоне твоей?

— Я никакой ошибки не совершала, — сквозь зубы процедила Лаура. — Единственной моей ошибкой было связаться с тобой. Свиностаc все рассказал мне о тебе. Ты мерзавец, и всегда им был.

— Ах, Свиностаc рассказал, — вздохнув, произнес Колька. — Ну, кому же верить, если

не Свиностапу? Свиностап врать не станет.

— Мне его слова и не к чему, — фыркнула Лаура. — Я и без него все знаю о тебе.

— Что ты знаешь? Из-за моей интрижки с Альминой ты предала Ангдэзию и примкнула к Свиностапу. Погляди вокруг. Там, в крепости, лежат убитые паладины и маги. Многих из них ты наверняка знала лично. А там, — Колька указал себе за спину, на огненную стену, — продолжают гибнуть рыцари, защитники добра. И все эти смерти случились из-за твоей ревности. Я не отрицаю своей вины. Я подло поступил по отношению к тебе, и признаю это. Но твоя вина несоизмеримо больше.

Лаура тупо уставилась на Кольку. До нее как будто только сейчас дошло, что она натворила. До сего момента все, что она делала, казалось ей логичным и правильным. Но теперь, когда Колька вслух перечислил ее достижения, Лаура ужаснулась.

— Как же так? — прошептала она. — Почему это случилось? Я не хотела....

— Лаура, послушай, — обратился к ней Колька, медленно приближаясь к волшебнице. — Да, все очень плохо. Но у тебя еще есть шанс. Мы все исправим.

— Да как такое исправишь? — разрыдалась Лаура. — Я убила Рогзара.

— Это не ты, — замотал головой Колька, продолжая подступать к Лауре. — Это Свиностап. Он околдовал тебя.

— Нет.

— Да! Ты просто этого не знаешь. Он обманул тебя, и обманом принудил служить ему. Все же знают, насколько хитер и опасен этот монстр. Ты не понимала, что делала.

— Да понимала я все, — всхлипывая, прорыдала Лаура. — Что ты тут сочиняешь? Это все делала я.

— Нет, не ты. Свиностап хочет, чтобы ты так думала. Но это неправда. Ты жертва, а не злодейка. Все это поймут. Никто не станет ни в чем тебя винить.

Колька приблизился настолько, что уже мог коснуться Лауры.

— Ну же, — сказал он, нежно беря ее за плечи. — Иди ко мне. Иди.

Лаура, рыдая, прижалась к его груди.

— Все, все, — нежно глядя ее по волосам, сказал Колька. — Глупышка Лаура. Все будет хорошо.

— Не будет, — проревела Лаура, обхватив руками Колькину талию.

— Будет, будет, вот увидишь. Я тебе обещаю.

Колькины пальцы нащупали рукоять кинжала, висящего на поясе Лауры. Это было скорее декоративное украшение, чем боевое оружие — чародеи Ангдэзии частенько носили при себе отделанные золотом и драгоценными камнями кинжалы, которые служили им своеобразным цеховым знаком. Но клинок этого кинжала, выкованный из отменного сплава, был достаточно прочным и острым, чтобы успешно пробить человеческую плоть.

Резкая боль заставила Лауру охнуть и присесть. Отчаянно цепляясь за своего Коленьку, она опустила взгляд и увидела рукоять собственного кинжала. Та торчала из ее груди, прямо над сердцем.

Лаура пошатнулась и упала на землю. Ее угасающий взгляд сфокусировался на Коленьке. Тот стоял над ней, холодно и безразлично глядя на умирающую волшебницу. Лаура попыталась что-то произнести, но жалкий хрип, вырвавшийся из ее горла, почти тотчас же оборвался, сменившись вечной немотой.

Колька постоял, наблюдая за тем, как тело Лауры, вздрогнув несколько раз, навеки замерло, затем подобрал свой меч и вложил его в ножны. Он приготовился вновь заняться

Эларией — вдруг в ее сумочке завязалось еще одно зелье? — но тут краем глаза заметил две фигуры, приближающиеся к нему со стороны крепости.

— Снова гости, — проворчал Колька, роняя ладонь на рукоять меча.

Но оружия он не обнажил. А когда парочка приблизилась настолько, что людей стало возможно разглядеть во всех подробностях, у Кольки челюсть отвисла от изумления.

— Быть не может! — выдохнул он.

Одну из них, мелкую тощую девчонку, он видел впервые. Зато сразу же узнал ее спутника. Это был Андис — столичный паладин, пропавший без вести в ходе прошлой битвы со Свиностагом и его демоном. Его считали погибшим, умученным в застенках темной империи. А он-то вот он, жив и вполне здоров.

Девчонка, размазывая слезы по лицу, истошно завопила:

— Добренький дяденька, помогите! Спасите нас, несчастных!

Колька все понял. Судя по всему, перед ним были узники Свиностага. Похоже, эту парочку держали в темнице, а теперь, когда крепость рухнула, они сумели выбраться на свободу.

— Ладно, ладно, спокойно, — сказал им Колька. — Идите сюда. Сейчас посмотрю, что еще есть в сумке у волшебницы. Может и вам что-то перепадет.

Он повернулся спиной к Андису и его спутнице. Всего на секунду. Но Злюке хватило и этой малости.

Глава 57

Черная тень, закрывшая собою солнце, начала рассеиваться одновременно с тем, как окружившая крепость стена огня пошла на убыль. Стоило первому свету дня, еще тусклому и робкому, упасть на нейтральную полосу, как все чудовища тут же прекратили свое кровавое бесчинство и обратились в бегство, а мертвецы робко спрятались обратно под землю.

Остатки Безжалостного легиона отступали малыми группами, стараясь поддерживать минимум порядка, необходимого для обороны. Но их никто не преследовал. Войску Ангдэзии было не до того. Понесенные потери еще предстояло сосчитать, но и так было ясно, что они огромны. Вся земля по обе стороны наспех возведенного защитного вала была усеяна телами павших. Рыцари Ангдэзии лежали вперемешку с воинами темной империи. Их разорванные, изувеченные трупы смешались в однородную окровавленную массу из откусанных конечностей и голов, вырванных внутренностей и мятого железа. Множество раненых нуждалось в срочной помощи, которую почти некому было оказывать — злодеи, атаковавшие лагерь Ангдэзии под покровом тьмы, перебили большую часть находившихся там целителей и слуг.

Но и те рыцари, что ничуть не пострадали в битве физически, не были готовы продолжать это кровавое безумие. Никто из них и не думал о том, чтобы преследовать остатки вражеского войска. Бойцы пребывали в шоке. Многие едва держались, чтобы не скатиться в натуральную истерику. Вид заваленного окровавленной человечинной поля повергал в трепет. Но еще больший ужас рождали воспоминания о только что завершившейся резне. Разумеется, каждый рыцарь Ангдэзии был осведомлен о чудовищах, населявших нейтральную полосу, а многим даже доводилось иметь с ними дело. Но никогда доселе эти твари не выступали организованной массой, никогда не превращались в настоящее войско. Теперь это случилось. И многим стало ясно — нейтральная полоса не просто гиблое и опасное место. Она представляет реальную угрозу существованию

королевства добра, да и зла, пожалуй, тоже. Черная воля ужасного монстра объединила всех здешних тварей и бросила их в бой. И они показали свою силу.

Командиры всеми силами пытались навести порядок в своих подразделениях, наспех прикидывая понесенные потери. По мере того, как тень сползала с солнечного диска, открывалось все больше подробностей чудовищной резни. Защитного вала, возведенного армией Ангдэзии, не было видно под горой окровавленных тел. Среди убитых людей и лошадей лежало немало туш явившихся во тьме тварей. Многих люди видели впервые и ужасались их облику. Язык не поворачивался назвать их животными. Противоестественность и кошмарность этих существ ставила в тупик. Природа не могла породить подобных бестий. Тут явно поработала иная сила. Рыцари на кого только ни грешили. Но правда была проста — тварей нейтральной полосы породили совместные усилия двух вечно враждующих держав. Это они отравили здешнюю землю и воду, насытили ядом воздух нейтральной полосы. Именно этим питательным бульоном и были вскормлены чудовища, пришедшие сегодня поблагодарить за все своих создателей.

Первый шок прошел, и рыцари, спешившись, отправились бродить по полю боя, собирая раненых и опознавая убитых друзей. Опознание не всегда было возможно. Большая часть тел представляла собой бесформенные куски окровавленного мяса со следами ужасных когтей и зубов. Трудно было не только отличить добряков от злодеев, но и людей от лошадей или тварей нейтральной полосы.

На земляном валу, где произошла самая яростная битва, под телами убитых не было видно земли. На целой куче порубленных рыцарей лежал, устремив в светлеющие небеса пустой безжизненный взгляд, генерал Зертус. От его вороненых доспехов осталось одно название. Рядом с генералом покоился его сломанный меч.

Огненная стена истаивала. Пламя слабело, и вскоре сквозь его завесу проступили очертания крепости Свиноста. Та разительно изменилась. Целая в начале битвы, ныне она представляла собой жалкие руины. Какая-то страшная сила пронеслась сквозь твердыню, разметав стены, порушив башни и раздробив каменные блоки в мелкий щебень. О судьбе прорвавшихся внутрь магов и отряда паладинов оставалось только гадать. Рыцари бессильно топтались перед стеной огня, терпеливо дожидаясь, когда та полностью погаснет. Им было отчего встревожиться. Внутри находилась Элария — верховная волшебница Ангдэзии. Там же оказался и глава рыцарского ордена Рогзар. Страшно было даже допустить мысль, что эти грозные защитники королевства добра погибли. Без них, а в особенности без Эларии, Ангдэзия заметно ослабнет. А ведь она уже ослабла, потеряв столько доблестных рыцарей и магов.

Наконец огонь полностью погас, а с солнечного диска сползли последние остатки черноты. Рыцари устремились к развалинам крепости, и вскоре увидели перед ней одинокую, стоящую на коленях, фигуру. Судя по доспехам, это был один из паладинов. Всадники подскакали к нему, спешили, и побежали ближе.

— Со мной все в порядке! — рявкнул Колька, отмахиваясь от множества рук, пытавшихся оказать ему помощь.

Он был бледен. Его красивое лицо искажала гримаса боли. Он стоял на коленях, просунув правую руку под кирасу и пытаясь зажать ладонью кровоточащую рану в боку.

— Оставьте меня и спасайте Эларию! — прокричал он окружившим его рыцарям. — Ее забрали в крепость. Скорее!

Рыцари бросились к развалинам. Колька и сам бы бросился, если бы мог подняться на

ноги. Но ему оставалось только стоять на коленях, зажимать рану и корить себя за преступную беспечность. Как он только мог так нелепо сглупить? Как мог позволить злодеям подобраться к себе и поразить кинжалом?

Впрочем, стоило отдать должное силам зла. Те проявили недюжинное коварство. Они сумели ловко усыпить бдительность юного паладина, подослав к нему знакомого человека.

Этим знакомым оказался Андис. Он появился из крепости почти сразу же после того, как Колька покончил с Лаурой. Стоило немалого труда узнать пропавшего паладина. Андис выглядел так, словно прошел все круги ада на харде. Вместе с ним брела щуплая тощая девчонка, по чьему лицу катились потоки слез. Эта парочка не внушала никакой угрозы. Выглядели они как пленники, вырвавшиеся на свободу из своей темницы. Именно за них Колька и принял Андиса и его спутницу. Он решил, что те находились в плену у Свиноста, а вот теперь, когда его крепость была разрушена, выбрались на волю и нуждаются в помощи.

Эта роковая ошибка едва не стоила Кольке жизни. Только чудом кинжал, вдруг оказавшийся в руке у девчонки, не задел ни одного жизненно важного органа. Тем не менее, ранение вышло серьезным. Рухнувшему на колени Кольке оставалось лишь бессильно наблюдать за тем, как Андис легко взваливает на плечо бесчувственное тело Элэрии, и вместе с девчонкой они убегают обратно в крепость.

— Андис! — вскричал Колька, и хрипло закашлялся, морщась от боли в боку. — Андис! Гнусный предатель.

Бывший паладин даже не обернулся. Зато обернулась девчонка, чьи притворные слезы сумели ввести Кольку в заблуждение, злобно ухмыльнулась и показала паладину язык.

Это случилось минут десять назад. И за это время злодеи могли сделать с беспомощной пленницей все, что угодно. Например — убить. На это достаточно и секунды. И все же Колька заорал на подбежавших рыцарей, чтобы те живо шли в крепость и искали похищенную волшебницу, а не крутились вокруг него. Те вняли и поспешили к развалинам.

Магический удар, пробивший стену крепости, превратил внутренний двор в братскую могилу. Здесь вперемешку, присыпанные щебнем, лежали паладины, светлые маги, черные рыцари, злые колдуны и люди Свиноста. Почти все они были мертвы. Лишь несколько человек еще подавали скудные признаки жизни. Одним из них оказался Ильнур — верховный паладин Форинга. Огромный каменный блок, рухнувший на него, придавил паладину ноги, но он же защитил его от града обломков, выкосивших всех остальных во дворе. На теле Ильнура не было живого места от многочисленных ран. Самое скверное ранение несло на себе бедро — кто-то ткнул паладина кинжалом, и ткнул хорошенько. Истратив последние крохи магии, Ильнур сумел остановить кровотечение, но у него уже не было сил на то, чтобы выползти из-под блока. Если бы не подоспели рыцари и не оказали ему помощь, верховный паладин Форинга не дожил бы и до полудня.

Но радость по поводу находки живого паладина была недолгой. Потому что среди кучи мертвых тел рыцари с ужасом обнаружили своего предводителя Рогзара. Глава ордена паладинов принял страшную смерть. Его искореженное, смятое тело словно побывало в аду. Рядом с ним рассыпались осколки его святого меча — древней реликвии, которая переходила от одного главы ордена к другому на протяжении сотен лет.

Рыцари устремились внутрь крепостной постройки, почти не пострадавшей от магического удара. Они осмотрели ее всю, сверху донизу. Обыскали каждый уголок и каждую щелочку. Но не нашли никаких следов Элэрии или Свиноста, или иных уцелевших злодеев. Вывод напрашивался сам собой — Свиноста и его уцелевшие подельники ушли

через портал, забрав с собой верховную волшебницу Ангдэзии. А это означало, что все принесенные жертвы были напрасными. Темный властелин выжил. И ни у кого из воинов добра не было сомнений в том, что скрылся этот изверг ненадолго. Вскоре он скопит новые силы и вернется, чтобы продолжить вершить свои черные дела.

Не во всем они были правы, но во многом. Свиностас действительно сбежал, и действительно через портал. Правда, набираться новых сил и возвращаться он не планировал, да только кто же ему поверит, монстру этому.

Спрятавшись в одной из внутренних комнат крепости, Стасик вместе с Рианой и Гамалом прислушивались к гремящему снаружи сражению. А то загремело вдвое громче, когда в дело вступил триумвират сильных и независимых женщин. От грохота взрывов задрожали каменные стены строения, а с потолка посыпалась пыль и каменная крошка. Стасик сжался от ужаса, не зная, чего и ждать. Дело усугублялось тем, что он вообще очень смутно представлял себе план своих соратниц. Приходилось с горечью признать, что властелин из него никудышный. Он больше напоминал выжившего из ума правителя, который мало что соображает и исполняет чисто представительские функции, в то время как руководство державой осуществляют ушлые серые кардиналы. Стасик из ума не выживал, хотя правильный мир очень старался довести его до этого состояния, но и ко всему разразившемуся кошмару он отношения почти не имел. Знал только, что там, снаружи, погибают люди. Множество людей, которых он знать не знал, и которые не сделали лично ему ничего плохого. По чистому недоразумению его сочли темным властелином, угрозой миру, и не оставили выбора, кроме как защищать свою жизнь. Впрочем, даже этим занимался не столько он сам, сколько его разросшийся штат соучастников.

— Да, разгулялись, — пробормотал Гамал, прислушиваясь к грохоту и шуму битвы.

— Сами виноваты, — бросила Риана. — Кто к Свиностасу с мечом придет, тот кишок не соберет.

— И как я до этого докатился? — пробормотал Стасик в отчаянии. — Хотел же просто стать великим чародеем и получить гарем красоток. И все. Я что, о многом просил?

— Что ты там бормочешь? — спросил старый алхимик. — Чем ты опять недоволен?

— В принципе, всем, — признался Стасик. — Особенно тем, что все вокруг хотят моей смерти. Добряки, злодеи, и еще этот Васек... Господи, ну и тварь же! Я нутром чую, что он еще жив.

— Что за темный властелин без сонма врагов? — удивилась Риана. — Чем заняться темному властелину, когда все враги побеждены? Он от скуки помрет. Радуйся, Свиностас, что столь многие ненавидят тебя.

— Ага, радости полные штаны, — буркнул Стасик, который так и не сумел вжиться в роль темного властелина. Эта роль была не по нему. Ну не лежала его душа к злодеяниям и подлостям, геноциду и истреблению.

Затем снаружи грохнуло так, что вся простоявшая века постройка едва не сложилась, как карточный домик. Все трое не устояли на ногах и растянулись на полу.

— Что это такое? — закричал Стасик.

Судя по ощущениям, в ход пошли водородные бомбы. Или магия сопоставимой силы.

— Святые линчеватели! — простонала Риана, потирая ладонями виски. — Ну и силища! Кто-то долбанул по крепости от всей души.

— Еще один такой удар, и нас завалит рухнувшим зданием, — заметил Гамал. — Может, выберемся наружу?

— Не думаю, что там сильно лучше, — ответила Риана. — Давайте подождем.

Она замолчала, а затем вдруг выпалила:

— Наши чары спадают! Это значит, что....

Она не договорила, но Стасик и сам все понял. Это могло означать, что Света, Лаура и Синара либо мертвы, либо выведены из строя. Бывшая верховная волшебница Форинга и гостя из склепа были ему, в целом, безразличны. Но Света нет. Стасик как-то не думал о том, что его демоническая подруга может пострадать в этой битве, или даже погибнуть от рук добряков. Но ведь такое возможно. При всей своей мощи, Света ведь не бессмертное божество. Есть предел и ее живучести.

— Я наружу! — выпалил Стасик.

— Ну, все, властелин включил режим берсерка, — с мрачной иронией проронил Гамал. — Разбегайтесь, кто живой.

— Это неразумно, — обратилась к нему Риана. — Мы должны остаться здесь. Там слишком опасно.

— А вдруг Света ранена?

— И что? Ты умеешь врачевать демонов?

— Я нет, но вот Гамал....

— Я тоже не умею, — открестился старый алхимик. — И наружу не пойду. Мне еще жить не надоело.

— Давайте подождем, — предложила Риана. — Вдруг ситуация изменится.

Стасик, который не чувствовал никаких изменений в окутавших крепость чарах, маялся в ожидании. А вот Риана хмурилась все больше. Это могло означать ровно одно — ситуация, как минимум, не улучшалась.

Затем, напугав всех троих, в комнату с шумом ворвалась толстуха. Она имела растрепанный и напуганный вид. Стасик предположил, что эта женщина успела побывать снаружи и увидела там нечто ужасное.

Так оно и было. Матрена выглянула наружу. Всего одним глазком. Но ей и этого хватило. Теперь у нее перед глазами стояла картина кромешного ужаса — кровь, трупы, оторванные конечности, разбросанные в грязи внутренности.

— Иди-ка ты отсюда! — посоветовала ей Риана, которая испытывала к Матрене давнюю неприязнь.

— Да ладно, пусть останется, — вмешался Стасик. — Ей тоже страшно.

Благодарности от Матрены он, конечно, не дождался — та считала ниже своего достоинства благодарить представителей козлиного сословия. Но она осталась в комнате со всеми, пусть эти личности ей были и неприятны. Просто потому что одной было страшно. А там, снаружи, творился форменный ад.

Затем, спустя какое-то время, все они расслышали в коридоре шум шагов и голоса. Риана вскинула руки, готовясь встретить незваных гостей старой доброй черной молнией. Но пускать в ход магию не потребовалось.

— Вот вы где! — вскричала Злюка, врываясь в помещение первой. Девчонка была с ног до головы в крови и грязи. Но глаза ее радостно сверкали.

За ней следом внутрь шагнул Андис с некой ношей на плече. Стасик с удивлением понял, что это незнакомая женщина в белом одеянии.

— Прими же, Свинорыл, мой щедрый дар, — торжественно произнесла Злюка, и с этими словами бывший паладин вручил бесчувственную женщину Стасику. Тот машинально

схватил ее, но не удержал и уронил на пол.

— Кто это? — пробормотал Стасик.

Он-то думал, что соратники принесли раненую Лауру, а перед ним была совершенно незнакомая привлекательная женщина средних лет.

— Баба это, — сообщила Злюка. — Добыта мною в бою и презентована тебе, владыка мрака. Владей же ею по своей черной прихоти.

— Это не просто баба, — тихо вымолвила Риана, взглядываясь в лицо пленницы. — Это же... Нет! Не может быть!

— Что такое? — испугался Стасик.

— Это же Элария!

— Кто?

— Верховная волшебница Ангдэзии. Сильнейший маг нашего мира.

Стасик с ужасом уставился на добытую пленницу. Та была без сознания... пока. Но в любой момент могла очнуться. И тогда им всем не поздоровится. Потому что сильнейшему в мире магу хватит шевельнуть мизинцем, чтобы от несчастного Свиноста не осталось даже воспоминаний.

— Зачем ты ее сюда притащила? — завопил Стасик, шарахнувшись от Эларии, как от ядовитой змеи.

— Трофей же, — пояснила Злюка. — Я думала, тебе нравятся женщины средних лет.

— А где Света? Где Лаура и Синара? Где все?

Злюка покачала головой и произнесла:

— Не видела их. По крепости долбанули чем-то страшным. Стены разрушены, башни тоже. Не знаю, выжил ли хоть кто-то еще.

У Стасика затряслись руки.

— Никто не выжил? — пискнул он. — Никто? Ты точно знаешь?

— Точно не знаю. Зато знаю, что нам пора валить. Магия рассеивается. Скоро стена огня погаснет, и сюда явятся паладины.

Она взглянула на Риану и скомандовала:

— Эй, ведьма, открывай порталы. Уходим.

— Я без Светы никуда не пойду! — уперся Стасик. — Давайте выйдем и поищем ее. Вдруг она....

— Властелин, ты что, дурак? — зло спросила у него Злюка. — Я же тебе сказала — времени нет. Как только магия рассеется, войска Ангдэзии откажутся в крепости.

— Но Света....

— Я все равно не смогу отправить ее сквозь портал, — напомнила Риана. — Если даже она жива, но ранена, мы ничем не сможем ей помочь.

— И что? — срывающимся голосом прокричал Стасик. — Бросим ее, да? И ее, и всех остальных?

— Оставшись, ты им ничем не поможешь. Тебя просто убьют, и все. Лучше отступить.

Злюка подошла к Стасику и потрепала его ладонью по плечу.

— Понимаю, тебе нелегко, — произнесла она сочувственно. — Я тоже чувствую себя паршиво. У нас ведь почти получилось. Мы почти довели этот мир до темного будущего. Но не печалься, Свиноста. Будет еще погром и на нашей улице. Пусть добро и побеждает раз за разом, но злу достаточно сделать это всего единожды. Это случится не сегодня. Но это случится.

— Я согласна с девчонкой, — сообщила Риана. — Нужно уходить, пока не поздно. Я перенесу нас....

— Э, нет! — остановила ее Злюка. — Никаких нас. Тебя могут выследить по оставленному порталом следу. Нужно разделиться. Вначале отправишь Свиноста и меня с ручным человеком, а потом уйдешь сама и захватишь старика. И еще — когда будешь опарялять нас, открывай портал вслепую. На тот случай, если тебя поймают и начнут зверски пытать.

— Вслепую? — поморщилась Риана. — Да ведь я могу зашвырнуть вас куда угодно, в том числе и в совершенно гиблое место.

— Мы готовы рискнуть, — решила за всех Злюка.

— Я не готов! — робко признался Стасик, но его мнение мало кого волновало.

— Ну, хорошо, — вздохнув, согласилась Риана. — В этом есть смысл. Свиноста, я отправлю вас троих куда подалее отсюда, но не могу сказать точно, где именно вы окажетесь. Мы с Гамалом постараемся вас найти, но позже, когда все уляжется.

— Давай, мы готовы! — потребовала Злюка. Она подошла к Стасику и крепко обхватила его за талию. Андис тоже прижался к их компании.

— Эй, а как же я? — прогудела Матрена. — Вы что, бросите меня здесь?

— Да, бросим, — сказала ей Злюка. — Ты жирная, глупая и давно уж мне не нравишься.

— Да ладно тебе, — простонал Стасик. — Ее же здесь убьют.

— И поделом.

— Нет, так нельзя. Эй, ты... Как тебя? В общем, можешь пойти с нами.

— Зачем с нами-то? — возмутилась Злюка, когда Матрена прижалась к ней своим пышным боком. — Вот еще выдумал, Свиноста этакий. И на кой тебе толстуха? Раве что... А, ну да. Поняла. Запас провизии. Что ж, умно. Мне еще многому предстоит научиться у тебя, властелин преисподней.

— Ладно, ребята, готовьтесь, — сказала Риана, направив на них поднятые ладони. — Постараюсь сделать так, чтобы вы не очутились на дне морском или на вершине огромной горы. Но в остальном надейтесь только на удачу.

Стасик чувствовал себя последней гнидой, бросающей на произвол судьбы своих соратников, то ли уже мертвых, то ли раненых и беспомощных. Больше прочих его волновала Света. Но что он мог поделывать? Остаться? В этом случае его просто убьют. Едва паладины ворвутся в крепость, он тут же будет мертв.

— Стой! — вдруг вскрикнула Злюка, обращаясь к Риане.

Она указала на бесчувственное тело Элэрии и приказала Андису:

— Бери ее!

Тот послушно исполнил приказ и взвалил чародейку на плечо.

— Она-то нам зачем? — простонал Стасик.

— Ценная пленница, — пояснила Злюка. — Будем ее пытать и мучить, потребуем великий выкуп. А когда его заплатят, мы обманем добряков, и убьем чародейку. Неплохо, да?

Стасик промолчал. Ему хотелось одного — скорее проснуться из этого бесконечного кошмара.

— Ну, теперь все? — раздраженно спросила Риана. — Я открываю портал. Паладины уже идут к крепости, так что времени нет.

Стасик хотел спросить у Рианы, когда и как та найдет их, но в этот момент яркая

вспышка ослепила его. Он почувствовал, что проваливается куда-то сквозь пол, землю и летит вниз и вниз с возрастающей скоростью. Вокруг, в круговерти тьмы, мелькали разноцветные вспышки. Стасик завопил, но не услышал своего крика. Скорость падения нарастала. От страха он крепко зажмурил глаза и приготовился умереть — ничем иным подобный аттракцион кончиться просто не мог.

Эпилог 1

— Господин, молю вас, давайте чуточку передохнем!

— Терпи, Грыжа. Я сам едва держусь на ногах. Но ненависть к добру и горячая любовь к императору не дают мне пасть духом.

— Господин, одну минутку. Половину минутки. Я больше не могу.

Мортус остановился и обернулся. Его кухарка плелась следом, едва переставляя ноги. Точнее, одну ногу. Вторую она подволакивала, избегая переносить на нее вес своего немалого тела. Широкое и могучее бедро Грыжи было крепко перевязано куском рыцарского плаща. Тряпка потемнела и набухла от крови. Та продолжала сочиться из глубокой раны. Судя по всему, кухарка уже успела потерять изрядную долю своей кровушки. Но то, что давно убило бы любого другого человека, лишь доставило Грыже порцию дискомфорта. Она не только была жива, но и продолжала идти. Правда, медленно, и поминутно прося привала.

Мортус и сам чувствовал себя так, будто с минуты на минуту ожидал пробитие своего смертного часа. Его ранения носили менее серьезный характер. Большую часть ударов, что выпали на его долю в минувшей битве, приняли на себя доспехи. Отменного качества вороненые латы превратились в груды мятого и исцарапанного металлолома. Мортус давно снял их и бросил. Бросил даже свой новенький черный меч. Сейчас каждый лишний грамм мог оказаться роковым. Потому что впереди их ждал долгий и трудный путь, а сил осталось с гулькин нос. Раненая Грыжа сама едва ползла, и ничем не могла помочь своему повелителю. А повелителю приходилось тащить не только свое немолодое измученное тело, но и некую ношу, заботливо завернутую в кухаркин фартук. Ноша та была невелика. Находись Мортус в добром здравии, отдохнувшим и сытым, он бы и не заметил ее у себя на плече. Но в сложившейся ситуации ноша была тяжела, и тяжелела с каждым шагом.

Мортус окинул взглядом серую равнину нейтральной полосы. Ни кустика, ни холмика, ни иного укрытия. Разве что где-то вдалеке, чуть не доходя до линии горизонта, маячило нечто, пока еще не поддающееся опознанию. Мортус понадеялся, что это какие-нибудь развалины или иной объект, где они смогут укрыться и перевести дух.

— Туда, Грыжа, — скомандовал он, кивком головы обозначив цель. — Дойдем — передохнем.

И вновь побрел по серой равнине. За своей спиной Мортус слышал громкое измученное дыхание и стоны кухарки. Грыжа шла. С ее-то раной это было невероятно, но владелец черного замка давно уже убедился в том, что его повариху нельзя мерить обычной меркой. Что другому смерть, то Грыже легкое недомогание. Да и не столько физическое ранение терзало ее, сколько разлука с мужем. Ей почти удалось его вернуть. Почти. Но Андис вновь был вырван из ее любящих рук и унесен в неведомые края. Грыжа понятия не имела, где теперь искать благоверного. Но она твердо решила, что не успокоится, пока не отыщет его. Пусть ей придется исходить весь этот мир, проверить каждый его укромный уголок, заглянуть под каждый камень и в каждую норку, но мужа она отыщет и в семью воротит.

Возможно, воротит посмертно. Но воротит. А что касалось тощей разлучницы, то Грыжа избегала думать о ней, чтобы не лопнуть от злости. Эта гнусная девчонка еще пожалеет, что покусилась на чужую собственность. Ее смерть не будет ни быстрой, ни легкой. Она изопьет великую чашу страданий, или даже несколько штук.

Два измученных злодея медленно брели по равнине нейтральной полосы. Объект, замеченный Мортусом издали, словно нарочно отдалялся от них. Они добрались до него только чрез час.

Это и впрямь оказались развалины — когда-то давно здесь стояла усадьба. Ныне от нее уцелело полторы стены, вокруг которых были разбросаны обломки утвари. Такое себе убежище, даже и не убежище вовсе, а одно название. Но стены давали тень, а о большем Мортус и не мечтал. Он с огромным облегчением сгрузил с плеча свою ношу и бережно опустил ее на землю. Рядом, шумно пыхтя, проследовала Грыжа, и тяжело рухнула на землю. Пот градом катился с кухарки. Ее лицо имело нездоровый бледный цвет. Кровопотеря явно была велика. Грыжа села, задрала подол платья, и оглядела свое многострадальное бедро. Тряпки, которыми она наспех перевязала рану, набухли от крови. Узлы ослабли. Грыжа взялась за дело — развязала свои импровизированные бинты и оглядела ногу. Из крошечной, два заметной, ранки, бодро сочилась кровь. Но рана была крошечной только внешне. Оставивший ее кинжал имел длинный и острый клинок. Оружие вошло глубоко, лишь чудом не зацепив кость. Грыжа понимала, что никакие тряпки не остановят кровотечения. Рану требовалось прижечь. Одна беда — под рукой не было ничего, чем одна могла бы добыть огонь.

— Господин, — робко обратилась Грыжа к Мортусу, который уселся у стены, привалившись к ней спиной, и прикрыл глаза.

— А? — не поднимая век, прогудел тот.

— Мне нужна ваша помощь.

— Я сам себе не могу помочь, — буркнул Мортус. — Чего тебе надо?

Он открыл глаза и скосил взгляд на кухарку. Та виновато указала на свою могучую, покрытую черной шерстью, ляжку, и промолвила:

— Мне бы рану прижечь.

— Смерти ты моей хочешь, — проворчал владетель черного замка. — Я чуть живой, а ты мне предлагаешь колдовать.

— Господин! — всхлипывая, взмолилась Грыжа. — Прижгите ранку. Обещаю, я сама понесу это....

И она кивком указала на завернутый в ее фартук трофей.

Мортус нехотя отлепился от стены и на четвереньках подполз к Грыже. Затем прижал ладонь к ее бедру, накрыв крошечную кровоточащую рану, и сказал:

— Ну, подруга, терпи.

— Действуйте, господин! — потребовала Грыжа.

Мортус заставил воздух под своей ладонью нагреться. Повеяло горелым мясом и жженым мехом. Грыжа даже в лице не изменилась, только плотнее стиснула зубы.

Мортус выждал немного и отнял ладонь. На могучем бедре Грыжи остался темный ожег в форме его руки. Но рана больше не кровоточила.

— Спасибо, господин, — выдохнула Грыжа.

Мортус отмахнулся — дескать, сочтемся, и вновь привалился спиной к фрагменту стены.

— Интересно, далеко еще идти? — помыслил он вслух.

Грыжа ничего не ответила. Она не знала. Нейтральная полоса вся была одинаковая, не содержащая никаких узнаваемых ориентиров. Мортус был уверен, что выдерживает верное направление и движется строго на восток, но как далеко до родной империи, он сказать не мог. И это сильно его тревожило. Потому что сил у него осталось немного. А у Грыжи еще меньше. Тут на ногах-то еле держишься, а ведь еще приходится тащить трофей. И ведь не бросишь его — без трофея им обоим лучше вообще не возвращаться в Кранг-дан. Без трофея им можно просто лечь и умереть — так оно будет лучше всего.

Мортус покосился на фартук Грыжи, из-под которого наружу выглядывали темные, покрытые сетками алых трещин, ноги демона. Эта тварь даже в бессознательном состоянии продолжала источать сильный жар. Спасибо Грыже и ее фамильному фартуку. Драконья кожа хорошо спасала от жара, но даже она не могла полностью защитить плечо Мортуса — у того там успели уже появиться волдыри ожогов. Такие же ожоги украшали его ладони. До встречи с Грыжей он тащил тело демона руками, и даже латные перчатки не защитили его от жара.

И все же, несмотря на полученные ранения и ту скверную ситуацию, в которой они находились, Мортус считал, что ему повезло. Притом неоднократно. Повезло, что Трокус оказался таким самоотверженным героем, и пожертвовал собой ради господина. Повезло, что в общей свалке, когда пособницы Свиностака начали лупить магией по всем подряд, ему посчастливилось уцелеть. Повезло, что он выжил, когда страшный магический удар вдребезги разнес крепость и выкосил почти всех, кто находился внутри. И, конечно же, ему повезло, что он сумел заполучить в свои руки бесчувственного демона.

Затем была еще целая череда мелких везений. Провезло, что созданный Васьком подземный проход уцелел, и позволил Мортусу покинуть крепость. Повезло, что он встретил по пути Грыжу, и позаимствовал у нее огнеупорный фартук. Повезло, что им удалось ускользнуть из-под носа добряков, чья армия наводнила разрушенную крепость.

Мортус понятия не имел, что стало с Безжалостным легионом и его старым приятелем Зертусом. Вступали ли они в битву, и если да, то сумели ли ее пережить? Из тех, кто пришел с ним в крепость, не уцелел никто, кроме Грыжи. Неясной оставалась судьба консультанта, но Мортусу даже думать не хотелось об этом монстре. Добрался ли он до Свиностака, или же нет — теперь это было не важно. В настоящий момент перед ними стояла единственная цель — добраться до земель империи и не погибнуть в процессе. А это могло случиться не только по причине истощения, ран, жажды и местных обитателей. Мортус понятия не имел, что случилось с демоном, и как долго тот пробудет в бессознательном состоянии. Эта тварь могла очухаться в любой момент. И тогда они с Грыжей сразу умрут. Притом не факт, что смерть их будет носить скоропостижный характер.

И все же Мортус и мысли не допускал о том, чтобы бросить свой трофей или попытаться убить его. Страх перед гневом императора был сильнее любых других страхов. Демон еще неизвестно, очнется или нет. А вот если Мортус вернется из своего похода с пустыми руками, то в камере пыток он окажется гарантированно.

Справа от себя Мортус слышал негромкие стенания. Грыжа что-то бормотала себе под нос. Прислушавшись, Мортус уловил отдельные слова: муж, смерть, разлучница, выдавлю кишки. Похоже, кухарка продолжала страдать из-за разлуки с супругом.

— Ничего, Грыжа, жизнь наладится, — попытался подбодрить ее Мортус, хотя сам не больно-то верил в это.

— Я найду его! — твердо произнесла Грыжа.

— Лучше нового мужа заведи, — подкинул идею владетель черного замка. — На старом тьма клином не сошлась.

Грыжа повернула к своему господину свое жуткое лицо, и возмущенно выпалила:

— Как вы можете советовать мне такое? Предлагаете отречься от единственной подлинной любви и заметить ее каким-то новым мужем? Не нужен мне никакой новый муж. У меня уже есть муж. Я верну его и убью всех, кто встанет на моем пути.

— Ну, как скажешь, — бросил Мортус.

Сидеть в тенечке было приятно. Мортус чувствовал, как его неудержимо клонит в сон. Но он не позволил себе поддаться слабости. Спать нельзя. Сон означал гибель. Стоит им задремать здесь, и их участь будет предрешена. Нейтральная полоса убьет их не так, так этак.

— Пора идти, Грыжа, — произнес Мортус.

— Еще минуточку, господин, — взмолилась кухарка.

— Нет, Грыжа, идем. Вот доберемся до наших земель, отдохнем вдоволь. Но сейчас нужно идти.

Мортус с трудом воздвиг себя на ноги. Пошатываясь, он добрал до завернутого в фартук демона, схватил его, ухнул, и забросил на плечо. То тут же начало жечь — даже драконья шкура не могла полностью защитить от жара монстра.

Грыжа кое-как воздвигла себя на ноги. Когда оперлась на раненую ногу, громко охнула, но устояла.

И вновь они побрели по серой равнине — лорд Мортус и его верная кухарка. Каждый из них думал о своем. Мортус пытался представить, какова будет награда за доставленного императору демона. Уж всяко она должна быть немалой. А Грыжа не могла думать ни о чем, кроме своего мужа. Враждебные силы разлучили их. Но Грыжа не собиралась опускать руки. И уж конечно не планировала заводить себе какого-то там нового мужа. Тоже выдумал — нового! Это при живом-то старом. Нет уж, об этом и думать было нечего. Грыжа твердо решила, что оставит службу в черном замке и отправится на поиски. Вот только даст себе несколько дней, чтобы подлечить раны и отъестся свежей человеческой. А затем она выступит в путь. И не успокоится, пока вновь не воссоединится со своим благоверным.

Эпилог 2

Всплытие из глубин обморока сопровождалось болью и тряской. Ильнур застонал и приоткрыл глаза. Он увидел над собой серый тент, и понял, что находится внутри повозки. Лежит в ней на ворохе тряпок, призванных хоть как-то смягчить болтанку на бездорожье.

Он слышал скрип тележных колес, ржание лошадей и людские голоса. Воздух, наполненный едким токсичным зловонием, подсказал ему, что он все еще находится на нейтральной полосе.

Все несчастное тело паладина пульсировало болью. Та имела повсеместный характер, расплываясь из нескольких центров и отдаваясь даже в таких местах, куда явно не сумел бы дотянуться ни один вражеский клинок, даже находишься он в руке темного властелина.

В этот момент телега высоко подпрыгнула на особо сочной кочке, а затем ухнулась обратно. Ее тряхнуло. Ильнура подбросило и ударило о днище. Даже постеленные под ним тряпки не смягчили удара, и он застонал громче прежнего.

В следующий миг он услышал знакомый голос:

— Ты как, брат? Ожил?

Ильнур осторожно задрал голову и заметил подле себя Кольку. Тот был в простой серой рубахе на голое тело, из-под которой выглядывали голые мускулистые ноги. Под рубахой угадывалась плотная повязка, обвившая Колькину талию.

— Ты как? — чуть слышно спросил Ильнур.

Его голос прозвучал хрипло. Во рту у верховного паладина Форинга было сухо, как в знойной пустыне.

— Да явно лучше, чем ты, — ответил Колька и невесело улыбнулся. — Пить хочешь?

— Умираю от жажды.

В Колькиной руке появилась фляга. Он бережно приподнял голову Ильнура и поднес горлышко емкости к его губам. В рот паладина хлынула теплая водица. Он жадно глотал ее, пока не поперхнулся и не закашлялся.

— Ну, все, все, — сказал Колька, убрав флягу и вернув голову Ильнура на импровизированную подушку, коей служил чей-то сложенный вдвое кафтан. — Хорошего понемногу.

Ильнур прокашлялся, отдышался, и понял, что чувствует себя чуть лучше, чем минуту назад. Порция воды пошла ему на пользу. Но куда большую пользу оказало бы оперативное вмешательство толкового целителя. Странно, что им до сих пор никто не занялся.

Колька словно прочел его мысли и невесело посоветовал:

— Ты уж, брат, терпи до Форинга. Тут тебе помочь некому.

— Почему? — простонал Ильнур.

— Да ты ведь ничего не знаешь.

— Чего не знаю?

Ильнур почувствовал страх. Что еще такого случилось, о чем он не в курсе?

Колька какое-то время молчал, а затем сердито выпалил:

— Да, недооценил я гнусного Стасика. Ох и недооценил же!

— Ты о чем? — прошептал Ильнур, напуганный неизвестностью.

— Да я и не знаю, как тебе сказать. В общем, это была ловушка.

— Ну да, знаю, — быстро сказал Ильнур. — Они отрезали наших чародеев огненной стеной и напали на них. Рогзар погиб.....

Сказав это, Ильнур потрясенно замолчал. Он только сейчас вспомнил об этом. И ему до сих пор не верилось, что верховный паладин Ангдэзии, легендарный герой и защитник добра, пал. И от чьей руки! Его сразил не черный маг, и не Свиноста, будь он трижды проклят. Несчастный Рогзар был убит Лаурой, гнусной предательницей, которую Ильнур некогда считал своим другом и образцовой добрячкой.

— Знаю, — произнес Колька. — Многие погибли, Ильнур. Многие.

— Многие? Что ты имеешь в виду?

— Не просто так эти уроды погасили солнце. Они призвали всех чудовищ нейтральной полосы, бестий и нежить, таящуюся в земле, и натравили на наше войско. Притом в тот самый момент, когда оно было занято отражением атаки злодейской армии. Ильнур, если бы ты видел убитых. Им не было числа. Целое поле трупов.

Верховный паладин Форинга онемел от изумления и ужаса. Ему понадобилось время, чтобы все осознать и принять. Он наконец-то увидел план Свиноста во всей его чудовищной полноте. Темный властелин все знал. Знал и о них, и о войске империи. И подготовил им теплый прием. Опять. Уже второй раз этот негодяй переиграл всех, теперь

уже по крупному.

И все же Ильнур продолжал цепляться за надежду, что столь высокая цена не была заплачена впустую. Что цель их была достигнута, и Свиностас повержен.

Он осторожно спросил:

— А что там со Свиностасом?

Колькин ответ заставил паладина содрогнуться.

— Сбежал, паскуда! — процедил тот сквозь зубы. — Говорят, ушел через портал. Выследить его не удалось. Да и некому было. Большая часть чародеев погибла, а те, что на ногах, вынуждены были взвалить на себя обязанности целителей. Много раненых. Без срочной помощи они не выживут.

— А что же с нашими целителями? — чуть не прокричал Ильнур. — Они ведь оставались в лагере.

— Там они и остались, — печально проронил Колька. — Злодейское войско первым делом атаковало наш лагерь, перебив и лекарей, и слуг, и вообще переломав и перепортив все, до чего дотянулись. Гнусные нелюди!

— Так Свиностас сбежал, — произнес Ильнур, чувствуя, как по его израненному телу расходятся волны трусливой дрожи. Эта тварь все еще была жива. И продолжала представлять угрозу всему этому миру.

— А его демон? — спросил он. — Демона-то хоть убили?

Колька испустил тоскливый вздох и проронил:

— Нет, Ильнур. Демон пропал. Просто исчез, и все.

— Пропал? Исчез?

Ильнур едва сдержался, чтобы не исторгнуть из груди крик ярости и отчаяния. Все было напрасно. Все! Все принесенные жертвы были впустую. Свиностас жив. Его демон тоже Погибли только пешки — рядовые злодеи, сбежавшиеся на зов Свиностаса. Тому не составит труда собрать новую ватагу. На свете немало грязных тварей, только и ждущих случая примкнуть к темному властелину.

— Но почему Элария не покончила с демоном? — спросил Ильнур.

— Она пыталась, — ответил Колька. — Но, видимо, не смогла.

— А что с ней самой? Верховная волшебница не ранена?

Ответа не прозвучало, и Ильнур не на шутку встревожился.

— Николай, брат, ты чего молчишь-то? — выпалил он. — Что с Эларией?

Колька чуть слышно произнес:

— Ее похитили.

— Что? — ахнул Ильнур. — Похитили? Да кто? Злодеи?

Но в глубине души Ильнур уже знал ответ на этот страшный вопрос.

— Не думаю, — ответил Колька. — Мне кажется, это были пособники Стасика. Среди них был Андис.

— Что? — взвыл Ильнур. — Андис? Подожди-подожди! Какой Андис? Тот самый Андис?

— Да, Ильнур, тот самый.

— Но ведь он угодил в лапы к Свиностасу и....

Ильнур осекся. Что же выходило — Андис никакой не пленник, а предатель? Этот столичный мажор добровольно примкнул к властелину нейтральной полосы? Да как такое возможно? Что вообще подвигло его на это?

— Это был Андис, — повторил Колька. — А с ним какая-то девчонка. Они подобрались ко мне, а я, дурак, расслабился. Вот и получил за это.

— И они забрали Эларию?

— Да. Она истратила все силы на удар по крепости. Похоже, пыталась убить демона, или вообще всех. После чего лишилась чувств. Вот ее и забрали.

— И она сейчас у Свиностаса?

— Да откуда я знаю! — раздражено бросил Колька.

А затем уже спокойнее добавил:

— Где бы она ни была, она явно не среди друзей.

Известие о том, что Элария оказалась в потных лапах Свиностаса, повергло Ильнура в отчаяние. Сильнейшая чародейка этого мира была грозным козырем в борьбе с темной империей. И вот теперь Ангдэзия лишилась ее. Как скоро Дакрос узнает об этом? Скоро. Очень скоро. В Ангдэзии орудовало достаточно шпионов врага, чтобы узнавать и доносить своему хозяину все последние и самые важные новости. И вот когда Дакросу станет известно, что Элария больше не стоит на страже королевства добра, что же он предпримет? Решит выждать и не пороть горячку, или попытается немедленно воспользоваться этим шансом? Зная императора, Ильнур скорее поставил бы на второй вариант. Особенно с учетом того, что королевское войско Ангдэзии понесло ощутимые потери. Есть, правда, призванные герои, что базируются в приграничных городках, но даже их совместных сил будет недостаточно, чтобы дать отпор легионам темной империи.

— Как же так? — спросил Ильнур в отчаянии. — Что теперь будет?

Он взглянул на Кольку. Тот сидел рядом с ним, мрачный и подавленный.

— Где мы сейчас? — спросил Ильнур.

— На пути в Ангдэзию. Уцелевшие командиры приняли решение немедленно уходить с нейтральной полосы. Все опасаются новой атаки Свиностаса. Больше, правда, похоже не на отступление, а на бегство. Они даже бросили почти всех убитых. Собрали только тела самых знатных и родовитых рыцарей.

Ильнур почувствовал тошноту. С точки зрения общего блага такой шаг был оправдан. Мертвые мертвы, им уже ничем не поможешь, а пышные похороны и забота о бездыханных телах лишь бессмысленный ритуал. Но как человека и воина его коробило подобное решение. Бросить на растерзание монстрам трупы своих товарищей — дожили! Ладно, когда так поступает темная империя. Злодеи на то и злодеи, им положено проявлять бесчеловечность и к живым, и к мертвым. Но Ангдэзия всегда придерживалась иных принципов. Всех погибших старались доставить их родным, дабы те смогли придать своим сыновей и мужей достойному погребению.

— Многим это решение не пришлось по душе, — продолжил Колька. — Но другого выхода не было. Без Эларии мы бы не выдержали повторной атаки.

«Мы ее и так не выдержим» подумал про себя Ильнур.

Теперь, когда они лишились верховной волшебницы, Ангдэзия беззащитна. Кто бы ни обрушился на нее — Кранг-дан ли, Свиностас ли — это станет настоящей катастрофой. Даже если каким-то чудом и удастся отразить нападение, цена победы будет непомерной.

— Без Эларии мы обречены, — промолвил Ильнур. — Ее нужно вернуть. Любой ценой.

— Возможно, король пошлет кого-нибудь на ее поиски, — предположил Колька.

Ильнур поморщился. Да, король пошлет. Когда-нибудь. Но случится это еще очень нескоро. Сейчас на первом месте будет стоять оборона ослабленного королевства.

Отправлять людей на поиски Эларии, которая неизвестно где и в чьих руках, непопустительная роскошь, когда в любой момент может начаться полномасштабное вторжение, и на счету будет каждый рыцарь и каждый маг.

— Ага, пошлет, — буркнул Ильнур.

А сам подумал о своих апартаментах в резиденции ордена. Там, в тайнике за комодом, покоился пузырек великолепного лечебного зелья. Ильнур берег это сокровище на черный день. На самый черный. И вот он, кажется, настал. Это зелье поставит его на ноги даже с нынешними многочисленными ранами. Он, конечно, не исцелится на сто процентов, но сможет стоять на ногах и держаться в седле. И меч он удержит, если на то пошло. А большего ему и не надо.

Ильнур решился на все сразу и без колебаний. Ответственность перед Форингом отошла на второй план на фоне глобальной угрозы всему королевству. Пока Элария не вернется в Англэзию, все добрые люди будут жить в постоянной опасности. Вот он и вернет ее. Сам. Один. До своего назначения в Форинг Ильнур несколько лет геройствовал в одиночку, и имел большой опыт подобного рода. Он отыщет Эларию и освободит ее, а если повезет, то заодно покончит со Свиностаем. Это сейчас главное. В этом состоит его долг как святого рыцаря. Покарать зло и спасти верховную волшебницу. И плевать, что действовать придется в одиночку. Ильнур был вполне уверен в своих силах. Более того, один он чувствовал себя даже лучше, чем во главе большого отряда. Не надо ни о ком заботиться, ни о ком переживать, обременять себя чужими проблемами.

— Ильнур, ты чего замолчал? — спросил Колька. — О чем задумался?

— Да нет, ни о чем, — ответил тот. — Так, перевариваю новости.

— Да уж, новости еще те. Хочешь еще попить?

— Нет, — ответил Ильнур. — Я лучше подремлю. Что-то голова кружится. Наверное, от тряски.

Он прикрыл глаза и сделал вид, что погрузился в сон. А сам он, в это время, прикидывал, с чего начать поиски, куда направиться, кто может подсказать ему местоположение Свиностае и его пленницы. Дельце намечалось непростое, но Ильнур уже все решил. Хватит играть по правилам Свиностае. Лучше навязать ему свои. Выследить гада, подобраться к нему, когда он не будет этого ждать, и вонзить клинок в его черное сердце. После чего сразу все наладится и станет как прежде.

Во всяком случае, Ильнуру очень хотелось в это верить.

Эпилог 3

— Свиностае! Эй, Свиностае! Властелин, твою душу мать!

Стастик открыл глаза. Над ним нависло худое, вечно злобное личико юной соратницы. Злюка трясла его за плечи. Найдя эти меры воздействия недостаточными, она уже отвела руку, планируя залепить властелину крепкую любящую пощечину.

— Стой! — крикнул Стастик. — Я очнулся.

Злюка с явным сожалением опустила руку. Было видно, что ей очень хотелось ударить властелина. Не со зла, а так, по привычке.

— Живой, значит? — спросила она. — А я гляжу, лежишь, не двигаешься. Думала — не сдох ли, часом, повелитель Свиноморд? Уже к сапогам твоим присмотрелась.

— Я Свиностае, — напомнил Стастик, и тут же, чертыхнувшись, выпалил. — Стасе я! Стасе! Никаких свиноей в моем имени нет. И не будет!

— Зря ты так, — покачала головой Злюка. — Пойми: имя — важнейшая часть образа темного властелина. Его самого ведь редко кто видит. Он где-то там — далеко-далеко, в стране вечного марка и неизбывного ужаса, восседает на черном троне и скрежещет зубами. Разве что в решающий час эпической битвы выйдет наружу с булавой огромной, дабы внести свой бесценный вклад в победу над добром. Но имя его постоянно гуляет по миру, передается из уст в уста, ввергает в трепет и заставляет добрых людей беспокойно ворочаться в своих постелях. Его именем пугают детей и взрослых, его произносят благоговейным трусливым шепотом. И нет ничего хуже для темного властелина, чем постоянно менять имена. В этом мире ты известен как Свиностаc. Свиностаcа боятся. А после недавних событий будут бояться еще больше. А кто такой Стаc? Никто не знает Стаcа. И, что главное, никто его не боится. Понял?

— Да не хочу я, чтобы меня боялись, — проворчал Стаcик и сел. Сел, огляделся, и изумленно ойкнул.

С первого взгляда стало ясно, что они покинули пределы нейтральной полосы. Потому что на нейтральной полосе не было и не могло быть такого буйства зелени. А в настоящий момент вокруг них вставал дремучий древний лес. Деревья, огромные, плотно взрослые, сплетались ветвями, образуя над собой непроницаемый полог из тысяч крон. Сквозь лес протекала небольшая речушка. На ее-то берегу Стаcик и обнаружил себя с компанией.

— Где мы? — спросил он, на тот случай, если вдруг его спутница в курсе.

Оказалось, что нет.

— Почему мне знать, куда нас зашвырнула глупая ведьма, — фыркнула Злюка. — Она и сама едва ли это знает. И это хорошо. Тем меньше шансов, что нас выследят и посадят на кол. Всех на один.

От одной мысли, что его несчастное тело могут водрузить на огромную острую палку, Стаcику стало тошно. Пусть он и не ощутит боли, когда кол пропорет навывлет его несчастное тело, но разве от этого будет легче? Боль милосердно убила бы его в считанные секунды. А так придется болтаться на колу минуты, а то и часы.

— Нас точно не выследят? — быстро спросил он, схватив Злюку за руку.

— Да не должны бы, — ответила та, притом так небрежно, словно перспектива очутиться на колу несколько ее не тревожила. — Не думаю, что им сейчас до того. Немало добряков и злодеев полегли нашими стараниями. Как представлю, скольких порвали на куски твари нейтральной полосы, аж душа поет. Свинорыл, а у тебя поет?

— Нет! — отрезал Стаcик.

— Ясно. Все время забываю, что ты бездушная тварь. Везет же тебе.

Стаcик поднялся на ноги и еще раз окинул взглядом окрестности. Вокруг вставал лес. Настоящие дебри. Таких огромных и часто стоящих деревьев Стаcик не видел никогда. Впрочем, где бы он увидел их, если за всю жизнь почти не покидал родного города?

Чуть в стороне он заметил Андиса. Паладин смиренно сидел на прибрежном песочке и, как замороженный, наблюдал за медленным течением воды. Рядом с ним лежало бесчувственное тело Элари.

Стаcик нахмурился и спросил:

— А где... эта?

— Кто? — уточнила Злюка. — Кого тебе еще не хватает?

— Та женщина плотного телосложения.

— Толстуха-то? Да тут она. Свинорыл, только не говори, что этот центнер сала в твоём

вкусе. Ты, конечно, темный властелин, сосуд мерзости, греха и порока, но всему должен быть предел. Я понимаю твои забавы с пленными эльфийками, но соблазниться этой жирной хавроньей... Воистину, своим падением во тьму мерзости ты перецеголял всех императоров Кранг-дана.

— Да ничего такого! — возмущенно вскричал Стасик. — Просто волнуюсь за нее.

— Зачем? — искренне удивилась Злюка. — Я взяла ее с собой только на случай перебоев с пищей. Вдруг ведьма зашвырнула бы нас в пустыню, или в северные земли, где лишь снег под ногами, да обледенелые скалы вокруг. Но здесь, в лесу, еды хватает. Толстуха не нужна. Предлагаю убить ее, чтобы не действовала на нервы. Хочешь сделать это сам?

— Нет!

— Доверишь мне?

— Нет! Я запрещаю ее убивать.

— Обоснуй.

Стасик понятия не имел, как обосновать свое нежелание убивать невинных людей. На его взгляд, это не нуждалось ни в каком объяснении, ибо было очевидным и самым собой разумеющимся. Но Злюка, происходящая из темной империи, считала иначе.

— Такова воля властелина, — извернулся Стасик.

— А, ну если ты так ставишь вопрос, тогда ладно, — не стала настаивать Злюка. — Видно, у тебя на эту жирную свои планы. Хочешь сделать с ней что-то страшное, да, Свиностас? Терзать и мучить, наслаждаясь поросычьим визгом. Ох и злодей же ты, однако.

Стасик не стал оправдываться. Пусть эта сумасшедшая девчонка думает о нем, что хочет, лишь бы никого не убивала.

В этот момент на берегу появилась Матрена. Она вышла из зарослей, на ходу поправляя подол платья. Стасик заранее сморщился — эта полная барышня имела удивительно пронзительный визгливый голос и тягу к скандалам. Меньше всего ему сейчас хотелось становиться свидетелем ее истерики.

Но вот странность — Матрена не только не принялась истошно орать, но и выглядела вполне довольной. Стасик с оторопью заметил на ее рубах мечтательную улыбку. И чему могла радоваться эта женщина? Они находились бог знает где. Возможно, в каком-то диком краю, откуда до ближайшего людского поселения идти три года с половиной. Пусть Злюка и считала, что в лесу много пищи, лично Стасик понятия не имел, как добывать пропитание в естественных условиях. Впереди их, в лучшем случае, ждал суровый сурвайвл. А в худшем встреча с представителями здешнего животного царства, в числе каковых могли оказаться даже драконы.

— Вот и жирная нашлась, — констатировала Злюка. — Поди, бегала в лес за желудями.

И злобная девчонка радостно засмеялась. Стасик ее не поддержал. Его всегда коробило, когда кто-то начинал зубоскалить на тему чуждой внешности и ее недостатков. Но он понимал, что объяснить Злюке всю неправильность подобного поведения будет невыполнимой задачей. Скорее всего, злодейка вообще не поймет, о чем он толкует. Или поймет, но исказит смысл до обратного значения.

Стасик вновь взглянул на лежащую на песке Эларию. Волшебница была бледна и до дрожи напоминала труп. Ее грудь едва заметно вздымалась, дыхание было редким и слабым. И все же это была Элария — верховная волшебница Ангдэзии, сильнейший маг этого мира. И если она очнется...

— Слушай, надо что-то сделать с волшебницей, — сказал Стасик, обратившись к Злюке.

— Да, я тоже об этом подумала, — кивнула та. — Пока ты валялся тут без чувств, я успела набросать кое-какой план действий. Короче, гляди: вначале мы хорошенько ее связываем. Закупориваем рот мхом. Затем подвешиваем за ноги на суку и разводим костерок. А после....

Стасик решил, что не хочет дослушивать до конца этот дьявольский план.

— Давай ее просто свяжем, — предложил он. — Без подвешивания и костра.

— А какой в этом смысл? — растерялась Злюка. — Если ее не пытаться, то на кой ее связывать?

— Вдруг она очнется. Она ведь может убить нас одним заклинанием.

Злюка задумчиво нахмурилась, а затем произнесла:

— А ты соображаешь, властелин. Колдунья опасна. Я бы отрубила ей кисти рук и отрезала язык. И сиськи тоже.

— Нет, мы ее просто свяжем и заткнем рот кляпом, — быстро сказал Стасик. — Тогда ведь она не сможет колдовать, да?

Сам он понятия не имел, на что способны здешние чародеи и можно ли обезопасить их, лишив возможности шевелить руками и говорить.

— Да, наверное, — неуверенно вымолвила Злюка. — Хотя я не знаю точно. К тому же это Элария. Кто знает, на что она способна? Потому и предлагаю пустить в ход это.

И Злюка с умопомрачительной скоростью выхватила из ножен свой кинжал. На его клинке еще темнели пятна засохшей крови. Стасика замутило, и он отвел взгляд от оружия.

— Нет, мы все же рискнем, — сказал он. — Свяжем ее.

И добавил:

— Она ценный заложник. Ты же сама говорила.

— Да, это так, — согласилась Злюка. — Добряки заплатят обоз золота, лишь бы вернуть ее. Но злодеи могут дать еще больше, лишь бы она не вернулась в Ангдэзию.

— Не нужно мне их золота, — отмахнулся Стасик. — Но если кто-то из них захватил Свету, мы сможем обменять ее на волшебницу.

— За демона тревожишься, — понимающе кивнула Злюка. — Ты, я вижу, никем не брезгуешь. Порочная ты свинья, властелин.

Тут она отступила, откинула Стасика взглядом, и воскликнула:

— Так вот откуда эти бинты! Обжегся, когда блудил с демоном. Свиностае, ну ты и потаскун! Тебя ничто не останавливает.

— И вовсе у меня не ожоги, — обиженно проворчал Стасик. — И ничего такого я со Светой не делал. Со мной произошел несчастный случай.

— Расскажи! — потребовала Злюка. — Или нет! Стой! Я угадаю. Ты пробрался в покои прекрасной принцессы, и начал насильно растлевать ее во всяких позах. А затем внезапно ворвался ее отец, король-чародей, и запустил в тебя огненным шаром. Так все и было, да?

Стасик поджал губы и промолчал. Огненный шар действительно был. Вот только все обошлось без принцессы и прочего. Обстоятельства своего превращения в монстра Стасик считал постыдными. Ему не хотелось ими хвастаться. Хотя, расскажи он обо всем Злюке, та, скорее всего, сочла бы его историю очередным веселым приключением темного властелина. Еще бы — он был зазывалой в шайке гоблинов и заманивал на смерть невинных героев добра. С точки зрения злодейки это доблестный поступок.

— Давай займемся волшебницей, — предложил Стасик, торопясь сменить тему. — Чем нам ее связать?

— Можно содрать кожу с толстухи и нарезать из нее ленточек. Ленточек получится много. С этакое-то бегемота! Мы еще на излишке озолотимся.

— Нет, это не наш путь.

— Ну, тогда....

Злюка задумчиво нахмурилась. Затем, повернувшись к Андису, крикнула:

— Эй, раб! Ко мне!

Андис взвился на ноги и стрелой подлетел к своей хозяйке. Он разве что хвостом не вилял, как послушная собачонка, но подобным аксессуаром Андис еще не обзавелся.

— Слушай сюда, — скомандовала Злюка. — Ступай в лес и нарежь там лиан или гибких молодых побегов. На!

Она протянула ему свой кинжал.

— Далекое не уходи. Если заблудишься и не сможешь вернуться, я буду тобой недовольна.

Андис яростно затряс головой, давая понять, что скорее умрет, чем огорчит свою владелицу. А затем быстро пошел в лес и вскоре скрылся в зарослях.

— Так что теперь? — спросил Стасик. — Что нам делать?

— Нужно выбираться из леса, — ответила Злюка.

Она подняла взгляд на небо и громко цокнула языком.

— Солнце клонится к закату. Скоро начнет смеркаться. Неразумно будет соваться в дебри на ночь глядя. Здесь, по крайней мере, есть источник воды.

И она указала на крошечную речушку, несущую мимо них свои прозрачные воды.

— Переночуем тут, — решила Злюка. — Если повезет, раздобудем еды. Если нет — сожрем толстуху, что тоже, в своем роде, везение. А завтра поутру решим, куда идти.

— Я где-то читал, что если заблудился, нужно идти вдоль течения реки, — робко сообщил Стасик.

— Надо же, — удивилась Злюка. — А я думала, что ты штудировал только черные книги адских заклинаний и учебные пособия по пыточному ремеслу. Идти по реке, говоришь? Ну, смысл в этом есть. Обычно люди селятся вблизи рек. Если выйдем к человеческому селению, все значительно упростится. Хоть узнаем, где мы, получим одежду, провизию, лошадей.

— А чем мы за это заплатим? — задал глупый вопрос Стасик.

Злюка рассмеялась.

— Ну и шутник же ты, Свиноста. Чем, говорит, заплатим. Давно ли ты за что-то платил?

Стасик и сам понял, что сморозил глупость. С каких это пор темный властелин и его свита честно покупали то, что приглянется. Темный властелин просто берет, а тем, кто против, отрывает головы.

Матрена подошла к ним, но приближаться не стала. Она топталась на берегу и с мечтательной улыбкой обзревала лесные дебри.

— Эй, жирная, что скалишься? — спросила у нее Злюка. — Услыхала зов природы? Аромат желудей вскружил тебе голову? Не сдерживайся. Ступай и полакомись. Возможно, это твой последний шанс набить брюхо.

Матрена метнула на мелкую злодейку быстрый враждебный взгляд, но промолчала. Она считала ниже своего достоинства объяснять что-либо этой маньячке и ее забинтованному приятелю. Они ничего не понимали. В отличие от Матрены. Та-то сразу все сообразила, чай

не дура. Судьба вела ее к цели. Пусть путь этот выдался тернистым и долгим, но он неотвратимо приближал ее к осуществлению давней мечты. Вот они уже и в лесу. В настоящем диком лесу, древнем и огромном. А где еще водиться эльфам, как не в лесах? Где-то здесь, скорее всего неподалеку, высится дворец прекрасного эльфийского принца. Матрена не сомневалась, что окажется в нем со дня на день. И вот тогда-то ее мучения кончатся, сменившись вечным блаженством и морем романтики.

Из зарослей появился Андис, волочащий за собой по песку пучок длинных молодых стеблей.

— О, то, что надо! — обрадовалась Злюка. — Властелин, позволь мне связать волшебницу. Обожаю связывать людей.

— Хорошо, действуй, — разрешил Стасик, у которого не было опыта подобного рода. — Только постарайся не затягивать веревки слишком крепко, чтобы не нарушить кровообращение.

— Какой же ты эгоист, — поразилась Злюка. — Сам хочешь умучить волшебницу. А мог бы и поделиться.

Она опустила на колени, взяла один из стеблей, и, вооружившись подобранным на берегу камнем, стала размягчать будущую веревку. Андис какое-то время наблюдал за ней, затем сел рядом и взял другой стебель.

Стасик отвернулся и прошелся взглядом по густой стене леса. И куда его занесло? И где теперь его друзья и союзники? Больше прочих он волновался за Свету. Едва ли она могла погибнуть, но вдруг злодеи или добряки схватили ее? Если так, бедняжку не ждет ничего хорошего. Добряки могут попытаться уничтожить ее, а злодеи заставить служить себе. И никто в этом мире не сможет спасти плененную Свету, кроме него, жалкого беспомощного Стасика, который не мог позаботиться даже о самом себе.

Тут Стасик почти начал привычным манером жалеть себя, но в самый разгар процедуры вдруг остановился, чувствуя к себе уже не жалость, а омерзение. Ну да, жалкий, ничтожный, беспомощный. Но ведь это он вытащил Свету из темницы. Там она, по крайней мере, была жива и не подвергалась мучениям. А что с ней будет теперь, одному богу известно. И это он виноват во всем, что с ней случится.

— Да разве я смогу ее спасти? — прошептал Стасик в полном отчаянии.

Он покосился на своих спутников. Да уж, отряд у него был еще тот: толстая неадекватная особа, тощий неадекватный Андис, сумасшедшая маньячка с кинжалом и пленная вражеская чародейка. С таким воинством в самый раз идти войной на могучие державы этого мира.

Прежний Стасик в подобной ситуации поступил бы ожидаемо — махнул бы на все рукой и стал привычно выискивать уютную норку, куда бы он мог забиться и просидеть в ней остаток своей никчемной жизни. Но правильный мир приложил немало сил, чтобы изменить Стасика. И теперешний он даже мысли не допускал о том, что можно бросить Свету на произвол судьбы. Пусть он понятия не имел как, он ему нужно ее спасти. Даже если для этого придется совершить нечто невозможное.

— Эй, властелин, ты все равно ничего не делаешь, — услышал он голос Злюки. — Прогуляйся, поищи харчей. Скоро стемнеет. Нужно чем-то отужинать.

Стасик уже приготовился сказать, что ничего не смыслит в съедобных дарах природы и попытаться переложить ответственность на чужие плечи, но в последний момент прикусил себе язык. Собрался спасти Свету, а сам не может поикать съедобных орешков или ягод. А

на самом деле, просто боится отойти от группы и остаться в этом лесу в одиночестве. Нет, так не пойдет.

— Ладно, — сказал он. — Посмотрю. Только я не слишком разбираюсь в съедобных растениях.

— Да ты тащи все подряд, что найдешь, — крикнула Злюка. — Грибы, ягоды... все. Мы на месте определим, что из них съедобное, а что нет. Вон, толстуху накормим, и поглядим, что будет. Если выживет — перекусим. Если околеет — порадуемся на голодный желудок.

Стасик тяжело вздохнул и побрел вдоль реки. Затем поднялся выше, приблизился к стене леса, поколебался, и вошел в заросли. Упругие ветви сомкнулись за его спиной. Под ногами зашуршал толстый ковер палой листвы, мелких сучьев и огромных старых желудей. В лесу было сумрачно и тихо. Стасик остановился и прислушался, различив чуть слышный плеск воды в реке.

— Не заблудиться бы, — пробормотал он с опаской.

В этот момент с берега донесся крик Злюки:

— Властелин, если заплутаешь, то не стесняйся — кричи. Мы отзовемся.

Это обещание мало обнадежило Стасика. И все же он медленно двинулся вперед, вертя головой и посматривая под ноги. Он искал знакомые объекты — грибы, ягоды, орехи, но не замечал ничего подобного. А в голове его, меж тем, бродили вопросы без ответа. Что делать дальше? Как спасти Свету? Как вообще узнать, где она и что с ней? Как он теперь будет выживать без снадобий Гамала и свежих бинтов?

Стасик остановился, прижался спиной к морщинистой коре могучего дерева, прикрыл глаза и застонал. Не так, ох, не так он представлял себе свои приключения в правильном мире. Напрасно он ждал, что с ним начнут происходить типичные попаданческие чудеса. Ни сверхъестественные способности в нем не проявились, ни магический дар великой силы, ни искусство непревзойденного мечника. Ему не достался даже гарем эльфиек. Похоже, придется справляться своими силами, скудными и жалкими.

— Вообще ни разу не правильный мир, — проворчал Стасик.

Он открыл глаза, отлепился от ствола дерева, обогнул его и внезапно замер.

Прямо ему в лицо смотрел стальной наконечник стрелы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net